

**20 лет постсоветской России:
кризисные явления
и механизмы модернизации**

**Материалы XIV Всероссийской научно-практической
конференции Гуманитарного университета
19–20 апреля 2011 года**

Том первый

**Ценностный и институциональный кризис
современной России: субъекты и практики**

**Региональные процессы и развитие федерализма
в постсоветской России**

**20 лет правового развития России:
результаты и перспективы**

**Образование в постсоветской России:
трудный путь модернизации**

**Языковое и культурное пространство
постсоветской России**

Гуманитарный университет

**Екатеринбург
2011**

УДК 30
ББК 87.6
Д 22

Рекомендовано к изданию Ученым советом
НОУВПО Гуманитарный университет

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. Л. А. Закс
д-р филос. наук, проф. Л. А. Мясникова
д-р юр. наук, проф. А. П. Семитко
д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек
д-р психол. наук, проф. Е. Б. Перельгина
д-р филос. наук, проф. Г. Е. Зборовский
канд. ист. наук, доцент К. И. Зубков
канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева
канд. филос. наук, доцент С. Е. Корчемкин
канд. пед. наук Л. В. Росновская
канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов
канд. пед. наук И. С. Бусыгина
д-р филол. наук, проф. О. Г. Сидорова

Д 22

20 лет постсоветской России: кризисные явления и механизмы модернизации: материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции Гуманитарного университета, 19–20 апреля 2011 года: доклады / Редкол.: Л. А. Закс и др. : в 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2011. – Т. 1. – 728 с.

ISBN 978-5-7741-0159-7

На конференции объединенными усилиями представителей различных областей социально-гуманитарного знания осмыслен 20-летний опыт строительства постсоветской России; выявлены основные тенденции ее становления, соответствие произошедших изменений идеалам, с которых началась перестройка в 90-е годы; проанализированы причины, факторы кризисных явлений, «откатов вспять», механизмы стагнации, а также особенности и механизмы модернизации России.

В томе первом усилиями философов, культурологов, политологов, социологов, историков, регионоведов, юристов и лингвистов выявляются причины и факторы ценностного и институционального кризисов, а также возможности их преодоления, проблемы и тенденции развития права, противоречия модернизации образования, сложности и неоднозначность развития российских регионов, их взаимодействия с центром, негативные и позитивные изменения в языковом и культурном пространстве постсоветской России.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-гуманитарной сферы, студентам, аспирантам.

ISBN 978-5-7741-0159-7

© Сборник. Гуманитарный ун-т, 2011
© Оформление. Гуманитарный ун-т, 2011

Содержание

Раздел первый Ценностный и институциональный кризис современной России: субъекты и практики	15
<i>Л. А. Закс</i> О кризисе современного российского общества	16
<i>Э. А. Паин</i> Роль общества и культуры в современной российской модернизации	37
<i>К. М. Ольховиков</i> Кризис современности в России	60
<i>О. А. Блинова</i> С чего начинается модернизация России?	65
<i>И. Я. Рожков</i> Бренд-имидж России	69
<i>В. А. Медведев</i> Развитие российского общества в условиях качественного преобразования его институциональной конфигурации	74
<i>А. Н. Веряскина</i> Ценности российского менталитета в условиях модернизации	79
<i>И. Б. Фан</i> Недоверчивое и разобщенное общество: что дальше?	84
<i>О. К. Крокинская</i> Не быть, не состояться	89
<i>Т. А. Круглова</i> Проблема преемственности социальных институтов и общностей в процессе модернизации: наследие советских практик совместности	94
<i>Н. Н. Исаченко</i> Рессентимент – источник изменения мировоззрения	100
<i>Л. Н. Васильева</i> Эрзац-элиты как субъект ценностного и институционального кризиса современной России	104
<i>Л. И. Забара, Ю. А. Семенова</i> Институциональные механизмы формирования гражданской идентичности личности в условиях кризисного развития современной России	109
<i>О. Ф. Русакова</i> Философия гибкой силы и ее политические практики	114

<i>Г. А. Брандт</i> Опыт исследования «нравов» как институтов (на материале книги Н. Рис «Русские разговоры»)	118
<i>Н. Ю. Масленцева</i> Стиль жизни в трансформирующемся обществе	123
<i>Е. А. Ревуцкая</i> Тенденции архаизации в российском социокультурном процессе	127
<i>Д. В. Лебедев, Г. В. Лебедева</i> Проблема «проработки» прошлого в контексте модернизации современной России	132
<i>П. Г. Абушкин</i> Иллюзия и реальность модернизации социальной сферы	136
<i>Н. К. Эйнгорн</i> Проблемы модернизации этики и морали в постсоветской России	140
<i>В. Л. Афанасьевский</i> Онтологические основания толерантности (к постановке проблемы)	143
<i>О. С. Гилязова</i> Толерантность в современном мире: кризис идеи или необходимость переосмысления?	148
<i>Л. С. Чернов, Е. Ю. Погорельская</i> Современный чужой	153
<i>А. В. Шишигин</i> Методологические проблемы этносоциальных исследований в современной России	163
<i>Н. М. Ершова</i> Феномен волонтерства в постсоветской России: институциональный и ценностный аспекты	168
<i>М. В. Мужева</i> Современный взгляд на функциональное строение корпоративной культуры как социально-культурной системы	173
<i>А. Е. Ионин</i> Кризис современного брака и семьи: что делать?	177
<i>В. Я. Нагевичене</i> Социализация семьи в условиях деформации общества	182
<i>В. Т. Ананьина</i> Влияние ценностных ориентаций современной молодежи на изменение семейных ценностей	186
<i>А. В. Севостьянов</i> Институциональный кризис современной России: ноосферный и техносферный аспекты	189

<i>В. В. Харитонов</i> «Это даже хорошо, что пока нам плохо» (Культура на фоне кризисов)	194
<i>Л. М. Немченко</i> Edutainment как неопросветительский проект	197
<i>В. А. Летова</i> Поиски культурной идентичности в условиях смены ценностной парадигмы	201
<i>А. В. Косов</i> Современное мифосознание в рамках философско-культурологической парадигмы	205
<i>П. А. Костин</i> О значении логики в постсоветской России	210
<i>Д. В. Пивоваров</i> Атеизм и депопуляция	214
<i>Е. В. Белоусова</i> Секулярная магия в постсоветской России	219
<i>О. С. Селиванова</i> Православие и российский гендерный порядок (об угрозах формированию гендерного равенства в современной России)	223
<i>В. Н. Кардапольцева</i> «Это все о нем»: о гендере в аспекте женственности	226
<i>И. М. Лисовец</i> Эстетика кризиса постсоветской России	230
<i>Д. В. Смолкина</i> Массовая культура в отсутствие метасценариев	236
<i>Б. В. Рейфман</i> Об «авторском кино», ставшем «арт-хаусом»	241
<i>О. А. Сидоренко</i> Ценностный кризис современной России (кинематографический аспект проблемы)	246
<i>М. Ю. Гудова</i> Социокультурный институт чтения, новые технологии и возможности самоорганизации	249
<i>Л. В. Пятилетова</i> Лики современности: постсоветский человек в мире гламура	255
<i>Н. Ю. Мочалова</i> Новые парадигмы художественно-эстетического сознания	260
<i>Н. Е. Денисова</i> Частный музей как пространство самореализации в современной культуре (на примере музея «Невьянская икона»)	264

<i>С. Ю. Червяков</i> Из опыта дореволюционной художественной культуры: кинематограф в Екатеринбурге конца XIX – начала XX вв.	267
<i>В. М. Танаев</i> Типологический подход к исторической памяти (на примере России и Израиля)	271
<i>М. Кенигштейн</i> Русские евреи в Израиле: продолжение кризиса	275
<i>Т. П. Старых</i> Взаимодействие культур и проблема идентичности (на примере России и Китая)	279
<i>И. Ю. Веденин</i> Российский спорт: идея или контракт?	283
<i>К. Е. Ситниченко</i> Духовные ориентиры Русского Зарубежья	286
<i>А. И. Матвеева</i> Культурологический смысл прав русского человека: социально-философский анализ	291
<i>П. С. Гуляев</i> Ф. А. Степун о «революции как распаде единства национального сознания»	296
Раздел второй Региональные процессы и развитие федерализма в постсоветской России	299
<i>О. Г. Бекшенев</i> Федерализм и региональная политика сквозь призму социально-экономического положения регионов России	299
<i>С. С. Беляков</i> Чеченское мессианство как элемент имперского (великодержавного) национализма: на материале творчества Германа Садулаева	305
<i>А. С. Ваторопин</i> Избрание глав регионов в контексте эволюции политического режима в современной России	310
<i>Т. С. Ермолаев</i> Региональная трансформация государственности в условиях глобализации	314
<i>В. Н. Земцов</i> Новейшая история России в контексте мировой истории: к проблеме преподавания истории зарубежных стран в отечественной школе	319

<i>К. И. Зубков</i> Эволюция федерализма в постсоветской России: итоги и уроки прошедшего десятилетия	324
<i>О. В. Зылёва</i> Проблема взаимоотношений иммигрантов и коренного населения в России	330
<i>А. А. Кадырова</i> Проблема маргинальности статуса мигранта и потенциал межкультурной интеграции в современной России	335
<i>К. В. Катаев, В. С. Терехов</i> Политические факторы эволюции медиапространства в постсоветской России	340
<i>Д. М. Ковалева</i> Основы формирования региональной идентичности	345
<i>Е. В. Кокшаров</i> Вызовы плюрализации этнических идентичностей современному государственному управлению России	350
<i>В. Т. Литвиненко</i> Актуальность политических аспектов правового режима непризнанных государств для современной России	354
<i>В. О. Лобовиков</i> Федерация, регион и унитарное государство: оценка эффективности публичного управления и самоуправления в зависимости от величины территории и сложности системы	359
<i>А. И. Паньшин</i> Миграция населения в России: проблемы управления и национальная безопасность	364
<i>И. В. Побережников</i> Актуальные проблемы исследования российских модернизаций	368
<i>Е. В. Пыхтеева</i> Этнофедерализм как метод предотвращения геноцида	373
<i>Л. С. Слободяник</i> Ценностные ориентации россиян как фактор формирования политической культуры современного российского общества	377
<i>Е. С. Соколова</i> Политическая семантика архитектуры как элемент моделирования репрезентативной стратегии власти: история и современность	383
<i>Д. В. Суворов</i> Распад СССР в свете теории систем	391

- В. П. Тимошенко*
Мегапроект «Урал промышленный – Урал полярный»:
необходимость гуманитарной экспертизы 395
- М. А. Фадеичева*
От субъекта к объекту:
новые тренды региональной политики России 399

Раздел третий

20 лет правового развития России: результаты и перспективы 403

- А. П. Семитко*
20 лет правового развития России:
еще не время подводить итоги 404
- А. Л. Бурков*
Применение Конвенции о защите прав человека
в судах России:
исчерпание внутренних средств правовой защиты 414
- С. Я. Гаген*
Идея неразвитости византийско-славянской
государственности в научной и учебной литературе 422
- С. И. Глушкова*
Права человека в постсоветской России:
проблемы развития и кризисные явления 425
- А. В. Деменева*
Исполнение Россией обязательств
по ст. 1 и 46 Конвенции о защите прав человека
как путь к эффективности Конвенции
в национальной правовой системе 431
- И. В. Демидова*
Особенности становления правовой культуры
в России в условиях социально-экономической
и политической трансформации 435
- С. А. Денисов*
Возврат к идеократической правовой системе в России 438
- А. А. Евсеева*
Становление и развитие института
Уполномоченного по правам человека в России 443
- Е. С. Кисляков*
20 лет правового развития России:
некоторые результаты и перспективы 447
- С. В. Кодан*
Опыт юридического образования в России:
история для современности 451

- И. Б. Конкина*
Сроки в праве 455
- Е. П. Криеф-Семитко*
О неевклидовом подходе к изучению
русской правовой системы 460
- В. О. Лобовиков*
Точное определение понятия «государство»
в дискретной математической модели
системы естественного права – «государство
есть фильтр в алгебре хороших или плохих поступков» 477
- С. С. Моисеенко*
К вопросу о роли принципов права
в формировании судебной системы 483
- В. А. Муравский*
Правовая система России в 1991–2011 гг. 487
- М. В. Мухин*
Реализация права: понятие, сущность 491
- И. С.OGOновская*
Правовое образование в системе
общего образования России 1990–2000-х гг.:
движение по наклонной 495
- В. В. Песнохоров*
Правовое регулирование отношений
в сфере защиты прав потребителей:
исторический экскурс и перспективы развития 504
- Н. А. Радионова*
Тайна переписки
(о правовых основах перлюстрации
в России конца XX в. – начала XXI в.) 507
- Е. С. Резник*
Репродукция человека:
проблемы договорного регулирования 512
- И. С. Сенник*
Понятие юридического лица:
необходимость общеправового подхода 517
- Н. Ю. Старикова*
Развитие представлений о смертной казни
в правовой культуре Византийской Империи XII века:
концепция Феодора Вальсамона 521
- В. М. Танаев*
20 лет новой России: некоторые правовые итоги 529
- А. Ю. Федоров*
Кризисные явления в экономике
и ее криминальная монополизация 532

<i>Г. С. Хайрова</i> Курильский вопрос и международное право	537
<i>Д. С. Шистеров</i> Коммерческое обозначение: краткая история становления термина	546
<i>Н. М. Юрова</i> Эффективность действия закона и правовое развитие России: теоретические подходы	551
Раздел четвертый	
Образование в постсоветской России:	
трудный путь модернизации	557
<i>С. Р. Аминов</i> Роль молодежных объединений и СМИ в организации досуга молодежи	558
<i>Г. А. Банных, С. Н. Костина</i> Культурное многообразие в стратегии развития университета	562
<i>С. В. Борисов, О. А. Борисова</i> Домашнее задание в школе: отработка навыков или уход от ответственности?	567
<i>О. В. Власова</i> Образование как фактор формирования молодежных субкультур	572
<i>С. И. Железнякова</i> Профессиональное образование как фактор успешной трудоустройства молодежи: реальность и проблемы	576
<i>В. П. Засыпкин</i> Трудности модернизации педагогического образования	581
<i>Г. Е. Зборовский</i> Образование в постсоветской России: трудный путь модернизации	586
<i>Д. А. Кормин</i> Некоторые тенденции развития дополнительного профессионального образования (на материалах исследования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре)	594
<i>О. К. Крокинская</i> Школа. Гражданское общество. Патриотизм. Трудности сближения	598
<i>П. И. Куконов</i> Факторы социальных напряжений в студенческой среде: тенденции, динамика	604

<i>А. И. Матвеева</i> Проблемы социальной адаптации выпускников педагогических вузов в условиях современной России	609
<i>Л. Р. Низамова</i> Институционализация рынка учебных и квалификационных студенческих работ: рутинизация девиации	613
<i>С. В. Овчаренко</i> Гендерная асимметрия системы образования России	618
<i>А. А. Оникко</i> Влияние реформ образования на профессиональное самоопределение современных старшеклассников	623
<i>А. А. Оникко</i> Изучение образовательных потребностей современных старшеклассников в рамках этнометодологического подхода	627
<i>Г. В. Панина</i> Новые образовательные технологии в реализации программ модернизации образования	631
<i>Д. П. Попов</i> Социальная активность преподавателей и студентов уральских вузов в контексте реформирования высшей школы: опыт эмпирического исследования	636
<i>И. В. Родина</i> Расширение профессиональной компетенции социального работника	640
<i>Ф. Н. Садриева</i> Современное социально-гуманитарное образование студентов и тип социализации	644
<i>Н. Б. Титова</i> К вопросу о кадровых проблемах в российском общем образовании	649
<i>В. В. Фурсова</i> Социальное неравенство в российской системе образования и пути его преодоления	653
<i>Н. А. Черных</i> Структурная модернизация системы отечественного высшего профессионального образования: сущность и основные направления	658
<i>Л. Н. Шмигирилова</i> Роль информационной культуры в системе непрерывного профессионального образования	662
<i>Е. А. Шуклина</i> Проблемы модернизации школьного образования: приоритетный национальный проект «Образование» в оценках учительского сообщества	667

Раздел пятый	
Языковое и культурное пространство	
постсоветской России	673
<i>И. Н. Борисова</i>	
Стратегия самопрезентации	
в коммуникативном поведении	
участников реального шоу	674
<i>К. А. Бурикова, Ю. Б. Пикулева</i>	
Профессиональная монологическая речь промоутера:	
прототипическая схема жанра	684
<i>И. Т. Вепрева</i>	
Активное обновление концептуального мира постсоветского	
человека: по данным метаязыковых высказываний	689
<i>Л. В. Енина</i>	
Организация интерактивного общения в радиозэфире	694
<i>О. А. Михайлова</i>	
Слово <i>ностальгия</i> в современном русском языке:	
к вопросу о семантической эволюции	697
<i>Ю. Н. Михайлова</i>	
Современные тенденции	
в области грамматического управления	700
<i>И. В. Шалина</i>	
Уральское городское просторечие:	
взгляд «извне» и «изнутри»	704
<i>Е. А. Шишканова</i>	
Иронические номинации персонажа «осужденные»	
в газетных текстах как средство выражения	
интолерантных смыслов	709
<i>Н. П. Неклюдова</i>	
Inflows of foreign workers into Sverdlovsk Region.....	712
<i>Н. В. Плетнева</i>	
Clipping as One of the Ways of Forming New Words	
in Modern Russian (Языковое и культурное	
пространство постсоветской России)	716
<i>О. Г. Сидорова</i>	
Teaching English in Contemporary Russian School:	
Achievements and Challenges	719
<i>А. С. Соловьева</i>	
The image of Russia in US press	722
<i>Е. У. Старкова</i>	
Integrating a polemical discourse	
in the 21st century communicative language teaching	726

Раздел первый

Ценностный и институциональный кризис современной России: субъекты и практики

О кризисе современного российского общества

20 лет постсоветской России (1991–2011) по своему объективному содержанию, историческому «месту» и значению – период перехода от одного социально-исторического состояния (качества) к другому (Е. Т. Гайдар не зря назвал свой НИИ институтом экономики переходного периода). Это значит, что сложившееся за двадцатилетие общество и его культура (говоря современным научным языком, социокультурная система России) являются собой феномены особого, именно *переходного типа*.

О таких переходных социокультурных типах (в частности, при переходе от эпохи Средневековья к Новому времени, от традиционной культуры к персоналистской) размышлял, опираясь на системно-синергетический метод, М. С. Каган. И его концептуальные «типологические» идеи весьма полезны, я полагаю, для осмысления современного состояния российского общества. Как отмечает Каган, «само понятие “переходности” обрело в отечественной науке во второй половине XX века категориальный статус, обозначая такие состояния процессов развития, которые не укладываются в качественно-определенные формы социокультурного бытия; его эвристическая ценность состоит в указании на *соединение в данном явлении черт прошлого и будущего*»¹. К этой доминантной типологической характеристике социокультурной *переходности* я бы добавил еще две выделенные М. С. Каганом и существенные для «нашей» переходности черты. Во-первых, непосредственно вы-

* *Лев Абрамович Закс* – д-р филос. наук, профессор, ректор Гуманитарного ун-та, завкафедрой эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Каган М. С. Введение в историю мировой культуры: в 2 кн. СПб.: ООО «Изд-во «Петрополис», 2001. Кн. 2. С. 19–20. По мнению Кагана, анализ переходности «приобретает особое значение при синергетическом осмыслении процесса – переходов от доминанты «порядка» к доминанте «хаоса» и обратно, поскольку эти переходы имеют специфическую структуру» (Там же. С. 20). Опыт нашего последнего двадцатилетия подтверждает закономерный, типологический и постоянный для переходных состояний характер выделенных Каганом инверсий «от доминанты “порядка” к доминанте “хаоса” и обратно».

текающая из доминанты всеохватная, пронизывающая все сферы и уровни общественной жизни, как и отношения между ними, *противоречивость*². Во-вторых, связанная с ней и, в целом, со сложностью созревания и утверждения нового, преодоления-вытеснения-изживания им старого *продолжительность* переходного состояния³.

Для России рубежа XX–XXI веков эти черты столь же существенны, как и для Европы эпохи Возрождения и Нового времени. Замечу, что осмысленное отношение к историческому опыту, осознание закономерной повторяемости или, как минимум, подобия исторических процессов («не мы первые») позволяет более рационально и, если хотите, более спокойно относиться к трудностям и проблемам наших дней. Надо также учесть специфику нашего переходного социокультурного состояния/типа как, ни много, ни мало, смены одного *типа цивилизации* на другой, к тому же диаметрально противоположный. Тогда будет понята и принята его историческая неизбежная сложность, многоплановая противоречивость. Точно так же, следует отдавать себе отчет, а в ценностном плане «смириться» – с исторической неизбежностью постепенности, долговременности перехода к новой цивилизации. Понятно историческое «нетерпение» сторонников нового, питаемое его первыми вдохновляющими победами – периодом его «бури и натиска». Но сопровождаемый (временным) воодушевлением масс «взрыв», взрывное/скачкообразное рождение элементов новой реальности «обозначает *всего лишь начало процесса*, нисколько не мешая длительному сохранению в нем пережитков сметаемого взрывом состояния»⁴. Как ни вспомнить, соглашаясь, давнюю мысль мудрого К. И. Чуковского: в России надо жить долго.

Нелегко дается и согласие с другим, подтверждаемым историческим опытом выводом-уроком постсоветского двадцатилетия: о проблематичности, отнюдь не предопределенности полноценного утверждения на российской почве нового типа цивилизации. Историческая исчерпанность, очевидная даже его адептам практичес-

² Так, в культурно переходном XVII веке, по Кагану, «европейская культура... безмерно обострила противоречия между всеми ее подсистемами – художественной, религиозной, философской, политической – и внутри каждой из них» (Указ. соч. С. 22).

³ Как верно замечает Каган, «можно ли представить, чтобы такие грандиозные преобразования, захватившие все пространство западноевропейской культуры, от ее материально-производственного основания до психологических и идеологических вершин мировосприятия могли произойти мгновенно, а не в ходе длительного перехода одного историко-культурного состояния в другое?» (Там же. С. 23).

⁴ Каган М. С. Указ. соч. С. 23.

кая несостоятельность общества советского не есть гарантия победоносного успеха нового для России современно-капиталистического (постиндустриального, информационного, открытого и т. д. и т. п.) общества. Вслух об этом решаются сказать немногие – в основном, естественно, представители научной элиты. Причем в весьма разных ценностно-оценочных, эмоциональных регистрах: от однозначно-негативного – трагически-мрачного, апокалиптически-фатального у Ю. Н. Афанасьева до умеренно-оптимистического, оставляющего место надежде у, скажем, Е. Г. Ясина и Э. А. Паина. А посредине – старающаяся уйти от оценок, объективистски-констатирующая «что есть и будет», но, по сути, также бьющая по иллюзиям и радужным ожиданиям-надеждам позиция, например, Ю. С. Пивоварова. Так, в недавней беседе с руководителями журнала «Искусство кино», показав неизбежную, идущую из глубины веков и практически всеохватную амбивалентность и противоречивость социокультурного опыта и современного состояния России (фактически, показав «переходный», по М. С. Кагану, тип нашей культуры), Пивоваров делает такой вывод-«констатацию»: «Мы останемся экономически среднеразвитой страной, без большого уважения к правам человека, без большой публичной и полисубъектной политики, с, видимо, сильной самодержавной (в разных формах) властью. ...Но полагать, что мы станем какой-нибудь блестящей парламентской республикой с великолепной инновационной экономикой, что вся страна превратится в некое “стеклянное Сколково” – несерьезно. Это даже не достойно обсуждения»⁵. Интересно, что в том же журнале, прямо после беседы с Ю. Пивоваровым, остроумный Леонид Радзиховский иронично «озвучивает» парадоксально сочетаемую с такими, в общем, сурово звучащими констатациями, достаточно традиционную для России социально-психологическую оценочную позицию. Позицию «минималистскую», компромиссно-приспособленческую: «приятие реальности и упование на «счастливый случай». Моделью такого восприятия жизни выступает чеховский Симеонов-Пищик, несказанно довольный продажей англичанам найденной на его земле некой белой глины. Последняя и есть вожделенный «счастливый случай», избавляющий от трудных, дискомфортных вопросов о том, что и как надо делать, чтобы, наконец, наладить нормальную жизнь. Когда

⁵ Историю придумывают историки: беседа с Ю. Пивоваровым / Д. Дондурей и Н. Зархи // Искусство кино. 2010. № 10. С. 24. И тут же Пивоваров лапидарно и не оставляя места сомнениям и дискуссиям называет объективные и непреодолимые основания своего «реалистического» вывода-приговора: «Страна с такой историей, с таким климатом...» (Там же).

этот подарок судьбы исчерпает себя, симеоновы-пищики (по Радзиховскому, это большинство российского народа) станут ждать нового подарка. Радзиховский и эту укорененную в традиционной ментальности россиян позицию – а как же иначе! – иронически возводит к тем же, что у Пивоварова, историческим и географическим основаниям. «...Во всей этой истории замечательна предустановленная гармония: национальный менталитет “авось” совсем не глуп и не случаен! Он оправдывается национальной историей с географией – в критический момент, когда, кажется, “всё!”», то очередную белую глину откуда-то выкопают, то без всякой глины произойдет какое-то независимое событие, и опасность без особых усилий рассеется...»⁶. Эта позиция приятия того, что есть, практически-поведенчески означает то самое, что мы и видим в жизни многих сегодняшних российских обывателей, включая и крупных собственников («олигархов»), и занимающих место в структурах власти. Говоря словами Радзиховского: «Расслабьтесь и получайте историческое удовольствие»⁷. Семантически, как ни крути, это на самом деле тождественно давнему людовиковскому «После нас хоть потоп». Но если отстраниться и от ученого объективизма, и от слепого самодовольства, или «предустановленной гармонии» обывателя, а озабоченно задуматься о возможном будущем своей страны, то сразу наткнешься на сильно портящие настроение вопросы: Что с нами происходит? Куда мы идем? И идем ли вообще? Почему так неважно (а если честно – просто плохо) «идет дело»? И что же нас ждет впереди в *таком* случае? Вот и Радзиховский, расставаясь в конце своего эссе с иронической маской-образом обывательской России и ее глубоко укорененной логикой «обойдется», меняет тон:

«Одно смущает.

Бог помогает пьяным, бережно несет Россию в авоське. Но куда же он ее тащит?...»⁸

В современной России и в самом деле два доминирующих социально-психологических настроения. Для не задающих лишние вопросы покоя и гармоничного мировосприятия вопросы это настроение праздничного угара: «берите от жизни что можете», «наслаждайтесь!» (Баратынский, как известно, тут философски добавлял: «Всё проходит», что понятно и современным гедонистам: «однова живем»). Для задающих вопросы – настроение духовно-душевной смуты, давящей неопределенности, растущих разоча-

⁶ Радзиховский Л. Бог тащит Россию в авоське. Куда? // Искусство кино. 2010. № 10. С. 29.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

рования, беспокойства и тревоги, недовольства миром и собой, словом, – экзистенциальной неудовлетворенности. Впрочем, я знаю людей отнюдь не склонных к рефлексии, но органичных, искренних и, извините за выражение, честных. У них тоже последнее время настроение «ни к черту». Оба этих настроения – важный социально-психологический, духовный симптом. Симптом тяжелого, нехорошего, противоестественного для нормального сознания, но уже глубоко проникшего в него экзистенциального кризиса. Кризиса всего строя жизни целой (и очень большой) страны и всех ее граждан.

Тут нельзя не развести два разных смысла (онтологически – состояния), именуемых одним и тем же словом – «кризис». Просится неоригинальная аналогия с медицинской сферой. В ходе болезни организм приходит в тяжелое, патологически обостряющее все его нормальные параметры состояние. Но организм ведет героическую борьбу с болезнью – борьбу на грани его естественных возможностей, достигающую предельной степени напряжения. И вдруг наступает победный «перелом». Врачи называют этот перелом, означающий начало интенсивного процесса выздоровления, кризисом и ждут его с надеждой, способствуют и радуются ему. Так бывает и в общественной жизни и развитии: кризис как зримое, всеми ощутимое обострение социальных противоречий; громадное практическое и духовно-психологическое напряжение противостоящих социальных сил и самого процесса взаимодействия-противоборства. И в результате – перелом в соотношении сил, победа испытывающей подъем и ничего не боящейся, вдохновенной, не знающей преград и успешно решающей свои задачи (достигающей своих целей) социальной силы – конкретной группы, коллектива, общности. Мы знаем такие кризисы в истории российской буржуазно-демократической революции начала 1990-х гг. XX века, соединившие максимальное обострение противоречий, подъем духовной готовности, мотивированности и практической решимости демократических масс, их динамичную мобилизацию, самоорганизацию и целеустремленную масштабную активность. Таковы были кризисы августа 1991-го (победа поддержанных народом демократов-реформаторов над путчистами ГКЧП) и октября 1993-го (подавление правительством Б. Н. Ельцина, при прямой поддержке москвичей, антипрезидентского путча парламента). Это были очистительные, созидательные кризисы, опрокинувшие прямое политическое сопротивление сил прошлого и укрепившие новый социальный порядок, новое качественное состояние всей социокультурной системы, открывшие путь исторически назревшим реформам (насколько полно и эффективно были реализованы возникшие возможности – другой вопрос; увы, многое из назревшего и настоящего так и не было осуществлено, а сделанное не всегда было

социально необходимым и практически эффективным, вело к сомнительным и откровенно негативным последствиям).

Наше нынешнее общественное состояние, начавшееся, по-видимому, во второй президентский срок Б. Н. Ельцина, а затем закрепленное и углубленное в правление его преемников (при том, что некоторые негативные моменты поздней ельцинской эпохи они как раз успешно «устранили» – к сожалению, вместе с, безусловно, позитивными и необходимыми для утверждения нового), позволяет говорить о кризисе во втором смысле. Это кризис в его тяжелом, затяжном и, вполне возможно, не имеющем позитивного исхода варианте. Для его общей характеристики неслучайно запрашивается терминология некрологов: случай, так сказать, «продолжительной и тяжелой» (а подчас, неизлечимой) болезни.

Такое кризисное состояние переходной социокультурной системы характеризуется, прежде всего, замедлением, редукцией и даже полным прекращением прогрессивных реформ, реанимацией и активизацией сил и механизмов прошлого в государственно-политической, экономической, духовной сферах. В истории этот процесс получал разные названия: реакция, контрреформация, реставрация, реванш и т. д., но антипрогрессистская, реакционная сущность таких процессов оставалась общей и неизменной. Отсюда и другие черты кризиса описываемого типа. Нарастание социальной энтропии (хаоса и дезорганизации) и неэффективности управления всеми подсистемами и системой в целом (на фоне, как правило, идеологического декларирования противоположных ценностей-целей: порядка, стабильности, управляемости и развития). Ценностная девальвация и утрачиваемая дееспособность институциональных регулятивных процедур и норм (аномия) – при разрастании неформальных и нелегитимных, «злокачественных» для системы «обычаев»: телефонного права, кумовства и других вариантов протекционизма и, конечно, коррупции. Накопление неразрешаемых (и потому кажущихся неразрешимыми) противоречий во всех сферах и на всех уровнях системы. Стагнация и постепенная минимизация основных жизненных функций и структур системы, упадок (нарастающая инволюция) ее ключевых параметров и потенциалов. В частности, общий упадок духовной жизни (основных форм духовной культуры) и особенно общественной морали и нравственности, девальвация ценностей социальности, коллективности, ответственности, солидарности и взаимопомощи, альтруизма, а также «чистой», практически бесцельной духовности, духовно-ценностной и эмоциональной сложности, утрата утонченности и общая редукция духовной жизни к вульгарности, пошлости и примитиву. Воспроизведение консервативных, даже архаических сторон собственной культуры и неспособность к усвоению чужих инноваций и произ-

водству собственных. Формальный, поверхностный, часто мнимый характер существования важных особенностей новой цивилизации: демократических процедур, рыночных механизмов, институтов гражданского общества, информационной открытости, прозрачности политики и социального управления, наличия конкурентной экономической, политической и духовно-культурной среды, разделения и автономии властей, свободных и разнообразных по идеологической и культурной направленности СМИ и т. д. и т. п. В конечном счете, общее снижение адаптивности системы, ее онтологической конкурентоспособности, способности самозащиты и, значит, бытийной автономии и суверенности. Отсюда, все более очевидная недостижимость официально декларируемых «больших» целей (заодно с общим ослаблением ключевой для рода хомо сапиенс функции целеполагания, особенно стратегического, мировоззренческого) и неспособность удовлетворить потребности функционирования и особенно развития системы и ее живых элементов – конкретных людей.

Все это и многое другое мы находим в России 2011 года. Ее социокультурный организм тяжело болен. Ее общее состояние – состояние непреодолимого тупика. Или *провала*. Провала в разных значениях этого многозначного слова. Например, провала *исторического*: прерывания органической непрерывности – поступательного хода социальной истории. Провала *антропологического*: нашей неспособности эффективно работать с человеческой природой, стимулировать способности и потребности обычных людей, исправлять созданные нашим прошлым антропологические, культурно-ментальные аномалии и извращения. Провала *культурно-цивилизационного*: казалось, исторически назревшего эволюционного проекта всестороннего качественного переустройства России, а для начала хотя бы (вос)создания базовых институтов и механизмов передовой цивилизации. Неудачно большинство наших попыток изменить фатальную колею российской истории, сменить ее инерционную матрицу как основу нашего хронического отставания от развитого мира, освоить отлично работающие в других странах и эффективно мотивирующие людей, их «частный» интерес социокультурные механизмы.

В недавно вышедшем сборнике стихов Веры Павловой я нашел строчки, которые, было, хотел сделать эпиграфом к моей статье, но передумал. Честно говоря, просто испугался. Уж очень жестки и жестоки они, а выделенные, ставшие эпиграфом, так и вообще звучат с беспощадной, страшной прямотой приговора:

Военную песнь
Чирикает птица адская.
Россия – болезнь.
Лечение – ампутация⁹.

Надо знать трепетную женственную душу Веры Павловой, ее любвеобильную и по-настоящему исповедальную, незащитную в своей откровенности лирику, чтобы оценить появление у *такого* поэта *таких* строк. Они, безусловно, – мощный индивидуальный симптом-индикатор нашего большого и глубокого кризиса, проникшего в поры даже такой самобытно-самодостаточной, ведущей, кажется, автономную внутреннюю жизнь души. Подобных симптомов в социально-психологическом пространстве России сегодня хоть отбавляй – массовых и отнюдь не столь поэтически щемящих. Мрачных, горьких и тревожных умонастроений, копящихся и вспыхивающих тут и там отрицательных эмоций: от недовольства до возмущения, от зависти и злобы до ожесточения и ненависти, до «жажды и импульса мести» – ресентимента (М. Шеллер), выплескивающихся за пределы внутреннего мира людей проявлениями враждебности и агрессии. Социокультурные кризисы, подобные нынешнему российскому, опасны не только практически «дисфункциями» и общей стагнацией – остановкой в развитии. Они порождают/высвобождают деструктивные силы и процессы, угрожающие социальному миру, общественному равновесию и порядку, личной безопасности граждан. Подрывающие основы устойчивой *социальности* как продуктивной и позитивной и переживаемой людьми совместности человеческого существования.

Почему же так получилось? Какие силы и свойства определили неудачу мирной «капиталистической революции» в России? Кто виноват в этом, неизлечимой болезни подобном социокультурном кризисе? Был ли он неизбежен? Какие варианты развития России он создает? Можно ли с ним справиться и каким образом (и что для этого следует делать)? Или правы те, кто, не питая никаких иллюзий относительно эволюционного потенциала нашего Отечества, спешит «урвать» у истории свою пайку благ и удовольствий – *пока это еще возможно?*

Ответить на все эти и близкие вопросы в небольшой статье даже пытаться не стоит. Каждый из этих вопросов требует серьезного исторического и полидисциплинарного теоретического анализа. Наша научная конференция – одна из многих коллективных попыток обдумать российскую «проблемную ситуацию» совре-

⁹ Павлова В. Однофамилица: стихи 2008–2010 гг. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 64.

менности. Я же только хотел бы обратить внимание на некоторые культурно-исторические и субъектные основания кризисных процессов и его общей доминанты: торможения развития как цивилизационного перехода.

Но прежде все же о том, был ли неизбежен кризис в его нынешнем, «провальном» для страны варианте? Нет, не был. Были и остаются *не-обходимыми* = *не-минуемыми*, т. е. объективно определяющими особенности качественного перехода – скачка в развитии, исторически сложившиеся социокультурные условия. В свете этих условий, а также в свете, как уже было сказано выше, самого содержания перехода в диаметрально противоположное качественное состояние социокультурной системы были объективны и неизбежны трудности и проблемы перехода, противоречия и конфликты в его процессе.

Но капиталистическая революция в России имеет на своем счету немалый позитивный опыт успешного решения ряда весьма непростых проблем¹⁰. И констатация масштабного кризиса, к которому «пришло дело», не должна мешать нам видеть весомые реальные достижения переходного периода, отнюдь не автохтонные, а ставшие результатом правильной, адекватной целям и возможностям общества политики.

Главное достижение этой политики – мирный, в целом, характер революции: Ельцину и его команде удалось избежать масштабной социальной и этнической конфронтации, применения силы и кровопролития, гражданской войны (не миновавших страны Восточной Европы). А ведь один распад СССР высвободил разрушительную энергию, достаточную для нескольких затяжных войн (о чем напоминает трагический опыт распада экс-коммунистической Югославии)! Не менее острыми конфликтами был чреват процесс возрождения в постсоветской России частной собственности и приватизации промышленных и иных предприятий. Но и тут, при всем несовершенстве этого процесса и противоречивом значении его

¹⁰ Вот что по совершенно случайному совпадению, но очень кстати прочел я у мудрейшей Лидии Яковлевны Гинзбург (писавшей в блокадном Ленинграде): «В недовольстве существующей действительностью много обывательски-наивного. Когда ты ропщешь на социальное зло, посмотри, не является ли оно заменителем зла, еще более смертельного» (Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: проза военных лет. Записки блокадного человека. М.: Новое издательство, 2011. С. 211). Эта мысль, напоминающая о необходимости сохранения историзма в постижении и оценках социальной реальности, противостоит критическим крайностям как справа, так и, особенно, слева. И для автора этих заметок нынешнее общественное состояние безоговорочно меньше социальное зло, чем советское общество.

результатов, удалось обойтись без репрессий и крови. Правительству Ельцина-Гайдара весьма быстро и принципиально, включив рыночные механизмы, удалось решить (ликвидировать!) проблему товарного и продовольственного дефицита, хроническую для всей советской эпохи. Была существенно оздоровлена и реформирована сфера государственных финансов и поставлена под контроль инфляция¹¹. В политической сфере были заложены основы демократической системы власти: многопартийной системы, парламентаризма, разделения властей, нового федерализма. Возникли – впервые с октября 1917 года – независимые СМИ, и стала реальностью свобода слова. Были узаконены в качестве важнейшей ценности и правовой нормы права и свободы человека, а страна присоединилась к важнейшим европейским и мировым соглашениям по этой проблематике, подчинилась юрисдикции международных правовых институтов. Радикальные экономические и политические изменения были закреплены в новом российском законодательстве, вершиной-обобщением которого стала Конституция 1993 года. Она – системная модель социально должного, реализация которой (которого) означала бы превращение России в современное демократическое социальное правовое государство с человеком в качестве основной ценности и цели. Таковы, вкратце, достижения, которых, правда, совершенно недостаточно для того, чтобы считать положения нашей Конституции вполне реализованными.

Если достижения – результат верно избранного политического курса, целенаправленных усилий определенных субъектов, то и «опрокидывание» России в глубокий и тяжелый кризис – также следствие «субъективного фактора». Следствие, во-первых, непонимания и неучета лидерами общества (прежде всего, либеральными реформаторами и самим Ельциным) его, общества, объективных культурно-исторических особенностей. Следствие, во-вторых, победы – в раскладе социальных сил – интересов вполне определенных социально-экономических и политических групп («элит») и соответствующего этим интересам, но принципиально ошибочного с точки зрения стратегических общенациональных интересов (интересов развития страны) политического курса. Когда этим группам досталась власть и их групповые интересы, по универсальному социологическому закону, превратились в якобы «всеобщие» и стали господствующими, когда под эти интересы был, во многом заново, отстроен политический режим, всеохватная система соци-

¹¹ О других экономических достижениях первых лет переходного периода см.: Гайдар Е. Т. Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб.: Норма, 2010; Лопатников Л. И. От плана к рынку: очерки новейшей экономической истории России. СПб.: Норма, 2010.

ального управления, тогда кризис и стал неизбежным. И он будет оставаться таким, пока не изменится политический курс, и реальные возможности развития – вместе с заинтересованными в нем, но подавленными сегодняшним государством силами-субъектами – остаются под спудом.

Все же необходимо выделить некоторые характерные *объективные* черты и основания современного кризиса, которые в условиях действующего политического режима – не столько работающего на их преодоление, сколько на них опирающегося и их использующего – приобретают еще большее и еще более зримое, «вопиющее» негативное значение.

Что и говорить, любые социальные достоинства и «завоевания» не появляются «вдруг» и разом – в любой модернизирующейся стране они требуют и известного времени, и больших усилий. И все же то, что мы наблюдаем (нет – переживаем на собственном опыте!) в постсоветской России, изумляет своей «особостью», опровергающей все мировым опытом «строительства капитализма» рожденные представления и ожидания. Опять наш российский опыт – «из ряда вон». И сколько раз за эти годы многие осмысляющие происходящее в сердцах, искренне недоумевая, констатировали: законы и силы «обычного», «нормального» капитализма у нас (почему-то) не действуют! Искажаются до полной своей, как правило – абсурдной и уродливой, противоположности.

В переходном обществе и его культуре, как уже сказано, вмещаются черты старого, прошлого и нового, будущего общественного устройства, культуры, индивидуальных человеческих свойств. Особенность «постсоветского» кризиса в том, что у нас на первый план «вылезли» и образовали союз-симбиоз, дополняя и усиливая друг друга, не лучшие, сильные, наиболее плодотворные стороны исторического прошлого и будущего, а, наоборот, их малопривлекательные и даже отвратительные, деструктивные и бесчеловечные свойства и особенности. При всей, казалось бы, противоположности и «несочетаемости» имперской России и России постсоветской, демократической (или считающей себя таковой), тем более – советского общества и постсоветского, капиталистического. Тут, по-видимому, дело в том, что вообще людьми «плохое» усваивается легче и автоматичнее, что ли, чем всегда более сложное и больших усилий требующее от человека «хорошее». А само «хорошее» воспринимается поверхностно: своей привлекательной «результативной» стороной. Речь, понятно, прежде всего о бытовых достижениях западной цивилизации, обретение которых россиянами породило ложную уверенность: если у нас теперь одежда, бытовая техника, компьютеры и автомобили такие же, как «у них», – кажется нам, – то почему не могут быть такими же социальные

нормы и порядки? Таким же жизненный уровень? Мы не отдаем себе отчета в том, что высокий жизненный уровень и другие, в том числе политико-правовые и морально-нравственные, достижения современной западной цивилизации, нейтрализующие бесчеловечные стороны сущности капитализма, созданы упорным трудом многих поколений. России и россиянам до них нужно дожить, точнее – доработать. Мы ведь, кстати, и современные материальные блага получаем готовыми, а не создаем сами – не умеем! Точно так же мы – как политическая нация – пока, похоже, не готовы создать свою эффективную демократию, свою самоценную и суверенную правовую систему, свой развитый рынок, средний класс и другие атрибуты развитого капитализма. Нынешняя власть открыто исходит из признания этой неспособности, убежденно отказываясь от большинства данных атрибутов, декларируя, однако, стремление к промышленной (технично-технологической, прежде всего) модернизации – будто материальное богатство и динамика прогрессивного развития не зависят от социальной культуры общества. Но кто доказал, что эта сегодняшняя неготовность фатальна, что ее нельзя специальной работой трансформировать в способность и потребность?

А почему все же не готовы? Тут нужно сказать (в-третьих) о нашем культурно-историческом «наследстве» – негативном, с точки зрения особенностей современной цивилизации, опыте. Об этом, конечно, уже не раз говорилось. И все же, я уверен, мы еще должным, адекватным образом не осознали, *что* же было «нажито» и – в форме культурной традиции, черт национальной ментальности унаследовано российским обществом начала XXI века от веков царской Руси и России и семидесяти лет советской власти. Это важно потому, что только постижение подлинных масштабов, глубины, укорененности и «тормозящего», «консервирующего» значения сохраненного культурой социального опыта ведет к осознанию *необходимости специальной работы* с ним, его целенаправленной нейтрализации и «изживания» на всех направлениях и во всех – без исключения! – аспектах нашей социокультурной жизни.

Итак, российская история, а особенно советская эпоха «преуспели» в порождении негативного социального опыта. Опыта подавления свободы, материального ограбления и нравственного унижения человека, его социального отчуждения. Все, что сделано (а затем культурно-ментально укоренено и закреплено) советским тоталитарным обществом с «массовым» человеком – в сопоставлении с эволюцией других стран, прогрессом наиболее развитых обществ – можно и следует считать *антропологической катастрофой* (так, в частности, считал М. К. Мамардашвили). Ментально-поведенческие свойства Хомо советикус получили само-

воспроизводящийся (рекультивируемый) и почти необратимый характер. И это сравнимо с хронической, почти смертельной болезнью. В переводе на язык развития общества в целом это означает исторический *тупик*, неизбежность, в случае их сохранения, долгой продолжительности стагнации и упадка. Утрата субъектности, неспособность к мышлению и действию «в направлении свободы». Потеря ответственности, воли к продуктивному самоутверждению и самореализации. И, как следствие, неспособность поддерживать своими действиями обеспечивающие самодеятельность и развитие общества институты и механизмы, быть их акторами: создавать их, адаптироваться к их логике и защищать, утверждая их принципы и ценности (такие, как демократия, правовое государство, частная собственность, естественные и нерушимые свободы и права человека, культурное разнообразие и толерантность). Или, что в общем означает то же: готовность и склонность к принужденному, несвободному существованию на основе отчуждения и насилия. Это есть сохраняемое массовой ментальностью, пусть и адаптированное к современности: «разбавленное» и опосредованное элементами современной цивилизации *рабство*, прежде всего – политическое, гражданское. То есть фатальная, всесторонняя и слепая зависимость от государства, власти, силы, как позитивная, в форме притяжения: идеализация и обожествление государства, власти любого уровня и их субъектов, инфантильное упование на их патерналистское покровительство/поддержку («всякая власть от Бога»; «вот придет барин...»), так и негативная, в форме крайнего, радикального отталкивания: нигилистического отношения к институтам государства и права, глубоко укорененной в российской ментальности «презумпции их виновности», устойчивого недоверия к тем же, кого сами «сакрализовали», страх перед ними. Крайности сходятся. Характерно устойчивое, живущее и сегодня отождествление в российском массовом сознании слова «государство» с отнюдь не тождественными ему «страна», «нация», «родина» и даже «(российское) общество». Н. Г. Чернышевский сегодня не в чести, да и время его – плюсквамперфект. Но его хлесткое, беспощадное суждение о тогдашнем обществе: «Рабы. Сверху донизу все рабы» – удивительно созвучно – по сути – нашей социальной реальности и ее видению современными социологами. Так, Л. Гудков и Б. Дубин справедливо называют патернализм, т. е. фактически «отношения господства-подчинения», «наиболее фундаментальной характеристикой нашего общества»¹². И далее: «Дело не в том,

¹² Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2009. С. 178.

что кто-то целевым образом “давит” на нижестоящего, подчиненного. Вовсе нет. Отношения зависимости глубоко укоренены и осмысленны для обеих сторон, они воспроизводятся независимо от субъективных намерений участников – это *единственная всеобщая форма в данной культуре, санкционирующая все прочие отношения* (курсив мой. – Л. З.)»¹³. Ярким подтверждением сказанного выступает сервильное социально-политическое поведение наиболее богатых в современной России людей – крупных собственников и их корпоративного объединения – Российского союза промышленников и предпринимателей.

Не менее ментально укоренено и антипрогрессивно негативное, нецивилизованное отношение к собственности: неумение беречь и рационально приумножать свою и, особенно и еще более, уважать чужую. Абсолютная девальвированность общих интересов, зон совместного пользования: воровское и варварское отношение к общему (на всех уровнях) имуществу и равнодушие к общим целям, пренебрежение ими (если не презрение к ним) в практических сферах жизни. При опять же парадоксальном сохранении мифологической, идеализированно-сакрализованной картины того же (мифология великой державы, лучшей страны, нации, культуры, духовности, «особого пути» и т. п.).

На этой основе не могла (и не может) быть развита и привита/усвоена культура конкретных сфер и аспектов жизни, что предполагает внутренне свободную мотивацию и самоценный (а не вынужденный и принужденный) характер устремленной к совершенствованию своих объекта, субъекта и самой себя деятельности (творчества). Отсюда отсталость России и неразвитость ее граждан в важнейших культурных сферах: технико-технологической, материально-производственной, торгово-экономической, бытовой, политической, правовой, коммуникационной, медицинской, военной, экологической и т. д. Частичное и все более сужающееся исключение составляла, пожалуй, только внутренне свободная по самой своей сущности, хотя в советское время и крайне идеологизированная духовная культура. Но и она становилась в высших и лучших своих проявлениях все более элитарной, далекой от способностей и потребностей массового человека (его потребности удовлетворялись «массовой» культурой). И со временем все меньше реально влияла на характер человеческих отношений, общественные нравы, психологическую атмосферу и качество материальных сфер жизни, отличавшихся растущей грубостью, примитивностью, ожесточенностью, нетерпимостью и агрессивностью «простых» людей, их общей склонностью к варварству.

¹³ Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Указ. соч. С. 179.

Может быть, наиболее кричащий пример этого – деградация оснований ядра любой культурной жизни: труда, производства, созидания, творчества. Главный культурный результат столетий крепостного права и десятилетий советского «общественного производства» (в том числе, в ГУЛАГе) – утрата трудовой этики, девальвация ценности качественного труда, профессионализма, мастерства, деловой инициативы. А в результате – утрата реальных квалификаций и компетенций, профессионализма работников и кадрового наполнения/обеспечения производящей сферы. Катастрофическое (по известному советскому анекдоту – «навсегда») отставание от развитых стран по качеству продукции, а значит, наша *неконкурентоспособность*¹⁴ практически во всех сферах производства, даже в некогда невероятными усилиями освоенных и развитых (таких, как самолето- и ракетостроение). Полный провал в производстве товаров массового спроса (так, на рынке изделий легкой промышленности Свердловской области объем импортных товаров в 32 раза (!) превосходит отечественные). Растущее отставание в «высоких технологиях» создающих, кстати, не только материально-технические ценности, бытовой комфорт, но и современные духовные, художественные ценности.

Не менее трагична деградация базовой для существования и развития общества *социальности* в ее ментальных и практических ипостасях: солидарности, взаимопомощи, взаимопонимании, желании и умении объединиться, коллективно самоорганизоваться, разделять ответственность, ставить и достигать – без формального руководства и принуждения – общие цели, находить компромиссы, защищать совместную жизнь, социальную общность, гражданское общество, быть альтруистичными и т. п. Сегодня, соединившись с прагматической (утилитарной) доминантой индивидуальной жизни в неразвитом российском капитализме, эта созревшая в историческом прошлом «отчужденность» людей от общества и друг от друга дала самое атомизированное, по данным европейских социологов, общество¹⁵. Характерны и унаследованные от прошлого типичные черты отношения к себе и другим (причем они столь же присущи элите, как и массе): неспособность к рационально-дело-

¹⁴ Когда-то, еще в самом начале своего первого президентства, В. В. Путин замечательно верно ответил на вопрос интервьюера, что он считает необходимой для России национальной идеей: «конкурентоспособность нации» – исторической важности цель, для достижения которой государство Путина не нашло верных и эффективных средств.

¹⁵ Компенсаторные по своей функции, маргинально-периферийные, «теневые» по месту в социальном континууме вкрапления иной, неформальной социальности («кухонной», «костровой») не меняют, а только грустно оттеняют существо господствующих социальных отношений.

вому, прагматически-эффективному отношению – без мифоэмоциональных крайностей («Ура!» и «Долой!»). Неумение и нежелание конструктивной критики и самокритики, благодарного обучения и заимствования у более развитых. Склонность к сохранению стереотипов, к консервации и консерватизму. «Особенность нашей культуры... – отмечают Л. Гудков и Б. Дубин, – заключается в том, что на все напряжения или изменения в истории она реагирует традиционализирующим образом. Инновация не вписывается до тех пор, пока не получает верховную санкцию или классическую маркировку от наиболее авторитетных смысловых инстанций – властных или подобных им, т. е. пока не будет “освоена” этим единственно возможным и понятным образом»¹⁶. А философ В. М. Межуев расширяет эту особенность до убедительно обоснованного им интегрального культурного качества, властной для России силы: антимодерна¹⁷.

Все эти и другие унаследованные современными россиянами культурные свойства дополняются и усиливаются вполне живым, воспроизводимым (правда, повторю, уже в парадоксальном соединении с ментальностью, ценностями и установками иного типа – общества потребления, прежде всего) «советским» самосознанием, чуть подновленными идеологемами и психологемами сталинской эпохи. Это, в частности, образ врага, конфронтационное сознание, теория заговора, ксенофобия и ненависть к чужому богатству, требование примитивно-уравнительно понятой социальной справедливости, ориентация на «сильную руку» и готовность обменять свою свободу на благополучие и чувство защищенности.

И важнейший «историко-функциональный» итог всего этого хорошо известен. В сущности, Россия – в самих своих основах, в базовых мироотношенческих свойствах своих граждан и способах функционирования социальных форм – тяжело больное общество и тяжело больная нация. Для которых характер «теста на выживание» приобретают базовые материальные темы-проблемы: рождаемость и продолжительность жизни; безопасность граждан; территориальная целостность страны. И до подлинной всеобъемлющей модернизации, как и до благоприятствующего ей общественного состояния, выраженного в конце советской эпохи Давидом Самойловым: «Когда сумбур полународа / Преобразуется в народ», совсем не близко. А значит, как и в XVIII–XX веках, в новом веке модернизация и прогресс России по-прежнему возможны только как «реформы сверху», только усилиями власти. Или, говоря сло-

¹⁶ Гудков Л. Д., Дубин Б. В. Указ. соч. С. 178–179.

¹⁷ Межуев В. М. Российская модернизация и культура // Философские науки. 2011. № 1. С. 29–31.

вами Е. Г. Ясина, «в России в обозримой перспективе возможна только элитарная демократия»¹⁸. Однако социологическое исследование, итоги которого подвел Е. Г. Ясин, не питают оптимизма относительно перспектив модернизации России при *такой* элите, *такой* власти.

Одно из убедительных подтверждений этому выводу – отношение власти к консервирующему развитию общества культурному наследству, о котором речь шла выше. Тот, кто хочет прогресса не на словах, а на деле, должен целенаправленно работать на преодоление, изживание «наследства». Естественно, отдавая при этом себе отчет в сложности и продолжительности этой работы. Но объективный вектор ее неизбежен и понятен. Это необходимость создания таких социальных условий (порядков, институтов и механизмов), которые самим своим существом заставят граждан проживать и накапливать новый для них опыт свободы, самостоятельности, предприимчивости, демократического участия в общественной жизни, правосознания и т. п. И, тем самым, формировать свою новую социальную (политическую, гражданскую) культуру, новую культурную ментальность.

Однако отношение власти к нашей «дурной наследственности» совершенно иное. Свою политику – управление социальными практиками она строит либо на полном и вызывающе-циничном игнорировании «наследства» (например, органичных бывшим советским людям представлений о справедливости и равенстве), либо, наоборот, на с виду вынужденном, а на деле апологетическом его приятии, абсолютизации и столь же циничной спекуляции на его особенностях. Обе эти крайности эгоистически используются властью для получения политических и экономических выгод, что позволяет предположить осознанный характер такой «игры с особенностями»¹⁹. Например, власть «заявляет о том, что российское общество – в силу давних традиций произвола власти, длительного существования в условиях самодержавия и советского тоталита-

¹⁸ Ясин Е. Г. Послесловие: ответ получен // Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 369.

¹⁹ Аналогично, в целях политического самосохранения используются властью и ценностные, ментально-поведенческие черты социально «нового» для России: господство (в бытии и сознании масс) общества потребления, медийно-индустриального масскульта, телевидения, прежде всего. Здесь она фактически актуализирует и укрепляет отмечавшуюся выше, но в данной статье не анализируемую смычку, симбиоз «дурного» культурного наследия и не менее негативных черт культурной современности. Вот, например, как эту смычку фиксирует кинорежиссер Александр Зель-

ризма – отличается крайне низким уровнем гражданского самосознания, либеральные ценности разделяет лишь относительно небольшая часть населения и т. п. ... Из этого делается вывод, что построение демократии и правового государства – это «цель» политического развития, а не «средство» функционирования государства, что демократия не может быть характеристикой реального функционирующего государственного устройства... что нынешнее устройство – это особая «суверенная» демократия, демократия «для народа», а не самоцель. Тем самым руководство страны автоматически превращается в правление «незаменимых», «лучших» или, по крайней мере, «безальтернативных», гарантирующих стабильность положения в обществе, отсутствие кризиса и потрясений, недопущение к власти экстремистов и радикалов»²⁰.

Здесь видятся, по меньшей мере, две стороны одной плохой «медали». С одной стороны, устранение реальной политической конкуренции и сменяемости власти препятствует формированию по-настоящему демократического политического опыта у большинства граждан (привыкающих к фатальной невозможности своего гражданского влияния), зато создает благоприятные условия для чиновничьего произвола/беззакония на всех уровнях и беспрецедентного размаха коррупции. С другой стороны, на этой основе возникает фантастический, не способный быть практически эффективным управленческий порядок, где меньшинство (якобы лучших), теряя вменяемость, претендует контролировать абсолютно всё и вся по авторитарно-бюрократической модели «ручного управления» (вот она, реставрация советской системы!). А большинство, наоборот, становится, в очередной раз, бессловесным «винтиком» чуждой, а часто просто враждебной ему социальной машины, утрачивая последние стимулы к самостоятельности, инициативе и творчеству. Ведь любая инициатива тут наказуема, а любое творчество чревато риском утраты уже имеющегося. О каком творчестве и инновациях тогда можно говорить?! Пожалуй, только о мифотворчестве. Социальное творчество и предприимчивость уступают место конформизму и приспособленчеству, движимым примитивным инстинктом самосохранения. И более всего этому инстинкту и его следствиям оказывается привержена так

дович: «Вместе с канонами общества потребления мы получили обратную сторону медали в виде смыслового вакуума, помноженного на неверие и безграничный цинизм. Его мы унаследовали от советской власти как шлейф психологии выживания» (Новая газета. 2011. № 15 (11. 02). С. 19).

²⁰ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Левада Ю. А. Проблема «элиты» в современной России: размышления над результатами социологического исследования. С. 53.

называемая интеллектуальная элита – та самая, что еще не так давно называлась интеллигенцией, выступала хранительницей и защитницей нравственных ценностей, силой, просвещающей как «верхи», так и «низы». А «сегодня она в основной массе мало отличается от остального общества, и ее привязанность к нынешнему режиму и интерес к благам цивилизации сильно перевешивают разочарование в нем, если даже оно и есть»²¹.

Таким образом, даже самый беглый взгляд на российский кризис дает мрачную, отдающую безысходностью картину имплицитного внутреннего соответствия (если не «гармонии») – молчаливого «общественного договора» народа, интеллигенции и власти. Не во всем, конечно: материальные ресурсы и политические возможности принадлежат исключительно крупным чиновникам-бизнесменам, а интеллигентам-бюджетникам, малому бизнесу, другим малоимущим социальным группам достаются крохи «с барского стола». Разрыв в жизненном уровне богатых и бедных (как людей, так и целых регионов) не уменьшается, эффективных «социальных лифтов» явно недостаточно. И все же пока этих «крох» достаточно для сохранения ценностного согласия, антилиберального, по сути, но и двусмысленного, «лукавого». Так, большинство общества пока практически, активно не претендует на свободу – а властвующая элита ее и не предлагает. Большинство общества довольствуется имитационной формой демократии, всевластием бюрократии со всеми его последствиями, что, естественно, также вполне удовлетворяет последнюю. А, в свою очередь, «культурная политика» власти – всемерная поддержка ею ценностей и структур общества потребления и массовой культуры – встречает воодушевление жаждущего «хлеба и зрелищ» (более точно, современно: «товаров и зрелищ») большинства. Так что у нас опять «народ и партия едины». И это и есть условие и залог стабильности, устойчивости нашего современного кризиса. Но ведь, как учит исторический опыт, до поры до времени.

²¹ Ясин Е. Г. Указ. соч. С. 369. См. также саркастическую статью Л. Шевцовой «Про слойки» (Новая газета. 2011. № 1 (12.01)). Она, кроме прочего, выделяет моральный аспект кризиса, выражаемый лакейской зависимостью интеллигенции от власти: «в обществе самоликвидируется сила, призвание которой в том, чтобы сохранять моральное и этическое измерение». Но налицо, по Шевцовой, и собственно интеллектуальный ущерб: «сужается возможность для деятельности по проектированию выхода из нынешней системы», ведь «без них (интеллектуалов. – Л. З.) невозможен общественный прорыв». А с *этими* интеллектуалами (с нами, иначе говоря) он возможен?!

Стагнация может «взорваться» в один момент, «вдруг». Как это было не раз в других странах, да и у нас («перестройка» М. С. Горбачева, например). Правда, направленность «взрыва» может получиться разной. Но вероятность прогрессивных изменений не кажется мне нулевой (какой оракул возьмется вычислить ее для России?!). По меньшей мере, четыре объективных фактора могут – при определенных условиях – этому способствовать. Первый: рано или поздно скажутся различия интересов бюрократической властной элиты и образующих большинство других социальных групп, созреет конфликт интересов, в котором вырастут и оформятся социальные силы – субъекты подлинной, «большой» модернизации. Накопление нерешаемых проблем и противоречий, прежде всего экономических и производных от них социальных, бытовых, этнических, территориальных, с одной стороны, и исчерпание потенциала сырьевой экономики – с другой, станут хорошей питательной почвой для созревания, обострения и осознания названного конфликта интересов. Как и осознания исчерпанности авторитарно-бюрократического способа управления, необходимости *системной модернизации* всех ключевых сторон общественной жизни. Второй фактор: существование объективной, хоть и искусственно деформируемой, третируемой или игнорируемой сегодняшней властью *логики капитализма*, формирующей, пусть и не всегда в желанном темпе, бытийные структуры и потребности живущих по законам капитализма людей, не совместимые с архаическим эгоизмом авторитарных сил: потребности в свободе рыночных отношений, частного предпринимательства, цивилизованной конкуренции, политической деятельности, культурного разнообразия; потребности в неукоснительных правилах, предсказуемости и прозрачности политики, демократической ротации лидеров, гарантиях прав и свобод, защите личности. Эти потребности определяют не только вектор, но и градус, энергию устремлений многих людей – так зреет мощь их коллективной активности, протестной и социально-преобразующей. Третий фактор: приход в социальную жизнь новых поколений: не скованных тоталитарным опытом и ментальностью, обучаемых на передовых знаниях и мировом опыте, внутренне свободных и стремящихся к социальному успеху и высокому уровню жизни не в «прекрасном далёко», «светлом будущем», а сегодня, сейчас. И четвертый фактор: международный контекст. И в смысле заразного примера развитых стран в условиях отсутствия железного занавеса. И в смысле человеческих, правовых и технологических международных норм, заставляющих «подтягиваться» отстающих и отторгать, выталкивать за пределы цивилизованного мира чуждых и враждебных. И, наконец, в смысле острейшей экономической, геополитической и духовно-культурной

конкуренции, выдержать которую под силу лишь демократически организованному, свободному, ценящему разнообразие и открытому инновациям обществу. Альтернатива проста: либо стать таким обществом, освоить матрицы и структуры современной передовой цивилизации – либо обречь себя на упадок, на удел слаборазвитой второстепенной страны, оказаться на обочине мирового развития. Хочется верить, что новые, постсоветские поколения россиян, уже попробовавшие современной жизни и увидевшие (на мировом и собственном опыте) ее преимущества, не захотят возвращения в «организованный строй», в «общее стойло», в «услужение начальству», в бесправие и унижение, пусть и современно упакованного, но рабства. В любом случае будущее России зависит от их выбора.

Э. А. Паин*

Роль общества и культуры в современной российской модернизации

12 ноября 2010 года исполнился год с того момента, как президент России Д. Медведев объявил курс на модернизацию России¹. Общественное обсуждение этого курса характеризует, на мой взгляд, слабую интеллектуальную готовность к формированию эффективного проекта модернизации со стороны тех слоев российского общества, которые принято называть «российской интеллектуальной элитой». Разные ее группы, придерживающиеся различных политических взглядов, зачастую демонстрируют одинаковое почти мистическое отношение к российской культуре как некоему року, фатально предопределяющему «особой путь» России, принципиально не похожий на тот, по которому двигалась модернизация на Западе, и допускающий лишь авторитарные формы реформирования экономики. В данной статье автор полемизирует с такими представлениями и ставит перед собой и читателями вопросы о специфике социально-культурных условий модернизации России.

Мнимые противоположности

В российском политическом дискурсе преобладают определения модернизации как государственного проекта преобразования России с целью повышения ее конкурентоспособности в мировом хозяйстве за счет новых источников развития, связанных с инновационной экономикой высоких технологий. Целевая установка на инновационное развитие, на мой взгляд, мало кем оспаривается внутри политической элиты. Дискуссии ведутся лишь о выборе пути движения в этом направлении.

* *Эмиль Абрамович Паин* – д-р полит. наук, профессор Государственного ун-та – Высшей школы экономики (ГУ–ВШЭ), генеральный директор Центра этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), руководитель Рабочей группы Совета при Президенте РФ, ets (г. Москва).

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, 12 ноября 2009 года, Большой Кремлевский дворец. Доступно на сайте: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>.

Наиболее влиятельная и массовая ныне сторона этой дискуссии настаивает на продолжении традиционного для России пути модернизации «сверху» с основной ставкой на политическую волю властей (или, как сейчас принято говорить, на «вертикаль власти») и ее методы командно-административного регулирования.

Другая, более малочисленная группа, называющая себя либеральной, предлагает иной путь модернизации – за счет развития частной инициативы и свободы конкуренции.

При кажущейся противоположности отмеченных позиций в них заметно и существенное сходство, проявляющееся в *практически одинаковом и весьма узком толковании модернизации как всего лишь технологического перевооружения экономики*. По сути, дискуссия ведется лишь о субъекте этого перевооружения (государственный аппарат или бизнес). На мой взгляд, это вымышленная дилемма, поскольку при нынешней российской сращенности чиновничества с бизнесом трудно определить, где кончается чиновник и начинается бизнесмен. Зачастую невозможно понять, в какой из частных карманов (чиновничий или бизнесменский) уходят средства, выделяемые на общественное благо, в том числе и на развитие инновационной экономики. В обеих позициях проявляется сугубо технократическая трактовка феномена модернизации, из которой выхолощен социально-культурный смысл этого сложного процесса. Уже одно это сильно затрудняет понимание реальных механизмов утверждения в России инновационной парадигмы развития.

Известно, что в истории человечества каждому циклу технологических перемен в экономике предшествовали изменения в социально-культурной сфере. Переходу Европы от аграрного и ремесленного производства к промышленному в XVIII–XIX вв. предшествовали те перемены, которые М. Вебер назвал «расколдовыванием мира». Они состояли в постепенном вытеснении традиционного мифологического сознания новым, рациональным и в переходе общества от неформальных отношений, регулируемых обычаями, к отношениям, основанным на правовых нормах. На рубеже XX и XXI веков наметился новый глобальный цикл модернизации – переход от индустриальной ее фазы к постиндустриальной, к «экономике знаний». Он, так же как и предыдущие, предполагает изменение общественных отношений и культуры общества. Новая экономика требует массовой инициативы и творчества, она не может опираться на такую форму вовлечения работников, как принудительная мобилизация. Тот факт, что в Советском Союзе в условиях тоталитарной политической системы совершались выдающиеся открытия в так называемых «шарашках», на мой взгляд, не может служить аргументом в пользу возможности мобилиза-

ционного вовлечения людей в инновационную экономику². Феномен творчества в «шарашках» относится к периоду войны, когда мотивация защиты Отечества перевешивала все невзгоды, включая и несвободный труд в местах тюремного заключения. В мирное же время ощущение несвободы является фактором массовой «утечки умов».

Нельзя сказать, что проблема социально-культурных условий совсем не осознается конструкторами тех или иных проектов модернизации России. Напротив, разговоры о взаимосвязи культуры и модернизации в среде политической элиты ведутся весьма оживленно, однако по большей части в форме обсуждения одного и того же мифа о предопределенности особого российского менталитета, который якобы лишен инициативы и постоянно нуждается в принуждении, в так называемой «сильной руке». Культура в рамках таких представлений рассматривается таким же неизменным условием, как природная среда. Очень распространено, например, такое мнение: «Что поделать – в России суровые зимы и неистребимое патерналистское сознание населения». Ни одна из групп, участвующих в обсуждении этой мнимой проблемы, не ставит задачу изменения социально-культурной среды в качестве цели модернизации.

Легко понять интересы представителей власти, защищающих подобные убеждения. Для них создание в обществе атмосферы предопределенности, невозможности изменить ситуацию к лучшему усилиями граждан – важнейшее средство самосохранения.

С начала 2000-х гг. государственными средствами массовой информации распространяется идея особой российской цивилизации, которая предопределяет и особый путь политического и социально-культурного развития России. Пожалуй, впервые она была отражена в 2006 году в 12-серийном цикле телевизионных передач А. Кончаловского под общим названием: «Культура – это судьба». Затем эта идея получила широкое распространение в официальной российской политике. «Культура – это судьба. Нам Бог велел быть русскими, россиянами», – это уже из лекции первого заместителя главы Администрации президента России В. Суркова в Президиуме РАН в июне 2007 года³. В ней главный глашатай официальной

² Шарашка (шарашка) – жаргонное название для секретных научных и конструкторских организаций, подчиненных советским органам политической полиции (НКВД и МВД СССР), в которых работали заключенные (инженеры, конструкторы, ученые, включая таких выдающихся деятелей, как отец советской космонавтики С. Королев). (Цит. по: Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A8%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B3%D0%B0>).

³ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии. Москва, Президиум РАН, 8 июня 2007 года. Доступно на сайте: <http://surkov.info/publ/4-1-0-55>.

российской идеологии указывает гражданам, что культура определяет *вечные* особенности политического строя. В российском случае это централизованная власть, при которой роль персон важнее законов.

Кремлевская канонизация идеи особой тысячелетней цивилизации, предопределяющей «особый путь» России, постепенно возводит ее в ранг официального «единственно верного учения», призванного заменить марксизм-ленинизм.

Эта догма победоносно шествует по стране, не встречая значимого сопротивления. Напротив, многие представители либерального лагеря, считающие себя оппозицией нынешнему режиму, фактически поддерживают ту же идею. В конце 2008 года большой резонанс имела статья историка Ю. Афанасьева, где излагается идея о том, что давняя история России, по крайней мере с XVII века, определяет и поныне сервильность российской элиты⁴. Примечательно, что Ю. Афанасьев, один из лидеров демократического движения 90-х гг., поддерживавший тогда идею «Иного не дано» как неизбежности победы либерализма в России, ныне совершенно иначе трактует идею предопределенности: авторитаризму в России нет реальной альтернативы.

Почему ныне такой спрос на идеи предопределенности, на исторический фатализм? Потому что он спутник застоя – *исторической ситуации, при которой правящая элита не хочет, а оппозиционные силы не могут и не знают, как жить по-новому*. В эпоху застоя у власти и оппозиции в ходу один и тот же миф о фатальной предопределенности судьбы страны и в этом смысле – ее «особом пути». Какая-то часть либерально ориентированной интеллигенции, отвергая идею «особой цивилизации» как «тысячелетнего величия России», охотно принимает тот же миф в другой упаковке – как цивилизацию «тысячелетнего рабства». И в этом отношении противоречия между властью и частью либеральной оппозиции оказываются мнимыми. В сентябре 2010 года Игорь Юргенс, либеральный экономист, считающий одним из идеологов курса на модернизацию, объявленного президентом Дмитрием Медведевым, обвинил в провалах этого курса российский народ. С таким заявлением он выступил на пресс-конференции по теме «Что мешает модернизации России?» По словам Юргенса, основными помехами для модернизации являются традиционность сознания, архаичность культурных ценностей российского народа, который, по мысли Юргенса, не раньше 2025 года окажется «ментально

⁴ Афанасьев Ю. Мы – не рабы? Исторический бег на месте: «особый путь» России // Новая газета. 2008. 5 декабря.

совместим в восприятии демократии со среднестатистическим прогрессивным европейцем»⁵.

Мы еще не раз вернемся к обсуждению этой идеи, оценивая степень ее адекватности российским реалиям. Пока же хочу обратиться внимание на сам подход к традиционной культуре, рассматриваемой только как преграда, препятствие модернизации. Такая идея была характерна для классических версий теории модернизации, которая ныне, после существенной критики, претерпела серьезные изменения. Новые версии этой теории, особенно концепция «неомодернизма», опираются на целый ряд постулатов, в корне отличающихся от воззрений нынешних «официальных» либералов в России.

Кризис классической теории модернизации

Сама идея модернизации как *прогрессивных социальных изменений, направленных на достижение более высоких жизненных стандартов*, подверглась серьезной критике в 1970–1980-х гг. Тогда классической ее версии, развиваемой почти полтора века многими мыслителями, ставилось в вину эмпирическое несоответствие ее постулатов реальности, наблюдаемой в странах «третьего мира», подвергшихся модернизации в значительной мере под давлением внешних сил. В те годы модернизацию все чаще стали называть «насильственным цивилизаторством и орудием колониализма», поскольку в ряде стран, подвергшихся модернизации, прежде всего африканских, этот процесс сопровождался разрушением традиционных институтов и жизненных укладов, повлекшим рост социальной дезорганизации обществ. Вместе с тем в те годы еще рано было оценивать результаты индустриальной модернизации, позитивные последствия которой проявились лишь к началу 2000-х гг. Только ныне они стали заметными как раз в тех странах, в которых процесс модернизации оказался наиболее полным и последовательным. Именно эти страны сумели преодолеть или существенно смягчить основное бедствие африканского континента – высокую детскую смертность. Бенин, Ботсвана, Намибия, Нигер, Лесото, Маврикий, Мали, Мадагаскар, Сейшелы, Сенегал и некоторые другие страны (всего около 25 % африканских государств) сумели обеспечить в период с 1995-го по

⁵ Сергеев М., Куликов С. В провалах модернизации виноват народ.

Поэтому Дмитрий Медведев должен остаться во власти – считает глава ИНСОРа Игорь Юргенс // Независимая газета. 2010. 29 сентября. URL: [http://www.ng.ru/economics/2010-09-16/1_modernize.html]

2007 год сокращение детской смертности в среднем на 18 %. Здесь же сложились и сравнительно стабильные демократические режимы. За указанный период эти страны обеспечили 15-процентный совокупный рост доходов на душу населения. В большинстве же авторитарных государств континента, элиты которых боролись не столько с накопившимися веками внутренними проблемами, сколько с так называемым «экспортом модернизации», с 1995 года наблюдается отрицательная динамика экономических и социальных показателей⁶. Все это стало известно лишь в начале XXI века. В 1970-е же гг. большинство западных интеллектуалов демонизировали стандартизирующую модернизацию в «третьем мире», описывая ее исключительно как форму колониализма.

В конце же 1970-х – начале 1980-х годов многим казалось, что модернизм будет похоронен или даже уже мертв, однако слухи о его кончине оказались преждевременными. К середине 1980-х гг. характер научных дискуссий круто изменился. Появились новые версии теории модернизации, которые вобрали в себя некоторые идеи своих основных оппонентов, например постмодернизма, включив в свои схемы сам термин «постмодерн» в качестве высшего этапа модернизационных процессов и начала некоего нового цикла исторического развития, с иным соотношением материальных и духовных ценностей.

Важнейшим стимулом для развития теории модернизации стало привлечение новой эмпирической базы. Еще в середине XX века все идеи этой теории, так же как и конкурирующих концепций, опирались лишь на аргументы истории, точнее, на выдвинутые разными авторами и по разным методикам версии истории человечества. С 1980-х гг. теория модернизации первой смогла опереться на социологические, кросскультурные исследования, представившие обширный материал для выводов о специфических и универсальных закономерностях развития обществ⁷. Исследования указали на практически универсальную зависимость между изменением технологических укладов (аграрного, индустриального, а с конца 1980-х гг. и нового постиндустриального) и рядом социальных

⁶ См.: Сигл Д. Демократия и процветание [Электронный ресурс]. URL: http://usinfo.state.gov/dd/ru_democracy_dialogues/ru_prosperity/ru_prosperity_essay.html

⁷ С 1981 года ежегодно проводятся исследования фонда World Values Survey (WVS), охватывавшие в разные годы от 52 до 88 стран мира. Примерно в то же время начались и ежегодные сравнительные социологические и кросскультурные исследования по программам GlobalNR и Gallup International, охватывающие 60 и более стран. В 2005–2007 гг. при участии российских социологов Института социологии РАН было проведено «Европейское социальное исследование» (ESS) в 27 странах.

процессов, таких как урбанизация, изменение социальной и демографической структуры населения и др. Эти исследования вывели теорию модернизации из плена сугубо умозрительных рассуждений философов и политических мыслителей, позволив опереть ее на более строгую методологическую базу, использующую новые социометрические и эконометрические методы анализа социальных и экономических процессов.

В таких условиях начали складываться новые версии теории модернизации – неомодернизм. Приведу некоторые из основных нововведений этой теории.

1. Неомодернизм освободился от рудиментов классического эволюционизма, он не настаивает на какой-либо конечной цели развития и допускает обратимость характера исторических изменений. Попятные движения не исключения, а скорее правило в развитии. Не только Россия, но и большинство других стран мира переживали циклические смены реформ и контрреформ, демократизации политической системы и ее возвращения к авторитарным моделям управления. В этой связи хочу напомнить широко известную концепцию С. Хантингтона о трех волнах (или этапах) глобальной демократизации, которые привели к росту на планете числа стран с демократической формой правления. Однако на каждом этапе, по мнению этого неординарного мыслителя, обратная волна (*reverse wave*) вымывала значительную часть новообращенных стран из зоны демократии и вновь уносила их к традиционному авторитаризму⁸. История России, в том числе и ее постсоветского периода, на мой взгляд, хорошо укладывается в концепцию волн демократизации и откатов от нее.

2. *Модернизация в новых редакциях ее теории стала рассматриваться как исторически ограниченный процесс, узаконивающий универсальную целесообразность лишь узкого набора институтов и ценностей современности.* Их перечень варьирует у разных авторов. Так, согласно Ю. Хабермасу, универсальные черты современности (*modernity*) характеризуются прежде всего развитием гражданских прав и свобод⁹. А. Мартинелли акцентирует внимание на стремлении современных обществ к новациям, а также видит важнейшие признаки модернизации в «растущей структурной дифференциации обществ и формировании суверенных национальных государств»¹⁰. Чаще всего исследователи

⁸ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003.

⁹ Habermas J. Der Philosophische Diskurs der Modern. Frankfurt: Suhrkamp, 1985.

¹⁰ Мартинелли А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. С. 23.

не ограничиваются одним-двумя признаками модернизации и стараются выстроить многоярусную структуру индикаторов, описывающих основные сферы человеческой деятельности.

3. Была обоснована взаимосвязь двух форм модернизации: *управляемой, иницируемой элитой («Project Modernity»)* и *органичной, базирующейся на стихийной диффузии (распространении, заимствовании) культурных норм и ценностей*. При этом было доказано, что эффективность управляемой модернизации зависит не только от желания и воли политической элиты, но и от состояния общества. Более того, на поздних этапах модернизации, особенно при переходе к постмодерну, в качестве движущей силы модернизации уже выступает не столько политическая элита, сколько инициатива общества. Исторически модернизация «сверху» сменяется модернизацией снизу.

4. Одним из основных постулатов новой концепции модернизации явилось *признание возможности многообразия моделей исторического развития, обуславливающего и различие траекторий модернизации, в зависимости от стартовых условий, исторического опыта и особенностей культуры разных стран*¹¹. *Наиболее последовательно эта идея отражена в концепции «множественной современности» (Multiple Modernities) Ш. Эйзенштадта.*

Особо хочу выделить новые подходы теории модернизации к роли традиций.

Новый взгляд на традиции

Классическая теория модернизации противопоставляла инновации традициям, полагая, что инновации непременно должны вытеснять, ломать, уничтожать традиции. В обновленной же теории модернизации антитрадиционалистские рефлексии были заменены представлениями о *«модернизационном потенциале» традиций*. Как отмечал один из зачинателей школы неомодернизма Д. Гусфилд, «традиционные символы и формы лидерства могут оказаться жизненно важной частью ценностной системы, на которой основывается модернизация»¹². Другой представитель этой школы, известный социолог Петр Штомпка, считает необходимым «выявлять “традиции модернизации” и брать их на вооружение для дальнейших преобразований»¹³.

¹¹ См., например: Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999.

¹² Gusfield J. R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // American Journal of Sociology. 1966. Vol. 72 (January).

¹³ Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 183.

С концепцией «модернизационного потенциала традиций» связан первый из тезисов, которые я хочу отразить в данной статье. Суть его в следующем: **органичное принятие обществом инновационных экономических технологий возможно лишь в случае, если инновации вырастают из традиций**. В подтверждение этого тезиса могу сослаться на ставшие уже классикой исследования социально-культурных условий вхождения в модернизацию разных регионов Италии, проведенные Робертом Патнэмом. Они показали, что успехов в модернизации добились именно те регионы, в которых гражданское общество и демократические ценности были сильны еще в XIX веке и сохранялись в форме культурных традиций¹⁴.

Похожую идею, но в еще более категоричной форме выдвинул и Зигмунд Бауман, утверждавший, что общество обречено на гибель, на полный коллапс социально-нормативной системы, если новые институты коллективности не смогут совместиться с традиционными. И такое совмещение нового и старого происходит во многих странах. В Германии, например, сохранились традиционные механизмы социальной регуляции. Наши бывшие соотечественники, переехавшие на жительство в эту страну, труднее всего привыкают не к новым законам (они-то как раз похожи на наши, только исполняются чаще), а к неформальному контролю, к тому, что соседи постоянно напоминают им, что должно и чего нельзя делать в доме или на улице. Традиционные институты коллективности (семейные, религиозные, соседские, цеховые) стали каркасом и культурным образцом для новых: молодежных, профессиональных, благотворительных и др. Неформальными объединениями, как новыми, так и традиционными, в Германии охвачено около 60 % взрослого населения, а в скандинавских странах эта доля еще выше – 69,5 %. При этом речь идет не только, да и не столько о естественном воспроизводстве традиций, сколько об их сознательном культивировании усилиями политиков. В Германии, например, удовлетворение потребности людей в сфере культуры, спорта, туризма, общения через ассоциации, различные фрейны обходится на порядок дешевле, чем индивидуальному потребителю, а возможность воздействия на власть или органы местного самоуправления через гражданские ассоциации многократно эффективней, чем индивидуальные жалобы.

А что в России? Ныне весьма распространено мнение о том, что плохая приживаемость новых институтов, прежде всего пра-

¹⁴ Putnam R. Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy. Princeton, NY: Princeton University Press, 1993.

вовых, связана с их несоответствием традиционной русской культуре, или русской институциональной матрице¹⁵.

Я с этой точкой зрения не согласен, и мой второй тезис состоит в следующем: **Россия** (имеется в виду большая ее часть, т. е. наиболее урбанизированные ее регионы) **больше всего страдает не от избыточной традиционности, не от того, что сохранившиеся традиции чему-то мешают, а от сильного разрушения традиционной институциональной матрицы.**

Что такое культурная традиция? Традиция – это межпоколенная передача культурных норм, стандартизированных образцов поведения, идей и ценностей, которым должны следовать все члены некоего сообщества. Такая диахронная передача накопленного опыта возможна лишь при сохранении неких базовых условий трансляции культуры, прежде всего социальных институтов, выступающих носителями, хранителями, а главное – контролерами соблюдения предписаний. Социальный контроль использует моральные поощрения при соблюдении традиций и моральные санкции за их нарушение.

Все эти механизмы хорошо сохранили некоторые народы России, особенно представители разных этнических общностей Северного Кавказа. У последних патриархальные традиции выступают средством самозащиты, зачастую весьма эффективным. Это своего рода панцирь, и я могу привести множество примеров того, как традиционные общества использовали его, защищаясь от раскулачивания, коллективизации, депортации, насильственного восстановления «конституционного порядка» в 1994–1996 гг. и как эта защита спасла тысячи жизней.

На большей же части территории России, в краях и областях с преобладанием русского, славянского населения механизмы социального контроля практически полностью демонтированы вместе с институтами, которые их хранили. О сельской общине прочно забыли уже в середине прошлого века. Религиозные общины, православные церковные приходы были разрушены в советское время, и их роль, скорее всего, не восстановится ныне, учитывая, что свыше 87 % православных верующих не считают себя частью какого-либо одного прихода и посещают церковь эпизодически, по случаю и какую придется. Еще недавно были двory, в которых пенсионеры, играя в домино, все же приглядывали за соседями, а бабушки, сидевшие на лавочках перед парадным, судачили о нравственности

¹⁵ См.: Кирдина С. Г. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. 2004. № 10. С. 89–98; Она же. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2001.

тех или иных семей. Это хоть как-то восполняло отсутствие полноценного механизма социального контроля, действовавшего по принципу «Что люди скажут?» Сегодня и этого нет. А родственные отношения? Их разрушение в российской, и прежде всего в русской, среде, доведение некогда плотных родственных контактов до уровня эпизодического общения – общепризнанный факт. В таких условиях не вызывает сомнений и то, что представление о российском обществе как коллективистском, соборном и общинном – миф. Напротив, сегодня оно одно из наиболее атомизированных в современном мире. По результатам международных исследований (Европейское социальное исследование 2004–2005 и 2006–2007 гг.), социологи пришли к выводу, что *россияне лидируют среди жителей европейских стран по уровню атомизации социальных отношений, у них же самые низкие показатели ценности коллективизма*¹⁶. Эти же исследования свидетельствуют о крайне низком уровне готовности россиян к различным формам добровольной ассоциативной деятельности. Например, соседи еще могут договориться на уровне лестничной площадки, в масштабе подъезда – уже труднее, а соседи всего дома договариваются лишь при крайней нужде. В России же один из самых низких в Европе уровень взаимного доверия.

Об особенностях типов обществ традиционных, подобных тем, которые сохранились на Северном Кавказе, и детрадиционализированных, характерных для большей части территории России, уже давно говорят многие социологи и философы. Например, Ф. Фукуяма считает, что традиционные (он их называет «фамилистическими») общества более социализированы, чем общества с разрушенной традицией. Р. Патнэм придерживается иного мнения и показывает на примере Сицилии, что именно патриархальные общества ныне антисоциальны и зачастую порождают мафиозные кланы. Я же скажу словами товарища Сталина: «Оба хуже». К тому же общества этих двух типов и их возможности трудно оценивать по одним и тем же параметрам, поскольку проблемы в них разные. Так, с точки зрения, скажем, сохранения группового доверия, групповой сплоченности, совместного обеспечения выживания традиционные патриархальные общества оказываются более приспособленными к современной жизни в сфере повседневного быта. Вместе с тем высокий уровень доверия внутри таких общностей сочетается с высочайшим уровнем конфликтности между группами. Это затрудняет национальную консоли-

¹⁶ Магун М., Руднев Е. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1. С. 44.

дацию, продуцирует сохранность жестко авторитарных политических систем. А если авторитарные вожди, вроде Саддама Хусейна в Ираке или Надир-Шаха в Афганистане, свергаются, то наступает эра кровавых межплеменных или межэтнических конфликтов. В этом смысле материковая Россия куда менее конфликтна и менее подвержена жесткой авторитарности. Однако она характеризуется набором других проблем.

Нынешняя российская власть пытается опереться на российское общество как на традиционное. Но из этого ничего не получается, потому что основной механизм самозащиты, который был выработан большей частью россиян, утративших возможность использования традиционных групповых форм самозащиты, – это *имитация послушания*. С советских времен известна шуточная формула: «Вы думаете, что вы нам платите, так думайте, что мы вам служим». Этот принцип мышления ныне не только сохранился, но и развился. Россия стала страной всеобщей имитации. Так вот, распространенные представления многих обществоведов о якобы сохранившейся в России авторитарно-патерналистской традиции, на мой взгляд, ошибочны. Это вовсе не традиционное, а новое общество – *всеобщей имитации*. Центральная власть имитирует демократию, но проводит авторитарную политику, которая, однако, былую опору в народной культуре в значительной степени уже утратила. А региональные власти имитируют проведение авторитарной политики, но в действительности проводят политику анархии, т. е. делают что хотят, к своей выгоде. Население же делает вид, что со всем этим согласно, что почитает начальство всех уровней и рангов, а на самом деле уклоняется от всех видов взаимодействия с ним, уклоняется от ответственности («Барин правит, пусть барин за все и отвечает»), уклоняется от налогов, от службы в армии. Оно пытается уклониться и от чиновничьей коррупции, противопоставляя ей народный подлог («Почему я должен платить чиновнику за всякую справку, если за углом продают такую же, но дешевле?»). Это не традиция, это защитный социальный рефлекс населения. В таком поведении нет не только признаков обожествления власти, но и какого-либо ее уважения, зато есть имитация послушания. *Народ не сопротивляется властям, но и не исполняет их волю*. Поэтому на всех ветвях этой российской «вертикали власти» образуются мелкие или крупные баррикады, мелкие или крупные заторы.

При таком уровне атомизации общества и всеобщем недоверии вероятность внедрения в России норм правового государства крайне не высока, а без правовой институциональной системы современная инновационная экономика развиваться не может – это аксиома. Так что же – путь к инновационной модернизации для России закрыт?

«Российская система» не традиционна, но инерционна

Это еще один тезис, который я собираюсь отстаивать в своей статье. На мой взгляд, в основе российской инерции лежит не столько давление прошлого опыта (культурных традиций), сколько недостаток нового, прежде всего опыта самоорганизации, самоуправления и участия в государственном управлении. У жителей России нет представлений о тех преимуществах, которые дает солидарность людей, объединение их усилий и способность отстаивать свои интересы в процессе коллективных действий.

Думаю, что различие между давлением традиционного опыта и отсутствием нового понятна, но все же поясню его аналогией. Человек может отказываться от приобретения нового дома, потому что привык к старому или потому, что у него нет денег на новый. В первом случае возможность смены жилища связана с преодолением стереотипов сознания, а во втором – с накоплением неких ресурсов. Примерно такой же выбор стоит и перед Россией, провозгласившей курс на модернизацию страны. На чем ей нужно сосредоточить усилия? На преодолении сложившихся стереотипов сознания или, в большей мере, на приобретении новых ресурсов, включая и новые культурные навыки? При этом сама возможность приобретения нового опыта и новых навыков в чрезвычайно короткие сроки, на мой взгляд, подтверждается опытом тех самых 1990-х, которые ныне чаще всего описываются как эпоха хаоса и дезорганизации.

Американский дипломат Джордж Фрост Кеннан, большой знаток России, работавший в СССР с перерывами в 1930–1950-х гг., в 1951 году писал, о какой России нельзя даже мечтать американцам. Первым из этих признаков он назвал невозможность такого экономического устройства, которое основано на рыночной экономике, и обосновал свой вывод следующими соображениями: «Россия едва ли была знакома с частной инициативой, в том ее виде, к которому мы привыкли в Америке. К тому же торгово-промышленная деятельность не считалась в России таким почетным занятием, как на Западе»¹⁷. Действительно, исторически в России отношение к торговой деятельности было более негативным, чем в Западной Европе и Америке, в Средней Азии и на Кавказе. В советское время этот негативизм еще более возрос, однако в 1991–1994 гг. страна, казалось бы, утратившая за годы советской власти остатки опыта частного предпринимательства, продемонстрировала небывалые в мировой истории темпы прироста численности предпринимателей. За четыре года только в одну из его

¹⁷ Кеннан Дж. Ф. Америка и русское будущее // Новая и новейшая история. 2001. № 3.

разновидностей, в челночную торговлю, было вовлечено 10 млн человек – это бывшие доярки и учителя, инженеры и рабочие¹⁸. Пресса заговорила о том, что Россия стала страной торговцев. Образованное сообщество ропщет по поводу того, что в России сегодня все покупается и продается.

Оказалось, что необходимость борьбы за выживание и другие очень жесткие жизненные условия (иными словами, «сильные внешние импульсы») способны в короткие сроки изменить национальные культурные стереотипы, формировавшиеся веками. Не буду оценивать позитивность российского опыта форсированного роста слоя предпринимателей, скажу лишь, что этот опыт опровергает теоретическую догму, согласно которой «уровень образованности можно поднять при соответствующих затратах за непродолжительный период времени, тогда как культура труда формируется национальным историческим развитием и традициями, поэтому на ее изменение можно рассчитывать лишь в сравнительно длительной перспективе»¹⁹. Но трудовые ориентации на ту или иную сферу деятельности как раз и считались самыми инертными элементами культуры труда, однако для их изменения в России потребовалось три-четыре года, т. е. меньше времени, чем для получения высшего образования (5–6 лет).

Европейское социальное исследование 2004–2005 и 2006–2007 гг., одно из самых авторитетных международных сравнительных исследований, показало, что по структуре ценностей, размещаемой на оси ценности сохранения и готовности к изменениям, «Россия сегодня близка широкому кругу европейских стран»²⁰. По крайней мере, по этим признакам она не отличается от Бельгии или Нидерландов, а готовность ее населения к переменам выше, чем в таких странах ЕС, как Болгария или Польша. В наиболее урбанизированных, индустриальных регионах России ценности самостоятельности и готовность к риску являются ведущими социальными характеристиками для более чем половины опрошенных²¹.

¹⁸ «Челноки» – физические лица, перемещающие товары через границу в форме личного багажа (История челночного предпринимательства России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bishelp.ru/vne_format/detail.php?ID=30103. 18.04.2007).

¹⁹ Шкаратан О. И., Карачаровский В. В. Русская трудовая и управленческая культура. Опыт исследования в контексте перспектив экономического развития. [Электронный ресурс]. URL: http://p1.hse.ru/journals/wrldross/vol02_1/shkar_kar.pdf.

²⁰ Магун М., Руднев Е. Указ. соч. С. 44.

²¹ См.: Лапин Н. И. Ценности «сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Культура, культурные изменения и экономическое развитие: Симпозиум памяти Самюэля П. Хантингтона (24–26 мая 2010 г.): доклады. М.: ГУ–ВШЭ, 2010.

Значит ли это, что социокультурные условия России не создают никаких преград для инновационного развития? Нет, и такой вывод был бы неверен.

Во-первых, российская инициативность анархична. В России один из самых низких в Европе уровень уважения к правилам, нормам, и не только формальным (т. е. к закону), но и неформальным (религиозным, семейным, традиционно этническим и др.).

Во-вторых, в России самый низкий уровень взаимного доверия и слабо выражены те качества, которые в русском языке описываются с использованием слова «вера», а именно: сама вера, доверие и уверенность – все, что связано с представлением о вероятности свершения того позитивного, которое ожидают люди от Бога, от партнера или от будущего.

При низком доверии к партнерам и слабой уверенности в позитивном будущем, казалось бы, нечего и рассчитывать на развитие долгосрочных капиталоемких проектов типа технопарков усилиями частной инициативы. В таких условиях представляется совершенно естественным уповать на государство как на единственного субъекта, способного инициировать, финансировать и осуществлять строительство крупных капиталоемких проектов развития инновационной экономики. Во всяком случае, так понимают возможности такого развития многие известные российские экономисты. Так, академик А. Г. Аганбегян отмечает, что в России нет источников так называемых «длинных денег» в частном секторе, почти нет частных пенсионных фондов, крупных страховых, паевых, венчурных и других фондов, которые выполняют функцию кредитования долгосрочных проектов в США и Западной Европе. Отсюда его вывод – России рано отказываться от ведущей роли государства в модернизации, хотя бы потому, что единственным источником инновационного развития может быть только федеральный стабилизационный фонд, излишне большой в настоящее время²². О ведущей роли федеральной власти и федерального бюджета в инновационном развитии неоднократно заявляли и другие видные экономические теоретики, например академик О. Богомолов и директор Института экономики РАН Р. Гринберг. Но давайте вернемся от экономической теории к реальной практике. Она показывает, что из ловушки всеобщего недоверия не может выбраться и федеральная власть. Оказывается, недостаточно перераспределить средства из стабилизационного фонда в фонд индустриализации, нужно еще добиться, чтобы эти деньги не разворовали,

²² Аганбегян А. Не выкапывайте картошку раньше времени // Столица НСК. (Информационно-аналитический журнал). Новосибирск. 2009. № 2. Сентябрь. С. 18.

чтобы они были потрачены на целевые нужды. Оказывается, что даже самые приоритетные проекты национального значения, вроде Олимпийских игр, требуют не только громадных вложений, но еще и руководства с помощью лично доверенного человека, облаченного особыми полномочиями. Трудно представить, что с помощью таких комиссаров могут быть реализованы инновационные проекты в различных регионах страны. Генеральный конструктор ракет серии «Тополь» и «Булава» академик Юрий Соломонов в марте 2010 года заявил, что даже в самой дисциплинированной, самой закрытой и, казалось бы, самой контролируемой отрасли экономики – оборонной промышленности – «вертикаль не работает». По его мнению, ««военно-полицейские» методы управления не остановили деградации военпрома»²³.

С точки зрения моей темы еще важнее то, что воспроизводство традиционной для России модели вертикальной, верхушечной модернизации приводит и к воспроизводству одного и того же типа социально-культурных отношений в обществе, а именно отчужденности, правового нигилизма и тотального недоверия.

Существует жесткая зависимость и между различными проявлениями вертикально-иерархической организации общества и доверием. Так, концентрация власти влечет за собой рост коррупции, которая, в свою очередь, понижает уровень доверия в обществе. В России намного больше половины респондентов убеждены, что им никогда не удастся добиться справедливого отношения к себе со стороны чиновников; в Венгрии таких сомневающихся тоже много, но все же лишь около половины опрошенных; в Словакии и Чехии – чуть более трети²⁴.

Коррупция разрушает не только доверие населения к власти кроме самой высшей, но и горизонтальное доверие людей друг к другу, хотя бы потому, что люди имеют разные возможности пользоваться коррупционными связями. Эти связи не прозрачны, и уже это порождает взаимную подозрительность. Например, в России весьма характерным может быть такой диалог соседей: «Я не верю, что сын нашего соседа Х был принят в университет в результате честного конкурса, он учился в школе хуже моих детей. Скорее всего, его родители воспользовались своими связями, а у меня таких связей нет, вот мои дети и не могут стать студентами». Такую же подозрительность могут проявить люди в отношении

²³ «Ядерная вертикаль не работает!» – признал генконструктор «Булавы» // РИА «Новый регион». URL: <http://www.nr2.ru/policy/275338.html>.

²⁴ См.: Ловелл Д. Доверие и политика в посткоммунистическом обществе // Pro et Contra. Т. 7. 2002. № 3. Лето. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/67145.htm>.

любых других форм социального продвижения или доступа к большинству дефицитных социальных благ.

Исследования А. Коробкова показали, что коррупция и практически неограниченная власть бюрократии являются основными причинами, которые «останавливают даже тех живущих за границей российских ученых, которые искренне хотят вернуться в Россию и внести свой вклад в возрождение отечественной науки»²⁵.

Итак, при возрождении традиционного российского пути модернизации – только сверху – мы приходим к замкнутому кругу: низкий уровень доверия и низкий уровень уважения к закону как будто бы требуют возрастания роли государственной власти в модернизации страны. Однако такая концентрация власти снижает уровень доверия и ослабляет правосознание людей. Как вырваться из этого замкнутого круга?

Прежде всего, это связано с осознанием того, что жестко вертикальная система управления является скорее причиной, чем следствием низкого правосознания людей и низкого взаимного доверия в обществе. Следовательно, нельзя преодолеть отчужденность и недоверие людей друг к другу, не обеспечивая условий прозрачности, не поощряя их инициативу и самостоятельность. Как говорится, «нельзя сделать яичницу, не разбив яиц». Понятно мне и то, что позитивные перемены в социокультурном климате не могут быть проведены одновременно в масштабе всей страны. На Северном Кавказе, например, уровень межличностного доверия в группах очень велик, а почитание неформальных норм громадно. Однако эти группы, кланы замкнуты и пока наглухо закрыты от проникновения универсальных норм закона, они же слабо восприимчивы и к иным формам инноваций. На большей части России ситуация иная: здесь слабы традиционные нормы, а общество атомизировано. Одновременно здесь же при низкой традиционности велика доля лиц, готовых к риску и инновациям. В наиболее урбанизированных регионах России, по мнению одного из наших ведущих социологов, члена-корреспондента РАН Н. Лапина, *нет ценностных барьеров для развития инновационной экономики. Такие барьеры вырастают вследствие разрыва между интересами основных агентов инновационных процессов (авторов инновационных идей, инвесторов, производителей инноваций), с одной стороны, и сложившейся в стране системой управления, руководствующейся интересами, далекими от*

²⁵ Дубинская И. Диагноз российской науке: утечка мозгов [Электронный ресурс]. URL: <http://www1.voanews.com/russian/news/Analysis-and-perspectives/Russian-Science-Open-Letter-Part-Two-2009-10-06-63710747.html>.

развития инноваций, – с другой. В его исследовании выявилось следующее. Наилучшие показатели реального проявления инновационной экономики (создание мест приложения труда и предоставление инновационных товаров и услуг) характерны для регионов с весьма заурядными показателями социально-культурного климата, прежде всего для Пермского края, где социокультурные показатели средние, а реальные достижения в сфере развития инновационной экономики наивысшие среди обследованных областей России. За счет чего это произошло? Федеральная власть не вкладывала дополнительных средств в эту сферу, а у региональных властей нет средств для самостоятельного развития инновационной экономики. Зато у нее есть возможности использования местного законодательства, а также экспериментальных форм управления, *обеспечивающих более приемлемые, чем в среднем по стране, институциональные условия развития инновационной экономики.*

Итак, при нынешних институциональных условиях модернизация в России может носить лишь очаговый характер и пробиваться лишь в отдельных регионах, в которых местные власти способны хотя бы отчасти нейтрализовать общую институциональную неготовность страны к развитию инновационного общества и его экономики. Вовлечение же большей части России в этот процесс может основываться лишь на радикальных изменениях как институциональных социально-политических, так и культурных условий в стране.

Изменение политических институтов как стартовое условие конструирования нового культурного климата

Новый социально-культурный опыт, основанный на рациональных формах массового сознания и на правовых отношениях, может сложиться лишь в определенной политической среде. Нельзя научиться плавать по самоучителю, живя в пустыне, нельзя освоить практику правовых отношений и правовой этики в стране, где не существует независимого суда. Следовательно, создание свободной, демократической институциональной среды является стартовым условием формирования рациональной, правовой культуры общества. По этой причине упомянутые мной в начале статьи ожидания И. Юргенса относительно перемен в сознании россиян за 25 лет можно признать утопией, если предварительно не произойдут изменения политических институтов. На сколько лет будут отложены перемены в этой сфере, на столько же (и даже на более длительный срок, учитывая инерционность массового сознания) будут отодвинуты и культурные сдвиги в обществе.

В то же время культура не является только зависимой от политической среды переменной. Она сама влияет на укоренение новых политических институтов. В 1990-е гг. в России предпринимались попытки изменения политических институтов, но многие из них не прижились. Зачатки федерализма, местного самоуправления, свободных выборов и свободной же прессы ныне остались в основном лишь в воспоминаниях. В соседней Украине после «оранжевой революции» были проведены еще более глубокие, чем в России, изменения политических институтов. Но оказалось, что за 8–9 месяцев после избрания президентом В. Януковича (февраль 2010) многие из завоеваний этой революции были демонтированы без значительного сопротивления общества.

Опыт постсоветских государств подтверждает выводы многих известных политологов и социологов (Ч. Тилли, Р. Патнэма, Р. Инглхарта и др.) о том, что демократические институты приживаются в обществе лишь при условии их органичной интеграции в культурные традиции народов и опоры на эти традиции. Только культурные традиции позволяют легитимировать новые политические институты. При этом речь идет не обязательно о многовековых традициях. Опыт многих стран показывает, что утверждение новой политической культуры или радикальная смена устоявшихся культурных стереотипов может происходить за сравнительно короткий по историческим меркам промежуток времени. Некоторые постсоветские страны все-таки сумели обеспечить переход от советской к современной либерально-демократической правовой системе. И это не только прибалтийские страны с их католической и протестантской культурой, но и православная Молдавия. В этой беднейшей стране с высоким оттоком населения и многими другими проблемами конституционно-правовые условия позволяют как коммунистам, так и антикоммунистам сменять друг друга у власти легально, не выходя за рамки конституционно-правового поля. Что роднит Молдавию со странами Балтии? Эти республики позже других присоединились к СССР. Молдавия (тогда Бессарабия) была включена в состав СССР только в 1940 году. Оказалось, что за 23 года после распада Российской империи в Бессарабии успела сложиться политическая традиция парламентаризма. Но ведь и психологическая демилитаризация Германии, отказ от идеи «зондервег» (особый путь), очень похожей на нынешнюю идеологию России, тоже произошли за 20–25 послевоенных лет. Для радикального изменения расовых предрассудков в США потребовался примерно такой же срок. Что такое эти 25–30 лет? Это время активной жизни одного поколения, и этого времени бывает достаточно для начальных стадий формирования некой культурной традиции.

Кому-то может показаться, что из моих рассуждений вытекает некое неразрешимое противоречие. Для утверждения новой культуры нужны политические перемены, в то же время сами политические инновации не закрепляются при отсутствии соответствующей культурной традиции. Что же делать?

Отмеченное противоречие, на мой взгляд, мнимое, искусственное. В российских условиях, как я пытался показать, сложившаяся народная культура не препятствует установлению новых политических институтов. Другое дело, что она не обеспечивает их закрепления в общественном сознании, не легитимирует их. К тому же и новая политическая среда не ведет автоматически к переменам в культуре. Для этого необходимы целенаправленные усилия государства и общества – нужна программа выращивания новой культуры. Главным содержанием этой деятельности должно стать создание таких правил игры, при которых интересы групп, соответствующие импульсам модернизации, поддерживаются, а противоположные им – блокируются. Далее, должны быть созданы условия для *конструирования новых традиций*.

В политической практике постсоветских государств не было не только попыток разработки программы культурного освоения демократии и конструирования новой культуры, но и самой постановки такой проблемы. В 1990–2000 гг. одни политики-реформаторы рассматривали культуру как простое следствие политических и экономических перемен, другие, напротив, мистифицировали ее свойства, представляя в роли некой неизменной сущности, приросшей навеки к телу народа и выступающей в качестве фатальной предопределенности. Стоило бы вернуться к исходному, древнейшему определению культуры как «возделыванию, выращиванию». Еще Цицерон называл культуру «возделыванием души». В этом смысле весьма плодотворным представляется понятие «изобретение традиции», введенное в научный оборот Э. Хобсбаумом в 1980-х гг., но, к сожалению, мало освоенное в политической практике²⁶. Подход к культуре с позиций конструирования традиций позволяет устранить кажущуюся противоречивость многих современных процессов и дает надежду на позитивные перемены в обществе в обозримых исторических рамках.

Вот и России нужна политика выращивания традиций модернизации из остатков подлинно традиционной культуры и за счет моральной легитимации новых ценностей. Опыт политики конструирования культуры существует в мире. В государстве Израиль был возрожден к жизни по сути мертвый,

²⁶ Hobsbaum E., Terence R. (eds.) *The Invention of Tradition*. Cambridge, 1983. P. 1–2.

забытый язык – иврит. Известно, сколь значительную роль в создании японского «экономического чуда» сыграли социально-культурные факторы. В Японии поддерживается традиция верности фирме с помощью материального и социального поощрения работников, включая, например, систему «пожизненного найма» работников. Между тем это сравнительно новый конструкт, который во многом искусственно инкорпорировал в себя давние традиции преданности семье, роду, общине и почитания старших. В период экономического кризиса 1929–1933 гг. ничего похожего на систему пожизненного найма в Японии не наблюдалось. Напротив, в это время на предприятиях отмечалась беспрецедентная текучесть кадров, а в сельской местности весьма бурно протекал процесс разрушения сельских общин и оттока сельского населения в города. Система «пожизненного найма» в ее нынешнем виде сложилась лишь в середине XX века, при этом ныне она характерна в основном для малых и средних предприятий. На крупных же предприятиях с числом занятых свыше 5 тыс. человек такая форма найма распространяется лишь на четверть занятых работников, как правило, наиболее квалифицированных. В периоды же расширения предприятий или их радикального перевооружения она и вовсе не применяется. Не случайно знаменитый топ-менеджер Акио Морита, основатель фирмы Sony, писал, что «для поддержания стремительного роста мы не могли опираться на традиционную систему найма новичков»²⁷.

Разумеется, я не предлагаю копировать японские изобретения, речь идет лишь об использовании парадигмы «конструирования традиций», с помощью которой легитимируются инновации, им придается образ традиций. Например, элиты могли бы поддержать идею восстановления российской традиции либерализма, хорошо проявившуюся в конце XIX – начале XX века²⁸. О ней вспоминают ныне лишь некоторые историки общественной мысли, в то время как массовой аудитории она практически неизвестна. Такое конструирование (или реконструирование) было бы чрезвычайно полезным для восприятия либерализма и демократии как явлений, имеющих в России собственные корни.

²⁷ Цит. по: Морозов Ю. Социокультурные особенности японского пути модернизации (Ver. 1) [Электронный ресурс]. URL: http://www.sociodinamika.com/puti_rossii/05.html. См. также: Маленова Ю. Что такое классический японский менеджмент? [Электронный ресурс]. URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-6808>.

²⁸ Российский либерализм. Идеи и люди М.: Новое издательство, 2007. С. 904; Кара-Мурза А. А. Интеллектуальные портреты: очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. М.: Изд-во ИФРАН, 2009. Вып. 2. С. 160.

Возможно, при конструировании традиций модернизации в России стоило бы из традиционной русской культуры взять за основу ценности жителей великой державы, их амбициозность. Эта ценностная ориентация, как любая, отдельно взятая, может иметь как позитивные, так и негативные последствия. Ложная амбициозность может быть самооправданием бездеятельности. Амбициозность, соединенная с фобиями, может стать источником агрессивности и т. д. Но она же выступает и стимулом для развития и, кроме того, ныне является основой национального консенсуса. Все политические силы согласны с тем, что Россия не должна быть отстающей в мировой экономической конкуренции и не может быть периферийной экономикой. Она должна войти в число лидеров – об этом говорит как руководство страны, так и различные ветви оппозиции. И эта традиционная ценность «Знай наших!» – важнейший стимул инновационного развития.

Важной культурной опорой модернизации является и сложившаяся в России, ставшая уже традицией готовность большей части россиян к освоению новаций, к риску. Это культурное качество нуждается в специальной культурной обработке. Прежде всего оно должно быть очищено от анархизма, безразличия людей к нормам закона.

Если же говорить о культивировании новых ценностей и превращении их в традиции, то это в первую очередь легитимация идеи собственности, которая никогда не была священной на Руси. Не менее важную роль играет этическая подготовка общества к восприятию идеи правового государства, легитимация этой идеи. Такая легитимация была характерна для большинства стран мира и всегда охватывала сравнительно длительный период.

* * *

Подводя итог анализу российской специфики социально-культурных условий модернизации, подчеркну, что, на мой взгляд, она состоит вовсе не в избыточной традиционности российского общества, а, напротив, в слабой сохранности традиций, разрушенных в период тоталитаризма. Эту культурную специфику не стоит рассматривать только лишь в качестве ограничителя для проекта модернизации, поскольку она содержит и некий положительный ресурс, способный обеспечить конкурентные преимущества России, например, в сфере внедрения инновационной экономики. Главный же мой вывод состоит в том, что проект модернизации России должен включать в себя рациональную последовательность шагов ее реализации. Ее начало связано с изменениями институциональной среды, открывающими возможность для целенаправленного выращивания культуры модерна, формирования традиций модер-

низации, которые, в свою очередь, обеспечивают закрепление в обществе политических изменений и блокируют возможность отторжения в будущем новых политических, правовых и социальных институтов.

И все же, если говорить об актуальных преградах для становления демократического правового государства в России и ее модернизации, то они, на мой взгляд, связаны не столько с традиционной культурой и даже не столько с состоянием политических институтов, сколько с психологией безнадежности, парализующей социальную активность общества. Навязываемый ныне массовому сознанию образ народной культуры или особой российской цивилизации как рока усиливает ощущение такой безнадежности. Поэтому политические силы, заинтересованные в модернизации России должны были бы в первую очередь содействовать преодолению такой психологии, доминирующей ныне в массовом сознании и подавляющей веру российского общества в возможность улучшения жизни собственными силами.

Кризис современности в России

Плюрализм понимания кризиса характерен для всех стран и народов. Однако и здесь Россия имеет выраженную, хотя и не во всем очевидную, уникальность. Тем более если речь идет о современной России. Человечество, нация, цивилизация здесь по-особенному бросают вызов личности, этничности, культуре.

Теоретически огрубляя ситуацию, как правило, обнаруживают сравнимость (схождения и расхождения) абстрактных (чаще инвариантных и универсальных) характеристик нашей страны и институтов цивилизации и культурных феноменов как таковых. Достаточно вспомнить семью, право, коммуникацию, личность, гендер. Образы жизни как подлинность первичного уклада и впечатлений, суждения приемлемости с точки зрения интуиций справедливости, взаимность и отчужденность частных и публичных представлений общительности, вариации знания и ощущений границ своего «я», ожидаемые сюжеты мужественного и женственного – все это повсеместные параметры человеческих обществ, имеющие устойчивость локальных и этнических акцентов.

Избыток оценок и трансформаций, обнажающий основы, зачастую оказывается наиболее заметным результатом изучения подобных сущностей. Именно в таком ряду уместны критические оценки и смыслообразы современной России. А при всем разнообразии мнений достаточно досадна сходная путаница экспертных суждений, когда общечеловеческие достижения и пороки пытаются возложить на русскую цивилизацию, фактически подрывая саму возможность внятного понимания ее действительной уникальности. Такие ограниченные суждения характерны в равной степени для последовательных недоброжелателей и сомнительных патриотов России. Этой публике легко понимать друг друга, поскольку Россия как таковая ими не замечена и репрезентирует фигуру речи и инструмент борьбы разногласий внутри взаимного конфликта.

Полагаю, что разговор о трудностях, о кризисе современной России имеет смысл разделить как минимум на проблемы совре-

* *Константин Михайлович Ольховиков* – д-р филос. наук, профессор кафедры социологии и социальных технологий управления УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

менности в России и проблемы российской идентичности как таковой на разных этапах ее эволюции. Остановимся на первом моменте, на который реже обращают внимания участники актуальных полемик о России.

Своеобразие современной российской ситуации во многом формируется несовпадениями и столкновениями постсоветского и построссийского (по большей части, того же советского). При этом сама ситуация в значительной степени остается трудностью перевода имеющихся различных мотивов и пристрастий на язык корректных суждений. Возникла и растет достаточно досадная мешанина расхожих оценок, установок и впечатлений, циркулирующих в массовой коммуникации, где Россия и СССР становятся чем-то вроде персонажей комиксов и анекдотов. Особенно грубо и зримо это отражено в программной политике телеканалов, где разного рода частные подробности из жизни звезд и не только обильно перемежаются «ностальгиями» по поводу чего угодно. И все замешано на компромате, который сообщает этим образом притягательность дурной бесконечности.

Насыщенность и резкость социокультурных трансформаций последних трех десятилетий способна поставить в затруднительное положение любого пытающегося понятно рассказать об особенностях житейских ситуаций того или иного десятилетия российской жизни. Пожалуй, с этой проблематичностью переживания современности как сравнимости разных времен в России сталкивается большинство наших сограждан, тем более преподавателей, работающих и общающихся со студенческой молодежью. Все мы вышли из общего недавнего прошлого, которое все более непредсказуемо и разнообразно живо. Так, согласно многолетним исследованиям Левада-Центра, советский человек еще жив в современной России. Более того, возможно быть советским человеком, будучи рожденным после распада СССР.

Не рискуя пускаться в путешествия по местам коллизий социальных пространств и времен, нельзя не отметить достаточно очевидное чередование символических побед то одного, то другого в России за последнее столетие. Так, освоение территорий, как и изменения календарей и часовых поясов, казалось бы, вполне самодостаточны и порождены сходными желаниями властителей. Здесь очевидна глубинная связь реформ времени с революционностью, а реформ территориальности – с мифами, но не только. В своеобразной борьбе времени и пространства, привлекающей различных участников по изменчивым поводам и сюжетам, все отчетливее просматривается трагическое расхождение идентичности и современности. Разного рода проекты и реформы всегда безжалостны по отношению к идентичностям, но последние имеют шан-

сы выжить, осваиваясь в современных тенденциях и переменах. Идентичности выживают, становясь частью и значимыми агентами современности. И именно современность становится необратимым препятствием к воспроизводству и обновлению российской идентичности сегодня. Современность как проблема интегрирует в себе симптомы неудач и рисков российской идентичности.

Проблема современности не существовала бы для России, не имея под собой внутренних оснований, присущих не только исходным смыслообразам российской жизни, но и ее публичным институциональным проектам. Разумеется, социальное сравнение российского общества и российской культуры с разнообразием иных обществ и культур всегда актуально, но мы остановимся на сравнении российских носителей кризиса современности с самими собой. Говоря о России, многие эксперты легко упускают из виду сам предмет разговора, переходят на другое, как правило связанное с борьбой разного рода инструментальных схем и суждений. Имеет смысл взглянуть и на эту схематику как на коренной симптом кризиса современности в России. Довольно часто и много говорят о необъятности России, ее обширности и разнообразии, древности и многоликости, о почти неисчерпаемом богатстве природы и культуры. Но стоит обратиться и к феномену неисчерпаемости ресурсов бюрократического роста в России, о которой, кажется, сказано не мало. К тому же, в наши дни тема бюрократии стала созвучной с менеджментом, который, вроде бы, призван пресечь и заменить собой «распухание» институциональных структур, но происходит нечто совершенно иное и мало предсказуемое. Рост этой инновации в российской действительности требует отдельного внимания, которое ожидаемо и полезно в контексте обсуждения институциональных рисков и возможностей жизни в нашем Отечестве.

Нарицательный образ менеджмента сформирован по преимуществу практиками и компетенциями так называемого «менеджмента среднего звена». Топ-менеджмент пока удерживает вокруг себя изрядное количество мифологических чар престижа и могущества, а техническое управление, будучи генетически исходной формой менеджмента как такового, не вызывает ассоциаций с управленческими инновациями. Иначе говоря, то, что удалено на социальную дистанцию, но доступно публичному вниманию, и то, что непосредственно приближено, но не интересует широкую публику, выпадает из области рассуждений и оценок современного менеджмента. И менеджмент среднего звена очевидно растет, принципиально актуализируя его интерпретацию Т. Парсонсом, который указывал на временность этого уровня менеджмента, его коммуникативную перегруженность, его бесперспективность перед лицом роста технических инструментов и инструментов социальной

ответственности. Развитие коммуникации неизбежно ведет к гармонизации уровней управления. Но именно от этого современная Россия достаточно и всерьез далека. Разумеется, дело тут не только в «догоняющих» сценариях менеджериальных инноваций. Внутренняя динамика эволюции менеджмента в качестве института современной цивилизации, с его неизбежными инерциями и периодическими инструментальными перегрузками, не способна сама по себе объяснить те причудливые сочетания менеджмента с несовременностью, которые так симптоматичны для ключевых публичных институтов современной России.

Столкновение современности с управлением понятно в той мере, в какой очевидны трудности роста и адаптации большинства современных социальных технологий. Но этого понимания недостаточно для превращения этого столкновения в устойчивый кризис и своеобразную цивилизационную идентичность России. В самом деле, внедрение менеджмента в различные институциональные сегменты российской жизни происходит тремя основными способами: (1) небезосновательная инерция советского опыта организационной активности, (2) фактическая легализация «преступных» с точки зрения советской идеологии практик предпринимательства, (3) явно ювенальный энтузиазм изучения и применения передовых, по преимуществу западных, социальных технологий. Сходные тенденции обнаруживают себя во многих странах современного мира и не объясняют вполне российской специфики. Естественно, трудности нашей страны не выскакивают в гущу жизни без объяснимых причин, в том числе и общего плана, но попытки адекватной оценки факторов прямого действия, приводящих к этим трудностям, пока далеки от успешности.

В любом случае, органические пределы институционального кризиса тесно взаимосвязаны с действующими социальными идентичностями. В этом отношении вновь значима метафора Н. Бердяева, говорившего о России как бездне, хотя и по весьма трагичному поводу русского коммунизма. Идентичность бездны, сталкивающаяся с современностью, ставит вопрос об идентичности современности. Пока как внутреннюю проблему носителя этой аморфной идентичности и ее незавершенных последствий.

Подавляющее количество современных идей и публикаций в области менеджмента затрагивают сюжеты функционирования мотивации. Но успешная мотивация избегает крайних значений, будь то личностные амбиции, индивидуальные склонности, групповые ожидания. Пределы роста современного менеджмента пересекаются с пределами его внедрения в современной России. Менеджмент – не классическая теория, и даже не вполне приемлемое с точки зрения классической рациональности прикладное знание. Это

стратегия и тактика командной игры по непредсказуемо изменчивым институциональным правилам. Но у непредсказуемости есть ожидаемые пределы, в которые не укладывается современная Россия. Поскольку менеджмент нельзя насаждать, подобно картошке, то и ожидаемые успехи от внедрения менеджмента нельзя оценить, если он не становится автохтонным порождением организационной культуры. Ситуация не внедряемого, а насаждаемого менеджмента – синдром институционального кризиса, фактического отсутствия управленческой культуры. Но эта же ситуация создает шанс ожидаемого старта на более высоком уровне социально-технологических процессов глобального развития человеческого сообщества. Жаль, что любая пауза также очевидно создает и зримое упущение сегодняшних возможностей, которые выбирать нужно было вчера.

Кризис – вечное начинание, перед лицом которого проблематичны любые страны и народы. Современная Россия – неотъемлемая часть кризиса современного человечества, и в силу этого рискованно задерживается у истоков радикализации собственной идентичности.

О. А. Блинова*

С чего начинается модернизация России?

В 2009 году в статье «Россия, вперед!» Д. А. Медведев сформулировал необходимость модернизации России. При этом он предложил опираться не на традиции, не на авторитет прошлого (хотя надо признать, что именно на этих традициях прошлого держится единство России и российского народа сегодня), а пытаться выработать собственный путь, путь современной России. «... Современная Россия не повторяет ошибок прошлого. Наше время по-настоящему новое. И не только потому, что оно течет вперед, как всякое время. Но и потому, что открывает перед нашей страной и перед каждым из нас огромные возможности» [1].

Приоритетными направлениями в модернизации России президент назвал такие технические сферы, как «энергетика», «ядерные технологии», «информационные технологии», «медицинские технологии», «наземная и космическая инфраструктура передачи всех видов информации». Но нужно заметить, что модернизация предполагает также изменения и в гуманитарной, социальной сфере, а именно изменение национальной идентичности. Можно даже сказать, что, прежде чем модернизировать технические сферы и внедрять инновации, необходимо произвести модернизацию национальной идентичности. Для современной России поиск и формирование национальной идентичности приобретает особое значение, так как только четко сформулированная национальная идентичность обеспечивает стабильность социальной структуры и устойчивость развития общества. Начиная с постсоветского периода, Россия испытывает необходимость формирования новой национальной идентичности, так как после распада СССР Россия вынуждена была заново самоопределяться и как национальное образование, и как государственное образование, и как культурное. Таким образом, любая модернизация в любой сфере жизни общества должна в первую очередь начинаться с модернизации национальной идентичности, которая позволит гражданам обрести четкий образ себя, своей принадлежности к единому государству, что сформирует открытость к взаимодействию с внешним миром и к происходящим в нем изменениям. «Процесс модернизации мож-

* *Олеся Александровна Блинова* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии УрГПУ (г. Екатеринбург).

но рассматривать как процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, который требует предваряющего изменения идентичности людей модернизирующегося общества и завершается сменой их идентичности» [3].

Современная Россия переживает кризис идентичности. Кризис в данном случае понимается как «неизбежный поворотный пункт, критический момент, после которого развитие повернет в ту или иную сторону, используя возможности роста, способность к выздоровлению и дальнейшей дифференциации» [4]. Все эти изменения в первую очередь предполагают изменения идентичности людей/человека. Кризисные явления сегодня происходят в экономической, политической, информационной и правовой сферах жизни общества, и определить эти явления можно как глобализацию, которая сказывается на культуре, науке, социальной и частной сферах жизни человека. И именно процесс глобализации затрудняет поиск идентичности современного россиянина/россиян. Э. Эриксон говорил, что для идентичности необходимо соблюдение двух условий: ощущения тождества самому себе и постоянство во времени и пространстве. Те же условия можно отнести не только к личной, но и к национальной идентичности. С одной стороны, верно, что любые изменения должны опираться на традиции и социокультурный опыт прошлого, так как в противном случае образуются разрывы в культуре, а в процессе обретения различных идентичностей из разных эпох разрушается целостность культуры и все возможные успехи модернизации могут обернуться ее поражением. «Глобализация является сильнейшим испытанием для национальной и культурной идентичности, основным средством преодоления которой выступают диалог и преемственность культур» [2].

С другой стороны, в рамках глобализации сохранение традиций и опора на них становится затруднительной, так как глобализация предполагает мультикультуральность и формирование транснационального экономического пространства. В жизнь людей, привыкших к своей национальной, локальной культуре, вторгается новый мир, большой и незнакомый. И людям необходимо научиться жить и действовать в этом вновь образовавшемся социально-культурном пространстве, найти в нем свое место, определить новую шкалу ценностей и выстроить новую систему отношений, осознать себя носителями единой государственности.

В России, даже по истечении десяти лет нового тысячелетия, осознание процессов глобализации находится на периферии общественного сознания. Основная масса людей живет локально, замкнуто. Люди, бывающие за границей (туристы, бизнесмены и пр.), остро ощущают собственную инаковость, не зная, каким образом на нее реагировать, – то ли постараться преодолеть ее, то ли отстаивать собственный национализм.

Чаще всего соотечественники выбирают уход в национализм, утверждая «особый» путь развития России, который полностью учитывает специфику исторического, культурного и политического развития общества. Утверждая, что Россия не будет повторять ни один из имеющихся путей модернизации, что ей необходим свой собственный путь, который гармонично сочетал бы в себе и модернизационные и традиционные стремления. При этом трудность состоит в том, что этот «особый путь» люди представляют по-разному, а некоторые и вовсе не имеют четкого представления об этом.

Трудность обретения национальной идентичности заключается еще и в том, что в России модернизация всегда проходила «от противного» и через постоянное соотнесение с прошлым опытом. Если появлялся человек, обладающий ресурсами и возможностями продвинуть модернизацию вперед, то ему приходилось действовать «вопреки», чтобы доказать социальным и политическим институтам свою эффективность. В результате этого у граждан России исторически не сформировано понимание частной собственности, а также политическое и правовое общественное сознание. Большинство граждан отстранено от реального участия в политической жизни страны, в результате чего люди не осознают себя гражданами своей страны, способными управлять ходом происходящих в ней процессов, что, естественно, не позволяет им сформировать единую общенациональную идентичность.

Специфика выбора пути обретения национальной идентичности для России заключается также в ее географическом положении. В силу ее географического и геополитического промежуточного положения между Европой и Азией, в российском обществе присутствуют как «западная», так и «восточная» модели обретения идентичности. В личной и культурной сфере доминирует «западная» модель, нацеленная на рациональное поведение, опору на собственный опыт и достижение индивидуального счастья, тогда как в политической и социальной сферах ярко проявляются противоположные черты: патернализм, клановость, слабо развитое правовое сознание. В результате необходимо сформулировать такой путь обретения национальной идентичности, в котором бы соединились обе модели и было установлено их гармоничное единство.

Подводя итог, нужно заметить, что, на наш взгляд, проблема идентичности в России сегодня стоит острее, чем экономические проблемы, так как отсутствие четко определенного пути обретения и формирования общероссийской идентичности грозит дальнейшим обострением кризиса идентичности и, соответственно, утратой ценностных и морально-нравственных ориентиров у современной российской молодежи, и не только у нее. Поэтому для

дальнейшей успешной модернизации России, за которую так ратует президент Российской Федерации Д. А. Медведев, дальнейшего успешного вхождения России в общемировое культурное и экономическое пространство, необходимо выработать государственную политическую программу, которая будет опираться на эффективную социальную интеграцию и на разумное сочетание этнической и общероссийской компоненты, на создание единой общероссийской идентичности как у молодежи, так и у других слоев населения.

Литература

1. Медведев Д. А. Россия, вперед! [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml
2. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2002. С. 16.
3. Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997. [Электронный ресурс]. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/fedotova_modernisacija/01.aspx
4. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. М.: Филлита, 2006. (Серия: Библиотека зарубежной психологии). С. 25.

И. Я. Рожков*

Бренд-имидж России

Россия постоянно находится в состоянии конкурентной борьбы за рынки, ресурсы, жизненные пространства, политические, экономические, финансовые выгоды, инвестиции, потоки туристов, участие в производственной и научной кооперации, приток квалифицированных специалистов и рабочей силы. Стране приходится жить по законам рынка, предлагать свои особенности, возможности и преимущества, назначая за них «цену». Вместе с тем, уровень конкурентоспособности России, как и подавляющего большинства составляющих ее интегрированного образа – регионов, городов, отраслей, предприятий, товаров и услуг, в основном намного ниже, чем у ведущих промышленно развитых государств. В силу множества объективных и субъективных причин практически все эти элементы бренд-имиджа России не приобрели статусов *сильных, уважаемых брендов* – неперемного условия эффективного функционирования на мировом и местном уровне их самих и страны в целом.

Причина – не только в политическом, экономическом, социальном, культурном, правовом и интеллектуальном состоянии страны. Чтобы радикально улучшить имидж России, нужны не только модернизация практически всех ее институтов, но и новые, отвечающие современности коммуникационные подходы и технологии. Если Россия живет по законам рынка, логично для формирования, продвижения и укрепления ее положительного имиджа использовать подходы и технологии *брендинга*, апробированные мировой рыночной практикой.

Бренд-имидж страны формируется не только под влиянием веками сложившихся мнений, суждений о ней, а также стереотипов, которые бытуют среди ее населения или во внешней среде. Мы знаем отношение к нам и наше отношение к самим себе. Знаем массу недостатков, присущих нашему обществу. Знаем, как неуклюже реагирует наша власть и ею контролируемые СМИ на критические ситуации, усугубляя проблемы. Знаем, как осуществляется целенаправленная обработка общественного мнения в других странах, в результате чего формируются крайне негативные представ-

* *Игорь Яковлевич Рожков* – д-р экон. наук, профессор кафедры связей с общественностью МГИМО (У) МИД России (г. Москва).

ления о России, а ее недостатки становятся картами в политической игре и конкурентной борьбе. В мировых рейтингах конкурентоспособности Россия находится по соседству со странами, которые трудно назвать цивилизованными.

Можно ли вообще в создавшейся ситуации создать привлекательный образ России, а если можно, сколько времени для этого потребуется? Нужно ли вообще заниматься данной исключительно сложной проблемой? И, наконец, главный вопрос: «Как?» С какой стороны подойти к ее решению?

Страна воспринимается общественностью и бизнес-средой в соответствии с их знаниями о ее характеристиках, отношениями к ее особенностям, мнениями о ней, собственными убеждениями, представлениями о ценностях, предрассудками и ожиданиями. На бренд-имидж страны влияют факторы, связанные не только с историей, традициями и состоянием отношений между соответствующими государствами и их народами, но и концептуальной обоснованностью и активностью мероприятий, с помощью которых страна себя продвигает на международной арене, деньгами, которые для этого выделяются, продуманными организационными и политическими усилиями.

Данное восприятие может со временем корректироваться и даже радикально меняться. Многое зависит от контекста. Радикально изменились образы послевоенных Германии и Японии, мощный рывок сделали Финляндия, Сингапур, который благодаря умной политике, настойчивости и усилиям его премьера Ли Куан Ю из загнивающей страны Третьего мира превратился в процветающее государство. Стремительно меняется бренд-имидж Китая.

Мировой опыт показывает, что имидж страны изменить возможно. Но за какое время? В России, в силу ее современного состояния и специфики, этот процесс, по-видимому, будет долговременным. Вряд ли в ближайшее время возникнет ситуация, которая мгновенно сформирует массовые симпатии к ней.

Нужно ли в этом случае заниматься созданием сильного бренд-имиджа «Россия»? Представляется, абсолютно необходимо, причем именно сейчас. *Заложение концептуальных, технологических и инструментальных основ функционирующей системы его формирования – наш долг перед будущим поколением.*

Нужны не традиционные пропагандистские ухищрения, во многом декларативные и декоративные программы, отчеты и рапорты, радужные картинки и обличения, а формирование путем современных коммуникационных технологий ясного представления собственной и зарубежной общественности о сути и перспективах сделанных государством и российским обществом шагов в различных сферах – политической, экономической, социальной, о реальных

действиях. Это представление должно базироваться на легко воспринимаемых лаконичных формулах, как, например, позиционирование Китая.

На формирование положительного имиджа страны работают не отдельные спонтанные мероприятия, а их *скоординированный комплекс, активно продвигающий информацию о ней, основанную на продуманной аргументации, вызывающих интерес уникальных предложениях, привлекательной визуализации, вызывающей положительные ассоциации. Функционирование этого комплекса должно быть нацелено на долговременное действие, а главное – он должен быть хорошо организованным и технически оснащенным, подкрепленным существенными денежными ресурсами.*

Чтобы создать позитивный образ страны, нужно *концептуально объединить разнородные фрагменты профессионально выстроенной виртуальной «системой координат», ориентирующей тех, на кого направлены потоки информации, «заряженные» символическими значениями, вызывающими положительные ассоциации и эмоции.* Символы, насыщенные запрограммированными ассоциациями с объектами, событиями, явлениями, новыми тенденциями развития страны, следует, прежде всего, транслировать влиятельным персонам – потенциальным ретрансляторам направленной на них информации – лидерам мнений, представителям элит, зарубежных диаспор.

Соединить отдельные фрагменты целенаправленной информации возможно только основополагающим «стержнем» – идеей. Очевидно, что сегодня крайне необходимо помочь россиянам обрести свою идентичность, дать им координаты их бытия, ориентиры, понимание истории, связей прошлого, настоящего и будущего, национальную идею и найти аргументы, чтобы эта идея приобрела положительные очертания в умах зарубежной общественности, в том числе российских диаспор.

Одним из оптимальных путей могло бы быть принятие на вооружение *идеи «неоевразийства».* Россию многие воспринимают в качестве «моста» (или «буфера») между Европой и Азией. Исторически предопределено, что модель развития страны отличается и будет отличаться и от западной – либеральной, и от восточной – корпоративно-патерналистской, одновременно сохраняя черты и той, и другой. *Эта модель должна быть синтетической – евразийской, готовой утверждать свои собственные позиции в философском, социологическом, политологическом и культурологическом дискурсе Запада и Востока.*

«Неоевразийство» – это ремейк известной идеи «евразийства», однако на новом уровне – свободном от национа-

листической, местнической, мистической и имперской доминант – эта идея не является жестко отграниченной от иного мира системой, которую выстраивало ортодоксальное представление России самой себе и внешнему миру. И в то же время – это путь, отличный от путей, которыми идут Запад и Восток.

Взятая в качестве отправной точки «неоевразийская доминанта» российской национальной идеи может и должна быть логичной и органичной платформой бренда «Россия» (философия, цели, ценности) и распространена на самые различные аспекты общественной жизни, внедрена в массовое сознание.

В политической сфере страна получает возможность защитить от активной критики со стороны Запада свое устройство, объединяющее традиционное для Востока единоначалие (вертикаль власти) с демократическими институтами цивилизованного мира. Данный подход позволит разработать гибкую, учитывающую параметры конкретной ситуации аргументацию при представлении тех или иных внутренних и международных политических шагов России как внешнему миру, так и российскому обществу.

В экономической сфере становится возможным, с учетом евразийской сущности страны, внятно объяснить миру и собственному народу суть, необходимость и последствия тех или иных шагов государства, влияющих на экономическую деятельность в России на макро- и микроуровне, а также на ее внешнеэкономическую деятельность. Особую роль в создании благоприятного образа России в экономической сфере могут играть ее инновационный и инвестиционный, а также транзитный потенциалы.

В социальной сфере «неоевразийство», как основная составляющая бренд-имиджа России, способно зазвучать в полную силу. Воспитывая в россиянах чувство собственного достоинства и устраняя их исторически появившиеся комплексы, помогая им понять свою идентичность, можно способствовать развитию их национальной гордости, в какой-то степени перерождению и движению к лучшему состоянию.

В культурной сфере возможности особенно благоприятные – исторически приобретенные мотивы «евразийства» (синтез Запада и Востока – необычность, высокая художественность, красочность, орнаментализм, особенности стилистики) всегда были отличительными чертами и основой особой притягательности наших произведений искусства.

Вместе с тем, все технологические наработки брендинга при создании положительного бренд-имиджа нашей страны останутся невостребованными, пока указанная деятельность не получит мощной поддержки государства в рекрутировании максимума возмож-

ных институциональных, интеллектуальных, организационных и технологических ресурсов.

Комплексное решение этой задачи «по плечу» не традиционным организационным комитетам, а обладающему реальной властью и бюджетом, постоянно действующему и получающему реальную поддержку на государственном уровне центру, объединяющему профессионалов в областях политики, экономики, философии, культурологии, социологии, психологии, маркетинговых коммуникаций.

Развитие российского общества в условиях качественного преобразования его институциональной конфигурации¹

Современная Россия находится в процессе качественного преобразования всех сфер жизни общества. Происходит формирование новой государственности, меняется система общественных отношений, весьма существенные трансформации происходят в социальной структуре общества.

Возникновение Российской Федерации – это отнюдь не просто «смена вывески», пускай даже сопровождающаяся отделением значительного числа союзных республик. Политическая составляющая названного процесса, особенно в том случае, если трактовать ее в инфраструктурном смысле, имеет огромное значение, однако отнюдь не исчерпывает собой составляющих этот процесс изменений. Нельзя его также свести и к проблеме перераспределения ресурсов, как бы широко эта проблема ни понималась.

Происходящие в России последних десятилетий процессы, вступая в резонанс с мировыми цивилизационными трансформациями, меняют саму «ткань» окружающей нас социальной реальности. Современный человек живет в условиях, когда мир вокруг него, общество, частью которого он является, меняется столь стремительно и настолько существенно, что трансформации, воспринимавшиеся прежде в качестве революционных по своему значению и масштабам, перестают замечать. Подобные изменения становятся повсеместным фоном, который воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Это жизнь в условиях перманентной революции, когда изменения, динамику начинают отслеживать не по факту их наличия или отсутствия, а по характеру интенсивности прироста темпов развития.

Наиболее ощутимо, наглядно динамика современной жизни проявляется в технологической сфере, в сфере развития матери-

* *Вячеслав Альбертович Медведев* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

¹ Исследование выполнено в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, Мероприятие 1.1. Госконтракт № 14.740.11.0224.

альной культуры современного общества. Прежде всего это касается информационных технологий, которые буквально пронизывают сегодня жизнь общества. Однако информационные технологии – лишь одна из составляющих развития технологической сферы – развития техники, способов производства, преобразования искусственно формируемой «среды обитания» современного человека. Предметный мир меняется сегодня столь стремительно и настолько непредсказуемо, что порой не хватает воображения, чтобы представить себе даже ближайшие изменения. Что уж говорить о сколько-нибудь отдаленном будущем! Более того, проблемой в этом отношении является не столько прогнозирование, сколько осмысление происходящих процессов.

Здесь наряду с трансформациями предметно-атрибутивного содержания общественной жизни в фокусе исследования проявляются менее заметные с точки зрения повседневного мировосприятия, но от этого не менее значимые процессы нарастания интенсивности социальных коммуникаций, взаимодействия между людьми. Так, в жизнь современного человека незаметно вошли и постоянно наращивают свое присутствие разного рода телекоммуникации: сотовый телефон, различные информационные сети, включая категорию социальных информационных сетей. И это только наиболее контрастные примеры, анализ которых способствует формированию представления, во-первых, об изменении интенсивности социального взаимодействия, во-вторых, о появлении принципиально новых его форм, качественном изменении содержания многих социальных процессов. Ведь, скажем, сотовый телефон – это отнюдь не просто удобное средство общения, но мощнейший инструмент изменения образа жизни. Современный человек почти постоянно находится «на связи». Это меняет параметры его локализации в социальном пространстве, трансформирует структуру его личностной сферы, на порядок увеличивает количество доступных ему и практически реализуемых им коммуникаций.

Происходит формирование качественно новых механизмов интеграции людей в рамках социального целого, возникают принципиально новые формы конституирования общественного сознания, наблюдается небывалый рост темпов социальной и культурной динамики. Преобразуется институциональная конфигурация российского общества. Причем это не сводится к исчезновению изживших себя, изменению существующих и формированию новых социальных институтов, институциональных структур, но предполагает изменение механизмов функционирования социального института как такового, изменение сущности социального института как «строительного блока» социальной реальности.

Трансформации, происходящие в обществе и с обществом, весьма ощутимо сказываются на жизни конкретных людей, поскольку предполагают изменение условий жизни, которые, в свою очередь, требуют изменения тех, кто живет в подобных условиях, — изменения людей, их опыта, мировоззрения, миропонимания и мироотношения, характера осознания ими себя и основанного на нем действия. В этом отношении важно не то, в какую сторону меняются условия жизни, а то, что они **меняются**, и чем дальше, тем больше, быстрее и кардинальнее, требуя от современного человека умения жить в «темпе» подобных изменений, отвечая происходящему изменением себя самого, своего жизненного пространства. А это процесс во многом болезненный, требующий от современного человека способности к саморазвитию и не позволяющий ему останавливаться в своем развитии на достигнутом. В этом контексте особую актуальность приобретают проблемы этики, вопросы, связанные с формированием в современном обществе новых идеалов и ценностей.

Процесс формирования в России новой государственности сопровождается качественным преобразованием ее институциональной конфигурации. Трансформируется правовое поле государства, отвергаются (зачастую бездумно) идеалы и ценности советского общества.

Низвержение советской идеологической системы, исчезновение обеспечивающих ее функционирование организационных структур, провозглашение свободы слова, ориентация на внешние атрибуты институционально чуждой российскому обществу либеральной идеологии ведет к плюрализму общественных идеалов и ценностей, а фактически к мировоззренческому вакууму. Культура и культурность в этих условиях сохраняются не благодаря воспитательным, культуротворческим, гуманитарным функциям соответствующих общественных институтов, но вопреки деструктивным (или, по крайней мере, диффузным) процессам в самых разных сферах общественной жизни. Носители культуры, нравственности, духовных ценностей — старшие поколения, люди среднего возраста, все те, кого к моменту институциональной и мировоззренческой «ломки» уместно было рассматривать в качестве цельных личностей, — оказываются в условиях «информационного шума» (и агрессивного аксиологического плюрализма как его мировоззренческого аналога), заглушающего попытки трансляции духовного опыта, дезориентирующего людей, низвергающего авторитеты и вместе с ними идеалы, исторически сложившиеся культурные практики.

Возникает социальная и культурная ситуация, которую Ф. Ницше характеризовал в свое время в качестве состояния все-

общего нигилизма. Основная проблема подобного социокультурного состояния заключается в том, что человек утрачивает подлинный смысл собственной жизни. И больше всех в этих условиях страдают дети соответствующей «эпохи» или в данном случае — поколения (дети 90-х гг.), вырастающие в условиях подобного мировоззренческого вакуума. Еще Платон писал в этом отношении, что настоящей проблемой является не злой, безнравственный поступок человека, знающего, **что** он делает, но искажение природы человека настолько, что он утрачивает этическую меру собственного поступка, в принципе не способен отличить зло от добра. Как представляется, это именно та проблема, которая обнаруживается исследователем, когда он заглядывает в глубины институциональных разломов, возникающих в условиях радикальной трансформации общественного устройства. Именно это имело место в начале 90-х годов в России, когда страшно было выйти на улицу в вечернее время. Речь идет о периоде утраты доверия к правоохранительным органам, исполнительной власти, политическим лидерам и Закону как таковому; периоде, когда молодежная субкультура все больше приобретает черты «воровской», а благосостояние, достигнутое преступным путем, перестают воспринимать в качестве чего-то крайне предосудительного.

Остаточные признаки этих явлений обнаруживаются в российском обществе вплоть до настоящего времени, однако к концу 90-х годов ситуация начинает постепенно выправляться. Этот процесс является продолжительным, он далек от своего завершения, но при этом имеет устойчивый поступательный характер и достиг такой степени своего развития, при которой вполне правомерным становится утверждение, что Россия в целом оправилась от институционального кризиса 90-х гг. При этом вопреки существующим (надо сказать, не лишённым основания) пессимистическим оценкам российское общество, преодолевая названные социокультурные пертурбации, стало сильнее, жизнеспособнее. Конечно, проблемы, истоки которых обнаруживаются в последней трети ушедшего века, сохраняются вплоть до настоящего времени; упомянутая девальвация культурных ценностей имеет далеко идущие последствия, которые только начинают сказываться. Но это проблемы и последствия, с которыми Россия сегодня уже в силах справиться. Вопрос об утрате государственности, невосполнимой потере народом собственной идентичности теперь уже не стоит. Хотя еще пару десятилетий назад это был один из весьма реалистичных геополитических сценариев развития событий.

Возникает вопрос, что такого особенно ценного содержится в постсоветском культурно-историческом опыте российского общества. Отвечая на него, необходимо принять во внимание, что

подобный опыт следует рассматривать не сам по себе, но в связи с предшествующим ему культурно-историческим контекстом. Проявляющийся в этом случае результат будет заключаться в способности жить, причем не просто выживать, приспособливаться, но **жить**, развиваться, строить свое жизненное пространство в условиях постоянной неопределенности. За последние несколько десятилетий в России сформировались целые поколения людей, которых не пугают возможные перемены. Они, конечно, не отличаются той жадой перемен, которая была характерна для советского человека «предперестроичного» периода. За прошедшие годы люди устали от постоянных изменений, но это отнюдь не отменяет того обстоятельства, что жить и развиваться в условиях перемен мы все-таки научились.

Принимая во внимание происходящие в современном мире процессы, исследователь имеет все основания утверждать, что данное качество является сегодня крайне важным социокультурным ресурсом. И то, как Россия справилась с внешним воздействием кризиса мировой финансово-экономической системы, служит дополнительным тому подтверждением.

А. Н. Веряскина*

Ценности российского менталитета в условиях модернизации

Особую актуальность приобретают сегодня вопросы о соответствии российского менталитета современному этапу социального развития, о возможностях, допустимых пределах и последствиях трансформации данной системы.

В соответствии с разделяемой нами точкой зрения, менталитет представляет собой систему стереотипов мышления, поведения и деятельности, выражающую систему приоритетов и ценностей, определяемую объективными, достаточно постоянными условиями жизнедеятельности людей [См.: 6. С. 74]. Для характеристики менталитета этноса, прежде всего, имеет значение способность обеспечить его сохранение в различных ситуациях, на разных исторических этапах развития. Как правило, данная система стереотипов является наиболее общей для представителей этноса и достаточно устойчивой во времени.

Как показано в ряде публикаций, сложные природно-географические и геополитические условия существования русского этноса обусловили формирование в его менталитете черт, выражающих стремление к выходу за рамки существующих, ограничивающих свободу и свободное развитие человека обстоятельств на основе единства воли и действий разных людей и поколений. Наиболее полно выражают сущность менталитета русского этноса следующие черты: «духовность», «коллективизм» («соборность») и «государственность».

«Духовность» – это способность личности ставить высшие, надиндивидуальные цели, не связанные только с улучшением собственного существования. «Коллективизм» означает способность к объединению ради достижения этих целей; стремление учитывать интересы народа, понимаемого как единство прошлых, настоящих и будущих поколений. «Государственность» представляет собой сакральное отношение к государству, выражаемое в следующих конкретных чертах: стремлении к социальной справедливости,

* **Анна Николаевна Веряскина** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии Нижегородского ин-та управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Нижний Новгород).

понимаемой как воздаяние государства за заслуги перед ним и обществом; отношении к труду как к обязанности перед государством и обществом; отрицании священного характера частной собственности.

Какую же информацию дают экспериментальные исследования отдельных проявлений российского менталитета в современных условиях?

С одной стороны, ряд авторов заключает, что характер жизненных целей и мотивов людей не укладывается ни в «дореволюционный» образ российского человека, ни в представления о «советском человеке – строителе коммунизма», сознательно жертвующем многим из своей актуальной жизни ради счастья будущих поколений.

С другой стороны, есть основания утверждать, что базовые ценности, выражающие фундаментальные ориентиры и нормы поведения, глубоко укоренены в сознании россиян.

Так, результаты ряда исследований не согласуются со стереотипными представлениями о том, что сознание россиян высоко духовно (или, по крайней мере, антиматериально), в то время как сознание западных людей чрезвычайно прагматично. Они показывают, что люди сегодня живут заботами о своей семье, детях, здоровье, работе, материальном благополучии – то есть «простыми радостями бытия» [1. С. 42]. В сознании россиян материалистические ценности (забота об экономической и физической безопасности, сохранение порядка в стране, достижение высокого уровня экономического развития) доминируют над более духовными постматериалистическими (большой упор на личную свободу, творческое самовыражение, движение от обезличенного к гуманному обществу) [См.: 3. С. 47]. Повышенное внимание людей к защищенности материальной стороны своего бытия исследователи объясняют утратой значительной части бывших социальных гарантий.

Однако массовое сознание отчетливо разделяет сферы материального и духовного, принципиально отличая деятельность, направленную на физическое выживание, и деятельность, посвященную бескорыстному духовному созиданию и нравственному самосовершенствованию. Жизненной целью для россиян является «счастье душевности», общение и взаимопонимание, а также любимое дело, в которое, как издавна считается в народе, тоже нужно «вложить душу». Количество респондентов, не ставивших такие цели, не превышает 4–6 %. Подавляющему большинству россиян в принципе не хотелось бы вступать в разлад со своей совестью [См.: 1. С. 42].

Далее, результаты «Европейского социального исследования», проводимого в двадцати пяти странах (2008 г.), не подтверждают

приписываемой «русскому национальному характеру» склонности к покорности и послушанию, равно как и стремления следовать традициям [См.: 3. С. 48]. Исследования динамики структуры базовых ценностей россиян показывают, что такие ценности, как «державка» и «равенство», продемонстрировали тенденцию к снижению распространенности, резко снизилась готовность жертвовать чем либо на благо государства. Позицию «раньше думай о Родине, а потом о себе» разделяют 22,1 % опрошенных. 63,5 % ради спасения страны не хотят жертвовать личным благополучием [См.: 4. С. 86]. Заметно более распространенным стал вариант «требовать большего», уменьшилось желание «помогать государству». Иными словами, возросло демонстративное отчуждение человека от государства.

Однако, по мнению Ю. А. Левады, за отмеченными сдвигами стоит не столько внедрение в сознание демократических принципов, сколько «разочарованный патернализм», недовольство нынешними возможностями государства. Представление о том, что граждане «ничем не обязаны» государству, реально служит оправданием широко распространенного лукавства по отношению к государственным институтам. Как подчеркивает исследователь, отторжение от обязанностей по отношению к государству отнюдь не означает освобождения человека от государственной зависимости. Большинство опрошенных (68 %) продолжает считать, что «государство должно заботиться о благосостоянии каждого гражданина». Да и нынешние формы «русского бунта» – это преимущественно претензии, прошения, требования, адресованные тому же государству [2. С. 13].

Результаты исследований динамики национального самосознания россиян продолжают демонстрировать, что государственная, или державная, доминанта остается его опорной точкой. К «государственническому» типу политического сознания может быть отнесено до 60 % респондентов. Большинство российских граждан рассматривает свою родину в качестве великой державы, опираясь на исторический компонент национального самосознания и оценку ее вклада в мировую культуру.

Наиболее значительной трансформации подвергается сегодня ценность коллективизма. Анализ эмпирических данных демонстрирует социокультурный и социально-психологический раскол общества. Как отмечает А. Л. Андреев, перед нами как бы две России: одна – солидаристская, ставящая перед собой те или иные общие цели, другая – сосредоточенная на индивидуальном выживании. Мнения по поводу стратегии, на которую должны ориентироваться социальные практики, разделились практически поровну:

51 % респондентов выступает за коллективные действия, 49 % – за чисто индивидуальные [1. С. 39].

Базовые черты российского менталитета слабее выражены среди молодежи. По данным исследования ценностных ориентаций современной молодежи, к коллективистскому типу ментальности можно отнести лишь 9 % опрошенных [См.: 5. С. 40]. Усиливаются позиции тех, для кого важнейшими становятся ценности собственности и имущественного положения, реализуемые сквозь призму утилитаризма и прагматизма [См.: 4. С. 86]. Слабо выражены ценности, связанные с заботой о благополучии других людей, о равноправии и терпимом отношении к ним [См.: 3. С. 47].

Тем не менее противостоящие «эгоистическим ценностям» «универсализм» и «благожелательность» находятся на втором и третьем местах по значимости для населения России [Там же. С. 56].

Итак, приведенные данные свидетельствуют об амбивалентности, сочетании противоположностей, эклектичности ценностей и стереотипов ментальности жителей современной России. Причину этого явления часто видят в противоречивости самого объекта исследований.

Следует подчеркнуть, что специфичность базовых ценностей россиян или их универсальность для всех представителей рода человеческого могут определить лишь масштабные кросс-культурные исследования. Кроме того, требуется исторический анализ причин появления сложившихся наборов ценностей, их иерархий и ряда других структурных особенностей, определяющих специфику данной системы. Целый ряд специфических проблем возникает при интерпретации результатов исследований общественного мнения жителей России, разделенных значительным промежутком времени.

В соответствии с разделяемой нами точкой зрения, сущностные черты менталитета не могут быть полностью отождествлены с реальными чертами жизни общества, сознания и характера людей по признаку их массовой распространенности, зависящей зачастую от целого ряда преходящих исторических обстоятельств. В отдельные периоды сущностные черты менталитета, способные обеспечить выживание данного этноса, могут быть свойственны меньшинству его представителей. И в этом случае массовое распространение некоторых черт может служить, скорее, показателем реальной угрозы исчезновения этноса либо вследствие физической гибели, либо в результате трансформации его менталитета и перехода в другой этнос. Поэтому следует четко различать внешнюю сторону явлений, представляющую зачастую противоречивую картину, и их объективное содержание, сущность.

Литература

1. Андреев А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства // СОЦИС. 2007. № 9. С. 38–44.
2. Левада Ю. Общественное мнение в политическом зеркале // Вестник общественного мнения. 2006. № 2. С. 8–18.
3. Магун В., Руднев М. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. 2008. № 1(93). С. 33–58.
4. Петров А. В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // СОЦИС. 2008. № 2. С. 83–90.
5. Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // СОЦИС. 2007. № 4. С. 37–43.
6. Шулыгин Б. П. Православие, российский менталитет и политика Российского государства // Русское православие: Вехи истории. Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1995. С. 71–81.

Недоверчивое и разобщенное общество: что дальше?

Недостаточно просто зафиксировать институциональный и ценностный кризис в современной России, необходим анализ конкретных его проявлений и, по возможности, выяснение комплекса социальных факторов, приведших к кризису. В отсутствие привычки к взаимности – как в отношениях между людьми или социальными группами, так и в отношениях между властью и обществом, – заключается, на наш взгляд, общая причина разобщенности российского общества. Это проявление нелиберального, «теневого» индивидуализма, который является преградой для универсализации модели взаимного выполнения обязательств, договорности, способности к согласию, компромиссам, интеграции в большое общество на правовых условиях.

О низком уровне доверия россиян к согражданам свидетельствует множество социологических исследований. А. Д. Хлопин говорит о парадоксе взаимности: готовность большинства респондентов соблюдать права других людей, выполняя свои гражданские обязанности перед ними, не предполагает доверия к людям¹. На наш взгляд, этот парадокс объясняется разрывом между словом и делом, декларацией и реальностью, должным и сущим. Этот разрыв является традиционным для российской культуры и ментальности, но в то же время его подпитывают, оживляют и культивируют официальный дискурс власти и массовая культура. Существуют глубокие исторические причины фрагментированности российского общества и распространения ментальных стереотипов и установок социального недоверия, подозрительности, ксенофобии и т. п. Ни в научной литературе, ни в массовой культуре в достаточной мере не осознана деструктивная роль таких процессов и установок населения в процессе воспроизводства общества как взаимообусловленного и связанного целого. Между тем разобщен-

* *Ирина Борисовна Фан* – канд. филос. наук, ст. научный сотрудник отдела философии Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ Хлопин А. Д. Гражданское общество versus социум клик // Институциональная политология: современный институционализм и политическая трансформация России / Под ред. С. В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006. С. 310.

ное общество перестает быть обществом и обретает качества чего-то иного.

В политологической литературе не существует исчерпывающего ответа на проблему выявления причин, препятствующих интеграции и институционализации гражданского общества в России. Но есть исследования различных аспектов данной проблемы. С точки зрения социального конструктивизма и неоинституционализма, важнейшим условием воспроизводства социальных и политических институтов является дотеоретическое знание, или «идеи-верования»: социальные стереотипы, предубеждения, предрассудки, пословицы и поговорки и т. п. Они несут в себе исторический опыт, знания, бессознательные установки, ценностные представления о свободе, власти, законе, равенстве, справедливости, правде. Сюда входят и представления о должном, в том числе о конституционном статусе гражданина, соотношении публичных и гражданских прав и обязанностей, социальной взаимности и кооперации между людьми, соблюдении договорных обязательств, равенстве элиты и народа перед законом, о гражданстве как двусторонней правовой связи граждан и государства. Все эти «идеи-верования» «моделируют и воспроизводят реципрокное поведение, построенное на взаимном признании прав и исполнении обязательств как гражданами, так и властями»².

Одновременно практика организации повседневной жизни в России пронизана представлениями-установками россиян о свободе как воле, не ограниченной рамками закона, о власти как произволе, о необходимости ситуативного отношения к закону, нормам, о большей эффективности обхода законов и правил, нежели их соблюдения. Распространены предубеждения против ограничений личной свободы, против юридического формализма в отношении с равными по статусу и вышестоящими лицами. Слабы в общественном сознании представления о законе как способе обеспечения равенства в свободе, об абстрактном человеке, формально равном любому другому человеку. Для россиянина по преимуществу важен конкретный статус и личные связи и возможности человека. Отсутствие норм и практик общей взаимности препятствует самоорганизации, структурированию объединений граждан на добровольной основе (например, товариществ собственников жилья и др.), не стимулирует развитие социального доверия и солидарности. Модели реципрокного поведения не укоренены в российской культуре, так же как исторически было не развито и договорное право и не были устойчивыми договорные отношения. Дефицит взаимности в добровольном признании прав и исполнении обязан-

² Хлопин А. Д. Указ. соч. С. 303.

ностей – качество не только традиционно присущее российскому обществу и государству, но и актуальное явление нынешней повседневной жизни.

В иерархии ценностей в составе политической культуры россиян солидарность занимает далеко не первое место. Сфера взаимопомощи и сотрудничества ограничена отдельным коллективом, «своим кругом», в том числе криминальным. При возникновении тех или иных проблем люди не склонны обращаться в суд, поскольку это связано с чрезмерными финансовыми, временными и нервными затратами и жертвами. Нет и привычки объединяться с другими людьми, поскольку нет навыков выработки договора, не отработаны процедуры координации совместных действий среди людей, сталкивающихся со сходными проблемами. Более привычно для населения пользоваться личными связями и знакомством, что отсылает людей к неформальным – внеправовым, теневым практикам и отношениям. В этом, помимо объективной сложности решения проблемы легальным путем, нам видятся истоки криминализации повседневной жизни.

Главная функция неформальных связей – ослабление односторонней зависимости граждан от власти и установление отношений взаимной зависимости людей друг от друга. Опасность заключается в том, что эта взаимозависимость строится на внеправовых, криминальных основаниях. Формируется общая повязанность преступлениями или действиями, граничащими с криминалом. Такое общество уничтожает само себя, поскольку криминальные отношения, в том числе переделы собственности и силовые способы решения проблем, разрушают не только экономику, но и саму ткань общества и его воспроизводство.

Один из важнейших факторов, лежащих в основе социального недоверия как доминантной характеристики нынешнего общества, – это институциональная система российской власти. В результате комплекса исторических факторов в России сложились устойчивые отношения односторонней зависимости российского населения от верховной власти. Это попечительная власть, покровительствующая подданным в обмен на их преданность, не ограниченная никакими моральными и правовыми нормами или обязанностями перед подданными. Прямая зависимость каждого от самодержца мешала формированию горизонтальных связей не локального, а универсального характера, процессам самоорганизации общества, развитию автономии индивида. Система исключительных привилегий власти и отсутствия какой-либо ответственности перед обществом, установившаяся при самодержавии, оказалась исторически устойчивой, несмотря на множество внешних изменений, и сохраняется до сих пор. Правящий класс, олицетворяющий госу-

дарственную власть, не считает приоритетной для себя задачу обеспечения эффективной защиты выполнения договорных обязательств между всеми участниками экономических и иных отношений. Нет и речи о государственном признании достоинства каждого гражданина, которое было бы воплощено в практиках и процедурах действия органов государственной власти. В стране господствуют статусно-силовые отношения, не обремененные взаимностью.

Это порождает установки на примирение с произволом власти, с фатальной зависимостью каждого от этого произвола, привычку к страху перед институциональным и символическим властным принуждением, стереотипы и практики избегания прямого публичного контакта с властью. Для большинства населения прямое сопротивление власти либо страшно, либо бессмысленно, гораздо более привычно неподчинение власти и установленным ею законам и порядку посредством разного рода уклонений при соблюдении внешней покорности. Так отчуждение населения от государственной власти и политики стало специфической чертой культуры и ментальности россиян, которая препятствует развитию потребности в публичном представительстве собственных интересов, становлению гражданской политической культуры и институтов политического участия граждан, которые могли бы выступать способами ограничения монополии институтов исполнительной власти.

Модель реципрокного поведения даже в условиях принятия Гражданского кодекса РФ не становится универсальной в России настоящего времени. Это препятствует развитию интегративных процессов в российском обществе, поскольку исполнение публичных ролей в обмен на соблюдение гражданских прав продолжает зависеть от личных интересов, связей, симпатий и носит церемониально-ритуальный, а не действительный характер.

Исследования также показывают, что люди обеспокоены проблемами общегосударственного масштаба, но безразличны к беспорядку на уровне придомовой территории, микрорайона, местного самоуправления. Следовательно, действительно глубокие социальные проблемы существуют в повседневном взаимодействии людей там, где требуется признание взаимозависимости граждан, где нужен учет интересов другого как равного и обладающего достоинством человека, где требуется согласование мнений, кооперация действий, солидарность. Именно на начальном уровне публичности, первой степени макросреды – территориального и местного самоуправления – современной России не хватает усвоения норм общей взаимности. Именно в этом одна из важнейших причин пробуксовки развития гражданского общества, следовательно, здесь необходимо искать способы преодоления разобщенности людей,

развития разнообразных форм сотрудничества и партнерства. Но этого не достичь без реформы правовой системы, направленной на реальное обеспечение верховенства закона, формального правового равенства граждан перед законом, принятым во имя общего блага, в том числе граждан, наделенных должностными полномочиями. Выход из тени в публичную сферу, борьба за реальное содержательное наполнение публичной роли гражданина и усвоение ее каждым – абсолютно необходимый и, на мой взгляд, не закрытый для России путь.

О. К. Крокинская*

Не быть, не состояться

«Общество рисков» – одна из самых глубоких концептуализаций, выдвинутых для объяснения индустриальной и постиндустриальной эпохи. Ее базовым признаком является постоянное порождение «взаимообусловленных благ и бедствий» (У. Бек). Оно вынуждает принимать большое число негарантированных решений в постоянно меняющейся ситуации, побуждает к непрерывной осторожности, вызывает напряжения, тревоги, опасения и страх. В онтологическом смысле ситуация представляет собой *генерализованное нарушение гомеостаза*. Вместе с тем в феноменологическом смысле общество рисков по настрою может быть разным – оптимистическим и пессимистическим, может испытывать по поводу риска азарт (по А. Пушкину: «Есть упоение в бою»), а может впасть в депрессию. В обоих случаях нарушение гомеостаза будет вызывать стресс, в ситуациях первого рода – позитивного характера (эустресс), а в ситуациях второго рода – негативного (дистресс). В первом случае можно рассчитывать на мобилизацию жизненных сил общества и продуктивное, продвигающее решение его проблем, во втором – более вероятны иммобилизация и упадок, если не гибель. Понятно, что преобладание той или иной эмоции ставит обществу точный и далеко идущий диагноз. Не случайно социальные фобии и страхи внимательно изучаются, их измерения приобрели в социологии мониторинговый характер.

Ниже представлены некоторые результаты пилотажного этапа проекта «Феноменология социальных страхов» (НИИКСИ СПбГУ)¹. В нем исследуются общественные настроения сильной тревоги и беспокойства, вызываемые состоянием общества в целом или его отдельными проблемами. Опрос проводился осенью 2010 г. вне каких бы то ни было знаковых стрессовых событий в жизни страны.

Среди обстоятельств, вызывавших тревогу респондентов в течение года, доминируют *техногенные катастрофы и аварии*

* **Ольга Константиновна Крокинская** – д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной социологии РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

¹ Проект «Феноменология социальных страхов» выполняется при поддержке РФФИ, грант № 10-06-00403а.

(36–39 % ответов), *низкое качество продуктов питания* (36 %) и *бездействие властей в случаях нарушения прав граждан* (32 %). Далеко не все эти факты являются частью личного опыта опрошенных. Скорее, чувство беспокойства связано с расширением и открытостью информации о фактах подобного рода, а в некоторых случаях с ее акцентированной подачей в СМИ. В связи с этим интересно, что рецепция фактов через СМИ акцентирована сильнее, чем события личного опыта, доля таких ответов ниже. В связи с ситуациями и объектами, находящимися в области непосредственного повседневного контакта людей, выразили беспокойство от 20 % до 25 % опрошенных. В этом качестве названы: *неприятные люди* (бомжи, хулиганы, гастарбайтеры) и *представители неприятных* (для участников опроса) *национальностей*, а также *поведение милиции* и *потеря рабочего места*. Еще 14–18 % опрошенных высказали опасения по поводу *утраты собственности* (денег, жилья, бизнеса) и *бытовых аварий* (электричество, газ, вода).

Получены первые подтверждения гипотезы о состоянии общества в целом как основном источнике страхов. Состояние общества, измеренное методом семантического дифференциала, показало недвусмысленные отклонения к негативному полюсу по всем использованным биполярным шкалам (доверие – недоверие; мудрость – глупость; надежность – ненадежность; напряжение – покой; оптимизм – пессимизм; открытость – закрытость; смелость – трусость; геройство – подлость; страх – бесстрашие; уверенность – сомнение; уныние – бодрость; честь – бесчестие).

Удалось сделать замер уровня фобических реакций, предложив для оценки шкалу со следующими градациями: «некоторое напряжение – явное беспокойство, тревога – сильный стресс – настоящий страх, ужас». Два первых ранговых места по степени выраженности страха заняли следующие категории: *потеря близких, родителей* (50 % ответов «вызывает настоящий страх, ужас») и *война, голод* (42 % таких ответов). Следующие две – *опасение за здоровье и благополучие детей* (21 % ответов «вызывает настоящий страх, ужас») и *материальное неблагополучие, бедность, безработица* (11 % таких ответов). Наименее стрессогенными оказались *экономическая и политическая нестабильность, кризисы; неопределенность будущего; гнев Господень, наказание за грехи; необходимость перемены убеждений, смены идеологии* – от 32 % до 42 % ответов в градации «не беспокоит».

При помощи ответов на открытый вопрос «Чего сегодня боятся люди?» составлены первичные списки распознаваемых объектов страха, произведен анализ дискурса и контент-анализ семантики фобических ощущений. Из 620 высказываний никак не более 10 %

в общей сложности касаются мистических страхов (темноты, высоты, пауков, змей и т. д., которые определяются только в представлениях детей и очень молодых людей, преимущественно девушек), а также обстоятельности, связанных с физическими страданиями и смертью. Все остальные виды страхов, названные опрошенными, носят социальный характер. Да и обстоятельства болезней и смерти часто семантически выражены тоже как социальные – «плохие лекарства», «потеря близких и родных». Конечно, это во многом эвфемизмы, но феноменологический подход данного проекта обязывает «верить на слово», а значит, мы также должны отнести эти виды страхов к социальным. В дискурсивной модели социальных страхов снова ясно выражены аспекты *бедности, безработицы и материального неблагополучия*. Это характерная черта страхов взрослых людей, опасющихся за свою способность содержать детей и помогать пожилым родителям. Однако абсолютно преобладают здесь категории утраты социальных связей. Это – главное, что при свободном назывании пугающих обстоятельств выходит на передний план представлений. Для всех возрастных групп названы *одиночество, непонимание, равнодушие, отсутствие любви, поддержки, чувство ненужности, непризнание* и многое другое, для чего в русском языке оказалось немало синонимов (35 % всего массива высказываний). Еще один стрессогенный фактор, свойственный в основном картине опасений людей активного возраста, это *страх собственной несостоятельности, неуспеха, невозможности самореализации* – 17 % от общего числа высказываний. В закрытом варианте вопроса 36 % респондентов признали, что неуспех и невозможность самореализации вызывают у них сильный стресс.

Итак, главный страх молодых и взрослых – *не быть самим собой, не состояться*. Разумеется, присутствует тревога по поводу бедности, безработицы, проблем в семье, опасения за близких и, конечно, болезни и смерти. Но настоящего страха здесь не заметно. Боятся, скорее, немощи, длительной беспомощности и того, что окажутся в тягость близким. Практически не боятся жизненных трудностей, проблем, политических и даже экономических кризисов. Но во всех возрастных группах боятся одиночества, дети и молодые люди – отсутствия любви, и все боятся непонимания, неуважения, равнодушия. А также непризнания, невозможности реализовать себя, нереализованности своей жизни: «бессмысленно прожить жизнь, не успеть сделать всего, что хочу, не преуспеть, не состояться как личность, не использовать всех своих возможностей и сил, не развиваться в силу своих способностей, потеряться в мелочах и ненужных делах, прожить жизнь зря».

Что стоит за этими опасениями? Ощущение возможностей и невозможностей. Через них познается и конструируется реальность. В них ставится диагноз обществу и времени как среде существования. И очевидно, что среда эта ощущается как инертная, не соответствующая жизненным устремлениям, вектору правильно прожитой жизни, где правильным считается *осуществиться* – оставить след на Земле, не уйти незамеченным.

Из глубинных, архетипических реакций особо интересным и, может быть, культурно специфическим может оказаться *страх утраты жизненных ресурсов*. Судя по семантике выражений, бояться не просто бедности как таковой, но «обеднеть», не просто не иметь чего-то, но «потерять» – жилье, здоровье, деньги, работу, близкого человека, любовь, семью, близость и поддержку людей – в конечном счете, нормальную человеческую жизнь. Такой страх рождается из чувства уязвимости и недоверия окружающему миру, который, очевидно, посягает на то, что означает для человека «быть». За страхом утраты угадывается главное сокровище – жизнь как естественное благо, данное каждому при рождении, для которого все вышеперечисленные социальные обстоятельства существуют не сами по себе, а как ее неотъемлемые атрибуты. Любая утрата этого вида – есть утрата части отпущенной каждому жизни, утрата способности жить, страх лишиться в полном смысле слова «благодати». Здесь пирамида страхов и пирамида потребностей А. Маслоу взаимно отражаются друг в друге.

Поведенческое воплощение архетипа утраты может быть предельно разным. От трагедии, как в рассказе И. С. Тургенева, где барыня наблюдает ужаснувшую ее картину, как крестьянка, потерявшая единственного сына, сама на грани жизни и смерти, все же ест приготовленные щи: «Не пропадать же щам, они ведь посолены». До показавшегося странным всему миру поведения тысяч российских туристов в Египте в январе 2011 г., не пожелавших покинуть страну в разгар двухнедельных массовых беспорядков и даже кровопролитий. Его, конечно, можно списать на «русский фатализм». Но не менее вероятно и другое: «Все, за что заплочено, должно быть проглочено». Люди, приехавшие в теплую страну из зимней России, затратили важный и для большинства невозполнимый ресурс. Уехать – значит потерять его безвозвратно. Другие, богатые, могут себе это позволить, у них есть еще – и деньги, и время, и возможности отдыха. У нас – нет. Поэтому Бог с ней, с опасностью, важнее – взять свое. Точнее, не отдать своего.

Страх утраты жизненных ресурсов, в принципе, может быть мобилизующим. Но без деятельностной, векторной коннотации, без уверенности людей в достижении целей и возможности «состояться» он может стать деструктивным, в том числе в отношении

морали. Его массивное присутствие в общественных настроениях в качестве «конструкта» или «концепта», то есть инструмента, посредством которого идет распознавание и конструирование реальности, означало бы, что мы имеем дело уже не с «обществом рисков», а с обществом «невозможности риска» – как невозможности поиска и достижения. В такой реальности *ничего невозможно сделать*, ибо она полна барьеров, каналы влияния забиты пробками, а социальные лифты не работают. Вместо «онтологического доверия», которое Э. Гидденс считает одним из принципов рациональной эпохи социального модерна, мы находим у себя «онтологическое недоверие», то есть недоверие всему, что существует на свете, и вместе с ним можем оказаться – как общество – не в постсовременной цивилизации, а в состоянии варварства.

Аномическое состояние общества иногда заставляет считать страх благотворным социальным регулятором – страх наказания, Божий или моральный страх. Но это слишком просто, чтобы быть правильным. Потому что ведет за собой страх принятия решений, стагнацию и отказ от поиска, в целом подавление творческих сил социума, при котором становятся проблематичными не только развитие, но и простое выживание.

Проблема преемственности социальных институтов и общностей в процессе модернизации: наследие советских практик совместности¹

Одним из серьезных препятствий на пути модернизации России является отсутствие необходимых социальных институтов и общностей, готовых эту модернизацию осуществлять. Доставшееся нам советское наследие в виде концептов: «коллективность», «социальная ответственность», «гражданственность», «общественная работа», «общественное лицо», – только запутывают существо проблемы, так как их неотрефлексированное употребление ведет к непониманию того, с чем мы имеем дело. Особенно это касается общностей, занятых художественно-культурным производством. С одной стороны, современная публичная риторика переполнена требованиями единства творческой среды по целому ряду важнейших вопросов (сохранение культурного наследия, защита авторских прав и т. п.), необходимости согласования общих целей культурного строительства, снятия напряжения и агрессии внутри творческих объединений. С другой стороны, выстраданные принципы свободы творчества и автономии художественных организаций от политики и идеологии ставят заслон любым попыткам установления дисциплинарного порядка в решении творческих задач. Столкновение индивидуального и коллективного, общественного и частного в художественной сфере ощущается наиболее остро и конфликтно. В связи с этим особенно важным представляется теоретический и исторический анализ становления художественных личностей в советское время и исследование практик их совместности.

* *Татьяна Анатольевна Круглова* – д-р филос. наук, профессор кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта «Нравы как социокультурный феномен в модернизирующейся России». Госконтракт № П 433 от 12.05.2010. В рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Руководитель – д-р соц. наук, проф. Л. С. Лихачева, УрГУ.

Теоретическая и методологическая база для исследования становления личности в российском дореволюционном и советском обществе была разработана О. Хархординым в монографии «Обличать и лицемерить» (СПб., 2005), задуманной как диалог с книгой М. Фуко «Надзирать и наказывать». В своем исследовании Хархордин выявил роль культурных практик «обличения» в становлении субъектности и субъективности как неотъемлемых характеристик индивида Нового времени, способного осуществлять проект модерна. *Продуктом социокультурной модернизации должен был стать индивид, способный к постоянной работе над собой через практики самопознания, самоконтроля, самовоспитания.* Хархордин показал генетические корни советского производства личностей через коллектив (православные монашеские практики обличения грехов, товарищеского увещания, отлучения), их трансформации при сталинизме и позднем социализме. Сравнение с западными практиками, имеющими аналогичное предназначение, показало, что «объективация индивида в России преимущественно опиралась на практики горизонтального надзора среди равных по статусу, а не на иерархический надзор начальников над подчиненными, как это происходило на Западе» [Хархордин О. Указ. соч. С. 472]. В советском обществе был изобретен метод массового производства личностей – коллектив, наделяемый правом оценивать, исправлять и наказывать личность. В результате личность обнаруживала и выявляла себя через группу. В процессе «авансирования личности через коллектив» было выявлено противоречивое устройство самого механизма: «дискурс постоянно остается совершенно коллективистским, в то время как основополагающей целью воспитательной практики является конструирование и развитие личности» [Там же. С. 251]. Продуктом работы такого рода культурных практик, провоцирующих шизофренический разлом в структуре нравов (термин «модальная шизофрения») был введен по отношению к советскому человеку К. Кларк), стала коллективистская личность [Там же. С. 287].

Механизм горизонтального надзора и его коллективной оценки проник во все сферы повседневности, был постепенно рутинизирован и интернализован. В период позднего социализма жизнь индивида оказалась как бы расколотой надвое: индивидуальное лицемерие или притворство стало эффективной формой защиты личности и дополняло личную жизнь интимностью, всегда потенциально подвластную внешнему вмешательству. Именно поэтому российская частная жизнь существенно отличается по своей структуре от английской или французской. Развитие неформальных коллективов, особенно в творческой среде, размах неофициальных способов коммуникации (квартирные выставки, клубы по интересам,

кухонные семинары, самиздат и т. п.), с одной стороны, позволяли человеку быть тем, кто он есть, а с другой стороны – *неформальная среда разделяла механизмы интеграции в коллектив, свойственные советскому обществу*. Хархордин доказал, что после ритуализации официальной жизни в брежневскую эпоху практика подражания герою и практика обличения себя делами в глазах значимого для себя сообщества были перенесены в неформальную сферу субкультур, сетей знакомых и дружеских связей. *Превращенной формой «делания себя через других» стала дружба – одна из важнейших неофициальных ценностей позднего советского общества, продолжающих преемственность горизонтальной совместности*. Большинство западных исследователей отмечают, что именно дружба, являясь невидимой основой жизни в Советском Союзе, вбирает в себя характерные признаки, отличающие российского и советского человека от западного.

Современное состояние исследования феномена дружбы представлено практически только одной коллективной монографией «Дружба: очерки по теории практик» (сб. статей. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2009). Авторы этого коллективного исследования отошли от обычного понимания дружбы как феномена частной жизни, исходя из ее фундаментального значения для публичной жизни. Одной из причин, объясняющей провалы в переходе России от советского образа жизни к современному модернизированному состоянию, справедливо называется отсутствие навыков жизни в гражданском обществе и самих культурных практик совместности, предполагающих воспроизводство публичности, солидарности, корпоративности, социальной ответственности [Дружба... С. 15–17]. Авторы проекта утверждают тезис: такой продуктивный и повсеместно распространенный ресурс благожелательности, помощи и экзистенциально важной коммуникации, каким является дружба, нужно пытаться использовать для повышения значимости публичной политики в России.

Нам представляется, что суть западных трактовок дружбы точнее всего сформулировал М. Бланшо, который на примере парижских событий мая 1968 года назвал сообщество друзей, собравшихся на баррикадах в Париже, «сообществом тех, кто лишен сообщества». Собравшихся отличала радикальная непохожесть, характерная для политических сообществ нового типа. Дружба непохожих бросала вызов сообществам, построенным на симметрии и взаимности. Западные историки феномена дружбы обращают особое внимание на то, что дружба становится возможна только за пределами общества, связанного едиными нормами, принципами, правилами. В формулировке Х. Арндт «дружба – это конфигурация практик, указывающая даже в своем названии на отноше-

ния “дружости”, инаковости, которая противоположна “обществу”» [Цит. по: Дружба... С. 38]. Западные трактовки наследуют аристотелевскому, античному пониманию дружбы как фонового качества политики – жизни демократического полиса.

Авторами коллективной монографии выявлена *специфика российской дружбы, которая в советском порядке создает видимость гарантии договорных отношений. Сеть близких друзей является наиболее реально действующим лицом*. Авторы обращают внимание на то, что установление границ дружеского круга очень важно, потому что чаще всего не отдельные друзья, а именно их круг оказывается самодостаточным персонажем, главным фактором формирования личности. Основным назначением советской дружбы стало *самопознание, т. е. выявление существенных черт своей личности с помощью дружеского сообщества*. Это доказывается анализом «исповедальной» молодежной прозы, поэзии и авторского кинематографа 1960–70-х годов, различных форм художественных сообществ этого периода – литературной богемы, содружеств художников («лианозовский кружок»), объединения на Фурманном переулке в Москве и на Пушкинской, 10 в Ленинграде), театральных студий. Художественная среда в советское время сформировала свои виды коммуникации, специфические формы объединения, критерии доверия, выработала способы достижения творческих целей с помощью дружеских сетей. Даже поверхностное знакомство с мемуарами, дневниками и другими документами позднесоветской эпохи позволяет увидеть в советской художественной среде смешение практик совместного досуга (застолья, путешествия), профессионального обмена мнениями (чтение друг другу стихов, показ картин, прослушивание музыкальных опусов), финансовой поддержки проектов, организационной помощи. Те сферы художественной культуры, которые автономизировались в западном сообществе: кураторство, продюсирование, спонсорство, менеджмент, маркетинг, художественная критика, – в советском пространстве были функционально слиты и тесно скреплены дружескими узами.

Наиболее подходящий для суммирования всех указанных значений и функций *концепт – компания*. Компания сохраняет в себе сходство с западными аналогами в плане альтернативной официальному порядку общности, но явно делает акцент не на инаковости другого, а на сверхзначимости фоновых практик дружеского круга. Если выразиться предельно кратко, *в российской дружбе круг важнее, чем друг*. Профанным вариантом компании в постсоветское время стала тусовка. Компания включает в себя отношения между агентами художественной деятельности, которые могут быть описаны в дискурсе «творческой дружбы»; повседневные

ритуализированные практики, воспроизводящие и сохраняющие отношения творческого производства, оценивания и продвижения художественного продукта; коммуникация по поводу художественных ценностей и, самое главное, – производство самих агентов в качестве субъектов искусства.

Итак, активным агентом художественной среды является не друг, а круг друзей. Действия индивида успешны настолько, насколько они вписаны в сеть действий других друзей. Наследником советской «коллективной личности» является влияние «своего круга», окружающего себя тайной, субкодом, ритуалами. Габитус советской дружбы наиболее прочно обосновался в художественной среде, и именно в ней обнаруживаются разломы и противоречия современных культурных практик. Советские неформальные творческие объединения, опираясь на негласные правила, смогли обеспечивать непрерывность художественного процесса в условиях отсутствия потребителей и заказчиков своих произведений. Но, будучи мощным средством выживания и сохранения творческого потенциала в советское время, творческие связи, построенные по принципу дружбы, создают множество коммуникативных проблем сегодня, в условиях рынка и давления коммерческого успеха. Творческая дружба противоречива: все реализуют свои инструментальные цели с помощью друзей, все связано с ними многочисленными обязательствами, но говорить об этом и выносить эти утилитарные аспекты на обсуждение «чужих», публики – нельзя. Дружба, в отличие от обмена услугами или товарного обмена, предполагает отношения бескорыстные, отношения дара, *но предварительное знакомство с культурными практиками дружбы выявляет их внутреннюю прагматику, часто неочевидную участникам.*

На наш взгляд, в этих характеристиках возможно обнаружить тормозящие процесс модернизации моменты. Критический анализ современных практик дружбы в творческой среде может способствовать установлению более адекватных институциональных форм, заточенных на новые этические нормы. Находясь в самом начале такого исследования, включающего в себя глубинные интервью с современными авторами (музыкантами, художниками, режиссерами), живущими в провинции, мы можем сделать пока очень предварительные выводы. Например, проведенное нами глубинное интервью с автором-исполнителем, активно работавшим в советское время и продолжающим деятельность и сейчас, позволило *выявить способы перевода одних практик в другие, преемственность между ними, а значит, и понять, как работают адаптационные механизмы современного российского художника.*

В этом круге, условно именуемом «любителями авторской песни и поэзии», обнаружена ярко выраженная преемственность по отношению к советским формам коммуникации, в которых творчество становилось основой возникновения и закрепления дружеских связей. Практика показа своих произведений дружескому кругу в высшей степени постоянна, устойчива и приоритетна по отношению к анонимной экспертизе или авторитетной профессиональной критике. Атмосфера встреч-показов, обычно происходящих в обстановке, близкой к домашней, интимна и доброжелательна, лишена соревновательных моментов. Доминирует сдержанность в комментариях, носящих не вкусовой, а технологический характер. Институциональный формат с советских времен почти не претерпел изменений – это формат клубов по интересам, позволяющий микшировать границу между профессионалами и дилетантами, исполнителями и слушателями. Предпочитаются отношения стихийного демократизма, любая формализованная иерархия проваливается. Дружеский ресурс активно используется, в основном, в организационном, а не финансовом плане: дружеские сети предпочитают рекламе и другим «отчужденным» носителям. В качестве «близких» и значимых других признаются любители этого жанра, образующие «свой круг», обладающий высокой степенью самодостаточности. Критики, продюсеры, издатели возникают на периферии этого круга как малозначимые фигуры. Финансовая и медийная составляющие успеха каждого автора-исполнителя никак не обсуждаются. Современные технологии (электронные носители, Интернет) используются, но не доминируют. Рыночные отношения полностью выведены за пределы коммуникации. Главным совокупным продуктом этой социальной сети являются культурные практики, поддерживающие ее самовоспроизводство, не позволяющие художественному продукту отделяться от своего автора и, что очень важно, адресата. Стремление затормозить автономизацию художественного продукта за пределами среды, его породившей, придает художественному результату некоторую маргинальность. Сам продукт может быть вполне современным по художественному замыслу, вбирать в себя существенные интертекстуальные слои и аллюзии, но способ его социокультурного существования транслирует установку на «проверенных» своих. В данном случае, представляется, эта сеть работает не на прирост новаций в художественном поле, а на решение проблем частной жизни автора и его адресатов – очень важный экзистенциальный посыл, компенсирующий многие социальные дефициты.

Рессентимент – источник изменения мировоззрения

Модернизация российского общества сопряжена с противоречивыми процессами в духовной сфере и преобразованиями ценностных систем. Как показывает опыт, в процессе модернизации разрушается, прежде всего, социально-культурная сфера. Размытость нравственных идеалов, духовно-идеологический вакуум общества, агрессивное наступление худших образцов западной массовой культуры, превратное понимание демократии стали питательной средой для роста многочисленных негативных явлений в обществе.

Постсоветское социокультурное пространство стало неоднородным: «средний класс», «богатые», «бедные», маргиналы, криминальные структуры, молодежные субкультуры. Их представители ориентируются на различные культурные модели и ценности. Содержание нравственных установок определяет вектор движения человеческого сообщества – либо к добру и свету, либо к деградации и разложению.

Социальная дифференциация современного российского общества увеличивает пропасть между классами, обостряет конкуренцию внутри их. Наряду с тем, что значительная часть российского общества обратилась к религии, обретая в этом смысл своего существования, определенным группам населения чужды такие нравственные чувства, как сострадание, стыд, добродетель, милосердие. А такие человеческие страсти, как корыстолюбие, властолюбие, зависть, ненависть, все чаще проявляются в обществе.

В философии зависть рассматривается как глобальное, универсальное, общечеловеческое явление, которое представлено в виде «невыносимого» восхищения достоинствами другого человека, в стремлении обладать тем, что принадлежит другому, в желании отобрать, присвоить достижения другого. В этом выражается проявление рессентимента, рассматриваемого Ф. Ницше как чувство вражды, возмездия, мести, чувство бессильной злобы, которое человек, стоящий ниже на социальной и духовной лестнице,

* *Надежда Николаевна Исаченко* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Тюменского государственного нефтегазового ун-та (г. Тюмень).

испытывает по отношению к знатному или власти имущему, доходя, в конце концов, до ненависти к самому себе.

Рессентимент – это бессильная ненависть, проистекающая у слабых и ординарных людей из чувства собственной неполноценности, к благородным и превосходящим. Проблема рессентимента – одна из наиболее актуальных в рамках современной нравственной философии. Рессентимент есть не одна какая-то черта, а соединение свойств, которые сами по себе не так страшны, как сам рессентимент. Соединяясь, эти свойства образуют нечто, обладающее еще одним, дополнительным измерением, которого нет ни у одного из элементов в отдельности. Рессентимент обладает живучестью и способностью умертвлять своего носителя и его окружающих.

«Рессентимент – это ненависть поработанного человека ко всему, где ему чудится свобода. Рабовладелец ценит свободу – для себя, ненавидит для другого. Раб ненавидит свободу и для себя, и для другого, – если он заражен рессентиментом, если он уже не мыслит себе жизни без рабства. Он считает само рабство – свободой», – писал М. Шелер [4. С. 124].

Как утверждал И. А. Ильин, «в мире всегда были завистники, ожесточившиеся от всякого чужого преимущества... беспомощность бедной массы населения является первым источником обостренной зависти» [1. С. 47].

В наши дни зависть превратилась в некую движущую силу, которая овладевает многими индивидами. По мнению И. А. Ильина, из зависти рождается доктрина безбожия и безнравственности, зависть становится отравленным воздухом, которым дышит масса. И с этим невозможно не согласиться.

Зависть способна перерасти в ненависть, которая, овладев сознанием индивидов, начинает перерождаться в желание отомстить, отнять, завладеть чужим имуществом. При всем этом наблюдается попытка прикрыть свое преступление понятием социальной несправедливости. Очень точно характеризует И. А. Ильин такую категорию людей: они «не имеют ни малейшего представления о религии, о душе и о культуре; из зависти рожденные, они понимают только то, что ее насыщает» [Там же. С. 59].

По глубокому убеждению философов, психологов и социологов происхождение рессентимента обусловлено возникновением импульса мести. Мечь формируется у индивида сознанием собственного бессилия, которое может быть вызвано чувством подавленности, робости, боязни, страха. Эти чувства ведут к состоянию внутреннего ожесточения и самоотравления личности и переходят в рессентимент. Как полагает М. Шелер, в первую очередь ему подвержены те, кто находится в подчинении, «кто вчера был искренно предан авторитету, а сегодня нарвался на его жало» [4. С. 45].

Другим отправным пунктом в формировании ressentimenta являются зависть, ревность и стремление к конкуренции. Зависть возникает у индивидов из напряжения между стремлением к благу, которым обладает другой человек, и невозможностью или неспособностью это благо получить. Зависть возникает к красоте, уму, к богатству, принадлежности к более высокому сословию, славе, чести. Человек, который сформировал в себе ressentiment на зависти, – это типичное явление в современном рыночном обществе.

В современном российском обществе проявление ressentimenta – повсюду. Зависть в российском обществе произрастает и на почве социальной несправедливости. Сложно избежать зависти ребенку из малообеспеченной семьи, который видит, насколько велика разница между его ограниченными возможностями и перспективами, открывающимися перед другими детьми. Вряд ли сможет безработный юноша смотреть без зависти на беззаботную жизнь «золотой молодежи».

Средства массовой информации ежедневно транслируют нам десятки преступлений, шокирующих своей бесчеловечностью. Это убийства, насилие против детей, рост расистских настроений, терроризм и т. д. И не вызывает никаких сомнений, что именно ressentiment составляет определенный фон, на котором они возникают.

Первоначально ressentiment был ограничен индивидуально-личностной сферой; на данном этапе развития общества, в процессе глобализации, он становится коллективной сферой. Эта проблема носит массовый характер. Все общество «заражено» ressentimentом. Ressentiment выявляется и в социальной, и в политической, и в экономической, и в международной сферах деятельности.

Происхождение ressentimenta обусловлено и ценностным сравнением себя с другими. С этим связано возникновение ревности, тщеславия, честолюбия, что чаще всего поглощает современного человека. Человеку, находящемуся во власти ressentimenta, сложно самостоятельно найти путь избавления от него. И это состояние загнанности в тупик приводит к негативным последствиям, вплоть до совершения преступления. В этом кроется причина проявления жестокости, насилия, что тормозит дальнейшее развитие российского общества.

Ressentiment – это источник изменения не только ценностей, но и мировоззрения. Воздействуя на личность, он формирует более низкие ценности. «Ressentiment накладывает свой отпечаток и на сферу практического действия. О его наличии говорит само поведение человека. Сформировавшаяся под влиянием ressentimenta установка по отношению к жизненному миру как сфере осмысленного действия мотивирует соответствующее преобразование повседневности. Там, где это внутреннее беспокойство про-

пускается как переживание через практические действия, возникают все феномены негативного толка – по крайней мере, с традиционной или современной точки зрения: агрессивность, солипсизм, вероломство, мстительность, расизм» [4. С. 51].

Освободиться от ressentimenta трудно, но стремиться к улучшению человеческих отношений, к взаимному примирению необходимо, формируя определенную систему ценностей, основанную на гуманности.

По мнению П. Куттера, человек может бороться со своими страстями, «пытаясь превратить зависть в здоровую конкуренцию. Вместо того чтобы зариться на чужую собственность и расходовать все силы на зависть, мы могли бы, следуя мысли Гете, постараться самостоятельно получить то, чем желаем владеть. Необходимо критически анализировать сложившуюся ситуацию всякий раз, когда возникает соблазн недооценивать собственные и переоценивать чужие возможности. Завистнику следовало бы обратить внимание на собственные преимущества, которые он не замечает, зачарованный совершенствами человека, вызывающего его зависть» [3. С. 12].

Устранить причину ressentimenta частично возможно путем осуществления стабильных условий существования семьи, т. е. повышением уровня жизни людей. А это должно стать одной из главных задач государства на данном этапе развития. Что же касается уверенности в собственных силах, то это задача каждого из нас.

«Остаться человеком порядочным, ничем не погрешить против совести и вместе с тем продолжать быть носителем цивилизации – вот что безмерно трудно...» [Там же. С. 73]. И одной из главных задач на данном этапе развития является формирование гражданского общества, которое строилось бы на началах добра, справедливости, взаимоуважения и равенства людей и исключало бы подавление их воли центрами политического, экономического и информационного влияния.

Литература

1. Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи / Под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
2. Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психологический анализ страстей / Пер. с нем. С. С. Панкова. СПб.: Б.С.К., 2004. 115 с.
3. Швейцер А. Культура и этика / Пер. Н. А. Захарченко, Г. В. Колшанского. М.: Прогресс, 1973.
4. Шелер М. Ressentiment в структуре моралей / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. СПб.: Наука: Университетская книга, 1999. 233 с.

Эрзац-элиты как субъект ценностного и институционального кризиса современной России

Процесс институционализации предполагает переплетение значений, нормативных элементов и власти. Таким образом, все институты стремятся к выражению своей сути в символах, которые в предельно концентрированной форме создают представление об институте, его образ. Кроме того, институты являются символами порядка и организованности в обществе. Э. Гидденс напрямую связывает *формы институтов с ментальными качествами тех людей, которые оказывают максимальное влияние на их образование*, конкретно – «познавательные способности деятелей со структуральными свойствами»¹.

Власть зависит от способности и возможности мобилизовать и распределять различные типы ресурсов, используя такие инструменты, как легитимация и применение санкций. *Политика* является упорядочением властных отношений и встречается во всех обществах. Таким образом, *политика является одним из важнейших институциональных порядков*. В результате политической деятельности происходит деление общества на слои, которое существовало даже в самых примитивных социальных системах. Чем более высокого экономического и культурного уровня достигает общество, тем отчетливее проявляются различные стороны социального неравенства между людьми. Поэтому *социальная стратификация является одной из важнейших характеристик общественного устройства*.

Теория элит, в определенном смысле, является своего рода проявлением переживаемого кризиса методологии исследований социальной стратификации. Она, по словам Э. Гидденса, является своеобразным отказом от классового анализа и противопоставлением уже не классов, а «элиты» и «массы»². «Ресурсный подход», как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследова-

* *Леся Николаевна Васильева* – доцент Московского государственного ун-та путей сообщения (МИИТ) (г. Москва).

¹ Гидденс Э. Устроение общества. М.: Академический проект, 2005. С. 74.

² Гидденс Э. Социология. М.: УРСС, 1999. С. 214.

ованиях, в различных терминологических и концептуальных контекстах обращает внимание на следующее явление. Произошло превращение многих характеристик индивида, не выступавших еще 50–70 лет назад в массовом масштабе как значимые виды ресурсов, в современном обществе в активы, прямо влияющие на экономическое положение, жизненные шансы и угрожающие индивиду риски³.

Как отмечал швейцарский психолог Ж. Пиаже «поведение, понимаемое в смысле функциональных обменов... предполагает существование двух важнейших и теснейшим образом связанных аспектов: аффективного и когнитивного»⁴. По Пиаже, существуют такие «регуляции», которые включают в себя «энергетический баланс или внутреннюю экономику поведения». Они обуславливают финальность поведения, устанавливают его ценности – «... именно такими ценностями должен характеризоваться энергетический или экономический обмен субъекта с внешней средой»⁵. Таким образом, Ж. Пиаже связывает «ценности» с реакциями энергетического обмена со средой и выражает это через когнитивный аспект поведения. В когнитивистском направлении западной психологии понятие *когнитивной структурированности мышления* соединяет феномены «человека познающего» и «человека действующего». Это понятие шире, чем понятие «интеллект», который лишь снабжает поведение средствами выражения («техникой»). Связанными воедино, взаимозависимыми и взаимообусловленными оказываются такие составляющие поведения, как его *вариативность, социальность* (выражаемая через *ценности и характер установки*), *адаптивность*.

Индивидами, которые обладают такими качествами, как *высокая вариативность поведения, высокая когнитивная структурированность мышления*, ярко выраженная способность к *социальной адаптации, социально значимый характер установки*, является *элитой*. Можно утверждать, что *элитой отбирает информацию, которая приносит социуму, к которому она принадлежит, максимальную пользу*.

Восприятие природы человеком в различные времена и в различных философских системах являлось дуалистическим. Существует, например, диалектический закон единства и борьбы противополо-

³ Более подробно об истории формирования и теоретических основаниях этого подхода см.: Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Социологические исследования. № 9. 2006.

⁴ Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб.: Питер, 2004. С. 7.

⁵ Там же. С. 8.

ложностей. Дуализм, частными случаями которого являются учение о симметрии, проявления цикличности в развитии самых разнообразных биологических форм, – это описание механизмов, логически связывающих явления, на первый взгляд совершенно различные. У элиты как субъекта социального развития существует свой социальный антипод. Исходя из следующих критериев – *характер установки*, направленный на удовлетворение *сугубо личных интересов*, *низкая вариативность* поведения, связанная с построением ограниченной модели-карты мира, *конформистский* характер социальной адаптации, – можно выделить тип людей, который мы назвали *эрзац-элитой* (*эрзац* от нем. *ersatz* – неполноценный заменитель чего-либо, суррогат).

Эрзац-элита имеет с элитой некоторые общие свойства (высокая когнитивная структурированность мышления, ярко выраженная способность к социальной адаптации), но не обладает ее важнейшими качествами, такими, например, как повышенная вариативность поведения. Кроме того, ценностные ориентации представителей эрзац-элиты в некоторых аспектах противоположны ценностным ориентациям представителей элиты. Их отличие основывается на различных способах *удовлетворения базовых потребностей* (по А. Маслоу), что приводит к тому, что они играют различную социальную роль.

Социальная философия изучает сферу взаимодействия общества и государства, рассматривая *поведенческие* (по С. Липсету)⁶ аспекты политики. Политические институты выступают средством социального действия людей (наряду с экономическими и др.). При этом институты включены в социальное действие, являются его неотъемлемой частью, причем частью самостоятельной, существующей и развивающейся независимо от людей как субъектов этого действия. Понять процесс институционализации отношений зависимости и подчинения помогает социологическое понятие *поля, пространства* (по П. Бурдьё), т. е. структур и отношений в обществе, создаваемых и изучаемых на уровне рациональных абстракций.

Понятие *поля* является инструментом исследования, главная функция которого – дать возможность научного конструирования социальных объектов. Чем более автономно поле, тем большее число его событий может быть объяснено *логикой поля*, т. е. для политического поля – логикой концентрации власти. В качестве примера такой логики можно привести «железный закон олигархии» Р. Михельса, когда власть, полученная демократическим способом представителями некоторой партии, концентрируется в руках вы-

⁶ Lipset S. Political Man: The Social Bases of Politics. Baltimor, 1981.

борных лиц, которые постепенно отрываются от своей социальной базы и начинают действовать как разновидность олигархии, имеющей своим источником избирателей, лишенных возможности влияния. Концентрация политических средств вписана в логику функционирования поля, но понять социальные основания этого механизма не так просто.

Социальное деление и социальное восприятие этого деления есть продукт истории, но за этими явлениями всегда стоят действия конкретных людей. Эрзац-элита, в силу личностных качеств ее представителей, в политическом пространстве представляет собой мобилизованную группу, обладающую сплоченностью на уровне социальных инстинктов, четко осознаваемых представлений о желаемых позициях и групповых интересах.

Эрзац-элита, каждый из ее представителей, образно говоря, «запрограммированы» на непрестанные и упорные усилия, направленные на завоевание тех социальных полей, где в наибольшей степени сосредоточены символический и социальный капиталы. Это происходит в силу способности эрзац-элиты к социальной адаптации и установки на безудержное потребление. Кроме того, повышенная способность представителей эрзац-элиты к социальной адаптации наделяет их очень «ценным» качеством. Они легко заставляют «здоровый смысл» работать на себя, присваивая себе идеи и смыслы, ценностно значимые для любой социальной группы. Сиюминутная выгода, на которую нацелена эрзац-элита, всегда ощутимее стратегических, долговременных интересов. Поэтому представители эрзац-элиты легко оказываются в критических ситуациях «лидерами мнений».

Элита в социальном пространстве действует по-другому. Ее представители не образуют сплоченной группы, соединяясь друг с другом. Главный принцип ее действия – вовлечь в поле работы и принятия решений потенциально всех членов социума. Поэтому, если рассматривать поле политики как пространство «игры», в тактике элита проигрывает эрзац-элите, на стороне которой круговая порука, беспринципность и ситуативная сплоченность между ее представителями.

Питирим Сорокин писал: «Исторически конкретные формы институтов селекции и распределения... такая же неотъемлемая часть социального агрегата, как органы, контролирующие систему кровообращения в сложном биологическом организме»⁷. Общественный организм, которым начинает руководить эрзац-элита, становится «больным», поскольку система его «кровообращения» нарушается.

⁷ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 423.

Неизбежные последствия заполнения представителями эрзац-элиты высших политических позиций – это жесткий бюрократический контроль за каналами вертикальной мобильности, придание ей неэффективного и злокачественного характера. Богатые будут становиться богаче, но те классы и группы населения, которые могут рассматриваться как «догоняющие», приближаться к ним не будут. Низкую ресурсообеспеченность будет иметь подавляющее большинство населения. При этом оно же объективно будет рассматривать свои возможности в изменении собственных социальных позиций как крайне слабые. Крайняя неудовлетворенность таким положением вещей не может не проявляться, пусть даже и подсознательно.

Л. И. Забара, Ю. А. Семенова***

Институциональные механизмы формирования гражданской идентичности личности в условиях кризисного развития современной России

В настоящее время как в академических кругах, так и на уровне властных структур формирование гражданской идентичности личности рассматривается в качестве важнейшей предпосылки формирования гражданского общества и разрешения политических, этнокультурных, религиозных и нравственных конфликтов, отражающих кризисный характер развития современной России.

Гражданская идентичность определяется нами как система личностных качеств и свойств, обретаемых и формируемых при условии реальной включенности личности в гражданское общество. Формирование гражданской идентичности, т. е. осознание личностью собственной принадлежности к гражданскому обществу, придание этому знанию личностного смысла, индивидуализация гражданских ценностей и установок, предполагает раскрытие и использование личностью собственных качеств и ресурсов (критическое мышление, стремление устанавливать подлинные связи с социальным миром, возможности нравственного самопреобразования, способность понять другого человека). С другой стороны, целенаправленное формирование гражданской идентичности личности осуществляется социальными институтами. При этом сложившаяся система социальных институтов – институциональная матрица российского общества – определяет и специфику формирования гражданской идентичности в России. Целью философского анализа должна стать критика как выяснение границ воздействия социальных институтов на процесс формирования гражданской иден-

* *Людмила Ивановна Забара* – канд. филос. наук, профессор кафедры философии УрГПУ (г. Екатеринбург).

** *Юлия Александровна Семенова* – ассистент кафедры философии УрГПУ (г. Екатеринбург).

тичности в условиях доминирования государства в социальном пространстве России.

Влияние государства на процесс формирования гражданской идентичности личности заключается в развитии такой системы экономических, политических и правовых отношений, которая бы способствовала раскрытию созидательного потенциала гражданина.

В условиях доминирования государства в российском социальном пространстве, реализация данной цели подразумевает демополизацию экономической сферы, правовую поддержку экономической конкуренции и экономической свободы личности, развитие института частной собственности и обеспечение доступа граждан к основным социальным ресурсам, преодоление неравенства «жизненных шансов» (Р. Дарендорф) как расширение возможного поля индивидуального развития. В качестве предпосылки формирования гражданской идентичности необходимо рассматривать и преодоление «монологичности» идеологического пространства, идейный и политический плюрализм, обеспеченный существованием реальной оппозиции государственной власти, а также эффективной деятельностью целого ряда политических партий и неполитических общественных организаций, предоставляющих свободный выбор оснований для солидарности. При этом правовое обеспечение социальных преобразований должно стать основным направлением государственного управления в России. Кроме того, формирование гражданской идентичности в России связано с постепенным замещением патерналистских ориентаций граждан принципами деятельностной самоорганизации и самоуправления, ориентацией на свои собственные возможности, приучением к состоянию свободы от внешнего принуждения и социальной ответственностью.

Процесс формирования гражданской идентичности направляется и неполитическими институтами, такими как семья и школа, СМИ и церковь.

В качестве институционального механизма формирования гражданской идентичности можно выделить гражданское образование. Сегодня к основным направлениям гражданского образования относится, во-первых, формирование определенного корпуса знаний (политических, правовых, социологических, исторических, культурологических, экономических, социально-экологических представлений) – информационной основы для формирования собственного отношения гражданина к социальной реальности; во-вторых – развитие сферы социальных чувств, способности «видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого» (А. Адлер) как постепенное вовлечение личности в ситуацию со-участия, не имеющее, однако, ничего общего с пропове-

ведью или назиданием, в-третьих – раскрытие для личности гражданских ценностей, создание возможностей для ответственного ценностного выбора и утверждения себя в мире на основе этого самостоятельного выбора; в четвертых – организация той среды, «где ребенок привыкнет поступать как человек и как гражданин» [3. С. 98], создание условий мотивированной духовной работы, самореализации в социально значимых формах деятельности.

Реализация данных направлений гражданского образования в России сопровождается рядом трудностей. В условиях отрицания социалистических идеалов воспитания «попкорного» гражданина – подданного советского государства, а также попыток либо прямого переноса, копирования ценностных образцов индивидуализированного общества, либо «механического» соединения традиционных ценностей и ценностей современности, важнейшим вопросом, стоящим и перед педагогами-практиками, и перед социальными теоретиками, становится вопрос о том, какие ценности актуализировать в процессе целенаправленного формирования гражданской идентичности через систему образования. Еще одна, не менее важная, задача – это обеспечение непрерывности гражданского образования, установление связи, координация системы образования с институтом семьи и институтом профессии.

Влияние современных средств массовой информации также необходимо рассматривать как институциональный механизм формирования гражданской идентичности личности. В условиях развития коммуникационных технологий, делающих информацию всеобщей, доступной и дешевой, СМИ не только обеспечивают определенный уровень знаний, гарантирующий минимальную политическую осведомленность и правовую грамотность, но и способствуют развитию чувства сопричастности граждан как носителей определенных интересов и ценностей. СМИ можно определить и как «средство достучаться до власти» (С. Кордонский): в гражданском обществе СМИ выступают каналом выражения гражданином своей позиции, становятся площадкой обмена мнениями, взаимной критики, являются и способом влияния на принятие важного для общества решения. Кроме того, опираясь на общественное мнение и закон, СМИ осуществляют критику и оценку тех или иных событий и действий. Наконец, СМИ выполняют и аксиологическую функцию: печать, радио, телевидение и Интернет могут выступать и в качестве зеркал, отражающих все изменения ценностных ориентаций граждан, и как значимая сила, влияющая на конструирование смыслового поля современного общества.

Преодоление демополизации информационного пространства в России, развитие независимых, свободных от принуждения в аргументации СМИ, реализующих принцип критического, неподвзя-

того анализа политической, экономической, социальной и духовной жизни общества, являются важнейшими условиями формирования гражданской идентичности. Свобода СМИ как института, влияющего на становление гражданской идентичности, тесно связана и с ответственностью печати, телевидения, радио и Интернета. Эффективность влияния СМИ как института формирования гражданской идентичности зависит от способности СМИ к самокритике, а также к самосовершенствованию как реакции на критику.

Церковь также является тем социальным институтом, который при определенных условиях может оказывать влияние на формирование гражданской идентичности личности. Влияние церкви на формирование гражданской идентичности осуществляется, прежде всего, как реализация церковью нравственной.

Влияние церкви может быть направлено на осознание гражданами нравственной основы гражданских прав и свобод. Церковь призывает к участию в общественной жизни, которое должно основываться на таких нравственных принципах, как достоинство личности, терпимость, ненасилие, солидарность. Нравственная функция церкви заключается и в том, что церковь «должна ясно высказать свою социально-политическую позицию, не пересекаясь с политической конъюнктурой, а выражая нравственную оценку положенных в основание политики принципов и ценностей» [1]. При этом, выполняя нравственную функцию в обществе ценностного плюрализма, церковь не может претендовать на монополию в нравственной сфере. По мнению А. Кырлежева, авторитетное моральное суждение церкви в современном обществе «может быть услышано и принято только в том случае, если оно произносится в режиме диалога, а не “наставления”, т. е. с уважением к ответственной свободе слушающих» [2]. Нравственной задачей церкви является формирование толерантности как базовой ценностной установки гражданина – через реальное утверждение свободы совести, через посредничество в установлении (не насильственным способом, но путем убеждения) сбалансированных отношений – как между представителями различных религий, так и между верующими и неверующими. При этом нравственная ориентация церкви доминирует над такими политическими ориентациями, как «возвышение авторитета религиозной идеологии в обществе» (М. Е. Добрускин), а также поддержка и оправдание существующего государственного строя.

Влияние церкви становится институциональным механизмом формирования гражданской идентичности личности лишь при условии преодоления сращивания верхушки церковной иерархии с государственной властью. При этом необходимо не только официальное признание и юридическое закрепление принципа невмеша-

тельства церкви и государства во внутренние дела друг друга (например, в «Основах социальной концепции Русской православной церкви», в 14-й статье Конституции РФ), но и реальное недопущение превращения церкви (а именно – Русской православной церкви) из силы духовной в силу политическую.

Итак, институциональные механизмы формирования гражданской идентичности в России представляют собой системное влияние (но не принуждение) социальных институтов (государства, семьи и школы, СМИ и церкви). При этом доминирование государства в институциональной матрице, выстраивание иерархии социальных институтов или слияние их функций является серьезным препятствием на пути к гражданскому обществу в России.

Литература

1. Костюк К. Н. Русская православная церковь в гражданском обществе [Электронный ресурс]. URL: <http://www.xserver.ru/user/ruszo/>
2. Кырлежев А. Русская православная церковь перед проблемой модернизации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.religare.ru/print8380.htm>
3. Френе С. Нравственное и гражданское воспитание. М.: Образование и бизнес, 1994. 194 с.

Философия гибкой силы и ее политические практики

В современной философии политики при анализе эффективных способов властвования и коммуникативного воздействия нередко используется понятие гибкой силы, которое в англоязычной литературе обозначается термином *soft power*.

Термин *soft power* трактуется также как власть (мощь, энергия), обладающая свойствами пластичности, ненавязчивости, эфемерности, хрупкости, нежности, соблазнительности и даже женственности.

Смысловым антиподом *soft power* выступает понятие *hard power*, которое обозначает некую твердость в отпращивании властных функций, интерпретируется как устойчивость, непреклонность, прямолинейность, холодность (нордический стиль), грубость в способах воздействия и достижения цели, как «мускульное» силовое давление.

Субъективно власть, обозначаемая термином *hard power*, воспринимается как давление извне, которому социальные субъекты вынуждены уступать и подчиняться. Гибкая же сила, напротив, действует таким образом, что субъекты свободно и добровольно ей подчиняются, воспринимают ее предписания как результат собственного самостоятельного выбора. Инструментами гибкой силы выступают интеллектуальные паттерны, когнитивные соблазны, привлекательные идеи и символы, обольстительные рекламные и медийные образы. Гибкая сила использует психологически привлекательные для субъектов способы влияния в целях незаметного реформатирования в нужном направлении их ментальных структур.

В современных философских и политологических исследованиях понятие *soft power* приобрело характер концепта, т. е. представляет собой многослойную смысловую структуру, обладающую интерпретационным разнообразием. Концепт гибкой силы активно используется в социальной философии, исследующей глобальные процессы маркетизации и медиатизации общественной жизни, изучающей такие знаковые феномены современности, как консюмеризм и поп-культура.

* *Ольга Фредовна Русакова* – д-р полит. наук, профессор, заведующая отделом философии Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

Значительный вклад в разработку концепта *soft power* внесла современная философия постмодернизма, в центре внимания которой оказалась культура общества массового потребления. Представители постмодернизма создали целую серию категориальных формул концепта гибкой силы: понятие соблазна у Жана Бодрийяра, концепция общества спектакля Ги де Бора, категория «обольщение» Жиля Липовецкого.

Соблазн, по Бодрийяру, представляет собой господство над символической вселенной, над царством видимостей. Соблазн относится к строю знака, производства дискурса и желаний. В мире образов, имиджей и виртуальных объектов соблазн становится силой, воздействие которой не уступает, а то и превосходит по своему влиянию все другие способы властвования. «Только невероятное ослепление побуждает отрицать эту силу, равную всем прочим и даже превосходящую их все, поскольку она опрокидывает их простой игрой стратегии видимостей», – отмечает Бодрийяр¹.

Стратегия соблазна – это стратегия обольщения посредством приманки, стратегия, предлагающая в качестве предмета потребления иллюзию, которая зачаровывает, в виртуальную реальность которой погружаются с радостным удовольствием. «В этом, – отмечает Бодрийяр, – источник баснословной силы. Ведь если производство только и умеет, что производить какие-то материальные объекты и реальные знаки, через это обретая какую-никакую силу, то обольщение производит лишь приманки, но получает благодаря этому все мыслимые силы, в том числе силу завлечь производство и реальность в их основополагающую иллюзию-приманку»². Силы соблазна мира обольстительных видимостей или пустоты транслируются вполне материальными техническими средствами и продуктами рыночного производства.

Мир обольстительной пустоты выступает предметом пристального философского внимания Жиля Липовецкого, в интерпретации которого обольщение выступает особой стратегией, пронизывающей все современные реалии – политику, производство, образование, сферу услуг, повседневный быт, интимную жизнь. Обольщение как социальная сила провоцирует тягу индивида к наслаждению, легитимирует право индивида наслаждаться всеми радостями бытия. Революция потребления возвела право на наслаждение в разряд высших человеческих ценностей. В результате система ценностных ориентаций в обществе массового потребления сместилась в сторону гедонизма, персонализированного инди-

¹ Бодрийяр Ж. Соблазн / Пер. с фр. А. Гораджи. М.: Изд-во «Ad Marginem», 2000. С. 36.

² Там же. С. 131.

видуализма и нарциссизма. «Отныне, – заключает Липовецки, – вся жизнь общества находится под диктатом новой стратегии, ломающей производственные отношения ради апофеоза отношений обольщения»³.

Бурное развитие информационных технологий породило новую волну обольщения – обольщения интерактивностью, персональной вовлеченностью в производство информационного продукта, обольщения собственной значимостью в Интернет-пространстве. Параллельно с этим происходит обольщение новыми возможностями самовыражения через сетевые сообщества. Липовецки считает, что в стратегии повсеместного обольщения есть заметные политические плюсы, поскольку она включает обольщение демократизмом. «Новая инициатива демократического обольщения, – пишет он, – гуманизирует нацию, вносит струю свежего воздуха во властные структуры, приближает инстанции к интересам людей, придает достоинство периферии»⁴.

В концептуальный репертуар понятия гибкой силы совершенно логично вписывается теория текучей современности Зигмунда Баумана. Бауман противопоставляет современной эпохе легкой, текучей современности эпоху «hard wake», или тяжелой современности. Ментальной проекцией «тяжелой современности», согласно Бауману, выступает фордистская модель мира. В сфере производства данную модель мира идеально воплощает фордистский завод с его доведенным до пределов рационализмом, управленческим централизмом. Фордизм, согласно Бауману, был самосознанием современного общества в его «тяжелой», «громоздкой», «неподвижной» и «укоренившейся», «твердой» фазе». Это был мир авторитетов, лидеров, законодателей, разработчиков режима и контролеров, знающих все лучше остальных. На смену фордизма приходит легкий мир общества потребления. Легкий постфордистский мир – это мир, полный бесконечных возможностей потребительского выбора. Данный мир, пишет Бауман, «похож на стол, уставленный аппетитными блюдами, слишком многочисленными, чтобы самые прожорливые едоки смогли надеяться попробовать каждое»⁵.

В обществе массового потребления ритуальные походы в супермаркет рассматриваются Бауманом как символическое выражение еще одной ипостаси soft power, а именно – потребности в

³ Липовецки Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Пер. с фр. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. С. 33–34.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. С. 70–71.

идентичности. «В потребительском обществе, – отмечает исследователь, – всеобщая потребительская зависимость – универсальная зависимость от покупок – это обязательное условие всей индивидуальной свободы; главным образом свободой отличаться, “иметь идентичность”»⁶. В покупаемой вещи индивид символически обретает собственную идентичность, однако ненадолго, ибо маркетинговые инновации формируют все новые и новые символические образы идентичности в виде еще более модных товаров, гаджетов, брендов. «Мир прочных объектов» сменяет мир одноразовых товаров, разработанных для немедленного устаревания. Идентичность в итоге приобретает черты гибкости, хрупкости, непрочности, нестабильности, реализуясь в множественном разнообразии потребительских соблазнов.

Бауман обращает также внимание на такую черту текучей современности, как смена инструментов властвования. Если в фордистском мире одним из главных способов осуществления властных функций была дисциплина, основанная на жестком подчинении стоящей над всеми властной инстанции, то в мире текучей современности дисциплинарная власть оказывается распродоточенной и сконцентрированной, главным образом, в системе медиаресурсов. В текучем мире именно массмедиа оказываются для индивида основным лоцманом, дающим ориентиры в быстро меняющихся модных тенденциях и способах идентификации. Экранные зрелища взяли на себя властную функцию дисциплинарного форматирования общественного сознания, став одним из воплощений сил soft power.

Маркетинговая и информационная революции породили особые коммуникативные технологии soft power, к каковым относятся разнообразие видов PR, медийные приемы ментального воздействия, шоу-политика. Расцвет общества массового потребления и массовой культуры стал возможен, благодаря масштабному применению заложенной внутри маркетинговых и масс-культурных коммуникаций гибкой силы потребительского соблазна и развлекательных шоу-техник.

В современных политических практиках соединение силовых механизмов власти с маркетинговыми коммуникативными инструментами soft power стратегически направлено на придание властным структурам устойчивого равновесия, подвижности, мобильности и гибкости. Данный эффект возникает в силу того, что гибкая власть обладает способностью формировать, удерживать и воспроизводить такие нематериальные источники и виды легитимации, как лояльность, согласие, признание, идентичность, имиджевая харизматичность, верность бренду.

⁶ Бауман З. Указ. соч. С. 92.

Опыт исследования «нравов» как институтов (на материале книги Н. Рис «Русские разговоры»)

Экзистенциальный вопрос,
подвигнувший меня на исследование, –
тот же, что без конца задавали себе сами москвичи:
почему российский опыт столь богат
страданиями и неудачами?

Н. Рис. Русские разговоры

Дискурс – это фронт борьбы.
Это зона боевых действий,
динамическое языковое... пространство,
где возникают и оспаривают друг у друга
приоритет социально значимые смыслы
G. Seidel. Political Discourse Analysis¹

Российское обществознание вообще и философия с культурологией в частности уже не одно десятилетие находятся в позиции «поворота»: антропологического, лингвистического, прагматического (этот ряд, вероятно, можно продолжить). Поворот этот осуществляется не просто, – дают о себе знать многодесятилетние игры в бисер, целью которых было не столько познание жизненных реалий, сколько логически выверенные конструкции из абстрактных понятий, имеющие косвенное отношение к постановке и решению действительных социальных проблем. Тем не менее сама потребность данной трансформации обществознания в активный инструмент воздействия на социальную жизнь очевидно нарастает. Отсюда – необходимость обретения способности исследования повседневности, т. е. той питательной среды, в которой и вызревают, отвердевают и воспроизводятся смыслы, значения, ценностные установки, все способы сознательного и бессознатель-

* *Галина Андреевна Брандт* – д-р филос. наук, профессор Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Seidel G. *Political Discourse Analysis // Handbook of Discourse Analysis*. Vol. 4. London: Academ Press, 1985. P. 44.

ного присвоения людьми той реальности, в которой протекает их жизнь. Ведь давно очевидно, что даже случаи принятия «наверху» самых «правильных» законов часто не приводят в нашей стране к осязаемым результатам, и получается «как всегда». Существует невидимый кордон в виде так называемых нравов, которые перемалывают этот закон в своих жерновах недоверия и отчуждения от власти, неготовности к изменениям, пассивности и т. д. и т. п.

«Нравы» – традиционное, закреплённое в гегелевских рассуждениях, обозначение того поля социальной жизни, которое сегодня с определенными допущениями называется и «особой манерой воображения реальности» (К. Гирц), и «моделями жизни», и «моделями для жизни» (Р. Росалдо), и «формулами жизни» (Н. Рис), наконец, институтами, понимаемыми как комплексы устойчивых моделей и конвенций, регулирующих определенную сферу человеческой жизни. Данное переозначивание в современном знании вполне симптоматично, оно привносит эффект конструктивистского и, значит, конструктивного отношения к феномену, считавшемуся до сих пор едва ли не природным, заданным, неизменным. Изучение нравов как моделей жизни, как культурных институтов (с целью возможного переопределения, перекодирования социальных отношений) представляется сегодня для философов и культурологов задачей первостепенной важности.

Одним из примеров такого рода исследований является книга американского антрополога Нэнси Рис «Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки». Книга переведена и опубликована в 2005 г. издательством «Новое литературное обозрение» именно в серии «Культурология» (хотя «Антропология» тоже существует в рубрикаторе изданий НЛЮ). Замечательность появления ее в нашем культурологическом пространстве заключается в том, что, во-первых, здесь эти самые «нравы» предстают как социальные модели и ориентиры, которые на «глазах» читателя вычленил автором из повседневных разговоров людей (а не берутся «с потолка» как нечто всем известное и само собой разумеющееся). И, во-вторых, отчетливо выявляется, насколько эффективно эти модели и ориентиры формируют, закрепляют, поддерживают те социальные условия, политические «тупики», «перманентные кризисы», от которых прежде всего и страдают сами люди – их носители. Со времени появления книги прошло пять лет, и сегодня можно констатировать, что влияние ее на российскую культурологическую мысль могло бы быть гораздо значительней, если бы последняя была готова к тем фундаментальным переворотам и поворотам, к тем вызовам, с которыми обращается к ней современность.

Во введении Рис так формулирует свой теоретический посыл: «спонтанное речевое общение (разговор) является главным механизмом, посредством которого формируются и поддерживаются во времени идеологические и культурные установки. ... В разговоре, в форме повествования, «запечатаны» модели осмысливания действительности и ценностные системы, которые, образуя своего рода «формулы» жизни данного сообщества, направляют и формируют жизнь его отдельных членов»². В России же, утверждает автор, устный разговор особенно важен, здесь «*говорение* – во всех видах и формах – есть ключевая составляющая производства и практики и воспроизводства того, что часто называют «русскостью»³.

Как же проступает, производится, воспроизводится эта самая *русскость*⁴ в наших повседневных разговорах? Что является ее носителем? Базовой конструкцией? Дискурсивным маркером? Вряд ли можно ответить на этот вопрос однозначно, но в качестве доминанты автор указывает на речевые *жанры* как некие модели и конвенции, т. е. институты, прочно укорененные в языковой практике общества. И центральное место в книге занимает раздел, посвященный определяющему «русский» разговор жанру – *литаниям*. «Литания – это речевые периоды, в которых говорящий излагает свои жалобы, обиды, тревоги по поводу разного рода неприятностей, трудностей, несчастий, болезней, утрат...»⁵. И хотя исследование проводилось в четко означенный временной период – эпоха перестройки, автор показывает сложную непрерывную связь между традиционными русскими плачами, комплексом Горя-Злосчастья и современными литаниями, где «одни и те же средства выражения, один и тот же способ концептуализирования экзистенциальных проблем и сообщения о них окружающим»⁶. И там и здесь есть «властные и сильные» (природные и социальные стихии, политические организации, конкретные лидеры), есть их «жестокое дела», и изощренные, страстные описания пережитых людских страданий. Автор уточняет, что русские литания могут произноситься и с иронией (мужской вариант), и содержать даже пародии

² Рис Н. Русские разговоры. Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М.: НЛЮ, 2005. С. 23.

³ Там же.

⁴ Уточним, что «русскость» для автора, конечно, не этнический термин: «русскость – это органическое качество, нечто вроде «осадка», образующегося в результате «реакции» – проживания человеком своей жизни в контексте русской истории» // Там же. С. 65.

⁵ Там же. С. 160.

⁶ Там же. С. 217.

на самих себя, но культурная установка жертвы (которая может иметь характер и иррациональной восторженности, и непоколебимого равнодушия, и стоической выносливости) всегда имманентна здесь.

Культурная установка жертвы как главенствующая в русском дискурсе есть свидетельство такой «диспозиции» (П. Бурдьё) или «манеры воображения реальности» (К. Гирц), где власть трансцендентна людям, где гражданская позиция невозможна по определению и где страдание, приносимое властью, – нормальное состояние людей⁷. «Подобно своим культурным предшественникам, перестроечные литания ведут речь о структурах власти, в которых жертва и мучитель навсегда скованы одной цепью»⁸.

Автор пишет о мощной национально-идеологизирующей, объединяющей силе литании, о ее сакральной значимости, возвышающей зачастую «простой разговор до уровня масштабного эпоса о России», о компенсаторных механизмах, заключенных в ней. Мало того, она признается, что, прожив в Москве определенное время в тесной связи с ее жителями, сама ощутила заразительную силу воздействия этого дискурса на собственную речь. Но весь теоретический и личностный пафос книги в том, что во время перестройки Россия не смогла использовать открывшиеся перед ней новые социальные возможности, в том числе и из-за данной дискурсивной инертности. «Вначале открытие официального, публичного пространства для литаний было частью здорового компенсаторного ритуала, необходимого для отрыва от прошлого и расставания с его мифами», но затем опять «утопичность и нелепость все более утверждались в качестве основной характеристики русской жизни, они превратились в ключевую тему российских СМИ и русского разговора». Именно литания, с точки зрения автора, стала таким «дискурсивным жанром, который, служа гражданам для оплакивания своего бессилия и устранимости из политического процесса, возможно, сам способствует сохранению такого положения»⁹.

Время перестройки – позади. Сегодня правят бал стратегии общества потребления, где дискурс уверенности, силы, удачи и успеха кажется преобладающим. Вряд ли перед данной аудиторией есть необходимость доказывать симуляционную природу этого дискурса, она очевидна. По крайней мере очевидно, что отношения людей к злоупотреблениям власти, к своим гражданским возмож-

⁷ См. для сравнения об американской базовой установке: «все проблемы можно решить» на с. 77 цит. соч.

⁸ Рис Н. Указ. соч. С. 217.

⁹ Там же. С. 159.

ностям, к необходимости участвовать в организации выхода из политических и социальных тупиков по-прежнему питаются «дискурсивным искусством страдания», способствуя тем самым закреплению существующего социального порядка.

Менять «нравы» – пустая трата времени. Работать над выработкой технологий по перенастройке, перезагрузке механизмов функционирования дискурсивных формул, моделей, институтов – задача большой сложности, это, действительно, «зона боевых действий» (см. эпиграф), но... кто сказал, что будет легко?

*Н. Ю. Масленцева**

Стиль жизни в трансформирующемся обществе

Трансформационные процессы, становление рыночной экономики, смена культурных, идеологических, жизненных идеалов общества и индивидуализация ценностей актуализируют исследовательский интерес к вопросам социокультурных изменений и способов идентификации. Проблема идентификации в условиях динамических изменений плюралистической культуры, общества риска и массового потребления относится к такого рода темам социологического дискурса, значимость которых с каждым годом будет стремительно расти. Анализ стиля жизни как процесса идентификации обусловлен необходимостью теоретической рефлексии новых социальных явлений и процессов в ходе трансформационных изменений общества. Социально-экономические, политические и культурные изменения отражаются на повседневной жизни и влияют на мировоззрение, стиль жизни, и поведение, и моду. Стиль жизни обусловлен трансформационными явлениями процесса социокультурных изменений российской действительности и поиском идентичности в динамично развивающемся обществе, усиливающимся влиянием моды в изменяющихся условиях плюралистической культуры и общества массового потребления [См.: 1. С. 26]. Выбор стиля жизнедеятельности, проявляясь в индивидуализации и типизации социального взаимодействия, оказывается проблематичным и зависимым от динамики социокультурных изменений.

Наиболее остро период трансформаций проявляется обострением кризисного мировосприятия, дезинтеграцией институтов, утратой идентификации личности с прежними структурами, ценностями, нормами в результате замены общественных стимулов развития на культурные. Социальные противоречия обуславливают гетерогенность жизненного мира. Общество риска лишь отчасти следует своему предназначению: человек утратил чувство стабильности, уверенности и обустроенности. Трансформация общества расширяет свободу выбора и ответственность человека, в результате дифференциации структуры и появления новых интегри-

* *Наталья Юрьевна Масленцева* – канд. социол. наук, доцент, зав. кафедрой социальной работы Социального ин-та РГППУ (г. Екатеринбург).

рующих элементов увеличивает возможности жизнедеятельности, при этом нарушая согласованность человека с собой и окружающей действительностью.

Изменения требуют от человека значительного пересмотра ценностей и ценностных ориентаций. Ускорение темпа и ритма жизни не оставляет возможности промедления в принятии решений. Скоротечность, всеобщая информативность, связанность и необратимость социокультурных процессов заставляют индивидов больше ориентироваться на социальную практику, где приоритетным становится ориентация на опыт настоящего.

Проблемы жизненного самоопределения связаны с неоднозначностью оценок и рефлексией происходящих изменений, возможностей и условий для самосознания. Повседневная жизнь обретает свойства и качества товара, происходит увеличение набора потребностей, изменяются требования к товарам и услугам. В динамично развивающемся обществе само время превращается в товар: быстро меняются образцы, типы и формы социального взаимодействия, ценности, потребности и интересы. Современное преобразования носят инновационный характер, и информационная составляющая общества приобретает новые характеристики. Наряду с формирующимся виртуальным обществом, основы идентичности закладываются в результате новых путей формирования сознания, которые способны делать его фрагментарным. Сама культура становится многоликой, символической и во многом виртуальной. Противоречия глобализации отчетливо обозначаются в противоречии между сетью и идентичностью – одновременностью создания и глобализации, и фрагментации.

Рыночные отношения из сферы экономики распространились на всю общественную жизнь. Меняется характер потребления: оно индивидуализируется, возрастает роль его символической функции и масштабы потребления нематериальных объектов. Предметами потребления становятся результаты социокультурной жизни, а движущей силой отношений – неэкономические потребности индивидов. Место экономических достижений занимает качество жизни, что приводит к акцентированию культурной составляющей экономики, а стиль потребления рассматривается в контексте учета материальных и символических сторон этого типа социальных отношений.

Традиционные образцы поведения не успевают реагировать на изменения, приходят в несоответствие с постоянно меняющимися условиями и становятся неустойчивыми, оказываясь неразумными в результате макдональдизации общества. Ситуация, в которой оказывается индивид, требует энергичных и неординарных действий. Не имея гарантированных стратегий достижения благосостояния, индивиды пытаются справиться с меняющимися обстоятельствами, используя символически воспринимаемые образ-

цы потребления. Как следствие, появляются новые виды интеракций и стили, менее легитимные или нелегитимные, но как-то справляющиеся с этой ситуацией. Современная ситуация определяет наличие нового габитуса как результата деятельности самого агента. В результате происходит ослабление связи между социальной структурой и стилем жизни, а жизненные ориентации становятся более открытыми и подвижными.

Стиль жизни выстраивает социальную дифференциацию и стратификационную модель общества на основе стилевого многообразия [См.: 2. С. 123]. Увеличивается подвижность индивидуальных ценностных систем: индивид получает возможность изменять свой социальный статус, пересматривать усвоенные представления, совершенствовать ценностные приоритеты. Суть стиля жизни – в динамике стилеобразования и подвижности идентичности. Общество задает социокультурные рамки солидаризации, а потребность включения в социальные сети является неотъемлемым свойством индивида, который вынужден пассивно или активно самоопределяться в многообразии социального окружения и изменяющихся условиях.

Современное российское общество переживает динамичные преобразования социальных отношений и культурных практик. Интегративная по отношению к человеку и обществу роль культуры обуславливает интерес к человеку в контексте антропологического знания. Процессы перехода к новым формам жизнедеятельности нуждаются в своевременной социологической рефлексии. В современном обществе сама культура потребляет человека, способствуя переориентации культурного стиля в индивидуальный стиль жизнедеятельности. Возникающая в этой связи проблема стиля жизни определяется необходимостью анализа динамики социокультурных изменений, трансформации стиля жизни, типов поведения, переоценки ценностей, потребностей и социального конструирования процессов и способов идентификации.

В ходе трансформации культуры и духовной жизни изменяются и модифицируются образцы взаимодействия, подвергаются переопределению стиль жизни и поведения в сфере потребления в стиль потребления как способ идентификации в контексте социокультурного процесса стилизации общественной жизни. В процессах социализации, стилизации и идентификации отношения человека и общества носят противоречивый характер. С одной стороны, требования общества регулируют поведение человека, с другой – нестабильность общественного развития «требует» активности человека по собственной идентификации, которая ретранслирует общественные регуляторы, расширяя рамки и трансформируя социальные нормы. Эта проблема особенно важна для России, где переоценка ценностей сопровождается социально-экономическими изменениями.

В данных условиях новые формы жизни предстают как процесс и способ идентификации в контексте социальных изменений, обусловленных институциональной и культурной трансформацией. Стиль жизни представляет собой способ идентификации (в личностном аспекте) и процесс стилизации (в динамическом аспекте) в условиях социокультурного плюрализма и общества массового потребления. Моделирование стиля жизни основывается на выделении аспектов анализа, их содержания и стилеобразующих факторов. Стиль существует как фиксированное значение, объективированное в определенной стилевой структуре. Признаки стиля исполняют роль символов идентичности, а социальный мир, в котором существует дифференциация этих признаков, является организованной дифференциацией – стилевой символической системой. Стилевой плюрализм влечет за собой возрастающую дифференциацию, и общество характеризуется синтезом подвижных стилей, без отчетливого поддержания иерархических различий, которые становятся условными, фрагментарными и рассеянными, а культурная сфера – обособленной от других. Культура сосуществует с раздвоенной экономикой, и конкуренция способствует плюрализму культурных значений человеческой деятельности и идентификации, которые не регулируются социальной системой. Развитие экономики и культуры и их взаимообусловленность активизируют рефлексивность интеракций в сфере потребления и проявляются в виде закономерности: развитие плюралистической культуры и стилей адекватно степени развития потребления и уровню сформированности потребностей, интересов и ценностей индивида и общества.

В нестабильном обществе устоявшаяся социальность уступает место стилю как подвижной идентификации и выбранной индивидуальности социального взаимодействия. Потребление, являясь интегральным аспектом современной жизни, способствует индивидуализации потребления, способу самовыражения и обретения идентичности. Не имея гарантированных стратегий достижения благосостояния, индивиды пытаются справляться с меняющимися обстоятельствами, используя символически воспринимаемые (виртуальные) образцы потребления, которые обуславливают ценностную маргинализацию индивида и общества. Идентификация через потребление носит культурный характер, и стиль жизни конституирует внутривозрастную дифференциацию, ведущую к стиранию граней обобщенных поляризованных типов поведения и стилей жизни.

Литература

1. Иванова И. Н. Стиль потребления как социальный процесс и способ идентификации. Саратов: ПМУЦ, 2004. 512 с.
2. Ильин В. И. Поведение потребителя. СПб.: Питер, 2000. 224 с.

*Е. А. Ревуцкая**

Тенденции архаизации в российском социокультурном процессе

Современная российская ситуация демонстрирует специфические и причудливо состыковывающиеся друг с другом тенденции. Налицо – разрыв социокультурного пространства с последующим расхождением и даже поляризацией социальных страт. Архаизация является результатом сложных и противоречивых событий, произошедших вслед за распадом Советского Союза. Эти события связаны с приватизацией прежде государственной собственности, которая воспринимается большинством населения как нелегитимная. Для всего постсоветского периода характерен быстрый рост децильного коэффициента, резко поляризовавшего общество по уровню доходов, что, в целом, вызвало резкое ухудшение положения, в том числе и социальной защиты, значительных по численности слоев населения во всех регионах страны. Разрыв между доходами 10 % самых богатых и 10 % самых бедных, по данным ряда источников, достиг 16–20 раз.

Распад государства совпал с информационной революцией, связанной с широким распространением современных средств массовой коммуникации. В российском обществе появились черты, которые прежде не были столь заметными, – информационное неравенство. Люди оказались неравными в возможностях доступа к современным средствам массовой коммуникации, что в существующих условиях часто оказывается серьезным ограничением в доступе к информации и ограничивает возможности получения современного образования.

Заимствование западных институтов и внедрение их на российский почве не принесло сколько-нибудь заметных позитивных изменений в жизни среднего россиянина. В ситуации информационной революции резко возросла проницаемость пространства и упала возможность государства его контролировать. Как следствие этих процессов – появление тенденций дезинтеграции страны по этническому и конфессиональному признакам. Федеральный центр перестал должным образом контролировать национальные регионы,

* *Елена Альфонсовна Ревуцкая* – доцент Поволжской академии государственной службы им. П. А. Столыпина (г. Саратов).

многие из которых в большей степени стали ориентироваться в культурном плане на родственные им по языку и религии государства. За последние годы значительно выросло влияние на общество религии. Причем в данном случае речь идет о сознательной политике Российского государства в продвижении этих идей и в реальном, и в медийном пространствах. Мы видим постоянное присутствие в СМИ и СМК высших иерархов традиционных для России конфессий. Священнослужители активно пытаются проникнуть в средние и высшие учебные заведения, и в известной степени это им удается. Идут сложные процессы сближения богословия с наукой. Министерство образования России обсуждает вопрос о признании богословских ученых степеней и званий.

Внутри Российского государства во все большей степени стали проявлять себя архаичные хозяйственные и культурные практики. Причем касается это не только кавказских, но и европейских субъектов РФ. Остается стабильно высоким теневой сектор экономики. Сложившаяся ситуация во многих регионах способствует росту именно такой занятости населения. Это могут быть архаичные практики хозяйственной деятельности, которые не то чтобы только уцелели, но и возобновились, несмотря на индустриализацию, проведенную в советское время. «Характерной чертой архаических практик является то, что в подавляющем большинстве случаев они происходят в тени, государство о них как бы догадывается, но наверняка не знает, закрывая на это глаза. Именно эта теневая, не облагаемая налогами, деятельность позволяет людям сводить концы с концами, а иногда и строить планы на будущее» [5. С. 85].

По мнению В. Г. Федотовой, в рассматриваемый период «Запад в значительной мере деиндустриализировался ради постиндустриализации, перенося индустрию в страны Азии. А Россия деиндустриализировалась, не перенеся постиндустриализма (за исключением некоторой компьютеризации), в значительной степени уходя в доиндустриальное состояние» [6. С. 47]. Результатом таких процессов стала постепенная деградация значительной части рабочих и инженерно-технического персонала крупных и средних предприятий. Естественно, что параллельно с этим шло закрытие этих предприятий, как нерентабельных, с последующей приватизацией. Высвободившиеся работники занимаются кустарным промыслом или работают в сфере перепродажи. Даже официальные данные о теневом секторе производства, хотя подсчитать это точно невозможно, дают соотношение «света» и «тени» 50 на 50 %.

В последние годы проявления архаизации можно отметить в сфере литературы. Особенно популярным стал жанр антиутопии, что отразилось, например, в книгах В. Сорокина «День опричника», «Сахарный Кремль». Наглядно нашла отражение эта тенденция в

«Манифесте» Н. С. Михалкова, в котором он ностальгирует по «старым добрым временам» и предлагает свой проект будущей России [3].

В первой книге, посвященной партии «Единая Россия», ее автор, В. В. Иванов, во введении утверждает, что «мы обеспечиваем, поддерживаем и защищаем государственное единство и политическую целостность посредством концентрации высшей (общегосударственной) власти и централизации территориальной власти. Властным центром при этом непосредственно выступает глава государства – царь, или «царь», т. е. «республиканский монарх» и верховный правитель. Причем это – конкретная персона, личность, а не институт» [1. С. 4]. Автор недвусмысленно выражает идею преемственности и сакральности верховной власти в России. Таким образом, на новом витке развития общество и государство возвращают к, казалось бы, уже изжитым сюжетам.

Естественно, что возврат никуда в чистом виде невозможен. Знаменательной представляется сама тенденция. Ее появление, в определенной степени, – результат понимания частью общества неорганичности произошедших перемен, отсутствия сколько-нибудь привлекательных перспектив в будущем, результат апатии, распространившейся среди значительных по численности слоев российского населения.

Прежняя советская идентичность, гражданская в своей основе, сменилась разными по происхождению и более архаичными идентичностями: этнической, конфессиональной или региональной. Представляется, что на уровне общества произошла более четкая артикуляция именно этих, более архаичных идентичностей. В результате общая устойчивость конструкции и плотность центростремительных коммуникаций в целом уменьшилась. Для многих регионов Российской Федерации, особенно национальных, появились новые центры притяжения. Ими стали близкие по культуре и религии государства. Ослаб федеральный контроль информационного пространства. Наглядный пример этому – ситуация в республиках Северного Кавказа, где значительно усилилась роль духовенства и в целом влияние религии на коренное население. Ислам в наиболее экстремистских формах был завезен молодежью, получившей образование в Турции, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и др. Властям в этих субъектах Федерации все труднее удается контролировать ситуацию на местах.

Место «большого нарратива» заняло множество мелких, «местечковых нарративов», которые разделяют страну на территории с разным по происхождению и культуре населением. Многие национальные субъекты (главным образом, на Северном Кавказе) становятся в значительной степени мононациональными – русское

население покидает их. Происходит это в результате того, что люди не видят перспектив для себя и для своих детей ни в работе, ни в получении хорошего образования.

Тенденции архаизации могут быть обнаружены в самых неожиданных областях экономической, социальной и политической жизни. Установившаяся в последние годы политическая ситуация благоприятствует подобным изменениям.

Политическая культура, распространенная в России, является подданнической, институты гражданского общества крайне слабы, заинтересованные люди скорее имитируют его присутствие, имеющаяся партийная система не покрывает всего спектра предпочтений граждан. Многие не находят среди парламентских партий ту, которая выражает их интересы. Имеющиеся партии лишь условно можно считать политическими. Их природа – иного происхождения. Создаваемые искусственно, они лишь имитируют деятельность полноценной политической системы. Многие авторы отмечают, что «даже избирательные кампании федерального уровня проводятся крупными информационными агентствами, специализирующимися на политическом маркетинге. Структуры партийных организаций при этом, по заключению экспертов, играют исключительно вспомогательную роль поддержки централизованной рекламной кампании в регионах» [4]. Реальная партийная деятельность в регионах России, за небольшим исключением, отсутствует. В результате можно констатировать, что «современное российское партийное строительство представляет собой своего рода дизайнерскую, художественно-техническую деятельность по формированию предметной среды российской политики, способствующей привлечению общественного внимания, завоеванию доверия избирателей и ориентации спонсорских ресурсов» [Там же. С. 81].

Опросы общественного мнения показывают, что «власть, по мнению россиян, должна держаться на “соблюдении конституции” (51 %), на «государственной системе, созданной и работающей в интересах общества» (46 %). А в России, отвечают чаще всего ее граждане, она держится на «круговой поруке чиновников, их коррумпированности» (33 %), на «всей мощи государственной машины, работающей только на интересы власти» (30 %), «на людях, привлеченных во власть по принципу личной преданности» (21 %). О том, что наши власти опираются на «соблюдение конституции», решилось сказать менее 14 %» [2].

В такой ситуации количество желающих заниматься внедрением инноваций вряд ли может быть сколько-нибудь существенным. До сих пор не виден субъект, который в существующих экономических и социально-политических условиях будет проводником этих изменений. Пока мы слышим много правильных слов, но видим существенно меньше реальных дел.

Литература

1. Иванов В. В. Партия Путина. История «Единой России». М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 342 с.
2. Левинсон А. Наше «мы»: на чем держится власть в России [Электронный ресурс]. URL: // <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/2010/08/10/243096>
3. Михалков Н. С. Право и Правда. Манифест Просвещенного Консерватизма [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1288470000>
4. Нежданов Д. В. К вопросу о понятии «партийный дизайн» // Социум и власть. 2006. № 3. С. 80–85.
5. Рязанов А. В. Этнос и коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. 112 с.
6. Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005. 544 с.

Проблема «проработки» прошлого в контексте модернизации современной России

«Прошлое» в условиях современности имеет проблематичный статус: «прошлое перестало быть гарантией будущего, а потому память превратилась в движущую силу, в обещание преемственности»¹.

Актуализированные в общественном сознании образы коллективного прошлого обусловлены переживаемым настоящим. Память о ключевых событиях, конституируя коллективную идентичность, во многом определяет ситуацию современности. Британский историк К. Хилл в работе «История и настоящее» писал: «Мы сформированы нашим прошлым, но с нашей выгодной позиции в настоящем мы постоянно придаем новую форму тому прошлому, которое формирует нас»². В этом плане «проработка прошлого» может рассматриваться как процесс трансформации исторического опыта: от болезненной травмы до дистанцированного отношения к прошлому как к «другому».

«Проработка прошлого», включенная в текущую событийность, зависит от того, насколько связанными являются события, образующие каркас представлений о современности. Пока в этой последовательности и связности обнаруживаются разрывы, провалы, незаполненные «места» и «лакуны» и пока существует возможность обратного влияния событий на смысл предыдущих (уравнивающего и стирающего границу между прошлым и настоящим), процесс «репродуктивной проработки» оказывается не завершен. Поясним это положение на следующем примере.

* *Дмитрий Валерьевич Лебедев* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии УрГЮА (г. Екатеринбург).

** *Галина Викторовна Лебедева* – канд. филос. наук, ассистент кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Ред.-сост. М. Габович. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 397.

² Hill C. History and the present. L., 1989. P. 29.

Л. Гудков рассказал о результатах недавних общероссийских опросов, проведенных «Левада-центром». Их них следует, что главным опорным символом русских россиян выступает победа в Великой Отечественной войне, что снимает ответственность власти за советский период, репрессии и бедность. Вторым комплексом символов являются успехи советской космической программы. Отмечаемые моральные качества русского народа – это простота, терпение, жизнеспособность и стойкость. Среди ведущих мифологем – Россия как барьер, разделяющий Азию и Европу, как защитница и жертва. На вопрос «Что вас связывает с вашим народом?» россияне дали следующие ответы: место, где родился (малая родина), прошлое страны, родная природа, большая страна. Однако все эти значения – аскриптивные, присущие человеку с рождения, а не достижительские, и в этом постсоветское общество сильно отличается от многих других европейских стран, граждане которых в ходе опросов подчеркивают высокий уровень достигнутых свобод и социального обеспечения.

По словам руководителя «Левада-центра», дезориентированность людей в первой половине 1990-х гг. сменилась позитивным самоутверждением, происходит сильнейшая идеализация советского прошлого как времени благополучия и стабильности, а ближайший период реформ Горбачева и Ельцина оценивается как катастрофа и хаос, чем активно пользуется власть.

Поскольку современное «российское» обретает свое содержательную наполненность в сравнении с «советским», в качестве незавершенной, но включенной в ретроактивный процесс, может рассматриваться проработка таких важнейших для постсоветской России событий, как распад СССР, крах коммунизма, с момента которых прошло уже двадцать лет. Следы «советского» прошлого продолжают «упорствовать» в нашей жизни в качестве симптомов (Ж. Лакан). Как писал С. Жижек, «симптомы являются виртуальными архивами пустоты... они выражают не только прошлые неудачные попытки, но и прошлую неспособность откликнуться на призывы к действию или даже сочувствие по отношению к тем, чьи страдания в некотором смысле связаны с формой жизни, частью которой они являются»³. Но симптом является также и защитным явлением, поскольку удерживает место того, кто борется за свое существование в промежутке между припоминанием и забвением. Когда мы упускаем решающую возможность и не делаем шага, который бы «все изменил», сама эта неспособность будет преследовать нас, возвращать к прошлым попыткам и забытым действиям.

³ Жижек С. Добро пожаловать в пустыню реального. М., 2003. С. 29–30.

При этом очевиден парадокс: то, что возвращается как вытесненное или забытое, не несет само по себе смысла – он не извлекается из прошлого как некая объективная данность, а ретроактивно конструируется. Прошлое существует, будучи включено в сеть означающих, т. е. символизировано в пространстве самой памяти, – вот почему мы склонны переписывать историю и менять версии пережитого прошлого. Так, например, Р. Барт полагал, что реальность прошлого, которую мы «схватываем» посредством воспоминаний, тесно связана с появлением *эффекта реальности прошлого*, возникающим при напряженном сталкивании отдельных воспоминаний (примечаний) и всего пространства текста в целом (предсказаний). При этом, как отмечал мыслитель, «если мы забываем тот или иной смысл, не стоит оправдываться; ведь забывание это не какой-то дефект... это позитивная ценность – способ заявить о неподсудности текста, утвердить плюрализм систем...»⁴. Скорее, «след памяти» – это жест, указывающий на то, чего уже нет. Он не имеет собственного места: он смещается, «дрейфует», но никогда не может быть представлен, поскольку именно стирание конституирует его. В результате, забвение не *освобождает* от прошлого, напротив, то, что мы не способны помнить, сильнее преследует нас.

Прошлое, точнее, травматическая память советского и постсоветского периодов продолжает влиять на настоящее. На первый взгляд, за это время, начиная с девяностых годов, выросло целое поколение молодых людей, для которых «перестройка», «распад СССР», «железный занавес» уже не являются событиями личной биографии, а только отвлеченными историческими фактами. С другой стороны, когда государством взят курс на модернизацию, любые формы «одержимости» прошлым и отсутствие его конструктивной проработки может восприниматься как угроза обновлению.

«Проработка прошлого» предполагает обнаружение дистанции и возможности отношения к травмирующему опыту как к «другому». Потеря дистанции по отношению к пережитому приводит к тому, что всякое припоминание причиняет боль. С точки зрения Ж. Делеза, это ситуация *злопамятности*, в которой реактивные силы одерживают вверх над активными: «Реакция на следы становится чем-то ощутимым в то же самое время, когда реакция на раздражение перестает быть задействованной»⁵. Боль блокирует быстрое реагирование: «Ни от чего не можешь отделаться, ничего

⁴ Барт Р. S/Z. М., 2001. С. 38.

⁵ Делез Ж. Ницше и философия. М., 2003. С. 234.

не можешь оттолкнуть. Все задевает. Люди и вещи подступают слишком – до бестактности – близко; все события оставляют следы; воспоминание предстает гноящейся раной»⁶.

Возможно ли продуктивные отношения к прошлому, без патологической «задетости» и «одержимости» им? Ф. Анкерсмит считал, что прошлое есть часть нас самих, поэтому, обращаясь к его историзации, мы осуществляем не акт присвоения чужой реальности, чуждого нам мира, а акт узнавания той части нас самих, которая с течением времени просто приобрела от нас независимость. Ключевым моментом в этом процессе становится, по мнению Ф. Анкерсмита, феномен ностальгии: «ностальгия является таким способом переживания различия между прошлым и настоящим, в момент которого прошлое реально возвращается, всегда будучи частью нас самих»⁷. Ностальгия не есть просто опыт прошлого, а опыт различия между прошлым и настоящим. Ностальгический опыт последовательно защищает и уважает расстояние, различие и недостижимость прошлого. При опыте различия между прошлым и настоящим расстояние между тем и другим сохраняется, но в то же время прошлое пребывает в границах настоящего. Именно поэтому феномен «ностальгии по советскому» может рассматриваться как своеобразная форма ретроактивной проработки, а не просто в качестве попытки реставрации советского прошлого в условиях современности. Это и есть способ расставания, дистанцированного отношения к прошлому на пути его сложной трансформации: проститься с прошлым, чтобы позволить ему стать «другим», без одержимости и боли.

Таким образом, процесс модернизации постсоветской России, в аспекте заявленной нами темы, сталкивается со следующими проблемами: во-первых, необходимостью проработки «болезненного» исторического опыта; во-вторых, пониманием тех особенностей отечественной культуры, которые связаны с ментальностью, ценностными системами, повседневными практиками и привычками, актуализирующими национальное и/или локальное прошлое.

⁶ Ницше Ф. Автобиография (ЕССЕ НОМО) / Избр. произв. М., 1990. Кн. 2. С. 339–340.

⁷ Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 2003. С. 54.

Иллюзия и реальность модернизации социальной сферы

В современной российской действительности повсеместно утверждается мысль о том, что найден тот основной и спасительный источник, своего рода фармакон современности – проект модернизации. Выявлению категории фармакона посвящены лучшие страницы книги Ж. Деррида «Dissemination» [1]. Фармакон одновременно яд и лекарство; искусство его приготовления состоит в дозировке. Фармакон смирения, для того чтобы воздействовать эффективно, должен содержать легкие галлюциногенные компоненты. Речь идет о своеобразной оптике преломления восприятия, заменяющей повязку на глазах.

Но модернизация лишена этого аллюра, он лишь иллюзия этой повязки. Модернизация своими корнями уходит в идеи прогресса, линейного развития, которое представляется, к примеру, таким мыслителем, как Ж. Ф. Лиотар, – «снами модерна» [5]. И сны эти однозначно с запахом нафталина. Концепция модернизации коренится и вместе с тем погружена в просвещенческие аспекты традиции. По существу, она выражает принцип, который уже был выражен в концепции прогресса Просвещения, она заряжена тем же чувством освобождения, что и Просвещение, и, к сожалению, – теми же социальными чувствами, провалами и недостаточностью.

Суть в том, что идея прогресса имеет тенденцию обходить стороной проблему социального характера человека. Модернизацию понимают прежде всего на экономическом, научном и технологическом уровнях. Это понятно, поскольку в данных сферах развитие принимает наиболее ослепительное течение. И в то же время характер этих сфер особенно легко способствует формулированию квантифицируемых показателей развития. Как заявляет Ян Келлер [3], сущность модернизации заключается поэтому в императиве модернизации производства (путем введения или новых технологий, или новых управленческих и организационных элементов) и в требовании утверждения меритократической системы вознаграждения. Когда же теория модернизации упоминает социальные институты, а это всегда встроено в русло идеологического

* Павел Григорьевич Абушкин – магистрант 2-го года обучения ф-та политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

наполнения, межличностные связи или ценностные предпочтения, она всегда переходит от всеобщего точного описания к пространственной артикуляции.

Миф, а именно о мифической конструкции модернизации нам приходится говорить, есть миф Просвещения. Это своеобразная мантра, суть которой повторение, но не повторение как мифа о вечном реальном возвращении, а повторение параноидального, суть которого поток к созданию диспозиции с чем-либо или с кем-либо. Это странное стремление к поиску латентного врага, к попытке маргинализировать часть себя. Просвещение, с его понятным вниманием к освобождению индивида от тягостных социальных пут традиционного общества, обладает тенденцией недооценки социального аспекта экзистенции, недооценки ее поддерживающего характера и значения для подлинного (не только формального) достижения свободы человека. Это его раскол. Но идея постоянного и необходимого прогресса, своей линейностью разбивая человека и его желание на запрос и нужду, разбивает и социальную сферу. По сути, систематически сносится и разрушается в процессе модернизации прежде всего социальная сфера. Глядя на эту проблему, и даже в обход идей консервативного толка, можно все же утверждать, что модернизи даже на своих начальных стадиях окончательно разрушила мир домашнего хозяйства как центр традиционных форм и устоявшихся структур в социальной сфере. Два века спустя под соусом эффективности и выгоды она разрушает мир формальных организаций и переделывает его форму в чрезвычайно нестабильную среду постоянно неустойчивых подвижных аутопоэзных сетей. Безусловно, некая часть общества при этом выигрывает, так же как в прошлом другие выигрывали при переходе от домохозяйств к организациям. Однако остальная часть общества, а это чаще всего большинство, теряет даже то, что им было гарантировано в эпоху организаций. Небольшое число способных индивидов вылетают из демонтированных организаций в мир сетей, где они поднимаются выше, чем это было возможно для них даже на высшей организационной платформе. Остальные теряют точку опоры и падают ниже первого этажа бывших организаций во все увеличивающийся сектор маргинальных и исключенных индивидов.

Каким итогом может быть модернизация институциональной и социальной сфер. Немецкий антрополог Арнольд Гелен толковал исторические социальные институты как инструментальную компенсацию человеком собственной биологической ущербности. Культурная традиция – это вроде как костыли для незавершенного Адама, не способного самостоятельно стоять на переднем рубеже реальности. Интерпретируя человека как «недостаточное существо» [Цит. по: 2], «открытое миру» и потому «рискованное»,

нуждающееся в поддержке извне, Гелен подчеркивает антропологическое, обусловленное врожденными биологическими предпосылками, происхождение институтов, обеспечивающих нормальное функционирование человеческих обществ. Под институтами он понимает прежде всего некоторые «стереотипные структуры, объективно сложившиеся модели человеческого поведения, упорядочивающие жизнедеятельность людей» [2] и обеспечивающие «стабильные формы общежития». Институты восполняют то, чего человек не мог бы достигнуть вследствие своей недостаточной инстинктивной оснащённости. Они обеспечивают человеку такие же стабильные жизненные структуры, какие природа дала животному, ибо человек «открыт миру», а природа его пластична. «Поэтому уже саму длительность существования института следует рассматривать как ценность» [Там же]. Тем самым институты приобретают в его концепции фундаментальное антропологическое значение: без них человеческая культура носила бы «хаотический характер», ибо они «внешняя опора человека в мире». Институты складываются, по Гелену, в процессе человеческого общежития «путем стабилизации порядка и правил вследствие их длительного функционирования, механизм управления которыми следует искать в области инстинктов» [Там же]. Арнольд Гелен считал, что наиболее эффективно социальные институты действовали в архаическом обществе, выполняя функции компенсации человеческой ущербности. В Новое время на первый план выходит человеческая субъективность, человек живет в состоянии хронической рефлексии, он находится в ситуации выбора: он все время пытается сформировать свою идентичность, в то время как раньше она была ультимативно задана традицией. Сама человеческая личность понималась Геленом как индивидуализированная институция, созданная по лекалам традиционного опыта.

Одна из ключевых проблем институционализма – снятие функционального противоречия между волюнтаризмом эмансипированной личности и категорическим императивом общественной системы. Иными словами, как заставить человека продуктивно работать на перспективу социального развития в ущерб собственным сиюминутным интересам? По всей видимости, будут складываться новые формы высокотехнологичного общественного контроля и публичной юстиции, адекватные структурным вызовам эпохи социального постмодерна. Это, в свою очередь, неизбежно связано с повышением уровня саморефлексии оперативного звена, играющего роль своеобразного нового господства.

Институты дают стабильность нашей психике, и даже душевное здоровье зависит от прочности институтов – они защищают нас от себя самих. Они необходимы уже для того, чтобы у человека

имелась идентичность: «Человек не знает, кем и чем он является, а потому он не может себя реализовывать непосредственно, он должен опосредовать себя институтами». Сама человеческая личность определяется Геленом как «институт в единственном числе» [См.: 4]. Не «искусственная» культура подавляет человека и «отчуждает» его от собственной «природы». Культура «естественна» для человека, а ее кризис ведет к примитивизации поведения и к варварству, которые являются прямыми следствиями отказа от традиции, распада системы норм и правил. Человек дорого платит за распад институтов нравственности, семьи, религии.

Модернизация институциональной и социальной сфер – это превращение социальных институтов в социальные сети. В то же время, однако, мир сетей драматически будит сомнения в социальном порядке, который современная эпоха провозглашала как некий компромисс в попытке и дальше поддерживать социальное бытие другими средствами, отличными от традиционных. Высокая степень эффективности социальных сетей базируется на экстернализации издержек (расходов), связанных с действиями индивидуальных участников. Каждый индивид обязан повышать его/ее способность быть занятым по найму и расширять портфель его/ее проектов (планов). Если кто-то по каким-то причинам не способен к этому, то он быстро маргинализировался и исключался, что в определенной мере снижало способность для восприятия нового и предложения проектов. Говорить о модернизации социального не представляется без планирования изменений культурного потенциала и культурной основы, но можно ли модернизировать культуру, или же это всего лишь иллюзии, основа которых – полномасштабная экстернальность экономического сектора в другие, внеэкономические, сектора общества. Где итогом всегда является выдача диагноза декларируемого как старомодно, неэффективно и расточительно.

Литература

1. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. Н. С. Автономовой. М., 2000.
2. Куркин Б. А. Концепция государства в философской антропологии А. Гелена // Правоведение. 1981. № 3.
3. Келлер Я. Модернизация – гуманизация общества или коррозия бытия? <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2002-07/keller.pdf>
4. Проблема человека в западной философии. М., 1988. Ч. 1–3. С. 152–302 [Электронный ресурс]. URL: http://anthropology.ru/ru/texts/gelen/system_1.html
5. Лиотар Ж. Э. Состояние постмодерна. СПб.: Алетейя, 1998.

Проблемы модернизации этики и морали в постсоветской России

Этика и мораль советского периода в России представляли собой философско-теоретическое обоснование и практическую реализацию идеи совершенного общества и совершенного человека. Это были этика и мораль социальных и индивидуальных добродетелей, социального и индивидуального совершенства и прогресса. Идеи классической, традиционной этики вполне соответствовали коммунистическому проекту.

Беспрецедентный исторический поворот от социализма к капитализму, двадцатилетний драматический, а для кого-то и трагический опыт социальных преобразований в России требуют всестороннего осмысления и обоснования практических путей и способов неавантюрной, нетравматичной, социально и индивидуально продуктивной, гуманной модернизации.

Сущность любой модернизации – это обновление ради развития и совершенствования, которые, в свою очередь, обуславливают надежность творческого созидания духовных и материальных благ, достижения индивидуального и социального счастья.

Обновление современной этики представляет собой переход от этики добродетелей к социальной этике, этике институциональной, этике деловых отношений. Классическая этика все более заменяется этикой прикладной. И хотя этика всегда считалась практической философией, тем не менее она до новейшего времени сохраняла свои метафизические основания, которые сегодня подвергаются критике: «Такие концепты этики не только не могут воздействовать на реальную жизнь, но, противопоставляя мораль и практическую жизнь, пользу и принципы, этику и экономику, делают эту возвышенную этику ненужной для повседневной практической жизни (реальной пользы, жизненных потребностей)» [1. С. 204].

Такую этику нередко называют «этикой без морали», этикой без «чистых намерений». Но, вопреки этому все более формируется положительное отношение к прагматическому, утилитарному курсу деловой этики: «сегодняшние вызовы (особенно угрозы эко-

* *Нонна Константиновна Эйнгорн* – канд. филос. наук, профессор кафедры этики, эстетики, теории и истории культуры УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

логических, техногенных рисков) доказывают, что уже нельзя опираться лишь на традиционную этику, тем более – на бытовое понимание моральности/аморальности, а необходимы знания современной прикладной этики, методологически опирающейся на идеи *социального конструктивизма* и применяющей для достижения моральных ценностей социальную инженеррию» [1. С. 204–205].

При таком подходе субъектом морали все более становится организация (не коллектив); минимизируется трудовой героизм как индикатор неоправданных, неуправляемых рисков; ценности интегрируются в практику, конструктивно разрешая противоречие между Должным и Сущим, между ценностями и фактами; проблема свободы морального выбора перестает быть оправданием волонтаризма индивидов и групп; моральные проблемы все более решаются «на конвенциональном и постконвенциональном уровне...», когда многие дилеммы уже дискурсивно закрыты и субъектам деятельности остается лишь быть «законопослушными» и следовать предвзвешенно принятым ценностям и нормам [Там же. С. 205].

В изменившихся социальных условиях, когда социальные институты, организации должны все более становиться моральными субъектами, проводниками моральных правил, норм, принципов выступают этические кодексы, этические комитеты и т. д. (то, что можно назвать этической инфраструктурой предприятия, фирмы) [2. С. 208–209].

В очевидной тенденции теоретического и практического перехода от этики индивидуальных добродетелей к этике социальных институтов, организаций очень важно соблюсти меру, «золотую середину» и руководствоваться следующим предостережением: «...В современном обществе и для современного общества институционально-государственная мораль, которая не базируется на индивидуальной морали и не корректируется ею, так же разрушительна, как и индивидуальная мораль, которая не поднимается до институционально-государственной морали, не дополняется ею» [3. С. 273].

Этические и моральные инновации, утверждающиеся в постсоветской России и определяющие перспективу преобразований, не могут не сопровождаться ответственными размышлениями о будущем отечественной этики и морали: «По сути дела будущее новой морали, вынужденной заново осваивать и свою человечность, и свою социокультурную жизнеспособность, зависит от того, какие именно основания меняющегося человеческого бытия приобретут в самом недалеком будущем смысл и содержание этически должностующего начала, пережитого и освоенного персоналистически и соответственным образом закрепленного социально-граждански, требующего, в свою очередь, новой и углубленной философской рефлексии» [4. С. 548].

Литература

1. Васильевне Н. Управление ценностями – смена парадигм этики // Облики современной морали: материалы международной научной конференции (МГУ, 16–19 марта 2009 г.). М.: Макс Пресс, 2009.
2. Генявичюте Н., Васильев А. Этика организаций – способ формирования действующих ценностей нравственности // Там же.
3. Гусейнов А. А. Философия, мораль, политика. М., 2002.
4. Соина О. С. Будущее морали // Философия и этика. М.: Альфа-М, 2009.

В. Л. Афанасьевский*

Онтологические основания толерантности (к постановке проблемы)

Проблема толерантности стала особенно актуальной в последнее десятилетие в мире и в России. Бытие человека – это всегда «бытие-в-мире» и «бытие-с-другим»: «Жизненный мир... не является моим частным. К нему принадлежат другие, не только как тела и объекты моего опыта, но как alter ego, т. е. субъективности, наделенные такой же активностью, как и я» [3. С. 125]. Следовательно, проблема толерантности является моментом проблемы Другого. Самый общий смысл Другого можно сформулировать так: *Другой – это другая культура, другие формы мышления, которые нельзя объяснить по аналогии с привычным миром, а надо постигать как новое, до конца никогда не понимаемое*: «Другого встречают, его не конституируют» [2. С. 273]. Реальная жизнь не мыслится непротиворечивым образом, не покрывается рациональными схемами. Здесь можно выделить еще один смысл: *Другой – это реальная действительность, в своей инаковости не постижимая рациональным мышлением*. Философы современности осознают, что у Другого столько же прав на существование, как и у меня: «Что мы хотим сказать, когда говорим, что перед нами Другой, то есть другой, такой же как я, Человек? Ведь это предполагает, что это новое существо – не камень, не растение и даже не животное, – это и есть я, “ego”, но в то же время это – другое, “alter ego”, иными словами – “alter ego”, другое я... Здесь передо мною находится другое существо, которое тоже – я, тоже “ego”... И вот в моем мире появляется некое существо, которое, пусть и в форме со-присутствия, тоже заявляет свое право быть “человеческой жизнью”, а следовательно, жизнью уже не моей, а своей и соответственно, со своим миром, изначально отличающимся от моего. Мы сталкиваемся с поистине феноменальным парадоксом: на горизонте моей жизни, вся суть которой сводилась исключительно к тому, что она моя, и поэтому представляла из себя изначально одиночество, появляется другое одиночество, другая жизнь, строго

* **Вадим Леонидович Афанасьевский** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Самарской государственной областной академии (Назюной) (г. Самара).

говоря не имеющая ничего общего с моей, но имеющая свой мир, мне чуждый, – другой мир» [1. С. 330–331].

Общение с Другими является первоосновой для формирования личности, способной к саморефлексии. Поэтому необходимость Другого должна пониматься как конкретная необходимость «здесь и сейчас», каждый раз устанавливаемая заново. «Я» возможен, только если Другой санкционирует мое видение мира. Другой имеет значение инаковости, отличности от всего, что есть в наличности («другой мир», «другая жизнь», «другая религия»). Другой есть самостоятельное, самобытное начало, которое открывает себя по своему собственному почину. Таким образом, Другой выступает как автономная, несводимая к моему «Я» онтологическая структура.

Соотношение «Я-Другой» выступает как первичная, наиболее удобная для рассмотрения модель более широкого соотношения «Я-Другие», поскольку единичный Другой репрезентирует всех остальных Других, становится их символом. Радикальный субъективизм провозглашает сущностью акта понимания конфликт между мной и Другим. По мнению Ж.-П. Сартра, Другой видит меня со стороны таким, каким я себя никогда не увижу: «...моя существенная связь с другим-субъектом должна приводиться к моей постоянной возможности быть увиденным другим. Как раз в раскрытии моего бытия-объекта для другого и через него я должен уметь постигать присутствие его бытия-субъекта... первоначальное отношение меня к другому... является также конкретным и повседневным отношением, которое я испытываю в любой момент; в любой момент другой смотрит на меня...» [2. С. 280]. Это позволяет Другому «держать в руках» «секрет» моего бытия. Сартр рассматривает проект возвращения индивидом своего «истинного» бытия как проект овладения бытием Другого. Результатом построения такой онтологической конструкции является признание невозможности единения с Другим. Признание несомненного влияния Другого проявляется как смысл существования человека, состоящий в освобождении от его «тотального засилья». Для коммунологической же традиции, усиленно разрабатываемой ведущими направлениями западной философии (персонализм, религиозный экзистенциализм, феноменология, философская антропология и др.), свойственно обоснование сущностной, «онтологической» потребности индивида в Другом. «Монологическому» отношению к предметному миру, миру объектов противопоставляется «диалогическое» отношение к Другому, указывающее на недопустимость обращения с человеком как с вещью. Диалогу, в отличие от конфликта, присуще «принятие» Другого, без плодотворного влияния («взгляда») которого человек не может обрести целостность, а значит, и смысл существования.

Между тем сама суть проблемы Другого выражена в словах М. Мерло-Понти: «Как понять “Другого”, не пожертвовав его нашей логике, а ее ему?» Поиск собственной определенности на «территории» Другого может вовсе лишит индивиду такого рода «собственности». Однако как сохранить Другого как Другого, уберечь его от «поглощения», не конфликтуя с ним, не отрицая его «авторитетной ценностной позиции вне меня?» (М. Бахтин). Существует «общая территория», возникающая в пространстве коммуникации, территория, в которой есть «места соединения», но «нет централизации». «Собственное» и «Другое» здесь равноценны, равноправны, вернее, они не имеют «никаких прав» по отношению друг к другу. Присутствие «всеобщего» в соотношении «Я-Другой» является неизбежным. Но «всеобщее» не есть обязательно «вносящий единство» и нивелирующий различия логос. Соотношение «Я-Другой» есть всего лишь наиболее доступная для рассмотрения модель реального общения. «Бытие-с-другим» только вероятно и необходимо для мышления, но не фактично. Оно априорно, то есть покрывает собой все частные случаи. Реальное общение не существует изолированно, а вплетено в громадную сеть взаимосвязей и т. д. В реальной жизни общение с неизбежностью осуществляется на социальном фоне и детерминируется им. Индивиды общаются как носители социального, то есть определенных ценностей, норм, правил, запретов и т. п. Поэтому то, что с необходимостью возникает в пространстве коммуникации в качестве надындивидуального общего, можно определить как некий «отблеск» конкретной всеобщности, в которой коммуникация укоренена и которая есть *реальность человеческой культуры*. Стремление же общающихся к суверенитету своих внутренних миров с неизбежностью должно реализовываться в присутствии самого всеобщего. Например, в философии К. Ясперса есть понятие «трансценденции», в которой укоренена «подлинная» межчеловеческая коммуникация. Здесь внимания заслуживает констатация факта укорененности межиндивидуальной коммуникации в чем-то, что существует вне ее и имеет общечеловеческое значение. Связь коммуникации с духовной деятельностью человечества, со всеобщим миром культуры обнаруживается на общей мне и Другому территории, в реальном пространстве «между» (термин М. Бубера), порождаемой нашими субъективными мирами и приобретающей надындивидуальный характер. Пространство «между» обладает свойством «общий для каждого». Именно «присутствие-и-доступность-мира-для-каждого» является принципиальной особенностью смысла пространства «между». Таким образом, сфера «между» выражает интересубъективность (от лат. *inter* и *subjectum* – «между субъектами») как связи одного субъекта с другим субъектом.

Внутренний мир индивида детерминируется социумом посредством пространства «между», возникающего в процессе общения индивида с людьми, с рождения его окружающими. Всю последующую жизнь индивида можно представить как «перекидывание мостиков», соединяющих его с Другими, как жизнь в «между-сферах». Социальная символика, как содержание посредствующей сферы, позволяет представить ее как часть общечеловеческого содержания и как звено, соединяющее субъективные миры индивидов с духовным миром человечества. Но пространство «между» в качестве посредника существует в единстве проявлений объективного и субъективного. Усваивая общезначимые символы, индивиды придают им «личностный смысл», «личностное звучание». Доведенная до предела субъективация всеобщего содержания может привести к изоляции пространства общения от опытов, людей, а в итоге – и от бытия в культуре. Но социальная природа понимания предполагает ее принципиальную открытость для восприятия новых культурных смыслов. Пространство «между» существует в расчете на *ответное привнесение собственного содержания в состав трансценденции*. Но для этого необходим тот, кто поймет, примет данное содержание. Поэтому должен быть некто Третий, существующий вне соотношения «Я-Другой» и способный понимать смыслы, наполняющие посредствующую в этом соотношении сферу. Итак, вопрос о статусе Третьего представляется закономерным.

Необходимость присутствия Третьего, находящегося вне соотношения «Я-Другой» и вне выделенного нами пространства «между», заключается прежде всего в том, что Третий выступает как *понимающий*. При этом понимание нередко выступает в связке с обладанием: пониманием можно обладать и с помощью понимания можно обладать. Отношение с Другим, таким образом, определяется стратегией завоевания и освоения. Другой должен быть понят в его реальности. Именно понимание со стороны Третьего обеспечивает сохранение и распространение продуктов, выработанных общающимися индивидами. Так, М. Бахтин вводит категорию «третьего» и определяет диалогическую позицию как совершенно особую позицию понимающего диалог. Более того, диалогу недостаточно ближайшего понимания, «справедливое ответное понимание» предполагается его авторами в «метафизической дали». Вводя категорию «третьего», Бахтин подчеркивает непрерывность человеческой истории, преемственность культуры и неуничтожимость смыслов. Позиция Третьего принципиально неустраима. Любой коммуникативный акт всегда определенным образом ориентирован на «взгляд со стороны». Именно само существование «взгляда со стороны» придает смысл общению. Не

случайно так выделена открытость коммуникации в ситуации «перед лицом Третьего» в религиозном миропонимании. Соучастие Третьего – *гарант преодоления замкнутости общения, неуничтожимости смыслового содержания пространства «между»*. Посредством Третьего общество как бы выносит решение – принимать содержание пространства «между» во всеобщее культурное пространство.

Таким образом, тема Другого задает образ такой социокультурной реальности, которая состоит из множества «Я», своеобразных, субъективных и уникальных и, хотя бы отчасти, остающихся тайной для другого «Я». Признав, что все такие разные и, более того, готовы отстаивать право оставаться самими собой самым решительным образом, мы должны осознать всю важность вставшего перед нами вопроса: как жить вместе?

Литература

1. Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Дегуманизация искусства и другие работы. М., 1991.
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. М., 2000.
3. Schutz A. Phenomenology and the Social Sciences // Phenomenology and Sociology. Th. Luckman. Penguin. 1978.

Толерантность в современном мире: кризис идеи или необходимость переосмысления?

Еще десять лет назад проблема толерантности широко и с большим воодушевлением обсуждалась в публицистике и на научных конференциях. Сейчас к ней возвращаются вновь, но уже начинают критически подходить к самой идее толерантности, а также явно чувствуется разочарование в ее практической реализации (в том числе и на самом высоком уровне). В этом смысле довольно показательна позиция лидеров ведущих европейских стран: премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона, президента Франции Николя Саркози и канцлера Германии Ангелы Меркель, общий смысл высказываний которых сводится к тому, что политика мультикультурализма, базирующаяся на принципах толерантности, оказалась провальной. Не удивительно, что именно данной проблематике уделяют так много внимания в последнее время. Притом более существенной, чем проблема *возможности* достижения толерантности, нередко понимаемой в качестве конструктивной формы компромисса, умения найти оптимальный выход из ситуации, достичь взаимопримирения и взаимосогласия, оказывается проблема ее *желательности* и границ ее применения. В современной ситуации борьбы с терроризмом как ярчайшим проявлением политической, религиозной и этнической нетерпимости, необходимость обращения к проблеме принципов и границ толерантности становится вполне закономерной.

Широкое историческое понимание толерантности как социальной нормы, определяющей устойчивость к конфликтам в полиэтничном межкультурном обществе, подразумевает не просто разрешение противоречий «любой ценой», по принципу «плохой мир лучше хорошей войны», а только такое разрешение конфликтных ситуаций, которое служит к внящему удовлетворению всех сторон, без пренебрежения интересами самой незначительной или подчиненной стороны. Это кажется недостижимым идеалом и, кроме

* *Ольга Сергеевна Гилязова* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий управления УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

нескольких исключений (чаще всего – на житейском уровне), таковым и является.

Потому-то толерантность, в отличие от другой формы компромисса – основанного на конформизме, – столь трудно определяется теоретически и столь недостижима практически. Как терпимость (от лат. *tolerantia*) толерантность отчасти смыкается с конформизмом (от лат. *conformis*), впрочем, не разделяя его вынужденности. Конформизм не требует особых усилий, более того, быть конформистом – нередко самая удобная и выгодная тактика поведения, подразумевающая подчинение сильнейшему и оправдывающее это подчинение. Конформизм как сознательная лояльность, иногда вырождающаяся в приспособленчество, оказывается выгодным не столько субъекту власти, сколько подчиненному, чья позиция и освобождает от ответственности, и способствует удовлетворению его собственных интересов. Толерантность же является такого рода терпимостью, когда от сильнейшего требуется *добровольное* (именно добровольное!) снисхождение к слабейшему и уважение его интересов, а от слабого – достаточно силы для отказа от удобной в чем-то позиции подчинения, что нередко требует немалой смелости. Тем не менее, если послушать, например, студентов, то толерантность как терпимость нередко смешивается с обычным конформистского рода терпением, и в этом плане начинает сводиться к смирению и покорности, обусловленных давлением конъюнктуры, необходимостью терпеть чужого или врага только потому, что победить его невозможно. Хуже всего, что эта напрашивающаяся ассоциация терпимости с терпением характерна и для общественного мнения в целом, что вызывает вполне понятное негодование: «По какому праву другая сторона претендует на значимость своих интересов и убеждений?», «Чем мы их хуже?». Появляется превосходная причина для конфликтов, тем более что споры по поводу «кто лучше, а кто хуже» совершенно исключают саму возможность толерантности.

И хотя толерантность предполагает терпимость к чужим интересам и готовность поступиться своими – ради достижения мира и сохранения гармонии во взаимоотношениях, но это признание значимости чужого должно иметь эквивалентный характер, так как каждая сторона вправе предполагать встречное уважение и признание ее интереса. Толерантность без взаимности и равноправия в отношениях превращается в конформизм или вырождается в интолерантность. Неудивительно, что забвение этого основополагающего принципа толерантности – ее *эквивалентный характер* – служит дискредитации самой идеи толерантности, становится богатым полем для обид со стороны представителей принимающего этноса по отношению к «чужакам», которые, требуя уважения их

интересов и даже принятия их ценностей, сами себя могут не утруждать аналогичного рода уважением иных ценностей. Вот и начинают напоминать приезжим, что это они приехали, а не к ним, и вообще «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», а главное – в чужом монастыре свой устав не вводят.

Ситуация усложняется еще и тем, что, как считается, диалог (основа любой толерантности) двух миров – Запада и Востока – оказывается затрудненным именно в силу противостояния основополагающих для менталитета стоящих во главе аксиологических иерархий ценностей, которые трудно примирить. Ни о какой толерантности не может быть и речи, пока существует иерархическое противопоставление, провоцирующих деление на высших и низших, лучших и худших, прогрессивных и реакционных, правоверных и неверных, фанатиков и терпимых, развитых и развивающихся... – на подобной почве трудно столкнуться и обойтись без взаимных обид.

Есть и другой аспект проблемы, который, насколько я смогла заметить, совершенно ускользает от внимания исследователей, хотя он и является наиболее важным и объясняющим опасность «безбрежной» и некритично понятой толерантности. Дело в том, что уравнивание своей жизни с жизнью остальных как главнейшая основа принципа толерантности, которая обосновывается воинским или религиозным подвигом, одновременно становится ведущей опасностью для мира, имеющего все средства примирить все существующее в равном для всех не-бытии. Ведь жертвенность, готовность поступиться своим, даже собой, лежащая в основе толерантности, есть и в идеологии терроризма. Террорист-«камикадзе» у-равно-ценивает свою жизнь с жизнью своих жертв, тем самым смертью своей уничтожая, приравнивает свой поступок с подвигом, где своей смертью – спасают. Недаром такое «самоотречение» со стороны террориста-«камикадзе» вызывает у иных (и не только у тех, кто стоит по одну сторону баррикад с ним, что было бы объяснимо) умиление или, по крайней мере, сочувственное одобрение (что было характерно еще во время первой чеченской войны): ведь не может дело или идея, идеал, за которые идут на сознательное самоуничтожение, быть ничтожными, неправыми или хотя бы не самооправданными. То, что куплено столь большой и некомпенсируемой ценой, как человеческая жизнь, не может, как считается, не стоить ее. Заплатив столь грандиозную цену, тем самым как бы повышают ценность заплаченного. Но так ли это? Не справедливее ли было бы полагать, что, оценивая своей и чужими жизнями интересы, обоснованность которых он столь своеобразно защищает, террорист не увеличивает их значимость, а скорее, наоборот, низводит человеческие жизни, а заодно

и приравненные к ним собственные интересы, к тому нулю, в небытие которого стремится всякое уничтожение (и самоуничтожение). Так что взаимоуравнивающая, всепримиряющая позиция оправдывает как мучеников и героев, «жизнь положивших за други своя», так и бандитов и террористов.

Конечно, далеко не все, кто готов обречь себя на смерть, готовы забыть о ценности жизни, любой – своей, чужой. Если подвижник готов погубить себя, чтобы спасти других, «отморозок» готов губить других, чтобы спасти себя, то террорист-камикадзе, фанатик, готов погубить и себя, чтобы уничтожить других. Последний случай самонасилия не оставляет никаких перспектив для толерантности, так как низводит до ничтожности основу любого диалога – жизнь.

Как ни удивительно, именно «золотое правило» нравственности (основа толерантности как нормативного образования и универсалии), являясь основополагающим для морально-этических норм и религиозных установлений, применительно к «камикадзе» оборачивается оправданием, даже обоснованием их действий. Так, готовность, даже желание подвергнуться испытаниям и казни за свои убеждения, заповеданное еще христианским подходом к мученичеству, легко трансформировалось в народничество в присвоенное ими право казнить других. Религиозно или идеологически обоснованная жертвенность лежит в основании и современного индивидуального терроризма, исторически трансформировавшегося от «охоты» на отдельных должностных лиц до опасной своей массовостью войны с самым беззащитным слоем – с населением. Данное «золотое правило» позволяет пройти не для всех преодолимый шаг от самонасилия к насилию над другими, делая готовность к насилию над собой моральным правом, обосновывающим правомерность насилия по отношению к другим. Субъект самонасилия оказывается в привилегированной позиции: формально-негативные санкции, борющиеся легальным насилием против нелегальных форм насилия, со всем своим арсеналом устрашения, средств оказываются совершенно бессильными перед лицом добровольно-жертвенного самонасилия, доходящего до самоуничтожения. Этим определяется малая эффективность правительственного антитеррора и международного «силового миронавязывания»: угрозой благополучию жизни, ее сохранению, можно действовать только на тех, для кого значимы данные ценности.

Требование к уважению чужих интересов и прав, прежде всего – права на самую главную ценность, лишение которой является необратимым, – жизнь, повисает в воздухе, когда предъясняется тем, кто не уважает собственные интересы и выгоды (как «человек из подполья» Ф. М. Достоевского) или не способен выстроить нрав-

ственные отношения к самому себе, т. е., словами И. Канта, видеть в самом себе самодовлеющую цель, а не средство внешних интересов, для осуществления которых готов превратиться в «живую бомбу».

Повисают в воздухе и попытки достичь взаимосогласования до крайности противоположных интересов, когда всем сторонам конфликта легче поступиться собственным существованием, нежели своими интересами. Не секрет ведь, что для иных их ценности и интересы намного важнее их собственной жизни, жизни их близких, не говоря уже о жизни их врагов. С такими диалог на основе толерантности не получится – они ставят перед дилеммой: либо полностью и безоговорочно признать их интересы, либо они уничтожат тех, кто не желает им подчиниться. Так что толерантность не может быть и не должна быть приложима к тем, кто считает себя вправе распоряжаться не только своей жизнью, но и – против воли и желания – чужой. *Толерантность заканчивается на границе, с которой наша терпимость к другим грозит обернуться (и оборачивается) нетерпимостью других по отношению к нам, хуже того – составляет угрозу для жизни и здоровья.* В ином случае, требование отменить любые пределы для толерантности имеет опасность выродиться в поддержку тех, для кого ее принципы не имеют никакого значения. Открыв шлюзы всеобщей толерантностью, мы рискуем уничтожить сами условия, даже то общественное положение, при котором толерантность вообще возможна.

Л. С. Чернов*, Е. Ю. Погорельская**

Современный Чужой

Одной из характерных черт современной культуры является потеря осторожности. Традиционные классические дихотомии «свое/чужое», «родное/чужеродное», «мое/не мое» перестают объяснять культурные процессы, поведение и сценарий человека в этих процессах. «Чужой» перестает быть опасным, его не боятся. С «чужим» играют, его изучают, с ним вступают в диалог, его пускают на свою территорию.

В статье 2001 года «Ужасные вещи» В. В. Биbihин пишет, что в XX веке «из-за общего стирания религиозной картины мира ужасные вещи переняли многое из того, что раньше относили к нечистой силе»¹. Соглашаемся: массовая культура говорит сегодня об ужасных вещах, показывает их, интересуется ими, вступает с ними в контакт. Многие из того, что сегодня печатается, публикуется и выходит как кинопродукция, – в принципе не должно выноситься на широкий экран, в читательскую или какую-либо иную аудиторию. Случается и другое, когда внешне легковесное или коммерческое произведение в глубине своей оказывается несущим тот самый «трансцендентный» и религиозный смысл, о котором пишет В. В. Биbihин.

О религиозном говорится словами и языком мирского, популярного и казалось бы – внешне совершенно от религии далекого. Такое происходит и без ведома автора, согласно тому, что в мире все устроено по некоторым устойчивым связям и правилам. Ужасное не перестало быть ужасным от того, что о нем так много сказано, и от того, что его облачили в современную ироническую и разноцветную одежду. Мы совершаем попытку отнестись к Чужому без соотнесенности со Своим, к Чужому как абсолютно и полностью Иному в отношении человека.

Попытаемся использовать известную киноисторию о фантастическом Чужом для понимания феномена «чужого» вообще.

* **Леонид Сергеевич Чернов** – канд. филос. наук, доцент кафедры философии и политологии УрАГС (г. Екатеринбург).

** **Елена Юрьевна Погорельская** – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма ф-та социальной психологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Биbihин В. В. Другое начало. СПб., 2003. С. 169.

Фильм «Чужой» и его объяснение подталкивают нас к выводу о том, что единства с чужим и целостности с ним ожидать не следует.

* * *

Вспомним «Чужого».

В первом фильме Р. Скотта² люди встречаются с так называемыми ксеноморфами, которые существуют в двух формах: в форме небольших хвостатых «пауков» и в форме крупных зубастых существ, напоминающих драконов. «Пауки», вылупляющиеся из яиц, проникают в тело человека, и в нем будущие зубастые чудовища рождаются. Выходя из тела человека, они, естественно, его уничтожают. Чудовища быстро растут и начинают убивать весь небольшой экипаж корабля. Они чрезвычайно быстры, агрессивны, трудно уничтожимы. Фильм завершается гибелью всего экипажа и бегством лейтенанта Элен Рипли в космической капсуле с рыжим котом в придачу.

Вторая часть «Чужого», снятая Д. Кэмероном, показывает попытку уничтожить чужих на той планете, где они были впервые обнаружены. Попытка оказывается неудачной. Вновь выживает одна Рипли, которая спасает девочку Реббеку-Ньют, и они вчетвером (плюс раненый капрал и покалеченный робот) вновь в сонном режиме пытаются улететь подальше.

Третьего «Чужого» снимал Д. Финчер, режиссер таких в будущем известных фильмов, как «Игра», «Социальная сеть» и др. Действие этой части проходит в общине заключенных, ожидающих скорого конца света. В этом фильме Чужой назван драконом; он уничтожает почти всю общину бывших злодеев. Но ценой слаженных действий безоружных эзков дракона удается уничтожить, и ценой жертвенной гибели самой Рипли ликвидируется последний зародыш Чужого.

Четвертая часть «Чужого», снятая французским режиссером Ж.-П. Жене в 1997 году, интересна попыткой показать взаимопроникновение человека и ксеноморфа. Рипли искусственно воскрешают, Чужого выращивают в лабораторных условиях. Полученный в результате Чужой начинает носить явные антропоморфные признаки и испытывать симпатии к Рипли. Тем не менее и в этой части фильма Рипли побеждает Чужого.

Попытаемся вычленив некоторые существенные качества и признаки Чужого, связать их в единый образ, целое, а также постараемся понять, какой тип отношений возможен между человеком, которого во всех частях фильма в основном олицетворяет Рипли, и Чужим.

* * *

Первое, что необходимо зафиксировать, это непонимание того, кто перед нами. При знакомстве с Чужим долгое время не удается понять, зачем он прилипает к лицу человека, с какой целью? Это непонимание мотивов и смысла действий Чужого делает его действительно страшным, ибо страшно в первую очередь то, что не ясно, от чего не ясно, что ожидать. Даже тогда, когда первый человек умирает в процессе «вылупления» из него зародыша, кажется, что остается возможность этого «мелкого уродца» легко поймать и быстро уничтожить. Первоначально он рожден размером с небольшую птицу. Такое отношение к Чужому, сопряженное с неясностью, но одновременно с некоторым преуменьшением опасности, продолжается на протяжении всего фильма, вплоть до конца четвертой части. Все, кому Рипли первый раз рассказывает о Чужом, – ей не верят и высмеивают: brave вооруженные до зубов морпехи, начальник тюрьмы, ученые генетики и т. д. Каждый раз Рипли уверенно говорит о том, что Чужого невозможно победить, приручить, сохранить для опытов. Его нужно и можно только уничтожать, – любой ценой: ценой гибели корабля, потери груза, ценой собственной жизни. В этой навязчивости непонимания людьми природы того, о ком говорит Рипли, видна попытка замены Чужого на Другого, Иного, на Чужого с «некоторыми оговорками». С Другим можно как-то договориться, понять его, вступить с ним в диалог, договор или сообщество, образовать с ним Целое. Иное можно изучать, удивляться ему. «Чужое с оговорками» почти что и не чужое и возможно станет скоро Своим. Чужой же вне договора и понимания, он вне логики и какой-либо рациональности. В этом смысле фантастический антураж всех «Чужих» оправдан целью подчеркнуть природу чуждости.

Замкнутое пространство отсеков кораблей, кают, лабораторий, космических баз – все это приближает Чужого к лицу человека, сталкивает их носами и глазами. Как это прямо показано в одном из эпизодов четвертой части, когда врач, восхищающийся красотой Чужого, общается с ним через стекло. Но приближение физическое, прямое – ничего не дает. Каждый фильм начинается с утопии и предположения, что чужое можно понять и использовать в своих человеческих целях. И каждый раз это оказывается невозможным. Вспомним, Рипли не хотела пускать на борт корабля первого инфицированного человека в начале первой части фильма. Тот, кто это сделал, оказался андроидом, исполняющим приказ так называемой «Мамы» – главного бортового компьютера корабля. Компьютер олицетворяет точность, порядок, быстроту и правильность выбора решений, и в этом смысле он выражает некоторое объективное беспристрастное знание, в том числе и о таком объекте, как Чужой.

² Фильм вышел в прокат в 1979 году.

В 1968 году С. Кубрик в фильме «Звездная Одиссея» фиксирует конфликт между человеком и компьютером, которому даны большие полномочия. В «Звездной Одиссее» электронный мозг противостоит человеку, берет на себя роль принятия конечных решений ценой гибели человека. В «Чужом» это противостояние запутывается. Мама-компьютер дает инструкцию сохранить Чужого при допустимости гибели экипажа, и тем самым человек начинает противостоять и технике/механизму, и агрессивному Чужому. Робот-андроид Эш, тот самый, который впустил первого инфицированного на корабль к людям, поддерживает инструкцию компьютера-Мамы. Дуальная пара «человек-техника» трансформируется в троичную структуру «человек-техника-чужое». Понятно, что в этом противостоянии человеку приходится достаточно туго, ибо он имеет дело и с чистым, классическим отчуждением – техникой, и с отчуждением нового типа. Это новое отчуждение не может быть понято сугубо по-марксистки, цивилизационно. Ведь Чужой изначально не есть порождение человека. В него не вложен труд, усилие человеческих рук. Чужой обнаруживается, и только потом он проникает в человека. То, что Чужой использует тело человека для рождения чудовища-дракона, есть отношение внешнего паразита, силой овладевающего телом человека.

Описывая отчужденный труд, К. Маркс подчеркивает, что он связан с опредмечиванием и освоением предмета: «...опредмечивание выступает как утрата предмета и закабаление предметом, освоение предмета – как отчуждение»³. Если бы Чужой понимался строго исходя из идей К. Маркса об отчуждении, тогда человек должен был бы приложить усилия к его творению, а потом обнаружить в процессе его освоения, что сотворенное стало Чужим. И человек на протяжении всех четырех частей фильма пытается безрезультатно «освоить» Чужого, что указывает на попытку самого человека вписаться в марксовскую логику противопоставления человека и чужого. Ведь Чужого можно представить похожим на явление природы, на некоторое стихийное бедствие, на воду или огонь, вышедшие из-под контроля.

Если сравнить поведение Чужого данного фильма с поведением различного рода «злодеев», которые тоже агрессивны в отношении людей, будь то киборги, мутанты, бешеные животные, маньяки, змеи, зомби, живые мертвецы и т. д., то его специфика будет как раз в этом изначальноном отдалении от человека. Чужой «Чужого» не связан с человеком изначально, он не прилетел сам на Землю осознанно в поисках источников энергии или по каким-то другим конкретным причинам, как это делает монстр-таракан из фильма «Люди в черном». Чужой не был послан из будущего для выпол-

³ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1974. Т. 42. С. 88.

нения специального задания, как во второй части «Терминатора». Чужой – не маньяк, который питается человеческим страхом, он не вампир, которому нужна кровь, не оборотень, который сам наполовину человек. Повторим, Чужой чужд человеку тотально, хоть и исползует его в качестве инкубатора для собственного размножения. В принципе, Чужой мог бы использовать в своих целях и какое-либо другое тело, если бы была такая возможность. Данное предположение подтверждается эпизодом третьей части, когда уже растущая особь Чужого на короткое время поселилась в туше коровы. Этот пример подчеркивает принципиальное различие Чужого и человека. Если в первых двух частях фильма кажется, что без человека Чужой не проживет, не родится, то способность существовать в теле животного подчеркивает, что человек не нужен Чужому вовсе.

Что дает нам такое усиленное противопоставление между человеком и Чужим? Противопоставление такой степени, что Чужой не подпадает даже под характеристику отчужденного предмета/субъекта. А ведь именно отчуждение дает материал самым сильным эмоциям и душераздирающим конфликтам различного рода. Между человеком и обществом, между взрослым и его ребенком, между обществом и идеологией. Такого рода конфликты служат богатным материалом истории кино и художественного творчества вообще.

В одной из последних сцен фильма М. Формана «Пролетая над гнездом кукушки» Билли после романтической ночи с девушкой вдруг начинает умолять медицинскую сестру Флетчер о том, чтобы она ничего не говорила маме об этом «инциденте». МакМерфи с ужасом наблюдает эту сцену, понимая, что Флетчер фактически толкает парня на самоубийство. Именно поэтому МакМерфи не убегает, как планировал, а пытается задушить Флетчер. И какой бы ужасной не выглядела чудовище-сестра, чудовищность отчуждения самого Билли выглядит еще ужаснее. Он по собственной воле находится в отделении, а значит, добровольно принимает издевательства и насилие больницы. Чужое в Билли – его болезнь, которая делает его безвольным субъектом в критическую минуту. Но это «чужое» прекрасно просчитано Флетчер и на языке больницы включено в реестр определенного психического заболевания. Для больницы оно не «чужое», не страшное, не опасное и может лечиться. Оно свое, родное. Им легко манипулировать в нужную минуту, как это мастерски цинично сделано в случае Билли.

Чужой в «Чужом» не отчужден, повторюсь, от человека, ибо его ничто с человеком не связывает. Он не подвергается манипуляции, не контролируется, и в принципе до конца не ясно, может ли он думать, рассуждать. С одной стороны, он ведет себя как бешеное насекомое, движимое одними инстинктами, но его хитрость

и изощренность в игре в прятки доходят до такой степени, что кажется, будто бы Чужой разумен. Он появляется в самых неожиданных местах, он всегда успеваает на корабль или челнок в самую последнюю секунду. Наконец, он может управлять механизмом (например, лифтом), как это было во второй части фильма. Чужой, таким образом, находится вне отчуждения, за его пределами. И это обстоятельство подчеркивает невозможность контакта, какого-либо взаимодействия между человеком и Чужим. Контакт возможен только в одной форме, в форме уничтожения, в форме отсутствия контакта.

* * *

Такого рода радикальное отношение к «чужому», допускаем, достаточно спорно. Можно легко представить себе чужого человека, пришедшего в наш дом, чужака, странника, чужеземца, чужестранца, с которым беседуют персонажи платоновских диалогов. В этом случае чужой будет отличаться от нас, он будет другим, иным, не таким, как мы. В этом случае чужой будет помогать нашей идентификации, и, в определении чужого, мы лучше определим свое, наше, близкое.

В статье Ю. С. Степанова «СВОИ» и «ЧУЖИЕ», помещенной в Словаре русской культуры⁴, реализован аспект рассмотрения «Чужого» в паре со «Своим». Ю. С. Степанов пишет: «Это противопоставление («СВОИ» и «ЧУЖИЕ». – Л. Ч.), в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения. В том числе, конечно и русского. Смотря по тому, какой по объему коллектив мы рассматриваем, мы находим в нем несколько особое, но всегда отчетливое различие “Свой” – “Чужие”. Вполне определенно оно известно в нашем быту уже мальчишкам одного подъезда, одного дома, одного двора с несколькими домами, одной улицы с несколькими дворами и выражается в верности “своим”, драками с “чужими”, ... Принцип “Свой” – “Чужие” разделяет семьи – нас и наших соседей, роды и кланы более архаичных обществ, религиозные секты, ... и т. д.»⁵

Такого рода подход к «Чужому» через «Чужих», безусловно, правомерен и интересен. Автор изначально фиксирует в этой статье словаря социологизм своей точки зрения, выделяя чужих по «объему коллектива», иначе – по уровню масштабности субъекта. Кроме того, пара «Свой/Чужие» анализируется им как один, целостный концепт русской культуры. На первом месте этой пары стоит «Свое», что естественно откладывает отпечаток как на эту

⁴ Степанов Ю. С. КОНСТАНТЫ: словарь русской культуры. М., 2001. С. 126–144.

⁵ Там же. С. 126

статью («СВОИ» и «ЧУЖИЕ») конкретно, так и на всю работу, проделанную в Словаре.

Однако же при таком подходе чужое не только будет всегда соотноситься со своим, но оно вовсе рискует перестать быть чужим. Переезжая из подъезда в подъезд, из города в город, мы меняем статус чужого на свой. Будучи деревенскими жителями, мы со временем становимся горожанами, и город для нас становится своим. Хоть Ю. С. Степанов уделяет много места в данной статье концепции этноса Л. Н. Гумилева, тем самым акцентируя, что противопоставление на «своих» и «чужих» лежит не в области разума и сознания, а глубже, в сфере этноса, тем не менее, даже при таком отношении к чужому предполагается активное взаимодействие с ним со стороны своего. Так, например, К. Н. Леонтьев полагал, что под воздействием турок болгарский этнос и болгарское православие дали миру стольких подвижников благочестия. Но противоположным образом рассуждал Н. Н. Страхов, когда, защищая Н. Я. Данилевского, писал о том, что для перевода иных, чужих культурных ценностей на свою родную почву нужно в первую очередь развивать свой язык и свою культуру.

То, что «свое» и «чужое» взаимообусловлены и связаны, – очевидно, но наша позиция заключается в том, чтобы рассматривать и изучать Чужого отдельно, обособленно от Своего. У Ю. С. Степанова есть косвенное указание на то, что «чужое» за пределами тому, что находится здесь, рядом со «своим». Он пишет, рассматривая этимологию слова «чужое»: «Несомненно, однако, что в русской культуре значение этого слова (или этих слов⁶) близко подходит к концепту “Чудо”, как “явление, не объяснимое естественным порядком вещей”, а в некоторых формах и в некоторых словоупотреблениях оба концепта прямо налагаются друг на друга (контраминируют). К таким случаям принадлежит в частности прилагательное *чудной*⁷ – по форме несомненно происходящее от корня *чуд-*, а по значению почти совпадающее с *чужой*, *чужий* «странный, необычный», и глагол *чужатися*, который, напротив, по форме несомненно производный от *чужии*, а по значению “удивляться” – целиком совпадает с глаголом *чудитися* “удивляться, поражаться”, производным от *чудо*»⁸.

Сам автор не делает выводов и не указывает следствий из такого рода этимологического родства «чужого» и «чуда». Если же использовать знание этого родства при просмотре «Чужого», то вновь обнаружится смысловое усиление инаковости Чужого.

⁶ Автор словаря пытается установить этимологию слов: чуждии, чужии, стуждии, туждии, шуждии.

⁷ Везде в цитате выделено автором – Степановым Ю. С.

⁸ Степанов Ю. С. Указ. соч. С. 139–140.

Чужой настолько чужд человеку, что его появление рядом с человеком, его генетическое происхождение – есть чудо. Фантастический антураж фильмов о Чужом оправдан в частности и этим, о чем уже говорилось выше. Для показа совершенно Чужого, абсолютно Чужого, потребовалась фантастическая история о космическом корабле, заброшенном астероиде, злой Кампании и храброй Элен Рипли в исполнении Сигурни Уивер.

Чудо Чужого не только и не столько в фантастических трюках и спецэффектах фильма, и не в трагичности ситуации, когда люди становятся жертвами злобных пауков. И не в смаковании камерой ужаса появления новой особи монстра ксеноморфа. Редуцированный «месседж» восьмичасовой битвы лейтенанта Рипли сводим к простому: Чужое, как чудо, чуждо «протivoестественно» (как пишет Ю. С. Степанов). Встреча с ним – тоже протivoестественна и уж точно протivoестественно полагать, что это Чужое можно исследовать, обуздать и приручить. Ему можно и нужно сопротивляться, но лучше не допускать его к себе, не быть с ним рядом вообще.

* * *

В начале этой работы было отмечено различие между Чужим и Другим и подчеркивалось, что Чужой похож на Другого, может мимикрировать под него, но таковым не является. Дабы увидеть различие между ними отчетливее и яснее и больше не смешивать другость и чуждость, обратимся к работе Э. Левинаса «Время и Другое» и рассмотрим Другое более подробно.

«Будущее смерти, чуждость ее не оставляет субъекту никакой инициативы. Между настоящим и смертью, между Я и другостью тайны – бездна. Мы настаиваем не на том, что смерть прекращает существование, что она есть конец и ничто, а на том, что Я перед ее лицом решительно ничего не может предпринять. Победа над смертью – это не проблема вечной жизни. Одолеть смерть, значит сохранить с другостью... отношение, которое должно оставаться личностным», – пишет Э. Левинас⁹.

Мы видим, что Чужое связывается Э. Левинасом со смертью, а Другое – с ее преодолением. Личностные интимные отношения, будь то: отношения родительские, супружеские, дружеские – онтологизируют Я, свое. В этом смысле само существование есть акт парный, ибо он принципиально двойственен через взаимоотношение Я и Другого. Только в паре с Другим личность преодолевает смерть. Так полагает Э. Левинас.

⁹ Левинас Э. Время и Другое // Патрология. Философия. Герменевтика: труды Высшей религиозно-философской школы. СПб., 1992. С. 118–119.

Иллюстрируем данное положение фильмом «Чужой».

Действительно, во всех четырех частях фильма о Чужом лейтенант Рипли, спасаясь сама от смерти, помогает спастись и другим. Особенно ярко и пронзительно это показано во второй части фильма, когда Рипли возвращается на разрушающуюся станцию для спасения девочки Ньют. Перед этим она клянется «честно-пречестно» не бросать Ньют ни в каких ситуациях и выполняет это обещание ценой риска своей жизни, ценой жертвы. Ньют, потерявшая родителей, называет в итоге Рипли мамой. Если вспомнить, что Рипли сама «потеряла»¹⁰ дочь, то оказывается, что перед лицом смерти, в бегстве от Чужого, Ньют и Рипли обрели друг в друге дочь и мать. В этой же части фильма показано, как Рипли начинает испытывать женскую симпатию к Хиксу, симпатичному, храброму капралу. Чуть заметное эротическое и целомудренное напряжение, которое устанавливается между Рипли и Хиксом на уровне шуток, взглядов и просьбы избавить от мучительной смерти в клейкой паутине Чужого, придает окончанию этой части фильма подлинную экспрессию и драматизм. Другое, как мы видим, здесь совершенно противоположно Чужому, оно поддерживает, спасает, жертвует.

Хотя Э. Левинас в этих лекциях («Время и Другое») порой смешивает другое и чужое, но это смешение не смысловое. Например, он пишет, что будущее смерти заключается в том, что она есть совершенно другое¹¹. Или тогда, когда называет отношение отцовства – чужим, при том, что отец все же другой¹². В конечном итоге Другое и Чужое разделены принципиально. Другое находится на стороне жизни, Чужое – на стороне смерти. Если смерть и относится к другому, то в смысле неизбежности, неотвратимости, как не жизнь. Не следует рассуждать обыденно диалектически, что если бы, дескать, не было Чужого, то у Рипли не было бы новой дочери Ньют и она не познакомилась бы с капралом Хиксом. Например, Картер Берк, который защищает в этой части фильма интересы Кампании, которая, в свою очередь, стремится любыми средствами привести Чужого на землю, умирает в одиночестве, заклеянный всеми как подлец и преступник. «Другое смерти» не подарило ему личности, друга, того, с кем бы он пережил последнее мгновение жизни. Берк содержательно находится на стороне Чужого, хоть и выглядит как человек. Он сделал этот выбор тогда, когда допустил возможность приручения, исследования Чужого, использования в так называемых научных интересах.

¹⁰ Рипли спала так долго, что за это время ее родная «земная» дочь выросла и умерла от старости.

¹¹ Левинас Э. Указ. соч. С. 119.

¹² Там же. С. 125.

Смерть неизбежна, и Чужой действительно приближает смерть Рипли, Ньют, Хикса, робота Бишопа, всего экипажа. Но смерть наступит и без Чужого ксеноморфа. Это закон, ибо смерть неизбежна вообще, ведь человек смертен. «Неминуемость смерти есть часть ее сущности»¹³, – подчеркивает Э. Левинас. В этом смысле Э. Левинас последовательно проводит линию М. Хайдеггера, который предлагал понимать бытие человека в мире через его бытие к смерти. Но Э. Левинас идет дальше, конкретизируя смерть через страдание. Одно дело встречать смерть мужественно, героически, проявляя свою подлинность (экзистенцию), а совсем другое – беспомощно, в страдании и мучении. Захваченность смертью становится абсолютной, если героизм невозможно, если активность Я, субъекта – сведены к минимуму.

Герои «Чужого» умирают по-разному. Кто-то в одиночестве и неожиданно, кто-то, как харизматичный проповедник Дилан из третьей части фильма, в буквальном рукопашном противоборстве с Чужим, жертвуя собственной жизнью. Жизнь и ее последние минуты не всем дарят встречу с Другим, и уж во всяком случае встреча с Чужим в том его виде, в каком он появляется в «Чужом», вовсе не обязательна, ибо смерть наступит и без Чужого, тем более, что она и сама является таковой.

Мы же, благодаря специфическому анализу страдания Э. Левинаса, укрепляем свою уверенность в том, что Чужое есть именно Чужое и смешение его с Другим непозволительно.

* * *

Итогом и продолжением данной постановки вопроса должен быть анализ Чужого с точки зрения христианского отношения к злу, к абсолютно чужому, что мы и делаем в другой своей работе, оставляя читателям этой статьи домыслить и додумать решение этого сложного и вечного вопроса жизни человека.

Добавим последнее: всю третью часть фильма Рипли борется не только с внешним Чужим, который бежит по станции и убивает людей, но и с тем, кто находится внутри нее, т. е. сама с собой. Заключение же в свою очередь воспринимают саму Рипли как страшное искушение, выпавшее на их мужскую долю. Такая близость Чужого к Рипли, к человеку может позволить сказать, что дескать, вот оно: Чужое в человеке! Но ведь Рипли жертвует собой ради других, одним ударом/прыжком убивая сразу двух.

¹³ Левинас Э. Указ. соч. С. 113.

А. В. Шишигин*

Методологические проблемы этносоциальных исследований в современной России

Декабрьские уличные беспорядки в Москве и в ряде других городов России, принявшие характер межэтнических столкновений, породили множество телепередач и публикаций в российских СМИ, посвященных вопросам ксенофобии, межрасовых и межнациональных отношений. На этом фоне вопросы о том, что же такое «этнос» или «этническая идентичность», казались чисто академическими и даже в чем-то схоластическими. Но дело в том, что любая социальная теория нуждается в детально проработанном понятийном аппарате. И прежде чем мы возьмемся рассуждать о гармонизации межэтнических отношений, возможно, стоит еще раз обратиться к базовым понятиям этнологии.

Термины «этнос» и «этничность» уже давно заняли прочное место в лексиконе различных гуманитарных наук. Если говорить о разделах академических дисциплин, то дело уже не ограничивается этносоциологией или этнопсихологией. Теперь все чаще говорят о существовании этнопедагогике. Вместе с тем существует давний и глубокий кризис в понимании того, что же такое этнос и этничность. В 1990-х годах появились исследования, в которых подвергались критике не только отдельные теоретические построения этнологов, но и ставился вопрос о правомерности использования в науке таких, мягко говоря, туманных понятий [1; 4]. В области теории кризис российской этнологии и этносоциологии продолжается уже давно. По словам И. Ю. Заринова, он продолжается уже более 10 лет [З. С. 5]. Мы же считаем, что он длится с 70-х гг. прошлого века, т. е. с тех самых пор, когда Ю. В. Бромлеем была предпринята попытка создать советскую теорию этноса. К сожалению, пример пренебрежения теорией показывают даже ведущие российские социологи. В учебном пособии Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижевой и А. А. Сусоколова «Этносоциология», насчитывающем 271 страницу, вопросам, что такое «этнос» и «эт-

* **Андрей Владиславович Шишигин** – канд. социол. наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии Пермского государственного педагогического ун-та (г. Пермь).

ничность», уделено всего 4(!) страницы. Заметим, что это лучшее на сегодняшний день отечественное учебное пособие по этносоциологии. Появление в 2001 г. книги А. Й. Элеза «Критика этнологии» [10] должно было породить новую волну дискуссий. Однако этого не произошло. Причина этого, на наш взгляд, кроется в неспособности нашего академического сообщества противопоставить что-либо аргументам А. Й. Элеза. В результате многие предпочли просто не замечать эту «неудобную» работу, что подтверждается анализом теоретических статей, публиковавшихся в журнале «Этнографическое обозрение» в 2002–2010 гг.

Данные обстоятельства заставляют нас обратиться к анализу определения ключевых понятий в трудах ведущих российских этнологов. Анализ теоретических статей, опубликованных в «Этнографическом обозрении» за последние годы, а также анализ ряда монографий [2; 3; 5; 6; 7; 8; 9], в которых рассматривались такие базовые понятия этносоциологии, как «этнос», «этничность» и «этническая идентичность», позволяет сделать вывод о кризисном состоянии методологии этносоциальных исследований.

Приходится констатировать, что последовательный конструктивизм не прижился в среде российских исследователей. Мысль о том, что этничность, как и любая другая форма социальной идентичности, имеет субъективную природу, не разделяется даже теми исследователями, которые неоднократно критиковали примордиализм и позиционировали себя как приверженцы конструктивизма. Так, директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков в вопросе о сущности этнической группы первенство отдает именно субъективным оценкам представителей этнокультурных групп [9. С. 107]. Но когда речь заходит об определении понятий, он предпочитает оперировать субъективно-объективными маркерами, из которых последние составляют большинство. «Под категорией “народ”, – пишет В. А. Тишков, – в смысле этнической общности мною понимается группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности» [Там же. С. 60]. Если это так, то представители некоторых субкультур, например хиппи, должны считаться представителями особых этнических общностей. «Этническую идентичность, – подчеркивает автор, – от других форм социальной идентичности отличает, прежде всего, вера или представление об общеразделяемой культуре, хотя в ряде случаев это может быть идея или миф об общности происхождения и общей истории, характерные для этнической общности» [Там же. С. 117]. Но если религию рассматривать как часть культуры, то этническая общность в данном кон-

тексте не будет отличаться от религиозной общины или секты. В. А. Тишков приводит ряд интересных примеров, показывающих, что оценка специалистов может не совпадать с самооценкой тех, кого эти специалисты изучают. Так, для большинства ученых проживающих в Боливии индейцы-аймара составляют одну этническую группу, в то время как сами аймара, проживающие в разных районах Боливии, никакой этнической общности не чувствуют. Точно так же обстоит дело с эвенками, проживающими в России и в Китае [9. С. 61, 123]. Но из этих примеров он почему-то делает вывод, что «во внутренних и внешних определениях того, что составляет этническую группу (народ), присутствуют как объективные, так и субъективные критерии» [Там же. С. 61]. Хотя, в действительности, эти примеры говорят только о том, что во внешних определениях «субъективные критерии» могут и не присутствовать, а этнологи порой предпочитают видеть общность там, где ее нет. К сожалению, В. А. Тишков не смог дать нормального определения базовым понятиям. Например, он пишет, что «этническая идентичность или принадлежность к этносу есть произвольно (но не обязательно свободно!) выбранная или предписанная извне одна из иерархических субстанций, зависящая от того, что в данный момент считается этносом/народом/национальностью/нацией» [Там же. С. 121]. Здесь одно неизвестное («этническая идентичность») определяется через другое неизвестное («иерархическая субстанция»), а это второе неизвестное, в свою очередь, зависит от третьего неизвестного («этнос»)! В. А. Тишкова можно рассматривать как представителя непоследовательных конструктивистов, которые в своих определениях продолжают опираться на традиционные примордиалистские индикаторы (язык, культура, территория и т. д.).

Впрочем, у примордиалистов дела обстоят не лучше. Например, у С. Е. Рыбакова, который пришел к выводу, что «этническое – это не язык, культура или склад психики, но и не все перечисленное вместе; этническое – это “нечто” само по себе, которое может лишь отслеживаться по указанным параметрам» [7. С. 58]. Зачем вообще пытаться давать определение «этническому», если все сводится к утверждению, что «этническое» – «это “нечто” само по себе»? «Собственно этническое» С. Е. Рыбаков определяет как «вариативность априорных структур этоса (“порядка предпочтения ценностей”», ответственных за общезначимые культурные коды» [6. С. 3]. Тут непонятно все. Во-первых, если речь идет о предпочтении ценностей, то при чем тут «собственно этническое»? Ценностные ориентации могут быть различными у отцов и детей, жен и мужей, начальников и подчиненных, которые при этом могут считать себя представителями одного этноса. Во-вторых, не совсем

ясно, о каких «общезначимых культурных кодах» идет речь? В-третьих, какая априорность имеется в виду? Чем она обусловлена? При этом автор убежден, что «позволительно говорить о вскрытой этнической сути социально-философского плана» [6. С. 3]. Гипотеза С. Е. Рыбакова о том, что «этничность – по сути не что иное, как противопоставление “своих” и “чужих” по неизвестному нам пока критерию» [Там же. С. 11], могла бы считаться таковой, если бы автор указал на этот критерий. С. Е. Рыбакова, как и некоторых других исследователей [3. С. 7], ничуть не смущает порочный круг собственных рассуждений: этнос выводится из этничности, а этничность понимается как осознание принадлежности к этносу. В конце концов, автор заявляет: «Да, этнос есть именно “совокупность людей”, и лучше не скажешь! Этнос – весьма аморфная и принципиально не структурированная группа, не несущая никакой видимой социальной функции» [6. С. 9]. Под это определение прекрасно подходит совокупность пассажиров автобуса и многое другое. В своем примордиализме С. Е. Рыбаков доходит до утверждений, что «вся “загадочность” и “иррациональность” этничности связана только с тем, что она всегда дается *до опыта* (курсив – автора), но это вовсе не значит, что данное явление относится к сфере мистики (или, что было бы еще хуже, мистификаций!)» [Там же. С. 13]. Но если «этничность» вырабатывается в ходе социализации, то она в принципе не может быть «*до опыта*»!

В заключение можно сделать вывод, что теоретические разработки ведущих российских этнологов не только ничего не проясняют, но, наоборот, могут еще больше запутать тех, кто решится использовать их при решении социально-политических проблем. И в рассуждениях симпатизирующего «конструктивизму» В. А. Тишкова, и в рассуждениях доходящего до крайностей «примордиализма» С. Е. Рыбакова мы обнаруживаем одни и те же изъяны: склонность к порочному кругу, непоследовательность и противоречивость в выводах, непонимание сути теории, пренебрежение законами логики. Можно уверенно констатировать, что российская этнология, в лице своих наиболее известных и плодovitых авторов, отвернулась от вопросов логики, гносеологии и макросоциологии. Результатом стал глубочайший методологический кризис, длящийся уже более тридцати лет. Выход же из этого тупика нам видится в сочетании последовательного конструктивизма с изучением употребления таких слов, как «народ», в конкретные исторические эпохи.

Литература

1. Белков П. Л. О методе построения теории этноса // Этнос и этнические процессы. М., 1993.
2. Заринов И. Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2.
3. Заринов И. Ю. Социум – этнос – этничность – нация – национализм // Этнографическое обозрение. 2002. № 1. С. 3–30.
4. Колпаков Е. М. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 13–23.
5. Рыбаков С. Е. Анатомия этнической деструктивности. Два облика национализма // Вестник МГУ. Серия 18. 2001. № 3–4.
6. Рыбаков С. Е. Философия этноса. М., 2001.
7. Рыбаков С. Е. Этнос и этничность // Этнографическое обозрение, 2003. № 3. С. 3–24.
8. Степанов В. В., Тишков В. А. Россия в этническом измерении // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 64–74.
9. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
10. Элез А. Й. Критика этнологии. М., 2001.
11. Этносоциология: учеб. пособие для вузов / Ю. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. М.: Аспект Пресс, 1999.

Феномен волонтерства в постсоветской России: институциональный и ценностный аспекты

Изучение опыта становления развитых государств и анализ пройденного пути постсоветской России показывают слабое действие механизмов преобразования общества, исходящих исключительно от политико-правовых институтов. Только усиления, прилагаемые каждым членом социума, могут обеспечить позитивную тенденцию в развитии страны. Но зачастую этот призыв, раздающийся как с официальных трибун, так и из недр общественности, остается большинством россиян не услышанным. Поэтому идет постоянный поиск новых средств внутренней регуляции общества. Одним из таких способов выступает благотворительность.

Благотворительность в постсоветской России выполняет несколько важнейших функций. Во-первых, благотворительные организации берут на себя решение многих социальных проблем, тем самым значительно снижая финансовые затраты из государственного бюджета и груз ответственности государственных учреждений. Во-вторых, благотворительная деятельность повышает культурный и моральный уровни как ее непосредственных участников, так и общества в целом. В-третьих, через благотворительность происходит возвращение к традиционным ценностям русской культуры – добрососедству и взаимопомощи, тем самым образуется связующий центр в национальном самосознании. В-четвертых, принципы гуманизма, справедливости, милосердия и бескорыстия, лежащие в основе благотворительности, могут стать тем аксиологическим базисом, недостаточность которого столь остро ощущается каждым современным россиянином после крушения коммунистической идеологии. В-пятых, благотворительность выступает как средство формирования гражданского общества (нового общественного идеала) через повышение социальной активности и сознательности его членов.

* *Надежда Михайловна Ершова* – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Российского экономического ун-та им. Г. В. Плеханова (г. Москва).

Законодательно благотворительность в постсоветской России получила закрепление в Федеральном законе от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». В 2000 г. был создан «Союз благотворительных организаций России» (СБОР), объединивший около 300 фондов и общественных движений, разработан этический кодекс благотворительных организаций России. СБОР ведет развернутую информационно-консультативную работу через СМИ разных уровней (федеральные, региональные, муниципальные) и Интернет (сайты, объявления об акциях и событиях, призывы о помощи и т. д.).

Однако предпринятых мер недостаточно для масштабного вовлечения населения страны в благотворительную деятельность. В массовом сознании она прочно ассоциируется с фандрайзингом и перекладывается на совесть финансово состоятельных индивидов или коммерческих организаций. Разносторонность благотворительной работы, привлечение не только и не столько денежных потоков, сколько человеческих ресурсов, чаще всего остается за рамками общественного дискурса. Тот факт, что благотворителем может стать каждый член общества, независимо от уровня дохода и физической полноценности, временной занятости, возраста, пола, национальности, религиозных и политических убеждений, заслоняется полемикой вокруг острой нехватки денежных средств для решения жизнесохранных вопросов.

Акцентирование на человеке, его личностных особенностях, способностях, желаниях, устремлениях характерно для такой формы благотворительности, как волонтерство. «Добровольцы – физические лица, осуществляющие благотворительную деятельность в форме безвозмездного выполнения работ, оказания услуг»¹. Исходной позицией индивида, избравшего добровольческую деятельность, является высокая социальная активность и ориентация на личностный рост.

Основными проблемами институализации волонтерства в России являются 1) недостаточность нормативно-правовой базы и 2) отсутствие единой системы ценностей в обществе в понимании добровольческой деятельности. Сейчас правовое регулирование российского волонтерства исходит большей частью из международных стандартов². Российское законодательство легализует доб-

¹ О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ.

² См.: Всеобщая Декларация Добровольчества, принятая на XVI Всемирной конференции Международной ассоциации добровольческих усилий (Амстердам, январь 2001 г.), и резолюции ООН (A/RES/57/106 и A/RES/56/38).

ровольчество, устанавливая лишь общие принципы³, хотя за последние два года ситуация юридического обеспечения российского волонтерства начала значительно улучшаться. Для продвижения добровольчества в России в 2009 г. был создан «Союз волонтерских организаций и движений» (СВОД), инициированный четырьмя активными участниками благотворительной деятельности – добровольческим движением «Даниловцы», общественным движением «Клуб волонтеров», благотворительным фондом «Волонтеры в помощь детям-сиротам» и благотворительным фондом «Подари жизнь». Определяя цели СВОДа⁴, его организаторы охватили весь спектр требуемых изменений в обществе – юридические, информационные, социальные, управленческие, аксиологические, этические, профессиональные.

Волонтерство, как социальный феномен, раскрывает свою специфику через классификацию, формирующуюся системой разнообразных критериев.

По объекту деятельности: а) социально незащищенные и маргинальные слои (дети-сироты, инвалиды, пенсионеры, бомжи, осужденные); б) медицина (тяжело и смертельно больные дети, пожилые и одинокие люди); в) образование (одаренные дети и молодежь, тяжелобольные дети); г) экология (природные объекты и животные); д) культура (архитектурные памятники, музеи, туристические группы, различные культурные мероприятия). Большое внимание в постсоветских условиях уделяется проблемам детей, что демонстрируется обилием различных благотворительных фондов и добровольческих движений этой направленности. Наименее развито волонтерство в сфере культуры.

По субъекту деятельности: а) детское (4–14 лет); б) молодежное (14–30 лет); в) зрелое (30–50 лет); г) пенсионное (люди пенсионного возраста); д) инклюзивное (люди с ограниченными физическими возможностями). В России самое широкое распространение приобретает молодежное волонтерство, получающее также и государственную поддержку⁵. Молодежь активно привле-

³ См.: Федеральные законы: «Об общественных объединениях» (1995 г.), «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (1995 г.), «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (1995 г.), «О некоммерческих организациях» (1996 г.), «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» (2010 г.).

⁴ См. официальный сайт «Союза волонтерских организаций и движений» (volontery.ru).

⁵ Напр.: Стратегия государственной молодежной политики в РФ на период до 2016 г. от 16 июля 2009 г.

кается добровольческими организациями для работы с детьми в разных сферах, особенно в больницах и детских домах, для решения экологических проблем местного значения и для организации культурных событий. Вторым по количественному охвату субъектом является зрелое волонтерство, тогда как детское, пенсионное и инклюзивное в России практически не представлены, поскольку дети, пожилые люди и инвалиды рассматриваются только в качестве объектов опеки.

По форме участия: а) личное; б) семейное; в) групповое; г) корпоративное. Самыми распространенными формами участия в российском добровольчестве являются личное и групповое: в первом случае инициирующим источником выступает индивидуальная система ценностей, центрирующаяся вокруг альтруизма и высокой потребности заботы о других, а во втором мотивационным импульсом становится приобщение к группе единомышленников, чувство солидарности и социальной полезности. Корпоративное волонтерство, медленно внедряющееся в российскую бизнес-среду, ориентируется не только на повышение корпоративной социальной ответственности, но и на важные для внутренней деятельности организации процессы, такие как формирование корпоративной культуры и ценностей, развитие кадров. Семейное волонтерство, соединяющее в себе две устремленности человека – осуществление социально значимой работы и времяпрепровождение с семьей, в России не имеет системного характера.

По длительности: а) разовое; б) событийное; в) регулярное. Каждый человек хотя бы раз в своей жизни вызывался добровольцем для выполнения работы, не относящейся к его профессиональному труду и носящей бескорыстный характер. Этот отклик, как правило, есть эмоциональная реакция на потрясшее индивида событие и в дальнейшем может не повториться. Событийное волонтерство связано с участием субъекта деятельности в каких-либо акциях и благотворительных мероприятиях, осуществляемых периодически и не требующих постоянной занятости. Регулярное волонтерство приобретает статус второй профессиональной деятельности, накладывающей на субъекта права обязанности, четкие условия их выполнения, дополнительную подготовку и компетентностный рост.

По степени включенности: а) реальное; б) виртуальное. Помимо добровольчества в реальном мире, где осуществляется непосредственное взаимодействие благотворителя и благополучателя, сейчас все интенсивнее развивается виртуальное, или онлайн, волонтерство. Оно особенно востребовано профессионалами интернет-среды и теми индивидами, которые значительно ограничены во времени или в передвижении, но для которых остается

важным проявление своей социальной активности. Этот вид волонтерства, только зарождающийся в России, по опыту других стран наиболее эффективен в профессиональном подборе и консолидации добровольцев и в образовательных проектах.

По степени охвата: а) локальное; б) региональное; в) государственное; г) международное. В первом виде добровольцы ориентированы на решение проблем местного характера, улучшение мира непосредственно вокруг себя. Забота о «своем мире», только в расширенном варианте, представлена региональным и государственным волонтерством. Процессы глобализации ведут к увеличению числа добровольцев, осуществляющих помощь за пределами своей страны ради совершенствования жизни на всей планете.

Волонтерство, позиционирующее высокие цели и идеалы общественного функционирования и развития, все же имеет один существенный недостаток. Предоставляя одним членам общества возможность «даровать» себя в пользу других, оно создает у последних иждивенческую, потребительскую установку по отношению к миру. Поэтому в ходе реализации добровольчества должен учитываться этот эффект, приводящий к необходимости создания методов работы, формирующих высокий уровень сознательности и социально активную позицию благополучателей.

М. В. Мужева*

Современный взгляд на функциональное строение корпоративной культуры как социально-культурной системы

Демократизация управления, оптимизация организационного климата, групповая динамика на рабочем месте, мотивирование организационного поведения, стабильность и гармоничность организационного развития, интегрированный взгляд на рынок и приспособление его к товару – вот только некоторые характерные черты новой социально-культурной системы, закрепленные термином «корпоративная культура».

Существование любой системы анализируется и оценивается по совокупности функций, которые она выполняет или способна выполнять. Безусловно, корпоративная культура является весьма сложной и многофункциональной системой. Приоритетность и значимость отдельных функций может меняться в зависимости от типа корпоративной культуры, ее целей, этапа развития, влияния параметров внешней среды и т. п. Вместе с тем общая совокупность функций корпоративной культуры остается неизменной.

Обычно выделяют две большие группы функций. Первые выполняют задачи внутренней интеграции членов организации, обеспечивают ее целостность и внутреннее единство. Вторые имеют внешнюю направленность и обеспечивают приспособление организации к условиям внешней среды и выживание в ней [Соломанидина Т. О. Организационная культура компании. М.: ИНФРА-М, 2007. С. 30].

Функции культуры предприятия реализуются через конкретные задачи. Поэтому правильное будет говорить о функциях-задачах корпоративной культуры. Конкретный перечень и приоритетность решения функций-задач корпоративной культуры определяется сферой деятельности организации, спецификой той отрасли народного хозяйства, где она действует; теми целями, которые ставит перед собой фирма, формируя корпоративную культуру.

* *Марина Владимировна Мужева* – замдекана по организационно-воспитательной работе, ст. преподаватель ф-та социальной психологии, аспирант Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Базовая модель представляет универсальную совокупность функций-задач корпоративной культуры, которые могут быть адаптированы для любой современной организации:

- 1) функция формирования, накопления, передачи и хранения ценностей организации;
- 2) функция формирования системы знаний организации;
- 3) формирование системы внутренних коммуникаций (способов и форм общения) и связей;
- 4) формирование системы внешних коммуникаций и связей организации;
- 5) целеполагание;
- 6) формирование культуры трудового, производственного и других материальных процессов.

Реализация функций требует решения конкретных задач, выполнения работ непосредственными исполнителями.

Так, функция формирования, накопления, передачи, хранения ценностей организации осуществляется через четкую формулировку ценностей в вербальной форме (например, ценностью организации может быть высокое качество продукции, удовлетворение потребителей, выполнение своих обязательств перед обществом); затем сформулированные ценности должны быть зафиксированы в письменной форме, например, в этическом кодексе фирмы.

Новые сотрудники должны иметь возможность ознакомиться с ценностями организации. Допустим, при приеме на работу новичку назначается инструктор, который знакомит его не только с особенностями профессиональной деятельности, но и с ценностями фирмы.

В итоге, оценка уровня функционального построения корпоративной культуры производится на основании сопоставления тех функций-задач, которые решаются фактически в данной организации, и тех, эталонных, которые должна решать корпоративная культура. Для получения оценки рассчитывается коэффициент уровня функционального построения корпоративной культуры Кфп по формуле: $K_{фп} = Q_{факт} / Q_{план}$, ($Q_{факт} = \sum Y$), где $Q_{факт}$ – количество фактически решаемых задач; $Q_{план}$ – количество запланированных, подлежащих выполнению функций-задач; Y – количество положительных ответов.

Данный показатель отражает уровень соответствия фактически решаемых задач корпоративной культуры по отношению к запланированным. Чем ближе значение Кфп к единице, тем выше уровень функционального построения корпоративной культуры в данной организации.

Ниже предлагается перечень функций-задач корпоративной культуры для оценивания их экспертами, предлагаемый О. Г. Ти-

хомировой [Тихомирова О. Г. Организационная культура: формирование, развитие и оценка [Электронный ресурс]. URL: //http://www.biznesbooks.com].

1. Наличие сформулированных, документально зафиксированных ценностей.
2. Наличие этических кодексов организации.
3. Проведение семинаров, посвященных ценностям организации.
4. Наличие работы с новыми сотрудниками, связанной с изучением и пониманием ценностей организации.
5. Наличие возможности проведения исследований, разработок для персонала.
6. Наличие системы внесения и рассмотрения предложений.
7. Наличие общих требований к уровню образования, квалификации, профессиональному уровню подготовки персонала.
8. Наличие системы поощрения, ротации, обучения, повышения квалификации работниками.
9. Проведение семинаров по новым достижениям, разработкам, технологиям в мире в сфере деятельности организации.
10. Наличие политики организации в области обучения персонала.
11. Проведение мероприятий по совместному принятию решений, генерированию идей, совместных разработок.
12. Наличие системы поощрения творческой деятельности.
13. Наличие возможности открытой связи с руководством.
14. Наличие кодексов поведения персонала.
15. Проведение мероприятий по обучению персонала деловому и светскому этикету.
16. Наличие традиций, обычаев, ритуалов, обрядов.
17. Наличие памятных дат, исторических лиц-героев организации.
18. Наличие программы культурной адаптации персонала.
19. Проведение мероприятий по знакомству новых работников с корпоративной культурой.
20. Проведение тренингов, адаптационных мероприятий для работников.
21. Участие в общественной жизни.
22. Осуществление публикаций в прессе, посвященных организации и ее деятельности.
23. Наличие собственного Интернет-сайта.
24. Взаимодействие с правительством и государственными органами.
25. Реакция на события политической жизни.
26. Осуществление связи с потребителями, партнерами, в т. ч. через Интернет.
27. Наличие постоянной связи с акционерами, инвесторами.

28. Наличие положительной репутации организации в обществе, среди персонала.

29. Наличие положительного имиджа организации в обществе и среди персонала.

30. Наличие коммерческого обозначения, логотипа, фирменных знаков, шрифтов, цветов и т. п.

31. Наличие торговой марки.

32. Наличие медицинского, пенсионного страхования персонала, предоставление оплачиваемых отпусков, больничных.

33. Наличие детских садов, санаториев для работников.

34. Осуществление мероприятий, связанных с заботой об окружающей среде.

35. Наличие единой общей цели (совокупности целей) организации.

36. Наличие четко определенных частных целей элементов организации, тесно увязанных с общей целью организации.

37. Наличие четко определенных критериев достижения целей.

38. Проведение совместных совещаний по достижению целей, выявлению проблем, роли каждого элемента в достижении общей цели.

39. Наличие требований к организации рабочего места (чистота, аккуратность, цветовая гамма и т. п.).

40. Наличие положений трудовой этики.

41. Наличие требований к распорядку рабочего дня.

42. Наличие требований отношений «начальник-подчиненный» (субординация, правила обращения к начальнику и т. п.).

43. Наличие четко определенных символов статуса (отдельные столовые, места отдыха, автомобильные парковки, кабинеты и т. д.).

44. Наличие возможности для работников иной религии, культуры соблюдать их требования.

45. Наличие мест питания, отдыха.

46. Наличие автомобильной парковки.

47. Проведение собеседований с претендентами на работу, посвященных выявлению соответствия культуры личности и корпоративной культуры.

48. Проведение мероприятий по «воспитанию» работников для соответствия организационной культуре.

49. Наличие порядка, чистоты, допустимого уровня влажности, запыленности, шума в производственных помещениях.

Исходя из вышеперечисленных функций, корпоративная культура на современном этапе – это естественно-искусственная система, соединяющая в себе формально-рациональные и спонтанные жизненные процессы и выполняющая значимые функции для развития организации и общества в целом.

А. Е. Ионин*

Кризис современного брака и семьи: что делать?

Вечные русские вопросы «кто виноват?» и «что делать?» продолжают беспокоить человечество, расширяя свои границы далеко за пределы Российского государства. Многие великие умы стремились ответить на этот вопрос, и каждый раз ответ был разным, в зависимости от политической, экономической, социальной обстановки в обществе. Используя общеизвестное выражение Козьмы Пруткина «зри в корень», обратим наш взор на истоки человеческих проблем. Совершенно однозначным нам представляется то, что источником своих проблем является сам человек, потому что он не способен разумно строить свою жизнь, не причиняя себе и другим зло. Острая нехватка мудрости – это не причина, а последствие отхода от общеизвестных Божественных принципов. Наибольший вред человек причиняет себе и другим именно там, где он больше всего ожидает понимания, внимания, заботы, любви, – то есть, конечно, в семье. Разрушение семьи становится таким обыденным делом, что вселяет серьезную обеспокоенность за будущее не только российского общества, но и человечества в целом. Статистика неутешительна:

- сейчас в России распадается почти 80 % браков;
- в США – половина;
- в Великобритании на каждые 100 браков приходится 51,9 развода;
- в Швеции – 65,7;
- в Бельгии – 59,7;
- во Франции и Германии – 40,9;
- в Финляндии – 57,6.

Значит, почти каждый второй брак в мире распадается. Тому можно найти много причин, и у каждой распавшейся семьи они окажутся непреодолимо вескими. Исследуя причины разводов, убеждаешься в том, что вина в разрушении семьи падает не на какую-то одну сторону, мужскую или женскую, но на обе стороны, причем «первую скрипку» в этом играет их эгоизм. Эгоизм яв-

* *Александр Евгеньевич Ионин* – соискатель, Гуманитарный ун-т (г. Екатеринбург).

ляется основанием неумения и нежелания рассматривать своего партнера равноправным, а по сути это основа ненависти, раздражения, нелюбви. Сварливость, ворчливость, нетерпение, неуважение не имеют гендерного признака.

Анализируя вторую часть вопроса, можно, конечно, снова обратиться к статистике и использовать ее выводы, гласящие, что «на сегодняшний день нам известен целый ряд факторов, которые представляют непосредственную угрозу браку», как утверждает Михаэль Вагнер из Кельнского университета, исследующий причины разводов. Он изучил данные 42 супружеских пар и проанализировал, как отдельные признаки, такие как бездетность, возраст вступления в брак, религиозность или профессиональная деятельность супруги, сказываются на вероятности развода. Например, то, что квартира собственная, снижает, по сравнению со съемным жильем, риск развода на 45 %. Ставшая известной измена одного из супругов значительно повышает эту вероятность. Если женщина занята профессиональной деятельностью и уровень ее образования выше, чем у ее мужчины, то риск также возрастает. Если супруги имеют общего ребенка или до свадьбы более полугодом прожили под одной крышей, то риск снижается. Если жених и невеста живут в крупном городе, не придерживаются никакой религии и вступили в брак в возрасте менее 21 года, то, согласно науке, их брак попадает в «зону повышенного риска». Чем старше пара, идущая к алтарю, тем позитивнее прогноз. Каждый совместно прожитый год снижает вероятность развода для мужчин на 2 %, а для женщин на 7 %.

Из всего многообразия результатов исследований становится ясно, что вероятность развода повышается тогда, когда супруги с презрением разговаривают друг с другом, провоцируют или критикуют друг друга. Если один из партнеров говорит слишком много, а другой – мало, снижается удовлетворение от брака. Соотношение похвалы и критики также влияет на жизнестойкость брака. Браки особенно прочны в том случае, когда похвала и критика находятся в соотношении 5:1. Иными словами, за одним критическим замечанием должно последовать 5 комплиментов. Особенно важно, чтобы этот принцип соблюдался супругом. Поскольку если вклад женщины в отношения будет меньше, чем вклад мужчины, то это не обязательно повысит вероятность развода, считает психолог Томас Брэдбери из Лос-Анджелеса [См.: 3].

Хотя статистика вещь полезная, тем не менее есть путь значительно более эффективный в борьбе за семейное благополучие и счастье. Всем давно известно, что браки, построенные на истинной любви, уважении, долготерпении и даже жертвенности, т. е. на Божественных принципах и законах, являются крепкими в

своим основании. Огромный опыт в этом деле имеется у религиозных организаций, например такой, как Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (в просторечии «мормоны»). Если отбросить в сторону все политические, религиозные и др. фобии, то можно увидеть, какое большое значение они придают семье как основной ячейке не только общественного устройства, но и устройства Царства Божьего. В той же статистике можно почерпнуть тот факт, что мормонские семьи являются самыми крепкими, здоровыми, счастливыми, если они следуют наставлениям Иисуса Христа и его учеников – пророков, руководителей различного уровня. В свое время Апостол Павел сказал: «Ни муж без жены, ни жена без мужа в Господе» [1]. Слова современных пророков Иисуса Христа также не перестают наставлять и мужчин и женщин, что семейный союз священен и тот, кто разрушает его, будет привлечен к ответственности, как мужчина, так и женщина, перед Судом Божиим. В своем воззвании к миру «Семья» они возглашают, что «брак мужчины и женщины предначертан Богом, и в замысле Творца, определяющем вечную судьбу Его детей, семье отведено центральное место». Следуя этому Божественному принципу, можно с уверенностью сказать, что никакая другая организация не может и не должна брать на себя функции семьи, а равно и семья не может перекладывать свои функции на какие-либо организации, если, конечно, суд не лишит родительских прав таких горе-родителей.

В современном обществе, как российском, так и иностранном, все чаще стали встречаться явления, не согласующиеся с Божественными принципами. Стали появляться «неформальные» браки, что противоречит как древним наставлениям пророков, так и их современным словам, гласящим: «Мы заявляем, что заповедь, данная Богом Своим детям, – “размножайтесь и наполняйте Землю”, – остается в силе. Мы также заявляем: Бог повелел, чтобы священные силы деторождения могли использовать только мужчина и женщина, состоящие в законном браке как муж и жена» [2]. Возвращаясь к статистике, видишь, что еще более чудовищна распространенность аборт в семьях, и не только в семьях. К примеру, только в России:

- 70 % беременностей заканчиваются абортom;
- 10 % абортom приходится на девушек от 10 до 18 лет;
- 5000 абортom делается каждые сутки;
- около 90 % абортom производится между 6-й и 12-й неделями беременности (источник данных: <http://www.no-abortion.jino-net.ru/>).

Господь не может примириться с убийством такого рода, поэтому пророки продолжают наставлять и предупреждать: «Мы заявляем, что силы, посредством которых зарождается земная жизнь, предназначены для этого Богом. Мы подтверждаем святость жизни и важнейшую роль, отведенную ей в вечном плане Божьем».

Счастливые семьи все очень похожи друг на друга, потому что их основа – любовь, которая проявляется различными способами, так как они следуют наставлениям: «На мужа и жену торжественно возлагается обязанность проявлять любовь и заботу друг к другу и к своим детям». «Вот наследие от Господа: дети» (Псалтирь 126:3). «Растить детей в любви и праведности, удовлетворять их мирские и духовные потребности, учить их любви и служению друг другу, повиновению заповедям Божиим и воспитывать их законопослушными гражданами своей страны – это священный долг родителей. За то, как эти обязанности выполняются ими, мужа и жены – матери и отцы – будут держать ответ перед судом Божиим» [2]. «Семья предначертана Богом. Брак мужчины и женщины имеет фундаментальное значение в Его вечном плане. Дети имеют право быть рожденными в рамках супружества и воспитываться отцом и матерью, строго соблюдать свои брачные обеты. Счастья в семейной жизни можно достичь, прежде всего следуя учениям Господа Иисуса Христа. Счастливые браки и семьи и укрепляются верой, молитвой, покаянием, прощением, уважением, любовью, состраданием, трудолюбием, а также полноценным отдыхом. В соответствии с Божественным замыслом отцы должны председательствовать над своими семьями в любви и праведности. Долг отцов – обеспечивать семьям защиту и все жизненно необходимое. Основная обязанность матерей – забота о сво-

их детях. Выполняя эти священные обязанности, отцы и матери должны помогать друг другу как равные» [2]. Воспринимая эти слова как личное наставление от Бога, каждый человек может не только привести свою жизнь в соответствие с Божьим планом, но и быть счастливым человеком, живя на Земле.

Господь также обращает Свое особое внимание и на государственные организации, которые получили большой кредит доверия не только электората, но и самого Бога: «Мы призываем достойных граждан и государственных служащих всего мира принять все меры, направленные на сохранение и укрепление семьи как основной ячейки общества» [Там же].

Возвращаясь к нашему вопросу «что делать?», каждому человеку следует задуматься, по какому пути нам идти дальше: продолжать его без изменений и в конце концов лишиться себя, свою семью и общество в целом счастья и процветания или же остановиться и начать изменять свою жизнь к лучшему, ради себя, своих детей, своей семьи, своего народа и человечества в целом. Сделайте свой выбор.

Литература

1. Библия, книги священного писания Ветхого и Нового завета, канонические. Российское библейское общество, 1998.
2. Воззвание к миру «Семья»: зачитано Президентом Гордоном Б. Хинкли как часть его выступления на Общем собрании Общества милосердия 23 сентября 1995 г. в г. Солт-Лейк-Сити, штат Юта, США.
3. http://www.all4wedding.com/articles_1178.htm
4. <http://www.no-abortion.jino-net.ru/>

Социализация семьи в условиях деформации общества

Семья является не только самостоятельной микроячейкой в структуре государства, но и его основой; пока существует семья, существует и государство.

Семья образуется в обществе в период регуляции половых отношений. Ее формирование проходит этапы перехода от стадных, нерегулируемых форм половых отношений к полигамной и моногамной форме, характерной в основном для всей истории человеческого цивилизованного рода. Полигамная семья сформировалась в период критической ломки общественных отношений при переходе от матриархата к патриархату и носила ярко выраженный патриархальный характер, сохранив его до наших дней. Она закрепила свою систему в культурах и обрядах восточных религиозных конфессий, заменив огромные гаремы четырьмя женами, официально разрешенными исламом, а также возможностью иметь неофициальных жен, тем самым избежав сексуального взрыва, столь характерного для моногамной семьи Запада, утвердившей единобрачие христианских конфессий. Но тождественность этих семей, заключавшаяся в патриархальности как основной форме их возникновения и существования на протяжении долгих столетий истории человеческого общества, разрушилась и вылилась во внутренний конфликт моногамной семьи в процессе утверждения ее демократической или эгалитарной формы, получившей свое развитие при новых условиях.

Исторические типы семьи могут быть сведены к пяти:

- матриархальная родовая семья;
- патриархальная родовая семья;
- патриархальная традиционная семья;
- современная (модернистская) семья;
- материнская, матримониальная, матрифокальная семья «мать–дитя» [3. С. 36].

Последовательно характеризуя каждый тип семьи, выделяя его особенности и уровень социального статуса, можно прийти к

* *Валентина Яковлевна Нагевичене* – д-р филос. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Южно-Уральского государственного ун-та (г. Миасс).

выводу, что сама смена исторических типов семьи во многом является следствием борьбы между развивающейся личностью и семьей, ее общественным характером и теми обязанностями, которые она налагает на личность, а точнее, очередной видимой победой личности над семьей. Характер смены исторических типов семьи подтверждает относительную независимость развития семьи от развития цивилизации. Выясняется, что мужчины, в ходе развития личности и роста ее прав, всегда более активно стремятся освободиться от выполнения необходимых для семьи обязанностей. Этим в немалой степени объясняется как сама смена типов семьи, так и постоянное сокращение численности ее состава, а также и то, что общество постепенно приходит к состоянию, когда каждый «сам по себе». Это особенно наглядно проявляется в характеристике двух типов семьи – современного (модернистского) и матрифокального. Матрифокальный тип – «мать и дитя», в котором мужчины уже вообще нет, является последним возможным типом семьи и обладает самым низким социальным статусом.

Семья изначально строилась на ограничении свободы. Еще Г. Гегель отмечал, что в семье личность должна отказаться от своих особенностей и войти внутрь некоего целого, что «семейные отношения имеют своей субстанциональной основой отказ от личности» [1. С. 93]. Силой, создающей и разрушающей семью, является личность, которая стремится в семье найти гармонию и единство себя с родственниками, обеспечить себе целостность, антропологическую целесообразность с партнером или уйти в эгоцентризм и отказаться от семьи, не найдя себе места как цельная, самодостаточная личность. Сначала такой личностью оказался монах, отказавшийся от брака, затем человек творчества.

У личности комплекс семейной мотивации разрушается, заменяясь стереотипами сознания, ориентированными на личный успех, социальную мобильность, гедонистические ценности. Все это ставит семейное положение людей в серьезную зависимость от степени реализации личных статусных амбиций.

Чем выше уровень развития личности и ее интересов, тем ниже оказывается статус семьи.

В России малодетная семья, разводы, неполные семьи, внебрачная рождаемость стали не только массовым, но и приемлемым стилем жизни. Типичной моделью «семьи» в России, как и на Западе, становятся одинокие мужчины или женщины средних лет. Ценность, привлекательность и устойчивость семьи зримо снижается. Система личностных ценностей – индивидуализм, права, независимость, свобода – вступает в конфликт с коллективистским характером семьи и теми обязанностями, которые она налагает на человека.

Только для патриархального типа семьи характерны устойчивость и стабильность. Здесь отмечаются самые высокие показатели рождаемости в мире, стабильно высок средний размер семьи, очень высоки показатели брачности, крайне низки показатели разводов. Таким образом, патриархальная, конфессиональная (православная, мусульманская) семья продолжает оставаться самой главной социальной, экономической, нравственно-этической структурой общества.

Преобладание личностных, индивидуалистических ценностных ориентаций над семейными приводит к тому, что семейные связи все более ослабевают, а члены семьи все более удаляются от традиционных ролей и ценностей. Процесс эволюции семьи и ее социального признания последних десятилетий с очевидностью свидетельствует о том, что изменения статуса семьи негативно влияют на выполнение семьей ее основных функций: репродуктивной, воспитательной и рекреативной. Ослабление прочности и устойчивости традиционных семейных уз ведет к нарастанию процесса отчуждения между детьми и родителями, к увеличению духовного разрыва между поколениями.

Объективными проблемами, с которыми общество столкнется в ближайшее время, будут следующие: во-первых, социальное пространство семьи, в котором раскрывается личность, становится для нее, в силу роста ее интересов, прав и свобод, все более узким, и, во-вторых, интеграция личности происходит сегодня не через семейную группу, а, главным образом, вне семьи.

Среди основных тенденций в ближайшей перспективе станут превалировать следующие:

во-первых, рост малодетных и бездетных семей как отражение нестабильности семьи;

во-вторых, изменения ценностных и социально-психологических основ семейной жизни;

в-третьих, рост количества материнских, матримониальных, матрифокальных семей «мать–дитя», являющихся биологически минимально необходимой семейной структурой.

Массовое распространение этого типа семьи свидетельствует о принципиальных сдвигах в ее жизнедеятельности. Далее распаться семье уже некуда. Особо следует отметить, что такая семья изначально вообще несвойственна человеческому роду. На такой семейной основе никогда не развилось бы человеческое общество, которое мы имеем в настоящее время [См.: 2. С. 24].

Вместе с тем уже сегодня известны настораживающие факты перехода части женщин за опасную биологическую грань статуса семьи. Они выражаются, например, в сознательном отказе некоторых семейных пар иметь детей, в отказе матерей-одиночек от уже родившихся детей, даже если они объясняют это социальными причинами.

Вместе с тем семья остается важнейшим фактором нормальной жизнедеятельности человека. Поэтому налицо противоречие между необходимостью сохранения семьи, семейных ценностей и их разрушением. Обществу в этой ситуации необходимо, прежде всего, осознать, что абсолютизация значения субъективных ценностей в виде интересов, прав и свобод личности деструктивно влияет на общественные структуры, в том числе и государственные.

Государство как система существует, пока его подсистема (семья) находится в стабильном состоянии (Ильин). А поскольку семья проходит стадию глубокой реорганизации, связанной с расширением прав и свобод личности и выработкой новых ценностных ориентиров в ее становлении, то государство должно создать максимальные возможности для ее сохранения.

Можно выделить ряд тенденций, которые характерны для современной семьи в различных государствах на современном этапе развития:

1. Изменение стиля жизни семьи, ее автономизация, ослабление социального контроля, уменьшение влияния родственников и друзей, соседей на взаимоотношения внутри семьи.

2. Если семья социализировала человека и давала ему путевку в жизнь, т. е. посредством семьи человек включался в общество, то теперь он подключается к обществу через различные социальные институты и считает семью «побочным продуктом» взаимоотношений между мужчиной и женщиной.

3. Семья может существовать не вследствие внешнего давления (общественное мнение, религиозные и моральные запреты), а только благодаря внутреннему комфортному состоянию удовлетворенности данным союзом.

Конечно, семья останется наиболее эффективным механизмом для координации комплекса потребностей для индивида – в интимности, воспроизводстве себе подобных, социализации их и эмоциональной поддержке. Но в период социальных преобразований общества семья, как его подсистема, будет значительно изменяться в своей форме, структуре и функциях.

Литература

1. Гегель Г. Позитивность христианской религии: сочинения. М.: Мысль, 1970. С. 87–209.
2. Голод С. И. Будущая семья: какова она? // Этика. М.: Знание, 1990. 62.
3. Любимова А. Б. Проблемы эволюции статуса семьи: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М.: МГУ, 1998. 42 с.

Влияние ценностных ориентаций современной молодежи на изменение семейных ценностей

Ценностные ориентации – элементы внутренней структуры личности, сформированные и закрепленные жизненным опытом индивида в ходе процессов социализации и социальной адаптации, отграничивающие значимое от незначимого через принятие личностью определенных ценностей, осознаваемых в качестве рамки предельных смыслов и основополагающих целей жизни, а также определяющие приемлемые средства их реализации¹.

Изменение ценностных ориентаций – достаточно сложный процесс, и изучение его закономерностей может способствовать выявлению путей влияния на молодую личность соответствующих общественных институтов с целью ослабить интенсивность ее эмоциональных стрессов и предотвратить возможные социальные напряжения. В частности, знания степени сформированности ценностных ориентаций молодежи, их иерархии может быть ключом для осуществления воспитания личности.

Семья – одна из первых исторических форм социальной общности людей и социальных отношений, элемент структуры общества, его «ячейка». Роль семьи в жизни общества и индивида исторически меняется, но ее значение в формировании и развитии личности со временем не уменьшается, поэтому отношение молодежи к институту семьи имеет определяющее значение для стабильности и развития всего общества.

Исследовательский проект «Динамика ценностных ориентаций молодежи России XX века»², где предметная сфера исследований была ограничена в первую очередь так называемыми фундамен-

* **Валентина Тимофеевна Ананьина** – магистрант 2-го года обучения кафедры социальной работы УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Энциклопедия социологии. Ценностные ориентации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru>

² Тугариновские чтения: материалы научной сессии. Серия: Мыслители // Исследовательский проект «Динамика ценностных ориентаций молодежи России XX века» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/lisovsky/mysl01_09.html

тальными ценностями, показывает, что современная молодежь России проходит свое становление в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых. Отсюда растерянность и пессимизм, неверие в будущее. Растут агрессивность и экстремизм, шовинизм и криминальность.

Анализ результатов исследования показывает, что в условиях общесоциального кризиса семья также находится в кризисном состоянии. По-прежнему велико число разводов, брошенных детей и стариков, детей, убегающих из дома, нередко жестокость по отношению к детям и старикам – все это признаки социального нездоровья семьи. В области образования наблюдается отрицательное отношение к школе и детей, и родителей, бесчисленные конфликты с учителями, деградация педагогической профессии (масса примеров профессиональной несостоятельности преподавателей), падение престижа образования, низкий уровень подготовки специалистов в вузах.

Тем не менее не стоит говорить об исчезновении семьи как социальной ценности. Наоборот, активная общественная критика может означать наличие ценностного конфликта в этой области, т. е. «чувства отклонения от идеала», несоответствия общественной потребности наличию имеющихся обстоятельств. Одновременно это может означать смену ориентаций в данной области, а вместе с ней переосмысление и даже укрепление ценности данного явления. Семью назвали самой важной ценностью почти две трети (62 %) участников общероссийского опроса, проведенного ФОМом в феврале–марте 2010 года. На втором месте оказалась любовь, на третьем – дружба. И только на четвертом месте оказались деньги – именно их респонденты в возрасте от 16 до 25 лет считают главной ценностью. Они превыше всего для 38 % опрошенных³.

Семейные ценности можно разделить на две большие категории: семейно-сентиментальные и прагматичные. Данные опросов свидетельствуют, что молодые люди, так же как их родители, не хотят жертвовать семейными ценностями ради карьеры, успеха и денег. Вопрос о том, какие жизненные цели ставит перед собой молодежь задавался в 2002 году, задается и сейчас. Семь лет назад на первом месте стояли материальные цели (деньги, квартира, машина), затем – получение образования, карьера. Создание семьи, рождение и воспитание детей занимали четвертое место – их целью своей жизни называли только 13 % респондентов. В 2009 году таких стало вдвое больше. А на первое место вышли трудовые цели, то есть хорошая работа и успешная карьера. Новое поколение

³ Труд. Семья дороже денег [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.trud.ru/article/23-04-2009/140272_semja_dorozhe_deneg.html

в гораздо большей степени нацелено на успех, чем предыдущее. Инициативными людьми себя считают две трети респондентов. Быть не такими, как все, хочет почти половина опрошенных. Но в то же время молодые люди более восприимчивы к традиционным, в том числе семейным, ценностям.

Изменения в системе ценностей, интересах и социальных нормах у молодежи в будущем найдут отражение в их сознании, поведении, активности и, в конечном счете, в социальном самочувствии. Активная жизненная позиция молодежи чаще всего выражается в росте трудовой, общественно-политической, познавательной и других видах активности, в социальной мобильности, в формировании не анархично рыночного сознания, а цивилизованного продуктивно осмысленного менталитета. И этот процесс должен быть регулируемым и управляемым с помощью института семьи. Важную роль здесь должны сыграть как объективно существующие условия жизнедеятельности, так и последовательная система воспитания и пропаганды новых прогрессивных семейных ценностей.

А. В. Севостьянов*

Институциональный кризис современной России: ноосферный и техносферный аспекты

Современное социально-экономическое и политическое развитие в России происходит в условиях нарастающего институционального кризиса. Кризисные явления вызваны как внутренними противоречиями развития постсоветской России, так и глобальными проблемами современности – совокупностью социоприродных проблем, от решения которых зависит социальный прогресс человечества и сохранение цивилизации. Неоднократно исследователями предлагаются пути их преодоления, среди которых важную роль играет попытка прогнозирования и построения нового общества. Одной из концепций, приобретшей наибольшую известность, является идея создания, в том числе в России, ноосферы (ноосферного общества).

Ноосфера – это область взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития¹. Понимаемая буквально как «мыслящая (разумная) оболочка», во взглядах основоположника подхода В. И. Вернадского² она представляется новой, высшей стадией эволюции биосферы, формирование которой связано с развитием человеческого общества и осуществляется через науку. Зародившееся в начале XX века, это учение не утратило актуальности до сегодняшнего дня. Изучение категории ноосферы активно осуществляется современными российскими философами, среди которых Э. В. Гирусов, Г. С. Смирнов, Ю. П. Трусов, А. Д. Урсул, Е. Т. Фадеев, Ф. Т. Яншина, Н. В. Попкова и др. Тем временем неопределенность в вопросе предполагаемого начала становления ноосферы (т. н. ноосферизации)³ и ряда других аспектов заставила

* **Андрей Викторович Севостьянов** – аспирант Военно-технического ун-та при ФАСС (г. Балашиха).

¹ Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. М.: Книжный Дом, 2003. С. 102.

² Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М., 2004. С. 252.

³ Так, сам В. И. Вернадский неоднозначен в вопросе о начале становления ноосферы: то автор говорит о периоде возникновения человека как

многих авторов критически высказываться в адрес учения о ноосфере (например, Э. С. Демиденко, В. А. Кутырева, А. М. Миклина, А. Н. Назаретяна, И. Б. Новика и др.).

Очевидно, что наука и научная рациональность, характеризующие ноосферизацию, являются теми механизмами, которые, с одной стороны, способны породить кризисные явления, с другой – позволяют их преодолевать. В последнем случае изучение ноосферы в рамках построения нового общества в России (а вопросы модернизации экономики и разрешение социальных проблем ежегодно отмечаются в посланиях Президента РФ) позволило бы мобилизовать производственный и творческий потенциал людей, обратить внимание общественности на глобальные проблемы современности и развивать философию как науку. Тем не менее ноосферизация видится тем явлением, которое немислимо вне изучения техники. Последнее производилось неоднократно, особенно с начала XX века. Ввиду полисемичности данной категории, структура техники видится состоящей из следующих элементов:

- а) артефактов, способных производить другие артефакты;
- б) технических изобретений;
- в) технологий⁴.

Во-первых, *артефакт* – объект, подвергнувшийся в прошлом воздействию человека, рукотворный предмет. Артефакт характеризуется следующими признаками: 1) материальностью, 2) искусственностью, 3) антропогенностью, 4) ценностью. В ситуации изучения артефактов в рамках категории «техника» они также характеризуются: 1) свойством производить другие артефакты (т. е. создавать конечный продукт, неся тем самым элемент механизированности) и 2) способствованием производству артефактов (составлением так называемой *материальной инфраструктуры*⁵). Она включает в себя дороги, связь, транспорт и др. Особой категорией, смежной с техникой, является *нематериальная инфраструктура* – комплекс взаимосвязанных обслуживающих связей, составляющих и/или обеспечивающих основу функционирования артефактов (например, национальные и/или искусственные языки).

биологического вида, то о переходе от собирательства к земледелию. Иногда им в качестве начала ноосферизации упоминался XX век, когда в социальной и духовной жизни возрастает значение научного фактора. См.: Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М., 2004. С. 256, 274, 294, 299.

⁴ См., напр.: Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1995. С. 292.

⁵ Инфраструктура – совокупность элементов, призванных создавать условия для нормального функционирования артефактов, составляющих технику.

Во-вторых, человек, в отличие от животных, наделен особой физиологической особенностью – *мышлением*, выражающимся в форме отражения, устанавливающей связи и отношения между познаваемыми объектами. Помимо этого, особым видом мышления является *творчество* – процесс человеческой деятельности, создающий качественно новые материальные и духовные ценности. Благодаря творчеству как процессу (*творческому мышлению*⁶), человек пытается построить свою картину мира. В результате творческого мышления человек способен мысленно представить себе конечный результат деятельности. В основу творческого мышления, необходимого для создания артефактов, положены *знания* – форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека. Знания, переработанные творческим мышлением человека и направленные на практический результат, – это *изобретения*. Изобретения, ориентированные на создание артефактов внутри техники, являются *техническими изобретениями*: научные и преподавательские программы, концепции, идеи, проекты; умения, навыки, способы (методы) организации процессов и производств и т. д. Те же технические изобретения, которые не находят своего воплощения в повседневности, относятся к разряду *фантазий*, оцениваемых лишь в ретроспективе.

В-третьих, *технология*⁷ как элемент техники – это созданная человеком целенаправленная последовательность операций по преобразованию артефактов, обладающая длящимся характером. Технологии используются для целей удовлетворения потребностей в соответствии с заранее намеченным результатом.

Тем временем широта использования техники и ее влияние на формирование современного кризисного состояния, в том числе в России, заставляют исследовать ее как явление действительности, обладающее системностью и глобальными характеристиками, т. е. говорить о техносфере⁸. Последняя включает в себя, по-

⁶ Творческое мышление формируется стадийно. Исследование этого находило отражение в ряде работ. См., напр.: Пуанкаре А. Математическое творчество // Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. Приложение III; Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976. С. 145.

⁷ Н. М. Аль-ани обращает внимание на тот факт, что «в англоязычной литературе этот термин употребляется для обозначения и выражения обоих упомянутых аспектов (т. е. техники и технологии) и поэтому является полным эквивалентом употребляемого в нашей литературе термина «техника». См.: Аль-ани Н. М. Техника и основные исторические этапы ее развития. 2000. С. 1.

⁸ Техносфера представляет собой техническую действительность на данном этапе исторического развития человечества. Процесс становления, развития и доминирующего влияния техносферы на окружающую среду и социум именуется техносферизацией.

мимо техники, элементы внутренней и внешней структуры. К первой относятся: а) взаимоотношение в структуре «личность – техносфера» (психологический подход) – техносферная (техническая) рациональность и технократия; б) взаимоотношение в структуре «управление – техносфера» (организационный подход) – техносферные общество и экономика.

Внешние элементы техносферы представлены двумя составляющими: во-первых, *идеосферой*, т. е. совокупностью упомянутых ранее изобретений, созданных человеком в результате его мыслительной (в том числе творческой) деятельности. Те технические изобретения, что являются прообразом будущих артефактов в рамках категории «техника», формируют особую часть идеосферы – *техническую идеосферу*. Во-вторых, *биосферой* – оболочкой Земли, заселенной живыми организмами, находящейся под их воздействием и занятой продуктами их жизнедеятельности. Изучением ее функционирования также занимался В. И. Вернадский.

Вышеуказанный процесс техносферизации жизни людей, в совокупности составляющих ее внутренних и внешних элементов, привел к созданию особой *технической реальности* – формируемой техническими изобретениями части объективно существующего материального мира, возникшей в результате деятельности человека и ответно воздействующей на него. Техническая реальность противопоставляется рассмотренному ранее понятию «*фантазия*». Осуществленная техническая реальность – это *техническая действительность*. Чтобы стать действительным, реальное должно также соответствовать техническим возможностям своего времени. Этому могут противодействовать уровень развитости человека и технологий, готовность к принятию новых идей, парадигмальность науки. Попытка применения к действительности не способных к реализации в данный исторический период технических изобретений (фантазий) у различных авторов приводит к формированию ими *утопии*.

Ноосферное общество, как следует из учения В. И. Вернадского, может формироваться только в условиях определенной технической действительности, т. е. в техносфере. Однако, несмотря на все попытки, за последние 100 лет ноосфера так и не достигнута. Причина этого видится в невозможности реализации в современной действительности прогнозируемых как В. И. Вернадским, так и его последователями технических изобретений, т. е. фантазий⁹. Следует ли из этого, что ноосфера – это утопия? С точки зрения

⁹ Таковыми являются открытие новых источников энергии, эффективная система народного образования и жизнеобеспечения и т. д. См.: Яншина Ф. Ноосфера В. Вернадского: утопия или реальная перспектива? *Общественные науки и современность*. 1993. № 1. С. 163–173.

современной действительности (и действительности, современной В. И. Вернадскому) – да; и подобные утопии, в том числе основанные на использовании технического потенциала человечества, предлагались неоднократно в разные исторические эпохи. Такими были учения Платона в «Государстве», Т. Мора в «Утопии», Ф. Бэкона в «Новой Атлантиде» и т. д. Играя гуманистическую роль, учение о ноосфере выступает не просто как утопическая концепция, но и как попытка всесторонне обрисовать предполагаемое будущее; как проект взаимоотношений между человеком, техносферой и биосферой, стремящихся к гармонии и проявляющихся на каждом историческом этапе развития человечества.

Следовательно, формирование ноосферного общества, в том числе в России, должно начинаться с изучения категории техносферы, под которой следует понимать техническую действительность на каждом историческом этапе развития человека, формирующую из технических изобретений область использования техники. В техносфере преобразуются биосферные ресурсы с целью: 1) избавления человека от выполнения физически тяжелой или рутинной (однообразной) работы, чтобы, в идеале, предоставить ему больше времени для творческих занятий, и 2) реализации творческого потенциала человека с целью привлечения к себе дополнительного внимания. Проект техносферы есть ноосфера.

Литература

1. Аль-Ани Н. М. Техника и основные исторические этапы ее развития [Электронный ресурс]. URL: // <http://filosof.historic.ru/books/item>
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М., 2004.
3. Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. М.: Книжный Дом, 2003.
4. Пономарев Я. А. Психология творчества. М., 1976.
5. Пуанкаре А. Математическое творчество // Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М., 1970. Приложение III.
6. Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1995.
7. Яншина Ф. Ноосфера В. Вернадского: утопия или реальная перспектива? // *Общественные науки и современность*. 1993. № 1.

«Это даже хорошо, что пока нам плохо» (Культура на фоне кризисов)

Так поют герои «Айболита–66» – кинофильма, инновационного с точки зрения формы (реж. Р. Быков). Российская культура существует сейчас в условиях системного кризиса – социального, экономического, финансового, духовного и т. д. Но в первую очередь это кризис ценностных ориентиров: путаная мифология, невнятное понимание прошлого, противоречивые постулаты социальной реализации (вроде оппозиции Колчак / красные комиссары).

Мы смутно представляем себе свое будущее и ценностные ориентиры, слабо опираемся на научные прогнозы, не чувствительны к скрытым тенденциям социально-психологического развития общества. Поэтому в массовом сознании широко распространены различные эсхатологические предсказания (вплоть до точного указания конца света – 20 декабря 2012 года). В обществе наступил период ценностно-нормативной неопределенности, который формирует неустойчивую картину мира.

В этой картине с достаточной четкостью проявлен, во-первых, экзистенциальный кризис, связанный с переосмыслением роли новейших технологий, особенно в сфере коммуникаций; во-вторых, становится все более реальной катастрофическая энергия распада, которая, сметая все на своем пути, зеркально отражает процессы, происходящие в стране.

В этих условиях значение культуры (особенно художественной), осознание ее места и роли велики. Нужен спокойный, осторожный подход к оценке современных явлений. Культура, по выражению киноведа и культуролога К. Разлогова, как погода – такая, какая она есть. Культура жила и живет по своим законам, но зависит во многом от поступков конкретных людей. Поэтому говорить о «закате» и гибели ее в сегодняшнем кризисном состоянии общества преждевременно, малопродуктивно и, главное, несправедливо.

В отличие от других социальных систем, культура подпитывается кризисными моментами, в такие периоды она эволюциони-

* *Владимир Васильевич Харитонов* – канд. филос. наук, доцент кафедры культурологии и дизайна УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

рует: ищет новые формальные средства и обогащается новым содержанием. Художественная культура не должна стремиться к стабильности; хотя традиции и новаторство в ней уравновешены, но преобладает «страсть к разрывам», что реализуется в нормативной динамике, которую общество незаметно формирует через свои реальные потребности.

Потребностные отношения между социальным и культурным многообразны, и это проявляется, в частности, в том, что кризис социальный и кризис культурный не всегда совпадают. Более того, можно говорить, что они независимы друг от друга. Обратимся, к примеру, к закату «золотого века» Перикла, когда совокупность социально-экономических причин привела Афины к многолетней войне со Спартой и новому, неупорядоченному землепользованию. К тому же в Афинах, как говорят, свирепствовала чума. Однако в те же времена не останавливалась работа строителей и скульпторов на Акрополе, ежегодно устраивались пользовавшиеся грандиозным успехом театральные постановки пьес Еврипида и Аристофана, авторов, ставших впоследствии классиками, устраивались философские симпозиумы Анаксагора и Сократа.

Вернемся на родную «датскую» почву, например в начало XX века. Здесь тоже увидим неоднозначную картину соотношения экономики и культуры. Это был золотой век в экономическом развитии России: по промышленному росту страна стояла на четвертом месте в мире, общая длина железных дорог сравнялась с американскими, по количеству железнодорожного товарооборота Россия превосходила США. Как утверждает академик Ю. Пивоваров, «летом 1912 года в Москве было построено три тысячи каменных пяти- и семиэтажных домов. Они были с лифтами, горячей водой, телефонной связью» [Пивоваров Ю. Историю придумывают историки // Искусство кино. 2010. № 10. С. 26].

Экономическому буму, как мы знаем, соответствовал так называемый «Серебряный век» во всех сферах русского искусства. Интересный факт: в каждом виде творческой деятельности наблюдалось сосуществование полярных художественных направлений. Символизм, акмеизм, футуризм с его многообразными подвидами в литературе не отменили реализма; в изобразительном искусстве – реалисты-«передвижники», «Мир искусства» во главе с А. Бенуа, авангардисты из «Бубнового валета», «Ослиного хвоста», «Союза молодежи». И конечно, такие своеобразные «футуристы», как И. Машков, А. Лентулов, П. Филонов, считали, что братья по цеху находятся в глубоком творческом кризисе. Но, несмотря на противоречия, все это творческое многообразие не мешало благотворно развиваться в целом культуре и искусству.

В осознании изжитости смыслообразующих элементов и исчерпанности приемов и средств, их информационной тупиковости есть необходимый элемент динамики культуры.

Нам, живущим в перманентном кризисе, остается утешаться тем, что, например, в прошедшем году мы получили фильмы А. Федорченко, А. Учителя, А. Попогребского, новые книги В. Пелевина и П. Басинского, новые постановки Л. Додина, Ю. Любимова, К. Гинкаса и др. В Екатеринбурге прошел в 20-й раз Открытый фестиваль документального кино «Россия», демонстрирующий поступательное развитие образного языка документалистики. Биенале современного искусства на производственных площадках Екатеринбурга продемонстрировало современный взгляд на мир.

В 1865 году Л. Толстой писал П. Боборыкину: «Цель художника в том, чтобы заставить любить жизнь в бесконечных, никогда не истощимых ее проявлениях». И с этой точки зрения кризисы могут быть для культуры благотворными.

Л. М. Немченко*

Edutainment как неопросветительский проект

Анализируя современную российскую социокультурную ситуацию, многие философы, социологи, экономисты, действующие политики и культурологи едины в диагнозе, все констатируют кризис. С одной стороны, у российской культуры те же симптомы, что наблюдались на Западе, описанные еще в прошлом веке О. Шпенглером и А. Швейцером (девальвация ценностей, нарушение равновесия между материальным и духовным). С другой – российская история последних двух десятилетий создавала собственные сюжеты, связанные, в первую очередь, с тектоническим сдвигом перехода от советского к постсоветскому. Лотмановская концепция культуры как взрыва объясняет психологический план перехода к новому состоянию. Ю. М. Лотман еще в начале девяностых писал о том, что русская культура осознает себя в категориях взрыва, для которого характерны непредсказуемость дальнейшего развития, «переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества»¹. Особенность российского взрыва, по Лотману, заключается в максимализме общества и его лидеров, в результате чего происходит «полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками»². В финале у нас получилось «деструктурированное общество, *liquid postmodernity*, структура, не способная к самоорганизации и не имеющая общих задач и единых целей»³. Человек, живущий в этой системе, – «атомарное» существо, носитель «негативной идентичности» (Л. Гудков). Неудача в реализации либеральных реформаторских проектов (в 90-е) была связана не только с экономическими причинами, но и с отсутствием внятной объяснительной модели. В качестве основной мировоз-

* **Лилия Михайловна Немченко** – канд. филос. наук, доцент УрГУ им. А. М. Горького и Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992. С. 258.

² Там же. С. 258.

³ Иноземцев В. Л. Что случилось с Россией? От скоротечной перестройки к нескончаемому путинизму [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. 2010. № 6(74). URL: <http://nlobooks.ru/rus/nz-online/619/2123/2135>

зренческой стратегии был избран гламур, как красота, в ее рыночном (дорогом) эквиваленте (интересно, что поэт в России опять оказался провидцем, так, еще в конце девяностых Лев Рубинштейн предположил, что гламур станет государственным стилем), в качестве основных ценностей – ценность успеха, который в определенном смысле требует богатства. Доминантой жизни стала примитивная материалистическая мотивация, результаты которой видны во всех начинаниях, идущих от власти, в конструировании образа успешного человека в СМИ и рекламе, репрезентации практик консюмеризма. Сегодняшнюю Россию, по словам В. Л. Иноземцева, «в основном, населяют люди, желающие есть и спать, зарабатывать деньги и свободно действовать в своем ограниченном пространстве»⁴. Ограниченные пространства – это легитимные пространства различных субкультур, единственное, пожалуй, неоспоримое приобретение последних двадцати лет. И именно в этих пространствах происходят любопытные изменения, доказывающие непрерывность культурных традиций, в частности, просветительских.

В последнее время в блогосфере появились ресурсы, предлагающие образовательные программы в, казалось бы, абсолютно знакомых каждому советскому человеку формах – в виде публичных лекций. У этой новации есть свое название – edutainment. Edutainment (education – образование + entertainment – развлечение) – новая культурная практика, направленная на генерацию и обмен знаниями. Ее девизом вполне могла бы стать формула Л. С. Выготского «поучать, развлекая». Edutainment – своеобразное соединение советских просветительских традиций с гедонизмом современной потребительской культуры. Почему возрождается интерес к просветительским проектам? Просвещение – одна из мощнейших моделей культуры, в первую очередь, европейской, за два века своего существования выступала и как теория, предмет философских штудий, и как социокультурная практика, выработавшая ряд технологических приемов, направленных на «расколдовывание» мира. Упущенная 20 лет назад возможность общегосударственного проекта объяснения целей и задач развития страны, а вместе с ней и стратегий «взросления», реализуется сегодня в новых организационных формах не как «просвещение “сверху”», а как «просвещение “снизу”». Появились группы инициативных молодых людей (Иосиф Бакштейн, Даниил Дондурей, Глеб Морев и др.), которые спокойно чувствуют себя в потребительском мире, хорошо знакомы с критикой Просвещения в XX столетии (Адорно и Хоркхаймер) и при этом вводят моду на знание, на «интеллектуализм как личный аристократизм... и умение отслеживать содержатель-

⁴ Иноземцев В. Л. Указ. соч

ные коды»⁵. Это знание, по преимуществу гуманитарное, в котором производятся смыслы, распространяется в среде свободно мыслящих людей, объединенных интересом и уважением к интеллектуальному труду. При этом формат новой практики предполагает понимание обучения как способа весело и полезно провести время. Любой желающий может посетить лекции, семинары, мастер-классы, информация о которых выкладывается в интернет-ресурсах. Одним из первых таких ресурсов стал образовательный сайт «Теории и практики» (Theory&Practice, theoryandpractice.ru). Деятельность этой институции началась в 2009 году, сайт интегрировал информацию о московских публичных лекциях, затем «Теории и практики» появились в Санкт-Петербурге, с прошлого года – в Екатеринбурге (в нашем городе этот проект ведет студентка кафедры эстетики, этики, теории и истории культуры УрГУ Настя Кандоба). Пользователи собирали команду и самостоятельно создавали Т&Р в своих городах. При этом отдельный пользователь сайта может добавлять события в любой существующий город, а команды нужны для того, чтобы контролировать этот процесс, поддерживать качество анонсов. На сегодняшний день проект существует в 15 городах России и стран СНГ. Если поначалу Т&Р занимались навигацией информации, то сегодня московские и петербургские отделения могут создавать собственный контент, заручившись поддержкой большого бизнеса. Среди партнеров проекта – компании Intel, Sony Ericsson, Samsung. Аудитория проекта – в основном горожане, у которых, как пишут организаторы, «достаточно времени, денег и мотивации, чтобы заниматься самообразованием на досуге»⁶. При этом площадкой для образования «может стать любое пространство: бар или клуб, галерея, студия, офис, кафе, лекторий, парк»⁷.

Стратегию и философию edutainment исповедуют не только «Т&Р». Междисциплинарная образовательная программа Yota YES LECTURES (yeslectures.ru), созданная интернет-провайдером Yota, стартовала в июле 2010 года, она делает ставку на «живое» лекционное общение экспертов в различных областях культуры, но для тех, кто не может попасть на лекцию, транслирует ее в сети. Одним из первых лекторов проекта был Юрий Норштейн, выступивший в Михайловском театре.

Естественно, что благодаря Интернету самообразование вышло на другой уровень. Можно говорить о традициях американского

⁵ Бакштейн И., Дондурей Д., Морев Г. Завершилась ли эпоха Просвещения? [Электронный ресурс] // URL: <http://kinoart.ru/2008/n1-article2.html>

⁶ <http://theoryandpractice.ru/pages/advertisement>

⁷ Там же.

фонда TED (Technology Entertainment Design – Технологии, развлечения, дизайн), который с 1984 года проводит конференции, посвященные важнейшим проблемам современной культуры (в широком смысле этого слова), последние двадцать лет они выставляются в сети, а с 2009 года и Россия принимает участие в этих проектах, правда, пока участвуют только два города – Москва и Пермь. По принципу соединения образования и развлечения строится работа Московского философского колледжа (<http://www.runiver.net/help>), который позиционирует себя как альтернативная площадка свободного (лекции и семинары проводятся бесплатно), веселого обучения. И все это происходит на фоне сильно упавшего качества официального образования.

Практика эдьютейнмента в современной России – одно из немногих оптимистических событий последних десятилетий. Ее укорененность в традициях Просвещения с его культивированием знания, ценностями свободы и свободного выбора, с одной стороны, и использование новых технологий, предоставляющих эту свободу выбора (функционально, содержательно, ментально), с другой, делают эту практику практикой сопротивления стандартам, навязанным СМИ и другими агентами массовой культуры. Это сопротивление порождает особую среду, в которой могут происходить изменения, вопреки утверждениям руководителя «Левада-центра» Льва Гудкова, что российский человек не верит, что может жить иначе.

В. А. Летова*

Поиски культурной идентичности в условиях смены ценностной парадигмы

Подведение итогов двадцатилетних преобразований в России обращает к их истокам и целям. Первостепенным явилось стремление к свободе, духовному развитию личности, межкультурным контактам, развитию творчества, наук, в том числе гуманитарных, искусства. Дорога вела все-таки к Храму.

Впоследствии система координат изменилась, дорога скрылась в тумане и стала напоминать тупик Свобода, утратив основы и цели, превратилась в произвол, свободный выбор между многочисленными желаниями, стремлениями, мотивами, а основной целью стал комфорт и его составляющие. Уравнивание ценностей, их диффузия, исчезновение четкой грани между добром и злом, прекрасным и безобразным, размывание нравственных критериев – все это превратило свободу в чисто внешний выбор, лишив ее духовного содержания.

Но такая свобода превращается в неопределенность, хаотичность, когда невозможно что-либо понять когда расплывчатым становится смысл. «... Абсолютная духовная безграничность, казалось бы, сулит человеку неисчерпаемое богатство, в действительности лишает его всякой внутренней опоры, опустошает и растворяет его существо. Из чистой, бесформенной потенциальности нет исхода, нет перехода к позитивному принятию решений. Абсолютный произвол равен для человека абсолютному бессилию, поскольку лишает его твердой почвы под ногами. В качестве абсолютного принципа элементарная свобода сама по себе оказывается демоническим потенциалом небытия и саморазрушения»¹.

Для русской культуры всегда было характерно стремление к Абсолюту, высшему, сакральному, религиозные поиски переходили в не менее страстный атеизм и сакрализацию Общества, Истории, а порой и Свободы. Но неизменным оставалась ценностная вертикаль, духовные приоритеты, относительное, повседневное, бытовое никогда не было самоцелью, порой даже и в ущерб спокой-

* **Вера Анатольевна Летова** – ст. преподаватель кафедры культурологии и дизайна УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

¹ Франк С. Л. Легенда о Великом инквизиторе // О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие. М.: Молодая гвардия, 1991. С. 248.

ному, комфортному существованию. Стремление к Абсолюту определяло возвышенные, порой утопичные, но всегда значимые цели общественного и личного существования.

«Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы»².

Соборность сочеталась с поисками нравственной чистоты, нравственным максимализмом, идеей общественного служения, которой следовала интеллигенция как царской, так и советской России. Интеллигенция исповедовала идеи патриотизма, служения народу, борьбы за отстаивание своих идеалов. «... Как только русская философия начинала касаться отдельной личности, то есть ставить этические вопросы, то они сразу превращались в идеологию этого общественного подвижничества и героизма»³.

В советской культуре произошла абсолютизация общества в ущерб личному развитию, неповторимости внутреннего мира человека, его духовному развитию. Но, прорываясь сквозь запреты, человек утверждал необходимость идеалов, духовных ценностей, собственного мнения, не утрачивая идею единства, взаимопомощи и принадлежности к своей стране и своему народу.

Борьба с недостатками постепенно привела к отрицанию истории, культурной идентичности, усилению негативного начала в понимании человека, утрате чувства патриотизма, десакрализации культуры. Копирование западных ценностей, часто воспринимаемых вне контекста культуры, некритически, порой ставит цель изменения русской ментальности, разрушения традиций, навязывания западных стереотипов.

Вместо ценностей общественного служения («Дело, которому ты служишь», «Я отвечаю за все» (Ю. Герман)) идеалом становится личный успех, идея американского прагматизма, ставящая на первое место деловитость, коммуникабельность, рассудочность, постепенно нивелирующая глубинные стороны человеческого существования.

Врач должен быть в первую очередь успешным человеком, а его дело – это способ достижения успеха. Идея соборности постепенно заменяется эгоизацией и атомизацией. В связи с новой парадигмой человека возникают новые стандарты воспитания и образования, которые копируют уже устаревшие стандарты за-

² Достоевский Ф. М. Великий инквизитор // О Великом инквизиторе: Достоевский и последующие. С. 31.

³ Лосев А. Ф. Основные особенности русской философии // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 510.

падной культуры. При этом разрушается система ценностей российской культуры, система гуманитарного знания, упрощая человека и превращая его в потребителя, отнюдь не интересующегося своим собственным духовным развитием, да и развитием собственной страны.

Образование, в связи с потребительскими идеалами, уже не нацелено на формирование думающей личности, отстаивающей свои идеалы, за которые имело смысл бороться. Оно вообще отрицает всякую систему ценностей. Духовная вертикаль полностью заменяется горизонталью, бытом, повседневностью. По утверждению министра образования и науки А. Фурсенко, «метапредметный подход оптимален для воспитания человека ищущего, свободного в своих взглядах, того, кто будет создавать новое знание. Компетентностный ориентирован на людей ведомых, тех, кто будет грамотно и эффективно работать в уже известных и отлаженных областях экономики и сферах жизни. Нам нужны и те и другие»⁴.

Но приоритетным остается компетентностный подход, фактически навязываемый современной средней и высшей школе. Аналогична тенденция превратить искусство в сферу обслуживания, лишая его высокого духовного предназначения, которое оно имело и в царской и в советской России.

Задача воспитания «ведомых» как-то не очень сочетается с идеей свободы, да и стоило ли критиковать «тоталитарное» советское общество, где человек все же стремился отстаивать свои идеалы, боролся за их реализацию, за отсутствие свободы, заменив его на потребительское общество. И вместе с уходящей эпохой, культурой уходят настолько яркие личности, что заменить их практически нечем, а интеллигенция как совесть нации становится необычайно редкой.

В связи с разрушением системы старых ценностей и отсутствием новых, резким снижением значимости нравственных критериев, почти полной десакрализацией культуры, основным способом регулирования отношений между людьми становится право. Нравственные нормы заменяются правом.

«Внешние взаимоотношения людей (как эмпирических индивидов и субъектов произвола) в предельной перспективе регулируются только принципом *свободы* – всякий человек волен делать то, что ему угодно... если это не препятствует такой же свободе любого другого субъекта. Принципиальной границей является, таким образом, граница субъективного произвола, стало быть, чисто внешний, правовой предел. Понятно, какую важность должны приобрести правовые нормы во всяком обществе, где другие объек-

⁴ ЛГ. 2010. № 44. (3–9 ноября). С. 12.

тивные (традиционные или нормативные) поведенческие критерии не способны навязать свою власть индивиду и где убеждения остаются *чистой областью личной совести, единственно способной положить внутренние пределы внешнему производству*⁵.

Опять же, значимыми становятся идеи демократии, гражданского общества, которые строятся по западным стандартам. Сохранение культурной идентичности требует следования традициям, отказа от разрушительной стихии, признания значимости советской культуры как этапа развития российской культуры в целом, имеющего не только негативное значение. Смена системы координат должна не уничтожать духовную вертикаль, заменяя ее потребительской свободой, а придать ей еще большую значимость, способствующей духовному, глубинному существованию человека и общества. Горизонтальный мир, мир без абсолютов, увы, обречен на деградацию, это общечеловеческие проблемы.

«Попытка прорваться за пределы принципиально горизонтального и потому двухмерного мира XX века оборачивалась провалом – путь вверх вел вниз: вместо небоскреба Хлебникова получался котлован Платонова – яма в бытии, ставшая ему могилой. Массовое общество обтекает землю как океан... Оно растекается по поверхности полого шара, не имеющего истинной глубины. Те, кто в детстве играл с лентой Мебиуса, имеющей только одну сторону, могут себе представить эту топологическую ловушку, реализовавшуюся и в социальном, и в культурном пространстве нашего века»⁶.

⁵ Столяров А. А. Свобода воли как проблема европейского морального сознания. М., 1999. С. 204.

⁶ Генис А. Вид из окна // Театр абсурда. СПб., 2005. С. 199.

А. В. Косов*

Современное мифосознание в рамках философско-культурологической парадигмы

Очередная, современная нам, ломка прежних экономических, политических и идеологических стереотипов требует такого же радикального изменения сложившейся у людей картины мира со всеми ее ориентирами, что не может не сопровождаться массовой социальной невротизацией, одна из особенностей которой (не ликвидирующей, а усиливающей социально-невротическое состояние общества) – неопределенность, несформированность новой идеологии (схематизированной «картины будущего мира»), а другая – отсутствие указаний на конкретного «врага», направляющих ход эмоциональных процессов и действий.

Стремление к определению своего места в мироздании, к постижению смысла своего бытия сыграло определенную роль в возникновении религиозного чувства и различных форм религиозных представлений. Поразительная устойчивость мифов (во всех их видах и формах), сохранявшихся даже тогда, когда это мировоззрение уже не соответствовало уровню достигнутых знаний, говорит о том, что такие схемы удерживались не столько потому, что помогали понять мир, сколько потому, что позволяли сохранить уже сложившиеся субъективные, внутренние картины мира.

Более сложные формы мировоззрения, чем оформленные мифосознанием (хотя, по сути, те же мифы!), – идеологии, особенность которых состоит в том, что они не только формируют картину мира, но и указывают оценочные ориентиры: добро – зло, прогрессивно – реакционно и т. п., тем самым регулируя эмоционально-духовное состояние человека. Идеология дает своим приверженцам ощущение сопричастности (с единомышленниками, единоверцами), одновременно способствуя социальной отгороженности от всех прочих (иноверцев, инакомыслящих).

Архаическое мышление (то, из чего «вырос» человек, и то, что порой возвращается к нему в форме психологической защиты)

* **Александр Владиславович Косов** – канд. психол. наук, доцент кафедры социальной и организационной психологии Калужского государственного ун-та им. К. Э. Циолковского (г. Калуга).

строится на принципе «жесткого» детерминизма. В нем (архаическом мышлении) нет ничего случайного: все со всем связано сакральными – мифическими – отношениями; кроме того, для архаической психологии характерна и нечувствительность к логическим противоречиям. Указанное сочетание примитивного детерминизма с нечувствительностью к противоречиям рождает еще одно свойство архаической психологии: магическое мышление. Именно архаическая психология характеризуется коллективностью мышления, что отвечает потребности индивидов во взаимной сопричастности, а для коллективного мышления единодушие важнее истины. Инакомыслящий воспринимается как «нарушитель спокойствия», как враг, что способствует удовлетворению потребности в отгороженности (ксенофобический аффект).

Легче и чаще всего это происходит в ситуациях неопределенности и опасности, в растерянности, тревоге и страхе. Тогда и возникает потребность в мифе и его конкретном воплощении в какой-либо неординарной личности – вожде, создающем «психотерапевтический миф» – картину мира и концепцию желаемого будущего. Выдвигаемая концепция (в форме идеи или лозунга) может быть вполне мифической, и «реальность» ее для нуждающихся в упорядоченной «картине мира» базируется на действии еще одного психологического защитного механизма: неосознаваемой потребности обосновывать разумными или морально приемлемыми мотивами нечто иррациональное или морально неприемлемое.

Такое эмоциональное состояние в обществе возникает тогда, когда социальная обстановка изменяется настолько существенно и быстро, что эти изменения превышают, видимо, пределы скорости психологической адаптации общества к переменам.

На изломах времени (условных временных переходах, например в миллениумах), а также в условиях дефицитарной экономики и дефицитарной информационной системы, при отсутствии в существующей стране культуры, которая не пропагандировала бы (а вкупе со светской литературой той же направленности – и при отсутствии альтернативных направлений) культа страданий, за которые, возможно, когда-то и где-то воздастся, – создаются идеальные условия для развития именно мифосознания как формы сознания, опирающейся почти исключительно на эмоциональную сферу личности.

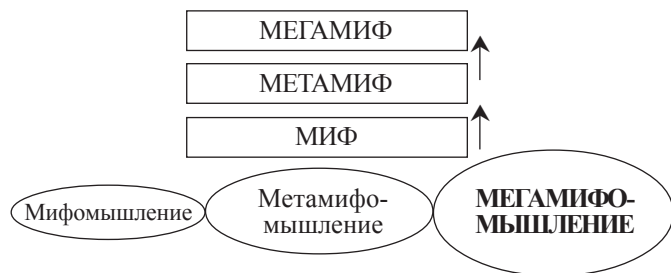
Всеобщий страх, смятение и растерянность, видимая бессистемность внешних воздействий не дают возможности определить линию целесообразного поведения, гарантирующую личную безопасность. Это приводит, в качестве тотальной психологической защиты, к снижению уровня сознания и включению психологических механизмов примитивизации, которые основываются на ирра-

циональной, по существу мистической, вере в некую «высшую мудрость», характерную для архаической психики. Отсюда и мифологизация – иррациональная, не нуждающаяся в доказательствах вера в таинственное всеведение и непогрешимость. Сниженный уровень сознания содействует оживлению примитивного мистического детерминизма, когда никакая социальная неудача, частное упущение – не случайны, а воспринимаются как результат происков неких «врагов». Черты архаической психики проявляются также в деиндивидуализации личности, в растворении собственного «Я» в массе, в потребности единодушия, при этом массовый конформизм – не только норма поведения, но и замена нравственных норм. Это – акт бессознательной психологической защиты, направленной на сохранение целостности своего «Я» (психологический защитный механизм в форме «окаменения» прежней картины мира и инкапсуляции (замуровывания) себя в ней). Одним из источников ремифологизации является «полузнание». Таким образом, ремифологизация, как универсальный процесс, является одной из конкретных форм экспансии обыденного сознания, в связи с чем большое значение в возникновении и развертывании современных процессов ремифологизации сознания играет, в частности, уязвимая и пассивная позиция отчужденного человека.

Функции мифомышления и мифосознания – в обеспечении современного адаптивного поведения, под которым нами понимается типическое поведение, не противоречащее (соответствующее) в основе своей основным поведенческим законам (законам общественного развития) и социально поощряемое. При этом необходимо учитывать, что многие социальные действия (несмотря на то, что социальным действием становится при условии сознательности и ориентированности на фактическое или возможное поведение других людей) находятся на грани осмысленного поведения, а осмысленность поведения желательна, но часто невозможна. Массовое социальное поведение является плодотворной почвой для мифотворчества, подразумевая необходимость вычленения ориентиров-ценностей как для индивида, так и для масс, закономерно управляя поведением с помощью мифов как моделей реальности, формирующих социальную картину мира для носителей и потребителей.

Противоречие между реальной и магической деятельностью приводит к обособлению двух путей мыслительной деятельности: реального и мифического (магического) мышления (первой формы религиозного сознания), а мифологический образ мыслей предполагает и мифологический же образ действий человека в мифологизированном мире. Таким образом, мифосознание – одна из наиболее распространенных (из-за упрощенности и универсальности применения) форм обыденного сознания. Существуют скрытые и

явные мотивы проявления (применения) механизмов мифомышления. Кроме того, развитие мифа и масштабного мифомышления связано со степенью сформированности и развитости мифа (это обеспечивает способность мифа к поглощению других, например ранее существовавших, мифов и/или создавать новые, более эффективные мифологемы (формы) (см. рисунок).

Дисбаланс когнитивной и ценностной составляющих приводит, на наш взгляд, к активизации охранительных функций мифа, отсюда – основная функция социального мифа (актуализированная) – охранительная, исключая процесс осознания (и как результат – осознание) степени реальности (реалистичности), масштабов, структуры и смысла опасности (серьезности положения).

Первобытное мифомышление приводит эволюционно к проявлению аналитических навыков, с последующим появлением науки (гипотезы, теории, уточнения, алгоритмичность, рациональность) и составлением онаученной картины мира. Впоследствии те же процессы приводят к активизации и превалированию того же мифомышления, но на новом этапе, когда человечество, накопив очень много информации и будучи не в состоянии ее переработать и алгоритмизировать, вынуждено (в связи с этим) принимать многое на веру, без анализа, целиком... Это мифомышление (в отличие от примитивного прамышления), как принципиально новый уровень, подразумевает работу с мега- и метамифами и высокую степень алгоритмизации мыслительного процесса в эпоху глобализации, а одно из важнейших свойств мифомышления – спонтанность проявления, обеспечивается полинаправленностью (полимодальной средовостью) мифосознания.

Примером метамифа может служить современная религия, когда «верующий» человек, обладающий достаточными, с точки зрения формальной логики, знаниями для дальнейшего познания окружающего мира, по той или иной причине не может и/или не хочет этого делать. Его вполне устраивает догматичная (во многом

символическая и нереальная) картина мира, предлагаемая ему церковью (любой конфессии и веры). Нам кажется правомерной возможность назвать этот тип поведения – поведением с виртуальным внешним контролем. Пока неизвестно, что именно служит побуждением к переходу человека в это состояние. Причинами могут быть как информативная, так и эмоциональная перегрузка, нежелание (из-за возможности снижения собственной значимости, невозможности реализовать свои амбиции, ненахождения своего места в жизни) принять и понять многие события реальной жизни, и прочее.

Мегамиф двойствен по своей природе. С одной стороны, он велик, так как включает в себя религиозные и другие формы (и не одну) познания мира, с другой стороны, он уже более лично направлен, чем первобытный миф, не вычленявший не только роль человека в мире, но и его самого из неизведанного, странного и непонятного (поэтому и непознаваемого) мира, ведь современная религия, являясь эволюционным преемником примитивного мифа, уже, тем не менее, и есть способ познания мира, во многом соседствующий с наукой.

О значении логики в постсоветской России

В периоды общественных бурь и потрясений подвергаются сомнению многие, считавшиеся само собой разумеющимися «прописные» истины. Некоторые из них не выдерживают испытания временем, иные переживают не один кризис и вновь обретают свой статус по мере их преодоления. Истинность утверждения, что знание основ логики необходимо образованному человеку, сегодня уже не ставится под сомнение, однако далеко не в каждом вузе, тем более школе, восстановлено или введено ее преподавание даже в форме спецкурса или факультатива.

Право логики на существование в качестве самостоятельного учебного курса обосновывается с использованием традиционных аргументов в большинстве вышедших за последние два десятилетия пособий по этой дисциплине. Например, проф. Ю. В. Ивлев указывает: «Изучение логики – наиболее продуктивный способ формирования и повышения... культуры мышления... Она предоставляет логические средства для точного выражения мыслей, без чего оказывается малоэффективной любая мыслительная деятельность...» [1. С. 3]. «Разработав и обосновав приемлемые способы рассуждений, логики надеются, что ими будут пользоваться в науке, культуре, в общении друг с другом, а возможно, они будут переданы компьютерным системам» [2. С. 10], иначе говоря, «знакомство с логикой имеет не только общекультурное значение», важно и то, что «знание и корректное использование строгих логических процедур является необходимым элементом... профессиональной деятельности» [3. С. 6]. Можно констатировать, что подобный строгий, академичный способ аргументации отнюдь не потерял актуальности и убедительности, и все же хотелось бы увидеть, достаточно ли громко звучит голос логиков, слышит ли их общество в новых условиях постсоветской России?

В 1960–1980-е годы к мнению логиков прислушивались, но в силу идеологического контроля акцент был сделан на применении логики в технике и других науках. Так, проф. А. И. Ракитов отмечал, что введение логики «в обязательную программу университетов,

* *Петр Алексеевич Костин* – ст. преподаватель кафедры философии Российского экономического ун-та им. Г. В. Плеханова (г. Москва).

ряда технических и экономических вузов значительно увеличило интерес к исследованиям, связанным с применением понятийного и технического аппарата логики, а также существенно расширило круг лиц, способных воспринимать результаты таких исследований или участвовать в них» [4. С. 171]. Преподавание формальной логики не воспрепятствовали даже санкционированные властями попытки распространения и насаждения так называемой «диалектической» логики как учебной дисциплины. Диалектическая логика, отличавшаяся «крайне неопределенными представлениями о собственном содержании и предмете», не являлась «приемлемой системой правил мышления» [5. С. 59] и в силу данных обстоятельств так и не вытеснила окончательно формальную логику из учебных планов.

Крах всех механизмов, воспроизводящих общественную жизнь, в 1990-е годы, когда «разброд и безумие» правили бал [6. С. 14], проявился и в разломе «культурно-образовательного пространства» [Там же. С. 12]. Именно тогда философам, не отвернувшимся от изменившейся действительности, пришлось иметь дело «с предметами весьма разнообразного характера» [7. С. 19]. Рушились привычные устои жизни, уходили в прошлое советские идеалы, традиции, ритуалы, менялись привычки людей, новая жизнь парадоксально сочетала фрагментированные остатки дореволюционного и советского наследия с заимствованиями или имитацией явлений массовой культуры Запада и Востока. Общественное сознание проходило «ломку», трудно давалось осмысление происходящих в России процессов, не было здесь согласия ни по отношению к прошлому, ни по отношению к будущему.

Невнимание к логике в этот сложный период существования российского общества обошлось ему особенно дорого. Возможно, новое содержание не оказало бы столь шокирующего воздействия на общественное сознание рубежа XX–XXI веков, если бы оно усваивалось посредством готовых форм организации материала, которые и призвана предоставлять логика. «Предметом формальной логики являются формы мышления и его законы, которые отражают самые обычные отношения вещей, то есть формы и законы мышления, которые постоянно... применяются в... деятельности людей. Огромное значение этих форм и законов мышления заключается в... повседневности их применения. Здесь уместно... вспомнить проводимую Энгельсом аналогию между формальной логикой и низшей математикой» [8. С. 7]. По справедливому замечанию Я. С. Яскевич, «всякая логическая операция имеет практическую природу. Именно в практике человек сталкивается, например, с необходимостью выделения, расчленения, соединения объектов... Такие операции постепенно превращаются в особые

приемы и методы мышления» [9. С. 7]. Способностью логически оперировать понятиями, суждениями, умозаключениями, характеризующими явления и процессы действительности и их отношения, можно овладеть, лишь изучая основы логики.

Согласно акад. В. С. Степину, в постсоветской России наблюдается «понижение уровня рациональности в культуре», уменьшается влияние науки на общественную жизнь. «Соответственно новому стилю жизни сформировался тип сознания, который обслуживался массовой культурой и воспроизводился при ее участии – “клиповое сознание”. Для него характерно, что образы, отдельные мысли и фантазии произвольно группируются и системно не организованы. Клиповое сознание внешне выступает как свободное мышление» [10. С. 111]. «Тот, кто логически менее подготовлен, обычно совершает больше ошибок в самостоятельном мышлении и умозаключениях» [11. С. 97], редко оказывается способен проанализировать высказывания другого, обнаружить логические ошибки, уловки. Следовательно, носителями «клипового сознания» легко манипулировать, поскольку они полагают, что можно мыслить, нарушая законы логики. Они готовы выдвигать и отстаивать собственное мнение, игнорируя опровергающую аргументацию.

Носители данного типа сознания многим «обязаны» мыслителям-постмодернистам, потерпевшим поражение в собственно философских спорах, но преуспевшим в организации идеологических, пропагандистских кампаний, в том числе в средствах массовой информации. Формирование массового «клипового», «алогичного» сознания произошло при деятельной поддержке тех философов, что, подобно софистам, попирали законы логики в своих произведениях, выступлениях, интервью, рассчитанных на гигантские аудитории. Логическое и рациональное нередко разводятся в их сочинениях. До тех пор, пока сознание читателя не будет перестроено на «клиповый лад», ему трудно будет положительно оценить, к примеру, даже такую трактовку соотношения логического и рационального, которая содержит лишь намек на их различие: «Логические теории не покрывают всей области рационального», но это не означает, что «существует рациональное как алогичное», пусть даже и «в отдаленном будущем не произойдет полного отождествления логического и рационального» [12. С. 211].

Все сказанное выше о необходимости изучения логики касается лишь основ элементарной логики, курс которой может быть практически беспроблемным. В этом курсе, например, можно ограничиться изучением традиционной двужначной логики и не рассматривать проблемы многозначных вероятностных логик, так как пока удовлетворительно интерпретировать предложения многозначных логик с оценками истинности в виде дробей, «как и сами оценки, а

равно и логические знаки, их связывающие, не удастся» [13. С. 97]. Именно по пути упрощения языка изложения идут крупнейшие представители влиятельного направления современной философии – философии сознания, наследницы аналитической философии, и тем привлекательнее становится метод строгого логического анализа и интерпретации явлений действительности.

В заключение хотелось бы снова подчеркнуть роль логики в решении проблем, стоящих сегодня перед нашим обществом. Основным ненасильственным средством урегулирования общественных проблем является дискуссия. «Плодотворная дискуссия предполагает уяснение предпосылок, четкость аргументации, ясность и точность в формулировке отстаиваемого тезиса, а также соблюдение личностно-психологических норм...». Будущее нашего общества «во многом зависит от умения организовать плодотворный, эффективный, перспективный диалог» [9. С. 117].

Литература

1. Ивлев Ю. В. Логика. М., 1992.
2. Смирнова Е. Д. Логика и философия. М., 1996.
3. Бочаров В. А., Маркин В. И. Основы логики. М., 1998.
4. Ракитов А. И. Курс лекций по логике науки. М., 1971.
5. Павлов А. Философия в Московском университете // Философский факультет МГУ. Очерки истории. М., 2002.
6. Михайлов Ф. Т. Образование как философская проблема // Вопросы философии. 1995. № 11.
7. Войшвилло Е. К. Понятие. М., 1967.
8. Маковельский А. О. История логики. М., 2004.
9. Яскевич Я. С. В поисках идеала строгого мышления. Минск, 1989.
10. Куда идет российская культура? СПб., 2010.
11. Гжегорчик А. Популярная логика. М., 1972.
12. Грязнов Б. С. Логика, рациональность, творчество. М., 1982.
13. Домбровский Б. Т. Примечание переводчика // Твардовский К. Логико-философские и психологические исследования. М., 1997.

Д. В. Пивоваров*

Атеизм и депопуляция

В данных тезисах речь пойдет о таких кризисных явлениях в западноевропейской и российской жизни, которые хорошо известны и узким специалистам, и широкой общественности, но которые обычно не афишируются и не учитываются в официальных прогнозах будущего России.

По словам Ф. Бэкона, «атеизм подобен тонкому льду – один человек пройти сможет, а народ непременно провалится в бездну». Адам Смит не зря предупреждал: «С ростом благосостояния происходит падение рождаемости». В этой формуле Смита обозначено объективное противоречие между тенденциями социально-экономического прогресса и популяционного регресса. В книге «Закат Европы» О. Шпенглер пророчески предвидел вырождение христианской духовности в материально окостеневшую цивилизацию. Если в середине XX века европейцем был каждый пятый житель Земли (21, 6 %), то, по прогнозам демографов, к середине XXI века европейцем, вероятно, будет лишь каждый пятнадцатый (7,5 %).

Хорошо известно, что, в отличие от прежних веков, нынешнее вымирание коренных европейцев не вызвано войнами, болезнями, голодом или бедностью. Многие христианские философы считают, что беспрецедентная депопуляция в США, Европе и России является следствием научно-технического прогресса и сопряженного с ним культа бездуховного материалистического атеизма. В свое время образ жизни «хлеба и зрелищ» вызвал депопуляцию и гибель Древнего Рима. Та же бесславная участь самоистребления через добровольный отказ от нормальной рождаемости, по-видимому, уготована к концу XXI века европейской цивилизации. Тут уместна мысль Ф. Ницше: «Безумие единиц – исключение, а безумие групп и партий, безумие целых народов и времен – правило».

Из-за постоянной депопуляции Европа теряет сотни миллионов жителей. Считается, что когда суммарный показатель рождаемости в какой-нибудь стране опускается ниже числа 2,2 рождения на женщину (в ряде европейских государств это случилось еще в XIX веке), то у ее народа больше нет достойного будущего. Утра-

тив великую трансцендентную идею, поощряющую рост популяции, европейская цивилизация обрекла себя на самоубийство. Известный историк-американист А. И. Уткин заметил: «Сегодня западный мир превосходит западный по численности в пять раз; и будет превосходить в 2050 г. в десять раз» (Уткин А. И. Подъем и падение Запада. М., 2008. С. 392).

Идеология западного либерализма зиждется на тщетной вере, что возможна полноценная жизнь без Бога, что государственное правосудие самодостаточно и что научно-технический прогресс сам по себе разрешит все человеческие проблемы. Атеистический либерализм, воспевая свободу и демократию, поощряет гражданскую религию гуманизма, индивидуализм, эгоизм, власть денег, зависть бедных к богатым, мечту о богатстве, тотальную формализацию общественных отношений. «Золотой миллиард» ради собственного благополучия загрязняет природу и более всех повинен в планетарном экологическом кризисе. Высокий уровень жизни позволяет жителям стран «золотого миллиарда» безбедно жить, не обременяя себя тяжким трудом. По разным официальным данным, от 20 до 40 % молодых европейцев вообще не желают устраиваться на работу.

Отказавшись быть «рабом Божиим», среднестатистический европеец стал добровольным рабом денег. Он руководствуется риторическим вопросом-девизом: «Если ты такой умный, то почему ты такой бедный?!» Смысл его существования – неограниченное материальное потребление, а дети – лишняя обуза. В современной европейской культуре насаждаются гомосексуальные нормы поведения, пропагандируется «свободная любовь», поощряются прочие извращения. Приоритетными сакральными идеалами в культуре постмодерна являются «рынок», «демократия» и «потребление». Тотальная демократизация политической жизни ведет к торжеству плутократии.

Кризисы в мировой экономике сигнализируют о необходимости решительного пересмотра этих сомнительных приоритетов. Все более очевидна ложь тезиса о капитализме как самом прогрессивном пути развития человечества. Но даже абстрактную возможность ревизии западных ценностей жрецы либерализма расценивают как ужасное святотатство. В современной отечественной культуре между собой конкурируют русский традиционализм, коммунистическая доктрина и либеральная доктрина. Однако пока эти три одинаково сильных идеологии только мешают друг другу, не образуя через кооперацию органической целостности.

Один из главных факторов депопуляции – массовая смена деревенского образа жизни на городской. У значительного числа мужей и жен в Европе (в особенности в больших городах и мегапо-

* *Даниил Валентинович Пивоваров* – д-р филос. наук, профессор, завкафедрой религиоведения философского ф-та УрГУ им. А. М. Горького, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Екатеринбург).

лисах) уже нет традиционной потребности в многодетности, и рождаемость во многих семьях сокращается вплоть до бездетности. Идеология феминизма ставит целью освободить женщину от всех религиозных запретов, дать ей равные права с мужчиной. Возникает «унисекс»: женщины в профессиональном и бытовом отношении становятся похожими на мужчин, а мужчины существенно феминизируются. Но ведь своей биологической природой женщина призвана продлевать человеческий род!

У большинства европейцев есть все материальные условия для их успешного семейного развития, однако многие из них – по материальным соображениям удобства – не хотят становиться родителями, иметь больше детей. Сравнивая семьи в странах Востока и Запада, демографы однозначно приходят к выводу, что у бедных жителей Востока воля к воспроизводству потомства гораздо выше, чем у богатого населения Запада. Народ, не способный биологически воспроизвести себя в условиях «развитого капитализма», не в силах сбросить свою свободу, территорию, государственность, культуру.

Болезнь низкой рождаемости европейцев, вероятно, есть следствие их «плотного» образа жизни. Депопуляцию в развитых странах невозможно остановить никакими экономическими методами (модернизацией материального производства, повышением жизненного уровня населения, улучшением медицинского обслуживания и пр.). На уровень массовой рождаемости решающее влияние, очевидно, оказывает только один фактор – желание будущих родителей заводить детей.

В отличие от адептов западного образа жизни, носители ислама культивируют привлекательную идею светлого будущего и умножают свое потомство. Большинство из них считают неразумным искать высокий смысл жизни в расширении своего материального производства и ненасытном потреблении товаров. Для них куда важнее продлить себя в детях («Плодитесь и размножайтесь!» – требует Писание) и продолжить жизнь рода человеческого.

Среднестатистический уровень рождаемости в Африке – 5,3 ребенка на каждую женщину. Сейчас в Африке 1 млрд жителей, а к 2050 г. будет 2 млрд. Численность населения Африки вдвое превышает популяцию Европы, а к 2050 г. африканцев станет в четыре раза больше, чем европейцев. Сравните: естественный прирост населения в странах Европейского союза (там сейчас 500 млн чел.) в 1994–2006 гг. составил 19 миллионов человек, причем на 80 % он был обеспечен иммигрантами. К середине XXI века в Индии будут проживать 1 614 млн чел., в Китае – 1 417, в США – 404, Пакистане – 335, Нигерии – 289, Индонезии – 288, Бангладеш – 222, Бразилии – 219, Эфиопии – 174, Конго – 148. Параллельно воз-

растают масштабы международной миграции неевропейцев. Сейчас в индустриально развитых странах переселенцы составляют 10 % населения; на долю Европы приходится 33 % международных мигрантов, на долю США – 20 %, на долю России – 6 %.

Основная причина мусульманской плодовитости – в культурных традициях ислама. Мусульмане исповедуют особую традиционалистскую веру, находящуюся на подъеме, и испытывают отвращение к вырождающейся европейской светской культуре, замещенной на «безопасном сексе». «Сухой закон» ограждает мусульман от спаивания на протяжении многих столетий, сохраняя их генофонд от повреждений. Вряд ли со временем, например, турки в Германии пожелают стать немцами, а арабы во Франции – французами.

Вдумчивое сопоставление цифровых данных ведет к предположению, что безо всяких войн, на законных основаниях депопуляция коренного европейского населения лет через двадцать превратит мусульман в хозяев Европы. По прогнозам, к 2050 году коренное население России уменьшится на 33 млн чел., Украины – на 15 млн, Германии – на 8,4 млн. К тому же у белокожего населения выше средний процент старения: к середине XXI века в развитых странах на каждого ребенка в возрасте до 14 лет будет по 2 пожилых либо старых человека. Любые технико-экономические или политические попытки преодолеть депопуляцию коренного населения в США, Европе и России сегодня представляются совершенно бесполезными.

Депопуляция коренного населения России происходит в самых благоприятных условиях существования ее граждан – таких удобных для жизни условий у нас в прошлом никогда не было. В 90-х годах XX века кривая рождаемости в стране заметно поползла вниз, а кривая смертности устремилась вверх, и на графике эти кривые образовали «Русский крест». В 1992–2006 гг. смертность превышала рождаемость в 1,57 раза, и естественная убыль населения России составила 11 790,6 тыс. чел. Ежегодный размер естественной убыли сегодня около одного миллиона человек, а к 2025 г. он, скорее всего, вырастет почти в два раза. В стране значительно возрастает количество молодых женщин, которые физически не могут рожать детей. По прогнозам ООН, к 2050 г. в РФ будут жить от 83 до 115 млн человек.

В 2025 г. каждый пятый житель РФ будет старше 65 лет. Через 40–50 лет мигрантов в России будет столько же, сколько и россиян. Тогда станет остроактуальным вопрос: кто же будет управлять Россией? Природные богатства России вызывают зависть ее могущественных соседей, мечтающих в скором времени расчленить ее и завладеть Уралом, Сибирью, Дальним Востоком.

К середине XXI века наше дряхлеющее государство станет третьестепенной державой, утратит сильную армию, способную защищать свои границы.

Итак, национальная катастрофа России будет, скорее всего, вызвана резким сокращением численности ее коренного населения. Грядущая катастрофа, в первую очередь, вызвана не социально-экономическими причинами, а ориентацией на западноевропейский бездуховный либерализм. Как известно, «благими намерениями вымощена дорога в ад». Ориентируясь на ценности европейской идеологии и соответственно развивая свою экономику, Россия совместно с европейскими народами – путем депопуляции – направляется в небытие. Если что-то и поможет возродить Россию, так это слабая надежда на восстановление численности ее коренного населения. А восстановить народонаселение, по-моему, возможно не с помощью «модернизации экономики», а через замену гибельных перспектив западного либерализма на ориентиры православного христианства.

Е. В. Белоусова*

Секулярная магия в постсоветской России

В постсоветской России, вступившей на путь рыночного капитализма, мы наблюдаем в реальной жизни, в культуре повседневности, в СМИ то, что западные исследователи назвали «заколдовыванием современной жизни». Например, третий мистический телеканал, такие периодические издания, как «Секретные материалы», «Оракул», «Тайная власть», «Тайна жизни» постоянно обращаются к теме магии. Мир фэнтэзи, фильмы и телесериалы, где фигурируют маги, колдуны, ведьмы и нечистая сила, оказывают значительное влияние на мировоззрение молодежи («Чернокнижник», «Властелин колец», книги и фильмы о Гарри Поттере, «Ночной дозор», «Ведьмак», «Город колдунов», «Практическая магия» и т. п.). Стоит упомянуть «игрушки», или компьютерные игры: «Меч и магия», «Магия крови», Master of Magic, War of Magic. В магии люди пытаются найти новый опыт и новую идентичность, отличную от традиционных религий. Переведенные на русский язык бестселлеры К. Кастанеды, а также П. Коэльо сделали их самыми известными в списке современных магов-литераторов. Поэтому наше время называют «Новой магической эпохой».

В наше время магии становится не меньше, а больше. Реклама, маркетинг, создание «виртуальной» реальности способствуют этому. В связи с этим возможно ли рассматривать магию не только как симптом кризиса культуры, но и как относительно новое явление? Особо следует отметить появление новой формы магии, современной секулярной магии, в которой содержатся как негативные, так и позитивные моменты.

Термин «секулярная магия» был предложен С. Дьюрингом¹. *Секулярная магия* – магия, которая не предъявляет требований к сверхъестественному миру. Скорее, она связана с раскрытием сущностных сил самого человека. В частности, способностей к изобретательству и творчеству. Развитие культуры как искусственного

* **Елена Валентиновна Белоусова** – ст. преподаватель кафедры философии, биоэтики и культурологии Уральской государственной медицинской академии (г. Екатеринбург).

¹ During S. Modern Enchantments: The Cultural Power of Secular Magic. Cambridge, Massachusetts and London: Harvard University Press. 2002. P. 3.

мира создает новую природу воображения. Становление секулярной магии связано с научно-технологическим развитием – начиная с камеры-обскуры и до первых лет кинематографа. Секулярная магия включает трюки, технические спектакли и спецэффекты. Секулярная магия помогает понять форму и содержание культуры, она поддерживает рационализм и скептицизм, популяризирует новые технологии и новые виды удовольствий.

Современная секулярная магия – это формы магии, существующие в современном обществе, являющиеся продуктом синтеза технологической рациональности и массового сознания. Например, современные медиатехнологии еще более способствуют волшебному восприятию. Магия повсюду. Машинерия шоу-бизнеса является примером культурного влияния секулярной магии. Такое магическое шоу, как «Битва экстрасенсов», вполне может считаться примером современной секулярной магии. Реклама часто действует как магия. Маркетологи вполне сознательно используют приемы магического внушения. Например, есть пять магических слов, о которых говорится в любом учебнике рекламы:

- 1) новый (новейший, инновационный, нетрадиционный);
- 2) быстрый (мгновенный, стремительный, неудержимый);
- 3) бесплатный (подарок, почти даром, дешевле не бывает);
- 4) качественный (первоклассный, добротный, надежный, уникальный);
- 5) любимый (приятный, ласковый, нежный, милый, ненаглядный).

Эти пять магических слов помогают также понять ценностные ориентации, потребности и предпочтения современного человека.

В магии фокусов и развлекательных трюков также привлекает выдумка, изобретательность, ловкость рук, даже юмор. Это тоже «приручение» вещей, когда вы научили мячик танцевать, а канцелярские резинки прыгать, заставили диктофон предсказывать будущее, а рюмку со спиртным исчезнуть². Это веселая магия, магия для развлечения компании. В современном технизированном обществе, где живой человек поглощается виртуальной реальностью, живое общение с предметами представляется привлекательным явлением.

Как практикуется магия в современном постиндустриальном и постсоветском обществе? Она связана с повседневностью. Магия на улице, магия на рабочем месте, магия в кабинете психотерапевта, магия на кухне, магия природы и магия здоровья. Но се-

² См.: Фурман И. Магия на каждый день. Удивительные и забавные трюки...: практическое руководство / Пер. с англ. М. Л. Кульневой. М.: Аст: Астрель, 2006. С. 5–25.

кулярная магия может сыграть положительную роль в том смысле, что, будучи принципиально вне мира духовного и сверхъестественного, она напоминает о нем.

Как это возможно? Как фокусы, трюки, иллюзии, «волшебные фонари», чудесные механические игрушки, иллюзии и спецэффекты, магические шоу могут напоминать о мире ином? Интересно, что в народной культуре Средневековья жонглеры считались чародеями. «Самые удивительные трюки гистрионов приписывали их общению с потусторонними силами и прямому вмешательству дьявола»³.

Слово «фокус-покус» образовано от немецкого *Nokus pokus* – искажение непонятного для масс латинского возгласа в католической литургии: *hoc est...* Оно обозначает искусный трюк, основанный главным образом на быстроте и ловкости движений исполнителя, обмане зрения. Фокусник преследует цель развлечь публику, иногда даже он показывает, как на самом деле все устроено, «разоблачает магию». Но, похоже, что публика больше нуждается в обмане, иллюзии, чем в истинном знании. Магия потребляется, а не изучается.

В. С. Свечников замечает, что фокусы – это единственный вид обмана, который всеми воспринимается с удовольствием. Хорошо выполненный фокус отвечает экзистенциальной потребности человека в чуде. Фокусники тогда уже воспринимаются как сценические маги, настоящие волшебники. Но это происходит только на выступлениях настоящих профессионалов высочайшего класса, например, Дэвида Копперфильда.

«Настоящая сценическая магия – это не ловкость рук. Это ловкость мысли. Самая важная вещь в фокусах – это отнюдь не умение манипулировать или управлять иллюзионным аппаратом. Самое главное умение в фокусах – это умение управлять мыслями зрителей»⁴.

Секулярная магия также связана со сферой потребления. Под *сакральным* в сфере потребления понимается такое отношение к вещи, когда она рассматривается как более значительная, яркая и необычная, чем она есть на самом деле. Напротив, языческое – это обычное потребление, не вызывающее восторженного, экстраординарного отношения. Соответственно, можно выделить сферы сакрального потребления в самой обычной жизни⁵.

³ Даркевич В. П. Народная культура средневековья: светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. М.: Наука, 1988. С. 195.

⁴ Свечников В. С. Социокультурный анализ мистификации. Саратов: Саратовский государственный технический ун-т, 2000. С. 3, 128.

⁵ См.: Энджел Дж. Ф., Блэкуэлл Р. Д., Миниард П. У. Поведение потребителей. СПб.: Питер Ком, 2000. С. 221–222.

Для многих – это кухня, очаг. Кухня – это центр дома. Она фактически окружает источник питания, очаг, и это вотчина женщины. Советский человек возвращается домой, на кухню, с великих строев пятилеток, с полей войны уже в 50–60-х годах. Но во времена «оттепели» кухня была важным местом творчества культуры, противостоящей идеологическому официозу, локусом андеграунда, а потому также явлением, имеющим общественный резонанс. Постсоветская кухня становится символом защищенного пространства семьи, где происходит волшебство приготовления пищи. В мифомагическом мироотношении питание, поглощение ассоциируется с интимными отношениями и воспроизводством новой жизни.

В ситуации духовного кризиса, разрушения прежней картины мира человек обращается к магии и магическому ритуалу для воссоздания целостности мира, приручения «одичавшей» реальности. Магия способствует самопониманию культуры, помогает определить страхи, потребности, интересы современного человека.

О. С. Селиванова*

Православие и российский гендерный порядок (об угрозах формированию гендерного равенства в современной России)

Современную духовную культуру России сложно представить вне ее религиозной составляющей, вне православия. В то же время категория «духовность» в массовом сознании все чаще отождествляется с религиозной духовностью. Светский же гуманизм и общечеловеческие ценности оттесняются на второй план. Такое положение усугубляется и тем, что современная российская власть, словно в виде компенсации за годы гонений и репрессий в недалеком прошлом, все больше признает за Русской православной церковью роль безусловного арбитра в социальной и духовной сфере. И вот уже приходят священники в школы, вузы и воинские части, особо рьяные законодатели спорят о необходимости введения в школах новой дисциплины «Основы православной культуры» как обязательного курса, а церковные иерархи открыто призывают ввести специальность «Теология» в перечень научных специальностей ВАК.

Такое идеологическое наступление православия в своем, к сожалению, ортодоксальном варианте, не замедлило сказаться и на гендерной сфере общества. Показательно в этом отношении предложение патриарха Кирилла о запрете бесплатных абортгов. Такое стремление к сбережению нации имеет отчетливо выраженную патриархатную окраску. Между строк этого предложения проводится мысль о том, что «благодаря» женщинам Россия не досчитывает ежегодно каждого четвертого зачатого ребенка. Интересно, что не к проблемам деградации нации вследствие алкоголизма и наркомании обращается патриарх, а именно к потерям населения вследствие абортгов, поскольку любой популистский лозунг в области воспроизводства населения не влечет для РПЦ такой ответственности, как борьба с иными социальными пороками. Так

* *Ольга Сергеевна Селиванова* – канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных наук филиала Южно-Уральского государственного ун-та в г. Кыштыме.

же яростно выступает РПЦ и против эгалитарной семьи, доброго сожителства и сексуального просвещения населения.

Фактически складывается ситуация, при которой в деятельности РПЦ обозначается навязчивая патриархальная тенденция. Эта тенденция в настоящее время начинается с попыток контроля над репродуктивной сферой, а закончится, возможно, ренессансом «Домостроя». Совершенно очевидно, что дальнейшее развитие религиозной культуры будет связано с попыткой все большей регламентации духовной жизни общества и стремлением к вытеснению из нее светских элементов. Если в Западной Европе развитие религии происходит по пути изживания ее наиболее косных составляющих, то в нашей стране РПЦ не только не стремится к собственному реформированию, но и навязывает обществу традиционные ценности. Среди причин этого явления исследователи выделяют и тоталитарную природу РПЦ, и высокую реакционность и нетерпимость к инакомыслию. Вполне очевидно, что в гендерном плане религия оказывается проводником традиционных идей, поскольку ее каноны «законсервировали» ряд отношений и установок, характерных для той стадии развития общества, на котором формировалась данная религия. Не является исключением и православие как часть христианства – складывание его догматов происходило в эпоху, когда женщины были исключены из публичной сферы жизни общества. Поэтому воплощение на практике идей гендерного равенства угрожает разрушению оснований любой религии, а в особенности православия, которое как бы «застыло» в своем развитии, отрицая всяческие новации. Гендерный анализ религии с очевидностью подвергает сомнению незыблемость положений Священного писания, прежде всего в отношениях полов. Доминирование одного пола над другим, освященное религией, выглядит сегодня пережитком прошлого. Подобная ситуация складывается и в вопросе о формах служения женщин в РПЦ. Несмотря на то, что появились православные женщины-богословы, участвующие в работе Поместных соборов, православие не допускает даже мысли о появлении священников-женщин. Пока в процессе обсуждения находится вопрос о восстановлении института диакона, существовавшего в раннем христианстве.

Фактически создается положение, при котором РПЦ реанимирует архаичную модель гендерных отношений и репрезентирует через нее гендерную асимметрию социума. Все, что регламентировано Священным Писанием и Священным Преданием в отношении полов, церковь не подвергает сомнению, даже если это не отвечает современным реалиям.

Между тем, столь стремительное разрастание православного дискурса в нашей стране ограничивается пока только Конституцией,

в которой зафиксирован светский характер государства и образования. В то же время все чаще подвергаются осуждению взгляды тех, кто осмеливается выступать против «ползучей клерикализации» социальной жизни. Показательными в этом отношении являются не совсем корректная дискуссия вокруг письма десяти академиков, отказ от опубликования в центральных газетах материалов антицерковной направленности, трансляция рождественского богослужения по центральным каналам. Предлагая обществу некий размытый идеал «соборной» Руси, РПЦ ведет открытое наступление на светскую духовную культуру. Подобная экспансия вполне может привести к социальному взрыву, в том числе националистических настроений и сил [См.: 3]. Одним из самых удобных направлений экспансии является формирующийся гендерный порядок, находящийся в состоянии замедленной эволюции от патриархальных отношений к эгалитарным. В современных условиях эгалитарная модель гендерного порядка остается пока еще недостижимой для России. Однако и это положение не устраивает идеологов РПЦ. Создавая у женщин чувство вины за депопуляцию населения, реализовывая гендерные стереотипы, православие способствует жесткому закреплению социальных ролей. Совокупность угроз, которые несет православный дискурс в отношении гендерных ролей, деторождения, контрацепции, образования, есть вызов не только гендерным исследованиям, но и всей светской культуре, всему социальному и гуманитарному знанию. Для преодоления этой ситуации необходимы не просто усилия отдельных мыслителей, но и легитимация гендерных исследований, их интеграция в основное руло академической науки [См.: 2].

Литература

1. Аблеев С. Р. Новая духовная культура и ортодоксальная православная церковь: корни идейной конфронтации. Рерих и церковь [Электронный ресурс]. URL: <http://put.ucoz.ru/publ/50-1-0-493>
2. Здравомыслова Е. А. Гендерные исследования: академическое гетто и стратегии выхода // Женщина третьего тысячелетия: гражданская и политическая ответственность. М.: Горбачев-фонд, 2005. С. 139–151.
3. Кувакин В. А. «Письмо десяти»: суть и суэта вокруг дела академиков [Электронный ресурс]. URL: <http://razumru.ru/humanism/journal/45/kuvakin2.htm>
4. Маркедонов С. М. День крещения Руси [Электронный ресурс]. URL: http://www.atheism.ru/library/arkedon_1.phtml

«Это все о нем»: о гендере в аспекте женственности

В последние десятилетия российская культура столкнулась с необходимостью всестороннего осмысления последствий модернизационных воздействий и инокультурных влияний. Резкое усиление социокультурной дифференциации, кризис идентичности, состояние транзитивности выдвинули на первый план проблемы, требующие глубокого анализа механизмов конструирования и репрезентации базовых идентификационных параметров, присущих различным социокультурным группам и стратам современного российского общества. Осмысление этих процессов дает основание полагать, что для объективного изучения современного состояния российской культуры первостепенное значение имеет рассмотрение динамики гендерных стереотипов, во многом определяющих мотивационные и поведенческие установки современных россиян. Актуальность их выявления и анализа тем больше, чем меньше они осознаются и чаще ремифологизируются, становясь объектом манипуляционных воздействий со стороны самых различных политических сил.

Кризис советизированной идентичности сильнее всего сказывается на женщине – наименее социально и культурно защищенном субъекте современных процессов инновации и модернизации. Общество пытается найти ответ на вопрос, что значит быть женщиной в конкретном современном социокультурном контексте. Очевидно, что женщина нередко превосходит мужа по потенциальной энергии, творческому импульсу, тонкости понимания человеческих отношений и богатству восприятия мира. Даже сегодня со стороны мужа нередко патриархальное стремление к ограничению внутреннего творчества женщины, переключение ее внимания на собственную личность и свой угол зрения. А со стороны женщины – стремление разорвать шагреновую кожу навязанного ей образа-стереотипа и обрести творческую самостоятельность, нежелание быть типовым продуктом культурно-идеологического конвейера, отстаивать право на самобытность, на свой взгляд, на признание.

* *Валентина Николаевна Кардапольцева* – д-р культурол. наук, профессор, завкафедрой художественного проектирования и теории творчества УГГУ (г. Екатеринбург).

В России, где женщины в силу целого ряда социально-исторических и демографических причин составляют большую часть населения и играют существенную роль в социальной жизни страны, развитие гендерного анализа в рамках культурологических наук продолжает являться насущной необходимостью. Реформы, постоянно осуществляемые в России, во многом реализуются за счет женщин. Именно женщинам пришлось взять на себя ответственность за выживание и адаптацию к новой реальности; во многих случаях именно женщины первыми испытали на себе последствия нисходящей социальной мобильности, вынужденно отказываясь от работы, соответствующей уровню их образования и квалификации. Такое положение дел позволило осуществить реформы, не допуская роста социальной напряженности внутри страны. Однако их дальнейшая успешная реализация требует прогностических моделей гендерного поведения и выявления «архетипов» гендерной стратификации, присущих российской культуре. В этом контексте особое значение приобретает анализ концептов «женского» и «женственного» как социально и культурно обусловленных понятий, оказывающих существенное влияние на трансформацию гендерных взаимозависимостей и взаимовлияний в условиях транзитивности. Влияние гендерной асимметрии, характерной для современного российского общества, на модернизационные процессы обуславливает необходимость обращения к истокам подобного явления, причинам его укоренения в российской культуре и особенностям его объективизации в различных формах и на различных уровнях культуры.

Изучение женского миропонимания, женского опыта проживания и переживания жизни позволяет заглянуть в глубину отечественной культурной истории, увидеть систему корреляционных связей и соотношений женского и мужского социокультурного и экзистенциального опытов и проследить, в какой мере характер этого взаимодействия формировал систему культурных установок и нормативных ожиданий. Рассмотрение особенностей конструирования и репрезентации женственности в отечественной культуре дает возможность объективно и всесторонне оценить скрытые гендерные напряжения и выработать превентивные меры для изменения существующей системы социополовой дифференциации, порождающей скрытую гендерную дискриминацию в различных сферах жизнедеятельности.

С другой стороны, изучение особенностей конструирования и репрезентации женственности в современной российской культуре приводит к расширению и уточнению культурно-антропологического знания о человеке. Этнографы, антропологи давно занимаются проблемами половозрастной стратификации традиционных об-

ществ, однако российская культурологическая наука в этой области пока не имеет прецедента целенаправленных исследований бытовых и институциональных форм воспроизводства стереотипов полоролевого поведения, символов маскулинности и феминности, нормативных представлений и ролевых ожиданий «мужской» и «женской» субкультур в контексте отечественной культурной истории. В связи с этим исследование базовых оснований женской идентичности, путей и практик женского ценностного полагания в прошлом и настоящем российского общества, ведущих в свою очередь к новой женской идентичности и формированию новой женской культуры, несомненно, обладает выраженной актуальностью.

В современной культурологии и истории культуры накоплены существенные знания, связанные с отдельными аспектами проблематики социокультурной репрезентации пола. Однако поныне отмечается устоявшаяся традиция рассмотрения в качестве объекта исследования мужчины как нормы, синонима «человеческого». Вопросы женского и женственного по-прежнему осознаются в качестве вторичных, производных. В данном контексте основное внимание сосредоточено на выявлении границ и механизмов социополовой идентификации при доминировании мужской модели самореализации в обществе. Между тем, моделирование социокультурных стереотипов женственности в концептуально-теоретическом плане позволяет описывать соотношение макро- и микропроцессов, отражающих гетерогенность и противоречивое системное единство русской культуры. В этом плане изучение институциональных механизмов конструирования концепта женственности, ценностных оснований, форм его репрезентации дает возможность проследить динамические изменения в процессе исторического изменения русской культуры как в синхронном, так и диахронном аспектах.

В дополнительном анализе и конкретизации нуждаются методологические и мировоззренческие основания изучения практик укорененности женщин в социум и социокультурные контексты различного типа, исторические формы репрезентации женственности, способы их объективации и актуализации, а также специфические особенности конструирования половой идентичности в процессе историко-культурной эволюции российского общества.

Большое значение также имеет изучение социальных и экономических детерминаций концепта женственности.

Кроме того, рассмотрение особенностей гендерной спецификации в контексте российской культуры требует учета нового поворота в современном гуманитарном знании, который выражается в стремлении обратиться к природе человека во всей его многоликости.

Женщина и женственность – понятия далеко не идентичные, их следует рассматривать через призму разных измерений: природно-биологических и социокультурных, которые находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. В современной культуре России конструкт женственности отличается полисемантизмом, противоречивостью и неоднозначностью.

Функционирование гендерной специализации и презентации женского и женственности следует рассматривать как процессуальное социокультурное явление, на которое оказывает непосредственное и опосредованное влияние социокультурный комплекс исторических, социально-экономических, политико-идеологических, культурно-психологических факторов.

При достаточно ощутимой вестернизации российской культуры, что не могло не оказать влияния на конструирование и репрезентацию женственности, в отечественной культуре сохраняются определенные доминанты, носящие архетипическую составляющую женственности как некоего идеального конструкта, в числе которых терпимость, забота, жертвенность, сострадательность, героико-драматические интенции.

Специфика современного развития России определяется последствиями модернизационных воздействий и гетерогенностью российской культуры. В этих условиях на первый план выходят проблемы адаптации транзитных гендерных стереотипов и активизации традиционных для российской культуры гендерных концептов и дифференциалов с целью поддержания и укрепления социокультурной идентичности.

В зависимости от самоидентификации женщины в обществе и особенности ее «встроенности» в «социокультурный ареал» можно обнаружить разные типы женственности.

Значительные трансформации социокультурного конструкта женственности обусловлены вхождением женщины в литературу, благодаря чему она по-новому (по-иному, по-своему) конструирует и репрезентирует свою женственность. В этом процессе огромное значение приобретают особенности отечественного литературного дискурса, художественно-литературные традиции, которые всегда имели идеолого-декларативную и морально-нормативную направленность.

Эстетика кризиса постсоветской России

Эстетическая выразительность культуры, представленная искусством и ее предметным миром, составляет сферу наглядных и чувственно переживаемых ценностей эпохи. Социокультурные модернизации в истории и современности всегда имели свой эстетически значимый облик, являющийся своеобразной визуализацией гуманистической направленности культуры, зримо представляющий степень вписанности человека в социум. И если смыслы культурных эпох являлись в образах доминирующего в данный период вида искусства, они же выражались и визуальной эстетической доминантой. Не случайно духовно-ценностные параметры культуры были осмыслены в эстетических категориях по мере их появления в определенной исторической последовательности.

Закономерностью представляется и то, что модернизацию общества и культуры начала XX века выразила крупномасштабная и радикальная эстетическая революция, соответствующая свершившимся беспрецедентным преобразованиям. Искусство авангарда и направления модернизма, родившийся дизайн создали визуальный облик революционных событий. Поражает, конечно, размах эстетизации меняющегося социума, в которую были вовлечены и человек, и все предметные и личностные формы его существования. Но, и это самое главное, эстетическое «переформатирование» в начале XX века, в противоречие самой сущности эстетического освоения мира, происходило в условиях разворачивающейся дегуманизации культуры, которая к концу века, и в России особенно, в условиях ее постсоциалистических трансформаций, вылилась в подлинную антропологическую катастрофу. Такую характеристику современности дал М. К. Мамардашвили в своей работе «Сознание и цивилизация», вышедшей в 1984 году. Он писал: «... среди множества катастроф, которыми славен и угрожает нам XX в., одной из главных и часто скрытых от глаз является антропологическая катастрофа, проявляющаяся совсем не в таких экзотических событиях, как столкновение Земли с астероидом, и не в истощении ее естественных ресурсов или чрезмерном росте на-

* *Ирина Митрофановна Лисовец* – канд. филос. наук, доцент УрГУ им. А. М. Горького, доцент Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

селения, и даже не в экологической или ядерной трагедии. Я имею в виду событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией...» [1. С. 107]. Особенность этой антропологической катастрофы, по мнению М. К. Мамардашвили, состоит в ситуации разрушения сознания, проявляющегося в недоступности человека, носителя некоего «внутреннего опыта», самому себе [Там же. С. 117]. Антропологический рациоцентризм новоевропейской культуры, выраженный формулой «я мыслю, я существую, я могу», сменяется предельным нигилизмом, состоянием неопределенности и неспособности понимать и формировать ход событий, ощущением сомнительной жизненной перспективы человеческого существования. И если в западноевропейской культуре прошедшие до конца XX века этапы модернизации и постмодернизации позволили человеку по-новому определить свое место и возможности в культурном мире и отчасти вернуться к новоевропейской формуле, то в российских условиях дело обстоит значительно сложнее. На обще европейские цивилизационно-культурные коллизии XX века, «цивилизационные разрывы» по М. К. Мамардашвили, в России вначале наложились большевистская, а затем и сталинская «модернизации», а в конце века – посткоммунистическая и раннебуржуазная. Преодоление возникших последствий культурных деструкций, с которыми и была связана антропологическая катастрофа, в России осложнилось как историческим отсутствием, несформированностью важнейших современных социокультурных параметров, так и специфическим социалистическим наследием, отозвавшимся в кризисное постсоветское время.

Принципиально переходный характер российского общества последних двадцати лет его существования и соответствующее этому состояние кризиса ценностного сознания с характерной для него утратой прежних доминант и несформированностью новых определяет особенности современного эстетического облика российского бытия и доминирующих эстетических ценностей. Эстетический статус постсоветской России представляет непреодоленную, разворачивающуюся в специфических обстоятельствах антропологическую катастрофу, где утрата конструктивной способности сознания и базирующейся на нем духовной культуры усугубляется и воспроизводится системным социальным кризисом. Кризис духовной культуры проявляется столь же системно, по всем параметрам ее существования: деконструкцией интеллекта, эстетических и нравственных ценностей, мировоззренческих ориентиров.

Нельзя не отметить, что российская «атмосфера стихийного постмодернизма общественной жизни», по Н. Б. Маньковской [2], и нашла выражение по преимуществу в определившейся в 90-е годы прошлого века отечественной эстетической ориентации куль-

туры. В период начавшегося в конце века ухода постмодернизма с западного культурного ландшафта на российских просторах, в связи с усилением неуправляемости, а потому непредсказуемости и абсурдности постсоциалистического общества, постмодернистское мировидение оказалось органичным сложившимся обстоятельством. Как это уже случалось в истории, перемещение западной культурной парадигмы на российскую почву произошло парадоксальным образом: западный постмодернизм, соответствующий новейшей постиндустриальной цивилизации, был привит к системному коллапсу, случившемуся в России 90-х. В большей или меньшей степени, но практически во всех видах искусства, концентрированно представляющего эстетические параметры культуры, за исключением, быть может, архитектуры, деконструкцию в которой может себе позволить лишь благополучная высококоразвитая цивилизация, обнаруживаются модификации постмодернизма. Российское art contemporary, таким образом, наглядно выразило ситуацию через радикальное изменение эстетики в сторону постмодернизма. Эстетические особенности переходного периода прямо явили визуальный облик начавшегося кризиса.

Достаточно подробно феномен западного и российского художественного постмодернизма рассмотрен в книге Н. Б. Маньковской «Феномен постмодернизма. Художественно-эстетический ракурс» (2009), обращаюсь лишь к значимым чертам их отличия. Эстетическое качество российского постмодернизма, прежде всего, обладает иной, возможно несколько более жесткой в сравнении с западной энергетикой и визуальностью. Это понятно: постмодернизм вырос в принципиально другой социокультурной ситуации, значительно более определенной и благополучной, и его основные позиции от деконструкции, игры, деиерархизации до эстетизации безобразного [подробно см.: 2. С. 115] в российских условиях и после советской художественности приобретают иное наполнение. Социалистическое искусство питала энергия преодоления трудностей и недостатков бытия на пути к канонизированному, пусть и мифологическому по своей сути идеалу будущего, которое обязательно наступит и будет лучше настоящего. Энергия российского постмодернизма – отрицательная, здесь полная растерянность от встречи с непонятно откуда взявшейся, но абсолютной и тотальной разрухой.

В условиях утраты всех норм и идеалов в России рубежа эпох художественное осмысление актуальной антропологической катастрофы превратилось в яростное, но игровое перебирание осколков, соревнующихся в своей шокирующей неприглядности. Такое состояние, в общем, сохраняется и для искусства настоящего времени, когда, например, одно из самых выразительных, заметных и

любимых занятий современного театра любой его разновидности – драматического, танцевального, музыкального – авангардистско-абсурдистская интерпретация классики – в пределе превращается в беспредельный стеб. Постмодернистское ироническое обращение к традиции как прием критической переоценки ее культурного места превратилось на российских просторах в упоительное над ней издевательство. Не случайно, что наряду с такой тенденцией в качестве противовеса во второй половине первого десятилетия нынешнего века сформировалась и реализуется массовой культурой ностальгия по соцреализму и советской эстетике образца, а не обломков.

Доминирующей эстетической направленностью и в российском постмодернизме стала эстетизация безобразного, с акцентированием «низа» культуры и человека, что в равной степени касается формообразующей направленности и в искусстве, и в дизайне, которые, как и в западной новейшей культуре, сближаются, практически переходя друг в друга.

Новейшая эстетизация безобразного, и российская в первую очередь, отличается от классической, начавшейся еще в Северном Возрождении, серьезными деформациями самого языка искусства, эстетического и художественного формообразования. Классическая эстетизация была, действительно, эстетическим безобразным, при котором совершенная форма трансформировала, преодолевала, если воспользоваться термином Л. С. Выготского, кричащий материал. Актуальное безобразное лишено художественного, специализированного качества формы, демонстрируя непрофессиональный примитив. По точному определению В. В. Бычкова, современное российское искусство отличается в значительной степени «доморощенная псевдохудожественность и декларативная антихудожественность» [3. С. 659].

Вспоминается совсем недавнее событие в культурной жизни Екатеринбурга, прошедшее осенью 2010 года, Первая Уральская Индустриальная Биеннале современного искусства, вспоминаются многочисленные экспонаты, представленные в здании типографии «Уральский рабочий», вспоминается и вопрос, который возникал все время при просмотре этих экспонатов: учились ли их авторы чему-то, связанному с художественной деятельностью, рисунку, например, или композиции, и вообще, художники ли создали это, и, главное, зачем? На этой же Биеннале подлинным шедевром оказалось пространство уже не работающих, разрушенных демидовских заводов: аура мастерства и налаженного производственного процесса, сохраненная в оставшейся технике, задавала уникальную декорацию для экспозиции. Конструктивным неожиданно оказалось то, что подверглось сокрушительной деструкции времени. На этой

же Биеннале в полной мере был продемонстрирован прием ре-продукции как способ актуального формообразования и качество современного искусства.

Сближение эстетического и художественного, характерное для культуры всего XX века, активно происходит в российских условиях начиная с конца 80-х гг., с периода развития практики постсоветского дизайна. Бурный расцвет арт-практик, занимающихся, в том числе, активным декорированием повседневности, способствовал превращению ее в зрелищную упаковку человеческой жизни. Кросскультурная тенденция диффузии дизайна и искусства привела к утверждению и в классических видах пространственных искусств, таких как архитектура, своеобразной эстетики упаковки, в которой пространство отказывается от смысловых образных доминант и являет довольно прихотливое объемное обертывание, способное, если хочется, имитировать какой-либо признанный стиль. Примером этому служит представленная в современном Екатеринбурге архитектура «под конструктивизм» в его пост-хай-тековской реинтерпретации.

Эстетика эффектной упаковки сближает актуальное искусство и индустрию гламура, знаменующего движение России в сторону буржуазного общества. Гламур, глянец, отлакированный образец взял на себя возвращение утраченной в кризисный период красоты и активно внедряется масс-медиа в качестве непереносимого ярлыка благополучного существования. Пожалуй, такое взаимодействие через упаковочную эстетизацию становится понятным в контексте рыночной доминанты современного общества потребления, где любой оформленный продукт вводится в продажный оборот.

С другой стороны, дизайн, обеспечивающий тотальную эстетизацию современной зрелищной культуры, во многих из своих направлений являет эстетику шока, предлагая в качестве эстетического не просто примитивное, но отвратительное и подчеркнуто уродливое. Эстетизация безобразного в полной мере развернулась на российских просторах в дизайне конца XX и начала XXI века освоением разросшейся культурной обочины. Исторически это связано с легализацией в последнее двадцатилетие маргинальных слов культуры и общества и утверждением визуального ряда нерегламентированной культуры. Формообразование, направленное на выявление эстетической значимости нарочито неприглядного, мусорного, примитивного, вышло далеко за пределы контркультуры, и выделилось направление, которое можно обозначить как трэш-арт, эстетическое качество которого прямо определяется названием (мусор, хлам). Трэш-арт прямо взял на себя миссию оппозиции глянцу и активно представлен в молодежной культуре.

В итоге нельзя не отметить, что кризисный период получил мозаичную эстетическую визуализацию, магистральной линией которой следует признать размывание всяких безусловных границ между прежде достаточно ясно определяемыми эстетическими ценностями и отказ от эстетических абсолютов, таких как возвышенное, например.

Художественно-стилевая диффузия, переоценка ценностей и трансформация эстетической формы и формообразования – закономерность любого перехода в культуре, но нынешний российский переход оказался круче прежних в плане радикальной деструкции духа и активного утверждения антиэстетического, низменно-телесного, конкретно-прагматического, что еще современной неклассической философии эстетического и искусства предстоит детально осмыслить.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. 2-е изд. М.: Изд. группа «Прогресс»: Культура, 1992.
2. Маньковская Н. Б. Феномен постмодернизма: художественно-эстетический ракурс. М.; СПб.: Изд-во «Центр гуманитарных инициатив. Университетская книга», 2009. С. 8.
3. Бычков В. В. Эстетическая аура бытия. Современная эстетика как наука и философия искусства. М.: Изд-во МБА, 2010.

Массовая культура в отсутствие метасценариев

Утверждения, что российскому обществу не хватает великих целей, появились задолго до 20-летнего юбилея освобождения нашей страны от монополии одной идеологии. Тем не менее, крах метасценариев признается неизбежным процессом постмодернистской культуры и постиндустриального общества. Одни воспринимают поражение великих проектов как признак перехода, как временный кризис; другие – как хаос, начало конца цивилизации; третьи считают: повсеместное недоверие к «мета-» означает, что новый порядок уже установлен и что новый мир – он и должен быть таким, разнообразным и лишенным центра.

На самом деле, мир не окончательно потерял иерархию и приставку «мета-», да и индивиды продолжают сверять свою жизнь с некими константами. Вместо «метанарративов», обитавших, впрочем, на ограниченных территориях, получили «метапространство», т. е. современную глобальную массовую культуру, к которой подключено большинство населения планеты. Для новой массовой культуры не характерны однородное и стандартизированное содержание: сейчас ее скорее следует представлять как «базарную площадь», где могут встретиться представители различных «масс» (сообществ) в поиске идентификационных кодов. Презентант современной массовой культуры – многообразной содержательно, но единой в смысле путей и моделей ее распространения – это не «человек массы», традиционно понимаемый как духовно бедное, примитивное и управляемое существо, а «кочевник».

Реципиент постиндустриальной массовой культуры живет в ситуации, где очевидно отсутствие непреложных истин, ускорение технологических и социокультурных изменений. Сам он постоянно ощущает, что «доминирующие системы» заняты усилением или сохранением своего влияния на глобальном макро-уровне, следовательно, не могут толком заботиться о своей «пастве» – т. е. по крайней мере для микро-уровня они выглядят несостоятельными.

* *Дарья Владимировна Смолкина* – аспирант Гуманитарного ун-та (г. Югорск).

Вот почему индивид новой массовой культуры вынужден, как жена бедуина, все ценное постоянно иметь при себе – и постоянно отмечаться в метапространстве: «я не потерялся», «я подключен», «я существую». Его жизнь запечатлена в подробностях тысячами фотографий, которые умещаются на флешке. Его годами накопленные социальные связи, которые трудно было бы поддерживать в оффлайне, теперь не разрушаются благодаря мобильной телефонии и Интернету – создается ощущение, что люди «всегда под рукой». Человек получил множество возможностей, чтобы в деталях документировать свою жизнь (это, конечно, не совсем «документалка», а скорее, «идеальный образ/образы себя»), и при этом находить «сериалу» своей жизни зрителей и читателей.

Важно, что театрализация частной жизни началась за несколько десятилетий до появления первых блогов и социальных сетей. Например, писатель Ромен Гари еще в 70-х отмечал, что люди стали заниматься «художественным изготовлением себя» как подбором собственной идентичности: «Театр покидает залы, потому что входит в саму жизнь молодых людей, у них всюду наблюдаешь потребность симпровизировать себя, сыграть себя... Это постоянная импровизация, непрерывная психопантомима, в которой материальным заботам и работе отводится место только в антрактах... Новая потребность в проживаемом искусстве стала уже не бегством в ирреальный мир, а поиском образа жизни»¹.

То есть «творцами», «авторами», «создателями контента» массовой культуры в постиндустриальном обществе становятся не только представители особого экспертного сообщества, работающие в сфере масс-медиа, но и непрофессионалы, которые могут не только потреблять готовые культурные модели, но и создавать либо комбинировать их по-своему. Однако разрушение монополии на производство культуры (по сути, смена субъекта массовой культуры) пока не привело к замене одних элит другими, несмотря на то что творцам-неофитам будто доступны основные средства для создания новых содержаний культуры. На вершине социальной иерархии по-прежнему находятся публичные люди, будто имеющие постоянное подключение к метапространству, в котором существует легенда об их жизни.

Возможно, именно это сыграло основную роль в том, что современные «творцы себя» так легко отказываются от приватности. Дэвид Финчер (режиссер фильма «Социальная сеть», не имеющий аккаунта в социальных сетях) во многих интервью недоумевал, почему молодое поколение не понимает ценности приватной жизни. Иначе, словами российского кинообозревателя Романа Воло-

¹ Гари Р. Ночь будет спокойной. М.: Симпозиум, 2004. С. 123–125.

буева, «все эти люди, которые пятьдесят раз в день транслируют в фэйсбук свое точное местоположение на карте и рутинные органические процессы – от «проснулся» до «засыпаю» с обязательным «ем вкусную булочку» посередине – их просто в детстве уронили, или это как раз пресловутый сдвиг социальной нормы, про который говорит Финчер?»

Авторам новой массовой культуры паблисити важнее приватности: ведь «постоянно на виду» как раз те творцы, что достигли статуса звезд. Кроме того, необязательно играть одну роль всю жизнь: люди транслируют не себя настоящих, а свой сделанный образ, который может меняться вместе с трансформациями их идентичностей. Вообще, метапространство дает возможность проигрывать множество вариантов своей жизни: как виртуальных (кино, компьютерные игры, книги, фейки в социальных сетях), так и вполне реальных (смена нескольких городов, профессий, браков). Идентичность не является чем-то раз и навсегда определенным. Есть ли смысл сохранять приватность, если идентичность может не только «мерцать», но и «стираться» по воле ее носителя?

Впрочем, вместе с практикой утверждения собственной индивидуальности и уникальности как автора (хотя бы автора собственной жизни) распространена практика сознательной «анонимизации». Образование собственной идентичности важно участникам небольших сообществ, чтобы выделять себя среди других, но не участникам крупных массовидных общностей, в которых индивид может получить больше преимуществ, если не будет иметь имени и личной истории. Существует мнение, что отдельный «анонимус» – более «настоящий» человек, чем деанонимизированный субъект, который как будто открыто создает свою историю, но в действительности не свободен в проявлениях своей индивидуальности, так как вынужден следовать неким стандартам своей референтной группы.

Примечательно, что группа интернет-активистов, которая устраивает атаки на сайты компаний, отказавшихся от сотрудничества с WikiLeaks, называется The Anonymous. Формально это поддержка борца за свободу слова, но данная история хакинга, который массированно проводили анонимные пользователи интернета (подключиться к этой борьбе мог любой²), вполне может считаться и проявлением зависти к элите современного мира, т. е. к публичным персонам как людям, ассоциируемым с властью. Так, содержание последних «компроматов» со скандального интернет-ресурса, в основном, представлено документами, не имеющими секретности – это записи бесед, т. е. личные мнения политиков, высказанные в «кухонной» обстановке для «своих» или для «дру-

² Эл. пецыпс: <http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1554209>.

зей», а также дипломатические депеши, написанные в свободном стиле. Это не официальные позиции государств, а лишь мнения их представителей, т. е. «агентов» традиционных систем доминирования. Однако «анонимы» отказывают публичным людям в праве на частную жизнь и на индивидуальное мнение. Если ты «звезда» или человек власти, то ты должен в любой ситуации, в том числе в сфере приватной жизни, оставаться «в белом». С позиции «анонимуса», публичные люди не имеют даже такого «естественного права», как право на обсуждение общих знакомых. Джулиан Ассанж, казалось бы, уже стал публичной фигурой, однако пока защитники человека, который выразил общее недовольство «анонимусов» против современной элиты, не замечают «компроматов» о его частной жизни.

Каждый «кочевник» новой массовой культуры боится оказаться однажды «собирателем», который заперт в своей локальности и практически не имеет средств, возможностей, знаний, чтобы ostavlyatь знаки своего присутствия в метапространстве. Вообще, большинство из нас – это и «анонимусы», и «собиратели», которые вынуждены держаться за собственную идентичность, чтобы терпеть кризис идеологий, отсутствие метасценариев, поражение универсальных ценностей. Порой нам может казаться, что мы «кочевники», которые находятся в постоянном поиске комфортной микро-среды, однако и это «племя» не является сегодня новой элитой, способной оказывать заметное влияние на макро-уровне.

Резюмируем преимущества, которые дает человеку современная массовая культура. Во-первых, каждый может стать «творцом» (автором хотя бы идеального образа себя или игровых вариантов своего «Я»), т. е. почувствовать себя ближе к «звездам», элите. Во-вторых, индивид, подключившись к метапространству и имея возможность не только «получать», но и «передать», т. е. оставлять в нем свои следы-сообщения, может подбирать свою идентичность и коммуницировать с единомышленниками, не завися от своей локальной среды. Поиск собственной референтной группы (и вообще, усиление значения сферы межличностных отношений) сегодня крайне актуален. В отсутствие метасценариев человек получает «информационные фильтры», мировоззренческую матрицу, представление о желательных моделях поведения и стилях жизни именно от своего сообщества. Сообществам свойственно подчеркивать свою специфичность и противопоставлять себя всем прочим группам, которые воспринимаются без сложной дифференциации (все другие – это «масса», «быдло», «неадекватные», «непросвященные»). Сообщества, наиболее удаленные от «элит», также создают собственные маркеры, отличающие их участников, имеют свою «малую культуру» и «мифоло-

гию». Ценности своей группы кажутся ее участникам если не универсальными, то хотя бы «лучшими из возможных». Чем принижена позиция сообщества в социальной иерархии, тем большими моральными правами оно склонно себя наделять. Однако никакое продвижение ценностей своей группы не делает их по-настоящему универсальными, а лишь вызывает столкновения с другими группами.

В массовой культуре в отсутствие метасценариев заложено множество поводов для конфликтов. Однако для победы новых великих проектов, вероятно, потребуется разрушение метапространства, чтобы и «кочевники», и «звезды»-элита снова ощутили необходимость привязанности к своей локальной среде.

Б. В. Рейфман*

Об «авторском кино», ставшем «арт-хаусом»

Отрицание «эстетического» отношения к «авторскому кино», доминирующее в текстах и выступлениях современных российских кинокритиков, киноведов и самих кинематографистов, часто кажется «самому себе» вполне естественным и очевидным. Однако сформировалось оно при *благоприятных внутренних социокультурных обстоятельствах* под воздействием определенных интеллектуальных веяний, в частности, того гуманитарного подхода, который известен как Cultural Studies, и большой группы родственных этому подходу исследований, объединенных общим названием «cinema studies». Возникшее в Бирмингемском Центре Cultural Studies в 60-е годы XX века на пересечении адаптационно-эволюционистской английской социологической традиции, неомарксизма и становившегося в тот период все более влиятельным структурного психоанализа Ж. Лакана, это «воображаемое», хотя и связывает в наше время свои научные программы с «постнеклассикой», но исходит все-таки из *жестко-фиксированного* постулата Ф. Ливиса, что «все есть массовая культура»¹. Любая творческая деятельность рассматривается в контексте тех или иных детерминирующих ее «форму свободы» коллективно-психологических «канонов». Вот и «элитарное» отношение к киноискусству как к пространству «великих имен и значительных произведений, решающих сложные культурные задачи»², однозначно причисляется к ряду «способов репрезентации европейского культурного сознания, а идея авторского кино в целом оказывается одним из вариантов европейской идеи оформления «великой культуры»³. Термин «арт-хаус», сильно потеснивший сегодня введенное в кинематографический лексикон французской «новой волны» словосочетание «авторское кино», у многих профессионалов как раз и

* **Борис Викторович Рейфман** – канд. культурологии, ст. научный сотрудник Российского ин-та культурологии (г. Москва).

¹ Цит. по: Усманова А. Р. Культурные исследования [Электронный ресурс]. URL: http://mirslivarej.com/content_soc/KULTURNYE-ISSLEDOVANJA-11237.html

² Самутина Н. В. Авторский интеллектуальный кинематограф как европейская идея // Киноведческие записки. № 60. С. 26.

³ Там же.

подразумевает связанные с таким «каноническим» взглядом на культуру и искусство коннотации. Кинопроцесс в этой системе координат мыслится как «один поток глобальной массовой кинокультуры и множество водоемов, ручейков, озер, заводей, болот и прудов всего остального» со своим «гетто» специализированных, маленьких, принципиально убыточных кинотеатров, где демонстрируется «кино как искусство». У автора приведенного высказывания К. Э. Разлогова⁴ такое понимание логики кинопроцесса сочетается с общей «плюралистической» тональностью его взглядов на культуру и тяготеет к принципиальному «воздержанию от оценок». Однако толерантность не свойственна данному подходу *в целом*, и гораздо чаще встречаются рассуждения, подобные утверждению, «что арт-хаус – это... наглухо закрытая система, которая означает свой набор приемов... Например, некоторая бессвязность композиции, со времен «Догмы» подчеркнутая небрежность ручной камеры, некая деформированность снимаемого пространства, вывернутое наизнанку цитирование классических кинообразцов»⁵. Другими словами, в качестве безальтернативной исходной позиции утверждается, что наряду с «набором средств для мейнстрима» «существует набор средств для арт-хауса»⁶, который «демонстративно берется безотносительно к материалу»⁷. Причем, этому арт-хаусному «набору средств» приписывается, можно сказать, *родовая*, претензия на «многозначность и многозначительность»⁸.

Присущая таким обобщениям «позитивистская» императивность (вспомним нашего «архетипического» Евгения Базарова) резко контрастирует с герменевтическим характером тех гуманитарно-научных и философско-культурных дискурсов, которые восходят к классическим новоевропейским идеям «свободы», «творчества» и «личности». В качестве же более определенного антипода *осознаваемой* мировоззренческой позиции «cinema studies» и всех ее *беспредпосылочных*, а оттого непоколебимо уверенных в своей «истинности» производных выступает кантовское учение о скрытой от индивида телеологии его Разума, проявляющей себя категорическими императивами и рассудочным продуктивным воображением. Высшие идеи Разума после Канта были пе-

⁴ Из выступления К. Э. Разлогова в телепередаче «Культкино с Кириллом Разлоговым» (Цит. по памяти).

⁵ Марголит Е. Я. То, что двадцать раз назовут арт-хаусом, не станет серьезнее [Электронный ресурс]. URL: http://www.infox.ru/afisha/cinema/2010/01/22/art_house.phtml

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

реосмыслены как первопричины лично-временных актов «культуры»: предельно-рефлексивного «самомышления» у Фихте, романтической иронии, кьеркегоровского «экзистенциального выбора». В XX веке эту «личностную» традицию продолжили, в частности, концепции «большого времени культуры» М. М. Бахтина и «социума культуры» В. С. Библера.

Данные сопоставления набрасывают одну из возможных схем общеевропейских гуманитарных связей «трезвого» (т. е. избавившегося от «наивной патетики» приоритетов «великой культуры» и «большого искусства») взгляда на «авторское кино». Однако не менее важной представляется *сугубо российская социокультурная подоплека* саркастического отношения к ценностям «истинного авторства». Для того чтобы разобраться в этом вопросе, обратимся к эволюции того *экранного* «социального и внутриличностного конфликта», который и отражал и проектировал «объективный» образ мыслей поздней советской интеллигенции.

В фильмах рубежа 40-х и 50-х годов, так называемого «периода малокартинья», в советском кинопроцессе намечается тема такой «заказной» продукции, которая еще ориентирована на мифологизированного зрителя, но уже не тождественна мироощущению авторов и, следовательно, не является результатом некоей *внутренней* «ангажированности». Бывшие киноавангардисты, творившие первые «киномифы», и они же, «во главе» с М. Чиаурели, создававшие «киномифы» последние, – в этом плане совершенно разные люди. Две формы индивидуального существования этих одних и тех же, но «разных» людей более или менее адекватно могут быть «смоделированы» как культурно-психологические *идеальные типы*, первый из которых представляет собой осознанно *верящую* в «правду прошлого», «правду настоящего» и «правду будущего» *коллективистскую «ментальность»*⁹, а второй – осознанно *конструирующую* все эти «правды», но *не верящую в их индивидуализированную «заданность»*. Другими словами, в позднесталинский период рядом с массами всецело коллективизированных людей начинает укореняться тот тип советской индивидуализированности, который можно соотнести с понятием «конформизм».

Но с самого начала «оттепели» рождается (или возрождается) и другой тип индивидуализированности, сознательно избирающий

⁹ О подразумеваемом в данном случае смысле понятия «ментальность» см., например: Шартье Р. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // НЛЮ. 2004. № 66. С. 26; Рейфман Б. В. Образы «массового человека» в зеркале «реальности» // Вопросы культурологии. 2010. № 11. С. 4–8.

ценностную установку «не заданности», «не тождественности себе», «личности» в ее новоевропейском понимании. В кинематографе этого периода именно такая установка оказывает деформирующие воздействия на «правду прошлого», прежде всего, недавнего прошлого войны, выстраивая сначала едва уловимые, затем все более отчетливые структуры повествовательной условности. Они проступают сквозь обновленную «реалистичность» актерской игры как некое эпическое расширение формата «реальности». Об этом изменении, с одной стороны, можно говорить как о возобновлении традиции классической русской литературы с ее судьбоносной «глобальностью», неоднозначностью, «незапрограммированностью наперед» тем и характеров, с другой стороны, в 60-е годы намечается тот совершенно иной путь к «глобальности», который связан с модернистскими тенденциями в литературе и искусстве. Что же касается *персонажей* кинематографа «оттепели» и первых лет «застоя», то в качестве основного оппонента «личности» здесь чаще выступает мифологизированный «ментальный» человек. Вспомним такие пары героев, как Евстрюков и Фокич в картине «В огне брода нет», или Магазаник и Вавилова в «Комиссаре», или даже доктор Айболит и Бармалей в «Айболите 66». Однако на рубеже 60–70-х годов в советском «авторском кино» происходит изменение характера драматического конфликта. В новых картинах Г. Панфилова, в «Ты и я» и «Восхождении» Л. Шепитько, в фильмах Г. Данелии, Э. Рязанова, А. Митты и В. Абдрашитова на первый план выдвигается не конфликт между «лично»-индивидуализированным и «ментальным» героями, а «внешнее» (между персонажами) и «внутреннее» (внутри одного персонажа) противостояние двух форм *индивидуализированности*, т. е. «личности» и «заданности» (конформизма).

Одним из «прообразов» «внешнего» противостояния в масштабах всего советского «жизненного мира» того периода и, в частности, кинопроцесса была непримиримая, хотя и неравная, борьба моделей исторической памяти. Именно в эти годы складываются новые структуры «правды прошлого», в процессе создания которых как бы возобновляется казавшаяся исчерпанной «заказная» традиция «периода малокартинья». Маршалы и солдаты, партизаны и революционеры, директора заводов и председатели колхозов, почти не меняющие своих лиц, переходят из одного «Освобождения» в другое, формируя, а затем воспроизводя вместе с карьерными очередями в партию, очередями за колбасой и т. д. казавшееся незыблемым жизненное пространство человека «развитого социализма». А на другом полюсе – чуждые какой-либо «правде прошлого» версии «памяти» в творчестве «авторов», наиболее *философски* осмысленные варианты которого дают фильмы А. Тарковского и «Мой друг Иван Лапшин» А. Германа.

Однако незабываемая плеяда «плохих хороших» героев, замечательно сыгранных О. Далем, О. Янковским, А. Калягиным, О. Басиллашвили, Л. Дьячковым, тех, кого можно назвать «плачущими бунтарями», свидетельствует о глубококом «*внутреннем*» кризисе самой советской «личности», внутри себя обнаружившей непреодолимую «заданность». Такая рефлексия была не отделима от открывшейся собственной инфантильности, от того, «что все идеи, надежды, иллюзии, одухотворявшие мир... русского интеллигента 60-х годов нашего века... обернулись химерами»¹⁰.

Один из тонких и провидческих фильмов позднесоветского «авторского кино», соединяющий тему «внешнего» и «внутреннего» конфликта форм индивидуализированности и тему химеричности одномерной «интеллигентской» культурной памяти, – «Храни меня, мой талисман» Р. Балаяна. Затеявая *свои* «прогулки с Пушкиным», режиссер допускает к участию в них сыгранного А. Абдуловым герострата и дантеса «некто Климова», агрессивно наделяющего собственную «заданность» коннотациями «личности». Эта картина с какой-то «беспристрастной эмоциональностью» констатирует победу конформизма в противостоянии форм индивидуализированности. Через некоторое время победивший советский конформизм, полностью поменяв все свои имена и обличья и вытеснив в культурное бессознательное само свое конформистское прошлое, создал все социокультурные условия для «трезвого» отношения к жизни и, в частности, для *российской версии* превращения «авторского кино» в «арт-хаус».

¹⁰ Шемякин А. Превращение «русской идеи» // Искусство кино. 1989. № 5. С. 46.

Ценностный кризис современной России (кинематографический аспект проблемы)

В истории культуры мы часто встречаем такое понятие, как «общечеловеческие ценности». Как правило, под данным понятием подразумевалось либо «золотое правило нравственности», либо (в варианте западной цивилизации) либеральные принципы современного общества. Тем не менее, современная геополитическая ситуация наглядно демонстрирует как существование этнических ценностей, так и общекультурный кризис, свойственный практически всем народам, живущим сегодня на планете.

Современное российское общество, пытаясь не отстать от Запада в своем экономическом и технологическом развитии, несомненно что-то упустило в развитии общечеловеческих ценностей. Если в советском обществе на первом плане были (и культивировались) взаимопомощь, чувство социальной ответственности, интеллигентность, альтруизм, то в наши дни общественные отношения существуют на «рыночной» основе. На смену традиционной русской соборности пришли индивидуализм, эгоцентризм, суетность, хамство, нежелание слышать человека чуждых нам взглядов и ценностных ориентаций. Новым для общечеловеческих ценностей нередко становится лозунг «Кто сильнее, тот и прав». Подобная формулировка ценностей приводит к еще большему отчуждению людей друг от друга.

Искусство, являясь самосознанием культуры, отражает современную кризисную ситуацию в обществе. Рассмотрим ее на примере одного из самых доступных и популярных видов искусства – кинематографа. Внешний взгляд на развитие современного российского кинематографа констатирует, что за последнее время в нашей стране создается достаточное количество кинолент, которые транслируются внутри и за пределами страны. Радует и тот факт, что некоторые из них получают награды на престижных кинофестивалях (работы А. Звягинцева, А. Попогребского, А. Федорченко, И. Вырыпаева и других). Снимают у нас и блокбастеры («Ночной дозор», «Необитаемый остров», «Девятая рота», «Турецкий гамбит», «Особо опасен»). Да и, несмотря на доступность со-

* *Ольга Александровна Сидоренко* – ст. преподаватель кафедры философских наук НТГСПА (г. Нижний Тагил).

временных технических средств (Интернет, торренты, USB флеш-накопители, социальные сети), кинотеатры в традиционном смысле слова сегодня также сохраняют свою привлекательность и актуальность. Развивается в нашей стране и мультипликация («Смешарики», «Маша и медведь», «Карлик Нос»), анимационный цикл о былинных богатырях).

Тем не менее, более пристальный взгляд на современные кинопредпочтения россиян может оказаться весьма далеким от оптимизма. Статья Сэма Клебанова «Артхаус в нокауте» поражает приведенной в ней статистикой. В нашем обществе (как и в любом другом) существуют национальные стереотипы: например, американцы часто расцениваются как «недалекая» нация, европейцев недолюбливают за их скучность и серьезность, представители азиатских стран вообще часто остаются непонятыми. «Но цифры показали, что все страны, кроме Уругвая (США, конечно, стали бесспорным лидером, поскольку там мощная киноиндустрия, которая довлеет над всем мировым кинопрокатом), по сборам кинотеатрального показа артхаусных фильмов в абсолютных цифрах оказались впереди России. Например, Норвегия в абсолютных деньгах (по общим сборам) обогнала Россию в 3,6 раза»¹. Если учитывать такие критерии, как население страны и ВВП на каждого жителя, и через них высчитывать индекс смотрения «серьезного кино», то ситуация также печальна: «Индекс смотрения в Южной Корее оказался в два с половиной раза больше, чем в нашей стране. В Финляндии – в 20,71 раза, в Швеции – в 24,23 раза; Италия – 24,27 раз. Греция – самая кризисная страна Европы – 24,56; Норвегия – 29,91. Самая артхаусная страна – Испания, индекс – 42,02. То есть в 42 раза больше на душу населения в этой стране смотрят артхаус, чем в России»². Конечно, можно и не считать эти факты доказательными, но факты – вещь упрямая, с ними трудно спорить. Понятно, что и артхаус бывает разным по качеству и степени режиссерского мастерства, но подобные работы так или иначе заставляют зрителя размышлять, взглянуть на себя со стороны, анализировать, сопереживать. Автор указанной статьи попытался разобраться в сложившейся ситуации, на что ему ответили, что в России небольшое количество кинотеатров, поэтому заниматься кинобизнесом не прибыльно. Тем не менее, по кинотеатральным сборам массового коммерческого кино россияне обогнали такие страны, как США (!), Германия, Италия, Мексика, Бразилия, Греция и Финляндия. «Если мы в чем-то и превосходим США, так это в просмотрах блокбастеров на душу населения»³. В чем кроется причина сложившейся ситуации?

¹ Клебанов С. Артхаус в нокауте // Искусство кино. 2010. № 8. С. 23.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 25.

Согласимся с С. Клебановым: «Проблема в мозгах, в ценностных приоритетах, личностном развитии зрителей. Всегда считалось, что Россия – самая читающая, культурная, духовная страна в мире, что у нас принято заниматься интеллектуально-культурным трудом, что настоящей духовности нигде, кроме российских просторов, не увидишь. Сегодня же в России восторжествовала культура никаким образом не напрягаться, получать бездумное, ни к чему не обязывающее развлечение»⁴.

Таким образом, приведенные цифры красноречиво свидетельствуют о том, что кризис ценностей действительно имеет место быть в нашем современном обществе. Одной из возможных причин этого может быть влияние телевидения, которое, пытаясь предугадать вкусы зрителей, намеренно снижает качественную планку своих программ. Если верить нашим зарубежным коллегам, то этот процесс идет во многих странах мира: например, в Англии артхаусный прокат сокращается, потому что главные телевизионные каналы страны перестали показывать кино, перешли на гейм-шоу, ток-шоу, реалити-шоу. Подобная ситуация сегодня характерна не только для кинематографа – например, известный канал MTV практически не транслирует музыкальные видеоклипы, концертные выступления – для этого существует Интернет – все эфирное время фактически занимают многочисленные шоу, нацеленные на победу в них любой ценой. Стоит ли говорить о том, что в нашей стране есть специальные каналы, которые нацелены на предоставление зрителю подобных виртуальных удовольствий?

Если прислушаться к мнению современных российских режиссеров, то в целом их позиция сводится к следующему: «Безусловно, есть кино, в большей мере относящееся к понятию “искусство”, в разной степени актуальное, которое может стать неким полигоном, лабораторией для того, чтобы потом воспользоваться, как цитаты или приемы в кинематографе коммерческом. То, что у артхауса не налажено общение со зрителем, – это, мне кажется, в первую очередь, можно объяснить изъянами системы проката и низким спросом на кинопоказы»⁵. Таким образом, именно прокатчики, а не режиссеры несут ответственность за тот выбор кино-материала, который у нас смотрит подавляющее большинство зрителей.

Несомненно, рассмотренная проблема сложна и требует комплексного подхода к своему решению. Большую роль в продвижении «альтернативного» кинематографа играет сегодня Интернет, где люди могут как найти интересующую их информацию, так и поделиться с единомышленниками увиденным. В конечном итоге выбор – за каждым из нас. Будем надеяться, что этот выбор будет правильным, ведь сегодня существует огромное множество культурных альтернатив.

⁴ Клебанов С. Указ. соч. С. 27.

⁵ Искусство кино. 2010. № 8. С. 13 (из анкеты А. Попогребского).

*М. Ю. Гудова**

Социокультурный институт чтения, новые технологии и возможности самоорганизации

Является ли чтение социокультурным институтом – вопрос спорный. Ответ на него зависит от понимания социокультурного института. Оно может быть двояким. Социокультурный институт можно понимать как учреждение, контролирующее и регулирующее определенные культурные и социальные процессы, определяющее ценностное содержание и законодательную базу развития и функционирования института. Другое понимание социокультурного института исходит из отождествления института с культурной практикой, свободно самореализующейся и саморегулирующейся в повседневности индивидов в обществе и культуре.

Первое и второе понимание социокультурных институтов являются дискуссионными, ни одна из точек зрения не является на сегодня доминирующей. Хотелось бы оценить и ту и другую с точки зрения воплощенных в них систем ценностей, прежде чем начать использовать в качестве основания для интерпретации чтения.

Концепция института-учреждения представляется уязвимой в плане динамических представлений о культуре, изменчивости ее структурно-функциональной организации. Социокультурный институт традиционно понимается в социологии как нечто устойчивое, обладающее внутренними законами организации, несущее свою, специфическую систему ценностей и выполняющее в обществе и культуре специфические функции. Социокультурный институт – это особый уровень социальной организации, способный к трансформациям, обновлению и развитию в различные культурные эпохи, но сохраняющий в любой из модификаций свою самоидентичность. Всякое учреждение, возникающее на том или ином этапе функционирования общества и культуры, является конечным продуктом, результатом институционализации (бюрократического признания, легитимации и формализации определенной тенденции развития социокультурной эпохи) – институцией, отли-

* *Маргарита Юрьевна Гудова* – канд. филос. наук, доцент УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

чается принципиальной временной и функциональной ограниченностью и определенностью.

Здесь, как представляется, находится основное внутреннее противоречие между социокультурным институтом и учреждением и главный недостаток в попытке понимать социокультурный институт в качестве учреждения. Итак, концепция института = учреждения переносит на институт свойства учреждения, делает его таким же статичным, не способным к самообновлению и саморазвитию бюрократическим организмом.

В то же время концепция института = практики является динамической по своей сути, она отождествляет социокультурный институт и живую динамичную реальность культурной жизни. Здесь социокультурный институт приобретает способность к внутренней детерминации, самоуправлению, саморазвитию, самоорганизации. Но недостаток такого понимания легко обнаруживается: институт = практика испытывает проблемы с формализацией, конституированием практики в устойчивых организационных формах социокультурных инстанций – институций. Найти и описать институции для постоянно развивающихся и изменяющих свою внешнюю форму, при сохранении сущности, социокультурных институтов становится сложной, но постоянно актуальной научной задачей.

Если мы разделяем принципиальное понимание социокультурной реальности как постоянно обновляющейся и ускользающей от формализации и бюрократизации, а институционализацию понимаем как конечную схоластически-догматическую фазу всякого социокультурного развития, то мы должны отвергнуть статичную трактовку института-учреждения и принять динамичную концепцию института-практики.

Когда исследователи актуальных процессов чтения, как в России (Т. Венедиктова, Б. Дубин, Н. Зоркая¹), так и за рубежом (Ж. Шартье, У. Эко², А. Мангуэль), говорят о кризисе чтения, то имеют в виду, как правило, не культурную практику чтения, а как раз сложившуюся традиционную систему учреждений культуры, обслуживающих и организующих, контролируемых различными способами данную культурную практику.

Безусловный кризис переживают сегодня такие институции чтения, как библиотеки и книжные магазины, издательства и типографии. В кризисе этих институций проявляется кризис письменной бумажной культуры в наступившую эпоху информатизации

¹ Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Чтение в России–2008: тенденции и проблемы. М.: МЦБС, 2008.

² Карьер Ж. К., Эко У. Не надейтесь избавиться от книг! СПб.: Symporium, 2010.

и компьютеризации культуры в целом и отдельных культурных институтов в особенности. В наступившую информационную эпоху изменился тип носителя культурной информации – из листа бумаги он превратился в цифровой носитель, и вместе с этим изменился способ существования институций чтения. Библиотеки стали электронными, цифровыми, сохраняющими как текстовые файлы, так и аудиокниги. Интернет-библиотеки вступают в конкуренцию с традиционными хранилищами бумажной книжной продукции. Книжные магазины сегодня не только предлагают книги на бумажных носителях, но и продают «электронные книги» и диски с электронными библиотеками, виртуальными музеями, электронными гидами или аудиокнигами. Издательства выстраивают свою политику с ориентацией на полиграфическое качество бумажного издания, но сокращают номенклатуру изданий, поскольку именно качество полиграфии дает возможность книге как культурному феномену конкурировать в борьбе за читателя с электронной версией текста. Типографии в новых условиях борются с конкурентами за заказы, стремятся получить крупный госзаказ, особенно на учебники для школы, что гарантирует постоянную загруженность производственных мощностей и своевременную реализацию продукции.

Однако если мы посмотрим на субъектов чтения – авторов, критиков, экспертов, литературные фестивали, раздающие литературные премии, и читателей, то обнаружим, наоборот, не кризисные, а перспективные проявления культурной активности.

Сопоставление культурной судьбы учреждений-институций чтения и субъектов практики чтения еще раз демонстрирует нам невозможность отождествления социального института чтения ни только лишь с первым, ни только лишь со вторым.

Социокультурный институт чтения складывается из всего комплекса параметров: практик, институций, субъектов, социальных ролей, ценностей.

Анализируя современное чтение как социокультурный институт, прежде всего необходимо отметить трансформацию практик производства текста для чтения: это цифровые текстовые файлы, или цифровые аудиофайлы, или электронные изображения. Во-вторых, отмечаем трансформацию средств хранения информации для чтения – это электронные библиотеки или базы данных, в-третьих – способов распространения литературных, научных или публицистических текстов – это электронные общедоступные/специальные платные/бесплатные библиотеки, или электронные магазины, или сайты издательств, или сайты изданий. Соответственно разновидностям производства, хранения и распространения текстов, формируются и разновидности актуального постграмотного чтения: чтение-листание, чтение-разглядывание, чтение-комментирование и чтение-прослушивание.

Эти разновидности чтения существуют сегодня наряду с книжным чтением и тесно взаимодействуют, вбирая из него высокоэффективные коммуникативные элементы и одновременно конкурируя с ним.

Чтение-листание существует сегодня и в отношении бумажных изданий – это избирательное чтение-наслаждение текстом³, когда читатель имеет возможность выбирать, смаковать, и перечитывать, разбивать текст на смысловые фрагменты и компоновать их заново: так читают не только книги, но, главным образом, газеты и журналы, или все то, что, по Р. Шартье, имеет форму книги-кодекса.

Одновременно в экранной культуре формируется практика чтения-прокручивания, или чтения-листания, текста аналогично древнему тексту-свитку. «Современный читатель, читая с экрана, находится в позиции читателя античного, но с одним отличием: он читает свиток, разворачивающийся, как правило, вертикально и снабженный всеми ориентирами, присущими книге-кодексу начиная с первых столетий христианской эры, – нумерацией страниц, указателями, содержанием и т. д. Это совмещение обеих логик, определявших навыки обращения с прежними носителями письменности (свитком, volumen, и кодексом, codex), обуславливает новое отношение к тексту»⁴.

Чтение-комментирование известно в культуре, по крайней мере, с эпохи Средневековья, но оно оставалось на протяжении столетий элитарной практикой привилегированной латинской, а затем светской учености. В условиях современных цифровых коммуникаций «электронная переписка автора с читателями, которые превращаются в соавторов книги, не имеющей конца, перетекающей в их комментарии и дополнения, позволяет установить связь, которая прежде, при ограничениях, присущих печатному изданию, была затруднена»⁵.

Чтение-разглядывание также традиция древняя, идущая от самых первых форм рисуночного, пиктографического, а затем иероглифического письма к современным графическим сопровождениям текста. Этапом в развитии чтения-разглядывания является эпоха Средневековья, с интерпретацией церковной живописи в качестве Библии (Книги) для неграмотных⁶. Практика чтения-раз-

³ Барт Р. Удовольствие от текста // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994. С. 469.

⁴ Шартье Р. Читатель в постоянно меняющемся мире [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/sh6.html>

⁵ Там же.

⁶ Мангуэль А. Чтение картинок // Мангуэль А. История чтения. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 118–132.

глядывания переносит доминанты формирования смыслообразования с рефлексии вербально транслируемого содержания на содержание визуально передаваемое⁷. Современное экранное чтение-разглядывание отличается присутствием в тексте активных ссылок, окружением текста, воспроизводимого on-line всплывающими окнами-баннерами, сопровождением текста ссылками на материал и персонажей исследования. Такая «электронная репрезентация текста, – утверждает Р. Шартье, – во-первых, радикально меняет понятие контекста, а значит – сам процесс создания смысла. Физическое соседство разных текстов в одной книге или в одном периодическом издании уступает место подвижному их включению в логические конструкции, организующие базы данных и оцифрованные книжные коллекции. Во-вторых, она заставляет по-новому взглянуть на материальность произведений, уничтожая видимую связь между текстом и объектом, в котором он содержится, и передает читателю (а не автору или издателю) право компоновать и разбивать на части текстовые единицы, которые он желает прочесть, и даже выбирать их внешний вид. Это переворот в системе восприятия текстов и обращения с ними»⁸.

Другой распространенной разновидностью культурной практики чтения является чтение-прослушивание. Данная практика также имеет большую историю как в рамках истории чтения, так и в рамках развития медиа. В истории чтения – это традиция коллективного чтения произведения вслух, изначально связанная с редкостью и исключительностью как текстов, так и навыков чтения⁹. В истории аналоговых медиа в первой половине XX века (радио и телевидение) практика чтения-прослушивания уходит корнями в практики выразительного художественного или информационного декламирования и коллективного прослушивания транслируемой информации. По мере развития аналоговых медиа практика чтения-прослушивания все более индивидуализировалась, и сегодня такое чтение стало делом индивидуальным¹⁰. Не случайно, что главные потребители аудиокниг – это не слабовидящие или малограмотные люди, а продвинутые интеллектуалы, чаще с отличным зрением и на авто, или пассажиры общественного транспорта, предпочитающие прослушивать чтение книг профессиональными чтецами-

⁷ См.: Маклюэн М. Галактика Гуттенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект: Фонд МИР, 2005.

⁸ Шартье Р. Книга уходит из нашей жизни? Читатели и чтение в эпоху электронных текстов [Электронный ресурс]. URL: <http://inauka.ru/analysis/article86905?subhtml>

⁹ Мангуэль А. Слушая чтение // Мангуэль А. Указ. соч. С. 133–151.

¹⁰ Там же. С. 245.

декламаторами через плееры или другие цифровые устройства, коротая время в пути.

Таким образом, мы видим, что социокультурная практика чтения сегодня отличается еще большим разнообразием, чем в былые времена, поскольку, при сохранении ранее возникших форм самоорганизации такой практики, добавились ее актуальные формы. Институты современного чтения при этом претерпели существенные изменения: традиционные институты дополнились виртуальными электронными библиотеками, изданиями, сборниками, альманахами, журнальными залами и т. д., и это во многом изменило технологию интеллектуального труда автора и читателя. Социокультурная ценность чтения определяется тем, что чтение и сегодня еще в большей мере является со-творчеством, способом экзистенциального самоопределения, формой социальной активности. Социальная роль читателя и чтения – это диалогическая культурная рефлексия по поводу состояния общества и государства и всех ценностно значимых аспектов социокультурной жизни. Сделав краткий обзор сложившихся в реальной культурной практике институций, форм, ролей и ценностей, мы можем утверждать, что культурная практика чтения может быть рассмотрена как динамично развивающийся, самоорганизующийся устойчивый социальный институт.

Л. В. Пятилетова*

Лики современности: постсоветский человек в мире гламура

Современность – актуальная современность – немислима без пронизывающего ее всепроникающего гламура, для понимания сути которого, на наш взгляд, ключевым является интеллектуальный ход Платона (диалог «Парменид») с его идеей единого как базисной структуры, выражающей подлинную взаимосвязь между идеями (явлениями): наподобие того, как справедливость – это мудрость, мужество, умеренность и рассудительность, гламур представляется гремучей очаровывающей смесью (личного) успеха, моды и эротики (гламурно – значит дорого и успешно; гламур глубоко эротичен; «гламурно» и есть «на “последнем” пике моды»).

Все это выражено внесловесно, главным образом визуально, поскольку *гламур генетически визуален* («Родина “гламура” – фотография. Причем не любая, а фотография в модном журнале. Именно в среде “модных” фотографов (fashion) слово “гламур” приобретает статус термина... отличительным признаком такой фотографии остается именно фокус на модель, а не на гардероб... В изображении модели с помощью специальных технических средств уничтожаются все неровности, шероховатости, “странности” – цвет лица “выравнивается”, морщины “разглаживаются”. Индивидуальные особенности строго дозируются. Облик на фото должен соответствовать определенному стандарту» [1]. Как следствие – «визуальная» логика гламура: например, «если у вас нет идеи, нужно заменить эту идею цветом», или «блондинистое – не характеристика женщин, а управляемая внешность, управляющая сознанием», или, как апофеоз гламура, – «наиболее эффективными оказываются максимально примитивные и яркие имиджи – так возникает гламур. Не только как стиль жизни, а как технология, организационный принцип бизнеса и политики» [2]).

Но не стоит абсолютизировать визуальную сторону гламура, сводя его сущностное проявление лишь к оболочке: «визуализация» (когда гламур – лишь средство) обманчива. Нейтральность формы

* Людмила Владимировна Пятилетова – канд. филос. наук, доцент УрГУПС (г. Екатеринбург).

давала бы абсолютную ее безоценочность (разумеется, при строгом, последовательном различении формы и ее практикования). Однако мы наблюдаем обратное: например, «гнойный гламур» (Даниил Дондурей о современном телевидении). А это значит, гламур глубоко содержателен, визуальная оболочка сама по себе ценностно насыщена (так, например, «отполированные» (грим актеров, их костюмы, декорации, напоминающие рекламный ролик) гламуризированные персонажи «Девятой роты» Ф. Бондарчука, резко контрастируя с содержанием фильма (война, ранения, горе), перечеркивают последний: это невыносимо «красиво»).

Содержательно гламур, на наш взгляд, представлен исключительно компонентом «успех», по-особому, безусловно, понимаемым. Это обстоятельство позволяет картинке «перерастать себя», становясь нечто большим, чем просто изображение: и технологией глэм-капитализма (Д. Иванов), и идеологией существующего в России класса богатых (Н. Усков).

Успех, как бы его ни называли – успех по-американски или успех по-русски (в связи с прозрачной природой «большого» капитала очень точен комментарий одного из журналистов радиостанции «Эхо Москвы», который заметил, что он вполне верит в честно заработанные Абрамовичем миллионы, но весь вопрос заключается в том, где он взял свой первый миллион) – это быстрый, почти мгновенный, без длительной аскезы и «осложнений» трудовой этики успех, который конвертируем в доллары, а потому приносящий широкую социальную известность и престиж [См. об этом: 3].

Далее: наличие или отсутствие таким образом понимаемого успеха становится критерием самореализации. Успех приобретает исключительно *личное измерение*: «Я есть причина моего успеха» (и дело не только в действии известного психологического закона – он, на наш взгляд, лишь усиливает действие выбора предпочитаемых социокультурных ценностей). Таким образом, внешняя оценка становится самооценкой. Распространенное «Если ты такой умный (успешный), то почему такой бедный?» – больше, чем поговорка. Это приговор: самореализация имеет денежный эквивалент, исчисляясь в долларах (известный психоаналитик К. Хорни описала данные ценностные предпочтения как невротичный («больной») выбор [4]).

Теперь о глэм-сообществе. Условно его можно поделить на тех, кто, обогащаясь, «производит» гламур, и тех, кто его «потребляет» (вспоминается ставшее расхожим в 90-х «масса (народ) схавает все»). Для первых, составляющих абсолютное меньшинство, гламур, прежде всего, – средство обогащения, технология, приносящая успех (особенно в условиях, как это талантливо точно описано в книге «Глэм-капитализм» Д. Ивановым, когда все ос-

тальные действуют иначе), и одновременно – образ жизни. Меньшинство, в свою очередь, делится на две подгруппы. Первая – глэм-капиталисты: «Они не похожи на капиталистов, описанных классиками, ни на проклятых эксплуататоров Маркса, ни на рациональных добропорядочных буржуа Вебера. Прежде всего, для них характерна проектная логика жизни: они постоянно вкладывают в новые проекты – будь то бизнес, семья или образование – в расчете на максимально быструю отдачу. Короткие периоды интенсивной деятельности сменяются такими же краткими периодами интенсивного расслабления, гиперпотребления. Это выглядит нерационально: они не расходуют силы регулярно и планомерно, они не экономят деньги. Они вбрасывают все в дело, а потом это дело бросают. Прежняя логика капитализма предполагала, что нужно бросать убыточный бизнес, а согласно глэм-логике нужно бросать, продавать бизнес на пике капитализации компании, чтобы перейти к новому проекту и предоставить другим подбирать остатки. Глэм-капиталисты не могут существовать сами по себе, они существуют, прыгая с плеча на плечо неповоротливых рыночных гигантов» [2]. Вторая подгруппа – глэм-профессионалы – «многочисленные креативные директора, менеджеры, дизайнеры, стилисты чего угодно – от аксессуаров до политических проектов. Это те, кто умеет создавать горячие бренды и тренды» [Там же]. «Общая их черта: быстрое сколачивание состояний и отношение к жизни как к “проекту”, точнее, как к серии разных проектов. Всех их характеризует: 1) броскость и беспроблемность; 2) “позитивность”; 3) ненависть к традиционной социальности – не классовая, а эстетическая. Концепция “креативного класса” делает упор на создание “новых форм” в чем угодно. Топ-менеджеры сами назначают себе зарплату и получают ее в любом случае. Сложилась структура социального неравенства, при которой понижение уровня жизни большей части населения происходит одновременно с прямо противоположными тенденциями в верхней части стратификационной системы. Происходит размывание среднего класса: держатели малого бизнеса и профессионалы опускаются ниже среднего уровня пирамиды, тогда как пользователи технологий гламура отрываются от среднего слоя и по уровню доходов, и по стилю жизни» [5].

Идея личного успеха, являясь структурообразующей составляющей гламура, позволяет заполнить идеологическую лауну современного политического пространства России и тем самым срывать (за неимением лучшего: заказной, искусственный, идущий сверху поиск национальной идеи-предназначения ни к чему не привел, кроме сомнительно реализуемых национальных проектов) гламур и идеологию современной российской элиты (проще это выражено названием недавно прошедшего лондонского семинара «Рос-

кошь как национальная идея России): «... гламур за последние пару лет стал идеологией правящего класса России, который давно проклял малиновый пиджак, обрел известную утонченность и научился скептически морщиться на шампанское, если это не Dom Pérignon 1998 года. Модель гламурного образа жизни востребована элитой прежде всего как способ обрести респектабельность, не важно, в глазах Запада или местного бомонда. Г-н Путин носит Patek Philippe и начинает каждое утро с верховой прогулки, г-н Лимонов – щеголяет безупречными вечерними костюмами и не пропускает ни одного светского раута столицы, г-н Абрамович променял сомнительный для Запада титул “русский олигарх” на приличное “хозяин Челси”, г-н Жириновский тщательно подбирает галстуки к рубашкам, местами напоминая миланца, даже г-н Венедиктов, презирующий black tie за сходство с пингвином, заставил себя надеть смокинг на церемонию “Человек года GQ-2005”, потому что “так положено”. В этом смысле гламур консолидировал элиту, стал ее универсальным языком, дресс-кодом и фейс-контролем, ослабив стилистические противоречия между либералами, радикалами, левыми, государственниками и всевозможными неформалами... главной ценностью стала идея успеха, материальным выражением которого является гламурный образ жизни...» [6].

Итак, производители гламура суть его носители. Они и есть тот самый социальный эталон успешности – состоятельного, самореализовавшегося, ультрамодного, физически привлекательного человека, мечты во плоти для большинства – второй группы глэм-сообщества.

Это большинство также неоднородно. Есть верхи, элитарные адепты, как правило, это люди образованные, для них личный успех – критерий абсолютной подлинности «Я». Их ценности (на примере российской публики, ранжируем от ста, берем верхушку иерархии): здоровье – 54 %; друзья, общение (принадлежность к глэм-сообществу) – 52 %; возможность реализовать себя – 47 %; карьера, успех – 44 % [7].

Есть и «низы» – массы, глэм-поведение которых сводится, скорее, лишь к подражанию, без принятия «глэм-философии» с ее центральной идеей личного успеха и, соответственно, без болезненной самооценки в случае социальной неудачи (бедности и, как следствие, невозможности быть гламурным; гламур беспощаден к бедным: они для него не существуют). «Первой Библией гламура, гламурным печатным органом (декоративной женственности), стал Cosmopolitan – “настоящий глянец без выкровок и полезных советов”, превративший галлюциногенный мир мыслящих картинками девушек, чья кожа требует постоянного увлажнения, а психика – очередного теста, в действительность. Революция Cosmo состоялась. И стала носить массовый характер» [6].

И для первых, и для вторых гламур – единственный способ самоидентификации: «Я есть то, чем я кажусь»; те же описанные Э. Фроммом в «Бегстве от свободы» псевдомышление, псевдочувства – псевдобытие гламурного «Я». Степень «огламуривания» – критерий самооценки, личной состоятельности, способности играть в статусные игры и побеждать.

Литература

1. Афонина Е. Ю. Поэтика «гламурного» жеста (на материале русской и зарубежной прозы 1990-х – 2000-х годов) [Электронный ресурс]. URL: <http://kritikttotal.livejournal.com/5476.html> (дата обращения: 12.12.2010).
2. Константинов А. Формула гламура [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusrep.ru/2008/46/interview_ivanov/ (дата обращения: 15.12.2010).
3. Пятилетова Л. В. Этика успеха делового человека. Екатеринбург, 2003.
4. Хорни К. Культура и невроз // Психология личности: тексты. М., 1982. С. 105–106.
5. Трюдо И. Безыдейная идеология виртуальности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.top-kniga.ru/kv/review/detail/php?ID=399885> (дата обращения: 16.12.2010).
6. Что такое гламур? [Электронный ресурс]. URL: <http://violetinform.ru/2009/03/chto-takoe-glamur/> (дата обращения: 20.12.2010).
7. Гламур по-русски: рейтинг жизненных ценностей «демонстративных» потребителей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.prime-tass.ru/news/shou.asp?id=1707&ct=articles> (дата обращения: 17.12.2010).

Новые парадигмы художественно-эстетического сознания

Границы художественного действия с середины XX века вырываются за рамки традиционного искусства и охватывают человека со всех сторон его бытия, активно провоцируя невиданную прежде активность художественного восприятия, стирая грань между творцом и потребителем. Сегодня этот процесс, начавшийся со второй половины прошлого столетия с *перформансов, хэппенингов и акций*, демонстрирует осозанный уход от «станковизма», от классической замкнутости искусства в формате «изящных искусств» или капсуле музейно-концертного восприятия – в более широкий социоантропный контекст. К концу столетия начали реализовываться мечты художников начала века – «искусство» устремилось в массы и овладело ими. Только вот вопрос в том, какое искусство.

Многие радикальные современные арт-практики полностью отказывают своим объектам и в целом современному искусству в эстетизме. Искусства перестают быть носителями эстетического, что в той или иной мере было свойственно им изначально. Когда на экспозициях современной арт-продукции мы созерцаем инсталляции из рваной холстины, замасленной поношенной одежды, ржавого железа, фото с изображением живой миловидной девушки, чье лицо облеплено роем навозных мух, последние надежды на поиск эстетического в подобном «художественном» нас оставляют.

В результате мы имеем дело с мощной стихией пост-культуры, где творческая экзистенция витает вокруг новой антиномичной пары «*вещь – тело*». *Вещь* вырывается из-под контроля прямого утилитаризма, из бытового контекста, опираясь на свои вечные энергии, а также принципы ясности, функциональности, рациональности, прагматизма, реализует аполлоновский (по ницшеанской градации) принцип художественного творчества. Неутилитарные искусства авангарда, модернизма, постмодернизма развиваются по вектору дионисийской стихии, высвобождая мощные витальные начала, бессознательную энергетику *тела*. Приземленная профан-

* *Надежда Юрьевна Мочалова* – канд. филос. наук, доцент, завкафедрой философских наук Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (г. Нижний Тагил).

ная сенсорика прорывается сквозь духовное, утверждая культ телесного и вещного.

Отказ от духовного неонклассики неизбежно меняет субстанциональные основы пост-искусства, выходящая из него идеализаторский, символический и миметический принципы, принципиально утверждая аксиологическую релятивность. Современные художественные проекты, отказавшись от традиционного фундаментального принципа отражения, моделируют различные стратегии не-отражения, а-морфизации. На место миметического подобия предмета и образа приходит сложное логическое отношение, «всеобщее интеллектуальное условие» (Э. Кассирер), изображение-представление как эманация первообраза (Х.-Г. Гадамер). Модные арт-критики, кураторы и галеристы – креаторы новой художественности – опираются на принципиально иные, заведомо радикальные принципы организации арт-пространства – дисгармония, деформация, алогичность, абсурд, монтаж-демонтаж, конструирование-деконструирование, коллаж. Само произведение искусства создает мощное поле художественной реальности, которая может проявляться в новом обличье в какое-то иное время, в бесконечном количестве переистолкований. Монограмма, находящаяся в произведении, может стать основой философских медитаций. «И если ни одна форма живописи не может исчерпать и завершить живопись в целом, если, более того, ни одну картину нельзя считать абсолютно законченной, это означает только, что каждое произведение изменяет, преобразует, проясняет, углубляет, подтверждает, предвосхищает, воссоздает или предсоздает все прочие творения. И если художественные творения не становятся неким вечным обретением, то не потому только, что, как и все на свете, они переходящи, но и потому, что почти вся их жизнь еще им предстоит»¹. Совершенно очевидно, что для такой художественной коммуникации важно не только сохранить неповторимую ауру авторской индивидуальности, но и рассчитывать на личностную духовность воспринимающего.

Созданное художником произведение, выведенная формула искусства исполнена магнетизма жизни, вызывает желание думать, возвращаться к художественным образам, идентифицировать себя через предлагаемые художественные образы. Структура произведения искусства стремится быть выстроенной по принципу «открытой модели». Открытая форма – достояние не только современных художественных практик, но и свойство любого художественного произведения, обладающего колоссальными запасами прочности, таящего резервы смысла, предназначенные разгадке

¹ Мерло-Понти М. *Око и дух* / Пер. с фр., предисл. и коммент. А. В. Густыря. М.: Искусство, 1992. С. 54.

временем. «Всякий раз, когда искусство приближается к высшему совершенству, именуемому классикой, – пишет О. Кривцун, – оно провоцирует рождение новых импульсов художественного мышления, чьи зоны недосказанности и открытости рождаются на совсем неожиданных основаниях»². Этот парадокс бытия искусства классического искусства в музейном пространстве хорошо знаком работникам музея. В контексте иного художественного видения, смены ценностных ориентаций, жизненных стратегий возникают разного рода «художественные ремейки», дающие возможность намеренного столкновения разных стилистических систем, сопряжения разных форм, провоцируя в сознании неожиданный синтез, порождающий принципиально новое художественное качество. Воистину велики классики.

Стало уже общим местом говорить о преобладании в современном искусстве установки на поливариантность, недосказанность, незавершенность. Модернистское мышление художника, скульптора, архитектора (равно как писателя, музыканта, драматурга) ищет новые способы моделирования в художественном произведении некой шероховатости, непричесанности, отступления от канона, всего того, что способно выбить из колеи накатанного художественного восприятия, инерционного автоматизма, клишированных оценок. От современного воспринимающего ждут инновационных художественных реакций, далеких от культурно-дрессированного ума.

С другой стороны, полностью осуществленный замысел, максимально совпадающий с первоначальным художественным проектом, лишен таинственности, чуда, сакральной незавершенности. Трагедия подкарауливает творца, если он осуществляет свой идеал слишком полно, аутентично. Восприятие подобного произведения автоматически переходит в разряд исключительно интеллектуальных действий. О. И. Кривцун констатирует: «В новейшем искусстве, несомненно, можно фиксировать злоупотребление “концептуальной рефлексией” в ущерб ее собственно художественным формам. Уже в начале XX столетия язык абстракции, кубистической композиции вполне обоснованно называли “рентгеном на интеллектуальные способности”»³. Сегодняшние всевозможные перформансы и публичные акции живописцев, скульпторов в своей основе, увы, безусловно замешаны на рациональной стратегии, на приоритете идеи над собственно пластическим мышлением. Многим из такого рода произведений не откажешь в изобретательности, они эпатажируют, демонстрируют власть парадокса, ищут поэзию в алогизмах, в табуированных сторонах сознания и культуры. Эти произведения

² Кривцун О. А. Творческое сознание художника. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 166.

³ Там же.

по-своему выразительны, их можно любить, но – умственной любовью»⁴. Такие художественные вещи не попадают в разряд вечных, вневременных произведений, преодолевающих барьер «здесь и теперь».

В заключение выделим несколько очевидных направлений развития художественно-эстетического сознания в начале нового тысячелетия, выходящих в более широкие пространства жизненной реальности современного человека.

1. Эстетизация среды обитания человека (уровень быденной жизни). Средовый подход является доминирующим в градостроительной и архитектурных практиках, в дизайне, садово-парковом искусстве, искусстве моды, использующих в своей деятельности современные искусства.

2. Организация массовых шоу, зрелищных мероприятий, массового неутилитарного досуга, активно вовлекающая в действие самого реципиента. Шоу-бизнес в создании интерактивных зрелищных пространств, рассчитанных на молодежную аудиторию, использует специальные аудио-визуальные эффекты, раскрепощающие психомоторные проявления, почти уравнивая исполнителей и зрителей на уровне психоэнергетических полей. Создается эффект единой ритмически пульсирующей массы, где человек практически утрачивает ощущение самостоятельности и независимости.

3. Организация виртуальной реальности в пространстве сетевого общения. В художественно-игровом пространстве, создаваемом на основе синтеза всех классических и авангардно-модернистских искусств, каждый человек вовлекается на уровне новой электронной реальности в процесс игры – творчества – восприятия.

4. Сфера элитарных арт-практик, берущих начало от концептуализма, предельно эстетизированной культуры для современных интеллектуалов постмодернистской, постструктуралистской, постконцептуалистской ориентаций. Вся культура осмысляется как огромный гипертекст, в котором отрабатываются приемы герменевтики, игровая эстетика в поисках новых символических смыслов на основе строго продуманной конвенциональности.

Все это не исключает существования консервативного классического направления, которое возможно будет создавать подобия классических произведений во всех видах и жанрах искусства за счет модернизации формы, изобразительно-выразительных средств, вовлекая элементы новейших технологий, приближаясь к уровню классики. Но вероятнее всего это направление развития художественно-эстетического сознания не будет доминирующим.

⁴ Кривцун О. А. Указ. соч. С. 96.

Частный музей как пространство самореализации в современной культуре (на примере музея «Невьянская икона»)

В современной культуре музей становится знаковым явлением, отражающим потребность в представлении собрания материальных ценностей, артефактов как способа выражения культурных смыслов, их концентрации в ограниченном пространстве, которое становится квинтэссенцией важнейших культурных форм. При этом и сам музей, безусловно, культурная форма, атрибут осмысления прошлого и настоящего. Исследователи феномена музея и музейности указывают, что музей выполняет в культуре целый ряд функций: научную и фондовую интровертные функции (хранение, документирование, охрана и научные исследования памятников культуры), а также гуманистическую (распространение культуры, культурная интеграция и коммуникация, формирование культурной среды и культурных ценностей, культурная идентификация личности и хранение национального самосознания, формирование досуга), имиджево-символическую (формирование образа государства, города, региона), экономическую (создание стратегического фонда государства, развитие туризма, культурной индустрии, создание рабочих мест) функции [См.: 2. С. 72–80].

Однако, в особенности примечателен факт, что стремление к реализации принципа музейности есть не только общественное, но также индивидуальное проявление современной культуры. Близкими к музейности формами являются собирательство, коллекционирование, галерейная деятельность, но частный музей – это специфический феномен. Известно, что некоторые коллекционеры, приобретая произведения искусства и другие ценные артефакты либо природные объекты, сохраняют инкогнито и не демонстрируют коллекции публике. В данном аспекте частный музей может быть представлен как антипод закрытой частной коллекции.

* *Наталья Евгеньевна Денисова* – канд. искусствоведения, доцент кафедры философии Новоуральского технологического ин-та НИЯУ МИФИ (г. Новоуральск).

Частный музей «Невьянская икона» (г. Екатеринбург) был создан в 1999 году Евгением Ройзманом и его единомышленниками. Директором стал выпускник исторического факультета УрГУ Максим Боровик. В основу музейного фонда легла коллекция Е. Ройзмана. Музей выполняет исключительно важную и актуальную задачу сохранения уникального явления культуры Урала, до создания музея практически не представленного в достаточной полноте ни в одной из существующих государственных экспозиций (ряд икон выставлялся в Свердловском областном краеведческом музее). В настоящее время благодаря музею невьянская икона уже получила всероссийскую известность. Деятельность музея эффективно способствует вхождению региональной культуры Урала в национальное и мировое культурное пространство, выполняя таким образом имиджево-символическую функцию. Реставраторами музея (М. Ратковским) восстановлено множество икон, при этом многие из них были стерты буквально «до доски». В результате проведенных музеем научных исследований выявлены основные центры и хронологические рамки школы невьянского иконописания, изучены стилистические связи со старыми русским иконописными школами, восстановлены биографии ведущих иконописцев [См.: 1. С. 9]. Сотрудниками музея изданы альбомы «Невьянская икона» (1997), «Уральская икона» (1999), «Музей «Невьянская икона»» (2005), «Красноуфимская икона» (2008), регулярно выпускается научное периодическое издание «Вестник музея «Невьянская икона»» (первый выпуск состоялся в 2002 году).

Идея частного музея изначально предполагает свободу творческого поиска в формировании коллекций. Кроме собственно невьянской иконы, в коллекцию музея входит собрание икон русского севера, скульптура, литье, рукописные книги, шитье. Гибкий подход к структурированию экспозиций, безусловно, вызывает интерес у посетителей и создает неповторимый культурный комплекс. Е. Ройзман пишет, что иконы в экспозиции развешивали буквально на основе интуиции, не всегда соглашаясь с установившимися в официальном искусствоведении канонами: «...Начали экспозицию с самых ранних икон, плавно перешли к поздним. Иногда для сравнения давали рядом один и тот же сюжет разного времени написания. Несколько различных и разновременных сюжетных икон показали вместе, потому что везде был один и тот же позем (такой позем с цветочками и ягодками был распространен в XVII веке у костромских и ярославских иконописцев). Искусствоведы ахнули. Это по какому такому принципу развеска? – ехидно спросили они нас. Неужели непонятно? По геометрическому! Время показало, что мы были правы. Экспозиция получилась стильной и гибкой. Самое главное – с ней можно было работать» [1. С. 12–13]. Явное

преимущество частного музея – мобильность, возможность быстрой адаптации к актуальным культурным потребностям и запросам современности, трансформации социальной среды. В феномене частного музея на один из первых планов выдвигается коммуникационная функция. Это своего рода культурный диалог между личностью создателя музея и посетителями. Первоначальное высказывание переходит в активный обмен информацией, посетители дают свои отзывы, дары посетителей музея становятся важным источником постоянного пополнения его фондов. Частный музей во всех отношениях ближе к публике, что естественным образом способствует совершенствованию его рекреативной функции.

Один из самых важных принципов, на которых зиждется деятельность частного музея, – самореализация его создателя, активное утверждение значимых для личности ценностей в обществе. Аксиологическая функция играет исключительную роль в пространстве частного музея. Кроме того, широко известно, что личный пример является одним из самых убедительных методов воспитания. В свете данного факта экскурсионные программы посещения частных музеев обязательно должны включаться в планы воспитательной работы со школьниками и, в особенности, со студентами вузов, так как студенческий возраст предполагает интерес к проблемам самореализации. Выработка стремления к творческой активности – одна из главных целей гуманитарного воспитания студентов, и здесь трудно предложить более яркий личностный пример, чем концепция и деятельность частного музея.

Литература

1. Музей «Невьянская икона». Екатеринбург, 2005. 192 с.
2. Хангельдиева И. Г., Катина М. П. Современный музей в предлагаемых обстоятельствах: универсалии и национальная специфика // Вопросы культурологии. 2010. № 4. С. 72–80.

С. Ю. Червяков*

Из опыта дореволюционной художественной культуры: кинематограф в Екатеринбурге конца XIX – начала XX вв.

В настоящее время в России активно происходит переосмысление роли и места культурного наследия в жизни общества в целом и отдельного человека в частности. Происходит повсеместное внедрение, эксплуатация и коммерциализация культурно-исторического наследия, которое реализуется через разные сферы профессиональной деятельности, преимущественно туризм, маркетинг, рекламу. В связи с этим актуален поиск новых социально-культурных практик, коммерческих и некоммерческих проектов, позволяющих превратить наследие в ресурс современного экономического, социального и культурного развития.

На наш взгляд, культура отдыха и развлечений конца XIX – начала XX вв. является значимым ресурсом для развития как современного бизнеса в этом сегменте, так и в целом социально-культурной среды мегаполисов. Следует уделять больше внимания сбору информации и ее анализу, чтобы появилась возможность переработки информации о развлечениях того времени. Одним из наиболее популярных развлечений того времени был зарождавшийся кинематограф.

7 ноября 1896 г. в старом городском театре состоялся первый сеанс кинематографа в Екатеринбурге. Демонстрировал картины г. Маржецкий¹. Проекционный аппарат был поставлен на сцене. На месте театрального занавеса висел небольшой экран. Таким образом, экран находился между киноаппаратом и зрителями. Но поскольку в газете упоминается «изобретательность Томаса Эдисона», можно предположить, что в Екатеринбурге еще показывали не кинематограф, а кинетóграф.

На первом киносеансе в качестве источника света использовался так называемый свет. Он получался при помощи ацетилено-

* *Сергей Юрьевич Червяков* – аспирант 1-го года обучения Гуманитарного ун-та, SEO-специалист ООО «Меноком» (г. Екатеринбург).

¹ Кинематограф // Екатеринбургская неделя. 1896. № 44. 10 ноября. С. 1053.

кислородной лампы, где в струе кислорода сгорал ацетиленовый газ, который раскаливал каолиновую пластинку или известковый стержень. Малые размеры экрана, нечеткая работа киноаппарата в руках малоопытного демонстратора не привели екатеринбургских зрителей в восторг. По этому поводу газета «Екатеринбургская неделя» писала: «Дело говорит само за себя. Нет ни малейшей надобности употреблять гостинодворские приемы: «Не похвалишь – не продашь»².

Летом 1897 года в Екатеринбург пожаловали на гастроли агенты изобретателей кинематографа братьев Люмьер. К этому времени они уже успели посетить большое количество городов в России, ошеломляя зрителей своими кинокартинами. После второго сеанса в городском театре газета «Урал» отмечала: «Настоящий кинематограф представляет особый интерес сравнительно с теми, которые демонстрировались у нас зимой в театре и на пасхе в цирке. Смотря на эти «живые фотографии», зритель невольно забывает, что перед ним экран, а не действительность, и поражается гениальностью изобретателей...». В Екатеринбурге агенты братьев Люмьер дали девять киносеансов и два – в Нижнем Тагиле.

После этого кинематограф в нашем городе долго не появлялся. А летом 1904 года в Екатеринбург опять приехали агенты братьев Люмьер с фильмами новой французской фирмы «Братья Пате» на сюжеты из русско-японской войны. Любопытно, что русских казаков в тех картинах показывали в несуразных костюмах допетровских времен.

Со второй половины 1904-го по 1908 год Екатеринбург пережил гастрольный период кочующих кинематографов. Предприниматели афишировали свои походные кинематографы самыми различными наименованиями. Кроме синематографа Люмьер, тут были аниматографы, биоскопы, витаскопы, электробиографы, вивантографы, синематохронофоны, операмегафоны. Некоторые из них представляли собой неудачную попытку соединить кинематограф с фонографом или граммофоном. Демонстрация фильмов проходила в городском театре, в общественном собрании, в концертном зале Маклецкого, в Верх-Исетском театре (снесенном в 1924 г.), в Харитоновском саду.

Потом на смену кочующим кинематографам в Екатеринбурге пришли постоянно действующие кинотеатры. 22 февраля 1908 г., например, в концертном зале Маклецкого открылся «Электро-Оригинал-Биоскоп». 2 марта 1908 г. на углу Уктусской и Съезжей (ныне угол улиц 8 марта и Антона Валика) зажег вывеску «Большой Парижский театр Электро-Биоскоп». Однако, несмотря на «гром-

² Кинематограф. С. 1053.

кие» вывески своих заведений, владельцы их скоро прогорели. Но в следующем году кино прочно завладело публикой. Тогда в городском театре начал постоянно демонстрировать фильмы предприниматель Лоранж. Вскоре свой «Новый электро-театр» он перевел в здание на углу Главного и Вознесенского проспектов.

Один за другим появлялись и исчезали кинотеатры с таинственными и манящими названиями: «Одеон», «Магнит», «Комета», «Рона». В домашнем театре некоей купчихи, в доме на нынешней улице Декабристов у самого моста, действовал кинематограф «Марс». На его афишах подчеркивалось, что он имеет прекрасный аппарат самой последней конструкции известной заграничной фабрики «Гомон». Фильмы давались целыми сериями. В 1910 году, например, шли «Трагическая свадьба» – драма из быта и жизни арабов, «Ограбление барона Х» – приключения сыщицы Этелькинг, «Современный Тартарен» с Максом Линдером в главной роли и другие подобные же «киномелодрамы» и «боевики». На углу Главного проспекта и Студеной (ныне улица Допризывников) привлекал зрителей кинематограф «Буфф». А на другом углу помещалось Алексеевское реальное училище. И реалисты, конечно же, только и ждали конца уроков, чтобы бежать через улицу смотреть новые кинотрюки по льготным ценам. Ведь афиши объявляли: «Учащиеся в форме платят 10 коп.»³

В развитии кинематографии в Екатеринбурге значительную роль сыграл В. Л. Метенков. В 1908 году в его магазине организуется кинематографический отдел. Началась продажа и прокат кинокартин. Позднее он взял представительство по прокату фильмов от фирм Пате, Гомон, Ханжонкова и других. Кроме того, В. Л. Метенков начал производить киносъемки хроникальных картин. Первая его картина была «Екатеринбург во время масленицы»⁴.

В 1913 году на волне общего подъема российской экономики начинается бурный рост кинематографической промышленности, образуются новые фирмы.

В Екатеринбурге появились прокатные конторы русских и заграничных фирм. Контора фирмы «Бр. Пате», которая находилась на Златоустовской (ныне улица Розы Люксембург, 38), кроме своих фильмов стала основным поставщиком киноаппаратуры для Урала и Сибири.

Кроме Метенкова занимались киносъемками и другие лица. В 1910 году фотограф Рона снял народное гулянье около Верх-

³ Бердников Н. Н. Город в двух измерениях. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1976. 112 с. С. 64.

⁴ Козлов В. «Лоранж», «Колизей» и другие // Вечерний Свердловск. 1975. 27 дек. № 302(5515). С. 3.

Исетского театра. В 1915–1916 гг. фотограф Мурдасов вел кино- съемки местной хроники: «Пожар в Архиерейском переулке», «Приезд Архиерея», «Работа на гранитной фабрике» и другие. С платформы товарного поезда он заснял виды Южного Урала, панорамный вид Златоустовского завода. За производство без разрешения кино съемок с товарного поезда управление Самаро-Златоустовской железной дороги возбудило против Мурдасова судебное дело.

Мурдасов пытался снять и художественный фильм «Кольцо души девицы я в море утопил». В качестве моря Мурдасов использовал озеро Шарташ. Роли исполняли артисты-любители екатеринбургского драматического кружка. В этом деле он потерпел неудачу. Художественный фильм не получился. В 1916 году сын владельца гостиницы «Пале-Рояль» Имшеницкий снял силами артистов-любителей фильм под названием «История одного лета». Это была драма в четырех частях из жизни молодежи того времени. Фильм демонстрировался в кинотеатре «Художественный» (впоследствии переименованном в «Мюд», потом в «Салют»).

Вместо старых в городе появились новые кинотеатры. Среди них наиболее первоклассным был кинотеатр «Лоранж» (на том месте, где было недавно «Совкино»). На его экране прошли самые лучшие фильмы русских и зарубежных фирм. В 1916 году в нем демонстрировались с озвучиванием два фильма: комедия «Иванов Павел» и драма «Умер бедняга в больнице военной». Озвучивание производилось артистами, которые во время демонстрации находились в оркестровой яме перед экраном.

В городе появилось екатеринбургское отделение по прокату кинофильмов акционерного общества «А. Ханжонков и Ко». В 1915 году его приобрел в собственность золотопромышленник Созоновский. До этого он основательно перестроил старый городской театр под кинематограф, и в этом здании с 1912 года кинематограф обоживался навсегда⁵. В 1914 году кинотеатр назвали «Колизей»⁶.

На основе имеющейся информации можно разрабатывать различные культурные и образовательные проекты, использовать ее в экскурсиях, которые проводятся в Екатеринбурге современном, задействовать в развитии общегородских мероприятий и имиджа Екатеринбурга, перспективных коммерческих проектов, в том числе в сфере Интернет.

⁵ Нечаева М. Ю., Шкерин В. А. Путеводитель по старому Екатеринбургу. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 1998. 64 с. С. 55.

⁶ Козлов В. Указ. соч. С. 3.

В. М. Танаев*

Типологический подход к исторической памяти (на примере России и Израиля)

1 Ситуация с исторической памятью хорошо иллюстрирует классический психологический парадокс: когда встречаются двое, то во встрече участвуют шестеро: я (как я думаю о себе), он (как я думаю о нем) и я (каков я есть на самом деле); то же и с другой стороны.

2. Применительно к истории вообще можно эту ситуацию трактовать таким образом: Я (как есть на самом деле) – это «гимназическая история» классической науки, четко разделявшей объект и субъект; он (как я думаю о нем) и я (как я думаю о себе) – это результат исторической рефлексии, продукт исторической памяти, предмет изучения неклассической (неразрывная связь объекта и субъекта) и постнеклассической (когда субъект «формирует», аутопоиетически «проявляет» объект) стадий развития науки.

3. Таким образом, историческая память является рефлексией субъекта, «строящейся» по определенным правилам, в процессе которой роль онтологического (рационального) компонента сознания носит весьма ограниченный характер, в отличие от аксиологической (эмоциональной, ценностной) и волевой (праксиологической) составляющей.

4. Наиболее важным является аксиологический компонент исторической памяти, так как даже стереотипы этнического исторического поведения (этническая историческая установка) формируется путем подражания и идентификации на основе специфических (этнических) надындивидуальных архетипов коллективного бессознательного (К.-Г. Юнг).

5. Субъектом исторической памяти является индивид в своей конкретной «этнической оболочке» этнического самосознания (национального менталитета) как единственно возможной форме существования человека как биологического вида, тем более что она проявляется в 3–5 лет в форме этнической рефлексии (6–7 лет) (Ж. Пиаже).

Именно этническая ментальность является главным «цементом», скрепляющим этнос (в отличие от крови, языка или терри-

* **Владимир Михайлович Танаев** – магистр частного права, ст. преподаватель юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

тории) (Л. Н. Гумилев), основой создания национальной «мифологии», культуры и исторической памяти.

6. Существующий на сегодня научный инструментарий для изучения национального (этнического) менталитета, основанный на монистической психологической парадигме (различия между людьми не носят принципиального глубинного характера), имеет описательный характер, что требует создания новых подходов, в частности связанных с изменением базовой психологической парадигмы на типологический подход К.-Г. Юнга, в котором различия между людьми связаны с определенными типами структуры подсознания и носят глубокий, принципиальный и непреодолимый характер.

7. В соответствии с современной информационно-метаболической теорией типологии К.-Г. Юнга (в трактовке Майерс–Бриггс) существуют два способа восприятия (S – конкретный, индуктивный и N – абстрактный, интуитивный, дедуктивный), которые сочетаются с двумя способами принятия решений (T – рациональный и F – эмоциональный). Общая направленность личности на восприятие (P) или на принятие решений (J) дополняется экстраверсией (E) или интроверсией (I).

Из этих психологических дихотомий, имеющих в психике каждого человека, путем комбинирования преобладающих (хотя бы на 51 %) свойств образуются четыре личностных ядра (ST, SF, NT, NF) и 16 психотипов (от ESTP до INFP), исчерпывающих все многообразие типов человеческой личности и отражающих структуру подсознания каждого конкретного человека.

8. Применяв типологический подход к анализу исторической памяти, можно говорить об ее национальном (этническом) характере, о ее выборочности, даже о ее стабилизирующем и психотерапевтическом характере для этнической психологии.

9. При переходе от общих рассуждений к конкретике типологический подход дает инструментальную основу для анализа и работы с исторической памятью в виде концепции этнодиады (В. М. Тамаев), когда предлагается применить типологический подход не только к структуре внутреннего «ядра» личности, получая 16 психотипов по Майерс–Бриггс, но и к структуре «этнической оболочки» (через социологическое представление о «базовом человеке»), получая типологическую структуру этнического самосознания в виде этнодиады (сочетание двух психотипов).

Для этого используется принцип метаисследований, позволяющий соединять «несоединимое», чтобы получить цельную картину «сверху». В нашем случае это будут метасоциологические и метакультурологические исследования, дающие представление о наиболее адекватных фигурах массового этнического самосозна-

ния. Например, «Лицо России» – ESTP (Маршал): Сталин, Иван Грозный, Александр Невский, маршал Жуков и INFP (Лирик): Есенин; «Лицо Германии» – ENFJ (Наставник): Гитлер, Фридрих Барбаросса и ISTJ (Инспектор): Фридрих Великий. Не меньшее значение для этнопсихологической диагностики имеют фигуры этнической «массовой культуры», например, в Англии культ ISTP (Мастер): Шерлока Холмса, Джона Леннона и ENFP (Советчик): доктора Уатсона, Пола Маккартни, Антона Чехова (как самого исполняемого драматурга), в отличие от ENFJ (Наставник): Шекспира как самого исполняемого драматурга в Германии и т. п.

10. Получаемые этнодиады позволяют инструментально описать психологическую структуру этнических ментальных и поведенческих стереотипов, например, Россия: ESTP (Маршал) – INFP (Лирик); Англия: ISTP (Мастер) – ENFP (Советчик); Израиль: ENTP (Искатель) – ISFP (Посредник) и т. п.

А взаимодействие внутреннего «ядра» и этнической «оболочки» позволяет понять личностные реакции конкретных деятелей этих обществ, например, мессианская имперскость А. Проханова (сочетание ядра Наставника (ENFJ) и этнооболочки Маршала (ESTP)), жесткая революционность В. Ленина (сочетание ядра Предпринимателя (ENTJ) и этнооболочки Маршала (ESTP) – «заказные» отношения между ними) в сочетании с резко критическим отношением к русскому народу (сочетание ядра Предпринимателя (ENTJ) и второй составляющей этнооболочки Лирика (INFP) – «реvizные» отношения).

11. Переход на более высокий, культурологический уровень обобщения в рамках концепции «национального образа мира (этнической картины мира)» (Г. Гачев), с учетом психологической оболочки этноса (этнодиады), позволяет более глубоко понять характер рефлексии, исторической памяти конкретной национальной (этнической) общности.

Например, три агента Истории в Русском Космосе: пространство Космоса (Россия, «мать – сыра земля») и два мужика: народ (Психо) – INFP, Лирик (по горизонтали) и Государство – Кесарь (Логос) – ESTP, Маршал (захватчик и иноземец по своей сути) (по вертикали). Отсюда становится понятным ядро российского «веймарского синдрома»: уменьшение пространства Космоса (катастрофа распада СССР, **потеря территории, Космоса**) и горизонтального (властного, имперского) влияния.

Еврейская картина мира, построенная на Логосе комбинаторного типа (ENTP, Искатель) и Психо – ощущении сверхценности Жизни во всех ее проявлениях (ISFP, Посредник), дополняется принципиальным «минус Космос» (пространство, территория), что позволяет вечно существовать феномену диаспоры («Вечный Жид»).

Параноидальная современная борьба за территорию (**появление территории, Космоса**), уносящая энергетику Психологоса народа, составляет ядро «**иерусалимского синдрома**» современного Израиля.

12. Дополняет картину предлагаемых представлений об исторической памяти необходимость учета стадий этногенеза (Л. Н. Гумилев) конкретных обществ: Россия – **фаза надлома**, характеризующаяся резким снижением уровня пассионарного напряжения после акматической фазы (колебание пассионарного напряжения на предельном уровне), сопровождающимся расколом этнического поля; Израиль – **регенерация** после фазы обскурации, характеризующейся снижением пассионарного напряжения ниже уровня гомеостаза, сопровождающимся угрозой исчезновения этноса.

13. И в заключение, касаясь перспектив и возможностей изменения этнического самосознания и исторической памяти (как его рефлексией), можно утверждать следующее.

Во-первых, эти возможности в обычных условиях достаточно ограничены. Скорее всего, не более 20 % (с учетом принципа «минимакса» Парето, выведенного на примере экономики как вида «человеческой деятельности» (Л. Фон Мизес, 1949)). Внутренняя стабильность как личности, так и этноса очень высока (80 %), а резкое снижение пассионарности (например, итоги Второй мировой войны для Германии и Японии) или ее повышение (например, своеобразный Приход евреев в воссозданный Израиль) носит скорее временный, чем принципиальный характер. Здесь большее значение имеет **фактор времени**, в частности для России.

Во-вторых, второй способ изменений – это **групповая (социальная) работа** в разных формах: от политики (как искусства возможного) до политкорректности, образования и воспитания.

В-третьих, **индивидуальная работа** над собой – от самообразования до коучинга.

Ну и, наконец, есть самый грозный фактор изменений, когда «судьба тащит» даже самых сопротивляющихся – это **процессы глобализации**, в рамках которых национальности (этносы) становятся либо ведущими (используемыми), либо ведомыми (используемыми).

Другого, по-видимому, не дано. А исторической памяти остается только фиксировать этот процесс.

*М. Кенигштейн**

Русские евреи в Израиле: продолжение кризиса

В процессе аккультурации в новой стране иммигранты, как правило, усваивают ценности и нормы принимающего общества, передавая ему часть собственного культурного багажа. В результате происходит трансформация, конвергенция и интеграция взаимодействующих культур, что является мощным импульсом их обогащения и развития. Вместе с тем, между иммигрантами и другими группами населения нередко возникают противоречия и конфликты, принимающие формы аномии, социального и психологического отчуждения, сопровождающиеся разрушением культурных норм и ценностей, институциональной и неформальной дискриминацией. «Геттоизация» иммигрантов, их маргинальный общественный статус нередко воспроизводится в следующих поколениях, закрепляя отчуждение иммигрантов и усиливая враждебность со стороны коренного населения.

Негативное отношение к иммигрантам, шовинизм и ксенофобия, провоцирующие этнокультурный и конфессиональный изоляционизм, усиливаются и распространяются даже в странах с продолжительными и устойчивыми либерально-демократическими традициями. В частности, от 10 до 30 % избирателей во Франции и Голландии, Австрии и Германии поддерживают политиков, требующих «очистить страну от иммигрантов». Уступая этим общественным настроениям, даже умеренные европейские лидеры говорят о «крахе политики мультикультурализма».

Различными формами ксенофобии по отношению к иммигрантам заражены многие граждане не только традиционных, но и новых демократий: по данным опросов, больше половины российского населения полностью или «в разумных пределах» поддерживает лозунг «Россия для русских!», и около трети респондентов согласны с тем, что «во многих бедах России виновны люди «нерусских» национальностей» (Левада-центр, 2007).

Реакцией на ксенофобию и дискриминацию является усиление тенденций этнокультурного сепаратизма и консолидации имми-

* *Моше Кенигштейн* – социолог, руководитель Дома ученых-иммигрантов (Израиль, г. Тель-Авив), руководитель интернет-портала <http://madan.org.il/>

грантских меньшинств, увеличение дистанции и противостояния между ними и другими группами населения. Как следствие, определенные группы иммигрантов, даже во втором и третьем поколениях, нередко не только отказываются от позитивных стратегий социокультурной интеграции, но наоборот, пытаются противопоставить и навязать принимающему обществу собственные ценности, нормы поведения и образ жизни, прибегая иногда к насилию и террору. В связи с этим различные группы коренного населения, а также представляющие их политические лидеры указывают на иммигрантов как первопричину социальной дестабилизации, разрушения «национального характера государства» и традиционной системы ценностей. Так, по данным исследований, среди социальных страхов и угроз, вызывающих наибольшее беспокойство населения, все чаще оказываются не только «традиционные» – «безработица и снижение уровня жизни», «рост преступности и терроризм», – но и угрозы социокультурного плана: «потеря национальной самобытности», «размывание традиций», «утрата моральных ценностей». Поэтому в странах, открытых для иммиграции, готовность иммигрантов к аккультурации, их гражданская идентичность и лояльность по отношению к принимающему обществу и государству приобретают все большую значимость.

Израиль был создан как национальный дом для евреев, живущих в разных странах мира. «Классическая» концепция «собираения» на исторической родине евреев, «рассеянных» в диаспоре, подразумевает отказ репатриантов от их культурного багажа, нивелирование межобщинных различий и создание новой единой израильской нации. Приверженность традиционным еврейским ценностям наряду с принципами сионизма и демократии является идеологической и духовной основой существования государства Израиль, зафиксирована в его Декларации независимости и основных законах.

Однако, несмотря на вполне определенное стремление к этноконфессиональной гомогенизации, еврейское население Израиля уже в первые годы существования государства оказалось разделенным на субэтнические группы «ашкеназов» и «сефардов», светских и религиозных, старожилов и репатриантов. Вместо сближения и интеграции в основу отношений между светской и религиозной частями еврейского населения были положены принципы «статускво», предполагающие практически полную автономию и неизменность религиозных институтов, их общественного и политического статуса.

В дополнение к субэтническому разнообразию еврейского населения, более четверти численности граждан Израиля (около 1,8 миллиона человек) – неевреи. Кроме местных этноконфессио-

нальных меньшинств (арабов, бедуинов, друзов и др.), к неевреям относится более 300 тысяч иммигрантов, прибывших в Израиль из СССР/СНГ в составе смешанных русско-еврейских семей. В настоящее время Израиль представляет собой фактически полиэтничное государство, в котором сосуществует множество этнокультурных общностей с различными и нередко противостоящими ценностями и культурами.

В Израиле в жизни русских евреев – иммигрантов происходят существенные перемены: изменяется их социально-экономический и гражданско-правовой статус, положение в этносоциальной иерархии израильского общества, культурная среда и сфера общения, характер межличностных, внутрисемейных и межгрупповых связей и отношений. Естественно, это влечет за собой существенную трансформацию ценностей и норм, образа жизни и поведения большинства иммигрантов. Характер и тенденции этой трансформации зависят от многих факторов и условий существования различных групп иммигрантов: детей и подростков, пожилых людей и пенсионеров, семей и одиночек, работающих по специальности и безработных.

Особенностью аккультурации русских евреев в Израиле является то, что, с одной стороны, этот процесс происходит в национально однородной еврейской среде, в которую репатрианты «возвращаются» из «страны исхода», диаспоры (рассеяния). Поэтому иммигранты стремятся к сохранению своего культурного «капитала» и статуса в израильском обществе, не навязывая ему свои ценности и нормы как чуждые, а предлагая и передавая – как имеющие общенациональное или универсальное значение.

С другой стороны, оказавшись в Израиле, русские евреи, как правило, испытывают «культурный шок», основным компонентом которого является несовпадение их ожиданий и представлений о еврейской национальной и этнокультурной среде с израильскими реалиями. Многие из них, особенно представители научно-технической и культурной элиты крупнейших городов бывшего СССР, были разочарованы дефицитом «европейскости», доминированием «левантийских» компонентов образа жизни, культуры и общественных отношений.

Кроме того, многие из русских евреев, рассчитывавших на возвращение к еврейским религиозным и культурным ценностям, пришли к выводу о «недостаточно еврейском характере Израиля». Результатом стало неприятие «чрезмерной» левизны и либерализма израильского общества, так называемый «критический патриотизм», сконцентрированный в форме популярного русского (а точнее – российско-имперского) выражения «за державу обидно!», что, как и всякая обида, оказывается питательной средой для политического экстремизма.

Следует отметить, что разочарование испытали не только иммигранты, но и многие коренные израильтяне, а также старожилы Израиля, включая русских евреев – иммигрантов 1970-х годов. Некоторые группы израильского общества надеялись с помощью «новых русских» закрепить или повысить свой этнокультурный статус и политические позиции. Когда надежды не оправдались, многие израильтяне обвинили в этом самих иммигрантов. Кроме того, практически в каждой общественной группе оказалось немало людей, видевших в иммигрантах потенциальную угрозу их статусу и считавших их конкурентами.

Уже в начале 1990-х годов в массовом сознании израильтян появились первые негативные стереотипы, относительно культурных ценностей и норм выходцев из СССР/СНГ. В СМИ, как правило, подчеркивались негативные черты русскоязычных иммигрантов: недемократическое, «тоталитарное» сознание, склонность к насилию, правовой и моральный релятивизм, равнодушие к традиционным еврейским ценностям и нормам. Даже сейчас, спустя 20 лет после начала массовой русско-еврейской эмиграции, подобные огульные обвинения, негативные стереотипы и ярлыки в адрес русскоязычных израильтян используются и распространяются политическими деятелями, стремящимися с помощью ксенофобии привлечь симпатии «своего», секторального электората.

По данным исследований, большинство русских евреев, так же как и коренные израильтяне, разочарованы отсутствием национального единства, глубокими различиями, противоречиями и даже антагонизмами между различными группами населения Израиля. Действительно, израильское общество расколото на социально-экономические и этнокультурные группы, что произошло, разумеется, задолго до массовой эмиграции из СССР/СНГ. Констатируя это, не только ученые, но также политические и духовные лидеры Израиля говорят о коррозии и утрате ценностей, на протяжении веков обеспечивавших единство еврейского народа и консолидировавших молодое израильское общество. Если традиционная система ценностей размывается, это чревато ростом социальной напряженности и, в конечном счете, распадом общественных связей, что в равной степени негативно отражается как на коренных жителях, так и на иммигрантах.

Израиль стоит перед все более настоятельными вызовами и жесткими требованиями социальной, политической и культурной модернизации, исходящими не только изнутри, со стороны различных групп израильского общества, включая иммигрантов, но и извне – под влиянием региональных, международных и глобальных факторов трансформации и обновления.

Т. П. Старых*

Взаимодействие культур и проблема идентичности (на примере России и Китая)

Социокультурные преобразования, происходящие в последнее время в России, подвергли трансформациям многие социальные институты и механизмы и обусловили модификацию культурных контекстов и интерпретаций ценностей. Эти изменения привели к деформации базовых предпочтений, жизненных установок, стиранию и размытости идентичности, в том числе этнической и культурной.

Симптоматично, что исторически культурное развитие России сопряжено с различного рода переломами. Эти переломы в истории зачастую резко меняли культурные устои, что нередко сопровождалось болезненной ломкой ценностей. Такие переломы характерны, в частности, для Петровского времени, становления советской власти и постсоветского времени.

В основе существования и развития любой культуры лежат базовые системы ценностей, выступающие ее связующим ядром, а также связанные с ними традиции, нормы, правила, стандарты поведения, культурные коды, символы и образцы. Тесно связанные между собой, они формируют единое поле культуры, которое делает социальные взаимодействия понятными, упорядоченными и предсказуемыми. Кроме того, ценности определяют приоритеты и векторы дальнейшего развития. При этом важным является сохранение культурной идентичности. В этом плане значимым представляется видение русским культурологом Ю. М. Лотманом понятия «границы», т. е. пространства, которое определяется как «наше», «свое», «культурное», «гармонически организованное» и т. д.¹, позволяющее человеку определить свою культурную принадлежность.

Вопросы, связанные с положением России в мире, ее идентичностью, часто привлекали внимание российских исследователей. Над ними размышляли Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов,

* **Татьяна Павловна Старых** – специалист Уральского экономического колледжа (г. Екатеринбург).

¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2004. С. 257.

Г. П. Федотов и другие крупнейшие отечественные ученые. При этом в центре их внимания находился вопрос о своеобразии России, ее исторической и культурной самобытности, которая должна учитываться в ее отношении как с Западом, так и с Востоком. Как известно, мнения разделялись. Так, «западники» утверждали, что Россия составляет неотъемлемую часть европейской цивилизации, а «славянофилы» отстаивали идею о ее особости и самобытности, о присущей России некоей всемирно-исторической цивилизационной миссии. В частности, П. Я. Чаадаев в «Философических письмах» описывал уникальность России, ее непринадлежность «ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку»², а Н. А. Бердяев рассматривал Россию как отдельную часть света, называя ее «Востоко-Западом». Эта полемика о месте России и ее взаимодействии с другими культурами сегодня не только не потеряла своей актуальности, но обрела новую динамику в силу развития кросс-культурных взаимодействий и глобализационных тенденций.

Сегодня одним из актуальных вопросов становится вопрос о Китае и его взаимодействии с другими странами. Ряд современных исследователей предупреждают о тенденции поглощения Китаем других культур. В частности, американский ученый Питер Наварро говорит о грядущих войнах Китая, которые, по его мнению, развернутся на всех фронтах, и в XXI веке не останется ни одной сферы человеческой жизни, которая не претерпит серьезных изменений под воздействием стремительного подъема этой страны³. В конечном счете, не исключена возможность превращения Китая в одну из самых мощных сверхдержав, которая поглотит другие культуры.

В последнее время одним из факторов такого процесса поглощения становится китайская миграция, распространившаяся, в том числе, и в России. Важно подчеркнуть, что жизненными приоритетами для большинства китайцев являются семья, традиция, долг и интересы страны, поэтому миграция становится своего рода патристическим долгом⁴.

² Чаадаев П. Я. *Философические письма: письмо первое* // Хрестоматия по культурологии. СПб.: ООО «Изд-во «Петрополис»: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2000. С. 41. Т. 2: Самосознание русской культуры / Под ред. И. Ф. Кефели, В. Т. Пуляева, В. П. Сальникова, С. В. Степашина.

³ Наварро П. *Грядущие войны Китая: поле битвы и цена победы*. М.: Вершина, 2007. С. 8.

⁴ См.: Полеванов В. Как жить рядом с драконом (Запись беседы) // Литературная газета. 2008. № 38–39. С. 3.

Если заглянуть в глубь истории и культуры Китая, можно увидеть, что приоритет семьи и интересов государства всесторонне развернут в учении Конфуция. Идеалом конфуцианства является создание гармоничного общества по древнему образцу, в котором всякая личность имеет свою функцию. Гармоническое общество построено на идее преданности (чжун) – лояльности в отношении между начальником и подчиненным, направленной на сохранение гармонии и самого этого общества.

Вообще гармония является одним из базовых понятий китайской культуры. Так, один из древнейших символов Китая – символ инь-ян гармонизирует взаимодействие светлого и темного, небесного и земного, мужского и женского. Заметим, что ключевой образ китайской культуры – дракон – нередко используется в изображении даосской монады, изображающей концепцию инь-ян. Дао – это безбрежный и постоянно меняющийся поток, вечный поток существования и становления. Именно дракон – это быстрое как молния и сильное как ветер, неуловимое взглядом непосвященного человека животное – является воплощением гармонии мирового порядка, «единство мира в его переменах»⁵, а также творческой силы, с которым связано творчество человека и творение Вселенной.

Синологи обращают внимание на то, что уже в космологических мифах древнего Китая, которые восходят к V тыс. до н. э., с образом дракона были связаны те персонажи, которые являлись творцами Вселенной, то есть с творческой силой. В частности, перепредок Пань-гу имел голову дракона⁶.

Что касается России, то многие авторы отмечают общую «пограничную» природу русской культуры (И. А. Ильин, И. В. Кондаков, Д. С. Лихачев, А. Ф. Лосев, Н. О. Лосский, Ю. М. Лотман, О. А. Платонов, Б. А. Рыбаков, Е. Н. Трубецкой, Г. П. Федотов). Если Китай формировался как замкнутая цивилизация, то в основе русской культуры лежит соединение различных культур. И. В. Кондаков выделяет следующие черты русской культуры. Во-первых, это антиномичность, концептуальным признаком которой является двойственность, т. е. соединение европейского и азиатского, языческого и христианского, светского и духовного, рационального и иррационального. Во-вторых, отличительным признаком русской культуры является, с его точки зрения, культурная и цивилизационная «вненаходимость» России, которая на протяжении столетий находилась на историческом «перекрестке», с одной стороны, мо-

⁵ Малявин В. В. *Сумерки Дао: культура Китая на пороге Средних веков*. М., 2000. С. 229.

⁶ См.: Шахнович М. И. *Первобытная философия и мифология*. Л., 1971. С. 150.

дернизационных путей цивилизационного развития, свойственных Западной Европе, а с другой – путей органической традиционности, в русле глубоко укорененных традиций⁷.

Сегодня усиление миграции китайцев углубляет этническое и междоцивилизационное взаимодействие русского и китайского народов. Стремительно развиваются социально-экономические связи на уровне государств, отраслей экономики, предприятий и организаций. За последние двадцать пять лет возникли самые разнообразные контакты⁸. Некоторые из них реализуются на уровне семей либо отдельных лиц. Как полагают исследователи, в ходе межличностных взаимодействий складывается новая этнокультурная среда, некий российско-китайский синтез.

Китайская цивилизация сохраняет и распространяет свои культурные модели и способствует укреплению этнокультурной идентичности в разных странах мира в форме так называемых «чайнатаунов», представляющих собой как бы «виртуальный, игровой в своей нарочитой зрелищности образ Китая»⁹.

В заключение необходимо отметить, что взаимодействие культур имеет как положительное, так и отрицательное свойства. С одной стороны, оно способствует взаимообогащению культур, с другой – интенсивное и слабо контролируемое заимствование повышает потенциальную опасность утраты той или иной общностью своей культурной самобытности и культурной идентичности.

⁷ См.: Кондаков И. В. Культура России: краткий очерк истории и теории. М.: КДУ, 2008. С. 14.

⁸ См.: Ларин В. Межрегиональное взаимодействие России и Китая в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 2. С. 40.

⁹ Малявин В. В. Идентичность и повседневность: некоторые русско-китайские параллели // III Тихоокеанский Форум соотечественников (Владивосток, 21–22 октября 2003 г.): доклады. URL: <http://www.russianshanghai.com/old/china/identity.php>

И. Ю. Веденин*

Российский спорт: идея или контракт?

Спорт – это соревнование идей, а не денег
Сергей Кущенко

Кризис отечественной социокультурной системы – явление многогранное, распространяющееся на все сферы человеческой деятельности. И спорт, будучи важным социальным звеном в жизни общества, конечно, испытывает на себе его влияние. Российский спорт – это, по сути, наследник советской системы, которая десятилетиями накапливала традиции и славится громкими победами на самом высоком международном уровне. Воспитанники этой системы выступали и выступают сегодня за современную Россию. Преемственность поколений сохраняется. Другое дело, что сам спорт, а также положение и вообще восприятие спорта в обществе изменились. «Профессиональный спорт представлен в современном обществе как разновидность бизнеса, важная часть зрелищной индустрии, одна из наиболее утонченных форм коммерции, вид предпринимательской деятельности, цель которой – получение прибыли от продажи зрелища спортивной борьбы» [1]. Российский спорт в этой стезе пока «молод» и «неопытен». Лишь в 2011 году он отмечает свой первый заметный юбилей – двадцатилетие. На протяжении всего этого времени отечественный спорт пытался и пытается брать пример с западного коллеги, устанавливая свою основу на коммерческие рельсы, привлекая для саморазвития частный бизнес и становясь этим самым бизнесом.

В Свердловской области, к примеру, профессиональным футбольным и хоккейным клубам из областного бюджета выделяется треть средств, которые необходимы на содержание команд. Остальные две трети – забота клубного менеджмента. Таковы реалии современного спорта. Эти самые 2/3 зачастую и становятся камнем преткновения, поскольку найти генеральных спонсоров для российских спортивных клубов – задача архисложная. Речь идет, конечно, не о грандах, которые редко испытывают такие проблемы, а о среднестатистических командах. Успех клуба в XXI веке практически на сто процентов зависит от бюджета. Грубо говоря, сколь-

* **Иван Юрьевич Веденин** – аспирант Гуманитарного ун-та, корреспондент спортивного сайта «Uralvideosport.ru» (г. Арамилль).

ко денег у команды – такие и ее задачи. Впрочем, кошелек не всегда играет определяющую роль. Большое значение в становлении команды имеют традиции. Сегодня, пожалуй, это актуально, как никогда, поскольку паутина коммерциализации все плотнее опутывает все сферы нашей жизни, в том числе спорт, и важно сохранить духовное начало, к которому, несомненно, можно отнести достижения прошлых лет. В то же время никуда не деться от прямой финансовой зависимости. Огромные зарплаты игроков, перелеты, проживание в гостиницах – все это часть жизни современных преуспевающих клубов. «Профессионализация спорта – неизбежный объективный процесс, способствующий повышению результативности, техничности, эстетичности и зрелищности спорта. Кроме того, поставив спорт на новую организационно-экономическую основу и создав хозрасчетные клубы, государство может приобретать дополнительный источник финансовых поступлений в бюджет страны» [3]. Однако в России спорт еще не стал прибыльным бизнесом. В нашей стране продажа прав на телевизионные трансляции, билетная программа и атрибутика не окупают пока затрат на клуб, необходимых для выступлений на высоком уровне и, как говорится, чтобы не терять болельщика. Есть, конечно, клубы, которые работают в «плюс», но их единицы. В основном, частные инвесторы содержат команды, исходя из личных предпочтений и симпатий к тому или иному виду спорта, либо включают спорт в список социальной деятельности своего предприятия.

Образцом коммерческой и PR-деятельности могут служить американские баскетбольная и хоккейная лиги, которые обладают духовной составляющей за счет многолетних традиций и в то же время финансово богаты. Выступать в этой лиге спортсмены мечтают не только из-за головокружительных контрактов, но и, в большей степени, по причине престижности. Вокруг этих лиг сформировалась неповторимая аура, в ней есть свои герои прошлого и настоящего, смотреть на которых приходили и приходят сегодня огромное число болельщиков, регулярно заполняющих двадцатитысячные арены. В России нечто подобное сегодня, если и возможно, то скорее, как исключение из правила. Что и говорить, «Матч всех звезд-2010» по баскетболу, проведенный в Далласе на открытом стадионе для американского футбола «Cowboys Stadium», посетили 108 713(!) зрителей – рекорд всех времен посещаемости для баскетбольных матчей. Нам даже трудно такое представить. Вот и получается: традиции традициями, но популярность вида спорта – еще один не менее важный фактор, который позволяет зарабатывать. «В целом профессиональный спорт представляет не меньшие возможности для творчества, чем любое профессиональное искусство: он обязывает постоянно забо-

титься о совершенствовании, о стабильности результатов, о конкурентоспособности. Однако, характеризуя динамику развития профессионального спорта в России и за рубежом, многие авторы отмечают, что в связи с профессионализацией спорт утрачивает свою гуманистическую функцию и роль в обществе» [2].

В нашей стране со сменой политического строя изменилось также положение и восприятие спортсмена в обществе. Сегодня многие спортсмены – это звезды, зарабатывающие баснословные деньги. Большие контракты «избаловали» атлетов. Если раньше выступали, грубо говоря, за идею, то сегодня одним из первоочередных вопросов является финансовая составляющая соглашения между спортивной организацией и спортсменом, который будет защищать цвета этой организации, будь то клуб или спортивное общество. Это один из китов, на котором держится современный спорт. Но основа эта, несмотря даже на миллиардный денежный круговорот, шаткая. Считая главным стимулом деньги, – добиться успеха в спорте сложно. На первом плане все-таки должна оставаться духовная составляющая. Деньги, как говорится, приходят и уходят, а идеи остаются. Но, естественно, самым предпочтительным является вариант, который подразумевает сочетание традиций, ауры вокруг вида спорта, клуба или спортивной арены, т. е. духовной наполненности, и материальной состоятельности.

Литература

1. Боген М. М. Спорт в постсоциалистическом обществе // Теория и практика физической культуры. 1996. № 10.
2. Кузин В. В. Современное состояние и перспективы развития физической культуры и спорта в России // Теория и практика физической культуры. 1996. № 9. С. 55–57.
3. Пономарев Н. И. Социально-экономические проблемы профессионального спорта // Современные проблемы теории и практики физической культуры: взгляды, идеи, концепции: сб. науч. тр. СПб.: СПбГАФК, 1997. С. 50–52.

Духовные ориентиры Русского Зарубежья

Современный этап развития общества в мировой философской и культурологической практике характеризуется не только как период духовного нигилизма, но и как эпоха поиска путей выхода из него путем возможного избирательного отношения человека к совокупности материальных и духовных общественных благ. Данный процесс еще в 20-х гг. XX века раскрыл в своей книге «Кризис современного мира» французский философ-традиционалист Рене Генон [7], где он рассматривал условия выхода из данного состояния через спасение от разложения духовной природы сознания с Востока, из России. Русская эмигрантская интеллигенция, оказавшаяся на Западе в результате событий октября 1917 года, отреагировала на происходящие в Европе процессы, ориентируя гуманитарную мысль Запада на ценности, характерные для русского мировосприятия. В этом она и определяла свою миссию: в возможности снятия противоречия между русским классическим или телеологическим видением «служения» личности общему делу и европейским индивидуализмом, ведущим к разрушению феномена духовности. По мнению эмигрантов, духовным ядром становящейся цивилизации должен являться поиск свободной личностью адекватных методов и способов реализации своего творческого потенциала посредством участия в созидании общечеловеческих ценностей [См.: 11].

Эмигрант – это, прежде всего, иностранец, оказавшийся в чужой стране и вынужденный существовать в пространстве двух культур, при этом чужое приобретает характер нормы, о которой следует помнить, чтобы адекватно отражать себя в инокультурной среде. Жизнь в таких условиях имеет результатом сосуществование в сознании эмигранта двух значимых локусов, связанных с бытием до – и собственно эмигрантским: первый локус «Родина» – своего рода мифопоэтическое, метафизическое пространство, утраченное в силу обстоятельств или отвергнутое добровольно, второй – «страна проживания», включающий широкий спектр вариантов от «чужбины» до «новой/истинной родины».

* **Константин Евгеньевич Ситниченко** – канд. культурологии, доцент ф-та экономики, управления, права филиала ЮУрГУ (г. Миасс).

Именно поэтому в условиях эмиграции – отчуждения острее рассматривался вопрос о соотношении культуры и цивилизации как пролога к прогрессу или скатыванию в пропасть бездуховности. Рассматривавшие культуру с традиционной стороны ее восприятия и переосмыслив ее роль в изгнании, эмигранты своеобразно синтезировали ее предназначение в будущем, опираясь на собственный духовный опыт. К примеру, по мнению П. М. Бицилли, русская культура, в отличие от западной, не имеет центра, инстанции, «продукты человеческой деятельности... изъяты из времени; они обладают вечной ценностью или лишены ее вовсе. Они общечеловечны и всемирны. Именно таковыми они стали в России – знак, что русская культура явилась “чистой” культурой без примеси “цивилизации”» [4. С. 297; 5. С. 408]. Культура, по мнению И. А. Ильина, являет собой духовность, свободное творчество, основанное на содержательной составляющей бытия. Цивилизация же предполагает утилитаризм, отсутствие личностных начал, бездуховность общества и внешнее проявление завершенности культуры. Хотя в эмиграции были и противники противопоставления терминов «культура» и «цивилизация» [См.: 9]. Обсуждение этих вопросов в Русском Зарубежье было достаточно активным. В нем принимали участие и П. А. Сорокин [11. С. 429], и Н. С. Арсеньев [1. С. 42], и С. Л. Франк [13. С. 125], и Ю. К. Терапиано [12. С. 5].

Условия адаптации стимулировали эмигрантов и к осмыслению метафизического духовного единения человека с родиной как единого целого, как первоосновы любого народа. По мнению мыслителей-эмигрантов, своеобразное творческое сочетание христианского и дохристианского начала в русском народе формировало характерное восприятие чувства любви, особенно «любви к Родине», как особую сердечную форму религиозных чувств. Например, И. А. Ильин отмечал, что «важно не только то, во что веришь, но еще и то, чем, т.е. какими силами твоей души, осуществляется твоя вера» [8. С. 388]. Данное чувство, хотя и является во многом разноплановым в своем проявлении, но оно способствует преодолению «чувства национальной исключительности» силой духа, «духовной любовью», обнаруживающей себя в культуре и превращающей «Родину» в «предмет культурного творчества».

Понимание Родины формировалось на фундаменте того религиозного мировоззрения, которое определяло весь ход исторического развития русского народа. Данным духовным ориентиром являлось Православие, ставшее для них на чужбине основным связующим звеном между ними – социально-культурной общностью без физических и юридических границ с Родиной, осознаваемой ими на уровне метафизического восприятия. Структурно-организационное воплощение веры – Русская православная церковь ста-

новилась, в понимании эмигрантов, формой их духовного ощущения своей причастности к отечественной истории и культуре. И с практической точки зрения Церковь также представляла собой исключительно важное средоточие творческой энергии и солидарности.

На основе веры в русском обществе складывалась своеобразная коллективная форма социальной организации – община, являющаяся выражением православного русского коллективного сознания – соборности. Эмигранты воспринимали соборность как данность единения, как определенный принцип собирания множества в единство, как принцип связи, соединения. Под соборностью понималось и реальное внутреннее согласие, единодушие людей, и нравственный идеал общения личностей в истине, любви к Богу и друг другу. Таким образом, соборная интенция определяла сущностный мировоззренческий контекст русской православной культуры, ее ориентацию на органическую связь принципа личности с принципом нравственной согласности лиц в истине, что позволяло избегать крайностей индивидуализма и коллективизма. Данные взгляды отражены в работах Н. А. Бердяева, отмечавшего, что община была для эмигрантов не исторической, а внеисторической величиной, как бы «иным миром» в этом мире. «Русскому человеку действительно свойственна большая коммунитарность, чем народам Запада... Но это есть духовное, как бы метафизическое свойство русского народа, не прикрепленное ни к каким экономическим формам» [2. С. 579]. Об этом же писал и С. Л. Франк [13].

Через соборность в русском народе коренится и тайна его жизнестойкости в принципе «Мы» – как одной из отличительных сущностных народных качеств. Данное качественное сознание отличается от западного, в котором «Я» является доминирующим в связке «Я-Мы», отсюда у западного человека формируется психология практицизма, деловитости, стремление к независимости, способность к самодисциплине и самоорганизации. «Мы» в русском православном понимании – это психология готовности к самопожертвованию, материальной непритязательности, повышенной способности к взимовыручке и перенесению превратностей судьбы.

В условиях соборного единения определялась своеобразная форма проявления свободы и творчества, исторически определившая характер русского народа и отразившаяся в самом факте существования русской интеллигенции. В отношении свободы и творчества русские религиозные мыслители-эмигранты, возможно за исключением Н. А. Бердяева [3], оригинального в своих концепциях, сохранили традиционное религиозное воззрение.

Исходя из религиозного понимания свободы становилась и цельность сознания духовного творческого акта. Творчество воспринималось как Богопознание: соединение с Богом посредством

культуры философской мысли. Именно Православие через присущие ему всеобщую любовь, смирение, доброту, вдохновение и формировало те созерцательные, воплощенные в реальности формы совершенства, которыми характеризуется русское творчество, искусство, в частности феномен русской иконы и музыкальное религиозное творчество. С. Н. Булгаков, в частности, отмечал: «Религиозная вера удостоверяет нас в существовании иной, трансцендентной действительности и нашей связи с нею. Следовательно, объект ее качественно иной. Он опознается не принудительностью внешних чувств, не насильственно, но свободным, творческим устремлением духа, исканием Бога, напряженной актуальностью души в этом направлении. Другими словами, элемент свободы и личности, т. е. творчества, неустраним из религиозной веры: я выступаю здесь не как отвлеченный, средний, безличный, «нормально» устроенный представитель рода, но как конкретное, неповторимое индивидуальное лицо. Вера требует любви, волевого сосредоточения, усиления всей личности» [6. С. 34].

Рассмотреть духовные основания, определявшие суть Русского Зарубежья «первой волны», можно и через его противопоставление последующим волнам эмиграции из России, данное самими эмигрантами [См.: 10].

Русские религиозные философы в эмиграции подошли к пониманию духовно-преобразующих способностей русского духа. К пониманию того, что возвращение русского народа к полноте его духовного начала возможно лишь на основе возрождения силы русского духа посредством совершенствования его духовных актов: познания, веры, любви, совести, определяемых пониманием русской соборности и Всеединства. А для этого необходимо адаптироваться в инокультурной европейской среде и познакомить европейское сообщество с достижениями и успехами русской творческой мысли в понимании духовности. Русская культура в изгнании обрела «второе дыхание», концентрируя в Русском Зарубежье, представляющем собой множество диаспор в единстве, своеобразную форму соборности русского Духа, олицетворяющего способность русского народа к творчеству и совершенству.

Литература

1. Арсеньев Н. С. О смысле культуры // Русские философы (конец XIX – середина XX века): антология. М., 1993. Вып. 1.
2. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005.

3. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики (Творчество и объективация). Париж, 1947.
4. Бицилли П. М. Трагедия русской культуры // Современные записки. Париж, 1933. № 53. С. 297.
5. Бицилли П. М. Оазис // Современные записки. Париж, 1934. № 55.
6. Булгаков С. Н. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. М., 1994.
7. Генон Р. Кризис современного мира. М., 1992.
8. Ильин И. А. Наши задачи: статьи 1948–1954 гг. // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. М.: Русская книга, 1993.
9. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры: в 3 т. Т. 1. М.: Прогресс, 1993; Т. 2, 3. М.: Прогресс-Культура, 1994.
10. Полянская А. Париж // Русская мысль. 2000. № 4345. 14 декабря.
11. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред. сост. и предисл. А. Ю. Сагамонов. М., 1992.
12. Терапиано Ю. К. О новом русском человеке и о новой литературе // Меч. Варшава, 1934. № 15–16.
13. Франк С. Л. Духовные основы общества. М., 1992.

А. И. Матвеева*

Культурологический смысл прав русского человека: социально-философский анализ

В настоящее время российское общество переживает перестройку общественной жизни. Осмысление ее социокультурных предпосылок и последствий составляет одну из основ перехода к новому состоянию жизнедеятельности. Это объясняется рядом известных фактов. Россия провозглашена правовым государством в рамках осуществляемой правовой реформы. Россия представляет собой уникальный исторический пример неаддитивности прав человека форме государственного устройства. Именно поэтому становление этих прав в русской истории демонстрирует перспективность их культурологического описания и объяснения. Можно сказать, что закономерности развития культуры являются необходимыми, а закономерности развития государства – достаточными условиями становления прав человека [См.: 5. С. 120].

В социальной философии проблема прав человека практически не разработана. Однако имеется ряд исследований, которые так или иначе с ней связаны. Противоречивость оценок культурологического осмысления истории Отечества в работах русских философов и историков, имеющих несомненное культурологическое содержание, очевидна. Необходимо выделить в отдельную группу труды И. А. Ильина, К. Д. Кавелина, В. К. Кантора, П. Краснова, В. В. Леонтовича, В. А. Маклакова, П. И. Новгородцева, И. М. Степанова, С. М. Степняка-Кравчинского, Л. А. Тихомирова, Г. П. Федотова, Б. Н. Чичерина, Н. Я. Эйдельмана и др. Все работы этих авторов представляют собой глубокие, серьезные исследования, разноплановость которых позволяет составить достаточно полную картину реальной ситуации с решением проблемы прав человека в истории России. Труды чисто культурологической направленности, посвященные проблеме прав человека, практически отсутствуют.

В последнее время с определенными претензиями на культурологическое осмысление проблемы выступает православная философия. Но и она не избежала крайностей политизации проблемы.

* **Алла Ивановна Матвеева** – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Ин-та социологии и права РГППУ (г. Екатеринбург).

Так, в 2005 г. авторский коллектив Центра динамического консерватизма и Фонда «Русский предприниматель» представил на суд общественности так называемую «Русскую Доктрину» – идеологический документ с претензией на экономическую и социально-политическую программу развития российского общества. Документ вызвал неоднозначную реакцию. Часть VI Доктрины называется «Пути преобразований». В первой же главе идет речь о преобразовании правовой системы, которая противоречит в настоящее время русской культуре, русской истории и русской духовности [См.: 7].

Очевидно, избежать крайностей в изучении проблемы прав человека можно, выйдя за границы политико-правового дискурса и обратившись к более общим категориям – социальной философии. Такую попытку сделала в 2008 г. РПЦ, приняв на Архиерейском Соборе документ под названием «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». Пятая глава этого документа – «Принципы и направления правозащитной деятельности Русской Православной Церкви» – посвящена практической деятельности в области прав человека [4]. Важно, что именно ценности культуры – нравственность, духовность, свобода, достоинство, добро и справедливость – фигурируют в обсуждаемом документе в качестве базовых для понимания ситуации с правами человека. Реализация прав человека, по мнению РПЦ, может проявляться в самых разных формах, например, в свидетельстве перед лицом власти, в интеллектуальных разработках, в проведении кампаний в защиту тех или иных категорий людей и их прав, главное, чтобы это было *нравственно ориентированное* социальное действие [См.: 1].

Культуральные условия являются необходимыми, а политико-правовые – достаточными для становления системы прав человека и как социального института, и как аксиологической рефлексии положения человека в мире.

Данный феномен необходимо рассматривать с позиций диалектики внутреннего и внешнего, формы и содержания, сущности и явления. И в этом смысле универсальность *культурологической сущности* прав человека предстает в виде изменчивости *культуры прав человека*. Другими словами, необходимо различать права человека как часть культуры и культуру этих прав. Первое характеризует внутреннюю, содержательную сторону прав человека, а второе – внешнюю форму реализации этих прав, особенности их осмысления в конкретно-историческом процессе [См.: 6. С. 73].

А. В. Петров в своей работе «Золотой век» русской культуры» утверждает, что русская культура – явление уникальное. Это высказывание подтверждает ряд факторов: географически наше Оте-

чество на протяжении всего своего существования находилось на перекрестке Западной и Восточной цивилизаций; наша культура сложилась позже большинства азиатских и европейских цивилизаций и находилась с ними в постоянном контакте, но никогда не опускалась до «голового» их копирования, а с XIX в. сама начала оказывать серьезное влияние на культуру других народов; формирование нашей культуры происходило не только в благоприятных условиях, но и в условиях насильственного насаждения чуждых образцов и идеалов, путем приказов и запретов, разрушения и наказания. Однако русская культура сумела создать свой своеобразный тип мышления и самочувствия, который нельзя однозначно отнести ни к восточному, ни к западному вариантам; Русь (а затем Россия) всегда была многонациональным и поликультурным социальным организмом, который способствовал образованию особой единой культурной основы своей общей Родины; находясь на протяжении значительного периода своей истории в положении отстающей и догоняющей, Россия приобрела редкую способность не просто быстро усваивать передовые идеи, но и перерабатывать их, приспосабливать к своей культурной среде; для русского общества всегда были характерны большая напряженность, взрывоопасность, конфликтность, связанные с господством власти (самодержавие, КПСС) и диктатом идеологии (религии, партии), а также с архаичной или крайне прочной и неповоротливой государственной машиной, поэтому единственной сферой для развития свободы была духовная сфера, где находили свое воплощение различные теории и идеи [См.: 6. С. 87].

С религиозностью народа связана и его способность к высшему созерцанию в работах у И. А. Ильина «Предстояние Высшему» [2. С. 7], у С. Л. Франка «Непостижимому» [10. С. 31].

От духовности народа зависит существование культуры, а также степень ее высоты. И. А. Ильин считал, что человек не может творить культуру, не чувствуя себя предстоящим тому, что он осуществляет в своем творчестве. Основания русской культуры противоположны. Ее ценности – совесть, справедливость, милосердие. Это культура главенства духовного над материальным, содержательного над формальным, нравственного над правовым. Это культура сочувствия, соучастия и сопричастности ближнему, а естественная ее основа политики и экономики – солидаристская парадигма. Славянскую культуру определяют как культуру «иоанновскую», по имени автора Апокалипсиса, ибо она ориентирована на Царствие Божие, на эру Добра и Милосердия [См.: 8. С. 23].

В своей монографии «Права человека в русской культурной традиции» А. В. Петров утверждает, что для русской философии характерна иррациональность, особенно в метафизической проб-

лематике. В ней нераздельны разум и чувства, главными являются темы любви, правды, духовного подвига. В начале XX в. русская мысль, основываясь на культурной традиции, выработала триаду: духовность, богочеловечество, соборность, которая противопоставлялась сущностным определениям европейской культуры – материализму, человекобожеству (или даже зверочеловечеству), индивидуализму и функционально-механическому принципу социального объединения. Русское самосознание в философии XIX в. отвергает рационально-механистическое мировоззрение Запада, а вместе с ним и узко-позитивистское отношение к правам человека. Это проявляется в конфликте кардио гнозиса П. Д. Юркевича [11. С. 6] и вульгарного материализма Н. Г. Чернышевского. В. С. Соловьев пишет диссертацию на тему «Кризис западной философии. Против позитивистов», а И. А. Ильин утверждает, что культура, как внутреннее и органическое явление, захватывает самую глубину человеческой души. П. Новгородцев, Е. Трубецкой и другие важнейшей культурной доминантой признают религиозную веру, а Н. Лосский считает таковой стремление к абсолюту, С. Франк – степень погруженности в «непостижимое» [10. С. 390].

Принципиальным для русской философии является осознание смысла жизни как самоотжественности. Ф. М. Достоевский констатировал: «Важно не то, чтобы жить, а то, для чего жить» [Цит. по: 9. С. 45]. Петров А. В. в монографии «Права человека в русской культурной традиции» утверждает, что в этом смысле интересна концепция В. В. Медушевского, который показывает, как распадается плуримность (полнота) духа в западной культуре. Происходит разъятие истины, разделение истины, силы, любви, сущего. По теории И. Киреевского, западный человек стал понимать разумное, полезное, прекрасное, возвышенное и моральное разными частями своей души. Человек, человечество и его культура «психологического иллюзионизма», по выражению свящ. Павла Флоренского, стали полыми внутри, утратив непостижимые богатства «умного чувства» (Диадок Фотийский, Григорий Палама), «Божьего чувства» (Ориген) 12 [5. С. 125]. По мнению А. В. Петрова, происходит распад видения на представление и понятие. Духовная свобода – способность добровольно определять себя к путям совершенствования в нравственном смысле. Свобода человека растет по мере его духовного очищения. Мы не являемся абсолютно свободными в смысле индетерминизма, как если бы наше произволение было ничем не стеснено, такую мысль можно найти у Н. А. Бердяева. Ему возражает И. А. Ильин: при такой свободе воли человек не мог бы меняться, испытывать благие влияния. Этой свободы ни у кого нет и никогда не было... Это была бы жизнь непредвидимого беззакония, духовного бессилия и неоттор-

жимой бездны зла. Свобода дана человеку как «все возрастающая независимость от зла и пошлости» [5. С. 81].

В целом можно сказать, что русская философия – это живой и динамичный организм. Русская философия несет на себе отпечаток национального характера, национального психологического склада, особого типа мышления и мировоззрения, т. е. она является одним из ресурсов ретроспективного портрета народа. Именно в русской философии заложен культурологический смысл прав русского человека.

Литература

1. Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека: доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на пленарном заседании Архиерейского Собора Русской Православной Церкви (26 июня 2008 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.eparhia.saratov.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=5175&Itemid=333
2. Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: АСТ: Хранитель, 2007.
3. Лавров П. Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 1. С. 479.
4. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mospat.ru/archive/41597.htm>
5. Петров А. В. Права человека в русской культурной традиции. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.
6. Петров А. В. «Золотой век» русской культуры // Культурология. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2007. Гл. 6.
7. Русская доктрина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusdoctrina.ru/page95510.html>
8. Святополк-Мирский Д. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. Т. 2: Современная русская литература (1881–1925) / Пер. с англ. Р. Зерновой. 2-е изд. Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2006.
9. Соловьев В. С. Три Речи в память Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/trirechi.html>
10. Франк Л. С. Непостижимое. М.: Библиотека «Вехи», 2000.
11. Юркевич П. Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, по учению слову Божьего // Философские произведения. М., 1990.

Ф. А. Степун о «революции как распаде единства национального сознания»

Федор Артурович Степун (1884–1965) был современником трех русских революций начала двадцатого века и, как видный представитель русской религиозной философии, приложил немало интеллектуальных усилий для выявления природы этих социальных катастроф. Разработанная им «концепция революции» была совсем не похожа на марксистскую, основанную на экономических противоречиях производительных сил и производительных отношений, учении о классовой борьбе, социальных антагонизмах, революционных ситуациях и т. д. Природу революций Ф. А. Степун искал не в экономической (материальной) сфере жизнедеятельности общества, он полагал, что любая революция воспринимается нами как собственная духовная жизнь, как наша ответственность за нее. Очевидно, что уже здесь идет отказ от экономических и социальных предпосылок в понимании социальных революций, уход от классовой борьбы и подмена их «душой культуры». Но если при всех явных различиях этих концепций сконцентрировать исследовательское внимание на их общих, взаимодополняющих аспектах, то можно получить нестандартный теоретический взгляд на данный вопрос.

Рассмотрение его представлений о революциях необходимо начать с ряда замечаний. Во-первых, Ф. А. Степун был представителем русской религиозной философии, т. е. смотрел на явления социальной жизни через призму духовного опыта, религиозного чувства. Так, например, для него сущность исторического процесса состояла «в постоянном переоформлении сверх исторического содержания жизни; что смысл человеческой истории заключается в реализации связи между абсолютным, Благом и человеком. Без утверждения реальности этой связи процесс истории вообще не может быть осмыслен»¹. Конечно же, эти представления о сущ-

* Павел Степанович Гуляев – ст. преподаватель кафедры дизайна Московского государственного ун-та культуры и искусства (г. Москва).

¹ Степун Ф. А. Жизнь и творчество: избранные сочинения. М.: Астрель, 2009. С. 480–481.

ности исторического подхода никак не могут быть соотнесены с марксистским видением исторического процесса как естественно-исторической смены общественно-исторических формаций, с законом определяющей роли материального способа производства.

Во-вторых, Ф. А. Степун основную причину («корень») революции видел в распаде единства национального сознания, которой обусловлен обрастанием лжи и бессилия в предреволюционную эпоху, а следовательно, единственно возможный путь к недопущению революций – это путь к национальному единству². Очень здравая мысль, не лишенная актуальности и в наше время. Согласно марксистскому подходу основная причина революции вызревает в экономике, когда производственные отношения превращаются в «оковы» для производительных сил. Но так ли уж несовместимы эти подходы, не являются ли они звеньями одной и той же социально-исторической цепи?

В-третьих, Ф. А. Степун оценивал природу революций как социально болезненное явление, болезнь прерыва социальной эволюции; как культурный, политический, социальный «откат назад», «задний ход» истории. Для марксизма революция была «повивальной бабкой истории», неизбежным средством смены общественно-экономических формаций и построения нового общества. «Народная революция, – замечал Ф. А. Степун, – в сущности, никогда не взрывает подлинных твердынь господствующей культуры. Она лишь по бревнышкам да кирпичикам разносит и прахом развеивает обездушенный остов уже мертвой жизни»³.

Концепция революции Ф. А. Степуна содержит ряд оригинальных теоретических положений. Рассмотрим содержание некоторых из них подробнее.

О соотношении между «идеями революции» и «революционной идеологии» он утверждает следующее: идеология – это любая теория, любое построение теоретического сознания, идея же – это наше бессознательное переживание. Соответственно, следует различать истинные идеологии (точные теоретические описания духовно реальных процессов) и идеологии ложные (не отражающие никаких реальностей). Ложные идеологии представляют большую опасность для социальной жизни, способны вызвать идеологические эпидемии, рожают идеологические моды, которые расшатывают устой социальной жизни ложными идеалами. «Все революции роковым образом, – утверждал Ф. А. Степун, – описывают один и тот же порочный круг: разрушают в процессе своего развития те

² Степун Ф. А. Указ. соч. С. 501.

³ Там же. С. 483.

принципы, во имя которых начинают свой путь»⁴. Это объясняет и причины появления реакционных идеологий. «Революция есть инерция упорного отстаивания мертвых идей»⁵. Следовательно, исходя из «круговорота», все революционные идеологии с годами перерождаются в идеологии реакционные.

«Метафизическое малодушие», которое, по мнению Ф. А. Степуна, есть последняя сущность всех революционных идеологий, возникает на основе недоверия к органическому, естественному процессу вызревания идей. «Новая идея только еще зарождается в объятиях старой, умирающей. Новая идеология как точная формула вызревающей идеи, – еще не дана. Ситуация требует величайшей осторожности, напряженного всматривания в брезжащие контуры намечающегося мира. Но революционная энергия рвется вперед: вымогает у еще немой идеи красноречивую идеологию; выдумкою убивает мысль... Остается одно – строить революционную идеологию в качестве реакции – наоборот»⁶.

Концепция революции Ф. А. Степуна содержит много оригинальных идей: «культурно-политическая инфляция», различия между массой и бандой, о проблеме «классов» и «революционных слоях», о структуре революционного духа и т. д. Объем статьи не позволяет подробно остановиться на анализе этих и других его теоретических положений.

В завершение целесообразно привести пророческие слова Ф. А. Степуна: «Победит ли в будущем февраль или октябрь, зависит, между прочим, и от вызревающего ныне в нас самих отношения как к февралю, так и к октябрю. Предательским лжеанализом февраля легко загубить грядущую свободу русской жизни. Недооценкой октября легко снизить пафос вселенских задач России, который в нем, бесспорно, прозвучал. Каждый акт постижения прошлого есть, таким образом, акт построения или разрушения будущего»⁷.

Раздел второй

Региональные процессы и развитие федерализма в постсоветской России

⁴ Степун Ф. А. Указ. соч. С. 488.

⁵ Там же. С. 489.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 480.

Федерализм и региональная политика сквозь призму социально- экономического положения регионов России

Для России государственная региональная политика имеет исключительное значение. Это предопределено, прежде всего, географическим положением страны: огромной территорией, значительными различиями климатических условий, контрастным рельефом, неравномерностью расселения людей по территории. В силу этого в России, как ни в какой другой стране, региональная политика становится важнейшей составной частью экономической, экологической, социальной политики государства, а изменение ее принципов, как правило, означает смену общественно значимых целей.

До 1917 г. в России региональной политики в современном смысле не существовало, но государство по мере возможностей стремилось поощрять рассеяние промышленности по территории страны и повышение эффективности экономики регионов; при этом вне эффективного контроля практически находились процессы, ведущие к росту регионального неравенства, различий в уровнях развития между богатыми и бедными регионами. Всячески поощрялось также освоение новых территорий и ресурсов.

В период плановой экономики СССР характерными принципами региональной политики были:

- 1) выравнивание уровней экономического развития, уровня и качества жизни населения регионов;
- 2) повышение эффективности экономики на региональном уровне;
- 3) приоритет централизованного управления над региональным;
- 4) освоение новых территорий и ресурсов;
- 5) стирание различий между городом и деревней.

Переход к рыночным отношениям вызвал новую трансформацию принципов государственной региональной политики, которая теперь строится с учетом децентрализованной структуры эконо-

* *Олег Георгиевич Бекшенев* – канд. геогр. наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

мики, укрепления финансово-хозяйственной самостоятельности политико-административных единиц, перераспределения функций между центром, субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления.

В настоящее время государственная региональная политика основывается на следующих принципах:

- 1) структурной перестройки экономики регионов;
- 2) содействия развитию рыночной инфраструктуры;
- 3) разнообразия форм административного и общественного управления экономикой.

На этих принципах базируются и основные цели региональной политики, связанные с обеспечением социально-политических целей управления:

- 1) развитие основ федеративного государственного устройства;
- 2) обеспечение равных условий социально-экономического развития регионов;
- 3) предотвращение загрязнения окружающей среды, а также ликвидация его последствий;
- 4) приоритетное развитие регионов, имеющих стратегическое значение;
- 5) гарантии местного самоуправления.

Но к 2000 г. стало очевидным, что затянувшаяся трансформация социальных и хозяйственных отношений привела к заметному снижению роли государства в регулировании экономических процессов, к противостоянию между федеральным центром и субъектами Федерации. Это вызвало ослабление внутривосвязанных экономических связей, возрастание асимметрии территориального социально-экономического развития и нарушение целостности национального экономического пространства.

Уменьшение различий в уровнях экономического развития регионов создает благоприятные условия для развития внутреннего рынка, оптимизации социально-экономических преобразований, укрепления единства Российского государства. Усиление же их затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований и формирование общенационального рынка, увеличивает риски возникновения региональных кризисов и межрегиональных конфликтов, дезинтеграции национальной экономики и ослабления целостности общества и государства.

К 2000 г. наиболее низкие показатели социально-экономического развития отмечены в Сибирском, Дальневосточном и Южном федеральных округах. Но даже в относительно успешном Центральном федеральном округе по таким показателям, как объем инвестиций в основной капитал, объем среднедушевого внешне-

торгового оборота, среднедушевая финансовая обеспеченность региона, доля занятых на малых предприятиях, отношение среднедушевых доходов к прожиточному минимуму, доля населения с доходами ниже прожиточного минимума и доля среднедушевого розничного товарооборота, выделяется ряд неблагополучных субъектов Федерации. Это – Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Курская, Орловская, Смоленская и Тамбовская области.

В Северо-Западном федеральном округе к неблагополучным относятся Архангельская и Псковская области, где главными индикаторами отставания являются: невысокая доля занятых на малых предприятиях в общей структуре занятости, высокие показатели регистрируемой безработицы и невысокий уровень развития отраслей социальной инфраструктуры.

В Южном федеральном округе в группу неблагополучных попадают республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика и Волгоградская область. Для этих субъектов Федерации характерны низкие значения показателей валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, объема внешнеторгового оборота на душу населения, уровня финансовой обеспеченности региона в расчете на душу населения, общего объема розничного товарооборота и платных услуг в расчете на душу населения, основных фондов в расчете на душу населения и уровня развития отраслей социальной инфраструктуры.

В Приволжском федеральном округе наблюдается тенденция к стабилизации социально-экономического развития, хотя практически все показатели этого региона ниже средних по России. К неблагополучным относятся Коми-Пермяцкий автономный округ, Пензенская, Кировская и Ульяновская области, Чувашская Республика, Республика Мордовия и Республика Марий Эл.

Уральский федеральный округ по основным показателям социально-экономического развития занимает уровень ниже среднего российского. К группе наиболее неблагополучных можно отнести Курганскую область.

К неблагополучным субъектам Сибирского федерального округа относятся республики Алтай, Бурятия, Тыва, Читинская область, Агинский Бурятский, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Усть-Ордынский Бурятский и Эвенкийский автономные округа.

В Дальневосточном федеральном округе к неблагополучным субъектам Федерации можно отнести Амурскую область, Еврейскую автономную область, Корякский и Чукотский автономные округа.

Таким образом, в каждом федеральном округе есть административно-территориальные образования разного ранга, попадающие в разряд отстающих и проблемных. В совокупности они представляют 35 субъектов Российской Федерации.

В целях сокращения различий в уровне социально-экономического развития регионов и числа субъектов, социально-экономическое развитие которых ниже среднего уровня по стране, была принята Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (на 2002–2010 годы и до 2015 года)».

Ожидаемые конечные результаты Программы сводились к следующему:

- уменьшение различий в социально-экономическом развитии субъектов РФ по уровню валового регионального продукта на душу населения с учетом покупательной способности и доходам на душу населения в 2 раза к 2010 году и в 3 раза – к 2015 году;

- сокращение доли населения, живущего за чертой бедности, на 15 % в 2010 году и на 25 % – к 2015 году.

В 2009 г. было объявлено о серьезных успехах в деле реализации Федеральной целевой программы по сокращению различий в социально-экономическом развитии регионов. Но изданные Госкомстатом и другими правительственными и научными организациями материалы лишь частично подтверждают эти успехи. Вместо 35 неблагополучных регионов в 2000 г., в 2008-м их стало 28, из которых 16 субъектов Федерации – те же, что и в 2000 г. Это – Амурская, Брянская, Владимирская, Ивановская, Кировская, Курганская, Пензенская, Псковская, Смоленская, Ульяновская, Читинская области, республики Адыгея, Алтай, Бурятия, Марий Эл, Тыва.

За годы реализации вышеупомянутой целевой программы для оценки положения регионов стал использоваться более широкий спектр показателей. Например, индекс качества жизни. Так, если в 2002 г. «высокий» и «очень высокий» индекс качества жизни отмечался в 6 регионах, то в 2008-м таких регионов стало 17. Сократилось также количество регионов с индексом качества жизни ниже среднего по России – с 72 до 59. Кризисных регионов стало 7 вместо 17. Вроде бы успехи за восемь лет реализации программы по сокращению различий в социально-экономическом развитии есть. Но следует учесть, что ряд кризисных регионов за время реализации программы были объединены с относительно благополучными: это относится к Таймырскому (Долгано-Ненецкому), Эвенкийскому, Корякскому, Усть-Ордынскому Бурятскому и Агинскому Бурятскому автономным округам. Показатели их неблагополучного развития оказались «спрятаны» в показателях регионов более благополучных. Этим отчасти объясняется уменьшение числа кризисных и проблемных регионов.

В последние годы в список самых благополучных регионов попали Москва и Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Белго-

родская, Липецкая, Калининградская, Московская, Свердловская области, Краснодарский край и Тюменская область, в составе которой находятся Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Это города федерального подчинения; регионы с выгодным приморским положением, лежащие на путях международной торговли; регионы с экспортно-ориентированной структурой экономики и высокой долей ресурсодобывающих отраслей. Успехи многих из этих регионов объяснимы при соотнесении характерного для них эффекта сильнейшего структурного спада экономики в 1990-е гг. и благоприятной конъюнктуры цен на металлы в 2000-е гг. или же обретенного статуса особой экономической зоны. Именно эти обстоятельства определили высокий уровень развития регионов, а не успехи федеральной региональной политики.

Россия, провозгласившая федеративное устройство, сохраняет немало конструкций, присущих унитарному государству. Согласно Конституции РФ, полномочия передаются сверху вниз, от центра – к субъектам Федерации, обладающим в реальности далеко не равными объемами прав и полномочий.

Каждый субъект РФ, исходя из своих возможностей давления на центр, фактически выстраивает собственную модель взаимоотношений с ним, что раньше закреплялось двусторонними договорами. Очень часто субъекты Федерации черпают аргументы в пользу повышения своей самостоятельности в примерах, заимствуемых из международного опыта. Используется, однако, не все из этого опыта, а только то, что подходит под реализацию этой политической задачи. Эти и другие проблемы развития федерализма не позволяют достичь приемлемого, т. е. минимально допустимого, уровня различий в социально-экономическом развитии регионов.

С. С. Беляков*

Чеченское мессианство как элемент имперского (великодержавного) национализма: на материале творчества Германа Садулаева

Исследователи национализма нечасто обращаются к такому источнику, как современная русская литература. Вместе с тем, художественная литература может служить достаточно информативным источником для изучения феномена этнического национализма на персональном уровне. Работа на данном исследовательском уровне может служить не альтернативой, а дополнением к традиционным исследованиям, в частности, способствовать более точному описанию националистической картины мира, складывания и бытования национальных стереотипов.

Литература – форма самовыражения писателя. В художественном произведении отражаются его взгляды, стереотипы (в том числе, стереотипы этнические), психологические установки и, в конечном счете, личная авторская картина мира. При этом следует учитывать значительные трудности, возникающие при анализе и интерпретации художественного произведения. Сочинительство воспринимается многими писателями как «игра» со словами, значениями и смыслами. Отделить собственно игровую составляющую от интересующих нас авторских представлений о его собственной нации и ее отношениях с другими нациями и этническими группами представляется не всегда возможным. Поэтому для данного исследования избраны произведения писателя, чье творчество носит публицистический характер, а игровое начало выполняет сугубо служебную роль по отношению к идейному содержанию.

Герман Садулаев – современный русский писатель¹ чеченского происхождения, автор четырех книг прозы и десятка повестей и рассказов, опубликованных ведущими всероссийскими литературными журналами. В 2008 г. роман Садулаева «Таблетка» вошел

* *Сергей Станиславович Беляков* – канд. ист. наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Здесь «русский писатель» – писатель, пишущий по-русски.

в финал престижной литературной премии «Русский Букер» (за лучший роман года) и даже считался одним из фаворитов, а в 2009 г. вошел в финал другой престижной литературной премии – «Национальный бестселлер». Роман «Шалинский рейд» в 2010 г. стал финалистом «Русского Букера» и крупнейшей российской литературной премии «Большая книга».

В большинстве произведений Садулаева, в особенности ранних, 2005–2007 гг.², а также в его новом романе «Шалинский рейд»³ национальная тематика занимает важное, нередко – центральное место. Чеченский этноцентризм Садулаева достаточно очевиден. В его текстах чеченцы по частоте упоминаний, как правило, далеко опережают прочие народы. В «Апокрифах чеченской войны» чеченцы упоминаются 71 раз, русские – 54 раза, туркмены – 20, кабардинцы – 4, евреи – 4; в повести «Одна ласточка еще не делает весны» – чеченцы – 82 раза, русские – 24, евреи – 5. В повести «Учение Дона Ахмеда» чеченцы упомянуты 72 раза, русские – 46, евреи – 20, китайцы – 16; в рассказе «Бич Божий» – чеченцы – 23, русские – 12 раз. В рассказе «Хранители» чеченцы упоминаются 10 раз, русские – 6; в «Илли» – чеченцы – 27, русские – единожды. Свою первую книгу Садулаев назвал «Я – чеченец!».

К идее независимой Ичкерии Садулаев относится скептически. Прежде всего, потому что чеченцам Россию все равно не победить. Он порицает Дудаева за то, что тот решил на заведомо проигрышную для чеченцев войну: «Генерал авиации, он должен был понимать, что в современной войне полное господство в небе обеспечивает и победу под ним. Но он повел обреченный народ на войну, на войну с небом»⁴.

Еще большую неприязнь вызывает у героев Садулаева исламский фундаментализм. Проект создания исламского государства на Кавказе претит как героям Садулаева, так и, вероятно, самому автору. Стронники джихада у Садулаева, как правило, представлены людьми лживыми и, что самое главное, они не чеченцы, инородцы, которые могут лишь маскироваться под чеченцев. В одном из ключевых эпизодов романа «Шалинский рейд» герой-повествователь обращается к парню по имени Шамиль, который призвал жителей Шали сражаться с русскими до последнего человека:

«– Я рад, что ты так хорошо выучил чеченский язык. И чеченские обычаи. И даже стараешься научить нас, как нам быть настоящими чеченцами! Твой прадед, который пришел в Шали из

² В романах «Таблетка», «AD» и некоторых рассказах национальная тематика отходит на второй план или даже вовсе исчезает.

³ Садулаев Г. Шалинский рейд // Знамя. 2010. № 1–2.

⁴ Садулаев Г. Одна ласточка еще не делает весны // Знамя. 2005. № 12. С. 31.

Дагестана пасти баранов и убирать навоз, наверняка обрадовался бы, если бы смог видеть, каким его потомок стал убежденным чеченцем! <...> Наши предки уже видели таких вдохновителей на священную войну, которые воевали до последнего чеченца, а потом сдавались русским в почетный плен, предав тех, кто поверил им. И почему-то они всегда приходят к нам из Дагестана!»

Историческая судьба чеченского народа связана не с идеей всемирного халифата или кавказского имамата, а с Российским государством, его культурой, традициями, историческим наследием. Садулаев признает наличие общего культурного пространства, объединенного русским языком, русской литературой, культурным наследием Российской империи и Советского Союза: «У нас одна общая культура, и Михаил Булгаков – и наш великий писатель. Как и Чингиз Айтматов. А Махмуд Эсамбаев – наш общий великий танцор, Виктор Пелевин – наш постмодернист»⁵.

Садулаев, человек левых убеждений⁶, в целом положительно оценивает советский период истории. Советский Союз для Садулаева – Родина. Ностальгия по советскому времени, когда «одному человеку было еще дело до другого»⁷, ему не чужда. К теме Великой Отечественной он относится с пиететом: общая война и общая победа над общим врагом⁸. Распад Советского Союза – не только величайшее несчастье, но и преступление, совершенное врагами: «Жида и масоны ослабили КГБ и развалили великую державу, СССР, чтобы бросить достояние ее народов к ногам транснациональных корпораций»⁹.

Национализм Садулаева – не сепаратистский, но имперский. Будущее Чечни и чеченцев он видит именно в рамках «большой страны», подобной Советскому Союзу, где чеченцы должны занять особое место.

Идее чеченского мессианства посвящена повесть «Учение Дона Ахмеда»¹⁰. Основное содержание – рассказы-поучения лидера питерской чеченской мафии Дона Ахмеда, обращенные к герою повести. Беседы Дона Ахмеда посвящены древней русской истории и новейшей истории чеченцев¹¹.

⁵ Садулаев Г. Одна ласточка еще не делает весны. С. 47.

⁶ Роман Садулаева «Таблетка» посвящен, главным образом, критике капитализма и общества потребления.

⁷ Садулаев Г. Бич божий // Знамя. 2008. № 7. С. 152.

⁸ См.: Садулаев Г. Я – чеченец! Екатеринбург: Ультра: Культура, 2006. С. 222–226, 245–250.

⁹ Садулаев Г. Учение Дона Ахмеда // Дружба народов. 2007. № 9. С. 66.

¹⁰ Там же. С. 63–90.

¹¹ Эти беседы практически без изменений перенесены Садулаевым в его более позднюю книгу: Садулаев Г. Пурга, или миф о конце света. М.: Вагриус, 2008. С. 5–186.

Дон Ахмед выступает сторонником российской (но не русской!) имперской идеологии, так как большая, сильная, имперская Россия выгодна чеченцам: «В единой великой России и мой бизнес будет единым и великим. <...> Подумай сам, зачем чеченцам отделяться от России? Если Чечню отделить, что останется чеченцам? Только сама Чечня. Старые горы, мелкие речки, да остатки нефти»¹². Но, к счастью, помимо маленькой Чечни есть большая Россия, которая и должна стать жизненным пространством чеченского народа: «И эти пространства, дарованные нам Всевышним Аллахом... – все земли России. Русский народ вымирает, каждый год коренное население России сокращается на миллион. Если русские земли не заселим мы, это сделают другие, те же китайцы»¹³.

По версии русской истории, предложенной Доном Ахмедом, русское государство было создано варягами, которые «крышевали» торговцев на пути из варяг в греки, собирали дань со своих подданных-славян, защищали их, но и... продавали в рабство. Потом роль варягов перешла к монголам, а в наши дни она должна перейти к чеченцам: «Россия – великая держава, у нее свой путь и особая историческая миссия на Земле. А у чеченцев своя миссия в России. <...> Чеченцы с их активностью, с их авантюризмом, должны стать новыми варягами для России и возродить величие ее государственности»¹⁴. Правда, Дон Ахмед оговаривается, что речь идет не об эксплуатации русского народа чеченским, но о взаимовыгодном симбиозе, однако приведенный выше пример о варягах и славянах заставляет предположить нечто иное. В любом случае, чеченский народ в такой концепции выступает как народ господствующий, привилегированный. Обращает на себя внимание интернациональный состав «бригады» Дона Ахмеда: украинец, молдаван, казах, адыгеец, карел и т. д. Но руководит всем – чеченец. Герою тут же приходит на память старый лозунг: «пятнадцать республик – пятнадцать сестер»¹⁵. Таким образом, «бригада» рассматривается в качестве своеобразной модели «великой России» или нового Советского Союза. Моральное право на господствующее положение чеченцы доказывают с оружием в руках. Ваха, чеченец – ветеран Великой Отечественной, зарезал эстонца, который обозвал его русского друга «русской свиньей»¹⁶. Дон Ахмед погиб «за Россию» в битве с китайцами¹⁷.

¹² Садулаев Г. Учение Дона Ахмеда. С. 66.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 88.

¹⁵ Там же. С. 80.

¹⁶ Садулаев Г. Я – чеченец! С. 249–250.

¹⁷ Садулаев Г. Учение Дона Ахмеда. С. 90.

Но можно ли «учение» Дона Ахмеда отождествлять с авторской позицией? С одной стороны, идею чеченского мессианства высказывает не автор – и даже не герой-повествователь. Последний вовсе дистанцируется от наиболее одиозных высказываний Дона. С другой стороны, Садулаев, по всей видимости, не случайно дважды (в «Учении Дона Ахмеда» и в «Пурге») обращается к этой теме. Дон Ахмед представлен благородным и бескорыстным воином, подобным князю Святославу Игоревичу, одному из любимых героев самого Садулаева¹⁸. Не желая прямо подписываться под столь радикальными суждениями, Садулаев, тем не менее, их «озвучивает». Впрочем, недавно Садулаев прямо заявил: «...Мы совершаем экспансию в Россию». И даже сравнил чеченцев в России с викингами в Англии¹⁹.

Таким образом, свойства чеченского народа не только обуславливают его особость и даже исключительность, но и дают ему моральное право на осуществление мессианской идеи – стать во главе народов России.

¹⁸ Даже гибель Дона Ахмеда подчеркивает связь со Святославом: из его черепа враги-китайцы сделали чайник, как печенег из черепа Святослава – чашу. См.: Садулаев Г. Учение Дона Ахмеда. С. 90.

¹⁹ Известный писатель Герман Садулаев: «Главная проблема Чечни – не терроризм, а секс» // Комсомольская правда. 2010. 25 октября.

Избрание глав регионов в контексте эволюции политического режима в современной России

В настоящее время в России ведутся довольно активные дискуссии о порядке формирования исполнительной власти в регионах, прежде всего, о выборах глав субъектов Федерации. Есть сторонники и противники существующей модели избрания последних. Мы рассмотрим эту модель и проанализируем ее достоинства и недостатки, соотнося их с тем политическим режимом, который сложился в нашей стране за последние десять лет.

Модель избрания глав регионов за это время несколько раз менялась. Прямые (народные) выборы руководителей регионов при строительстве т. н. «вертикали власти» сначала были заменены на назначение сверху (президентом) с последующим утверждением региональным парламентом (с 2005 г.). В 2009 г. новый Президент России Д. А. Медведев принял решение о заметном изменении этого порядка. Теперь кандидатуры (не менее трех) на должность главы региона должна предлагать партия, победившая на выборах в региональный парламент. Президент выбирает одного кандидата и представляет его для утверждения региональному собранию. При этом, если партия не будет соблюдать утвержденный порядок выдвижения кандидатур или президент в итоге не одобрит ни одну из представленных партией кандидатур, право определять кандидата для представления региональному собранию переходит к президенту.

Очевидно, что первоначальное изменение рассматриваемой модели означало серьезную трансформацию политического режима от демократии в сторону авторитаризма. Действительно, президент получал возможность контролировать назначение глав регионов, не допуская прихода к власти оппозиционно настроенных политиков. Справедливости ради, стоит отметить, что формально процедура выглядела более демократично, так как кандидатуры президенту предлагали не только его полпреды в федеральных округах, но и партия, победившая на выборах в региональный парламент. Однако президент вполне мог проигнорировать партийную кандидатуру.

* *Александр Сергеевич Ваторопин* – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Современная модель избрания глав регионов – это, на наш взгляд, шаг в сторону демократизации российского государства, хотя и не демократия в полном смысле этого слова. Тем не менее, президент должен считаться с позицией самой влиятельной партии региона и не может необоснованно отказаться от ее кандидатур. Кроме того, в региональном законодательном органе может возникнуть необходимость поиска межпартийного компромисса в случае, если победившая партия не обладает там абсолютным большинством голосов. Так или иначе, принципиально не исключен вариант прихода к власти в субъекте Федерации умеренного оппозиционного политика как компромиссной для президента и победившей партии фигуры. Впрочем, данная модель позволяет президенту и не допустить такого развития событий.

Если сравнивать эту модель с моделью прямого демократического волеизъявления народа, то можно отметить следующее. Существенными минусами действующей модели являются ее недемократичность и определенное несоответствие принципам классического федерализма. Безусловно, при прочих равных условиях прямые выборы глав регионов предпочтительнее, так как придают региональной власти больше легитимности (по крайней мере, так утверждает либеральная теория). Однако сторонники существующей модели, прямо не отрицая указанных недостатков, видят и ее достоинства. В их числе Президент РФ Д. А. Медведев и Председатель Правительства В. В. Путин, которые, собственно, и создали данную модель и обеспечивают ее существование.

Д. А. Медведев так высказывается об этой модели: «Партии, которые имеют большинство в региональных парламентах, получили исключительное право предложить Президенту кандидатуры на посты губернаторов, то есть руководителей областей, краев, республик. Таким образом, большинство избирателей имеет возможность участия через поддерживаемую ими партию в формировании исполнительной власти своего региона. Та партия, за которую ты проголосовал, в конечном счете, и предлагает губернатора для того, чтобы он был наделен полномочиями, Президенту. Тем самым мы наполнили конкретным содержанием права большинства населения – права на формирование местной исполнительной власти» [1].

У В. В. Путина следующая аргументация в поддержку существующей модели: «В свое время меня долго и много критиковали и до сих пор продолжают критиковать за изменение порядка приведения к власти губернаторов в регионах Российской Федерации. Но ведь одним из побудительных мотивов изменения этого порядка приведения к власти губернаторов было как раз недопущение до власти криминала. Потому что, к сожалению, в наших условиях, в

условиях еще недостаточно эффективного гражданского общества, при так называемых “прямых выборах” за спиной почти каждого кандидата вставал криминал, и своими неучтенными, “черными” деньгами пытался, а подчас и достаточно эффективно влиял на ход предвыборной кампании и на ее результаты. Теперь, когда кандидатов в губернаторы предлагает Президент, но за него должны проголосовать или не проголосовать местные депутаты, это все-таки более или менее ограждает общество от проникновения криминала хотя бы на этот высокий региональный уровень управления» [2].

Итак, судя по всему, у существующей модели приведения к власти глав регионов есть и плюсы, и минусы. Вопрос в том, что перевешивает и какой модели (условно их можно назвать «демократической» и «полуавторитарной») отдать предпочтение на современном этапе развития Российского государства? Мы можем ответить на этот вопрос следующим образом.

Прежде всего, проанализируем, каково отношение граждан к этим моделям. Судя по опросам общественного мнения, ответ очевиден: респонденты отдают предпочтение «демократической» модели (59 % – «за», 20 % – «против») [3]. Это ответ на прямой вопрос, показывающий демократические настроения россиян. Однако ответы на другие вопросы, релевантные рассматриваемой проблеме, позволяют утверждать, что эти демократические настроения не столь однозначны, как может показаться на первый взгляд. Так, по данным Левада-Центра, демократия является терминальной ценностью, несмотря на все ее недостатки, только для 23 % респондентов, в то время как 56 % в случае необходимости готовы к ограничениям своих прав и свобод; для 36 % респондентов идеальным является «государство с совершенно особым устройством и своим путем развития», еще 23 % выступают за «социалистическое государство типа СССР», и только у 30 % идеальное государство соответствует западным образцам [4]. Другими словами, большинство россиян легко убедить в том, что «демократическая» модель выборов глав регионов для России сегодня не подходит.

Кроме того, недавний опыт показывает, что граждане не особенно охотно пользовались своим правом избирать региональную исполнительную власть. Например, в 2003 г. на выборы губернатора Свердловской области пришли всего 33,61 % имеющих право голоса, а на второй тур еще меньше – 31,99 % [5]. Это, безусловно, ставит под сомнение легитимность власти главы региона. Таким образом, «демократическая» модель не только не является особо значимой ценностью для российских граждан, но и не обеспечивает выполнения своей главной функции – легитимации региональных органов исполнительной власти.

В этих условиях становится более аргументированной «полу-авторитарная» модель выборов глав регионов. Действительно, необходимо противостоять проникновению во власть криминальных элементов, а также левых и правых экстремистов, разжигающих социальную, национальную, религиозную рознь, которая угрожает самому существованию целостного Российского государства. И, безусловно, нельзя допустить возможной победы на демократических выборах сепаратистски настроенных политических лидеров (это особенно актуально для республик Северного Кавказа). На наш взгляд, с подобными задачами может более или менее эффективно справиться только легитимная федеральная власть, опирающаяся на поддержку подавляющего большинства населения страны. Пока такая власть в России существует, о чем свидетельствуют данные социологических исследований, «полуавторитарная» модель избрания региональной исполнительной власти, видимо, имеет право на существование.

Однако, по нашему мнению, следует постоянно двигаться в сторону большей демократизации этой модели. Так, например, можно было бы организовать некие праймериз внутри партии, победившей на региональных выборах, при выдвижении кандидатов на должность главы региона. В любом случае, не следует настаивать на безусловном авторитарном основании существующей модели. Последняя должна быть достаточно гибкой и прагматически соответствовать имеющимся политическим условиям.

Литература

1. Медведев: наша демократия несовершенна, мы это понимаем. Но мы идем вперед [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=408819> (дата обращения: 12.02.2011).
2. Стенограмма программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» 16 декабря 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kuzpress.ru/politics/17-12-2010/16684.html> (дата обращения: 12.02.2011).
3. Россияне о расширении избирательных прав [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2010080600.html> (дата обращения: 12.02.2011).
4. Россияне за госпланирование в экономике и советскую политическую систему [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2011020803.html> (дата обращения: 12.02.2011).
5. Губернатором Свердловской области остался Эдуард Россель [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/22sep2003/rossel.html> (дата обращения: 12.02.2011).

Региональная трансформация государственности в условиях глобализации

Осевой проблемой наступившего века становится глобализация и формирование нового поколения локальных цивилизаций. Эти две тенденции являются и взаимосвязанными, и противоборствующими. Они действуют на фоне глубокой трансформации роли государства. Глобализация сокращает возможности национальных правительств по контролю за внутривнутриполитической ситуацией и управлению ею, выводит из-под контроля государств национальную экономику и информационные потоки, усиливает рост социального расслоения. Одновременно общество становится более уязвимым для внешних идеологических манипуляций. К этому нужно добавить неизбежность размывания границ, расширение потоков миграции, активизацию наркотрафика и т. д. Возникает вполне закономерный вопрос: сможет ли нынешний государственный механизм с его набором инструментов, характерных для прошлого века, ответить на эти вызовы в цивилизованной и успешной форме?

В силу своего геополитического положения и наличия в ее недрах стратегических природных ресурсов, Якутия со времени ее включения в состав Российского государства никогда не представляла собой и, наверное, не будет представлять изолированной части, выпадающей из ее общих геополитических интересов. Кроме того, в течение всего этого времени политика Центра в отношении Якутии оставалась практически неизменной: она всегда рассматривалась и продолжает рассматриваться только как природно-ресурсный базис и территориально-экономический сегмент для формирования геостратегических интересов России, естественно без учета ее региональных интересов. Данная ситуация типична для большинства российских регионов, а для таких «гигантов» геополитического пространства, как Урал, Сибирь и Дальний Восток, стала анахронизмом. Безусловно, сложившаяся ситуация является

* *Терентий Степанович Ермолаев* – канд. ист. наук, доцент, научный сотрудник Ин-та гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (г. Якутск).

не только важнейшим недостатком геополитической стратегии России, но и реально ослабляет российскую государственность. Приходится лишь констатировать, что и в настоящее время, когда мировое сообщество с нарастающей активностью отстаивает право любой территории, обладающей соответствующими ресурсами, быть субъектом своего развития, в том числе исходя из собственных, специфических потребностей и интересов, в нашей стране продолжает сохраняться многопрофильная «бессубъектность» ее регионов.

В условиях глобализации и глокализации национальные интересы любого государства становятся комплексными и приобретают сложную структуру, которая состоит не только из его внешних, но и внутренних потребностей. То есть региональные интересы необходимо рассматривать сегодня как часть государственных интересов, а проблемы региональной безопасности – как составной элемент доктрины национальной безопасности России.

Россия медленно, но верно выходит из геополитического кризиса, связанного с развалом Советского Союза. Одним из главных путей возвращения Российского государства на мировую арену в качестве великой державы является динамичное развитие ее восточных территорий. Это объясняется следующими моментами: 1) необратимым смещением эпицентра мирового развития в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР); 2) созданием нового «санитарного кордона» на западных рубежах России и активным продвижением НАТО на восток; 3) наличием огромных природных ресурсов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Нет сомнений в том, что выход из глубокого затянувшегося кризиса России немыслим без северо-восточных регионов. Республика Саха (Якутия) в состоянии стать локомотивом развития северо-восточных территорий страны, если сможет найти соответствующие теоретические и технологические варианты использования своего потенциала. В этой связи сверхактуальной становится задача создания действенного механизма интеграции субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, – механизма, ведущего не к потере самостоятельности регионов, а, наоборот, к усилению возможностей самосохранения в интересах населения и регионов и страны. Для этого необходима строгая научная программа революционного характера. К сожалению, до сих пор отсутствует глубоко проработанная научная стратегия развития восточных территорий. Следует напомнить, что еще в 1967 г. в ЦК КПСС была разработана комплексная программа подъема производительных сил на базе улучшения социально-экономических характеристик, совершенствования образа жизни жи-

телей и создания им льготных условий в процессе освоения северных просторов.

В стратегическом плане следует ориентироваться на строительство новой экономики, базирующейся на высоких интеллектуально-емких технологиях. Пока Дальний Восток будет восприниматься только как сырьевая база, пока не будет достигнута интеллектуализация экономической деятельности, перспективы нашего региона будут незавидны.

Необратимое смещение эпицентра мирового развития в АТР настоятельно требует от нас внимательного изучения «азиатского лица» глобализации. Речь идет о феномене «мягкого» вхождения в глобальный мир Японии и Китая, которые на протяжении сотен лет проводили политику самоизоляции, а затем сумели гибко, с опорой на национальные традиции, на основе текста национальной культуры занять лидирующие позиции на мировой арене.

На мой взгляд, следует дистанцироваться от примитивного европоцентризма, который ведет к унификации всех сфер жизнедеятельности общества и созданию монополярного мира. Сегодня желательнее ориентироваться на восточные этико-политические традиции, способные уберечь мир от экологической и нравственной катастроф. Очевидно, что в АТР создается совершенно новая альтернативная модель взаимодействия цивилизаций, опирающаяся на уникальные свойства культурно-исторических традиций.

Без существенной экономической базы любая государственность быстро превращается в фикцию. Реальная государственность базируется, прежде всего, на экономической самодостаточности, т. е. способности обеспечить своих граждан и свою безопасность за счет использования внутренних экономических ресурсов. При ином варианте государственность не имеет исторических перспектив. С 1990 г. Республика Саха (Якутия) приступила к процессу создания механизма самообеспечения. Данный процесс приобретает сегодня чрезвычайную актуальность. Не исключено, что в будущем полноправным субъектом Федерации может стать лишь тот субъект, который способен реализовать принцип экономической самодостаточности. Это связано с постепенным, но неминуемым процессом укрупнения субъектов Федерации.

События последних лет, связанные с передачей бюджетобразующего предприятия АК «АЛРОСА» в федеральную собственность, продажей крупных региональных предприятий «Якутуголь», «Сахателеком», «Алмазы Анабара», усилили страхи населения по поводу будущего республики. Потеря столь серьезных объектов собственности и новые правила игры, безусловно, осложнили социально-экономическую и этнополитическую ситуацию в республике. Сейчас руководство республики ищет выход из со-

здавшегося положения в реализации «Схемы комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики РС(Я) до 2020 года». Действительно, масштабы так называемых «мегапроектов» впечатляют. Но, как говорится, все новое – хорошо забытое старое. По сути, вышеназванная «Схема...» представляет собой технологическую карту всех начатых, но не завершенных предыдущих проектов, начиная с вышеупомянутой программы 1967 г., программы комплексного развития Южно-Якутского ТПК 1970-х гг. Раскрываемые сегодня «мегапроекты», к сожалению, носят сугубо отраслевой характер, предельно технократичны, поэтому нуждаются в беспристрастной научной и, прежде всего, социогуманитарной экспертизе с учетом быстро меняющихся приоритетов в мировом развитии. Принципиально важно, чтобы во всех программах и проектах развития территорий республики главной узловой проблемой была бы проблема улучшения условий, качества жизни, доходов, интеллекта человека. Все отраслевые проекты должны служить этому и стать способом улучшения жизни, благосостояния человека. К сожалению, сегодня человек продолжает рассматриваться не как цель, а лишь как средство – инструмент достижения абстрактно-экономических целей. Проведенные же нами социологические исследования убедительно показывают, что рядовые граждане задачей номер один для власти считают решение проблемы бедности. Пятая часть населения страны пребывает в нищете. В Республике Саха сложилась парадоксальная ситуация, когда значительную часть категории бедных составляет экономически активное население. Не секрет, что идет стремительная социальная поляризация населения республики, связанная с чудовищной дифференциацией доходов населения по промышленным и сельскохозяйственным улусам. При этом в республике имеется очевидный избыток экономически активного населения, прежде всего, в сельской местности, где не хватает рабочих мест и, соответственно, складывается депрессивная ситуация. Наиболее тревожным моментом сегодня становится расслоение населения республики по уровню доходов и качеству жизни, которое совершенно очевидно совпадает с этнической композицией населения, – а это уже грозит большими проблемами.

Еще более усугубляет ситуацию тенденция стремительного увеличения общей численности национальностей, нетипичных для Якутии. По сведениям МВД республики, наибольший удельный вес в этнической структуре наших мигрантов приходится на представителей бывших союзных республик и Китая. На фоне оттока русского населения и снижения рождаемости такой миграционный прирост создает в ближайшей перспективе новую этнополитическую реальность, варианты развития которой должны быть

серьезно проанализированы уже сегодня. Бытовая ксенофобия, давно ставшая огромной проблемой для российских городов, в республике серьезно не рассматривалась и не рассматривается.

Исторический вызов, брошенный России, ставит стратегически важнейшую проблему укрепления государственности на принципах федерализма, разумной региональной и научно обоснованной национальной политики. Только строгое следование этим параметрам способно вывести Россию из затяжного цивилизационного кризиса и обеспечить ей поступательное развитие в XXI веке.

В. Н. Земцов*

Новейшая история России в контексте мировой истории: к проблеме преподавания истории зарубежных стран в отечественной школе

Проjekt федерального закона «Об образовании» вызывает в нашем обществе неоднозначные оценки. С одной стороны, он ставит под угрозу конституционные гарантии доступности образования; с другой, дает понять, что современная структура и характер отечественного образования – как в средней, так и в высшей школе – не могут сохраняться в прежнем виде. Как известно, проект закона, вынесенный на обсуждение, предусматривает введение курса «Россия в мире» (интегрированный уровень) в качестве обязательного для среднего (полного) общего образования. Попробуем в этой связи представить, как сегодня выглядит преподавание исторических предметов, связанных с соотношением истории России с историей зарубежных стран новейшего времени, которые могут войти в этот курс.

Остановимся на трех наиболее важных вопросах:

1. Какова реальная ситуация с преподаванием зарубежной истории в нашей школе сегодня?
2. В чем заключаются главные трудности при соотношении зарубежной и отечественной истории XX – начала XXI вв.?
3. Какова ситуация со школьными учебниками и учебными пособиями по зарубежной истории XX – начала XXI вв.?

1. Одним из важнейших положительных моментов в поисках концепции исторического школьного образования конца 1980–1990-х гг. было осознание тесной взаимосвязи отечественной истории с историей всеобщей. Тем более, что не всегда было ясно (а для меня, например, это остается актуальным и сегодня), историю какой страны мы изучаем: той, в которой большинство из нас родилось, или той, которая появилась в 1991 г. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. было создано немало интересных учебных пособий по зарубежной истории (и это касается не только истории XX в.),

* **Владимир Николаевич Земцов** – д-р ист. наук, профессор кафедры регионоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

читались новые курсы – «История мировых цивилизаций», «Россия и мир» и другие. Это позволяло нам (хотя все было и не бесспорно) чувствовать сопричастность великой человеческой истории. И это было неперменным условием нашей самоидентификации в условиях разброда и в нашей стране, и в наших умах и чувствах.

К концу 1990-х гг., особенно в начале XXI в., появились признаки того, что этот непростой, но чрезвычайно плодотворный период в плане поиска ответа на вопрос, как и ради чего преподавать историю, стал заканчиваться. Введение ЕГЭ сделало преподавание истории зарубежных стран во многом излишним. Возникло впечатление, что и преподавание самой отечественной истории, когда радикально изменилась система поступления в вузы, оказывается с практической точки зрения школьника делом ненужным.

Между тем, современное Российское государство, кажется, именно преподаванию истории в школе стало придавать особое значение в деле формирования сознательных патриотов и граждан. И в этом, на наш взгляд, было и есть фундаментальнейшее противоречие в сфере государственной политики в школьном, да и в вузовском образовании.

Согласно базисным программам, разработанным на основе федерального компонента государственного стандарта, в основной школе изучению истории всех стран и народов сегодня отводится 164 часа, отечественной – 175. Вроде бы это неплохое соотношение. Но в средней (полной) школе соотношение серьезно меняется: 54 часа отводится преподаванию всеобщей истории, и 84 – отечественной. Более того, очевидно, что если школьник историю зарубежную нигде не сдаст, а напротив, приходится сдавать ЕГЭ по отечественной истории, то отсутствие какой-либо мотивации к изучению всеобщей истории становится фактом естественным.

Но сможет ли молодой человек, получивший весьма беглое представление о мире, существующем за пределами нашей страны, эффективно построить свою карьеру, и сможет ли он стать подлинным гражданином, если его патриотизм будет питаться только невежеством или малоэффективной официальной пропагандой, но не искренним осознанием преимуществ своего Отечества? Вряд ли.

Вот поэтому перед современным Российским государством и учителем с неизбежностью встанет (и он уже очевиден) вопрос о соотношении наших представлений о новейшей истории России с историей всеобщей XX – начала XXI вв.

2. Отметим сразу, что понятия «новейшая история» за пределами нашей родины практически нет. Это понятие родилось в эпоху 1930-х гг., при разработке марксистско-ленинской концепции общего кризиса капитализма и неизбежности победы мировой социалистической революции. Поэтому при переводе термина «новейшая

история» на другие языки приходится искать неравнозначные эквиваленты. Чаще всего им становится английское выражение «current history» – «текущая история». Этот терминологический курьез очень показателен. Он выявляет, во-первых, что новейшая история очень подвижна как в плане ее периодизации, так и в плане ее хронологического и событийного «приращения», во-вторых, что очень трудно бывает в ее рамках избежать политической конъюнктуры. Более того, нередко вообще возникает вопрос: а история ли это? Любопытно, что в федеральном компоненте государственного стандарта (в разделе основного общего образования) появился для наших учебников и документов новый термин «новейшая и современная история». В то же время в разделе среднего (полного) образования говорится о «кризисе индустриального общества» (применительно к 30–60-м гг. XX в.) и о «переходе к информационному обществу» (70-е гг. XX в. – начало XXI в.) Однако эти терминологические новации никак не соотносятся с обновлением периодизации отечественной истории и, тем более, никак не соотносятся с терминологией базисных программ. Правильно ли это?

Напомню, что совсем недавно, когда мы приближались к «миллениуму», XX век выглядел достаточно цельным. Большинство программ и учебников начиналось с рубежа XIX–XX вв. Сам же XX век делился на почти равновеликие части – по рубежу окончания Второй мировой войны (и это было характерно для учебников и по отечественной, и по зарубежной истории). Однако с наступлением XXI в. (и события 11 сентября 2001 г. для зарубежной истории имели прямой символический смысл) картина стала меняться. История XX в. зарубежных стран (особенно стран Запада) стала на глазах «распадаться». Эпоха 1920–1930-х гг. теперь оказывалась все больше связанной с процессами XIX в. (с тем, что мы называем «новой историей»), а вторая половина века, когда собственно и развивается постиндустриальное общество и все иные связанные с ним мировые процессы, стала видеться вполне самостоятельной, качественно новой эпохой. При этом зарубежные историки никогда не скрывали, что для них, как и для народов их стран, исторически более важной была Первая мировая война, а не Вторая мировая, да и так называемый «межвоенный период» был не чем иным, как переходом от Первой ко Второй мировой войне. Более того, не раз высказывалось достаточно обоснованное мнение о том, что вся первая половина XX в. была одной большой мировой войной, связанной с переходом общества индустриального к постиндустриальному. Другими словами, сегодня вполне резонно говорить, что новая история продолжалась до 1945 г., после чего и начинается «текущая», или «новейшая история».

Как соотносится с этим видением новейшей истории зарубежных стран новейшая история России? На первый взгляд, предложенная исторической общественностью в 2007 г. книга для учителя (Филиппов А. В. Новейшая история России. 1945–2006 гг. М., 2007) тоже начиналась с 1945 г. Но боюсь, что это было обусловлено не глубокими теоретическими изысканиями или обращением к зарубежной истории и концептуальным поискам коллег за рубежом, а другими причинами. Логика отечественной истории XX в., как нам видится, не всегда вписывается в контекст истории развитых стран Запада. В этом, на первый взгляд, нет ничего страшного. Пусть «их» история развивается так, а наша – иначе. Однако дело в том, что сам факт такого сопоставления дает богатейшую пищу для осмысления нашей национальной истории, и это осмысление будет невозможно, если мы «заиклимся» исключительно на истории своей страны.

Это ставит и другую проблему – проблему осмысления не только формальной периодизации, но и сущности исторических процессов, протекающих у нас, в странах Запада и в странах Востока. Это настолько важно и сложно, что мы бы не стали сейчас об этом даже вкратце говорить. Отметим только, что главное, чему учит история, – это признание относительности и временности существования великих государств и великих империй, признание сменяемости и географического перемещения центров мирового развития. И то, что происходит сегодня, не может не ставить проблемы перемещения центра мирового развития на Восток. Между тем, традиционный ориентир в нашем ознакомлении с зарубежной историей нового и новейшего времени связан с Западом. Наконец, актуальность изучения зарубежной истории вытекает хотя бы из того факта, что добрая половина нашей территории расположена в Азии, а демографические процессы весьма не благоприятствуют русскому этносу. Как же реально преподается история стран Востока в школе? Мы проанализировали современные базисные программы – в рамках основной школы на изучение новой истории Востока отводится 6 часов (новой истории Запада – 50); в курсе новейшей истории специальных тем, посвященных Востоку, совсем не оказалось, а по периоду рубежа XX – начала XXI в. о Востоке нет даже упоминания! Еще более дикой представляется ситуация в средней школе. Там в рамках преподавания новой истории страны Востока даже не упоминаются. В разделе, посвященном второй половине XIX – началу XXI вв., есть пустая в своем верхоглядстве, предельно общая четырехчасовая тема «Страны Азии, Африки и Латинской Америки». И это все! Восход солнца на Востоке мы можем просто проспать!

3. Напомню два очевидных факта. Во-первых, как явствует из работ ведущих специалистов в области теории и методики преподавания истории, цели и задачи школьного исторического образования к настоящему времени до конца все еще не определены. Во-вторых, признаем, что в 1990-е гг. и в первые годы XXI в. была проведена большая работа по созданию учебно-методических комплексов и учебно-методических комплектов по преподаванию истории в школе. Применительно к зарубежной истории мы бы назвали УМК, разработанные под руководством А. О. Чубарьяна, Н. В. Загладина, О. С. Сороко-Цюпы, Л. Н. Алексашкиной и др. При этом ряд учебных пособий, которые по разным причинам вызвали острую критику, в том числе и в связи с их, как утверждалось, чрезмерным «прозападничеством» (например, пособия А. А. Кредера), были отвергнуты. Сегодня работа над третьим поколением учебников по истории, в том числе зарубежной, продолжается, и это вполне естественный процесс.

Подведем итоги.

1. Ситуация с преподаванием зарубежной истории XX – начала XXI вв. складывалась в последние годы далеко не всегда благоприятно с точки зрения решения общих задач, которые ставит перед нами конкретная политическая ситуация в стране.

2. Возникла явная опасность «нестыковки» подходов, предлагаемых к преподаванию отечественной истории XX в., с видением общемирового исторического процесса.

3. Учебные пособия по истории зарубежных стран XX – начала XXI вв. имеются и, на наш взгляд, вполне удовлетворительны. Это не снимает необходимости и дальше работать в этом плане, создавая, как говорят теоретики и методисты, учебники 3-го поколения, но ставит под сомнение необходимость жесткой привязки будущих учебников к тем, которые создаются сейчас применительно к истории России XX – начала XXI вв.

Общий вывод, на наш взгляд, очевиден. Какие бы вопросы ни вызывал проект федерального закона «Об образовании», необходимость качественных перемен, в том числе в преподавании современной зарубежной истории и соотношении ее с историей России, давно назрела. Современный характер и степень знакомства учащихся старших классов средней школы с мировым развитием – и в этом контексте, с настоящим и будущим России, не выдерживают никакой серьезной критики.

Эволюция федерализма в постсоветской России: итоги и уроки прошедшего двадцатилетия

За 20 лет непрерывных реформ в постсоветской России федерализм испытал чрезвычайно интересную и поучительную эволюцию, которая не сводилась только к поискам оптимального баланса и эффективного механизма распределения полномочий между федеральным центром и регионами – субъектами Федерации. На начальном этапе реформирования государственно-политической системы России федерализм явился фокусом острой борьбы различных политических сил за выбор дальнейшего пути развития страны, но, заметим, такой борьбы, которая формально не покидала пределов легитимности. В формальном смысле, распад Советского Союза произошел из-за несовершенства советской федеративной модели, которая оставляла за союзными республиками «право свободного выхода из СССР» (ст. 72 Конституции СССР 1977 г.). Вполне декоративная при полной политической монополии КПСС норма Основного закона, призванная подчеркнуть превосходство советской демократии над буржуазной, превратилась в обстановке нарастающего кризиса системы в легитимную форму «развода» между республиками и сделала вопрос о целостности государства заложником позиции политических элит. Существенно и то, что эта актуализация буквы федеративного принципа плавно перекочевала на территорию РСФСР. Уже Декларация Съезда народных депутатов РСФСР от 12 июня 1990 г. «О государственном суверенитете РСФСР» предоставляла каждому народу России право «на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах»¹. Вслед за этим в июле-октябре 1990 г. декларации о государственном суверенитете приняли Верховные Советы 11-ти автономных республик РСФСР, что выражало их претензии на повышение статуса и уравнение в правах с союзными республиками. Теоретически, текстами большинства деклараций допускался выход из состава не

* **Константин Иванович Зубков** – канд. ист. наук, доцент, профессор, завкафедрой регионоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.). М., 2009. Т. I. С. 181.

только СССР, но и Российской Федерации; практически же, это было требование такого «переформатирования» федерации, при котором должен был произойти решительный сдвиг политических и имущественно-экономических прав в пользу регионов – в первую очередь тех, которые обладали соответствующим этническим «титлом». В рамках СССР российское руководство если не явно, то скрыто поддерживало эту тенденцию, поскольку ему в борьбе с союзным центром было важно организовать против него мощный натиск регионов.

Это был пролог «парада суверенитетов», который охватил в начале 1990-х гг. постсоветскую Россию – причем не только этнические республики, но также области и края. Российскому руководству в интересах сохранения целостности только что конституированного государства предстояло от сознательного поощрения той стихии, которая разрушила Советский Союз, перейти к ее обузданию. Эта трудная работа по стабилизации государства, во многом похожая на тушение возникающих то здесь, то там вспышек сепаратизма, охватила период с марта 1992 г., времени подписания Федеративного договора, по 1994–1997 гг., когда последовала полоса заключения договоров о разграничении компетенции между федеральным центром и субъектами Федерации. Государственно-политическая система, возникшая в результате этих шагов, однако, с трудом могла быть названа подлинно федеративной. Федеративный договор 1992 г. не только закрепил неравноправие статусов субъектов Федерации, но и оставил за республиками множество прерогатив их «суверенности» («полнота государственной власти на своей территории», самостоятельные права осуществления международных и внешнеэкономических отношений, полная собственность на землю и недра), которые даже в таком виде противоречили единству экономического и политико-юридического пространства страны². Прямым следствием Федеративного договора стало включение в гонку самовольного присвоения «суверенных» полномочий и изменений статуса не только республик, но и краев и областей России. Отчасти усмирить эту стихию смогла серия договоров о разграничении предметов ведения и полномочий, заключенных между центром и регионами³, а фактически, ставших результатом политического «торга» между федеральной и региональными политическими элитами. Она знаменовала собой своего рода стабилизацию отношений между федерацией и регионами на

² См.: Федеративный договор. Документы. Комментарии. М., 1992. Следует учесть, что два субъекта Федерации – Татарстан и Чечня – не подписали Федеративный договор.

³ См.: Федерализм власти и власть федерализма. М., 1997. С. 236–846.

почве сложившихся компромиссов, но это была скорее стабилизация кризисного состояния федеративных отношений. Фактически, федеральный центр оказался вынужден выстраивать индивидуальную и потому неизбежно «асимметричную» конфигурацию баланса интересов и отношений с каждым отдельным субъектом Российской Федерации, что находилось в разительном контрасте с одним из главных принципов федерализма – равноправием субъектов федерации по отношению к союзной власти.

Между тем, в 1990-е гг. федерализм стал рассматриваться как синоним демократизма, а утвердившаяся в РФ модель федерализма – как чуткий индикатор колебаний государственно-политической формы между либерально-демократической и авторитарной перспективами развития. Это видение можно признать справедливым лишь отчасти. Действительно, федерализм обеспечивает нечто вроде правовой связности центральной власти и, формируя договорную культуру взаимоотношений между центром и регионами, препятствует сползанию системы власти к авторитаризму. Теоретически, в пространстве отношений центра и субъектов федерации может обнаруживаться и определенная свобода для апелляции рядового гражданина к праву и справедливости. Однако такой аналитический подход упускает из виду многое другое, а именно то, что в своей чисто российской разновидности федерализм утверждался на фоне процессов олигархической концентрации власти и собственности в руках элит – и федеральной, и региональной. Захвативший общественное внимание «торг» между федерацией и регионами маскировал подлинное и главное содержание политики 1990-х гг. – борьбу за распределение власти и богатства между элитами. Конечно, и в этой части система, скрывавшаяся под эвфемизмом «реальный федерализм», несла в себе ограниченный элемент демократизма, но он касался лишь общего изменения пропорций в распределении региональных доходов между центром и субъектами Федерации, большего соблюдения принципа территориальной справедливости. Однако опять-таки эти изменения в первую очередь повлияли на экономическую силу и влияние региональных элит; благосостояния рядовой массы населения они могли коснуться только отраженным, «остаточным» образом. Сохранявшееся напряжение в отношениях федерации и ее субъектов, между тем, позволяло в течение 1990-х гг. фокусировать внимание электората на вопросе судьбы федерализма как одном из главных пунктов политической повестки, усиливая тем самым резервы манипулирования общественным мнением со стороны элит. Высокий накал борьбы за «подлинный» федерализм в 1990-е гг. был отражением растущей «регионализации» общественного сознания, которая в свою очередь была естественной реакцией на

тяготы начального этапа рыночных реформ и неспособность центральной власти облегчить положение населения. Можно было ожидать, что после неизбежных разочарований в способности региональных элит выполнить то, что не смог выполнить центр, массовые настроения качнутся в противоположном – центростремительном – направлении. Такая «национализация» общественного сознания практически созрела к моменту прихода к власти В. В. Путина. Именно поэтому произведенные им с начала 2000-х гг. существенные политические корректировки системы «реального федерализма» и восстановление «вертикали» государственной власти не только не вызвали неприятия в обществе, но даже завоевали определенную поддержку.

В сущности, стало ясно, что возникшая в 1990-е гг. в России конструкция федеративных отношений сильно напоминала испанскую систему «государства автономий», которую сами испанские авторы определяют как «федеро-регионализм» и рассматривают как сознательную попытку скорее ухода от «разрушительной» федералистской перспективы развития, чем приближения к ней⁴. В «реальном федерализме» по-российски воплощена структура регионализованного, «конгломератного» государства, которое на шкале политической эволюции находится (как и та же самая Испания), по существу, еще в стадии незавершенной национальной консолидации. Дело даже не в том, что политическая культура федерализма в силу исторических причин крайне трудно приживается на неподготовленной российской почве. То, что в российской модели федерализма получили преимущественное развитие черты фрагментации государства, разделения и взаимного отчуждения субъектов Федерации, а так называемый «федерализм сотрудничества» оказался отодвинут на обочину федеративного строительства, целиком связано с природой сформировавшегося в 1990-е гг. политического режима. В этом отношении подлинный федерализм действительно является важным индикатором демократии, в нашем же случае – ее фундаментального дефицита.

Вполне ясно, что «конгломератное» государство не может управляться иначе, чем как империя. Поддерживать целостность такого государства возможно только волевыми усилиями центральной власти. Параллели, которые проводились между учреждением в мае 2000 г. новых «наместничеств» – федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента РФ – и им-

⁴ См.: Cuchillo, Montserrat. The Autonomous Communities as the Spanish Meso // The Rise of Meso Government in Europe / Ed. by L.J. Sharpe. L., 1993. P. 211–218; Данилевич И. В. Автономизация Испании // Политические исследования (Полис). 1995. № 5. С. 121–122.

перскими традициями дореволюционной России, выходили за рамки простой внешней атрибутики. Следующим шагом к усилению контроля центра над регионами стало изменение в 2004 г. порядка выборов губернаторов регионов, а фактически, переход к их назначению. Значительные изменения претерпела и система межбюджетных отношений, поскольку политика выравнивания уровней бюджетной обеспеченности экономически сильных и слабых регионов при отсутствии должной солидарности и кооперации субъектов Федерации могла осуществляться теперь только центром и только при решительном сосредоточении основного объема бюджетных ресурсов в его руках. Следует учитывать и то, что результаты политики выравнивания постоянно обесцениваются чудовищным уровнем коррупции (что хорошо видно на примере Северного Кавказа), так что значительные объемы финансовой помощи дотационным регионам не доходят до своего адресата – населения. Неудовлетворенным остается и население дотационных регионов, и население регионов-доноров. Естественно, на этой почве не может возникнуть сильной философии, которая бы убеждала, почему народам и регионам России нужно и важно жить вместе. Такое состояние дел фактически делает неизбежным возвращение к «имперским», авторитарно-принудительным механизмам регулирования межрегиональных отношений.

К этой стратегии, ориентированной на жесткое и последовательное восстановление «вертикали» власти, в последние годы президентства В. В. Путина добавились принципиально новые элементы управления, которые в целом выдержаны в русле консоциализма – политики формирования консенсуса между федеральной и региональными элитами. Логика этих новаций вполне понятна: если пока нельзя должным образом политически объединить многогосоставное по структуре и элитистское по способу управления общество (каким реально является Россия), то важно в целях сохранения единства государства объединить, прежде всего, его элиты. К этому направлены, в частности, и выдвижение более или менее заметных фигур регионального политического истеблишмента на федеральные должности, и настойчивые попытки закрепить за «Единой Россией» роль объединяющей «партии партий», и возложение на наиболее сильные, ключевые регионы ряда ответственных функций федерального уровня (например, проведения международных саммитов). Идеологическим фоном для всего этого служит сегодня заметный сдвиг в сторону прагматизации региональной политики.

При этом, отодвинутый на периферию реальной политики и находящийся сегодня в «спящем» состоянии федерализм, остаётся одной из важнейших конституционных основ российской госу-

дарственности, по-видимому, сохранит свою роль в качестве нормативного ориентира дальнейшего государственного строительства. Однако его новая актуализация в таком качестве будет далеко не простым процессом и примет, скорее всего, характер очередных реформ «сверху», чутко откликающихся на постепенный рост политической зрелости и культуры общества.

Проблема взаимоотношений иммигрантов и коренного населения в России

Россия на протяжении всей своей истории являлась многонациональным и многоконфессиональным государством. После распада СССР страна, столкнувшись с огромным притоком иммигрантов (в особенности из бывших советских республик), приобрела еще большую пестроту этнического, религиозного и культурного состава населения. Современная Россия – это мультикультурное общество, вобравшее в себя огромное разнообразие этносов и культур. Сегодня россияне представляют собой самые разные расовые, этнические, культурные и религиозные группы. Согласно статистическим исследованиям последнего времени, Россия является страной, привлекательной для значительных масс иммигрантов, преимущественно из бывших советских республик, а также из стран Восточной и Южной Азии.

В последнее время в России стали понимать, что остановить иммиграцию в страну и невозможно, и нецелесообразно. Демографические прогнозы говорят о резком сокращении трудоспособного населения. Кроме того, население России стареет, уровень рождаемости снижается. При уменьшении числа работающих выплата пособий и пенсий становится затруднительной. И если не будет притока иммигрантов, население страны и ее трудовые ресурсы резко сократятся.

За последние несколько лет иммигранты стали совершенно незаменимы в ряде отраслей экономики российских мегаполисов. Во многом благодаря интенсивной иммиграции, в некоторых регионах России в настоящее время сформировались значительные общины выходцев из различных стран ближнего и дальнего зарубежья. При этом рост иммиграции оказал и продолжает оказывать неоднозначное воздействие на российское общество. С одной стороны, иммиграция помогает определенным образом решать демографические и социально-экономические проблемы страны, с другой – сама порождает серьезные социально-экономические и политические проблемы. В общем потоке велика доля нелегальной

* *Ольга Владимировна Зылёва* – преподаватель ф-та регионоведов-переводчиков Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

иммиграции, и зачастую нелегальные иммигранты укрываются от уплаты налогов, становятся фактором роста преступности в стране. Возник целый комплекс проблем, связанных с экономическим обеспечением вновь прибывающих иммигрантов, их интеграцией в новой социально-институциональной среде. Одна из важных проблем, влияющих на процесс интеграции иммигрантов в российское общество, – это их взаимоотношения с коренным населением.

Конечно, у России есть многолетний, если не сказать многовековой, опыт существования бок о бок представителей разных этносов и культур. Тем не менее, особое значение приобретают проблемы толерантности (национальной и религиозной) и соблюдения прав человека – со стороны как рядовых граждан, так и разного рода объединений национально-культурной, а иногда и откровенно националистической направленности. Усиливается деятельность и влияние среди населения неонацистских и расистских организаций, выступающих за ограничение въезда и выселение представителей нерусских народностей. Более того, в своих действиях представители вышеупомянутых организаций зачастую прибегают к физическому насилию над иммигрантами: известны сотни случаев избиения и даже убийств выходцев из других стран. Часто и представители принимающего общества, не являющиеся членами таких организаций, столь же нетерпимо относятся к представителям иных этнических сообществ.

Учитывая вышесказанное, рассмотрим проблемы взаимоотношений иммигрантов и коренного населения. Данный вопрос стал особенно актуальным в последнее время, в связи с притоком в Россию большого количества иммигрантов иной этнической принадлежности и иного типа культуры. Если не решать эти проблемы сейчас, то в дальнейшем это может привести к повторению событий, имевших место во Франции осенью 2005 г. (поджоги автомашин и погромы, устроенные иммигрантской молодежью). Иными словами, необходимо и в этом вопросе постараться гарантировать национальную безопасность России.

Решение вопроса о том, как иммигрант будет взаимодействовать с принимающим обществом и участвовать в его жизни, зависит от многих факторов: степени расового отличия иммигрантов от населения принимающей страны; уровня образования; знания языка страны въезда; состояния здоровья; стремления и способности приспособиться к новым условиям; наличия или отсутствия поддержки со стороны правительства и иммигрантских сообществ; наконец, от конфессиональной принадлежности иммигранта. Известно, что иммигранты-христиане легче интегрируются в российское общество, чем представители других религий.

Принимая во внимание данные факторы, ученые выделяют следующие стратегии, которые выбирают для себя иммигранты в качестве доминирующих. Среди основных – стратегии ассимиляции, интеграции, сегрегации и мультикультурализма.

В России сложилось множество иммигрантских общин, поддерживающих разные стратегии – от практически полной ассимиляции у представителей белорусской и украинской общин (благодаря, прежде всего, культурной близости и отсутствию расовых различий) до сознательно поддерживаемой сегрегации, характерной для китайских общин. Китайцы во всех мегаполисах мира замыкаются в свои общины, не желая вступать ни в какие отношения с коренным населением, кроме деловых. У них – свои рестораны, свои авторитеты, свои газеты, наконец, свои кварталы – чайнатауны.

Замкнутый образ жизни отдельных иммигрантских этнических общин и их нежелание воспринять образ жизни местного населения способствуют увеличению социокультурной дистанции между ними. Эта дистанция столь значительна, что исключает возможность совместного проживания. На этом фоне изменение этнического состава населения отдельных территорий в связи с иммиграцией приобретает уже масштабный характер, угрожая национальной безопасности. Данный факт еще раз доказывает необходимость целенаправленной интеграции иммигрантов в принимающее общество.

Говоря об изолированном образе жизни ряда иммигрантских этнических сообществ, нельзя не принимать во внимание, что, с одной стороны, сегрегация – это сознательная стратегия общин, с другой – результат политики принимающего общества. Коренное население часто само «отворачивается» от представителей других этнических общин; оно не готово принять иммигрантов на равных условиях – в качестве равноправных граждан. Чаще всего, не складываются отношения между представителями иммигрантских общин и местным населением в бытовой, политической и культурной сферах. Огромное значение в этой связи приобретает деятельность социально-экономических и культурных институтов, призванных обеспечивать социализацию населения. Однако в современных условиях они слабо ориентированы на адаптацию и интеграцию иммигрантов, прибывающих из других стран.

В процесс интеграции вовлечены две группы: иммигранты и принимающее общество. Причем эти две группы не являются равноправными партнерами. Принимающее общество с его институциональной системой и его реакцией на приезжих играет гораздо более существенную роль в процессе интеграции.

Процесс интеграции происходит на нескольких уровнях. На индивидуальном уровне степень интегрированности иммигранта измеряется наличием у него жилья, занятости, образования, а также

степенью успешности социокультурной адаптации в новом обществе. Выделяют также коллективный уровень интеграции иммигрантских групп, который определяется деятельностью национально-культурных объединений и организаций иммигрантов. Помимо двух вышеперечисленных уровней интеграции, специалисты часто выделяют уровень институтов, к которым относятся в первую очередь образовательные системы, учреждения, связанные с институциональным регулированием рынка труда, религиозные и культурные институты¹.

Успешную интеграцию можно оценить, опираясь на ключевые индексы интеграции (key indexes of integration), к которым относят юридические права, образование, правосудие, здравоохранение, условия жизни и гражданское участие².

Кроме того, существенную роль в процессе интеграции играет возраст. Известно, что иммигранты в первом поколении, особенно немолодые, испытывают сложности при адаптации к новой культуре. Как и временные мигранты, они проявляют слабую склонность к интеграции. Кроме того, в связи с прогнозируемой для них непродолжительной занятостью на рынке труда, следует ожидать, что средства, затраченные на получение ими образования и изучение языка, могут не окупиться. Молодые же иммигранты интегрируются гораздо легче, так как они раньше подверглись влиянию со стороны новой культуры, в них в меньшей степени укоренились обычаи и традиции культуры своей этнической группы.

Лингвисты утверждают, что в среднем лишь через три поколения иммигранты начинают использовать в качестве основного язык страны пребывания. Эксперты отмечают, что обычно иммигрант в первом поколении изучает язык страны прибытия, но доминирующим остается его родной язык; иммигрант во втором поколении – билингва; и лишь третье поколение переходит полностью на язык страны прибытия³.

Социальное включение не происходит автоматически. Для ускорения данного процесса власти принимающей стороны должны внедрять образовательные программы как для детей, так и для

¹ См.: Penninx R. Integration: the Role of Communities, Institutions, and the State. The Institute for Migration and Ethnic Studies of the University of Amsterdam. 2003 // Migration Information Source. URL: <http://www.migrationinformation.org>

² См.: Spencer S. The Challenges of Integration for the EU. Center for Migration, Policy, Society, University of Oxford. 2003 // Migration Information Source. URL: <http://www.migrationinformation.org>

³ The Facts: Integration of Immigrants. URL: www.threadvocatesforhumanrights.org.

взрослых, предоставлять квоты доступа на рынок труда, предлагать возможности для ведения бизнеса, поощрять кросс-культурное общение. Нелегальный статус иммигранта вовлекает его в полукриминальную «теневую» экономику, которая ограничивает его социальную и экономическую мобильность, является препятствием для интеграции.

Однако социальная интеграция не исключает наличия различий. Успешная интеграция складывается на основе совпадения отдельных интересов, целей, задач. Интеграция не может быть полной, она всегда относительна; но ее наличие до определенной степени считается необходимой для жизнеспособности любой социальной системы. Считается, что процесс интеграции непосредственно связан с такими процессами, как адаптация, социализация, ассимиляция и др.

А. А. Кадырова*

Проблема маргинальности статуса мигранта и потенциал межкультурной интеграции в современной России

В последние годы в массовом сознании сформировался определенный стереотип, связанный с понятием «мигрант». Первоначально терпимое и даже благожелательное отношение к мигрантам в конце 1980-х гг. меняется на негативное; наблюдается существенный рост ксенофобии и массовых настроений в сторону ужесточения государственного контроля над приезжими. Ксенофобия обычно характеризует синдром стагнирующего общества, у которого отсутствуют авторитеты, идеалы и позитивные цели, надежды на будущее. Она представляет собой довольно примитивную форму консервативной самозащиты, стремление к сохранению номенклатурных принципов организации социума – в виде неравноправного и иерархически устроенного деления общества на «этнические классы»¹.

Это не просто настороженность старожилов по отношению к вновь прибывающим. Конфликтогенное напряжение в отношениях между мигрантами и принимающим обществом накапливается по линиям этнокультурных различий, контрастов городской и сельской культур, современной (индивидуалистической, индустриально-городской) и традиционалистской (коммуналистской, общинной) моделей социального поведения, регулирования и контроля. В условиях, когда массовый приток инокультурных мигрантов неизбежен, жизненно важной задачей принимающего общества и государства является выработка стратегии управления этим процессом. Это предполагает, прежде всего, взаимную адаптацию принимающего общества и мигрантов. В самом общем виде, это включает в себя натурализацию, интеграцию максимального числа мигрантов в правовое пространство; аккультурацию – приобщение мигрантов к нор-

* *Айгуль Аминовна Кадырова* – соискатель аспирантуры Гуманитарного ун-та по специальности «Политология» (г. Екатеринбург).

¹ Гудков Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/vestnik80gudkov.html>

мам и ценностям принимающего общества, а принимающего общества – к мигрантам. То, что требуется от общества в целом, – это в данном случае принятие культурного многообразия в качестве нормы общежития. Можно говорить об этнических диаспорах мигрантов как новом элементе социальной структуры общества. Происходит радикальный сдвиг – от простого присутствия представителей этнических меньшинств в окружающей действительности к их структурированию и формированию общин с их институтами, активистами, поисками социальной «ниши», выдвиганием коллективных целей и требований.

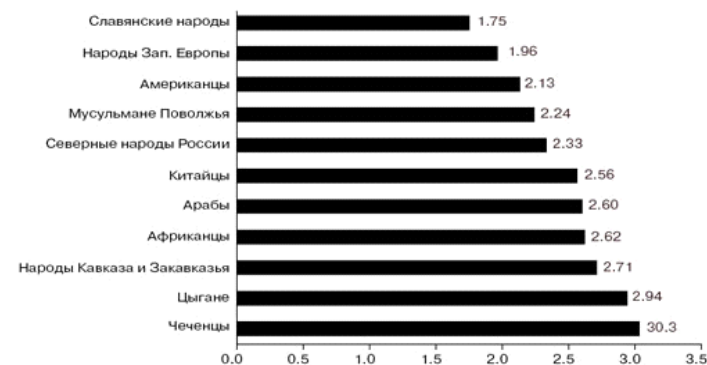
Миграция в сознании российского населения связывается главным образом с жизненными угрозами – экономическими, этнополитическими, социальными. В социальном портрете мигранта, созданном «напуганным» массовым сознанием, присутствует много черт маргинальных, опустившихся групп населения – безработных, криминальных лиц, бомжей. Поэтому предпочтительной российское население считает жестко селективную миграционную политику².

При этом нелюбовь к приезжим носит не идеологический характер, а скорее инструментальный, бытовой, ситуативный. Негативное отношение к мигрантам сигнализирует о внутренних напряжениях в современном российском обществе, о значительной распространенности понижающего типа социальной адаптации, о непреодолимых барьерах, препятствующих социальной мобильности, а также формированию позитивных жизненных стратегий и их реализации. В целом миграция воспринимается большей частью российского общества как явление, скорее, вредное и опасное, нежели сулящее какие-либо выгоды России: соотношение положительных и отрицательных отзывов здесь составляет 15:85³.

Можно выстроить своеобразную шкалу социальной дистанции, характеризующей степень «чуждости» той или иной этнической группы и, соответственно, готовность к взаимодействию с ней в том или ином качестве.

² См.: Бадыштова И. М. Истоки интолерантности россиян к мигрантам [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly (Электронная версия бюллетеня «Население и общество»). 2006. № 231–232. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0231/analit04.php>

³ См.: Леонова А. Неприязнь к мигрантам как форма самозащиты [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2004. № 4 (18). URL: <http://strana-oz.ru/?numid=19&article=921>

В зоне «приемлемости», если принять за ее границу значение индекса социальной дистанции 2,5, оказываются лишь мусульмане Поволжья (татары, башкиры и др.) и северные народы (якуты, чукчи и др.), традиционно входившие в состав России и ныне не вызывающие отторжения и у основной массы населения. Народы же Кавказа и Закавказья (в частности, чеченцы) в восприятии опрошенных оказались даже более далекими, чем народы, никогда не жившие в России и представляющие иные континенты⁴.

Таким образом, можно выделить ряд факторов, влияющих на отношение принимающего общества:

- экономический фактор: самая высокая доля отрицательных ответов приходится на третью, наименее обеспеченную группу респондентов, и, наоборот, терпимость к мигрантам нарастает по мере роста благосостояния);
- средства массовой информации: СМИ сегодня обладают огромными возможностями как в упрочении стабильности социума (в том числе и этнополитической), так и в раздувании различных фобий;
- «этнизация» представлений населения о миграции в их регион в сторону определенных национальностей;
- криминальный аспект;
- миграционный процесс как процесс экспансии: особенно в отношении китайских мигрантов;
- фактор «исламизации» и риск начала «священной войны»;
- антироссийские настроения в странах бывшего Советского Союза влияют на отношение русских к мигрантам из этих стран.

В социологии и политологии выделяют два основных подхода к интеграции полиэтничного населения: ассимиляционную модель,

⁴ См.: Леонова А. Указ. соч.

или «плавильный котел», при которой бремя и тяготы процесса интеграции ложатся в основном на самих мигрантов, и модель признания различий, или мультикультурную модель, переносящую акцент на создание условий для интеграции, т. е. на усилия принимающей стороны. Специфика России состоит в том, что процессы становления общероссийской гражданской идентичности («русской нации») и возрождения идентичности русских идут параллельно. Учитывая, что, по данным последней Всероссийской переписи населения, 80 % населения России – русские, существует большая вероятность того, что произойдет слияние русской этнической идентичности и общероссийской идентичности, что само по себе оставит мало места для других народов в интегральном образе России. В случае совпадения этих двух идентичностей также приобретает особое значение тот факт, что формирование русской этнической идентичности может осуществиться при активном участии Русской православной церкви и на базе ценностей православия, как прогнозируют некоторые исследователи. Это может существенно снизить интеграционные возможности формирующейся общероссийской идентичности.

Но, несмотря на это, в России уже можно отметить и наличие элементов мультикультурализма и мультикультурных социальных практик. К ним, в первую очередь, необходимо отнести само существование многонациональной федерации, в которой некоторые субъекты, в силу исторической традиции, выделены по этническому признаку. Однако в российской ситуации ни одна из интеграционных моделей не принимается однозначно позитивно: мультикультурная модель вызывает критику большинства, а ассимиляционная модель не удовлетворяет этнические меньшинства, в первую очередь те народы, для которых Россия – страна исконного проживания.

Из представления об этносах как об относительно «закрытых» общностях с особым мировоззрением и стереотипами поведения вытекает идея об их культурной несовместимости, а учение о разных «фазах этногенеза» неизбежно приводит к мысли о реальном неравенстве и даже «конflikте» цивилизаций. Все такие представления свойственны сегодня «новому расизму», который одни ученые называют «культурным», другие – «дифференциальным». В отличие от старого расизма он делает акцент не столько на принципе крови, сколько на культуре, рассматривая человека не как индивида, способного творчески, активно адаптироваться к быстро меняющейся окружающей среде, а как члена этнической группы, пассивно усваивающего ее неизменные ценности и механически воспроизводящего свойственные ей стереотипы поведения. С этой точки зрения, индивид не представляет большого интереса; достаточно знать его этническую принадлежность, чтобы реконстру-

ировать его мысли и предсказать его поведение. Так и появляются термины-монстры вроде «лица кавказской национальности»⁵.

Интеграционный потенциал различных групп принимающего населения существенно дифференцирован и динамичен. Социально-экономическое благополучие различных слоев населения, его социально-демографический состав, опыт личных контактов, распространенность фобий, позитивных и негативных стереотипов о мигрантах в принимающей среде определяют интеграционный потенциал принимающей среды.

⁵ См.: Шнирельман В. Новый расизм в России [Электронный ресурс] // Сайт журнала «Человек без границ». URL: http://www.mnbwb.ru/articles/world_today/tolerance/NewRasizm_VikSHnir/

Политические факторы эволюции медиапространства в постсоветской России

Медиапространство России за двадцать лет постсоветского развития претерпело значительные изменения, связанные с эволюцией политической системы, сменой политических приоритетов, трансформацией самого облика политической власти. Эволюционировала роль, которую играет медиапространство в российской политике, изменились критерии оценки политической эффективности медиапространства, трансформировалась его языковая стилистика. Модификации подверглась и проводимая государством информационная политика.

Под медиапространством обычно понимают систему, использующую интегрированные видео- и аудиосредства, а также компьютеры и другие СМИ, с целью предоставления человеку и различным группам людей возможности работать и общаться, несмотря на пространственную или временную удаленность друг от друга¹. Медиапространство предполагает проведение определенной медиаполитики, включающей в себя «основные принципы, которыми руководствуются при принятии решений власти... относительно функционирования средств массовой информации. Объектами медиаполитики считается содержание, собственность медиа-промышленности, вопросы технической инфраструктуры и технологического развития, отношения СМИ с общественностью, а также вопросы регулирования отношений СМИ и властей, рынка»². Медиаполитика фактически регулирует медиапространство и его взаимодействие с различными слоями общества.

В ранний период постсоветского развития ситуация с традиционными медиа находилась в состоянии, близком к критическому:

* *Кирилл Владимирович Катаев* – аспирант кафедры русского и иностранных языков Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

** *Владимир Станиславович Терехов* – канд. ист. наук, доцент кафедры регионоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Mantei Marilyn M. *Experiences in the Use of a Media Space*. Toronto (Ontario): Department of Sociology University of Toronto, 1991. P. 204.

² Sarikakis K. *Media and Communications Policy: a Definition*. URL: <http://ics.leeds.ac.uk/papers/vp01.cfm?outfit=ks&folder=4&paper>

печатные «издания-однодневки» без внятной редакционной политики становились разменной картой в спорах «хозяйствующих субъектов», меняя владельца (а вместе с ним и название) и теряя самоидентификацию. То же самое происходило и в других областях (телевидение, радио), хотя и не так масштабно. Однако основной проблемой постсоветского двадцатилетия выступают не конфликты правообладания, которые постепенно преодолеваются. Внешние наблюдатели и оппозиция обеспокоены другим: последние годы существования традиционных медиа ознаменованы их консолидацией под началом государства. Почти все федеральные телевизионные каналы так или иначе контролируются государством. Инструменты контроля не ограничиваются внешним цензурованием. Государство зачастую контролирует контент на правах непосредственного или ассоциированного собственника масс-медиа. Тем не менее, сужение круга действующих лиц оказало и положительный эффект – традиционные медиа приобрели стабильность, а их дальнейшее развитие стало относительно предсказуемым. Это, в свою очередь, привело к идеологизации информационного пространства, что проявляется в некритическом освещении действий государственных органов и институтов власти, несоответствии искусственно смоделированной информационной структуры реальному событийному полю, квази-патриотической подаче информации. Традиционные медиа оказались неспособны оперативно и энергично реагировать на динамично меняющийся событийный ряд, так как текущая структура «инфоповодов» должна быть завизирована «наверху». В результате, новости, по меткому выражению Л. Парфенова, превратились в «старости», «когда репортажи подменяет протокольная съемка встречи в Кремле, текст содержит интонационную поддержку, когда существуют каноны показа: первое лицо принимает министра или главу региона, идет в народ, проводит саммит с зарубежным коллегой»³.

Все это плохо соответствует представлениям о современных, мобильных, оперативных СМИ, выполняющих функцию эффективного инструмента трансляции актуальной информации. Именно поэтому на сцену выходят новые информационные средства, связанные с интернет-пространством, в котором цензурный контроль практически отсутствует. Этим, в свою очередь, пользуются как оппозиционно настроенные слои населения, так и те, кому просто хочется поделиться своим мнением или альтернативным видением различных событий. Основными инструментами для подобной деятельности стали форумы и блоги. Блог (от английского «web-log») –

³ Парфенов Л. Выступление при получении премии имени Владислава Листьева. 25.11.2010. URL: <http://parfenov-l.livejournal.com/29844.html>

это интернет-журнал событий, интернет-дневник – веб-сайт, основное содержимое которого – регулярно добавляемые записи, содержащие текст, изображения или мультимедиа. Для блогов характерны короткие записи временной значимости, отсортированные в обратном хронологическом порядке (последняя запись сверху). Отличия блога от традиционного дневника обуславливаются средой: блоги обычно публичны и предполагают сторонних читателей, которые могут вступить в публичную полемику с автором (в комментариях к блогзаписи или своих блогах).

Среди политической, деловой и журналистской элиты ведение блога стало одной из основных тенденций в онлайн-среде. Наиболее яркий пример – блог Президента России Д. А. Медведева. Помимо него достаточно известными активными политиками-блогерами являются губернатор Пермского края Олег Чиркунов, губернатор Кировской области Никита Белых, губернатор Тверской области Дмитрий Зеленин. После «настоятельной рекомендации» Д. Медведева собственными блогами обзавелись, наверное, все губернаторы и федеральные политики, однако в большинстве случаев это всего лишь имитация блогерской активности, своеобразное обязательное следование текущей политической моде (наподобие игры в большой теннис при президенте Б. Н. Ельцине или катания на горных лыжах при президенте В. В. Путине). Блоги российского чиновничества скучны, до неприличия формализованы, неактуальны, неоперативны, напичканы канцеляризмами и, в лучшем случае, представляют собой пресс-релизы, подготовленные пресс-службами.

Тематический круг в блогосфере очень широк: от реакции на обыденные события до предельно актуальных проблем, обсуждение которых затрагивает большую интернет-аудиторию. При этом структура «инфоповодов» в блогосфере может радикально отличаться от информационной структуры в традиционных СМИ; либо же при относительном совпадении структуры появляются кардинальные оценочные, интерпретационные различия. Подобные несоответствия можно было наблюдать во время освещения событий августа 2008 г. в Южной Осетии, когда традиционные СМИ и блогосфера буквально говорили «на разных языках», в результате чего порой складывалось ощущение, что речь идет о разных событиях.

Тем не менее, использование блогосферы в России еще не переросло в нечто большее, чем набор дневников. В 2009 г. в русскоязычной блогосфере насчитывалось 7,4 млн блогов: 6,9 млн личных дневников и более полумиллиона сообществ⁴. Доля активных

⁴ Источник данных: <http://mediarevolution.ru/audience/1962.html>

блогов (таких, которые содержат хотя бы пять записей и обновлялись хотя бы раз за последние три месяца) составляла примерно 900 тысяч. И лишь небольшая часть из этого числа блогеров пользуются ими для освещения политических или связанных с ними событий. Почти 85 % российских граждан никак не заинтересованы в онлайн-дискуссиях, а для удовлетворения своей потребности в информации они полагаются на традиционные СМИ. Они почти никогда не слышали и тем более не принимали участия в кампаниях, предпринимаемых наиболее активными российскими блогерами. Различные интернет-петиции собирают десятки тысяч подписей, но очень малая часть из онлайн-активистов переносит действие в реальное пространство. Многие понимают, что высказывание «удобно быть смелым, сидя в своем кресле» относится и к ним, но далеко не все готовы как-то изменить положение дел. Тем не менее, если дискуссии, развивающиеся в онлайн, находят свое продолжение в прессе, они могут вызвать вполне реальную реакцию государства, как в случае с аварией на Саяно-Шушенской ГЭС. Политики также могут следить за ситуацией, наблюдая за теми или иными дискуссиями в блогосфере.

В подобном взаимодействии власти и блогосферы есть определенные недостатки. Относительного контроля за блогосферой можно при желании достичь с помощью мотивации и последующего контролирования наиболее активных блогеров, воспринимаемых блогосферой в качестве «независимых». Возникает традиционная проблема независимости СМИ. Совершенно очевидно, что понятие «независимость» весьма относительно, так как абсолютно независимых СМИ не существует. В традиционном медиапространстве эта проблема, как правило, решается с помощью создания естественной конкурентной среды различных масс-медиа, отражающих разные интересы. Тот же принцип может быть использован и в интернет-пространстве. Чем больше в нем активных и авторитетных блогеров, представляющих различные интересы, точки зрения, оценочные суждения, тем меньше вероятность их цензурирования со стороны власти.

Говоря о государственном регулировании информационной среды, нельзя обойти вниманием наметившуюся тенденцию использования властью инструментов юридического контроля, в частности применения по отношению к некоторым блогерам положений ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»⁵. Прецеденты данной правоприменительной практики вызвали бурную реакцию в блогосфере,

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: <http://www.ukru.ru/code/10/282/>

однако многие участники дискуссии сделали выводы о том, что отныне мнения и оценочные суждения в интернет-пространстве нужно излагать более сдержанно, с оглядкой на возможное уголовное или административное наказание. Столь пристальное внимание власти к блогерам свидетельствует об актуализации блогосферы как особой формы масс-медиа, способной повлиять на общественное сознание. Обсуждаемые в недрах власти законопроекты о включении блогов и форумов электронных газет в перечень средств массовой информации, уголовное преследование блогеров, призывы к контролю не только электронных СМИ, но и интернет-провайдеров – это процессы одного порядка, доказывающие растущую обеспокоенность власти активизацией блогосферы. Справедливости ради нужно отметить, что проблема так называемого «большого брата» не является сугубо российской, она беспокоит все мировое интернет-сообщество, особенно в свете той роли, которую сыграло Интернет-пространство в «арабских революциях», точнее, в свете жесткого реагирования диктаторских режимов на активизацию блогосферы, когда Интернет был просто физически отключен.

Российское медиапространство обладает дискретным характером. Традиционные масс-медиа, в большинстве своем контролируемые государством, обладают большим политическим весом, фактически формируя при помощи власти политическую картину информационного поля. Гораздо меньший сегмент медиапространства занимают нетрадиционные медиа, обладающие, тем не менее, мощной энергетикой, относительной свободой, интерактивными возможностями и значительным потенциалом роста. При этом, несмотря на растущую популярность нетрадиционных медиа, в частности, блогов, обращение к ним не носит массового характера, поэтому степень их политического влияния в российском медиапространстве пока весьма ограничена.

*Д. М. Ковалева**

Основы формирования региональной идентичности

Региональную идентичность относят к одному из уровней территориальной идентичности. При этом универсального определения понятия «регион» не существует. Мы придерживаемся следующего толкования: под регионом понимается часть территории страны, обладающая общностью природных, социально-экономических, национальных, культурных и других условий.

В условиях стабильного общества со сложившейся национальной-государственной идентичностью региональная идентичность сохраняется, но не занимает в идентификационной иерархии ведущих позиций. Более того, она может благоприятствовать построению эффективной системы регионального взаимодействия (с федеральными органами государственного управления, субъектами региональных экономических интересов – другими регионами, инвесторами), консолидации регионального сообщества и в целом являться одним из весомых факторов его устойчивого и поступательного развития.

Остановимся подробнее на рассмотрении основ формирования идентичности. Региональная идентичность зачастую опирается на мифы об особых качествах среды проживания. Ее выраженность во многом зависит от наличия и поддержания коллективной памяти, сложившихся ценностей и норм; она выражается в конструировании ее обладателями неких самоописаний, в культивировании специфических черт быта (особенностей одежды, словаря, диеты и т. п.). Сам факт совместного проживания неминуемо порождает у земляков сходные социальные черты.

Мифы. По мнению А. А. Гончарика, мифы, рассматриваемые в одном ряду с такими феноменами, как традиции, символы, коллективная память, воспоминания, национальные чувства, ритуалы и церемонии, являются одним из тех феноменов, которые важны для легитимации региональной идентичности¹.

* *Дарья Михайловна Ковалева* – магистрант 1-го года обучения ф-та политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Гончарик А. А. Роль политических элит в формировании региональной идентичности: интерпретация коллективной памяти и мифов [Электронный ресурс] // Экспертная сеть по исследованию идентичности. URL.: http://identity.ucoz.ru/load/tezisy/goncharik_a_a_rol_politicheskikh_ehlit_v_formirovanii_regionalnoj_identichnosti_interpretacija_kollektivnoj_pamyati_i_mifov/4-1-0-30 (дата обращения 07.04.2010).

В. В. Абашеев замечает, что мифологизация места обитания – это одна из распространенных культурных практик. Человек стремится оправдать место своего проживания как нечто уникальное, особенное, избранное, порой даже вопреки тому, что место проживания самое обычное, ничем не отмеченное. В этом можно видеть отражение базовой потребности человека в осмыслении мира и своего места в нем².

Отметим, что понятия «миф» и «идентичность» связаны следующим образом: формирование идентичности – это процесс конструирования общности в результате воспроизведения мифов, а миф – это разделяемый участниками принцип, на основе которого в ситуации изменяющихся условий происходит формирование новых групп и общностей. Сюжетное развитие мифа происходит на основе постоянного обсуждения и поддержки в обществе. Миф перестает существовать тогда, когда уже не может вписаться в изменяющийся контекст.

М. В. Назукина дает определение *региональному мифу*. По ее мнению, это некое социально оформленное представление о регионе как уникальной территории, сознательно создаваемое или поддерживаемое региональной элитой³. Региональная мифология является важным механизмом формирования региональной идентичности. Она помогает упорядочить разрозненные факты местной истории, скрепить общими идеями и ценностями местное сообщество.

Обеспечивающее идентичность знание включает в себя не только миф, но и *мудрость*. Если мифы отвечают на вопрос, «кто мы такие, откуда мы взяли», обеспечивая толкование жизни, то мудрость формирует и обосновывает нормы жизни (обычаи и нравы)⁴.

Коллективная память. Как пишут исследователи, память – это основа существования единства регионального сообщества. М. Китинг отмечает, что встречаются поиски «подходящего прош-

² Абашеев В. В. Из очерков по локальной мифологии [Электронный ресурс] // ЖЗ (журнальный зал). URL.: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/46/bashev.html> (дата обращения 07.04.2010).

³ Назукина М. В. Конструирование политических мифов как способ формирования позитивной известности регионов России [Электронный ресурс] // Всероссийский конкурс интеллектуальных проектов «Держава». URL.: http://www.fondedin.ru/dok/04_Nazukina_v.pdf (дата обращения 07.04.2010)

⁴ Культурная идентичность, коммуникация, культура [Электронный ресурс] // Учебный сайт «Культурология». URL.: <http://ecologia-cultur.ucoz.ru/load/7-1-0-8> (дата обращения 09.05.2010).

лого», совокупности исторических референтов, которые могут вести региональное сообщество иным путем к модернизации, соединяющей прошлое – через настоящее – с будущим. Возрождение серьезной региональной истории и оспаривание господствующих национальных интерпретаций прошлого становится инструментом, направляющим региональное общество к его будущему. А. А. Гончарик пишет, что на региональную идентичность влияет несколько уровней социальной памяти: конструируемая элитами (она значительно политизируется) и коммуникативная память. В основе последней лежат воспоминания поколений, которые репрезентируются через социальные практики. Мифы здесь становятся механизмом интерпретации памяти и ее искажений. Они одновременно служат и границей, и способом закрепления региональной идентичности⁵. Коллективную память можно определить как результат деятельности индивидов (или групп), объединенных вместе для того, чтобы разделить воспоминания конкретных событий прошлого времени.

Исследователи подчеркивают важность феномена коллективной памяти для существования коллективной идентичности: «Для групп типично основывать сознание своего единства и своеобразия на событиях прошлого. Как формулирует один современный египетский автор, нация живет, только оживляя свое прошлое»⁶. В целом можно сказать, что конструирование идентичности берет основы из прошлого опыта, наполняя его новым содержанием или вкладывая в него новый смысл.

Система символов. О. А. Михайлова пишет, что одним из механизмов интеграции сообщества выступает поле социальных символов. Наличие символика, которая предоставляет универсальные средства коммуникации, создает возможность образования общности. Символ – это своеобразная оболочка, в которую упаковывается «своя» информация. В таком виде она отлична от чужой и узнаваема. Таким образом, формирование идентичности как психологического единства и ощущения личной сопричастности жителей региону возможно только в едином символическом пространстве социума⁷. Можно также добавить: осознание принадлежности к региону основано на участии в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через использование общей системы сим-

⁵ Гончарик А. А. Указ. соч.

⁶ Культурная идентичность, коммуникация, культура...

⁷ Михайлова О. А. Сигналы региональной идентичности в языке города постсоветского периода // Сетевой журнал «Ностальгия по советскому в социокультурном контексте современной России». URL.: <http://mion-journal.tomsk.ru/?cat=37> (дата обращения 07.04.2010).

волов. Все может стать таким символом: слова и тексты, костюмы, региональная символика, целые ландшафты и даже дорожные указатели. Важна не материальная оболочка, а функция символа, его посыл.

Традиции. Традиция понимается как то, что передается неизменным из прошлого. Она является одной из основ идентичности. С традициями, их возрождением надо обращаться очень осторожно. Как метко заметил А. В. Рубцов, «уважение к своему прошлому состоит не в том, чтобы выкапывать и заново раскрашивать покойников»⁸.

При рассмотрении этого вопроса будет интересным обратиться к явлению «изобретения традиции». Конечно, эта идея кажется, по определению, противоречивой, так как традиции приходят к нам из прошлого. «Изобретение» традиции часто мотивировано современными интересами. Э. Хобсбаум определяет «изобретение» традиции как набор практик ритуальной или символической природы, которые ставят своей целью внедрение определенных ценностей и норм поведения посредством повторения, что естественно предполагает связь с прошлым. «Изобретение» традиции – это процесс формализации и ритуализации, характеризующийся апелляциями к прошлому; «традиции», которые презентуются как древние, часто оказываются изобретенными в недавнем прошлом⁹. При изобретении традиции могут использоваться выборочные элементы, т. е. то, что может ассоциироваться с «натуральным», доиндустриальным». Эти элементы репрезентируют традиционную национальную культуру. В то же время многие другие «неподходящие» элементы игнорируются и забываются. Однако даже если традиции «изобретаются», их элементы все равно культурно аутентичны. Для того чтобы традиция получила распространение в обществе, политические лидеры должны выбирать символы, которые имеют культурный резонанс. Некоторые исследователи считают, что традиции создаются из концептуальных нужд настоящего. Их нельзя разделить на истинные и поддельные: можно сказать, что все традиции истинные, если они конструируются в настоящем.

Социальные практики, реконструированные и реинтерпретированные как «традиция», используются для конструирования идентичности. Производство идентичности – довольно сложный процесс; он не может быть сведен к понятию сохранения «тради-

ционного» в настоящем. Он включает артикуляцию коллективно воссозданных исторических форм, сохранившиеся с далекого прошлого элементы, но значительно отличающиеся от их традиционной формы, а также современные элементы, которые широко циркулируют в публичной сфере.

Итак, можно еще раз подчеркнуть, что мифы, символы, образы, нарративы являются как основой формирования идентичности, так и механизмами целенаправленного ее конструирования.

⁸ Рубцов А. В. Российская идентичность и вызов модернизации. М.: Экон-Информ, 2009. С. 184.

⁹ См.: Давыдов В. Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // Журнал социологии и антропологии. 2006. Т. IX. № 3 (36). С. 103.

Вызовы плюрализации этнических идентичностей современному государственному управлению России

С момента развала СССР прошло уже 20 лет. К тому времени официальная идеология провозгласила завершение процесса формирования «новой исторической общности» – советского народа. Сейчас в официальном дискурсе России отсутствует само понятие национальной общности, а существующая политическая практика управления направлена на плюрализацию этнических общностей.

Идентифицировать себя с определенной общностью позволяют общие ценности, нормы, история. Идентичность – это отождествление людьми себя с соответствующей общностью, а также их представления о самой этой общности. В таком случае этничность – это сложный социальный феномен, своего рода форма идентичности на основе культурной схожести, индивидуальный выбор лояльности или принадлежности к той или иной культуре или к нескольким сразу¹.

Акцент на плюрализации этнических общностей создает препятствия для формирования национальной идентичности. Национальная идентичность – это отождествление людей со всем народом, или гражданским обществом, своей страной, с его культурой, общей историей, символами, государственным вектором развития.

Несформированность национальной идентичности и противопоставление ей этнических идентичностей приводит к болезненной реакции общества (выступления молодежи на Манежной площади), формированию крайне правых идеологий и движений, конфликтам в местах компактного проживания этнических групп (Северный Кавказ). Это также вызывает появление в публичном пространстве «этнизированных» региональных идентичностей («Северный Кавказ» и «лицо кавказской национальности»).

Такие процессы ведут к росту социальной дезорганизации, что заводит в тупик и обесценивает старые подходы к управлению

*Егор Витальевич Кокшаров – студент 3-го курса ф-та политологии и социологии УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

¹ См.: Тишков В. А. Этнология и политика. М.: Изд-во «Наука», 2005. С. 39.

обществом. Управление советским народом было эффективным благодаря тому, что в базисном измерении все имели одни и те же ценности, одну идеологию. Иными словами – одну идентичность. Государство являлось главным агентом формирования этой идентичности и потому имело на нее монополию. Именно оно указывало, кто есть враг, кого нужно любить и в каком направлении развиваться.

В условиях кризиса советской государственности в этнических регионах стремительно росла тяга к обособлению, обостренная осознанием своей особой этнической сущности. Прежняя идеологически сконструированная идентичность исчезла, но российская власть не стала создавать новую, подобную ей. Это было и весьма затруднительно: с одной стороны, регионам было обещано столько суверенитета, сколько они могут «проглотить», с другой, – происходила стремительная «атомизация» общества, в котором главный принцип – «каждый сам за себя».

В этнических регионах агентами формирования (или «возрождения»?) идентичности становились местные политические элиты. Их цели были различными, но технологии во многом совпадали. Эскалация этнической идентичности в этих регионах шла через пропаганду и лозунги, делавшие акцент на исторических особенностях конкретного этноса, его претензиях на «исконные территории», его особой роль в истории и т. п. Население консолидировалось вокруг сугубо региональных интересов, окрашенных чаще всего в этнические тона, что вело к формированию своего рода «государств в государстве»: Чечни, Татарстана, Башкирии, Ингушетии, Бурятии и т. д.

Национальная же идентичность предполагает, прежде всего, осознание себя гражданином единой страны. В дореволюционной России жители разной этнической принадлежности часто называли себя «русский», имея в виду свою принадлежность к стране. В советское время люди называли себя «советский человек». Кризис идентичности 1990-х гг. состоял как раз в трудностях самоидентификации граждан: понятие «русский» сейчас имеет значение этнической принадлежности, а понятие «россиянин» не прижилось и практически не культивировалось, так как был взят вектор на плюрализацию этничностей.

Государственный аппарат столкнулся с проблемой неэффективности управления, так как управлять теперь приходилось не единым народом, а отдельными этническими группами. Государство перестало быть доминирующим агентом формирования идентичностей, потеряло на это монополию. На данный момент ими являются местные элиты, особенно в этнических регионах (Татарстан, Башкирия и др.).

Русские исконно считаются титульным, нации-образующим народом. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., «русскими» назвали себя 80 % (115 млн чел.) всех опрошенных². Но процесс плюрализации этнических идентичностей русских почти не затрагивает. Поэтому инициатива формирования т. н. «русской» идентичности перешла в основном к правым националистам. События 11 декабря на Манежной площади – яркий тому пример. После этих событий произошел всплеск национализма по всей стране³.

Не будем также забывать, что сегодня мы имеем совершенно иное по сравнению с временами «холодной войны» мировое устройство. Государственная монополия на внешнюю политику исчезла. Сегодня в нее включены также транснациональные компании, международные организации, регионы, влиятельные политические лидеры, отдельно взятые народы и миграционные «потoki» и т. д. Модернизация в области социальных коммуникаций сделала индивида открытым для мощного воздействия извне.

Таким образом, возникает еще одна проблема, которая требует изучения, – это то, что этнические идентичности могут теперь подвергаться манипуляциям извне.

В целом современная Россия в отношении проблемы управления этническими идентичностями находится сейчас в определенной точке бифуркации, которая допускает два пути развития:

1. Поддержка вектора развития плюрализации этнических идентичностей как продолжающейся спонтанной тенденции. Этот путь предполагает переход к децентрализованным методам государственного управления. Позитивным в этом случае являются: представительство интересов малых народов в органах власти Российской Федерации, «саморегуляция» и саморазвитие регионов и т. п.; негативным: несформированность национальной идентичности, разобщенность граждан, неэффективность управления обществом, национализм и этнический сепаратизм.

2. Конструирование «новой» национальной идентичности. Данный путь развития восходит к советским попыткам создать единый «советский народ». При таком повороте государство вновь получает монополию на культивирование ценностей и норм; управление обществом станет более эффективным. Но при этом обострится проблема сопротивления этнических идентичностей (этносепаратизм, расслоение и т. д.) национальной унификации, что может привести к пагубным последствиям.

² Официальный сайт всероссийской переписи населения 2002 года. URL.: <http://www.perepis2002.ru/content.html?id=11&docid=10715289081463>.

³ См.: Долгое эхо Манежки [Электронный ресурс] // Новостной сайт Лента.ру. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/01/24/magazines/>

Подводя итог, необходимо отметить, что подобный облик проблема идентичности приобретает не только в нашей стране. Похожие процессы идут и во многих западных странах (Франции, Германии, США). Будем надеяться, что России достанет духовных и социокультурных ресурсов для решения исключительно сложных проблем идентичности.

*В. Т. Литвиненко**

Актуальность политических аспектов правового режима непризнанных государств для современной России

Для современной России, как, пожалуй, ни для какого другого государства в мире, актуальны политические аспекты правового режима существования находящихся у ее границ «квазигосударств». Именно Россия первой признала независимость Абхазии и Южной Осетии. С формальной точки зрения, политический процесс дальнейшего международного признания может быть запущен в любой момент; на практике же такие действия – удел популистски-ориентированных политиков, не учитывающих комплексные последствия воздействия на политические системы.

Политологи Р. Карри и Л. Уэйд предложили исходить из того, что политический процесс может быть основан на теории «обмена» и «полезности» в условиях конкуренции на «рынке» и необходимости выбора при ограниченных ресурсах и возможностях. Целью любого участника политического процесса в этом случае является максимизация «прибыли» и минимизация «издержек». Процесс «торга» происходит по установленным правилам игры, обусловленным системой права, культурными традициями и ценностной ориентацией. Не является исключением и мировая политическая система, частью которой являются Россия и соседние с ней «квазигосударства».

Россия еще в 1993 г. с минимальными потерями для своего авторитета могла признать Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье, однако не сделала этого, тем самым создав долговременные проблемы во внешней и внутренней политике. Надо полагать, новый внешнеполитический курс России в изучаемом регионе в первую очередь должен основываться на выстраивании связи между ее современными устремлениями на Кавказе и ее же морально-историческим правом на геополитический контроль над этой территорией. Стабильность административных границ чрезвычайно важна, поскольку, как пишет профессор Д. Ю. Шапсугов, «развитое местное общество должно обладать собственной достаточ-

* *Виктор Тимофеевич Литвиненко* – д-р полит. наук, канд. юр. наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин филиала Северо-Кавказской академии государственной службы (г. Ставрополь).

ной территорией, которая не может изменяться без его согласия, а также правом на историческое наименование, на свои исторические символы, включая гербы и флаги, которые могут быть использованы только с его согласия. Эти права существенно развиваются в законодательстве разных государств принципе свободы объединения местных обществ, который должен составлять основу развития территориального устройства страны»¹. Факт того, что ни Грузия, ни международные организации не признавали не только выборы в масштабах «непризнанных государств, но и выборы во входящих в их состав муниципальных образованиях, должен был получить однозначную научную и политическую оценку как грубое нарушение прав населения на осуществление самоуправления.

В процессе распада СССР выяснилось различие интересов социальных групп, интересы которых выражала находящаяся во власти элита. Поэтому все претензии руководства Грузии и Молдавии на некую «руку Москвы» не выдерживают критики, тем более, что в начале 1990-х гг. Россию больше занимали собственные «внутриэлитные» кризисы, а также вопросы реформирования базовых институтов общества, нежели ситуация в ближнем и дальнем зарубежье. «Сепаратистские настроения в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье сформировались не в результате “разделенности русского народа”, а по иным историческим причинам. Местные элиты в названных автономных образованиях, недовольные политикой руководства Грузии и Молдавии, стремятся либо к независимости, либо к присоединению к России. Эти настроения прямо не связаны с проблемой “соотечественников”, как ее понимают в Москве, хотя довольно значительная часть населения Абхазии (около 200 тыс. человек), Южной Осетии (50 тыс.) и Приднестровья (100 тыс.) воспользовалась предоставленной ей российским законом о гражданстве (в редакциях 1990-х годов) возможностью получить российские паспорта»². Аргументов для обоснования такой точки зрения достаточно. РФ предоставила российское гражданство большинству жителей Абхазии и Южной Осетии, вводила против Тбилиси экономические санкции, зачастую на

¹ Шапсугов Д. Ю. Права местного общества как показатель зрелости гражданского общества // Инновации в местном самоуправлении: юг России в контексте национального и европейского опыта: сб. докладов Российско-германской научно-практической конференции (27–28 мая 2005 г.). Ростов н/Д, 2005. С. 81.

² Зевелёв И. А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. Январь–февраль.

сомнительных основаниях. Российские миротворцы явно находятся в Абхазии и Южной Осетии, чтобы ограничить способность Грузии править этими регионами. Безоглядная поддержка Соединенными Штатами нынешнего режима в Грузии создает у руководства России ощущение, что Вашингтон проводит политику, направленную на подрыв ее резко ослабшего регионального влияния³. Заметим, что в ориентации на имперские начала представители политической науки обвиняют не только Россию, но и США⁴.

Исследователь из Фонда Карнеги Роберт Каган, автор книги «Возвращение истории и конец мечтаний», утверждает, что такие авторитарные страны, как Китай и Россия, при создании своих альянсов по-прежнему руководствуются идеологией, а если говорить конкретно, своим противостоянием демократии. Для Кагана политическая структура этих «восходящих держав» имеет не меньшее значение, чем те энергоресурсы, которые им нужны. Если они будут развиваться успешно, то смогут заявить прочим странам, что авторитарное правление приносит с собой мощный экономический рост⁵. Вряд ли приведенные аргументы Роберта Кагана соответствуют современным реалиям ситуации вокруг «квазигосударств».

В ходе прошедших 30 октября 2007 г. в Комитете по иностранным делам Палаты представителей Конгресса США слушаний «Россия накануне национальных выборов» конгрессмен Брэд Шерман констатировал: «Мы рефлексивно занимаем антироссийскую позицию». По его мнению, это во многом связано с тем, что «большинство представителей внешнеполитического истеблишмента выросли в советскую эру, занимаясь выработкой стратегии того, как окружить, ослабить и унижить Россию».

В качестве иллюстрации этого тезиса Брэд Шерман привел политику «двойных стандартов», исповедуемую Вашингтоном. «В отношении Приднестровского района в Молдавии и Абхазского региона в Грузии мы поддерживаем территориальную целостность, но в отношении косовского региона в Сербии мы поддерживаем самоопределение, – заявил он. – Кто-то может сказать, что мы необъяснимо непоследовательны, но я скажу, что мы очень последовательны и настойчиво занимаем антироссийскую позицию в отношении всех этих трех конфликтов». По его словам, США

³ См.: Саймс Д. Теряя Россию // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. Ноябрь–декабрь.

⁴ См., напр.: Kurth J. The Adolescent Empire. America and the Imperial Idea // National Interest. 1997. Summer.

⁵ Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. N.Y.: Atlantic Books, 2008.

«лишают Россию права иметь любые легитимные интересы за пределами ее собственной территории, даже в этнически схожих бывших республиках»⁶.

Президент Грузии Михаил Саакашвили предложил в 2008 г. Абхазии пакет мер, в соответствии с которыми она вернется под грузинский контроль, за что получит автономию, места в парламенте и право назначать вице-президента, а также будет объявлена зоной свободной торговли. «Я очень надеюсь, что предложенный Саакашвили план постепенно будет введен в действие, поскольку в целом это правильный план, – сказал руководитель Правительства России Владимир Путин во время визита в Париж в интервью французской газете «Le Monde» в мае 2008 г. – Нужно только, чтобы другая сторона дала свое согласие. Необходимо вести диалог». Таким образом, мы видим заинтересованность России в поиске устраивающих конфликтующие стороны компромиссов, однако именно Грузия своими агрессивными действиями сорвала этот диалог.

Американские политологи Кристофер Чиверс и Элен Барри поставили под сомнение заявления Грузии о том, что она лишь оборонялась от нападений России и Южной Осетии. Согласно имеющимся в их распоряжении данным, неопытная грузинская армия нанесла удар по столице сепаратистов, Цхинвали, беспорядочным артиллерийским и ракетным огнем. В результате пострадали мирные жители, российские миротворцы и безоружные международные наблюдатели.

Это ставит вопрос о честности грузинской стороны, так настойчиво говорившей о нанесении точечных ударов по южноосетинской столице. По версии Тбилиси, это было вынужденным ответом на артобстрел грузинских сел, призванным восстановить порядок и противостоять российскому вторжению.

В то же время, как отмечают международные наблюдатели, в течение 7–8 августа грузинские снаряды и ракеты взрывались в городе каждые 15–20 секунд, и только в течение первого часа обстрела города не менее 48 взрывов прозвучало в зоне проживания мирных жителей. Наблюдатели также не смогли подтвердить информацию о массированных бомбардировках грузинских сел в тот вечер. Ни Грузия, ни ее западные союзники, пишут цитируемые нами авторы, пока что не представили ни одного убедительного доказательства того, что Россия действительно вводила войска,

⁶ Цит. по: Сидоров Д. Америка свой выбор сделала. Предстоящие выборы в России признаны недемократичными // Коммерсантъ. 2007. № 201(3777). 1 ноября.

или того, что ситуация и впрямь требовала полномасштабного военного вмешательства⁷.

Распад СССР, появление на границах России «непризнанных государств» поставили перед ней целый ряд проблем, не существовавших ранее и требующих порой незамедлительного решения (пример – их признание), и с этой задачей она пока успешно справляется, позиционируя себя на международной политической арене одним из ведущих политических акторов.

В. О. Лобовиков*

**Федерация, регион и унитарное
государство: оценка эффективности
публичного управления
и самоуправления
в зависимости от величины территории
и сложности системы
(Опыт использования методов дискретной математики
на стыке регионоведения и политологии:
местное самоуправление –
закон самосохранения большой территории)**

В настоящей работе речь идет о *местном самоуправлении регионов* и о федерализме *вообще*: характер взаимоотношения центра и регионов будет обсуждаться в *самом общем виде* на уровне дискретной математической модели социально-политических процессов и морально-правовых ценностей – в рамках двужначной алгебры формальной аксиологии. В тезисах нет возможности дать точные определения всех используемых в работе понятий, поэтому отсылаю читателя к монографиям, где все эти определения даны¹. К дефинициям, содержащимся в указанных монографиях, добавим следующие ниже глоссарии и точные табличные определения морально-правовых ценностных функций.

Глоссарий для следующей ниже таблицы 1. Пусть символ *Уа* обозначает морально-правовую ценностную функцию «управление (чем, кем) *a*». *Ра* обозначает морально-правовую ценностную функцию «разделение (чего, кого) *a*». *Ша* – «разрушение (чего, кого) *a*». *Za* – «уничтожение, ликвидация (чего, кого) *a*». *Ха* – «сохранение (чего, кого, чье) *a*». *Га* – «государство (чего, кого, чье)

* **Владимир Олегович Лобовиков** – д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела права Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ См.: Лобовиков В. О. Математическая логика естественного права и политической экономики. Екатеринбург, 2005; Он же. Математическая этика, метафизика и естественное право. Екатеринбург, 2007; Он же. «Нищета философии» и ее преодоление «цифровой метафизикой». Екатеринбург, 2009.

⁷ Chivers C. J., Barry E. Georgia Claims on Russia War Called Into Question // The New York Times. 2008. 6 November.

a). *Sa* – «государство над (чем, кем) *a*». *Ua* – «унитарное, единое (что, кто) *a*». *Ya* – «федеративное, разделенное (что, кто) *a*». *Φa* – «федерация (чего, кого, чья) *a*». *Fa* – «федерация над (чем, кем) *a*». *Ta* – «территория (чего, кого, чья) *a*». *Ca* – «система (чего, кого, чья) *a*». *Эa* – «эффективность (чего, кого, чья) *a*». *Ha* – «неэффективность (чего, кого, чья) *a*». *Ла* – «малая, незначительная (что) *a*». *Ба* – «большая, значительная (что) *a*». *Жa* – «сложность (чего, кого, чья) *a*». *Па* – «простота (чего, кого, чья) *a*». *Еa* – «единство (чего, кого, чье) *a*». *Ma* – «множество (чего, кого, чье) *a*». *Na* – «небытие (чего, кого, чье) *a*». *Wa* – «противоположность для (чего, кого) *a*». *La* – «необходимость (чего, кого) *a*». *Ia* – «невозможность (чего, кого) *a*». *Da* – «средство для (чего, кого) *a*». *Цa* – «центр (чего, кого) *a*». *Яa* – «субъект (чего, кого) *a*». *Da* – «определение, ограничение (чего, кого) *a*». *Va* – «власть (чего, кого) *a*». *Va* – «власть над (чем, кем) *a*». *Ra* – «регион, региональное, местное (что) *a*». *У^Мa* – «уменьшение (чего, кого) *a*». *C^Аa* – «самоуправление (чего, кого, чье) *a*». *C^Зa* – «самоуничтожение, самолквидация (чего, кого) *a*». *C^Хa* – «самосохранение (чего, кого, чье) *a*». Перечисленные ценностные функции определяются следующей ниже таблицей Т-1, разделенной для удобства на три части.

Таблица Т-1 (часть 1)

<i>a</i>	<i>Ya</i>	<i>Pa</i>	<i>Ша</i>	<i>Za</i>	<i>Ха</i>	<i>Ga</i>	<i>Sa</i>	<i>Ua</i>	<i>Ya</i>	<i>Φa</i>	<i>Fa</i>	<i>Ta</i>
х	п	п	п	п	х	х	п	х	П	х	п	х
п	х	х	х	х	п	п	х	п	Х	п	х	П

Таблица Т-1 (часть 2)

<i>a</i>	<i>Ca</i>	<i>Эa</i>	<i>Ha</i>	<i>Ла</i>	<i>Ба</i>	<i>Жa</i>	<i>Па</i>	<i>Еa</i>	<i>Ma</i>	<i>Na</i>	<i>Wa</i>	<i>La</i>
х	х	х	п	п	х	п	х	х	П	п	п	Х
п	п	п	х	х	п	х	п	п	Х	х	х	П

Таблица Т-1 (часть 3)

<i>a</i>	<i>Ia</i>	<i>Da</i>	<i>Цa</i>	<i>Яa</i>	<i>Da</i>	<i>Va</i>	<i>Va</i>	<i>Ra</i>	<i>У^Мa</i>	<i>C^Аa</i>	<i>C^Зa</i>	<i>C^Хa</i>
х	п	х	х	х	п	х	п	п	п	п	п	Х
п	х	п	п	п	х	п	х	х	х	п	п	х

Используя таблицу Т-1 и данное в вышеуказанных монографиях определение отношения формально-аксиологической эквивалентности « \Rightarrow », нетрудно обосновать приведенные ниже уравнения двузначной алгебры естественного права. Справа от каждого уравнения (после двоеточия) помещен его перевод с искусственного языка алгебры на русский.

1) $\Phi a \Rightarrow PSTa$: федерация *a* – разделение государства над территорией *a*.

2) $\Phi a \Rightarrow PTSa$: федерация *a* – разделение территории государства над *a*.

3) $USa \Rightarrow NPTSa$: унитарное государство над *a* – небытие разделения территории государства над *a*.

4) $USa \Rightarrow NPSTa$: унитарное государство над *a* – небытие разделения государства над территорией *a*.

5) $USBTa \Rightarrow LY^M Ta$: унитарное государство над большой территорией *a* – необходимость уменьшения (потери) территории *a*.

6) $USBTa \Rightarrow LITa$: унитарное государство над большой территорией *a* – необходимость разрушения *a*.

7) $USa \Rightarrow W\Phi a$: унитарное государство над *a* – противоположность для федерации *a*.

8) $\Phi a \Rightarrow WUSa$: федерация *a* – противоположность для унитарного государства над *a*.

9) $\Phi a \Rightarrow WFa$: федерация *a* – противоположность для федерации над *a*.

10) $Fa \Rightarrow WUGa$: федерация над *a* – противоположность для унитарного государства *a*.

11) $UGa \Rightarrow DULTa$: унитарное государство – средство управления малой территорией.

12) $UGa \Rightarrow EULTa$: унитарное государство *a* – эффективность управления малой территорией *a*.

13) $UGa \Rightarrow PULCa$: унитарное государство *a* – простота управления малой системой *a*.

14) $UGa \Rightarrow HUBTa$: унитарное государство *a* – неэффективность управления большой территорией *a*.

15) $ЖУBTa \Rightarrow L\Phi a$: сложность управления большой территорией *a* – необходимость федерации *a*.

16) $ХBTa \Rightarrow L\Phi a$: сохранение большой территории *a* – необходимость федерации *a*.

17) $YSBTa \Rightarrow DXBTa$: федеративное государство над большой территорией *a* – средство сохранения большой территории *a*.

18) $YSBTa \Rightarrow EDXBTa$: федеративное государство над большой территорией *a* – эффективное средство сохранения большой территории *a*.

19) $УЖCa \Rightarrow ЖУa$: управление сложной системой *a* – сложность управления *a*.

20) $ЖУa \Rightarrow LPVa$: сложность управления *a* – необходимость разделения управления *a*.

21) $\Phi a \Rightarrow PVBTa$: федерация *a* – разделение управления большой территорией *a*.

22) $\Phi a = + = PУБСа$: федерация a – разделение управления большой системой a .

23) $\Phi a = + = PУa$: федерация a – разделение управления a .

24) $\Phi a = + = МЦУa$: федерация a – множество центров управления a .

25) $\Phi a = + = МЯУa$: федерация a – множество субъектов управления a .

26) $\Phi a = + = ДМЯ\Phi a$: федерация a – определение множества субъектов федерации a .

27) $\Phi a = + = МДЯ\Phi a$: федерация a – множество определений субъектов федерации a .

28) $\Phi a = + = СЯ\Phi a$: федерация a – система субъектов федерации a .

29) $\Phi a = + = ДЦУ\Phi a$: федерация a – определение (ограничение) центра управления федерацией a .

30) $\Phi a = + = РВЦУ\Phi a$: федерация a – разделение власти центра управления федерацией a .

31) $\Phi a = + = НВЦУ\Phi a$: федерация a – неэффективность власти центра управления федерацией a .

32) $\Phi a = + = НУ\Phi a$: федерация a – неэффективность управления федерацией a .

33) $\Phi a = + = PV\Phi a$: федерация a – разделение власти над федерацией a .

34) $\Phi a = + = HV\Phi a$: федерация a – неэффективность власти над федерацией a .

35) $\Phi a = + = NV\Phi a$: федерация a – небытие власти над федерацией a .

36) $EV\Phi a = + = N\Phi a$: единство власти над федерацией a – небытие федерации a .

37) $\Phi a = + = НВЯ\Phi a$: федерация a – неэффективность власти над субъектами федерации a .

38) $\mathcal{E}ВЦУ\Phi a = + = N\Phi a$: эффективность власти центра управления федерацией a – небытие федерации a .

Выше использовались только унарные операции алгебры формальной аксиологии, но для углубления исследования темы целесообразно рассмотреть также и бинарные операции, в особенности такие, как «управление», «уничтожение», «сохранение».

Глоссарий для следующей ниже таблицы 2. Пусть символ $У_2a$ обозначает морально-правовую ценностную функцию «управление (чье) b (чем, кем) a ». Z_2a – «уничтожение, ликвидация (чем, кем) b (чего, кого) a ». X_2a – «сохранение (чем, кем) b (чего, кого) a ». Перечисленные ценностные функции определяются следующей ниже таблицей Т-2.

Таблица Т-2

a	b	$У_2a$	Z_2a	X_2a
x	x	п	п	x
x	п	п	п	x

Используя данные выше определения и дефиницию отношения формально-аксиологической эквивалентности « $=+$ », нетрудно обосновать следующие ниже уравнения двузначной алгебры естественного права.

34) $NRУ_2aa = + = Z_2\Phi a\Phi a$: небытие регионального самоуправления a – саморазрушение, самоликвидация федерации a .

35) $X_2\Phi a\Phi a = + = RУ_2aa$: самосохранение федерации a – местное самоуправление a .

36) $HRУ_2aa = + = IX_2\Phi a\Phi a$: неэффективность местного самоуправления (т. е. самоуправления регионов) a – невозможность самосохранения федерации a .

А. И. Паньшин*

Миграция населения в России: проблемы управления и национальная безопасность

Миграционные процессы охватывают разные и порой значительные слои общества; ее последствия сказываются на изменении социальной структуры общества, региона, могут приводить к явным и латентным конфликтам, межнациональной и социальной напряженности. Нельзя не отметить актуальность проблем приживаемости мигрантов, особенно в тех ситуациях, когда для функционирования регионов миграция является необходимым условием в плане развития общественного производства в самом широком смысле. Именно здесь исследование механизмов управления взаимодействием экономической и социальной структур с позиций национальной безопасности приобретает особую актуальность, особенно в связи с настоятельной необходимостью принятия мер по снижению конфликтности ситуаций, сопровождающих миграционные процессы, а также определения альтернатив и приоритетов развития. Как представляется, изучению этих связей все еще не уделяется должного внимания. Речь идет о согласовании целей общественных трансформаций и поведения различных категорий населения, нацеленного на удовлетворение групповых интересов. Деятельность органов государственного управления определяет экономические и юридические условия поведения общественно-экономических групп, однако не менее важным является и взаимодействие групп друг с другом.

Изменения социально-экономической и политической систем на пространстве, которое ныне принято называть постсоветским, более всего сказались на рынке труда, жизненных условиях, индивидуальном статусе и семейных связях, а стало быть, и на социальной стабильности общества. В свою очередь трансформация этих процессов наиболее ярко проявилась в миграции населения: значительно снизилась общая миграционная активность населения, замедлились урбанизационные процессы, сформирова-

лись новые трудовые миграционные потоки (в том числе «челночество», «утечка умов» и пр.). Но более всего изменилась миграция, которая раньше обозначалась как межреспубликанская.

Специфичность ситуации в данном случае заключалась в том, что межреспубликанский обмен населением в пределах территории СССР в новых политических и экономических условиях стремительно трансформировался в новую для России широкомасштабную межгосударственную миграцию, ставящую иные задачи и требующую иных подходов, в том числе и в поиске социальной стабильности и обеспечении национальной безопасности.

Так, еще в советский период утверждалось, что главным направлением межреспубликанской миграции в СССР следует считать перемещение населения из южных, особенно среднеазиатских, республик в сельскую местность Центра, Сибирь и на Дальний Восток. Предполагалось, что оно сможет способствовать постепенному увеличению трудовых ресурсов в районах вселения; одновременно более быстрыми темпами будет решаться задача подготовки квалифицированных кадров из числа лиц коренных национальностей для народного хозяйства южных республик¹. Однако результатов в той мере и в том качестве, в котором это прогнозировалось, эти миграции не дали.

Безусловно, миграционные процессы могут представлять угрозу для национальной безопасности и стабильности общества. Если обратиться к мировой истории, то можно привести ряд примеров, когда не контролируемая принимающей стороной миграция приводила к вооруженным конфликтам, территориальным потерям, эпидемиям.

В современных условиях Россия, входя в общемировое пространство свободной мобильности, постоянно сталкивается с проблемой внешней миграции – как в легальном, так и в нелегальном виде. Как справедливо отмечает Л. Л. Рыбаковский, внешняя миграция населения представляет собой одну из серьезных внешнеполитических проблем для любого государства, а ее регулирование – мощный рычаг не только внешней, но и внутренней политики, индикатор адекватности законодательства складывающимся геополитическим и социально-экономическим реалиям как внутри страны, так и за ее пределами. Особенно возрастает роль внешнего миграционного обмена и порядка его регулирования в стране, находящейся в состоянии активной трансформации политической и экономической систем, пересмотра законодательства, регулирую-

* **Александр Игоревич Паньшин** – канд. социол. наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Московского государственного ун-та путей сообщения (г. Москва).

¹ См.: Топилин А. В. Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М., 1975.

ющего все без исключения сферы общественной жизни. Именно в таком положении сегодня находится Россия².

Как отмечают специалисты Института народнохозяйственного прогнозирования, основные тенденции российской миграции последних лет выглядят так:

- снижение миграционной привлекательности России – как фиксируемое данными официальной статистики (при всей их неадекватности), так и реальное, по крайней мере в миграционном поле постсоветского пространства;
- стабилизация масштабов миграции на низком уровне;
- развитие центростремительного направления внутренней миграции, превращение столичного региона в безраздельно доминирующий центр миграционного притяжения³.

Одной из основных проблем для национальной безопасности является неучтенная, нелегальная миграция. По мнению П. А. Сельцовского, угрозу национальной безопасности представляет то, что мигранты, находящиеся на нелегальном положении, оказываются вне правового поля, в том числе и по месту работы⁴. В силу своей специфики нелегальная миграция трудно поддается количественному учету. Первый заместитель директора Федеральной миграционной службы Михаил Тюркин подчеркнул, что службой постоянно ведется работа по снижению числа тех лиц, кто находится в стране незаконно: «Если в начале 2002 года, когда образовалась Федеральная миграционная служба в составе МВД России, количество нелегальных мигрантов в нашей стране составляло более 10 миллионов человек, в 2005 году – 5 миллионов человек, то сегодня эта цифра существенно снизилась и составляет от 3 до 3,5 миллионов человек»⁵.

² Рыбаковский Л. Л. Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность, последствия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.viperson.ru/wind.php?ID=250081&soch=1>

³ См.: Исследование по теме «Методологические рекомендации по систематизации и анализу итогов Всероссийской переписи населения 2002 года во взаимосвязи с текущей статистикой населения в межпереписной период, проведением предпрогнозного анализа и разработкой сценариев демографического развития», выполняемое ИНИ РАН в 2004 году по заказу Росстата.

⁴ Сельцовский П. А. Кадровая политика в системе государственного управления как фактор укрепления национальной безопасности России. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Социально-гуманитарные знания, 2008. С. 322.

⁵ Агентство Политических Новостей: Федеральная миграционная служба отчиталась о своей деятельности. См. эл. ресурс: <http://www.apn.ru/news/article23482.htm>

Говоря о современном отношении властных структур к нелегальной миграции, можно привести мнение председателя Комитета Госдумы РФ по безопасности Владимира Васильева, что «миграционная политика России меняется таким образом, чтобы мигранты, но легальные, чувствовали себя в России так же, как и граждане России, а нелегальные мигранты должны чувствовать себя как правонарушители. Я думаю, что с этого пути мы не свернем»⁶. В свою очередь, Председатель Совета Федерации Сергей Миронов во время Международной парламентской конференции в Санкт-Петербурге заметил: «Необходимо обеспечить постоянный мониторинг и действенные меры контроля, в том числе парламентского, за проводимыми в рамках миграционной политики мероприятиями. Следует установить строгий порядок привлечения иностранных рабочих к трудовой деятельности, жестко пресекать незаконную миграцию, реально угрожающую общественной безопасности»⁷.

Безусловно, необходимо отметить позицию Президента России Д. А. Медведева, заявившего на Мировом политическом форуме в Ярославле, что «один из современных стандартов демократии – способность государства защищать своих граждан от терроризма, коррупции, наркоторговли, незаконной миграции, которые угрожают нашему образу жизни, нашим ценностям, игнорируют наши законы»⁸.

В итоге отметим, что миграционные процессы в России ставят ряд проблем, влияющих на национальную безопасность государства. Во-первых, неконтролируемые потоки мигрантов могут приводить к серьезным негативным изменениям в социально-политической сфере государства, чему есть ряд впечатляющих исторических примеров (штат Техас в XIX веке, край Косово в XX веке). Во-вторых, нелегальная миграция становится одной из серьезнейших проблем, которой, судя по последней информации, уже активно занимается государственные органы, занимающие весьма решительную позицию в отношении пресечения нелегального пребывания мигрантов. В-третьих, бытовые конфликты между принимающей стороной и мигрантами имеют широкий общественный резонанс и используются в политических процессах в стране.

⁶ Источник: <http://edinros.er.ru/er/text.shtml?12/9053,100026>

⁷ Источник: <http://pnp.ru/newspaper/20110211/5652.html>

⁸ Источник: <http://2010.gpf-yaroslavl.ru/presscenter/publications/Vystuplenie-Prezidenta-Rossijskoj-Federacii-Dmitriya-Medvedeva-na-plenarnom-zasedanii-Mirovogo-politicheskogo-foruma-Sovremennoe-gosudarstvo-standarty-demokratii-i-kriterii-effektivnosti>

Актуальные проблемы исследования российских модернизаций

В настоящее время Россия стоит перед необходимостью модернизации политической, социальной, экономической систем в соответствии с потребностями времени¹. При этом само понятие «модернизация» сегодня употребляется в различных смыслах: 1) для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности или 2) многовариантного процесса, в ходе которого отставшие догоняют ушедших вперед; 3) для характеристики преобразований, усовершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных уже модерных обществах в ответ на новые вызовы; 3) для объяснения усилий, предпринимаемых странами мировой периферии с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; 4) для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Значительная часть концепций модернизации исходит из того, что именно западная социокультурная система, впервые возникшая в Европе на собственной, эндогенной основе, обладает значением эталона для всех других обществ. Между тем, зауженный подход (ориентированный только на западный эталон) существенно обедняет возможности его полноценного использования в масштабах современного мира. Модернизация протекала в различных культурно-цивилизационных контекстах, опираясь, соответственно, на различные социокультурные традиции. Именно включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выйти за рамки устаревшей теоретической конструкции и рассмотреть российскую модель модернизации как результат воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития².

* *Игорь Васильевич Побережников* – канд. ист. наук, доцент ф-та регионоведов-переводчиков Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Модернизация России как условие ее успешного развития в XXI веке. М.: РОССПЭН, 2010.

² См.: Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции (2–3 июля 2009 г.). Екатеринбург, 2009; Виноградов В. А. Экономическая история и современность: к 20-летию Научного совета РАН по проблемам российской и мировой экономической истории / В. А. Виноградов, Н. М. Арсентьев, Л. И. Бородин. Саранск, 2009. С. 128–137.

В связи с этим одними из перспективных направлений исследований модернизации являются: выявление роли и значения ее институционально-цивилизационных основ и механизмов для формирования ее оригинальной российской модели; определение соотношения эндогенных и экзогенных факторов в процессе становления и развития российской модели модернизации, закономерностей и особенностей механизмов внутреннего генезиса, импорта и усвоения нововведений, их влияния на природу российских социальных институтов и систем культуры; выявление матричных цивилизационно-культурных факторов российских модернизаций; анализ воздействия социокультурных механизмов на динамику и характер российских модернизаций; определение вклада модернизационного процесса в обеспечение цивилизационной динамики России.

Процессы модернизации можно и следует изучать на разных общественных уровнях, поскольку последние не сводимы элементарно друг к другу, и ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровней» известного германского культуролога и историка кино З. Кракауэра, автоматически переноситься на более общую сферу³. Наиболее высокий уровень обобщения – мировой, уровень «мир-системный» (функциональная специализация стран «ядра», «периферии» и «полупериферии» в рамках капиталистической «мир-экономики»). Для национально-странового макроуровня изучения модернизации по-прежнему значимым является вопрос о факторах дифференциации страновых ответов на вызовы «модернити». К числу таких факторов, в частности, относят общий уровень развития, достигнутый страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное влияние на внутренний рынок; размеры внутреннего рынка; время вступления страны в модернизационный процесс; выбор стратегии развития.

Вряд ли возможно получение глубоких знаний о сути модернизации без анализа субстранового (регионального) мезоуровня, поскольку территориальные (региональные и субрегиональные) общности могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, гасящим модернизационные импульсы, исходящие из центра и более продвинутых регионов. Наконец, необъятный простор для исследований

³ Обоснование многоуровневого изучения модернизации см.: Побережников И. В. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций... С. 55–65.

представляет локальный уровень. Разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т. д.) разрастается здесь до наивысших пределов. Самое главное – это самостоятельный уровень исследования, который невозможно заместить знаниями, добытыми, допустим, при изучении страновых или субстрановых модернизационных процессов. Естественно, адекватным инструментом изучения локальных проявлений модернизации может стать микроисторический инструментарий с его ориентацией на детальный анализ реальной жизни и взаимоотношений множества людей, стремлением увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни», установкой на реконструкцию («расплетение») «всякой социальной констелляции» как «результата взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий».

Поскольку на процессы модернизации всегда оказывал воздействие географический фактор, существенно важным направлением изучения российских модернизаций следует считать пространственное распространение «волн» модернизации, региональные особенности разворачивающихся модернизационных субпроцессов, складывание своеобразных региональных структур модернизации, включающих инновационные центры и периферию развития, наконец, региональные взаимодействия в контексте модернизации, сопровождающиеся как модернизационными импульсами со стороны более продвинутых регионов, так и реакциями периферии, способными адаптировать или гасить подобные импульсы. Сегодня снова актуализируется тема анклавно-«прорывного» развития, в связи с чем требуется серьезный анализ перспектив концентрации усилий на отдельных направлениях научно-технологических прорывов (военно-промышленное производство на протяжении российской имперской и советской модернизации, железнодорожное строительство в эпоху Витте, космическая отрасль в советский период, сегодня, например, – проект инновационного центра «Сколково»).

Дискуссионным и нуждающимся в дальнейшем изучении является вопрос о механизмах и политике модернизации. В обществоведческой литературе определенной популярностью пользуется эволюционистская трактовка модернизации, которая предполагает видеть ее как всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия согласно универсальным закономерностям преимущественно эндогенного характера. Следствием подобного подхода становится неисторическое противопоставление «правильной» либерально-рыночной

модернизации, которая осуществляется спонтанно, естественно, подчиняясь непреложным рыночным законам, без интервенции государства в экономическую сферу, «неправильной» мобилизационной модели развития, который имеет произвольную, неестественную природу и неизбежно ведет избравшие ее общества в тупик (противопоставление, например, т. н. мобилизационных и инновационных моделей развития). Между тем, подобное понимание самого процесса модернизации, а также противопоставление мобилизационных механизмов истинно модернизационным вряд ли можно признать корректным.

Дело в том, что исторически известные модернизации в своем большинстве, несомненно, включали мобилизационные механизмы и являлись по сути догоняющими⁴. В связи с этим вопрос о своеобразии мобилизационных механизмов в контексте страновых и региональных вариантов модернизации заслуживает внимания. Можно, вероятно, говорить о двух различных уровнях мобилизации, которые в разной степени присутствуют в разных обществах. Очень надежным мобилизационным механизмом представляются фундаментальные институционально-культурные структуры, выступающие в качестве каркаса, «ядра» цивилизаций. Подобные ментально-ценностные структуры обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, в том числе модернизационную. Именно под воздействием подобных структур модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах.

Другой уровень мобилизации обеспечивается политико-идеологическими механизмами (разработка стратегии национальной модернизации, индустриализации, национального строительства и т. д.). Подобные механизмы в разной степени присутствовали в истории всех модернизировавшихся обществ, компенсируя в некоторых случаях недостаточную эффективность цивилизационно-культурных мобилизационных механизмов. Значимость политико-идеологических механизмов особенно возрастала в периоды обострения межстрановой конкуренции, эпохи войн, национальных катастроф. Отдача подобных механизмов существенно возрастает, если удастся обеспечить не только мобилизацию ресурсов

⁴ См.: Дерлугьян Г. Модерн и модернизаторы // Эксперт. 2010. № 1(687). (28 декабря – 10 января 2010). С. 18–24; Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сб. материалов Всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2009 г.). Челябинск, 2009. С. 95–101.

для ускоренного развития, но и заинтересованность как можно большей части общества в осуществлении модернизационного проекта.

Очевидно, что процесс модернизации не является элементарно векторным, в его ходе происходит сложное взаимодействие различных динамик: поступательных и циклических. Направленные и циклические динамики проявляются на всех уровнях и во все периоды исторического развития; взаимно пересекаясь, они оказывают обоюдные воздействия, подвергая друг друга своеобразной иррадиации. Проблематика соотношения циклической и поступательной динамики в контексте модернизации, места циклической динамики в общем процессе модернизации также нуждается в дальнейшем углубленном изучении.

Специального изучения требует само состояние «переходности», выступающее в историческом процессе как своего рода временная пауза, разделяющая качественно различные системные состояния общества. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разнотипных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические констелляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям. Проблема здесь состоит, с одной стороны, в том, что механизмы функционирования укладов и анклавов в инородном контексте могут подвергаться коррекции, которая должна стать предметом скрупулезного исторического расшифровывания; с другой стороны, общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик ее составляющих, но требует разработки специальных теоретико-методологических подходов.

Е. В. Пыхтеева*

Этнофедерализм как метод предотвращения геноцида

Рассматривая политику как борьбу и соперничество больших групп людей за возможность распоряжаться общественными ресурсами, мы видим в качестве базового группобразующего фактора этническую принадлежность.

Начиная с 1960-х гг. западная цивилизация открывает для себя новый социальный феномен – этническое возрождение, или этнический парадокс современности. Сущность этого явления заключается в значительном повышении роли этничности в общественных процессах, возрождении интереса к этнической культуре, языку, обычаям, традициям, образу жизни на фоне нарастающей интернационализации экономической и социально-политической жизни, глобализации человеческой деятельности.

В 1960–1970-е гг. этническое возрождение распространяется на Европу, постепенно вовлекая в процесс все новые народы. В бывшем Советском Союзе этническое возрождение становится очевидным с середины 1980-х гг., играя важную роль в последующем распаде государства. В последней трети столетия этническое возрождение превращается во всемирный феномен, определяющий контуры исторического процесса на рубеже веков.

Само по себе этническое возрождение не является этническим конфликтом, однако обладает мощным конфликтогенным потенциалом. Если этническое возрождение начинает активно инкорпорировать национальную идею, важнейшим элементом которой является ориентация на создание национального государства, то создаются почти идеальные условия для дестабилизации мультиэтнических государств и возникновения этнополитических конфликтов. Крайним и наиболее опасным проявлением этнополитического конфликта является геноцид. На рубеже XX–XXI вв. на пространстве бывшего Советского Союза возникли десятки очагов межэтнической напряженности, и главной целью одной из конфликтующих сторон почти всегда выступал процесс суверенизации.

* **Елена Викторовна Пыхтеева** – ст. преподаватель кафедры истории и гуманитарных дисциплин историко-филологического ф-та филиала Омского государственного педагогического ун-та (г. Тара).

Особенно острые формы этнополитических конфликтов выражаются в терроризме, ксенофобии, геноциде. Для современной России существенной внутренней проблемой стал вопрос урегулирования конфликтов на Северном Кавказе.

Основным последствием советской национальной политики на Юге России становится борьба национальных элит за власть и полную политическую независимость, породившая «горячие точки» этнической напряженности на территории Российской Федерации. В ряде регионов страны эти процессы привели к неуправляемым социальным процессам, массовой миграции «нетитульного» населения, «этнизации» и стагнации экономики, отсутствию легитимной власти¹. Данное обстоятельство становится определяющим в разжигании конфликтов на всей территории СССР, однако на Кавказе оно имело особое значение в связи со спецификой сложившейся ситуации, которая заключается в крайней полиэтничности региона. Основные причины конфликтов первого периода сводились к желанию создать моноэтническое национальное общество и, как следствие, государство, географические границы которого совпадали бы с национально-этническими пределами расселения определенной этнической группы. Поэтому большая часть конфликтов отличается особой жестокостью противостояния, массовыми актами насилия, принявшими форму геноцида.

Геноцид представляет собой преднамеренные действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы. Можно сделать вывод, что нерациональная политика государства в сфере построения собственной модели федерализма может провоцировать эскалацию этнополитического насилия. Ярким примером является нечеткость границ между чеченским, ингушским и осетинским населением, породившая массовые акты насилия между представителями данных этносов.

Есть республики, где титульная нация составляет меньшинство (25–30 % от общей численности населения), но при этом контролирует до 70 % мест в парламенте и должностей в государственных и муниципальных структурах. Подобную ситуацию мы видим, например, в Адыгее и Башкирии. Это – узурпация власти представителями одной национальности, несправедливость по отношению к русскому населению, которое составляет подавляющее

¹ См.: Киреев Х. С. К новой парадигме российской национальной политики на Северном Кавказе. М.: ООО «Академический Проект», 2005. С. 25.

большинство населения нашей страны. Такие перекосы в российской модели федерализма препятствуют становлению стабильного государственного устройства и делают возможным акты массового насилия в отношении любой этнической общности с целью ее выдавливания и создания моноэтнической административно-территориальной единицы.

В то же время федерализм, основанный на этническом принципе, способен при определенных условиях способствовать урегулированию конфликтов и предотвращать геноцид.

Этнофедерализм содействует определенной рационализации этнического конфликта, снижая уровень агрессивности в действиях противоборствующих сторон, помогая четче определить «болевы точки»² и создавая рамочные условия для переговорного процесса.

Поскольку федерализм как политический феномен несет в себе достаточно высокий конфликтогенный потенциал, то для его успешной реализации требуется наличие развитых демократических институтов, демократической политической культуры, сильных общенациональных партий и продуманных механизмов разрешения споров. В условиях же трансформирующихся режимов он представляет собой достаточно нестабильную форму правления.

Для предотвращения дезинтеграции федеративного государства могут быть использованы две основные стратегии. Одна из них заключается в стимулировании центростремительных тенденций путем создания сильного центрального правительства, которое бы способствовало принятию институциональных процедур и практик, соответствующих такой форме централизованного территориального контроля. Альтернативной стратегией является попытка приглушить стремление к разнообразию путем институционализации уровней возрастающей автономии этнорегионов. В условиях либеральной демократии эффективным оказывается использование таких моделей не мажоритарного правления, как кантонализм и консонализм, которые могут быть совмещены как с федерализмом, так и друг с другом³. При этом в обеих моделях существуют ограничения степени передачи власти этническим регионам.

Федералистское решение этнополитических проблем и проблемы насилия в обществе имеет следующие преимущества:

1) гарантирует меньшинствам установленную долю государственной власти;

² См.: Сидоренко А. В. Этнический вызов российскому федерализму // Политическая экспертиза. 2009. № 2 (Февраль).

³ См.: Сидоренко А. В. Федерализм и управление этнополитическим конфликтом // Государственная служба. 2009. № 3 (Июнь).

2) повышает шансы этнических меньшинств на сохранение собственной культуры;

3) способствует нахождению компромисса по вопросу разделения властных полномочий, тем самым предупреждая или приостанавливая требование сепаратизма;

4) облегчает политическую интеграцию этнических групп;

5) усиливает конституционные основы государственности.

Демаркация границ между субъектами Федерации, являясь внутренне присущей любым моделям федерализма характеристикой, в случае этнического принципа их определения порождает тенденцию к легитимации этнических идентичностей и репродукции тех групповых различий, ответом на которые и стал сам федерализм. Федерализм всегда есть результат политического компромисса, что влечет за собой наличие постоянной напряженности в отношениях между политическими акторами, ощущающими несоответствие между насаждением общих ценностей и стандартов центральным правительством и ревнивой защитой своих властных полномочий субъектами Федерации.

Л. С. Слободяник*

Ценностные ориентации россиян как фактор формирования политической культуры современного российского общества

Политическая культура является одним из ключевых понятий современной политической науки, но одновременно одним из самых противоречивых и запутанных. Кажущаяся его ясность и тот факт, что с его помощью можно вполне легко объяснить все политические противоречия, способствовали росту его популярности в научной и околонаучной среде.

Среди множества подходов к определению понятия «политическая культура» по-прежнему одним из лучших остается классический подход, предложенный Г. Алмондом и С. Вербой в 1950-х гг. в виде бихевиористской, или «поведенческой», концепции гражданской культуры в ставшей хрестоматийной книге «Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти государствах». Согласно их концепции, политическая культура – это набор специфических политических ориентаций или установок по отношению к политической системе и по отношению к собственной роли в этой системе¹. При конструировании политико-культурных моделей Алмонд и Верба опирались на методологию веберовского «идеального типа». Каждый тип описанной ими политической культуры условен, т. е. в чистом виде не существует, однако различным этапам и уровням развития обществ соответствуют определенные сочетания этих модельных типов.

Для «приходской» политической культуры характерно, что люди имеют смутное представление о политике и в целом индифферентны по отношению к ней. «Подданническая» культура складывается при наличии более или менее дифференцированных политических функций, ролей и институтов. Для нее характерно пассивное отно-

* *Лада Сергеевна Слободяник* – аспирант кафедры регионалистики и общественного управления Высшей школы экономики (Чехия, г. Прага).

¹ Излаг. по.: Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture [Электронный ресурс] // Pro et Contra. 2002. Лето. Т. 7. № 3. С. 9. URL: <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/procontra/66521.htm>

шение к политической системе со стороны подданных, которые в курсе политических событий, но лишены способности оказывать влияние на деятельность властей. Наконец, для культуры «участия» характерен высокий уровень интереса граждан к политике, их хорошая информированность о политической жизни общества, а главное – активное участие в политическом процессе².

Структура политической культуры определяется тремя уровнями ориентаций на политическую систему: когнитивным, аффективным и оценочным, иными словами, ориентациями, отражающими политические знания, чувства и суждения³. Такое структурное видение политической культуры, по нашему мнению, позволяет охватить весь спектр установок, норм, ориентаций, моделей поведения по отношению к политической системе. В то же время мы полагаем, что нельзя сводить понятие политической культуры только к механической совокупности ориентаций и установок. Важно также не забывать о том, что политическая культура отражает специфический способ и образ политического действия, который детерминирован определенной системой ценностей, существующей в данном обществе.

Таким образом, мы полагаем, что для того, чтобы приблизиться к пониманию специфики российской политической культуры, необходимо рассмотреть ценностные ориентации россиян. К сожалению, рамки данной работы не позволяют нам сделать подробный анализ системы ценностей российского общества, но все же постараемся хотя бы обозначить его основные ценностные ориентиры. Для этого мы кратко рассмотрим универсальные (или социально-этические) и социально-политические ценности россиян.

Согласно опросам Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), на первом месте среди нравственных ценностей в российском обществе стоят честность, порядочность, доброта, отзывчивость и готовность помочь. Несколько отстают, но также являются важными трудолюбие и работоспособность. А вот предприимчивость, деловитость, активность и самостоятельность занимают в рейтинге ценностей последние места⁴. При этом, по мнению директора проектов ФОМ Л. Паутовой, в российском обществе честность как

² См.: Almond G. A., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Sage Publications, Inc., 1989. P. 11–29.

³ Ibid. P. 19.

⁴ См.: Типичный россиянин о типичном россиянце [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 18.01.2001. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/val_of010101; Трудолюбие, честность и порядочность – самые ценные качества / Типичный россиянин [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». 22.04.2004. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/val_of041506

цель и честность как средство – это параллельные реальности: «Честность редко воспринимается как средство. Пожалуй, средство – отсутствие честности»⁵. И, как показывают исследования среднего класса, самого предприимчивого общественного слоя, для его представителей немалое значение в достижении успеха и материального благополучия имеет готовность к нарушению определенных моральных норм. Выяснилось, что 54,9 % представителей среднего класса полагают необходимым перешагнуть через некоторые нормы морали для того, чтобы преуспеть. В сравнении с этим очень контрастно выглядит позиция подавляющего большинства (86,1 %) представителей низшего класса, которые считают, что лучше не пойти вразрез с совестью и моралью, чем достигнуть успеха⁶. Однако, несмотря на такие высокие моральные установки, в целом по России факторами социального положения и престижа являются не достижения в образовании или личные качества человека, а владение финансовыми ресурсами и доступ к власти – соответственно 51,1 % и 36,3 %.

Таким образом, мы видим, что в России предприимчивость и активность являются в какой-то мере синонимами нечестности, склонности нарушать правила и нормы для получения финансовой независимости и прочного социального положения. При этом средний россиянин также полагает, что для улучшения своего социального статуса гораздо важнее иметь доступ к власти, чем стремиться к самореализации и самостоятельности.

В рейтинге социальных ценностей, по данным российского подразделения Германского института инновационных маркетинговых исследований (ГИМ-Россия), лидирующие позиции на протяжении последних лет сохраняют такие ценности, как дом и семья. Их поделили 86 и 81 % респондентов соответственно. Также для россиян наиболее важны понятия безопасности (73 %), стабильности (71 %), свободы (67 %). При этом такой ценности, как солидарность, большое значение придает только 1 % россиян. Гораздо важнее для них понятие справедливости (66 %)⁷. По мнению директора Соци-

⁵ Мусвик В. Семь причин, по которым россияне не хотят быть честными [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 13.12.10. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2010/12/101213_corruption_russia_reasons.shtml

⁶ См.: Тихонова Н. Е. Российский средний класс: особенности мировоззрения и факторы социальной мобильности // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 18–20.

⁷ См.: Жогова Н. В кризис приверженность россиян дому и семейным ценностям не изменилась [Электронный ресурс] // Портал «Российский бизнес». URL: <http://www.rb.ru/topstory/society/2009/10/23/183031.html>

ологического центра РАГС В. Бойкова, повышение рейтинга данной социальной ценности является следствием ощущения незащищенности от кризисов: 80 % респондентов отметили низкий уровень своей защищенности, и только 4 % – высокий⁸. С точки зрения морали, социальная справедливость для россиян воплощена в равной ответственности перед законом и судом, а с точки зрения доходов – в получении хорошего заработка. Все это обеспечить россиянам должно государство. Именно оно, по мнению 63 % респондентов, должно заботиться обо всех своих гражданах, гарантировать им достойный уровень жизни. И только 6 % полагают, что государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и активность своих граждан⁹.

Еще одним весьма важным показателем уровня развития политической культуры россиян является отношение к участию в массовых акциях социального протеста. По данным исследований Социологического центра РАГС и Института социальных исследований за 2009 г., общественное мнение по этому вопросу разделилось: 42,9 % готовы принять участие в митингах или других акциях протеста против ухудшения условий жизни, 46,8 % этого сделать не готовы¹⁰. Это притом, что реакция россиян на действия властей и оценка взаимоотношений граждан и государства весьма неоднозначны: только 15 % одобряют действия руководителей страны, 35 % вынуждены приспособляться, 30,5 % стараются держаться от властей в стороне, и лишь 7,3 % противодействуют властям, когда их что-либо не устраивает. Такие цифры не удивляют, если учитывать, что 54,2 % опрошенных заявляют о полном непонимании действий властей¹¹. При этом люди вполне трезво оценивают сложившийся в России политический режим, называя его административным диктатом чиновников.

Каким в таком случае является отношение россиян к демократии? В целом у россиян отношение к демократии положительное; как политическую ценность, ее поддерживает 65 % респондентов. Однако реализация данной ценности в обществе является скорее номинальной, чем реальной. Это можно увидеть на примере данных об участии населения в выборах. С одной стороны, люди считают, что участие в выборах является обязанностью каждого

⁸ Бойков В. Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. 2010. № 6. С. 29.

⁹ См.: Ежегодник «Общественное мнение-2009». М.: Аналитический центр Юрия Левады, 2009. С. 37.

¹⁰ См.: Бойков В. Э. Указ. соч. С. 27–35.

¹¹ Там же. С. 32–33.

гражданина – с этим согласны 59,8 %, с другой – только 19,2 % полагают, что их электоральная активность даст им возможность влиять на власть и судьбу страны¹².

Таким образом, если проанализировать социально-этические и социально-политические ценности россиян, можно сказать, что наряду с традиционными ценностями, такими как семья и дом, высокое значение в российском обществе имеют прагматические ценности и нормы. При этом парадоксальным кажется тот факт, что для достижения успеха большая часть россиян вовсе не стремится быть активными, предприимчивыми, самостоятельными. Эти ценности в их сознании имеют негативные коннотации. Россиянам для достижения успеха необходимо «автоматическое» получение доступа к власти и финансовым ресурсам. Остается неясным, кто и каким образом этот доступ должен предоставлять. В то же время ощущается настроение социальной апатии, проявляющееся в нежелании половины населения участвовать в акциях протеста и таким образом бороться за улучшение условий жизни. Вместе с тем, тот факт, что другая половина склонна выражать протест против социального ущемления, свидетельствует о серьезном несогласии в обществе по поводу практики реализации социальных прав гражданина. Отношение к выборам и своим возможностям влиять на действия властей говорит о «фиктивной» электоральной активности населения, о несовпадении ценностного отношения к демократии с формой ее проявления. Низкий рейтинг такой ценности, как солидарность, специфичная реакция на действия властей и невысокая степень готовности им противодействовать отражают высокий уровень отчуждения основной массы населения от власти и слабую способность к самоорганизации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что с точки зрения ценностей и норм российское общество является достаточно традиционным и накопление ценностей «западного» типа идет очень медленно. Россияне по-прежнему полагают для себя невозможным влиять на действия государства, не понимают государственной политики, однако считают естественным, чтобы именно власти заботились о гражданах, обеспечивая им достойную жизнь, поскольку самостоятельность и деловитость ассоциируются в России с нарушением моральных норм. Все это говорит о гражданской пассивности российского общества, которая подпитывается государственным патернализмом и одновременно подпитывает его. По нашему мнению, данная ситуация отражает традиционный для Российского государства характер взаимоотношений

¹² См.: Бойков В. Э. Указ. соч. С. 32–33.

общества и власти, который не способствует повышению гражданской активности, самостоятельности, ответственности и способности к самоорганизации. Таким образом, можно сказать, что в поле российской политической культуры доминируют элементы «приходской» и «подданнической» культур. Элементы культуры «участия» здесь практически не представлены.

Е. С. Соколова*

Политическая семантика архитектуры как элемент моделирования репрезентативной стратегии власти: история и современность

Два десятилетия государственного строительства в постсоветской России связаны с весьма болезненной перестройкой общественного сознания, формированием новых ценностных ориентиров политико-правового содержания. Основная проблема, с которой столкнулись отечественные реформаторы, заключается в отсутствии убедительной идеологемы, способной объединить российское общество в условиях его прогрессирующей социально-экономической неоднородности и маргинализации. Прозрачная надежда на быстрое возрождение православных традиций среди молодежи и людей среднего возраста разбивается о такой культурно-исторический барьер, как общее недоверие значительной части россиян к официальной церкви. Начиная с первой четверти XVIII в. церковная организация оценивается в массовом сознании как институт, обслуживающий потребности государства и весьма далекий от проблем «маленького человека». Сохранение этого стереотипа в сознании значительной части наших современников, генетически связанных с православной культурой и информированных о тех невосполнимых потерях, которые понесла церковь в период советского тоталитаризма, во многом объясняется неготовностью молодежи к восприятию религиозно-нравственных постулатов в условиях почти полного уничтожения исторической памяти, основанной на преемственности мемориального опыта поколений. Робкие попытки искусственного возрождения некоторых элементов быта и мировоззренческих установок, свойственных отдельным сословным категориям Российской империи, отличаются идеологической беспомощностью, еще ярче оттеняя ту непреодолимую временную дистанцию, которая отделяет нынешних потомков советских людей, переживших величие и трагедию XX в., от принципиально *иной* исторической реальности, в которой жили наши предки. Многочисленные филиппики сторонников возрождения арха-

* **Елена Станиславовна Соколова** – канд. юр. наук, доцент кафедры истории государства и права УрГЮА (г. Екатеринбург).

ичных форм «древнего благочестия» в адрес тлетворного влияния западной культуры, развращающей умы и сердца молодежи, лишены солидных аргументов. Как правило, критика вестернизации ведется людьми, имеющими весьма приблизительное представление об истории и культуре Европы и не способными привлечь внимание специфику западного образа жизни, нравственных ценностей католицизма, а также стиля мышления, свойственного современному европейскому интеллектуалу. Конфликтный характер отношений между церковью и современным российским обществом во многом спровоцирован отсутствием социальной толерантности у значительной части современного духовенства. Наряду с высокообразованными продолжателями национальных религиозных традиций, которые пользуются уважением у мирян, в церковной среде встречаются и выходцы из маргинальных слоев, которые сравнительно недавно оставили светский образ жизни с его утилитарными приоритетами и оказались не готовы к конструктивному диалогу с противниками возрождения православного быта.

Сегодня эти процессы не способствуют использованию духовно-нравственного потенциала православной церкви как объединяющего идеологического компонента. Вероятно, иной вариант развития событий и не возможен в стране, обремененной тяжелым наследием тоталитарного мышления, когда мнение отдельного человека либо ничего не значит для окружающих, либо на официальном уровне возводится в ранг непререкаемого авторитета. Анализируя причины идеологического вакуума, стоит, вероятно, задуматься и о блокирующем влиянии таких факторов, как национальные и конфессиональные различия россиян, наряду с вполне оправданной осторожностью современных российских лидеров перед поспешной идеологизацией политического пространства при отсутствии хорошо продуманной научно-образовательной стратегии, необходимой для формирования единой культурно-исторической парадигмы. Тем не менее, в условиях перманентного кризиса экономики и социальной сферы, больно ударяющего по интересам миллионов россиян, власть нуждается в разработке политического сценария, способного поднять ее имидж среди наиболее социально уязвимых категорий населения. К числу потенциальных, но не востребованных сторонников нынешней государственно-правовой стратегии относятся, в частности, широкие слои интеллигенции, занятой в сферах науки, образования и культуры. Несмотря на рост оппозиционных настроений, вызванных низким уровнем зарплат и требующих серьезной корректировки реформаторского курса, направленного на модернизацию большинства отраслей интеллектуальной деятельности, образованная часть общества высоко ценит открытые ей возможности творческой свободы и, в случае

необходимости, может составить серьезный противовес радикально настроенным слоям населения.

Задача заключения прочного социально-политического союза с интеллигенцией требует от власти не столько финансовых затрат, сколько привлечения образованной элиты на свою сторону путем разработки визуально-репрезентативных форм косвенного идеологического воздействия на массы с учетом многовекового исторического опыта России и Запада, а также знания семантики мнемонических топосов, которые при этом использовались. Реализация подобной стратегии требует активной и самостоятельной позиции политических лидеров по отношению к вопросу сохранения культурно-исторического наследия, которое нередко приносится у нас в жертву сиюминутной экономической выгоде при полном пренебрежении к его огромному духовно-воспитательному потенциалу. Открытое недовольство современных интеллектуалов непродуманными с эстетической точки зрения изменениями архитектурного ландшафта российских столиц и старинных городов провинции вызвано непониманием в эшелонах власти роли преемственности эпох в формировании общегражданских аспектов национальной идентичности, основанных на осознании каждым человеком своей причастности к истории одной страны и одного народа. Репрезентативная роль памятников архитектуры не исчерпывается их культурно-исторической значимостью. Гармоничная и концептуальная застройка городской среды является своеобразным индикатором социокультурной ориентации властных структур, при поддержке которых эта среда моделируется. Намеренное или случайное разрушение стилевого единства архитектурного ансамбля зачастую свидетельствует о кризисных явлениях внутри власти, не умеющей использовать визуальные средства для укрепления своих социально-политических позиций в обществе и вынужденной потакать амбициям строительных компаний.

Даже беглый анализ исторического опыта Европы и России убеждает в том, что использование идеологических компонентов архитектурной семантики всегда являлось действенным средством укрепления имиджа власти и внедрения в общественное сознание намеренно мифологизированных представлений о ее социальных возможностях. Уже в Древней Греции возведение архитектурных сооружений репрезентативного характера считалось общим делом всех граждан полиса и ставилось под контроль политических лидеров, которые пользовались доверием большинства. Например, в Афинах первая обширная программа строительства общественных зданий была разработана при Перикле. Он привлек к организации работ над архитектурным ансамблем Акрополя и окружающих его районов города знаменитого скульптора Фидия и профи-

нансировал это грандиозное начинание денежными средствами Делосского союза. Притязания афинян на роль ведущей морской державы в эллинском мире, которые обрели политическую реальность после разгрома персидского флота при Саламине (480 г. до н. э.), требовали достойного воплощения в наглядно-репрезентативных образах. По свидетельству ряда античных авторов, наиболее совершенное воплощение идеи величия и процветания Афин было достигнуто в архитектурном облике Пропилей, которые даже патристически настроенный оратор Демосфен оценивал впоследствии как «излишне великолепное», но «редчайшее сооружение» древности. Когда римский писатель, антиквар и путешественник Павсаний Переигет посетил во второй половине II в. н. э. Афины, он прежде всего обратил внимание на своды мраморного потолка колоннады, обрамляющей Пропилей, где еще сохранились золотые звезды, мерцавшие на фоне искусно выполненного голубого неба. Огромное впечатление произвела на него и бронзовая статуя покровительницы города Афины Промахос («Предводительницы в битвах»), выполненная Фидием в честь победы над персами в битве при Марафоне (490 г. до н. э.). Ее размеры были настолько огромны, что, по свидетельству Павсания, моряки использовали изваяние богини в качестве импровизированного маяка, так как в ясную погоду гребень на ее шлеме и острие копья были видны на юге Аттики у мыса Сунион. О впечатляющих политических результатах Марафонской битвы свидетельствовали и сюжеты картин, которыми было украшено внутреннее пространство знаменитой Пестрой Стои, служившей местом прогулок афинских философов. По данным Павсания, на одной из них было изображено беспорядочное бегство персов с поля боя к кораблям, которые уже захватили эллины¹.

Официальное возведение архитектуры в ранг искусства, обслуживающего потребности политической практики, было осуществлено в эпоху принципата при Октавиане Августе. Судя по материалам древнеримской историографии, визуально-репрезентативные формы укрепления императорской власти приобрели в этот период особый размах за счет ее продуманной театрализации. Улицы Рима были превращены в импровизированные сценические подмостки, где постоянно проходили развлекательные представления на языках всех народов, признавших над собой власть Вечного Города. Для проведения состязаний атлетов в центре Рима, на Марсовом поле, были специально возведены гигантские деревянные трибуны, вмещавшие огромное количество зрителей. Особое значение Август придавал мероприятиям, прославляющим военный потенциал рим-

¹ Павсаний. Описание Эллады. Т. 1. М., 2002. С. 48.

ского флота, игравшего все более заметную политическую роль по мере расширения его державы в Средиземноморье. По его приказу римляне могли развлекаться импровизированными морскими боями, для чего за Тибром был выкопан специальный пруд. Организованные Августом зрелища собирали такое количество народа, что в назначенные для них дни по всему Риму приходилось составлять стражу, чтобы уберечь обезлюдевший город от грабителей. Важным элементом моделирования визуальной формы «сценария власти» в первые годы принципата становится разработка мнемонических кодов общедоступного характера, связанная с мифологизацией идеи «славного прошлого». При Августе изучение деяний предков, укреплявших внутреннее благополучие и военную силу отечества, было возведено в ранг государственной политики, способствуя высокому официальному статусу римской историографии. Те же политические мотивы привели к возникновению ряда строительных инициатив, выдвинутых самим принцепсом. Например, при возведении нового форума Август специальным эдиктом приказал в обоих портиках поставить статуи своих предшественников в триумфальном облачении, «объявив... что это он делает для того, чтобы и его, пока он жив, и всех правителей после него граждане побуждали бы брать пример с этих мужей»².

Текстологическое значение архитектурной среды императорского Рима впервые было обосновано Марком Витрувием Поллионом, который справедливо старался привлечь внимание Августа к проблеме соотношения строительной техники древних греков с климатическими условиями Апеннин и политическими потребностями репрезентативного характера. Посвящая принцепсу свой труд *De architectura*, Витрувий оценил заботу «императора Цезаря» о благоустройстве общественных и частных зданий как важный элемент установления стабильного порядка, укрепляющего мысль о непреходящем величии империи в сознании самих римлян и покоренных ими народов. Согласно его интерпретации, доминирующая черта любого официального архитектурного текста заключается в возведении памятников строительного искусства, полностью соответствующих историческому значению политических деяний их заказчика, который должен обладать достаточной степенью властных полномочий и материальных ресурсов для прославления своего величия. Витрувий даже взял на себя смелость выразить надежду на то, что покровительство архитектуре станет одним из приоритетных направлений внутренней политики Августа с целью укрепления как его личной власти, так и гегемонии Римской державы в античном мире. Преследуя цель создания полного архи-

² Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1991. С. 51–55.

тектурно-строительного справочника, предназначенного для принцепса, Витрувий включил в текст сочиненного им трактата немало дидактических рассуждений о роли архитектуры в моделировании политического пространства Рима и порекомендовал императору приобрести точные теоретические понятия «для оценки как возведенных... раньше, так и проектируемых в будущем сооружений»³.

Практицизм и эстетическая безупречность архитектурной концепции, изложенной Витрувием, оказали огромное влияние на теорию и практику строительного дела Европы, где уже в раннее Новое время под влиянием Ренессанса его труд приобрел статус классического пособия по моделированию городской среды. К материалам Витрувия обращался, например, знаменитый гуманист и архитектор Леон Баттиста Альберти, перед которым стояла задача разработки архетипа идеального города, соответствующего репрезентативным потребностям Флорентийской республики. Рассуждая о специфике внешнего декора правительственно-административных зданий, он называет в качестве его ведущих характеристик монументальность формы, внушительность внешнего вида и соразмерность с окружающей застройкой⁴. К XVI в. влияние классической формулы Витрувия, основанной на триаде «прочность, польза, красота», проникло во Францию. Указанные принципы оказались весьма созвучны абсолютистским тенденциям королевской власти, воплощенным в дворцово-парковых ансамблях Ане, Фонтенбло, Шамбора и замков Луары французскими последователями античного архитектурного канона. Еще более впечатляющим репрезентативно-визуальным эффектом обладает протяженное здание дворца Людовика XIV в Версале, выполненное по проекту архитектора Ж. А. Мансара, замысел которого заключался в том, чтобы добиться гармоничного сочетания фасадов с природным ландшафтом, не отказываясь от возведения масштабной постройки, призванной подчеркнуть доминирующую политическую роль короля⁵.

Благодаря гению А. Ленотра, дворцово-парковый ансамбль Версаля был превращен в грандиозную реминисценцию идеального города, созданного творческим гением Альберти и перенесенного

³ Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. Десять книг. Л., 1936. С. 20.

⁴ Леон Баттиста Альберти. О зодчестве // Леон Баттиста Альберти и культура Возрождения. М., 2008. С. 261–266.

⁵ Более подробно см.: Соколова Е. С. Искусство императоров и королей: классические традиции в политической семантике дворцово-парковых комплексов Франции XV–XVII вв. // Запад, Восток и Россия: Историк и власть: Вопросы всеобщей истории. Вып. 12. Екатеринбург. С. 66–85.

на французскую национальную почву. Пересечения горизонтали центральной авеню с боковыми аллеями, расположенными параллельно Западному партеру, создавали эффект улиц и площадей, декорированных античными колоннадами, зелеными газонами и коноусами подстриженных деревьев. Хорошо понимая идеологическое значение предпринятого им строительства, Людовик XIV не скупился на расходы. Согласно распоряжению Ж. Б. Кольбера от 24 октября 1674 г. все счета, связанные с оплатой работ по строительству версальских фонтанов, должны были беспрекословно оплачиваться из королевской казны, а мастерам предписывалось «следить за тем, чтобы всего было в достаточном количестве». Семантический текст королевской резиденции был основан на теории Жана Бодена о политической сущности монархии, согласно которой умение управлять в соответствии с естественным законом справедливости способно превзойти «блеск самого солнца»⁶. Открытость Версаля для многочисленных текстологических интерпретаций, использованных в строительстве официальных комплексов Мадрида, Вены, Берлина, Мюнхена, Петербурга и других европейских столиц Нового времени, объясняется универсальностью «сценария власти», отраженного в его политической семантике.

Ретрансляция западных форм верховной власти и визуальных способов ее укрепления стала одним из ведущих направлений внутренней политики Российской империи с первой четверти XVIII в., по мере реализации притязаний Петра I и его ближайших преемников на ведущую роль России в системе великих европейских держав. К 1725 г. сады Петергофа уже «блистали красивыми мраморными статуями», а «грот в саду Летнего двора и все фонтаны (были. – Е. С.) облицованы мрамором и уставлены множеством частью действительно античных, частью современных мраморных статуй больших и средних мастеров из Италии»⁷. Составляя реестр наиболее заметных событий художественной жизни России XVIII в., известный знаток архитектуры и живописи Я. Штелин придавал большое значение свидетельствам заинтересованности государственной власти в развитии «наук и художеств», справедливо считая тенденцию к патернализму наиболее быстрым и надежным способом достичь процветания Российской державы. Особенно высоко он оценивал культурно-исторический потенциал елизаветинской эпохи, когда покровительство «достойной дочери Петра Великого»

⁶ Уг С., Соль Б. Versailles. Ваша прогулка по Версалю. Versailles, 2004. С. 14–15; Боден Ж. [Шесть книг] о государстве // Козлихин И. Ю. История политических и правовых учений. Новое время: от Макиавелли до Канта. СПб., 2001. С. 99.

⁷ Штелин Я. Записки об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 161.

привело к небывалому расцвету «всех изящных искусств», которые «удивительно сильно продвинулись вперед», способствуя росту международных связей России. В царствование Екатерины II под влиянием классицизма оформилась тенденция к моделированию архитектурного пространства крупных правительственных комплексов на основе использования мнемонических кодов национально-патриотического содержания, несущих в себе историческую память о славном прошлом Российского государства и доблестных деяниях предков⁸. Мемориальные аспекты официального зодчества не превращались при этом в самоцель. Наиболее крупные архитектурные ансамбли XVIII–XIX вв. общегосударственного значения носили строгий и красивый характер, отличались высокой степенью декоративности, но при этом гармонировали с окружающей средой, производили самое выгодное впечатление свойственной им стильностью и были идеально приспособлены как для спокойных занятий политической деятельностью, так и для проведения торжественных церемоний.

Рассмотренные выше исторические сюжеты, разумеется, нельзя воспринимать как буквальное руководство для современных политических лидеров, вынужденных действовать в иных социально-экономических условиях и демократическом культурном пространстве, допускающем предельный плюрализм мнений. Тем не менее, самоустранение власти из сферы моделирования визуально-репрезентативных форм повышения собственного социально-политического имиджа может обернуться непредсказуемыми последствиями для сохранения культурно-исторического наследия и окончательно уничтожить уважение значительной части российского общества к своему прошлому и настоящему.

⁸ Штелин Я. Указ. соч. Т. 1. М., 1990. С. 165; Вильчковский С. Н. Царское Село. СПб., 1911. С. 143, 152–153 и далее.

Д. В. Суворов*

Распад СССР в свете теории систем

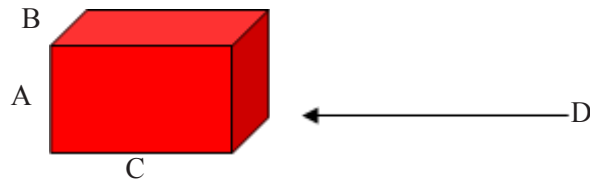
*«Нет врачевства для раны твоей;
болезненна язва твоя.
Все, услышавшие весть о тебе,
будут рукоплескать о тебе;
ибо на кого не простиралась
беспредстанно злоба твоя?»*

Ветхий Завет. Книга пророка Наума. 3:19.

Но не так много времени прошло с момента распада СССР, и не утихают споры вокруг этого эпохального события конца XX века. В России все объяснения произошедшего традиционно сводятся к «субъективному фактору», за чем скрывается вполне концептуальная посылка – как бы априори принимаемая идея о распаде СССР как событии чисто внешнем (в смысле отсутствия внутренней логики в происшедшем) и исторически случайном. Это представляется научно некорректным, и в поисках истинного смысла произошедшего следует рассмотреть все с позиций теории систем.

Во-первых, все системы (к которым относятся и государства, и цивилизации) подразделяются на дискретные, жесткие и централизованные. Первые состоят из не слишком сильно связанных между собой элементов, объединенных общим отношением к окружающей среде. Вторые, напротив, предельно холистичны (общее превалирует над единичным), и элементы в них настолько жестко сопряжены, что разрушение или деструкция одного из них может уничтожить всю систему. Третьи же содержат одно основное звено, которое организационно находится в центре системы (но не обязательно в плане местоположения) и связывает все остальные звенья. Как известно, жизнеспособность любой системы определяется ее способностью гибко реагировать на внешние вызовы и воздействия. Известна модель «куб Говарда», представляющая собой следующую графическую схему:

* **Дмитрий Владимирович Суворов** – канд. культурологии, доцент Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

- A – степень сложности;
 B – степень динамики;
 C – степень неопределенности;
 D – степень конфликтности среды.

Во-вторых, в теории систем выделяют три основных принципа: принцип сильного звена (которое повышает эффективность системы), принцип обратных связей (всеобщая взаимозависимость всех системных элементов) и принцип эмерджентности (т. е. возникновения новых свойств и функций при объединении элементов в систему).

Наконец, в-третьих, согласно известному принципу Ле Шателье–Брауна, если на систему, находящуюся в равновесии, воздействовать извне, изменяя какой-либо из параметров, определяющих ее равновесное положение, то в системе усилится то из направлений процесса, которое ослабляет влияние произведенного воздействия; положение равновесия также сместится в направлении ослабления эффекта внешнего воздействия.

Даже простое перечисление вышеприведенных научных констатаций заставляет сделать простейший логичный вывод: *любая* социальная система подвержена проявлению данных закономерностей, а следовательно, в контекст анамнеза («истории болезни») должна быть введена данная парадигма. То есть любой процесс обновления в любой социальной системе со всей необходимостью вызовет к жизни кардинальную перестройку всего социокультурного организма; вопрос только в том, будет ли эта перестройка контролируемой или «революционно-деструктивной». Для этого, естественно, необходимо точно представлять картину расположения и сочленения элементов той системы, которая должна подвергнуться реконструкции – иначе деформация и деструкция системы неизбежны. Именно это и имело место: ведь все совершенно неизбежные трансформации советского социокультурного универсума, которые имели место в 1950–1980-е гг., приводили – по принципу эмерджентности – к всеохватной метаморфозе системы (причем каждый новый момент в семантике и структуре системы – по принципу обратной связи – мгновенно трансформировал *все* остальные элементы и связи между ними); если же при этом ослаблялось «сильное звено» (а таковым в СССР была властная моно-

полия КПСС), вся система начинала терять устойчивость. Действие принципа Ле Шателье–Брауна до известной степени сдерживало проявление деструктивных факторов, но только до тех пор, пока система находилась в равновесии (а из такового она начала выходить уже в результате десталинизации 1950-х гг., не говоря уже обо всем дальнейшем).

Есть и иные причины, запрограммировавшие центробежные тенденции внутри СССР (и тоже коренящиеся в теории систем).

Во-первых, это то, что СССР – как и любое государственное и, шире, социальное образование – был, по определению, открытой системой (т. е. принципиально требующей получения информационной «подпитки» извне). Без этой «подпитки» система – по неумолимым законам кибернетики – должна была просто энтропировать; приток же свежей информации для тоталитарной системы губителен. Следовательно, эволюция в любом направлении в данном случае одинаково чревата нарастанием разрушительных тенденций! Можно сказать больше: сама попытка советского руководства строить государство как закрытую систему уже изначально была «миной замедленного действия», закладывающей в основание общества матрицу саморазрушения.

Во-вторых, советскую систему можно характеризовать как супержесткую, сверхригидную – с соответствующим футурологическим прогнозом. При таком положении неспособность реформаторов второй половины века к радикальной трансформации системы (и последующий крах одной) является уже не личной или даже политической слабостью политиков, но чем-то большим. Сами исходные данные и способы функционирования советской системы не позволяли реформаторам совершать те или иные шаги сверх определенной, строго очерченной нормы (за которой неизбежно вставал вопрос: выдержит ли в принципе система дальнейшие «флуктуации» или их результатом будет уже не трансформация, а деструкция системы?).

Это не значит, что данная модель была принципиально нерформируема, но из этого следует нечто чрезвычайно важное: любой руководитель, желавший провести в СССР радикальную и комплексную перестройку, должен был уже «на старте» отдавать себе отчет в том, что для успеха планируемого мероприятия недостаточно не только «косметических», но даже и радикальных реформ. Необходимо было изначально ставить задачу сущностного (и даже цивилизационного) изменения системы, ибо в своем фундаментальном, «матричном» варианте она не сможет стать достаточно пластичной даже для поддержания своей жизнеспособности (и не даст ни одному реформатору преодолеть собственный «порог ригидности») и, следовательно, первые же серьезные внешние (в кибер-

нетическом смысле) вызовы окажутся для нее фатальными. Вопрос, следовательно, стоял таким образом: модернизация должна была пройти не в реформистских, а де-факто в революционных формах – иначе системный крах станет данностью.

В-третьих, согласно теории И. Пригожина – И. Стенгерс, даже малые флуктуации (незначительные отклонения сверх стационарной нормы) в состоянии реально трансформировать любую макроструктуру. В условиях начавшейся трансформации системы (т. е. ее выхода за рамки равновесия, с неизбежным вследствие действия принципа эмерджентности радикальным изменением всех внутренних связей и соподчинений) количество бифуркаций должно было возрасти (и возросло) в геометрической прогрессии, а флуктуационное воздействие в той же степени увеличивалось. Следовательно, процент стохастичности и непредсказуемости происходящего возрастал настолько, что делал проблематичным даже самое примитивное моделирование; отсюда те провалы и их губительные последствия, которые и имели место в исторической реальности. Они могли быть эмпирически разными (в этом тоже возможны флуктуации), но само их появление было запрограммировано, можно сказать, экзистенциально.

Поэтому, подводя итоги, следует констатировать: кризис и крах СССР ни в коем случае нельзя признать исторической случайностью. Случайность здесь присутствует только в аспекте приложения теории Пригожина–Стенгерс – как проявление общей кибернетической стохастичности и флуктуальности всего сущего в мире. И этот суровый историко-философский урок следует запомнить и осмыслить именно сейчас, в момент структурирования новой постсоветской цивилизационной модели в России.

В. П. Тимошенко*

Мегапроект «Урал промышленный – Урал полярный»: необходимость гуманитарной экспертизы

Последовательное повышение конкурентоспособности России во многом определяется устойчивым экономическим ростом Уральского макрорегиона, формированием и реализацией его конкурентных преимуществ. Неслучайно 16 мая 2005 года в г. Челябинске на совещании по вопросам социально-экономического развития УрФО было зафиксировано: «Чтобы привести в действие весь богатейший потенциал Урала, добиться его прорывного развития, нужны принципиально новые подходы и привлекательные, перспективные проекты, закладывающие прочный фундамент роста на десятилетия вперед»¹.

Попытка вырваться за короткий срок из рамок предельно централизованной административной системы, иллюзии и неизбежные ошибки реформаторов в начале – середине 1990-х гг. породили в обществе недоверие к избранному пути, социальное напряжение. Речь идет о тактических решениях, затрагивающих повседневную жизнь регионального сообщества, но в большей мере – о стратегических инициативах, от реализации которых зависит будущее государства.

Урал и сопредельные моноресурсные регионы страны стоят перед необходимостью выбора стратегии своего развития. При этом реально выбор осуществляется между двумя сценариями:

- экстенсивная разработка сырьевых источников на уже имеющейся технологической базе;
- инновационная перестройка всей технологической платформы, включая сырьевые отрасли.

Идея программы «Урал промышленный – Урал полярный» возникла в рамках этого выбора и с самого начала вызвала неоднозначные оценки. Органы власти Уральского федерального округа и входящих в него регионов увидели в ней важную организационную предпосылку интеграции ресурсно-сырьевой базы ЯНАО, ХМАО,

* **Владимир Петрович Тимошенко** – д-р ист. наук, профессор, главный научный сотрудник ИИиА УрО РАН (г. Екатеринбург).

¹ Уральский Федеральный округ. 2007. № 1. С. 24.

индустриального ядра Среднего и Южного Урала и аграрного пояса юга Тюменской области, Курганской, Челябинской и Свердловской областей. Они выступили инициаторами разработки программы и эффективными лоббистами ее запуска. На этой основе Уральский федеральный округ, возможно, способен трансформироваться из района с утяжеленной структурой хозяйственного комплекса в один из центров структурной динамики, где на базе нового технологического уклада могут решаться накопившиеся за десятилетия проблемы.

Более осторожные оценки высказываются представителями академической науки. Существует опасение, что недостаточно обоснованный и непроработанный проект масштабного освоения минеральных ресурсов Уральского Севера будет воспроизводить ошибки советского периода и закрепит экономически неэффективную сырьевую специализацию региона². Как и программы освоения Сибири 1950–1960-х гг., мегапроект «Урал промышленный – Урал полярный» может создать емкий внутренний рынок для уральской индустрии, особенно при реализации проектов транспортного строительства. Будут решены многие (в том числе и социальные) проблемы индустриальных территорий. В то же время в технологически устаревших и экологически «грязных» базовых отраслях индустрии исчезнут на неопределенное время стимулы для перехода к энерго-, сырье- и трудосберегающим технологиям.

Вышеприведенные точки зрения не являются конфликтующими. Они лишь исходят из разного видения масштабов, темпов и результатов освоения ресурсов Полярного Урала. *В связи с этим изучение преемственности стратегий социально-экономического развития Полярного Урала и сопредельных территорий, реализованных в XX веке, приобретает особое значение.*

С этой точки зрения проблему эволюции политики и практики освоения ресурсного потенциала Полярного Урала целесообразно рассматривать через призму двух обозначенных конфликтующих сценариев – ресурсного и инновационного. Последствия реализации первого сценария очевидны. Они позволяют поддерживать стабильность в стране, зависящей от сырьевых потоков для внутреннего и внешнего потребления. При этом перспектива реализации сценария под вопросом. Простое восстановление имевших место в советскую эпоху планов развития Севера нереалистично. Прежде всего потому, что мобилизационные «машины», создававшиеся в разные годы в целях освоения этого огромного региона и опиравшиеся либо на мотивацию свободы, либо на прямое принуждение,

² См.: Урал промышленный – Урал полярный: история и современность // Вестник Уральского отделения РАН. 2006. № 4. С. 3–10.

исчерпали свои возможности, а имеющихся финансовых ресурсов и экономической мотивации для программ «нового освоения» явно недостаточно.

Контуры второго сценария и институтов, заинтересованных в его развитии, весьма проблематичны. Эти контуры просматриваются в острых научных и политических дискуссиях 1920–1930-х и 1940–1950-х гг.³ Мотивация, система аргументации и оценки целесообразности принимаемых решений не утратили актуальности в современных поисках разумно-достаточных решений для освоения минерально-сырьевой базы Полярного Урала.

Россия в своем региональном развитии долгое время следовала рецептам XIX века: развитие – это индустриализация, а территория – это технологическая площадка, «физическая платформа» для размещения производительных сил; обеспечить развитие территории значит сосредоточить на ней главные факторы индустриального производства – сырье, основные фонды, капитал и рабочую силу.

Территории российского Севера, развиваясь в соответствии с этими подходами, попадают в ситуацию, в которой воздействие рыночной реформы на социально-экономическую ситуацию пока не компенсируется конструктивными потенциями рыночной системы хозяйства⁴. Происходит нарастание неравновесности, неустойчивости экономических процессов, что вызывает рост социальной напряженности. Последняя связана с разрушением базовых систем жизнеобеспечения и жизнедеятельности населения – экологической среды, демографического потенциала, отраслевых производств, жилищно-коммунального комплекса, социальной сферы и инфраструктуры.

Необходимость социально-экономических программ для моно-ресурсных районов Севера очевидна. Но такие программы требуют огромных и – главное – эффективно используемых средств. Подобные программы на Западе сочетают государственное регулирование с рыночными механизмами, широко используют структуры государственно-частного партнерства.

³ Подробнее см.: Зубков К. И. У истоков стратегии освоения Ямальского Севера: идеи и проекты 1920-х гг. // Вестник Уральского отделения РАН. 2005. № 3. С. 61–76; Ямал в панораме российской истории. Салехард; Екатеринбург, 2004; Проблемные регионы ресурсного типа: экономическая интеграция Европейского Северо-Востока, Урала и Сибири. Новосибирск, 2002.

⁴ См.: Алексеев В. В., Тимошенко В. П. Исторические исследования как ресурс устойчивого развития Ямало-Ненецкого автономного округа // Уральский исторический вестник. 2006. № 13. С. 16–26.

Из этого следует необходимость специальных исследований, методических разработок оценочно-прогнозной и перспективно-проектной работы с целью научного обоснования развития моно-ресурсных территорий. Это в полной мере относится к обсуждаемому мегапроекту «Урал промышленный – Урал полярный».

В политических кругах и научном сообществе сложилось понимание необходимости выработки новой северной политики (стратегии) государства. В перспективе функциональная структура социально-экономической системы Полярного Урала изменится. Назревает парадигмальный сдвиг в определении целей и перспектив развития региона. Он нуждается в тщательной научной проработке и гуманитарной экспертизе. В программах освоения Полярного Урала наметились значительные перекосы: на передний план вышли промышленный и политический аспекты целеполагания, оттеснив проблемы, связанные с социальной составляющей, экологией и природопользованием. В результате утрачен комплексный подход к подготовке конкретных проектов. Необходима тщательная экспертиза ресурсного потенциала территорий, предназначенных к освоению, и вытекающих из этого возможных рисков для социума и окружающей среды. При этом регион нельзя «разрывать» по административному принципу; в проекты необходимо включить «соседей», обладающих богатой сырьевой базой, – Пермский край и Республику Коми. В противном случае проект «Урал промышленный – Урал полярный» и другие инициативы не выйдут за рамки преодоления «неделенок» советского периода.

М. А. Фадеичева*

От субъекта к объекту: новые тренды региональной политики России

В процессе модернизации социально-экономической и политической системы России происходят изменения в отношениях между субъектами Российской Федерации и Федерацией, меняются черты российского федерализма. Отечественная политическая наука за последние 20 лет накопила большой материал по анализу российского федерализма и исследованиям проблем развития федеративных отношений. Если в 90-е годы XX века исследования касались федерализма и децентрализации, то в следующем десятилетии вектор сместился в сторону изучения федерализма и централизации. Это – более, чем изменение проблематики, это – парадигмальный сдвиг в политологии, отразивший изменение стратегии российской политики. Федерализм обернулся «регионализмом»; то, что можно было назвать «федеративной политикой», превратилось в «региональную политику». Во властном дискурсе сменились акценты от «совершенствования федеративных отношений» и развития федерализма к «совершенствованию региональной политики», к эффективному управлению регионами, к необходимости проведения сбалансированной «территориальной политики».

В 1996 г. Указом Президента РФ была утверждена Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. В ней, в частности, говорилось, что совершенствование федеративных отношений входит в число приоритетных задач внутренней политики и призвано реализовать на практике конституционные принципы федерализма, особенно принцип равноправия всех субъектов Российской Федерации в отношениях с федеральными органами государственной власти. Было отмечено, что развитие федерализма позволит обеспечить равенство всех национальных общностей в каждом субъекте Российской Федерации и в России в целом при осуществлении ими своих социально-экономических, политических и национально-культурных прав. В ней же подчерки-

* *Марианна Альфредовна Фадеичева* – д-р полит. наук, доцент, главный научный сотрудник Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

валось и своеобразие российского федерализма, которое состоит в сочетании территориального и национального начал. Также утверждалась важность оптимизации федеративных отношений, были намечены меры, необходимые для их развития.

В 2008 г. в процессе выработки «Стратегии развития России до 2020 года», определившей инновационный путь развития страны, утверждалось, что важнейшим аспектом модернизации государственного управления является проведение эффективной региональной политики. Особо отмечалось, что в ближайшие годы необходим переход к новому ее этапу, который направлен на обеспечение не формального, а фактического равноправия субъектов Федерации. Причем предполагается такое равноправие, которое позволит каждому региону иметь необходимые и достаточные ресурсы для обеспечения достойных условий жизни граждан, развития экономики территорий.

Хорошо известно, что субъекты РФ при их конституционно закреплённом равенстве существенно отличаются в социально-экономическом, ресурсном отношении. За почти два десятилетия, до настоящего времени, эти отличия не только не уменьшились, но продолжают увеличиваться. Известно, что по основным экономическим показателям разница между субъектами Федерации составляет десятки раз. Наличие «дотационных регионов», которых большинство, и «регионов-доноров», составляющих меньшинство, представляется парадоксальной ситуацией политического самоопределения за чужой экономический счет. Очевидно, что в Стратегии-2020 задача «обеспечения равноправия» субъектов Федерации сформулирована не как политическая, а как экономическая. То, что названо новым этапом региональной политики, можно определить как экономическую региональную политику. Этот «новый этап» существенно отличается от двух этапов федеративной политики, первый из которых относится к началу и середине 1990-х гг. и известен под названием «парада суверенитетов», второй – к началу 2000-х, времени отказа от двухсторонних договоров Федерации и субъектов Федерации, этапу построения «вертикали власти».

Понятия «субъекты Российской Федерации» и «регионы России» почти не различаются в научном и властном дискурсе, субъекты Российской Федерации стали регионами России, дискуссии сместились в сторону проблематики отношений «центр – регионы». Как ни парадоксально, существующее многообразие подходов в различных науках, в том числе многообразие подходов в политической науке к пониманию региона, позволяет сделать определенный вывод, что регион не является политическим субъектом, но представляется географической и экономической единицей государственной площади. При таком понимании регион выполняет слу-

жебную роль и является «ценностью-средством» для реализации инновационного сценария развития России. Неорганический характер российской модернизации проявился в очередной раз в том, что идеологом стратегии инновационного развития и модернизационных проектов является Центр, принявший политическое решение о реформах в экономической и других общественных сферах. В такой ситуации каждый из регионов – это функция, предназначенная для выполнения народнохозяйственных задач в соответствии со своими социально-экономическими особенностями.

Постепенно происходит отказ от федеративных отношений на практике; самостоятельность субъектов все более ограничивается. Субъект превращается в объект: субъект Федерации – в регион. Хорошо известен целый ряд мероприятий, свидетельствующих об этом, в том числе отказ от двухсторонних соглашений, образование федеральных округов, реформа Совета Федерации, укрупнение регионов, новый порядок выборов губернаторов, приведший к смене харизматических лидеров субъектов Федерации на эффективных менеджеров регионов. В целом выстраивание «вертикали власти» на практике, изменение политической риторики с федеративной на региональную свидетельствуют о развитии Российского государства как унитарного государства с признаками федеративного устройства. Существуют различные подходы к пониманию федерализма, концепции федерализма, множество типологий федеративных государств, разнообразие моделей федеративных отношений. Российский федерализм имеет свою специфику вплоть до того, что говорится о специфической российской «централизованной модели федеративных отношений». Это может свидетельствовать о том, что федерализм в России остается неким идеалом, от которого не следует отказываться, тем более что этот идеал закреплён в Конституции Российской Федерации. Вывод о несостоятельности России как федеративного государства, о том, что федерализм «не подходит» для России, представляется идеологическим, но не научным, является мнением и предпочтением, но не доказательством. Вполне возможно, этот вывод свидетельствует о том, что сам принцип федерализма проводился непоследовательно и меры по его совершенствованию были недостаточны. Изменение отношений «центр – регионы» и роли регионов в процессе российской модернизации определяется не только современной экономической ситуацией и конфигурацией власти. Постсоветский и «непостсоветский» периоды российского федерализма во многом связаны с федеративным советским прошлым и воспроизводят некоторые его особенности. Во-первых, сначала был анонсирован федеративный принцип, после чего проводились меры по его претворению в жизнь. Во-вторых, большевики провозгласили федеративный прин-

цип в целях противодействия сепаратистским настроениям, таким образом, федерализм не являлся целью, но был временным средством для решения политических задач. В этих условиях национальные образования, с одной стороны, требовали политических прав, с другой, обращались за экономической помощью, будучи не в состоянии развивать свою экономику. В-третьих, национально-территориальное деление не соответствовало задачам большевистской модернизации и выравнивания уровней экономического развития. Акцент был перенесен на экономический принцип организации государственной территории. Федерализм уходит на второй план, на смену политике федерализма приходит политика районирования, власть пошла по пути включения национальных территорий в экономические области и края. В-четвертых, при явных унитарных трендах советской модернизации федерализм остался конституционно провозглашенным политическим идеалом. Два десятилетия развития Российской Федерации обнаруживают колебания генеральной линии: от провозглашения федерализма как политического идеала и «парада суверенитетов» к выстраиванию «вертикали власти» и экономически оправданной регионализации при сохранении федерализма в качестве фасада, за которым реализуются унитаристские тренды.

Раздел третий

20 лет правового развития России: результаты и перспективы

20 лет правового развития России: еще не время подводить итоги

Российская правовая система переживает сегодня своего рода «коперниканский переворот», который выражается в глубокой трансформации ее фундаментальных ценностей и ориентиров развития: от государства как высшей ценности и центра социальной «вселенной» в СССР происходит переход к личности как основному ориентиру, вокруг которого должны сегодня «вращаться» все государственно-правовые институты и органы, что и закреплено в ст. 2 Конституции РФ: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Первую стадию становления современного российского права и правовой системы в целом можно считать завершенной – она состояла в принятии законодательной основы для формирования нового типа правовой системы, провозглашенного в действующей Конституции России. На очереди – завершение, хотя бы в самом первом приближении, судебной и административной реформы и, самое главное, нелегкая по существу и весьма длительная по времени «настройка» работы системы на те положения, которые еще в 1993 году были провозглашены и закреплены в российской Конституции. Но в любом случае тип правовой системы в России изменился – от социалистической, т. е. антиличностной, человеконенавистнической и людоедской по своему глубинному существу (ибо десятки миллионов соотечественников и других лиц, попавших в мясорубку советских – ленинско-сталинских – репрессий, есть недостижимый образец для людоедов всех времен и народов, кроме разве что камбоджийско-кампучийской клики П. Пота и И. Сари), к системе демократически и личностно-ориентированной. С этой точки зрения нельзя согласиться с мнением А. А. Демина, который полагает, что российское право (и право административное в том числе, о котором он в основном пишет) пока еще по-прежнему относится к социалистическому типу права¹. Согласиться с подоб-

* *Алексей Павлович Семитко* – д-р юр. наук, профессор, декан юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Демин А. А. Административное право Российской Федерации: курс лекций. М.: ЗЕРЦАЛО-М, 2002. С. 22, 38.

ной оценкой нельзя ни при каких условиях и оговорках: даже несмотря на наличие весьма серьезных и глубоких советских и социалистических пережитков в нашей правовой системе в целом и в административной правоприменительной практике, в административно-правовом сознании государственных и муниципальных служащих и населения в частности, относить нынешнюю российскую правовую систему, и право административное в том числе, к социалистическому типу права, с моей точки зрения, не правильно. Современная российская правовая система уже вышла из данного состояния, хотя бы (т. е. как минимум) формально-юридически, так как прежнее советское социалистическое законодательство практически полностью заменено на новое.

Таким образом, правовая система РФ только что завершила самую первую, формально-юридическую стадию перехода, или транзиции, от советской социалистической системы к системе демократической, ориентированной на подлинный суверенитет народа, а также на защиту прав и свобод человека. Произошла смена типа правовой системы – кардинальное изменение глубинных, существенных черт и характеристик российской правовой культуры в целом: от социоцентристского ее типа к персоноцентристскому, и теперь происходит дальнейшее – хотя и не во всем последовательное – упрочение этих новоприобретений². Разумеется, борьба со старым правовым мышлением населения (включая мышление политической, правовой и прочей элиты) не завершена: и впереди путь достаточно долгий и весьма не легкий! Но, как мне кажется, назад дороги нет. Мы можем получить нечто иное, например, авторитаризм (точнее, мы его уже имеем сегодня), пожизненную диктатуру личной власти (возможно, получим это в ближайшем будущем), фашизм – вариант, который не нужно исключать (ибо есть силы, которым выгодно «разделять и властвовать»), но к социалистическо-коммунистической идее вернуться, наверное, будет сложно. А она – эта идея – самый худший вариант из всех перечисленных.

Проходящая до сих пор модернизация российской правовой системы состоит, таким образом, из двух неравномерных по времени и решаемым задачам стадий – из мощного, революционного рывка, который был завершен в 90-е гг., и из проходящей сегодня (и в ближайшей перспективе тоже) «отладки», настройки на эффективную и плодотворную работу созданных или пока только провозглашенных в 90-х гг. новых государственных – законодательных,

² О типах правовых систем и правовых культур см.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996; Он же. Концептуальное введение // Права человека. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С. С. Алексеев. М.: Норма, 2009. С. 25–41.

судебных и административно-правовых механизмов. Судебная, административная, политико-правовая реформы как перестройка государственной власти и характера функционирования правовой системы в России до сих пор продолжаются, так как именно здесь – основной нерв происходящих в российской политико-правовой сфере перемен, именно здесь требуется произвести наиболее глубокие изменения по сравнению с предшествующим советским историческим периодом. Государственному аппарату (в лице его служащих) очень трудно из Левиафана – безответственного хозяина своих подданных, каким он был совсем еще в недавнем прошлом, превратится в заботливого, внимательного организатора и помощника, предоставляющего населению публичные услуги в общественных, а не в своих собственных интересах. И этот процесс проходит весьма болезненно, поскольку гражданское общество в России отсутствует, массы как всегда – пассивны, а современной политической элите (в отличие от кучки идеалистов, революционеров-демократов 90-х гг.) за державу явно «не обидно», они успевают лишь «пилить», растаскивать, «осваивать» выделенные средства, да заниматься переделом собственности и прочая, прочая вместо проведения модернизации страны, построения правового государства и демократических институтов в обществе.

Что мы имеем сегодня в разных, но наиболее активных, ведущих (в смысле оказывающих влияние на другие компоненты) подсистемах нашей правовой системы – в юридической науке, профессиональной практике, в особенности в судебной системе, а также в системе юридического образования и др.?

В нашей юридической науке происходит сегодня своего рода научная революция, из тех, о которых в теоретическом плане писал американский ученый Томас Кун, происходит смена научной парадигмы (революция в мировоззрении, в ценностных и методологических ориентирах). И это процесс – не простой и не быстрый. Даже в естественных науках, где новые теории можно проверить экспериментальным путем, они не сразу замещают собой старые, привычные – а на сегодня ставшие уже ошибочными – подходы. Хорошо сказал об этом датский ученый Нильс Бор: старые физические концепции уйдут в прошлое только вместе с их носителями. Еще сложнее и медленнее происходит это в общественных науках, где роль «эксперимента», который поставила сама история, или роль исторического примера, хотя и велика, но не столь очевидна, ибо сама история может быть подвергнута бесконечному количеству интерпретаций. В нашей литературе еще и сегодня часто можно встретить утверждения о том, что никакого-де социализма у нас не было, а было одно лишь его извращение и поэтому необходимо теперь попробовать построить его заново, зная уже о

постигших СССР и социалистический лагерь неудачах и не повторяя их вновь³. До сих пор в головах некоторых ученых сидит марксистско-ленинская теория классовой борьбы, эталоном научности выставляется Сталин, а мировая история рассматривается через призму отредактированного им Краткого курса истории ВКП(б)⁴.

В нашей методологии и способах мышления не редко еще можно встретить мифологию и догматизм. Не вдаваясь глубоко в проблематику, замечу, что на протяжении трех четвертей прошлого столетия все наше гуманитарное образование и вся общественная наука были построены на догматизме: иначе и быть не могло, так как желаемое выдавалось за действительное, а критика общественной системы, которая оценивалась как самая развитая, как самая передовая в истории человечества, напрочь исключалась. Для преодоления возникающих противоречий выстраивалась целая система псевдонаучных мифов и лживых объяснительных схем. Общественная система, объективные законы которой открыты Марксом, Лениным и Сталиным, раз и навсегда, т. е. окончательно, воспринималась как простая техническая система, построенная по типу субъект-объектных связей, управление которой не является сложным, так как человек научен управлять социальными процессами и т. д. Вся мировая история была упрощена до нескольких неоспоримых «абсолютных» истин и объяснительных схем: классовая борьба, неминуемо ведущая к смене общественно-экономических формаций – от капитализма к коммунизму, ведущая роль в этом процессе пролетариата, а точнее, его авангарда – компартии и т. д. Сегодня эти схемы уже не работают, а построение новых, адекватных современности теорий – процесс длительный и сложный. Авторы ряда учебников все еще уверены, что марксизм-ленинизм открыл некие абсолютные истины, и поэтому некоторым ученым трудно понять, что возможны различные, но с одинаковой степенью истинности или правдоподобности интерпретации одного и того же факта и т. д. Нам пока еще не очень привычны и не очень понятны представления о том, что общественные науки не могут быть точными⁵, о том, что они лишь примерно описывают ситуацию, а потому неизбежен плюрализм описаний и объяснений.

³ См. об этих интерпретациях советской и восточноевропейской истории в работе: Пискотин М. И. Россия в XX веке: неоконченная трагедия. 2-е изд. М.: Юрист, 2004. С. 42–43.

⁴ См.: Стешенко Л. А. Многонациональная Россия: государственно-правовое развитие X–XXI вв. М.: Норма, 2002. С. 22–25.

⁵ См.: Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 44; Померанц Г. Выход из тупика. М., 1995. С. 363.

Сегодня меняются не только мировоззренческая основа и методология научных исследований, система подготовки юридических кадров и характер профессиональной правовой деятельности, но и **все право в целом**: от социалистического типа общественно-политической, правовой и экономической системы мы перешли к принципиально новому типу – рыночному хозяйству с защитой частнособственнической инициативы и предприимчивости, ориентированному на подлинные демократические политические институты и права человека. Все это также требует других подходов к исследованию государства и права, однако эти изменения происходят очень медленно: если посмотреть работы некоторых патриархов и классиков российской юриспруденции, представителей советского поколения, то видна их заикленность на социалистических ценностях. Так, в противоречие со ст. 2, 17, 18 (и многими другими) Конституции РФ и в полном противоречии со всем ее духом, да и буквой тоже, выдающийся российский ученый Ю. А. Тихомиров утверждает в монографии 2008 года, что для конституционного права РФ характерно признание и гарантирование верховенства интересов... народа, наций и населения⁶. Указанного верховенства нет в нашей Конституции, так как она закрепляет приоритет личности, приоритет прав и свобод человека и гражданина. Другой патриарх нашей юридической науки – М. И. Байтин – отстаивает как единственно правильное позитивистское определение права и предлагает запретить преподавание в государственных вузах (коль скоро государство платит преподавателям деньги, то оно должно и «заказывать им музыку») любых иных подходов к правопониманию; главным образом он выступает против естественно-правового подхода, который сориентирован на защиту прав и свобод человека, а с позиции указанного автора, способен привести к нарушению законности в обществе⁷.

Кроме того, в строгом соответствии с марксистско-ленинским материализмом в общественных науках, согласно которому главной движущей силой социального развития является производство – базис, а не надстройка, т. е. не культурные, духовные факторы, в том числе и не наука в частности, современная политическая элита, как и весь правящий слой управленцев (имеющие соответствующее образование и менталитет), не считают нужным финансировать науку и культуру – факторы, не оказывающие, с их точки зрения, какого-либо полезного влияния на общественное развитие. Ска-

⁶ Тихомиров Ю. А. Современное публичное право. М., 2008. С. 141.

⁷ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное понимание на грани двух веков). 2-е изд., доп. М.: Право и государство, 2005. С. 13–14, 141–143.

зывается, возможно, и идущая от В. И. Ленина глубинная ненависть бывших большевиков-коммунистов к интеллигенции (а их – бывших членов КПСС – наверное, все еще значительная доля в нынешнем слое политиков и чиновников, депутатов и самых различных управленцев, хотя цифры эти сегодня уже не так важны, поскольку они дополняются другими цифрами: правящая партия «Единая Россия» организована и функционирует по типу КПСС, является ее духовно-организационным наследником). И поэтому современные российские ученые – гуманитарии и естествоиспытатели – вынуждены менять свою профессию или эмигрировать за рубеж, где их труд оценивается по достоинству. Все это тоже серьезно сдерживает реформу нашей науки и образования, не позволяет давать адекватные объяснения происходящим в мире и стране событиям, а следовательно, и не дает верных ориентиров для принятия адекватных решений тем же самым политикам.

Проблемы профессиональной юридической деятельности. Роль юристов в развитии правовой системы общества неизмеримо велика: они – главные двигатели правового прогресса. Однако большая часть современных российских юристов выросла в условиях «развитого социализма» – античеловеческой, антиправовой общественной системы, в которой право и правовое образование было «факультетом ненужных вещей» (такое отношение политэлиты к праву отразил в своем одноименном романе один из критиков тоталитаризма Ю. Домбровский). К праву относились с пренебрежением и презрением, как к чему-то вредному, мешающему быстрому продвижению к светлому коммунистическому будущему. Разумеется, и в советское время находились юристы, идущие (насколько это было возможно в то время) вразрез с официальной линией, так как они ориентировались на справедливость и защиту человека от произвола государства. Сегодня юристов, ориентирующихся на права личности и защиту человека от произвола государства, становится с каждым днем все больше и больше. Но пока здесь нет еще прочно сформировавшегося профессионального сообщества, идеалом которого была бы защита прав и свобод человека и гражданина. Это – дело будущего, и данный факт необходимо учитывать при анализе российской правовой системы, отдельных ее подсистем и механизмов. Так, антиконституционные реформы (контрреформы, которые ограничивают или отменяют некоторые политические и иные права граждан, а также права субъектов РФ в лице его населения), проведенные Президентом, парламентом и завершённые Конституционным судом РФ, не вызвали какого-либо – даже весьма легкого – волнения или сожаления в российском профессиональном юридическом сообществе. Отсюда можно сделать вывод, что оно – это профессиональное юридиче-

ское сообщество, которое стояло бы на страже интересов личности и права человека⁸, – пока отсутствует в России.

Серьезной проблемой российской государственности сегодня является высокий уровень коррумпированности госаппарата в целом и судебных органов в частности⁹. Конечно, не все правоохранительные органы и судьи коррумпированы у нас в такой степени, чтобы правосудие стало рядовым предметом купли-продажи, выставленным на витринах магазинов в открытом доступе. Не нужно преувеличивать и красить все черной краской, но проблема эта – очень серьезная и еще достаточно далека от своего удовлетворительного решения. Юридическая профессия всегда сопряжена с этическими проблемами. Есть они и в российской профессиональной среде. Так, например, адвокат оказывает юридическую помощь за деньги людям, не разбирающимся в тонкостях юриспруденции (и соответственно – в объеме трудовых затрат по каждому конкретному делу), и поэтому человек может не получить от него достойной юридической помощи. Последнее может произойти по самым разным причинам, в том числе и по причине «невыгодности» своего дела или по причине нежелания юристов портить отношения с сильными мира сего и прочее. Все это, в конечном счете, ведет к деградации самой юридической профессии, если на этом пути не будет осуществляться надежный этический контроль самого профессионального юридического сообщества, которого у нас пока еще нет, как уже было замечено выше.

Российская правовая система в целом и судебная ее подсистема в частности находятся сегодня под прямым, непосредственным и весьма жестким политическим контролем (это хорошо видно по делу Ходорковского), и последнее время эта зависимость только увеличивается. Правоохранительные органы приватизируются определенными должностными лицами, и даже высшее руководство страны, включая Президента РФ, не в состоянии (либо не желает) навести порядок в этой сфере (дело Магнитского, станица Куцневская и проч.).

Проблемы юридического образования. Феликс Франкфуртер писал: «В конечном счете, какие юристы, такое и право. А право и юристы такие, какими делает их юридическое образо-

⁸ См.: Алексеев С. С. Концептуальное введение // Права человека: энциклопедический словарь. М., 2009. С. 19.

⁹ Интересные отчеты по этому поводу публикует ежегодно организация Transparency International. См., например: Global Corruption Report 2005. Special Focus: Corruption in Construction and Post-conflict Reconstruction. Foreword by Francis Fukuyama. Transparency International, 2005. P. 235–238.

вание»¹⁰. Юридическое образование – так же как и вся правовая культура в целом – испытывает сегодня определенные трудности. Можно отметить, прежде всего, крайне недостаточное финансирование со стороны государства системы образования в целом и высшего образования в частности: преподавательской деятельности, стипендий, подготовки специалистов с ученой степенью, да и всей инфраструктуры образовательной деятельности. Политэлита, весь правящий слой России не считает необходимым финансировать на должном уровне образование и культуру в целом, что приводит к оттоку высококвалифицированных профессорско-преподавательских кадров из системы высшего образования и к резкому сокращению притока туда талантливой молодежи. Формы такого «оттока» самые разные – как прямые, так и косвенные: прямые – когда профессионалы уходят в другие сектора правовой и иной деятельности (в правоохранительные органы и политику, в бизнес и т. д.), и косвенные – когда оставшиеся в образовании кадры вынуждены увеличивать нагрузку до такой степени, что очень трудно обеспечить высокое качество преподавания и необходимое внимание к студентам.

Сегодня в России существуют как государственные, так и негосударственные юридические высшие учебные заведения. Последние позволяют в какой-то мере нейтрализовать кризис юридического образования стране, удовлетворить колоссальный спрос на юридическую профессию в условиях рыночных отношений и в целом выполняют важную миссию в правовой культуре общества (позволяют, например, сохранить в системе юридического образования кадры преподавателей, которым государство платит совершенно неприличную заработную плату; проводят профессиональную правовую подготовку широких масс за их же деньги, что повышает общий уровень правовой культуры в обществе и гражданскую зрелость населения, и т. п.). Хотя и в системе образования тоже есть свои проблемы и трудности, вызываемые как своим собственным ростом, так и, главным образом, желанием государства и чиновничества подзаработать на активно развивающемся секторе народного хозяйства. С приходом В. В. Путина к власти ликвидированы все льготы по налогообложению частных вузов, на них возложены социальные задачи, которые обязано выполнять само государство – финансирование науки, бесплатное обучение социально незащищенных слоев населения и прочее¹¹. Даже сти-

¹⁰ Цит. по: Edwards H. T. The Growing Disjunction Between Legal Education And The Legal Profession // Michigan Law Review. Vol. 91. № 1. 1992. P. 34.

¹¹ В конце 2010 года в Закон «Об образовании» внесен ряд поправок, которыми возвращены определенные льготы, но вступают в силу эти поправки только в 2012 году.

пендии, которые негосударственный вуз платит из своих средств наиболее одаренным студентам, не освобождаются от налога на прибыль, то же самое имеет место и в отношении строительства учебных зданий и корпусов, приобретения дорогостоящей техники (например, компьютерных классов) и прочих инвестиций.

Есть и общие для государственных и частных юридических вузов проблемы: снижается качество преподавания в общеобразовательной школе, не отработана система адаптации выпускников к практической деятельности, технология обучающей деятельности в вузе не обеспечивает необходимых стандартов уровня знаний студентов, поскольку она абсолютно устарела и не соответствует больше реалиям нового информационного общества и т. д. Например, внесение постановлением Правительства РФ по просьбе МГУ в положение об этом вузе правила об отчислении студентов за плагиат хорошо показывает, что даже в ведущем, самом знаменитом и, так сказать, самом первом вузе России никто не понимает, что плагиат возможен только потому, что все методики обучения напрочь устарели. Педагоги МГУ и всех других вузов, где страдают от этой проблемы, не учат студентов пользоваться всем информационным богатством (которое дают нам Интернет и компьютеризация) современного высокотехнологичного общества, не учат студентов решению новых задач новыми методами, когда бы о плагиате никто и говорить не стал, так как он при определенных методиках не имеет для студента никакого учебного смысла, а для преподавания не представляет никакой угрозы. Приведу гипотетический и, возможно, несколько забавный пример, сославшись на Сократа с Платоном. Если бы вдруг Платон «скачал» с Интернета какую-нибудь работу и принес ее своему учителю как свою собственную, разве это помешало бы Сократу, используя свою майевтику и диалектику, обучить Платона философскому дискурсу?! Конечно, не помешало бы! А в следующий раз у Платона просто отпала бы необходимость в подобного рода «отчетности» перед своим учителем. В других же учебных дисциплинах, как мне кажется, еще легче поставить перед обучающимися такие задачи, которые исключают напрочь их тупое списывание-плагиат, т. е. интеллектуальное воровство из сети Интернет. У преподавателей сегодня просто нет времени и возможностей на то, чтобы соответствовать в своем преподавании реалиям времени. Государство не отправляет их (если не считать символических обменов, организованных «самотеком» и в основном за счет денег зарубежных партнеров) на стажировку в зарубежные вузы, где бы можно было перенять опыт решения такой проблемы, и т. д. и т. п.

Однако система российского юридического образования пока еще функционирует, выполняет в определенной мере возложенную

на нее обществом миссию и всеми силами пытается решить свои проблемы, что позволяет с оптимизмом смотреть в будущее российской правовой культуры в целом.

В заключение подчеркну, что наша правовая система и правовая культура находятся сегодня в ситуации перехода от социоцентристского типа к персоноцентристскому, и этот переход еще очень далек от своего завершения (полагаю, что для этого может понадобиться еще примерно полсотни лет), поэтому подводить итоги пока рано, но «сверять часы», рефлексировать по этому поводу надо постоянно.

Применение Конвенции о защите прав человека в судах России: исчерпание внутренних средств правовой защиты

Для понимания проблем применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод на национальном уровне важно, в первую очередь, посмотреть на историю применения норм международного права в России. На протяжении советского периода четыре основных момента характеризовали восприятие международного права советской правовой системой. Во-первых, международные договоры признавались главным источником международного права. Во-вторых, обычное международное право признавалось только частично. Общая позиция правоведов заключалась в том, что признание источниками права обычаев и актов толкования международного права (включая договоры) международными судами не сочеталось с принципом независимости государств, так как суверенная воля государства не обязательно отражается при формулировании обычных норм или постановлений международного трибунала. В-третьих, по причине того же принципа независимости государств приоритет международного права над национальным правом не признавался. В-четвертых, индивиды не рассматривались как носители прав в соответствии с нормами международного права по правам человека и, соответственно, как субъекты международного права. Международное право рассматривалось как отрасль права, регулирующая отношения только между государствами.

Первоначально положения советских конституций и законодательства не регулировали вопросов применения международного права в национальной правовой системе. Конституции содержали положения, устанавливающие, что международная политика должна вестись в соответствии с нормами международного права. В лучшем случае конституционные нормы закрепляли, что полно-

* *Антон Леонидович Бурков* – канд. юр. наук, доцент юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург), д-р юр. наук (Университет Кембриджа), магистр международного права (Университет Эссекса).

мочия по заключению международных договоров с иностранными государствами принадлежали определенному государственному органу. Несколько национальных законов содержали правила, устанавливавшие процедуру ратификации международных договоров, соглашений и конвенций и порядок их опубликования в официальных изданиях.

После Второй мировой войны в законодательстве и в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР начали появляться нормы, касавшиеся разрешения конфликта между национальными законами и международными договорами. Тем не менее определение национального статуса международного права и механизм применения международных норм в национальной правовой системе отсутствовали в конституциях.

В связи с тем, что индивиды не рассматривались в качестве субъектов международного права, не имелось каких-либо национальных актов, позволявших гражданам воспользоваться применением международных норм по правам человека в национальной правовой системе. Признавалось, что внутреннее право было самодостаточным для закрепления гарантий защиты прав человека. Судебная практика применения международных норм по правам человека отсутствовала. Функция обеспечения выполнения международных договорных обязательств принадлежала исполнительным органам власти.

Законодательство не проводило различия между нормами международного права в целом и международными нормами по правам человека. В отличие от международных договоров по правам человека, международные договоры неправозащитного характера применялись национальными судами.

Впервые принцип непосредственного применения норм международного права в сфере защиты прав человека в национальной правовой системе был введен в судебную практику не законодателем, а Комитетом конституционного надзора СССР. Конституционный Суд РСФСР, в свою очередь, широко истолковал положения Конституции РСФСР 1978 г., установив, что нормы международного права подлежат применению непосредственно.

Конституция РФ 1993 г. разрабатывалась под влиянием международных договоров по правам человека, включая тогда еще не ратифицированную Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция). Конституция РФ содержит полный перечень прав человека и положительно отражает принцип применения норм международного права в национальной правовой системе. Конституция закрепила национальный статус всех ратифицированных международных договоров, а также их приоритет над национальным законодательством.

Законодательство признало постановления Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) юридически обязательными для толкования положений Конвенции. Представляется, что список постановлений ограничивался законодателем теми решениями, которые были вынесены по делам, в которых стороной являлась Россия.

Несмотря на то что юридическая доктрина не единогласна по вопросу юридической силы постановлений ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ дал широкое толкование обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ратификации Конвенции, закрепив, что постановления ЕСПЧ (не только вынесенные против России) должны учитываться при применении Конвенции российскими судами.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС) играют особую роль в механизме применения Конвенции. Во-первых, природа ППВС, практика их принятия и исполнения показывают, что они должны признаваться источниками права, актами, содержащими нормы права. Они содержат толкование законов, но часто выходят за пределы толкования, не являются актами правосудия. ППВС – это квазинормативные административные акты, издаваемые судьями, но не в процессе отправления правосудия.

Судьи Верховного Суда близко знакомы с судебной практикой, сложностями, возникающими в области толкования и применения законов. Они лучше всего вооружены для решения проблемы последовательного применения законодательства. В соответствии с традицией континентального права в Российской Федерации, и особенно в соответствии с традициями советского права, где административные органы, еще даже более, чем законодательные, играли важную роль в процессе создания норм права и концепции правоприменения, ППВС как административные нормативные правовые акты являются наиболее подходящей формой актов органов государственной власти для целей единообразного применения законодательства.

Во-вторых, несмотря на то, что законодательство четко не устанавливает обязательный статус ППВС и что до сих пор ведутся научные споры относительно вопроса их обязательной юридической силы, на практике судьи и адвокаты относятся к ППВС как к нормативным правовым актам, как к источнику права. Основания для этого вывода следующие: в условиях континентальной системы права несудебная природа ППВС как нормативных актов является более приемлемой для практикующих юристов, нежели если бы эти нормативные постановления возникли из надзорных, кассационных решений или решений первой инстанции Верховного Суда; содержащиеся в ППВС положения могут изменить содержащиеся в законах нормы права; имеется эффективная система обеспечения применения ППВС, включающая общий надзор

и кассационный контроль за исполнением ППВС нижестоящими судами, а также неблагоприятные последствия для судей, которые не руководствуются положениями ППВС.

Представляется, что фактическое применение положений ППВС нижестоящими судами, невключение ссылки на них в решениях, за некоторыми исключениями, следует установить Верховного Суда. Это превращает ППВС в «скрытый» источник права, эффективный для целей обеспечения единообразного толкования законодательства национальными судами и, более того, часто изменяющий нормы законодательства.

Пленум Верховного Суда РФ принял ряд постановлений, которые касаются применения Конвенции российскими судами. ППВС могут быть использованы как инструмент для улучшения применения в судебной практике гарантий прав человека, закрепленных в Конвенции. Анализ судебной практики показал ситуацию с применением Конвенции судами, а также позволил ответить на вопрос, являются ли ППВС на сегодняшний день эффективным средством для применения Конвенции в практике российских судов.

Конституционный Суд относительно регулярно обращается к практике ЕСПЧ с тем, чтобы уяснить смысл того или иного положения Конвенции, чтобы установить содержание прав граждан, закрепленных в Конституции РФ.

Невозможно говорить, что Конвенция не применяется в практике судов общей юрисдикции. Тем не менее объем и качество применения не достигли того уровня, который можно ожидать в правовой системе государства, присоединившегося к Уставу Совета Европы 14 лет назад и ратифицировавшего Конвенцию 12 лет назад. Количество системных нарушений, установленных ЕСПЧ по делам против России, демонстрирует недостаточный уровень и объем применения Конвенции.

В большинстве дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, гражданских дел о признании неэффективности проведения расследования убийств, пыток и исчезновений, а также по многим другим категориям дел Конвенция может служить серьезным правовым основанием требований по делу, в то время как национальное законодательство и практика его применения не всегда предоставляют стороне адекватную и достаточную защиту, соответствующую стандартам Конвенции.

Верховный Суд РФ не применяет Конвенцию с какой-либо степенью регулярности и компетентности. Эта ситуация имеет место, несмотря на то что в 2003 г. Пленум Верховного Суда РФ направил нижестоящим судам специальное постановление о применении норм международного права. Практика Верховного Суда РФ значительно не изменилась. Верховный Суд РФ начал применять прак-

тику ЕСПЧ после 2003 г., но делает это редко, со многими ошибками и выборочно. Часто Верховный Суд РФ игнорирует ходатайства сторон о применении Конвенции или не дает существенных оснований для отказа в применении Конвенции. Сложилась ситуация, в которой высший орган судебной власти, издав специальное разъясняющее постановление, обязывающее нижестоящие суды применять Конвенцию как она понимается в практике ЕСПЧ, не следует этому постановлению в своей собственной практике.

Практика районных судов показывает порой лучшее восприятие Конвенции. Имеются основания полагать, что редкие случаи применения Конвенции районными судами состоялись по инициативе сторон, чьи аргументы были основаны на Конвенции и постановлениях ЕСПЧ, нежели по инициативе судов.

Судьи районных судов, как правило, не обладают знаниями и опытом применения Конвенции. Чем чаще судья сталкивается с представленными стороной аргументами, основанными на Конвенции и практике ЕСПЧ, тем вероятнее судья применит принципы Конвенции.

Зачастую судьи сознательно игнорируют представляемые сторонами конвенционные аргументы и практику ЕСПЧ или просто пишут в решениях, что Конвенция неприменима по такому-то делу, не подтверждая сделанный вывод юридическим анализом фактов, аргументов. Есть случаи, когда для аргументации неприменения Конвенции и практики ЕСПЧ судьи неправильно осуществляют принцип применения прецедента или подменяют предмет спора по делу. Как и до Конституции РФ 1993 г., суды продолжают с большей готовностью применять международные договоры неправозащитного характера, чем Конвенцию.

Неуказание в ППВС названий постановлений ЕСПЧ приводит к тому, что суды не отражают в своих решениях названия дел ЕСПЧ. Правовая позиция Верховного Суда РФ о юридической силе практики ЕСПЧ только принятых в отношении России приводит к тому, что судьи отказывают в применении правовых позиций из постановлений ЕСПЧ, принятых против других государств. Есть случаи отказа применения постановлений ЕСПЧ, принятых до 5 мая 1998 г., на том основании, что Россия ратифицировала Конвенцию только 5 мая 1998 г. и в отношении России обязательную силу имеют только постановления и решения ЕСПЧ, принятые после указанного срока.

Главным препятствием для применения Конвенции является отсутствие заинтересованности и незнание Конвенции. Попытки обучить юристов применению Конвенции, за редким исключением дел по диффамации, неэффективны в связи с отсутствием заинтересованности. В частности, это связано с отсутствием направля-

емых нижестоящим судам регулярных требований кассационной и надзорной инстанций Верховного Суда РФ применять Конвенцию. Адвокаты не склонны строить свои позиции на основании Конвенции, потому что они уверены в непродуктивности такого способа ведения дел. Юристы общественных организаций добились успехов в применении Конвенции в связи с тем, что в отличие от услуг адвокатов целью ведения дел юристами общественных организаций является не только помощь конкретному клиенту, но и решение более глобальных юридических проблем.

Отсутствие заинтересованности в применении Конвенции создает «замкнутый круг» и подрывает попытки поднятия уровня знаний Конвенции и практики ЕСПЧ. Есть две возможности разорвать замкнутый круг: с помощью инициативы снизу (адвокаты и юристы, ведущие дела в суде) и сверху (Верховный Суд РФ). Адвокаты и судьи будут использовать Конвенцию, только когда Верховный Суд поддержит данную инициативу. Общественные организации, добившиеся определенных успехов в этой области, недостаточно влиятельны, чтобы кардинально изменить ситуацию и сделать практику применения Конвенции устойчивой по всей стране.

Так как очевидна зависимость нижестоящих судов от инструкций вышестоящих, Верховный Суд РФ несет ответственность за практику применения Конвенции в решениях нижестоящих судов. Для повышения заинтересованности в изучении и применении Конвенции должны быть более энергично использованы ППВС. Они должны быть значительно более подробными, а определения кассационных и надзорных инстанций должны быть чаще основаны на Конвенции, должно быть больше случаев отмены решений в связи с неприменением Конвенции. Это будет стимулировать юристов к изучению Конвенции и ее толкованию, а также окажет позитивное влияние на преподавание Конвенции на юридических факультетах.

Российский законодатель до сих пор не определил место постановлений ЕСПЧ в правовой системе. Теоретически все понятно, все закреплено в Конвенции и законодательстве. Фактически, так как практика ЕСПЧ зафиксирована на английском и французском языках, а российские юристы говорят и отправляют правосудие на русском языке, эти документы должны быть «русифицированы», «легализованы» определенным актом правительства.

Интервью с судьями и практикующими в судах юристами подсказывают, что такими актами могут быть ППВС, являющиеся самыми оперативными и имеющие более серьезное влияние на правоприменение, чем какие-либо другие нормативные акты.

Только судебный корпус может изменить судебную практику, сформулировать процедуры для изменения судебной практики.

Пленум Верховного Суда РФ 2003 г. внес определенный вклад в развитие восприятия Конвенции среди нижестоящих судов. Отныне ППВС могут служить эффективным инструментом и должны быть использованы шире для поднятия уровня применения гарантий прав Конвенции в решениях национальных судов. Для этой цели содержание ППВС должно быть изменено. Анализ ППВС, которые в той или иной степени затрагивают вопросы применения Конвенции в российских судах, показывает, что их качество не вполне удовлетворительно для успешного применения Конвенции в судах.

Во-первых, этот вывод подтверждается проведенными интервью с судьями и практикующими в судах юристами, а также общим направлением принятия ППВС. Хронологически первое постановление Пленума Верховного Суда РФ, включавшее положения, оказывающие помощь для применения Конвенции в судах, появилось лишь в 2003 году, т. е. спустя семь с половиной лет после вступления России в Совет Европы и пять с половиной лет после ратификации Конвенции.

Во-вторых, содержание ППВС с трудом сможет внести значимый вклад в решение проблемы применения Конвенции. В большинстве случаев ППВС, указывая, что определенные действия органов власти могут нарушать Конвенцию, просто указывают или номер статьи Конвенции, или копируют текст статьи Конвенции. И в редких случаях, когда в ППВС изложены правовые принципы конкретной статьи Конвенции, они не составляют полный перечень принципов этой статьи. Частично это объясняется тем фактом, что ППВС содержат принципы, примененные ЕСПЧ по делам в отношении России, что само по себе является другим недостатком постановлений Пленума. При разъяснении правовых принципов ЕСПЧ Пленум Верховного Суда РФ не ссылается на конкретные постановления ЕСПЧ. Это затрудняет понимание конкретных правил применения данных принципов, а также препятствует выяснению более подробных деталей этих принципов в практике ЕСПЧ, что является необходимым для правильного применения прецедентов.

И последнее. Пленум Верховного Суда РФ медленно следует своим собственным разъяснениям п. 19 ППВС 2003 г. – дополнять постановления Пленума Верховного Суда РФ в области конкретной отрасли права разъяснениями правовых положений Конвенции. До сегодняшнего дня многие принципы Конвенции не были разъяснены в ППВС, несмотря на то что эти принципы были применены в делах ЕСПЧ против России.

Но будем оптимистичны. Соединенному Королевству потребовалось около 50 лет, чтобы инкорпорировать Конвенцию. Российская Федерация предприняла позитивные шаги в первые десять лет членства в Совете Европы. Конституция РФ 1993 г. содержит

полный каталог прав человека, а также принцип непосредственного применения норм международного права в национальной правовой системе. Законодатель повторяет положения Конституции РФ и развивает их, признавая постановления ЕСПЧ юридически обязательными в целях толкования положений Конвенции. Есть положительные сигналы, показывающие, что практика судов медленно меняется, судьи начинают применять Конвенцию, как она понимается в практике ЕСПЧ. Остается напомнить всем органам, включая судебные, о необходимости вносить свой вклад в исполнение обязательств по ст. 1 Конвенции.

Идея неразвитости византийско-славянской государственности в научной и учебной литературе

В изучении славянского правового наследия значительную роль сыграл исторический труд Вацлава Александра Мацеевского (Maciejowski), польского историка права, а именно 6-томная сравнительная история славянских прав (1858–1865). Находясь под влиянием исторической школы права (Савиньи, Пухта) и учения Гегеля о «мировом духе», В. Мацеевский имел своей задачей выявление «правовой идеи, заложенной в племенном духе славянства», под которой он понял «здружно-общинный быт», т. е. коллективизм, так как для славян якобы «не характерно общественное неравенство феодализма».

Исходя из базовой идеи славянского «коллективизма», В. Мацеевский разрабатывает теорию «двух типов сословной государственности» у славян. Поделив всех славян на «католических» и «православных», польский ученый называет «королевства» и «царства» как две формы славянской государственности. В католических «королевствах» государственная власть находится в руках «шляхетского земства», на основании привилегий, даруемых королевской властью, что означает «соучастие высшего привилегированного сословия в государственной власти», а именно участие в борьбе за власть и за влияние на государственную власть, в православных же «царствах», управляемых «двором» государя, шляхта низведена до положения простого народа, так как православные славяне «не полагали привилегий в основу своего государственного строительства».

Рассуждения Мацеевского напоминают упрощенную гегелевскую схему четырех «всемирно-исторических миров» с соответствующими им типичными формами государственного правления: восточный – деспотизм; греческий – демократия; римский – аристократия; германский – конституционная монархия: «Восток знал и знает только то, что один свободен, греческий и римский мир знает, что некоторые свободны, германский мир знает, что все свободны».

* *Сергей Яковлевич Гаген* – канд. юр. наук, канд. ист. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Польский историк права Ф. Зигель [1914], резко критикуя работы Мацеевского как устаревшие, все же воспроизводит схему своего коллеги без ссылки на последнего. Правда, Ф. Зигель расширяет схему Мацеевского, созданную для славянской государственности, на всю историю Европы, полагая, что на Западе граждане, участвуя во власти, наделяются правами, а «византийский цезаризм» означает всеобщее рабство, которое, правда, находит свое объяснение в необходимости противостоять внешним вторжениям.

Марксистское византиноведение в СССР начинается с 1939 г. в контексте общего идеологического поворота к национализму в предвоенные годы. Интересно, что советское византиноведение воспроизводит немудреную схему Мацеевского–Зигеля, восходящую к Гегелю. Так, в 1967 г. в коллективной монографии «История Византии» читаем: «идеологи византийского государства провозглашали номинальное равенство всех граждан империи только для того, чтобы превратить его в равенство подданных, в бесправное равенство перед лицом всевластного господина – императора». Далее следует прославление «запада», подразумеваемая, что Византия, естественно, «незапад» (ибо православие есть «незапад»): «Эта политическая теория (равенство всех перед законом. – С. Г.) опять-таки коренным образом отличалась от правосознания, господствовавшего на Западе, где государь выступал лишь как «первый среди пэров» и где, следовательно, разграничение проводилось не между сувереном и подданным, а между феодалом и податным сословием». Наряду с европоцентризмом, диссидентский намек на брежневский СССР в этом высказывании несомненен, что-де византийские императоры, как и правители СССР, только «провозглашали» принцип равенства, но не думали его выполнять. Приведенное суждение надо понимать так, что если в Византии и было равенство всех перед законом, то в действительности это было рабство, а в Европе равенство не было декларировано, но существовало фактически.

«Схема Мацеевского–Зигеля» известна и на Западе. Является она в идее Макса Вебера о «литургическом», или «служебном государстве», в котором подданные исключительно рабы царя или бога. В западной византинистике указанная схема также воспроизводится без указания на ее создателей (хотя, наверное, можно было бы упомянуть Гегеля или Вебера): «Византийское право и общество унаследовали четко обозначенное различие между рабами и свободными. Юридически все свободные, будь то родственники императора, имперские чиновники, члены сената или «простые люди», были рабами или слугами правителя и подчинялись той же самой правовой системе безотносительно своего социального статуса или своей связи с ним», а далее автор пространно рассуждает о том, что равенство всех перед законом в Византии

фактически означало невозможность развития там гражданского общества [Jacoby 1973].

Получается, что Византия единодушно осуждалась советскими и зарубежными учеными именно за то, что последовательно и неуклонно реализовывала принцип равенства всех перед законом, о котором средневековый Запад не имел ни малейшего понятия, т. е. «прогрессивность» Запада по какой-то извращенной логике выводится из того факта, что там отсутствовал принцип равенства всех перед законом.

Византийский принцип «равенства перед законом» не единственный, который смущает западных и марксистских исследователей. В частности «недоумение» западных исследователей в начале XX в. вызвал принцип «законности правления», изложенный в законнике сербского царя Стефана Душана в 1349 г., который означает «наделение суда правом испытания закономерности царских указов» [Тарановский 1928]. Это «недоумение» Ф. Тарановский объясняет «предвзятым мнением о византийском деспотизме», которое де уже было опровергнуто опубликованными в начале XX в. исследованиями. В разгоревшейся полемике западные ученые пытались отрицать заимствование принципа «подзаконности власти» из византийского права, указывая различные западные источники, хотя впервые на Западе данный принцип появляется в Венгрии в 1471 г., да и туда он попадает, скорее всего, из славянско-византийских правовых источников.

Проблема «византийской иллюзии превосходства» существует до сих пор, и уже современный отечественный исследователь делает следующее принципиальное заявление: «Впечатление о социально-экономических приоритетах Византии по сравнению с Западом – иллюзорно... Византийская империя – это общество, которое во многих проявлениях принадлежало к типу древних империй, тогда как на Западе в эпоху Средневековья шла борьба за установление гражданского общества» [Хвостова 2005]. Опять повторяется полуторастолетняя «схема Мацеевского–Зигеля».

В этой связи понятно, почему современный стандартный учебник «Истории государства и права зарубежных стран» в 2010 г. информирует будущих юристов о том, что Византия была «объективным тормозом, мешавшим прогрессивному развитию народов», которые имели несчастье попасть под ее культурное влияние.

Получается, что ни развитие науки, ни смены политического режима в России никак не влияют на отрицательную оценку Византии, а через нее и православной формы сословной государственности. Даже очевидные факты превосходства византийско-правового наследия над западным на уровне провозглашенных правовых принципов истолковываются как «иллюзия». Идеологическая позиция «европоцентризма» навязывается будущим юристам через современную учебную литературу.

С. И. Глушкова*

Права человека в постсоветской России: проблемы развития и кризисные явления

20 лет постсоветской России стали для ее граждан временем трудных экспериментов, которые зачастую в социальной и экономической сфере превращались в борьбу за выживание. Для государства этот же период был временем укрепления новой постсоветской имперской идеологии, усиления позиций новой партийной бюрократии, ради чего зачастую ущемлялись прежде всего политические права и свободы, касающиеся выборов губернаторов и других аспектов избирательных прав, а также право на участие в управлении делами общества и государством. Можно согласиться в связи с этим с В. Н. Синюковым, утверждающим: «После 20 лет политических реформ российская демократия находится в путях политической конъюнктуры и далека еще от того, чтобы стать продуктивным общенациональным институтом правовой культуры... Глубинный тормоз на этом пути, служащий питательной почвой для всевозможных клановых захватов, – это политический, социальный, информационный и духовный монополизм»¹.

Анализируя 20-летний опыт правового развития России в области прав человека, необходимо отметить, что важными вехами и достижениями российской демократии стали прежде всего: 1) принятие демократической Конституции РФ в 1993 г.; 2) вступление в Совет Европы в 1996 г. и ратификация основных европейских конвенций с 1998 г. по настоящее время; 3) предоставление не только гражданам РФ, но и всем лицам, находящимся под юрисдикцией РФ, права обращаться в Европейский суд по правам человека с жалобами на нарушение прав и свобод (закрепленных в Европейской конвенции о защите прав и основных свобод) (1998 г.); 4) демократизация и совершенствование постсоветского законодательства, которые происходят уже 20 лет и предела которых в ближайшее время не видно; 5) учреждение институтов прав человека, прежде всего, Уполномоченного по правам человека в РФ (1996 г.); 6) пере-

* *Светлана Игоревна Глушкова* – д-р полит. наук, профессор, завкафедрой прав человека, замдекана юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. С. 317–318.

ход российской правовой системы и правовой культуры к новому ее типу – персонификационизму², и др.

Однако о положительных последствиях 20-летнего опыта правового развития, в частности правовых реформах, написано и сказано достаточно много, а о кризисных явлениях и проблемах, путях дальнейшего правового развития России, к сожалению, мы не всегда можем прочесть в современных монографиях, учебниках и сборниках статей; в частности, не всегда удается узнать мнение их авторов о том, как дальше развиваться России. Общество и государство в России нуждаются в политической, социальной, правовой и экономической модернизации (которая проводится пока достаточно медленно и осторожно, под четким государственным контролем), но эффективность ее зависит от факторов, которые пока мало и слабо учитываются:

- привлечение в процессы модернизации граждан и предоставление им возможностей для реализации конституционного права на участие в управлении делами общества и государства;
- разработка и реализация инновационных программ не только усилиями государственной бюрократии, но и всеми субъектами – участниками программы модернизации в политической либо в социально-экономической или в правовой сфере;
- предоставление условий и возможностей для полной реализации гражданами экономических, политических, социальных и гражданских свобод, прежде всего интеллектуальной свободы;
- снижение и ослабление государственного вмешательства и государственного контроля над всеми сферами общественной и частной жизни граждан.

Среди кризисных явлений в области реализации прав человека в Российской Федерации надо отметить следующие:

1) институт разделения властей – как один из ведущих инструментов политической модернизации, как индикатор подлинной демократии – часто функционирует с явными сбоями, в частности, как отмечает В. В. Смирнов, оценивая прежде всего период президентства В. В. Путина, «ни одна ветвь власти – ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная – не является самостоятельной во взаимоотношениях с президентом... В еще большей зависимости от властей находятся иные федеральные суды и суды субъектов РФ, а также суды общей и специальной юрисдикции»³.

² См.: Семитко А. П. Концептуальное введение // Права человека: энциклопедический словарь. М., 2009. С. 25–41.

³ Смирнов В. В. Права человека в России: содействие или препятствие политической модернизации? // Публичная политика–2009: сборник статей. СПб., 2010. С. 166.

Все это и многое другое (в частности, коррумпированность государственной бюрократии) прямо или косвенно продолжает содействовать фактам неправосудных действий со стороны судей, порождает неверие граждан в справедливость судебной защиты;

2) ограничение ряда прав и свобод граждан, в частности важного – для правовой и экономической, политической и социальной модернизации – права на участие в управлении делами общества и государства;

3) формирование устойчивого стереотипа, что нарушение прав человека является естественным состоянием общества в международном масштабе и вехах истории. Как отмечает М. П. Белоусова (по результатам социологического исследования представлений о правах человека федеральных и региональных элит, проведенного по гранту Президента РФ), для региональной элиты это нарушение – «элемент рутины, неотъемлемые издержки российской жизни. А с точки зрения федеральной элиты риторика прав человека привнесена “западными миссионерами” извне и неорганична для российской культурной традиции...» Представители федеральной элиты «чувствуют себя игроками “другой” лиги, играющими на “другом” поле и по “другим” правилам. Они смотрят на права человека с позиции стороннего наблюдателя». Автор приводит очень хлесткую и жесткую характеристику правам человека, которая прозвучала в одном из интервью представителя федеральной элиты: «такой словесный оборот, как права человека, который появился у нас с ельцинской группой вместе, сначала вызывал интерес, а потом, когда это стало слишком навязчиво, оно объединилось с образом Новодворской и стало изжогой, если честно»⁴.

Причины возникновения и распространенности такого стереотипа различны в отдельных социальных группах, среди представителей разных национальных меньшинств и титульных наций, однако суть это не меняет;

4) утверждение четкой и устойчивой связи, доходящее до отождествления, между защитниками прав человека и политической оппозицией, что вызывает неприятие тех и других представителями государственной бюрократии. Как верно отмечает в связи с этим Уполномоченный по права человека в РФ В. П. Лукин: властям следует понимать, что между ними – защитниками прав человека и политической оппозицией – имеется существенная разница. «Понимание этой фундаментальной истины зачастую нелегко дается в странах развивающейся демократии, в том числе и в России». Поэтому, видимо, в СМИ постоянно мелькают такие аб-

⁴ Цит. по: Белоусова М. П. Права человека в представлениях граждан и элит России // Публичная политика–2009: сб. статей. СПб., 2010. С. 175.

сурдные клише, как «оппозиционные правозащитники» и «лояльные правозащитники». Хотя некоторые правозащитники дают повод для этого «двойного абсурда, так как зачастую переходят ту грань, которая отделяет борьбу за права человека от политической борьбы против государства». Выход, по мнению российского омбудсмена, очевиден – «строго и повсеместно, без скидок на политическую конъюнктуру исполнять Конституцию РФ»⁵;

5) «беззащитность представителей любых социальных групп от произвола и немотивированного насилия правоохранительных органов», о чем свидетельствует в своем докладе за 2010 год Уполномоченный по правам человека Свердловской области Т. Г. Мерзлякова. Надежды на изменение ситуации связываются многими сегодня с новым федеральным законом «О полиции». Важно, как верно отмечает Т. Г. Мерзлякова, чтобы «“правильная” статистика в деятельности правоохранительных органов не затмила честь, достоинство и репутацию»⁶.

Эти и многие другие кризисные явления в области прав человека свидетельствуют о глубоких противоречиях в государственной и региональной правовой политике, о кризисе новой российской демократии, о необходимости гуманизации современной политики и стратегии модернизации, о принятии в качестве одного из важных ее приоритетов принципа правовой безопасности и защищенности каждого человека в российском обществе и государстве.

Оправдали ли 20 лет реформ в постсоветской России наши ожидания? Насколько позитивными и эффективными оказались их последствия для россиян? В этом отношении важен анализ перехода к демократии постсоветской России, который делает С. С. Алексеев, утверждая: «ошибочно рассматривать переход человечества от традиционных к демократическим цивилизациям в качестве общего и непрерывного потока позитивных перемен, который осложняется некоторыми “издержками”. Процессы современного мира намного сложнее. В реальной жизни сохраняются, ранимируются рудименты древних эпох, в вариантах авторитарного или тоталитарного типов, которые прикрываются “внешне современными, казалось бы, передовыми юридическими институтами”». Новая эпоха породила такие явления негативного характера, как «восприятие людьми свободы как состояния вольницы, ... новый всплеск магии власти, и простор для вспышек этнических и сепаратистских страстей, стремление утвердить свои идеалы и ответить на погранные

⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год. М., 2009. С. 7.

⁶ Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека Свердловской области. 2010. Екатеринбург, 2011. С. 5.

права насилием, террором. Отсюда – нарастающие стремления овладеть путем насилия собственностью и властью»⁷.

В современных условиях важно четко определять статус, роль, значение права и прав человека в жизни общества и государства. Что это – инструмент управления или взаимодействия общества и государства либо решения конфликтов, или же это гуманистическая ценность? Несомненно, прав С. С. Алексеев, считающий, что право (а современное право он называет правом человека) является «убежищем для человека». Оно призвано уберечь человека от государственного произвола, государственного террора, своеволия и бесчинства чиновников⁸.

Среди актуальных проблем развития прав человека в современной России, оценивая 20 лет ее правового развития, можно отметить сегодня такие, как:

1) недостаточно стремительное создание одного из ведущих институтов прав человека – региональных уполномоченных по правам человека. Данный институт, спустя 23 года после провозглашения в демократической Конституции РФ 1993 г. необходимости создания российского омбудсмена, не функционирует пока в каждом субъекте РФ, действует только в 55-ти. При этом первым субъектом РФ, в котором был учрежден институт регионального омбудсмена, стала Свердловская область (первым омбудсманом был В. Машков); можно согласиться с Н. Ф. Лукашовой, Уполномоченным по правам человека в Саратовской области, которая считает целесообразным принятие в настоящее время федерального закона «Об Уполномоченном по правам человека в субъекте РФ» и закрепление в нем основополагающих начал деятельности регионального омбудсмена⁹;

2) отсутствие федерального закона об Уполномоченном по правам ребенка. На уровне Российской Федерации действует Уполномоченный по правам ребенка при Президенте РФ П. Астахов, примерно в 30-ти субъектах РФ существует этот институт. Так, в Свердловской области с конца 2009 г. до конца 2010 г. действовала Уполномоченный по правам ребенка при Губернаторе Свердловской области Н. Уланова, в настоящее время депутатами област-

⁷ Алексеев С. С. Концептуальное введение // Права человека: энциклопедический словарь. М., 2009. С. 23.

⁸ Там же. С. 21.

⁹ См.: Лукашова Н. Ф. Взаимодействие Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации с органами государственной власти и другими структурами в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект. Автореф. на соискание ученой степени к. ю. н. Саратов, 2011. С. 14.

ного парламента Уполномоченным по правам ребенка Свердловской области в соответствии с новым областным законом о региональном омбудсмане избран П. Мороков;

3) отсутствие федерального закона об ювенальной юстиции, хотя эксперимент по созданию и развитию юстиции для несовершеннолетних уже идет несколько лет в ряде субъектов РФ;

4) слабое обеспечение правовой безопасности и защищенности каждого человека, особенно в условиях постоянной террористической угрозы в мире в целом и в России в частности.

Эти и многие другие проблемы в сфере прав человека характерны либо только для постсоветского пространства СНГ, либо для всех развивающихся демократий современного мира, либо исключительно для России. При их решении важно и нужно учитывать ряд составляющих, в частности: 1) обеспечение и защита верховенства права, и права человека прежде всего, как «убежища для человека» (С. С. Алексеев); 2) рациональное использование опыта решения тех или иных проблем развитыми европейскими странами, исключая прямое и слепое копирование без учета национальных традиций и уровня политической и правовой культуры граждан; 3) привлечение к решению проблем общественности, проведение широких общественных слушаний-дебатов по новым законопроектам и, в целом, по совершенствованию действующего законодательства; 4) создание общественных, наблюдательных советов, комиссий при региональных органах законодательной, исполнительной и судебной власти.

А. В. Деменева*

Исполнение Россией обязательств по ст. 1 и 46 Конвенции о защите прав человека как путь к эффективности Конвенции в национальной правовой системе

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция) была ратифицирована Российской Федерацией 5 мая 1998 г. Практика вынесения Судом постановлений по существу дела в отношении России началась в 2002 г. Учитывая значительное количество постановлений Суда о нарушении со стороны Российской Федерации норм Конвенции и характер установленных нарушений, на нынешнем этапе анализ постановлений Европейского суда по правам человека должен проводиться не только для уяснения правовой позиции Суда о допущенных нарушениях, но и для определения содержания последствий, которые влечет каждое постановление, а также для подготовки предложений о мерах, которые Россия обязана принять в результате установления нарушения прав человека и для выполнения общих обязательств по Конвенции – обеспечивать права и свободы, ею гарантированные.

Юридические последствия постановлений ЕСПЧ могут быть определены как изменения в правовой системе государств-участников Конвенции, которые происходят или должны происходить в результате вынесения Европейским судом по правам человека постановлений и последующей реализации государствами своих обязательств, возникающих из Конвенции и постановлений Суда. Целью таких изменений является формирование единых для Европы правовых стандартов обеспечения и защиты прав человека и их имплементация во внутреннем правопорядке государств. В свете этого следует комплексно рассматривать обязательства России, возникающие из постановлений ЕСПЧ, в которых Россия является стороной по делу, а также их взаимосвязь с обязательствами, воз-

* *Анна Валентиновна Деменева* – канд. юр. наук, консультант Аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области (г. Екатеринбург).

никающими у государства в силу ст. 1 Конвенции, – обеспечивать каждому, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, гарантированные Конвенцией.

Действие принципа добросовестного выполнения государством своих международных обязательств обеспечивается при реализации Конвенции в рамках двух основных направлений.

С одной стороны, Европейский суд по правам человека является элементом механизма контроля за исполнением государством своих обязательств по Конвенции: ст. 46 Конвенции содержит требование об обязательности постановления Европейского суда для государства – стороны по делу. С другой стороны, выполнение государством обязательств, предусмотренных ст. 1 Конвенции, – обеспечивать гарантированные ею права и свободы во внутреннем правопорядке государств – предполагает ориентирование практики и законодательства государства на толкование Конвенции, даваемое Судом.

Постановление ЕСПЧ влечет юридические последствия для сторон по делу как акт применения права в конкретном деле (меры исполнения постановления). При этом правовые позиции, которые содержатся в постановлении Суда и представляют собой результат толкования Конвенции, дают потенциальный ориентир, как будут рассмотрены аналогичные дела и в отношении других государств-участников. В этом смысле велика роль правовых позиций в формировании потенциальных последствий постановления для государств, не являющихся стороной по делу. Существование правовых позиций ЕСПЧ отражает общую цель Конвенции – сформировать единые минимальные стандарты обеспечения и защиты прав человека для всех государств-участников.

Установленная Конвенцией система исполнения государством-ответчиком постановлений Суда полностью отвечает принципу субсидиарности средств международной защиты. Особенности содержания постановлений ЕСПЧ состоят в том, что в тексте постановлений нет прямого указания на меры, которые государство обязано предпринять для исправления ситуации, а также отсутствует упоминание конкретных государственных органов и должностных лиц, от которых требуется предпринять активные действия. Государство призвано самостоятельно определить меры индивидуального и общего характера для восстановления прав заявителя и предотвращения подобных ситуаций в будущем, а Комитет Министров Совета Европы контролирует результативность предпринятых мер.

Разграничение правовых последствий постановлений Суда для стороны конкретного дела и потенциальных правовых последствий для иных государств – участников Конвенции позволяет рассмат-

ривать национальное применение Конвенции и правовых позиций Суда в двух аспектах. Применение правовых позиций Суда из дел в отношении данного государства есть правовое последствие для стороны по делу (общая мера исполнения). Применение правовых позиций Суда по делам в отношении других государств – это правовое последствие постановления для государств, не являющихся стороной по делу, связанное с обязательствами государства по ст. 1 Конвенции – обеспечивать каждому права и свободы, гарантированные Конвенцией.

Наибольшая эффективность в сфере исполнения государством своих международных обязательств по Конвенции достигается при реализации двух обозначенных видов юридических последствий постановлений Суда для России: и при принятии мер исполнения по конкретным делам, и при регулярном ориентировании деятельности всех своих органов на правовые позиции Суда в рамках национального правоприменительного и законодательного процессов. Для эффективного выполнения государством своих обязательств, возникающих в результате вынесения постановления Суда о нарушении Конвенции, система мер реагирования на установленное нарушение должна быть четко законодательно регламентирована на национальном уровне.

Негативное влияние на эффективность национального механизма реализации Конвенции оказывает отсутствие в России системы реализации ответственности должностных лиц за нарушение прав, гарантированных Конвенцией. В результате этого констатация международным органом нарушения прав человека со стороны государства не трансформируется внутри государства в публично-правовые санкции для конкретных лиц, чьи действия или бездействие привели к нарушению прав заявителя либо неустранению этих нарушений внутри государства. Введение в России мер ответственности для должностных лиц как правового последствия признания Судом факта нарушения Конвенции призвано обеспечить связь конвенционного механизма реализации норм Конвенции с национальным механизмом и тем самым обеспечить превенцию возможных нарушений.

Исследование состояния национального нормативного регулирования в сфере определения мер по исполнению постановлений ЕСПЧ и анализ уже предпринятых Россией мер позволяют сделать вывод о необходимости формирования в российском законодательстве и практике системной концепции, объединяющей нормативные и институционные средства: через исполнение постановлений Суда и национальное применение норм Конвенции.

С целью создания в России эффективного национального механизма выполнения международных обязательств по защите и

обеспечению прав человека предлагается принятие Федерального закона «Об исполнении Российской Федерацией обязательств, возникающих из Конвенции о защите прав человека и основных свобод и из постановлений Европейского суда по правам человека», в котором необходимо отразить следующие аспекты, требующие регулирования:

- описание перечня и процедуры реализации мер индивидуального и общего характера по исполнению постановлений Европейского суда с указанием субъектов исполнения;
- определение порядка опубликования постановлений Европейского суда, вынесенных в отношении России, в «Российской газете» в течение месяца с момента, когда постановление стало окончательным;
- закрепление обязанности всех субъектов правоприменительного процесса по применению национального законодательства в соответствии с нормами Конвенции, исходя из их толкования в правовых позициях Европейского суда;
- детализацию процедуры контроля за исполнением государственных органами обязательств, возникающих из постановлений Суда, со стороны Уполномоченного РФ при Европейском суде по правам человека;
- установление порядка реализации административной и дисциплинарной ответственности для должностных лиц, виновных в допущении и неустранении на национальном уровне нарушений Конвенции, установленных Европейским судом по правам человека.

*И. В. Демидова**

Особенности становления правовой культуры в России в условиях социально-экономической и политической трансформации

Особый интерес ученых и самых разных экспертов к состоянию правосознания и поведения россиян вызван достаточно высоким уровнем криминализации российского общества. Определению условий, их специфики, характера и устойчивых тенденций в данной сфере посвящены различные исследования, включая и наши.

Общий срез показал, что становление правовой культуры гражданского типа идет крайне сложно, болезненно в условиях социально-экономической и политической трансформации, включая и деформацию поведенческих практик, вплоть до асоциальных. Социальная модернизация, утверждение гражданских стандартов в определяющих областях жизни общества с опорой на право – единственный путь к декриминализации российского общественного устройства.

Наблюдаемый нами сегодня крайне сложный процесс становления правовой культуры гражданского типа в России, которая может формироваться лишь в связи с утверждением во всех сферах жизни прав граждан, должен включать:

1. Осознание субъектом собственного права как самостоятельной ценности.
2. Признание права другого в качестве такой же самостоятельной ценности.
3. Соблюдение законодательной нормы, гарантирующей равенство этих прав в обществе
4. Уважение закона, как гражданами, так и самим государством.

Достичь этого невозможно без близости системы жизненных ценностей самого человека, его семьи, общества и государства, в котором они живут. В связи с этим, хотелось бы сравнить некоторые результаты исследований, проведенных в 1998 и 2009 гг. научным центром при юридическом факультете ННГУ им. Лобачевского и

* *Ирина Вячеславовна Демидова* – научный сотрудник Нижегородского отдела Ин-та социологии РАН (г. Н. Новгород).

Нижегородским отделом Института социологии РАН. Так, на вопрос «Как бы Вы оценили степень близости системы жизненных ценностей, господствующих в Вашей семье и в обществе в целом?» в 1998 году только 3 % жителей Н.Новгорода ответили, что они полностью совпадают. 26 % считали, что они достаточно близки между собой, но каждый третий видел «весьма ощутимую» разницу. Для 18 % эта разница была «очень большая». Группа респондентов, указавших, что это совершенно «разные системы жизненных ценностей», составляла тогда 18,4 %. Очевидно, что десять лет назад чувство единения ощущали около трети нижегородцев, для большинства же оно было чужим. Результаты исследования 2009 г. показали, что наметившийся процесс некоторого сближения позиций стал наткаться на барьер «экономического кризиса», особенно при существенном сохранении социального раскола российского общества на богатых и бедных. При этом сегодня почти 40 % участников опроса уже не считают общество враждебным для себя и своих детей, но каждый третий полагает, что разница еще пока весьма ощутима.

Правоотношения гражданина и государства здесь играют одну из ключевых ролей. Российское общество еще только осознает или не осознает свои права, принимает или не принимает «новые правила игры». Поэтому законодательство часто «примеряется» на себя, порой, на свои финансовые возможности. Исследования последних лет показывают, что осознание субъектом своего места в правовом поле далеко не всегда совпадает с его уважением к правам и свободам другого гражданина. Пока лишь с уверенностью можно говорить, что понимание собственного права и желание его отстаивать исключительно по закону существует у меньшей части россиян.

Различная мотивация каждого третьего респондента не соблюдать законодательство становится базой для криминализации общества в целом и сохранения коррупции – в частности. По этой причине коррупционный или силовой способ решения жизненно важных проблем самого разного толка остается пока актуальным, а потому и чрезвычайно опасным. Для гражданина же, как субъекта права, функциональная сторона правовой нормы заключается в ее «справедливости», а для правовых институтов – в их доступности для всех слоев и групп общества. Для этого есть универсальная формула: ведь перед Богом все равны. Ее искажение ведет к патологии правосознания и правового поведения, к правовой, а значит, к социально-политической и экономической дестабилизации.

В то же время, по мнению специалистов самых разных областей, деформация системы жизненных ценностей на протяжении двух последних десятилетий (включая и правовые) сопряжена с резким навязыванием обществу новой системы рыночных ценнос-

тей, при отсутствии и без формирования широкой, устойчивой социально-экономической базы, фундамента для социального единства.

Хотя формула известна и исторически проверена: это создание и поддержка самых широких слоев (гражданская база), которых традиционно относят к «среднему классу». Именно он – гарант стабильности, устойчивого прогресса, так как свой социальный статус достигается представителями этого класса путем длительного трудового участия, при опоре на признанные общечеловеческие ценности: труд, мораль, право, религию, семью и т. д. Медленное формирование такого класса, слабое участие или неучастие его в становлении социально-экономической, политической и правовой системы приводит к катастрофически опасной социальной поляризации общества, к маргинализации, к доминированию в массовом общественном сознании психологии социального аутсайдерства с потерей системы ценностей, к жестокости, агрессивности, национальной и религиозной ненависти. Что мы и наблюдали и наблюдаем сегодня в той или иной степени.

Общепризнано, что российская практика построения новой модели общественного устройства, конечно, не имеет прецедента, так как она не выросла из предыдущей эпохи, что бесспорно можно отнести к особенностям нашей социальной организации, культуры и мировоззрения, а рыночные ценности многими, особенно вышедшими из советской системы, восприняты как элементы структурного насилия.

Все вышесказанное входит в комплекс причин, по которым область социально-правового взаимодействия граждан и государства остается одной из самых проблемных. По данным тех же исследований, практически каждый второй нижегородец признался, что при необходимости он может не соблюдать законодательство. Более того, этот процент гораздо выше в молодежной среде. По этой причине центральной проблемой остается выявление отношения молодежи к закону как базовому понятию в массовом молодежном сознании.

Большая часть нижегородцев сегодня оценивают правонарушение в первую очередь с точки зрения «здорового смысла», далее – как подкажет их совесть (т. е. субъективно), на третьем месте стоит моральная оценка. Закон как мера определения поступка находится в самом конце. Россияне пока продолжают опираться на интуицию, а поступки отдавать на откуп индивидуальной совести. Закон не всегда справедлив, а поэтому он «что дышло, куда повернешь, туда и вышло...». Данная практика пока мало способствует активной декриминализации российского общества. Здесь необходима длительная системная работа по формированию жизнеутверждающих ценностей, включая и правовые, на базе общей цели государства и его граждан.

Возврат к идеократической правовой системе в России

Идеократической автор называет тип правовой системы, где высшую юридическую силу имеют политико-правовые доктрины. Этот тип правовой системы похож на религиозную правовую систему с той лишь разницей, что в основе ее лежит не религиозное, а политическое учение.

С. С. Алексеев называл идеократической советскую правовую систему. В основе ее лежало марксистско-ленинское учение. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин играли роль пророков. Действующий вождь страны выступал в роли праведного халифа. Аппарат коммунистической квазипартии заменял духовенство. Марксистско-ленинские идеи представляли собой нормы-принципы, на которых строился государственный аппарат и его деятельность. Примеры той или иной деятельности В. И. Ленина, так же как примеры поведения Пророка Мухаммеда, представлялись как правовые прецеденты, которым надо было подражать. Правитель и авторитетные идеологи коммунистической квазипартии толковали марксистско-ленинские идеи и прецеденты поведения В. И. Ленина, трансформировали их в виде требований норм права. Часть этих норм дублировалась в виде норм конституции, законов, подзаконных актов. Другая часть – в виде норм партийного права. Третья – имела прямое действие. При этом если норма закона не соответствовала политико-правовой доктрине, то она не действовала.

Множество доктрин были ложными и содержали мертвые нормы права, которые декларировались с идеологической целью обмана собственного населения и международной общественности. Действовал принцип опоры на мнение современных авторитетов в толковании марксистско-ленинского учения (в исламе принцип таклида). Неофициальным лицам запрещалось заниматься толкованием этого учения и руководствоваться им непосредственно (в исламе запрет иджтихада).

В критикуемые сегодня 90-е гг. руководство России пыталось подражать Европе и заявляло о том, что страна намерена ввести у себя принципы континентальной правовой системы, где высшим

* *Сергей Алексеевич Денисов* – канд. юр. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

источником права является конституция и закон. В условиях идеологического и политического плюрализма, постоянной смены элит, находящихся у власти, на Западе рождается множество правовых и политических идей, которые не являются источниками права до тех пор, пока парламент не оформит их в виде норм законов.

Сегодня в России наблюдается отказ от идеалов 90-х гг. и медленный возврат к традициям советской идеократической правовой системы. Очевидно, что никто не намерен восстанавливать юридическое значение марксистско-ленинской идеологии. Фундаментом для правовой политики являются традиционные для России ценности этатизма, великодержавия, вождизма и патернализма. На этом фундаменте строятся более конкретные политико-правовые идеи, вырабатываемые правящей элитой во главе с Лидером нации. Поскольку Конституция РФ 1993 г. отражает правовые идеалы Запада, а не принципы общественного договора, то она не получает необходимой общественной поддержки. Основы конституционного строя легко заменяются политико-правовыми доктринами, нормы которых прямо или опосредованно реализуются на практике. Принцип суверенитета народа (ст. 3 Конституции РФ) оказалось не трудно заменить принципом суверенитета Лидера нации и его бюрократии. В России традиционно действовал общественный договор, согласно которому население отказывается от участия в делах государства и отдает свою судьбу в руки правителя и его бюрократии с условием, что последние будут заботиться о постоянном росте благосостояния населения, обеспечивать его внешнюю защиту. Конечно, в случае если правитель не выполняет своих обязательств (Николай II, М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин), масса требует сменить правителя, но не требует отнять у него его суверенитет.

Конституционный принцип демократии (ст. 1) сегодня подменили политико-правовой доктриной управляемой демократии, что иногда формулируется как «суверенная демократия». С учетом сказанного выше эту формулу можно перевести как демократия, организуемая сувереном, т. е. Лидером нации. Население вовлекается в решение политических дел с целью помочь Лидеру нации более эффективно управлять страной, но ни в коем случае не для свержения власти Лидера нации и правящей группы. Здесь можно проследить аналогию с термином «социалистическая демократия», применявшимся в советских конституциях. Он предполагал (как отмечалось в ст. 126 Конституции СССР 1936 г.), что население может пользоваться политическими свободами для поддержания политики правящей коммунистической квазипартии (для строительства социализма), но не в ущерб ее власти.

Сегодня стало вполне очевидно, что принцип республики, закрепленный в ст. 1 Конституции РФ оказался вытесненным с помощью создания института Лидера нации. В Казахстане решили закрепить этот институт в законе. В идеократических правовых системах этого не требуется. В СССР и конституции, и партийные нормы требовали осуществления коллективного управления страной с помощью Советов. Это не мешало реализации доктрины единого вождя, обладающего почти самодержавной властью. Вождистская доктрина хорошо поддерживается распространенным в стране мифом о «добром и заботливом царе». Население, не способное к самоуправлению, вынуждено руководствоваться этим мифом, заниматься самообманом. Отказ от этого мифа породит отчаяние и чувство безысходности.

Введение института Лидера нации отменяет действие конституционной нормы о разделении властей (ст. 10). Сегодня все ветви власти возглавляются людьми, лично преданными Лидеру нации и готовыми беспрекословно выполнять его указания. Выборы представительных органов власти не отменяются, но вместо свободных выборов (ч. 3 ст. 3 Конституции РФ) вводятся управляемые выборы, которые должны только подтвердить верность народа своему Лидеру путем голосования в пользу предложенного им кандидата на должность Президента РФ, кандидатов «Единой России» на должности депутатов всех ступеней.

Как уже отмечалось, принцип гуманизма, заложенный в ст. 2 Конституции РФ, сегодня заменен политико-правовой доктриной восстановления великой империи. Для этого необходимо воссоздать сильное полицейское государство (иногда выдают его за правовое), объединяющее людей, занимающееся их воспитанием. Эта деятельность оправдывается также необходимостью наведения порядка в стране. Наиболее ярко реализация этой доктрины проявляется в ежегодных законах о государственном бюджете. Рост расходов на армию и органы репрессий опережает рост расходов на человека (здоровье, образование, культуру). В рамках реализации этатистской доктрины ограничено действие свободы массовой информации (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ). По большей части они превращены в средства массовой пропаганды в руках государственных и муниципальных чиновников. Под предлогом наведения порядка ограничивается право граждан на проведение массовых мероприятий (ст. 31 Конституции РФ), на объединение в политические партии (ч. 1 ст. 30 Конституции РФ). Под предлогом защиты безопасности государства пресечено финансирование деятельности правозащитных общественных объединений граждан из-за рубежа.

Федерализм, как основа конституционного строя России (ст. 1), заменен политико-правовой доктриной «вертикали власти». Постепенно эта доктрина устраняет и местное самоуправление (ст. 12 Конституции РФ).

Верховенство политико-правовых доктрин над нормами Конституции и законов обеспечивается слабостью гражданского общества, формированием всех ветвей власти государственного аппарата сверху вниз на основе преданности Лидеру нации и вышестоящему начальнику (патрон-клиентские отношения). Доктрина, выдвинутая Лидером нации или его ближайшим окружением (Президентом РФ, руководством Администрации Президента РФ), является не их частным мнением, а требованием, обязательным для депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. В сложившихся условиях они обязаны оформить это требование в виде поправок к Конституции РФ или норм законов. Закон в идеократической правовой системе, в отличие от континентальной правовой системы, не является актом высшей юридической силы. Он всего лишь дублирует требование политико-правовой доктрины, имитируя схожесть российской правовой системы с континентальной. Если норма закона по каким-либо идеологическим причинам расходится с требованием доктрины, то она не действует, как не действует принцип равенства общественных объединений, свободы массовой информации.

Конституционный вид нормам, изложенным в политико-правовых доктринах, призван придать Конституционный суд РФ. Через его решения легализовалась доктрина расширения полномочий Президента РФ, по сравнению с теми, что закреплены в Конституции РФ, выстраивания «вертикали власти» (оправдание назначения глав регионов Президентом РФ) и формирования «управляемой демократии» (ограничения свободы выборов и права на объединение в политические партии).

Политико-правовые доктрины могут действовать напрямую, без закрепления их в законодательстве. Например, верховенство Администрации Президента над Федеральным Собранием и Правительством (до 7 мая 2008 г.) никак не оформлялось в писаном праве.

Лидер нации и правящая группа транслируют в общество огромное количество доктрин, носящих только идеологический характер. Они содержат в себе мертвые нормы. Это фразы типа «диктатуры закона», «свобода лучше, чем не свобода». Должностные лица государственного аппарата должны на практике владеть навыками герменевтики, чтобы правильно истолковать послания Лидера нации и его окружения.

Политико-правовая доктрина может декларироваться открыто (иногда иносказательно) или скрываться от населения. В последнем случае она доводится только до правоприменителя. О наличии какой-то нормы правовой доктрины мы можем только догадываться по поведению органов власти. Открытое провозглашение какой-то доктрины может осуществляться через послание Президента РФ Федеральному Собранию, через его речи перед журналистами или населением.

Незаменимым инструментом для воплощения норм политико-правовых доктрин в жизнь является так называемая партия власти (фактически часть государственного механизма). Без ее восстановления невозможно было бы провести контрреформы в правовой системе. «Единая Россия» обеспечивает заполнение всех представительных органов власти в стране людьми, преданными Лидеру нации и правящей группе. Эти люди должны оформлять политико-правовые доктрины в виде законов, обеспечивать поддержку исполнительных органов власти, реализующих требования доктрин, иногда вопреки требованию закона (например, использовать административный ресурс во время выборов органов власти).

Сила политико-правовой доктрины заключается в ее авторитете, соответствии обычаям страны, авторитете ее создателя и носителя. Поэтому в механизм ее реализации включаются подчиненные государству средства массовой пропаганды, органы культуры и образования, органы репрессий, борющиеся с политической и идеологической оппозицией Лидеру нации и правящей группе.

По мере укрепления авторитета Лидера нации в ближайшие 20–30 лет идеократический характер правовой системы будет только укрепляться.

А. А. Евсеева*

Становление и развитие института Уполномоченного по правам человека в России

Конституция Российской Федерации 1993 г., объявив Россию демократическим правовым государством (ч. 1 ст. 1), провозгласила права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, обеспечиваемой правосудием (ст. 18), и возложила на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать их права и свободы (ст. 2). Реализация этих положений обеспечивается гарантированностью государственной (ч. 1 ст. 45), в том числе и судебной (ч. 1 ст. 46), защиты прав и свобод человека и гражданина¹. Для осуществления контроля за соблюдением прав и свобод человека в деятельности государственных органов и должностных лиц впервые в российской практике был введен институт Уполномоченного по правам человека. В пункте «е» ч. 1 ст. 103 Конституции РФ 1993 г. устанавливается, что Уполномоченный по правам человека назначается Государственной Думой и действует в соответствии с федеральным конституционным законом. Уполномоченный при осуществлении своих полномочий независим и неподотчетен каким-либо государственным органам и должностным лицам.

Институт такого типа, существующий в разных государствах мира, обобщенно называется институтом омбудсмана, хотя официальные названия должности в разных странах различные.

Впервые институт уполномоченного (омбудсмана) был основан в Швеции в 1809 г. В настоящее время в различных странах мира существует более сотни Уполномоченных по правам человека.

В Российской Федерации данный институт был учрежден в 1997 г.

Уполномоченные по правам человека в Российской Федерации:

1. Сергей Адамович Ковалев (17 января 1994 г. – 10 марта 1995 г.),

* *Анастасия Александровна Евсеева* – студентка 3-го курса юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Конституция РФ: принята 12 декабря 1993 г. // Правовые ресурсы: Федеральные законы и кодексы Российской Федерации (РФ): полный текст документов.

2. Олег Орестович Миронов (22 марта 1998 г. – 13 февраля 2004 г.),

3. Владимир Петрович Лукин (с 13 февраля 2004 г.).

Деятельность Уполномоченного способствует:

- восстановлению нарушенных прав;
- совершенствованию законодательства Российской Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;
- развитию международного сотрудничества в области прав человека;
- правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты².

Также имеет место институт Уполномоченного по правам человека в субъектах РФ. Впервые должность Уполномоченного в субъекте РФ возникла в 1996 г., после учреждения региональными законами данных должностей в Республике Башкортостан и Свердловской области, так как это соответствовало их конституционным полномочиям³.

Идея учреждения института Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ впервые получила юридическое выражение в п. 1 ст. 5 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 г.⁴, который устанавливает, что конституцией (уставом) и законом субъекта РФ может учреждаться должность Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ.

Учреждение института Уполномоченного по правам человека в субъекте РФ – настоятельная необходимость современного развития государственных институтов субъектов РФ, как института, осуществляющего контроль за государством в лице органов государственной власти субъектов РФ и их должностных лиц.

В настоящий момент институт Уполномоченного по правам человека действует в 49 субъектах, в том числе и Свердловской области.

Наряду с Уполномоченным по правам человека, Указом главы государства от 1 сентября 2009 г. № 986⁵ введена должность Упол-

² Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Правовые ресурсы...

³ См.: Маркелова Е. Г. Институт Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации: законодательное регулирование и тенденции развития. Саратов: Агентство «Диалог», 2004.

⁴ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

⁵ «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации».

номоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. В настоящий момент им является Павел Алексеевич Астахов.

В соответствии с этим документом Уполномоченный «вправе проводить самостоятельно или совместно с уполномоченными государственными органами и должностными лицами проверку деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также должностных лиц, получать от них соответствующие разъяснения; направлять в федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления и должностным лицам, в решениях или действиях (бездействии) которых он усматривает нарушение прав и интересов ребенка, свое заключение, содержащее рекомендации относительно возможных и необходимых мер восстановления указанных прав и интересов; привлекать в установленном порядке для осуществления экспертных и научно-аналитических работ, касающихся защиты прав ребенка, научные и иные организации, а также ученых и специалистов, в том числе на договорной основе». Кроме того, Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка наделен иными полномочиями, предусмотренными действующим российским законодательством.

Также нужно уделить внимание и тому, что постепенно создается и институт Уполномоченного по правам студентов. В знаменитом МГИМО аппарат Уполномоченного по правам студента действует с 1998 года. Омбудсменом является доктор филологических наук, заслуженный деятель науки России Олег Ульциферов.

С 2010 года начинает свою деятельность аппарат Уполномоченного по правам студента юридического факультета Гуманитарного университета г. Екатеринбурга. Эту должность с 17 ноября 2010 года занимает автор данной статьи. Уполномоченный по правам студента юридического факультета ГУ – независимый выборный представитель студентов, действующий в целях обеспечения их прав и свобод⁶, его основными задачами являются:

- 1) профилактика нарушений прав студентов юридического факультета ГУ;
- 2) всемерное содействие восстановлению нарушенных прав студентов;
- 3) оказание помощи студентам по вопросам соблюдения прав человека;

⁶ Об Уполномоченном по правам студента юридического факультета Гуманитарного университета: Положение, утвержденное деканом юридического факультета НОУВПО Гуманитарный университет Семитко А. П. от 04 мая 2010 г.

Е. С. Кисляков*

20 лет правового развития России: некоторые результаты и перспективы

4) урегулирование конфликтных ситуаций между студентами, студентами и преподавателями, а также студентами и администрацией факультета, возникающих в рамках образовательного процесса на юридическом факультете ГУ;

5) обеспечение взаимодействия преподавателей, студентов и других сотрудников юридического факультета ГУ по вопросам защиты прав студента;

6) содействие просвещению в области прав студента.

Уполномоченный самостоятельно разрабатывает и утверждает в соответствии с Положением план работы аппарата, его структуру, состав, должностные инструкции работников, а также проводит собрания аппарата (раз в три недели) по проделанной работе. Все вышеперечисленные документы выкладываются на сайте ГУ.

Существует у Уполномоченного отдельный день для приема студентов. С 23 ноября 2010 года и по сегодняшний день в аппарат было подано две жалобы от преподавателей, по которым были проведены беседы со студентами, и две жалобы от студентов, по ним была оказана помощь в написании заявлений и другие меры.

В состав аппарата входит:

- Уполномоченный по правам студента юридического факультета ГУ (далее Уполномоченный);
- помощник Уполномоченного;
- главный специалист аппарата Уполномоченного;
- консультанты;
- секретарь.

В своей деятельности аппарат не ограничивается приемом студентов, в наши задачи также входит проведение конкурсов и познавательных, деловых игр для студентов и преподавателей Гуманитарного университета; сотрудничество в области прав студентов с другими факультетами Гуманитарного университета; проведение круглых столов со студентами и преподавателями на тему прав студентов, участие в различных конференциях, встреча с Уполномоченным по правам человека Свердловской области и другие мероприятия.

Институт Уполномоченного по правам студентов, по нашему мнению, необходим в каждом вузе. Это дает студенту большую уверенность в том, что его права не будут нарушены, а если это и случится, то они обязательно будут восстановлены, что и является основной задачей подобного рода деятельности. Кроме того, опыт функционирования институтов Уполномоченных в различных учебных заведениях будет способствовать формированию элементов гражданского общества в России в целом, что является сегодня чрезвычайно важным и актуальным в нашей стране.

Согласно Конституции, Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления¹. Эта норма открывает текст Основного закона, что свидетельствует о ее повышенной правовой значимости. Данные правовые положения определяют идеал, к которому должны стремиться все мы, граждане Российской Федерации. Эти положения во многом носят декларативный характер. Очень интересно сравнить данную статью Конституции РФ с Конституцией СССР, которая устанавливала приоритет публичных интересов перед частными². В нынешней Конституции (ст. 2) прямо устанавливается, что Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Правоведа в первой статье Конституции РФ заинтересует, прежде всего, положение о правовом государстве. Положение о том, что страна является правовым государством, закреплено далеко не во всех конституциях зарубежных стран.

Правовое государство – такое государство, построение и деятельность которого основывается на принципах приоритета права, правовой защищенности человека и гражданина, единства права и закона, правового разграничения деятельности различных ветвей государственной власти³. Только при правовом государстве человек может быть защищен от произвола государства и быть уверен в завтрашнем дне.

К сожалению, мы не можем сказать, что Российская Федерация является полностью правовым государством. Определенные шаги к этому уже предприняты, но пока прошло слишком мало времени в масштабах истории (всего 20 лет). Зарубежные право-

* *Егор Степанович Кисляков* – ф-т магистерской подготовки УрГЮА (г. Екатеринбург).

¹ См.: Ч. 1 ст. 1 Конституции Российской Федерации.

² См.: Конституции Российской Федерации (принята ВС СССР 07.10.1977).

³ См.: Теория государства и права: учебник для вузов / Отв. ред. д. ю. н. проф. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. С. 459.

вые государства (Великобритания, США и др.) формировались веками. Начиная с конца 1991 года начало происходить полное обновление правовой системы. Основной курс был взят на Европу. В своем ежегодном послании Федеральному Собранию в 2010 году Президент Российской Федерации Д. А. Медведев отметил следующие правовые проблемы: расхлябанность в деятельности правоохранительных и других властных органов, зачастую их сращивание с криминалом, несовершенство уголовного законодательства, борьба с коррупцией⁴.

Современное состояние правовой сферы очень хорошо отражает ежегодный Доклад Генерального прокурора на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Согласно докладу за 2010 год, основными проблемами на сегодняшний день являются: терроризм, большое количество совершаемых преступлений, коррупция⁵. Актуальность проблемы коррупции отражает тот факт, что прокуратура в настоящее время проводит антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов⁶. Одной из проблем по-прежнему остаются неработающие законы (законы, которые приняты, но в установленном порядке не реализуются). Хочется верить, что в итоге, пусть через пятьдесят, сто, двести лет, мы получим подлинно демократическое, правовое государство.

Тем не менее, в настоящее время уже можно подвести некоторые итоги:

1. Была принята Конституция РФ, которая, являясь Основным законом, устанавливает высокие демократические идеалы и стандарты, определяет основные направления развития правовой системы на длительный период времени.

2. Была начата комплексная правовая реформа государства, по масштабу сопоставимая лишь с правовой реформой 1864 года. Началом правовой реформы в современной России является Концепция судебной реформы в Российской Федерации, представленная первым Президентом России Б. Н. Ельциным и одобренная Верховным Советом РСФСР 24 октября 1991 г. Главной задачей судебной реформы тогда было признано утверждение судебной власти в государственном механизме как самостоятельной влиятельной силы, независимой в своей деятельности от властей законодательной и исполнительной, т. е. закреплялся принцип разделения властей. К сожалению, правовая реформа еще не закончена, в ее рамках предстоит многое сделать (принять законы, отрегулировать механизм их действия и др.).

⁴ Источник: <http://www.kremlin.ru>

⁵ Источник: <http://genproc.gov.ru>

⁶ Ст. 9.1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации».

3. Были приняты многие нормативно-правовые акты, направленные на улучшение правовой ситуации в стране. В них заложены демократические идеи, и они, в большинстве своем, соответствуют международным стандартам. Современное законодательство гораздо более склонно к кодификации, чем законодательство СССР. Это несомненный плюс, так как позволяет объединить многие нормы одной отрасли права в едином акте. Помимо этого, появились и новые отрасли права, регулирующие новые правоотношения.

4. Все большее внимание уделяется международно-правовым актам. Во многих федеральных законах устанавливается обязательность и приоритет норм международного права.

5. В Российской Федерации создана независимая система контролирующих и надзирающих органов. К данной системе можно отнести Прокуратуру РФ и Уполномоченного по правам человека. По своему назначению, принципам организации и деятельности, формам и методам работы прокуратура РФ занимает в системе государственной власти Российской Федерации самостоятельное место⁷. Имея функциональное отношение к каждой из трех предусмотренных Конституцией РФ ветвей власти, она, тем не менее, не относится полностью ни к одной из них. Прокуратура очень активно проводит надзор за исполнением законодательства и своевременно принимает меры по устранению выявленных нарушений. Об этом говорят следующие факты: в 2009 году прокуратурой выявлено 4 676 402 нарушения закона, принесено протестов 420 288, вынесено представлений 626 019, вынесено предостережений 204 347, возбуждено 33 306 уголовных дел по материалам направленных прокурором в правоохранительные органы дел⁸.

6. Население Российской Федерации постепенно учится отстаивать свои права в судебных инстанциях, в том числе в Европейском суде по правам человека, и иных юрисдикционных органах (в 1999 г. было зарегистрировано 971 обращение, а в 2009 г. — 13 666⁹). Все больше возрастает уровень правовой грамотности. Например, можно привести статистику обращений в Конституционный суд РФ. Если в 2000 году в Конституционный суд поступило 10 983 обращения, то в 2009-м уже 20 629¹⁰. Сейчас явно наблюдается тенденция к увеличению рынка правовых услуг, растет уро-

⁷ См.: Окуньков Л. А. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 2-е изд., доп. и перераб. С. 250.

⁸ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Основные направления деятельности на современном этапе. М., 2010. С. 19.

⁹ Источник: <http://european-court.ru>

¹⁰ Источник: <http://www.ksrf.ru>

вень правовой грамотности, публикуются труды российских ученых-правоведов, которые в СССР были преданы забвению.

Конечно, данные итоги, возможно, и не полно представляют уровень правового развития России за 20 лет, но общие тенденции проследить они помогают. Практика показывает, что с каждым годом происходит какое-либо значимое событие в правовой сфере, а значит, улучшается правовая ситуация в стране. На данном этапе очень важно изучить правовой опыт прошлого и попытаться не повторить старых ошибок. Но следует не прекращать работу над совершенствованием нынешнего законодательства и помнить, что до реального соответствия Конституции фактическим отношениям еще очень и очень далеко. На сегодняшний день главное, что правильно определен вектор развития правовой системы и права в целом.

С. В. Кодан*

Опыт юридического образования в России: история для современности

Опыт российского юридического образования – правовой подготовки чиновников для различных сфер государственной деятельности – уникален, хотя его временные рамки составляют всего лишь два с половиной столетия. Для него характерны тенденции, связанные с историческим опытом развития юридического образования в пределах XVIII – начала XX вв. Они характеризовались тремя контекстами взаимосвязей, в которых проявилась многогранность значения юридического образования как политико-управленческого и социокультурного феномена: 1) политико-управленческий – связанный с государством и государственной политикой; 2) социокультурный – связанный с отечественной и европейской социокультурной средой; 3) организационно-правовой – связанный с управлением и правовым регулированием подготовки государственных служащих с познаниями государственно-правового характера.

Политико-управленческий контекст юридического образования – его связь с государством и государственной политикой – очевиден и естественен. Он обусловлен как содержанием юридического образования, так и его ролью в реализации политики государства. Здесь необходимо выделить следующие аспекты.

Связь юридического образования власти и государственной политики наиболее четко определилась с переходом к рационально выстроенному государству, который потребовал как реформирования государственного управления, усиления роли законодательства и выделения бюрократии в качестве инструментов этого процесса, так и профессиональной подготовки государственных служащих, что все более становилось решающим фактором в реализации государственной политики. В этом отношении юридическое образование, как и иное профессиональное образование, связывалось с государственной службой, поскольку не только чиновники собственно государственных органов, но и учителя, врачи, инженеры имели определенный классный чин – являлись государ-

* *Сергей Владимирович Кодан* – д-р юр. наук, профессор кафедры теории государства и права УрГЮА, Заслуженный юрист РФ (г. Екатеринбург).

ственными служащими. При этом собственно юридическое образование как образование государственно-правовое (подготовка специалистов для различных звеньев государственного управления и правосудия) было наиболее тесно связано с властью и, естественно, находилось и выступало одной из важнейших составных политики в сфере развития государственного управления и законодательства.

Юридическое образование и юридическая наука выступали инструментом формирования определенного содержания правового сознания и правовой идеологии, обслуживали в той или иной степени (в зависимости от либерализации политического курса или усиления его консервативных начал) интересы верховной власти и ее окружения, обосновывая и защищая юридические основы абсолютизма, сословной структуры общества, социального неравенства, различий в правовом статусе населения.

Взаимосвязь профессионального государственно-правового (юридического) образования и государственной службы проявлялась в росте содержательных требований образовательного ценза в отношении лиц, претендующих на поступление на государственную службу и продвижение по ней. Если в XVIII в. лишь начали определяться отдельные требования к профессиональной управленческо-правовой подготовке чиновников, то в XIX в. этот процесс получил последовательное развитие от «экзамена на чин» (1809 г.) до непосредственной связи успехов в получении знаний в процессе образования и наличия ученой степени с получением классного чина и продвижением по службе.

Так, например, выпускники Царскосельского (Александровского) лицея в зависимости от успехов в учении получали гражданские чины от первоначального – 14-го (коллежский регистратор) до достаточно высокого – 9-го (титулярный советник) классов. В системе государственной службы было четко закреплено положение, по которому лица, имеющие высшее образование, не подлежали прохождению службы канцелярским служителем и относились к первому, высшему разряду государственных служащих. Одновременно были значительно сокращены сроки прохождения службы по чинам при наличии высшего образования. Такой подход позволил поднять образовательный ценз чиновников. Так, правительственные меры позволили в 1840-е гг. по сравнению с 1810 г. повысить количество чиновников с высшим образованием с 13 до 41,4 % и снизить имеющих «низшее и среднее» с 22,2 до 19,4 %, а число имеющих домашнее образование в 6 раз – с 31 до 4,1 %. В последующие годы юридическое образование стало решающим фактором в замещении высших должностей.

Во взаимодействии отечественной и европейской политико-правовых культур юридическое образование выступало каналом, обеспечивающим кросс-культурный перенос идей, опыта развития политико-правовых институтов, приемов юридической техники и технологий, организации подготовки юристов. Опыт отдельных государств распространялся на все европейское пространство и, естественно, оказывал влияние на Россию, как, впрочем, и российские государственно-правовые преобразования не находились вне поля внимания европейских правительств и общества. Если в XVIII в. этот процесс нашел выражение на уровне заимствования моделей государственно-правового устройства, то в XIX столетии ситуация коренным образом изменилась. В России активно развивались юридическое образование и наука, при этом произошел переход от копирования западноевропейских образцов к аналитическо-критическому их восприятию, что способствовало именно учету и адаптации зарубежного опыта в формировании российской политико-правовой системы.

Взаимодействие юридического образования и юридической науки проявилось в том, что разделение этих социокультурных явлений возможно провести весьма условно. Подготовка юристов требовала разработки теоретических и практических основ юриспруденции, от теоретических «рассуждений» до пособий для практической подготовки и юрисдикционной деятельности, что в свою очередь вело к развитию юридической науки. Если к концу XVIII в. имелись лишь отдельные, немногочисленные сочинения по государственно-правовым вопросам, то в первой половине XIX в. достаточно четко обозначаются место и роль юриспруденции в развитии государственно-правовой системы, определяются ее направления, динамично развиваются исследования и отражающая их результат юридическая литература. Вторая половина XIX в. характеризуется уже расцветом российской юридической науки, ее ролью в модернизации страны, признанием ее школ и направлений в Европе. Характерно, что известный русский юрист Н. М. Коркунов в начале XX в. подчеркивал, что «в каких-нибудь полтора-два десятилетия мы почти успели наверстать отделившую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий».

Особое значение развитие юридического образования имело для развития профессионального правосознания чиновничества, общего отношения к юридическим институтам, вело к формированию правовой культуры как необходимого компонента социального прогресса. Под влиянием юридического образования, а также пропаганды современных политико-правовых идей и ценностей общественное сознание в России продвигалось в сторону признания идеи правового государства, законности, правопорядка как элементов

развития правовой культуры. Именно развитие юридического образования способствовало формированию слоя юристов, способных к подготовке и реализации ряда реформ в политико-правовой системе России.

Организационно-правовой контекст юридического образования – его связь с управлением и правовым регулированием подготовки кадров для государственной службы – проявился в развитии системы юридического образования.

Система юридических учебных заведений развивалась параллельно и отвечала потребностям развития политико-правовой системы России. В условиях развития различных видов государственной деятельности создание системы юридических учебных заведений отразило необходимость специализации подготовки чиновников и обеспечило развитие юридических учебных заведений в рамках университетского образования (юридические факультеты), специальной подготовки юристов для высших органов государственного управления, судебной системы и военной юстиции (Царскоевское-Александровский лицей, Училище правоведения, Аудиторское училище, а затем созданная на его базе военно-юридическая академия), а также для административно-хозяйственных учреждений (юридические лицеи). Развитие системы учебных заведений юридического профиля позволило сформировать прослойку бюрократии с достаточно основательной по уровню своего времени подготовкой в вопросах государственного управления и законодательства, обеспечивающих повышение уровня различных видов государственной деятельности, осознающих потребности и способных к проведению преобразований в государственно-правовой системе России. Была создана и нормативно-правовая база российского юридического образования.

Итак, исторический опыт показывает, что именно проблемы совершенствования государственного управления и законодательства вызвали усиление правительственного внимания к формированию юридического образования в XVIII в. и его интенсивному развитию и становлению в XIX столетии – «золотому веку» российского государственно-правового образования. Представляется, что отечественный опыт развития юридического образования может и должен быть использован при определении путей его реформирования в современных условиях.

И. Б. Конкина*

Сроки в праве

Юридические факты играют существенную роль в регулировании общественных отношений. Глубокое исследование и правильное установление наличия или отсутствия юридических фактов позволяет сделать вывод о правах и обязанностях конкретного субъекта права, выяснить суть имеющегося правоотношения.

Из всего многообразия юридических фактов важное и самостоятельное значение имеют **сроки**. Наступление или истечение какого-либо срока может повлечь за собой возникновение, изменение или прекращением прав или обязанностей субъектов. Поэтому в юридической литературе срок рассматривается как вид юридических фактов или как один из элементов фактического состава, с которым закон связывает наступление определенных правовых последствий.

Природа сроков и их место в системе юридических фактов учеными-правоведами понимается не совсем однозначно.

Большинство исследователей (в частности, О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков) склоняется к тому, что сроки относятся к событиям, т. е. к таким юридическим фактам, которые в отличие от действий происходят независимо от воли людей. Предпосылкой к этому является то, что течение времени не зависит от воли участников отношений. При этом О. А. Красавчиков относит истечение времени к категории так называемых абсолютных юридических событий (не обусловленных в своем возникновении и действии человеческой деятельностью), обосновывая это тем, что если в ряде случаев деятельность людей может не только отодвинуть, но и прекратить наступление определенных событий (например, распространение эпидемий и т. д.), то «истечению времени человек не может противопоставить свою деятельность, так как он сам существует во времени»¹.

В то же время В. П. Грибанов в своей монографии «Осуществление и защита гражданских прав» считает вышеуказанные вы-

* **Ирина Борисовна Конкина** – магистр права, ведущий юрист ЗАО «ДельтаЛизинг» (г. Екатеринбург).

¹ Красавчиков О. А. Юридический факт в советском гражданском праве. М.: Юрист, 1958. С. 168.

воды спорными². По его мнению, несмотря на то, что время как категория объективная течет независимо от воли, желаний и деятельности людей, люди могут приурочить осуществление той или иной деятельности к определенному моменту во времени или к определенному отрезку времени; они могут устанавливать определенные сроки для осуществления тех или иных действий.

В связи с этим, считает В. П. Грибанов, необходимо различать время и срок: срок есть лишь момент во времени либо определенный период времени. Соотношение между временем и сроком есть соотношение общего и отдельного, объективного и субъективного.

В сфере правовых отношений, писал В. П. Грибанов, юридическое значение имеет не истечение времени вообще, а истечение определенного срока, наступление определенного момента. При этом, поскольку сроки, связанные с осуществлением прав и обязанностей, устанавливаются людьми, срок как юридический факт в своем возникновении носит волевой характер. Однако когда срок уже установлен и начал течь, его течение по общему правилу уже не зависит от воли людей. Тем не менее и во время течения определенного срока на него существенное влияние может оказывать воля и деятельность людей.

Из сказанного, по мнению В. П. Грибанова, вытекает, что с точки зрения классификации юридических фактов истечение определенного срока нельзя отнести ни к абсолютным юридическим событиям, ни к относительным юридическим событиям. Вместе с тем истечение определенного срока нельзя отнести и к юридическим действиям, так как течение определенного срока есть частный случай течения времени, которое течет независимо от воли и деятельности людей. Все это позволяет сделать вывод, что юридические сроки в системе юридических фактов гражданского права занимают самостоятельное место наряду с юридическими событиями и юридическими действиями и по своему характеру представляют нечто среднее между ними.

Сроки в праве встречаются в огромном количестве и разнообразии, они регулируются различными отраслями права. Сроки установлены как в Конституции РФ, федеральных и федеральных конституционных законах, так и в подзаконных нормативных актах. В гражданских, трудовых, процессуальных правоотношениях сроки содержатся в соглашениях самих участников правоотношений. Надо отметить, что немало сроков устанавливается и правоприменительными органами.

² Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001, С. 246.

Исходя из анализа исследований большинства ученых в области права, сроки можно разделить по различным основаниям. Надо отметить, что именно В. П. Грибанов в выше упомянутой монографии обосновал классификацию сроков, которая и в настоящее время в практически неизменном виде излагается в учебной литературе.

Так, *по основанию установления* сроки подразделяются на нормативные (устанавливаются по воле субъекта правотворчества в законе или ином нормативном правовом акте); сроки, установленные сделкой; сроки, установленные обычаями делового оборота; а также судебные сроки (устанавливаются судебными органами в соответствии с нормами закона).

По способу исчисления сроки делят на сроки-периоды (определяются путем указания на период времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами) и сроки-моменты (определяются путем указания на момент во времени, обозначаемый календарной датой, либо определенным событием, которое неизбежно должно наступить).

По степени обязательности для субъектов правоотношения сроки можно подразделить на императивные (установленные в законе, которые не могут быть изменены соглашением сторон), диспозитивные (предусмотренные законом сроки, которые могут быть изменены соглашением сторон) и императивно-диспозитивные (устанавливаются в виде максимальной или минимальной величины, в пределах которой срок может устанавливаться по соглашению сторон либо по решению суда).

По степени определенности сроки бывают абсолютно-определенные (предусматривают точный момент или период времени, с которым связываются юридические последствия), неопределенные (сроки, для исчисления которых временной ориентир не устанавливается, однако предполагается временный характер правоотношений) и относительно-определенные (которые не определяются путем точного указания на временной отрезок или момент во времени, однако в законе установлен ориентировочный порядок их исчисления, например «разумный срок», «своевременно», «немедленно», «без промедления», «незамедлительно»).

Определенные сроки способствуют большей четкости в осуществлении гражданских прав и обязанностей, однако в некоторых случаях целесообразным является и установление неопределенных сроков.

По характеру распространения действия сроков на правоотношения можно выделить общие сроки (имеют универсальное значение) и специальные сроки (устанавливаются в порядке исключения для применения к какому-то конкретному виду правоотношений).

По взаимному соотношению сроки подразделяются также на общие (сроки большей продолжительности, предполагающие внутреннюю разбивку) и частные (промежуточные) (периоды более короткой продолжительности, включенные в общий срок). Классификация сроков по этому основанию применима к делящимся правоотношениям.

По назначению в процессе правового регулирования можно выделить:

- *сроки осуществления прав* (сроки, в течение которых уполномоченное лицо может реализовать заложенные в его субъективном праве возможности), включающие в себя *сроки существования прав, пресекательные сроки, гарантийные сроки, претензионные сроки*;

- *сроки защиты нарушенных прав* (сроки, в течение которых лицо вправе требовать принудительного осуществления и защиты принадлежащего ему нарушенного права путем обращения в соответствующий юрисдикционный орган), к которым относятся сроки исковой давности.

По правовым последствиям истечения или наступления сроки можно подразделить на правообразующие (наступление которых влечет создание прав и обязанностей), правоизменяющие (истечение или наступление которых влечет за собой изменение прав и обязанностей) и правопрекращающие (истечение которых приводит к прекращению прав и обязанностей).

Учитывая, что в настоящей работе нами рассматриваются сроки в *праве в целом*, правильным было бы также отметить, что сроки можно разделить и в зависимости от *отрасли права*, регулирующей соответствующее правоотношение. В этом случае сроки подразделяются на установленные соответственно гражданским, уголовным, административным, трудовым, конституционным, семейным, налоговым правом и т. п., а также отдельными подотраслями права. В зависимости от вида права сроки можно разделить на установленные материальным и процессуальным правом, публичным и частным.

Как видно из приведенной классификации, сроки выполняют предупредительную, стимулирующую функции, являются гарантией защиты прав и исполнения обязанностей, стабилизируют правовое регулирование. Совершенно очевидно, что обеспечение надлежащего выполнения любых обязательств невозможно без установления и контроля над соблюдением сроков, которые упорядочивают правоотношения и способствуют их реализации в полной мере, позволяют реализовать защиту прав.

Историческое развитие права показывает, что сроки всегда имели важное значение. Участники правоотношений совершали, совершают и будут совершать свои действия, соотнося и согласовывая их с установленными сроками и в определенное время. Время и сроки играли и продолжают играть большую роль не только в узкопредпринимательской деятельности, но и в государстве, его экономике, политике, социальной сфере в целом.

О неэвклидовом подходе к изучению российской правовой системы¹

*«Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить»²*

Российская система является преемницей системы советской³. Последняя противопоставляла буржуазное право праву социалистическому, которое основывалось, «главным образом, на философской доктрине Карла Маркса, измененной в соответствии с фактическими данными, которую называют марксизмом-ленинизмом»⁴. Оно выступало за всемогущество государства. В подобной системе индивид не воспринимался как таковой, поскольку все было направлено на интересы общества⁵. Сегодня, следует надеяться, *все это осталось в историческом прошлом*. Вместе с тем, российская реальность является более сложной, нежели это кажется на первый взгляд. Действительно, Российская Федерация расположена на стыке трех цивилизаций: европейской, азиатской и советской. Данная ситуация является причиной существования таких социоструктурных параметров, которые зачастую остаются неясными для всякого приверженца картезианского учения и любого носителя геометрического подхода⁶. Впрочем, российская юридическая система переживает в

* **Екатерина Павловна Криеф-Семитко** – д-р права, профессор ун-та Париж-Восток, почетный профессор Гуманитарного ун-та и УрГЮА, руководитель Центра сравнительного правоведения Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Dutoit B. Droit russe, Dalloz, coll. Connaissance du droit, 2008; Legeais R. Grands systèmes de droit contemporains, Litec 2004, n°277 et s.

² Тютчев Ф. Избранное. Всемирная библиотека поэзии. Ростов н/Д: Феникс, 1996.

³ См.: Mazeaud F. Chabas, LeVons de droit civil. Tome I. 1er volume, Introduction à l'étude du droit, 12e éd. 2000, n° 61.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

⁶ См.: Pascal B. De l'esprit géométrique. Écrits sur la Grâce et autres textes. GF, 1985, en particulier. P. 68 et s.

данный момент переходный период, и ее становление происходит довольно шатко и часто весьма любопытно. Поэтому некоторые методологические инструменты, заимствованные у Паскаля, оказываются в этом случае очень ценными. А именно то, как он подчеркивает, что мы «знаем истину не только рассудком, но и сердцем»⁷.

Итак, в качестве предисловия мы призываем, вслед за Паскалем, любить объект научного исследования, т. е. Россию, чтобы познать ее, ибо «истина постигается только через милосердие»⁸; эвристическая гипотеза, которую Учитель наверняка бы одобрил. И что не опроверг бы и Эдуар Ламбер⁹. Сначала мы предлагаем неэвклидов подход к изучению российской юридической системы, который предполагает допущение компаративистического герменевтического параметра¹⁰. Такой подход позволяет «уделить преимущественное внимание отношению между непосредственной позитивной информацией и ее культурным фундаментом с тем, чтобы получить доступ к более полному пониманию права»¹¹. Этот концептуальный параметр исходит из общественного устройства какой-либо страны, является плодом ее истории, культуры, а также географического положения. Он позволяет определить эпистемологическое своеобразие юридических традиций¹², избавляясь при этом от парадокса, который приводит к функциональному поражению сравнительного правоведения, если его не разрешить. Действительно, некоторые подчеркивают, что лучшее знание систем иностранного права позволяет лучше узнавать другие народы¹³. Однако не вызывает сомнения, что невозможно хорошо узнать системы иностранного права без лучшего знакомства с самими народами, их носителями. Первоначально этот парадокс непреодолим. Однако индуктивный метод, объединяя герменевтический параметр с антропологией права, позволяет разрешить данную апорию.

Этот метод предполагает системный микрокомпаративный анализ и базируется на постулировании и констатировании. Сначала постулат: правовая система – это сложная совокупность знаков,

⁷ Pascal B. Pensées. Edition de Michel le Guern, folio classique, n° 101. P. 104.

⁸ Pascal B. De l'esprit géométrique. P. 151.

⁹ См.: David R. Le droit comparé, droits d'hier, droits de demain, Economica, 1982. P. 19.

¹⁰ См.: Foucault M. Les mots et les choses, NRF Gallimard, 1967. P. 44.

¹¹ Legrand P. "Comparer" in Le droit comparé: aujourd'hui et demain, colloque du 1er décembre 1995, Société de législation comparée, 1996. P. 59.

¹² См.: Legrand P. Loc. cit.

¹³ См.: Mazeaud F. Op.cit.

которые необходимо расшифровать. Затем констатация факта: правовая система – это социальный факт, культурный феномен¹⁴, как и юридический феномен тоже. Будучи юридическим феноменом, она не может быть сведена только к правовым нормам и их позитивному применению. Поскольку право есть факт социальный, его применение обязательно предполагает социальное взаимодействие. Следуя логике, иностранное позитивное право должно рассматриваться самое большее как некое предположение, к которому индуктивный метод предписывает присовокупить некоторое количество социальных переменных. Законы пишутся людьми, ими принимаются судебные решения, люди же обращаются или отказываются обращаться с исками в суд. Человеческий параметр права, следовательно, настолько же важен, как и само право. Чтобы в этом убедиться, достаточно подумать о таких, например, понятиях, как добропорядочный отец семейства, добросовестность, или же добрые нравы, – они зиждутся, хотим мы этого или нет, на субъективном субстрате, переменном во времени и пространстве.

Предложенный компаративный метод должен, таким образом, действовать как камертон по отношению ко всем переменным, порождающим правовую систему: правовым нормам, судебной практике, истории, культуре, правовому сознанию людей, которые создают или применяют право, их ментальности, их юридическому языку, как и языку обычному, а также тому, что к праву не относится. Взаимодействие всех этих переменных позволяет установить связи между абстрактным и реально существовавшим правом, освещая право в том виде, каким оно является в действительности, иначе говоря, право живое. Он предполагает также рассматривать «я» наблюдателя в качестве параметра, способного воздействовать на наблюдаемый объект, поскольку знание *«второй юридической культуры всегда имеет большее отношение к знанию опосредованному – т. е. к уже известным значениям и языку – нежели к знанию непосредственному»*¹⁵. Именно в такой перспективе мы приглашаем читателя последовать за нами по окольным дорогам, чтобы достичь только некоторой правды о российской юридической системе, а не полной истины – именно по причине переменного «я». Что же следует сказать?

Прежде всего, мы констатируем, что революция – даже если она не имеет названия – та, что привела к крушению коммунизма на Востоке, характеризуется открытием стран советского блока

¹⁴ См.: Legrand P. Notes inspirées par une gêne persistante à l'égard de la fascination exercée par l'habitude, l'autorité, la loi et l'Etat dans les facultés françaises, RTDCiv. 1998. P. 299.

¹⁵ Legrand P. Art. préc. P. 51.

в сторону Запада. Сегодня, как и вчера¹⁶, открытие России¹⁷ на Запад представляется необходимым. Мы пронаблюдаем далее, что если Французская революция 1789 г. была в высшей степени юридической, то постсоветская революция была главным образом экономической. Причина этого кроется в истории: революция, обратная революции 1917 г., революция постсоветская, была экономической и социальной прежде, чем юридической, так же как и революция 1917 г.

Внесем еще одно уточнение: даже если посредством понятия социалистической законности¹⁸ СССР интегрировал, наконец, юридический фактор, вся структура советской научной мысли оставалась в основном экономической и социальной¹⁹. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к памяти: сначала декрет Президента РФ от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» содержит решение о быстрой приватизации предприятий. Однако всякая приватизация предполагает, это очевидно, что существует и обеспечивается защитой частная собственность²⁰. Затем в 1992 г. была декретирована рыночная экономика²¹. Однако придется ждать 12 декабря 1993 г., когда Российская Федерация обзаведется Конституцией, которая эксплицитно закрепляет фундаментальные свободы и право частной собственности, которое существовало только в минималистской форме²². Далее придется ждать до декабря 1994 г.,

¹⁶ Петр Великий хотел открыть окно в Европу, чтобы модернизировать Россию. О Петре Великом см. в частности: Leroy-Beaulieu A. L'empire des tsars et les Russes, Robert Laffont, coll. Bouquins, 1990. P. 193 et s.; Riasanovsky N. V. A History of Russia, 4 th edn. P. 235 et s.

¹⁷ Те, кто интересуется Россией, см. впечатляющую библиографию, приведенную Н. В. Рязановским в его «Истории России»; Robert Laffont, coll. Bouquins, 1994. P. 737 et s.

¹⁸ См.: Lesage M. L'administration soviétique, Economica, 1981. P. 31 et s.

¹⁹ См.: Legeais R. Op. cit. n° 272 et s.

²⁰ О собственности в российском праве: Skoda D. La propriété dans le Code civil de la Fédération de Russie, un système entre deux traditions, Dalloz, coll. Nouvelle bibliothèque de thèses, 2007; Chagneau A. Le droit de propriété en mutation (Essai à la lumière du droit russe), Dalloz, coll. Maintenant Delmas, 2008; Ramonet I. art. préc. P. 1; Karol K. S. La Russie otage d'un capitalisme mafieux, Le Monde diplomatique, août 1997. P. 11.

²¹ См.: Указ Президента Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Б. Ельцина, от 3 декабря 1991 г. № 297, вступивший в силу 2 января 1992 г. «О мерах по либерализации цен», в соответствии с которым цены должны регулироваться на основе спроса и предложения, т. е. устанавливаться рынком.

²² По этому вопросу см.: Kitic D., Krief-Semitko C., Legeais R. Code civil de la Fédération de Russie, Juriscope, 2005, notice sur le droit de propriété et autres droits réels. P. 129.

чтобы первая часть Гражданского кодекса, закрепляющая именно право частной собственности, была промульгирована²³. Однако «свобода, даже в экономической области, является результатом юридического построения»²⁴. В противном случае укореняется ощущение отсутствия безопасности и недоверия: «нерешительность объективного права отражается на субъективных правах и порождает в индивидуе чувство юридической незащищенности»²⁵. Но разве юридическая безопасность не является фундаментальной ценностью²⁶?

Таким образом, крушение советской системы нашло свою легитимность в идее абсолютной свободы и побуждении к вседозволенности²⁷. Эта свобода, без равенства и братства, освобождена от какого-либо вмешательства государства. Впрочем, это понятие долго оставалось неизвестным внутреннему российскому праву, несмотря на его процветание в праве международном²⁸. Также доведенная до крайности либерализация первых лет молодой демократии привела к брутальному возврату к порядку с момента прихода к власти в качестве Президента РФ Владимира Путина. Он провозглашает «диктатуру закона», которая переключается с «диктатурой пролетариата», но это выражение, непереносимое для всякого носителя идей Аристотеля, было лишь политическим слоганом, не наполненным соответствующим юридическим содержанием.

²³ О кодификации в России см. диссертацию А. Scaggion «La codification du droit russe (1991–2002)», ANRT, 2003.

²⁴ Leroy Ch. De la normativité économique en démocratie de marché // Etudes offertes à Jacques Dupichot, Bruylant 2004. P. 282.

²⁵ См.: Carbonnier. Flexible droit: pour une sociologie du droit sans rigueur. LGDJ 10e éd., 2000. P. 160.

²⁶ На эту тему: Roubier. Droits subjectifs et situations juridiques. Dalloz-Sirey, coll. Bibliothèque Dalloz, 2005. О возможных причинах юридической незащищенности: Lagarde X. Jurisprudence et insécurité juridique. D., 2006. P. 678. n° 15 et s.

²⁷ См.: Carrère d'Encausse H. La Russie entre deux mondes. P. 353. Этот вопрос уже рассматривался до революции 1917 г. Достоевским (в «Братьях Карамазовых»), который полагал, что идея «вседозволенности» является прямым следствием атеизма революционеров вообще, ибо «Если Бога не существует, то все дозволено».

²⁸ Если понятие отсутствует в юридическом словаре внутреннего права, то существует концепция, не получившая наименования. См. нашу статью: Krief-Verbaere C. Recherches sur la notion d'ordre public en droit interne russe à l'aune du droit français // Etude de droit privé sur l'ordre public en droit comparé français et russe. RID comp. 2003. P. 151.

Разовьем немного: по мысли Аристотеля, право сопряжено со справедливостью, со справедливой целью. Право есть «справедливое отношение между двумя объектами, осуществленное за их пределами»²⁹. *A priori* можно было бы подумать, замыкаясь в сфере правовых норм, что данная концепция Аристотеля кажется очень близкой к российской. Однако Россия представляется особенной. Почему?

Россия, будучи страной евразийской, призвана бесконечно решать внутренний конфликт между двумя полюсами: Западом и Азией. Но Россия также является продуктом третьей цивилизации, целиком искусственной, хотя и реальной: цивилизации советской. Марксистско-ленинское учение действительно стремилось создать на всей территории СССР нового человека, архетипом которого являлся шахтер из Донбасса Алексей Стаханов³⁰. Следовательно, располагаясь на перекрестке трех цивилизаций, юридическая система Российской Федерации неизбежно должна быть своеобразной. Чтобы это понять, достаточно ввести в анализ герменевтический и антропологический параметры. Внесем небольшое уточнение: индуктивный метод предполагает обязательную оценку, а затем интегрирование различных феноменов, относящихся и не относящихся к праву, к сформулированному и невысказанному. Так значит, достаточно соединить все эти переменные, чтобы увидеть, как проясняются причины этой оригинальности. Мы увидим, что два культурных фактора, равных по значимости, порождают это своеобразие: духовность или утонченный ум³¹ (в противовес уму геометрическому³²) и особое отношение к государству.

Внесем еще одно уточнение: часто Россия эволюционировала последовательными толчками, порождаемыми похожим на движение маятника процессом, запускаемым вечным конфликтом между двумя оппозициями, двумя философскими школами: западниками и славянофилами. В ходе своей истории Россия колебалась между одним и другим течениями, которые возникали подобно реактивному процессу в психологическом значении термина. То западники, сторонники всего, что приходит с запада, одерживали верх. То, вследствие травматической реакции, славянофилы, ра-

²⁹ См.: Villey M. Leçons d'histoire préc. P. 29.

³⁰ От его имени происходит термин «стахановское движение».

³¹ Никогда не надо забывать, что территория Российской Федерации располагается частично в Европе, а частично в Азии. Ведь, как это подчеркивает Y. Noda относительно японского права, «японский ум ближе к утонченному уму, который Паскалем противопоставляется уму геометрическому» (Encyclopédia Universalis: article au mot Japon (Le droit)).

³² См.: Riasanovsky N. Op. cit. P. 393.

тующие за своеобразие православного христианского славянского мира³³.

Славянофилы отстаивают свое право на византийское наследство. Они отдают приоритет *«единству, миру, гармонии между людьми... Любви, свободе, сотрудничеству, в противоположность миру рационализма, необходимости, принуждения»*³⁴. Тогда как доктрина западников берет начало в древнеримской цивилизации в том виде, в каком она получила развитие на Западе, хотя и никогда не была стройной и единообразной. Можно просто отметить, что обычно она придает немного значения религии; резко критикует российские институты и полагает, что западная цивилизация является образцовой. Некоторые западники, презируя традиционную русскую культуру, становятся *«подобно Бакунину агрессивными атеистами»*³⁵, а позднее, как Ленин, начинают жестоко ненавидеть все, что связано с Россией во всех ее проявлениях. Что касается умеренных западников, они остаются верующими, и их политический идеал не переходит *«за пределы добропорядочного либерализма, который делал акцент на необходимости постепенной эволюции и предварительного воспитания народа»*³⁶.

Сегодня Россия открыта миру, на запад в частности, но остается привязанной, неосознанно и реактивно, к идее славянофильства. Итак, распад СССР имел результатом возвращение миру России и духовности как специфической культурной черты. Духовность отражается также в правосознании (§ 1). Но советская жестокость (по отношению к правам человека) никуда не исчезла, как это показывает состояние правового порядка в России (§ 2).

§ 1. Российское правосознание

В целом в России право никогда не представляло основной ценности. В начале XX века российская наука уже с отчаянием констатировала, что в правосознании российских интеллектуалов право имело лишь относительный характер. Его невозможно было расположить в том же ряду, что и некоторые духовные ценности, такие как научная истина, нравственное совершенство или религиозная святость³⁷. В основном, для одних право представляло

³³ Эти два доктринальных течения утвердились по-настоящему в качестве таковых между 1848 и 1860 годами. См.: Riasanovsky N. Op. cit. P. 392.

³⁴ Ibid. P. 393.

³⁵ Ibid. P. 394.

³⁶ Riasanovsky N. Loc. cit.

³⁷ См.: Кистяковский Б. В защиту права. Интеллигенция и правосознание», статья, вышедшая на русском языке в сборнике статей // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Свердловск, 1999. С. 119.

лишь совокупность *a minima* этических норм, для других право характеризовалось в основном своим принуждающим, а следовательно, жестоким аспектом. Отметим сразу же, что подобная концепция права процветала и продолжает процветать у некоторых народов Азии. В Японии, например, право воспринимается населением как «аппарат принуждения, который государство использует, когда хочет навязать свою волю народу»³⁸. Этот анализ касается равным образом китайской концепции права в том виде, в каком она описана Эскарра³⁹.

В конечном итоге уровень современного российского правосознания близок к уровню, какой оно имело в прошлом. Как подчеркнул один российский автор, *«надо признать, что традиционно мы к праву невосприимчивы, и даже враждебны»*⁴⁰. Это оригинальное правосознание, неославянофильское, квалифицируемое сегодня в качестве патриотического, предполагает, что россияне имеют историческое наследие глубоко антиюридическое, что до сих пор не ликвидировано⁴¹. Что следует сказать? Интеграция в правовую систему понятия субъективного права, или права индивидов, предполагает, что индивидуальные претензии удовлетворяются хотя бы частично. В России такие требования, которые представляли собой по большей части требования земельных собственников, часто подавлялись в крови⁴². Впрочем, *«те, кто воспринимают понятия права, свободы, юридической культуры, с самого начала принадлежат к категории собственников»*⁴³. Трудно представить, какую колоссальную роль сыграла систематическая деструкция в отношении всех тех, кто мог бы развивать правосознание⁴⁴. Как эта своеобразная юридическая культура выражается сегодня? Пора привести несколько примеров, выражающих взаимодействие между правовыми данными и правосознанием. Мы увидим, с одной стороны, воздействие патриотического чувства на принцип равенства и, с другой стороны, весьма относительный характер понятия свободы.

³⁸ Noda Y. Introduction au droit japonais. Dalloz, 1966. P. 175.

³⁹ Escarra J. Le droit chinois. Paris, 1936.

⁴⁰ Соловьев Э. Ю. Свобода. Демократия (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 26.

⁴¹ См.: Семитко А. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 287.

⁴² См.: Алексеев С. Теория права. 2-е изд. М., 1995. С. 58. Автор подчеркивает, что «право является правом лишь потому, что является выражением субъективных прав»; Семитко А. Указ. соч. С. 257 и далее.

⁴³ Семитко А. Указ. соч. С. 257.

⁴⁴ См.: Юрганов А. У истоков деспотизма // Знание – сила. 1989. № 9. С. 25; об этом же: Семитко А. Указ. соч. С. 260 и далее.

А. Патриотическое чувство contra legem

Ст. 19 Конституции 1993 г. провозглашает равенство всех перед законом и судами. Этот принцип известен и французскому праву, но имеет, вероятно, более тяжелые последствия, чем во Франции. Действительно, слово «*все*», употребленное в ст. 19 Российской Конституции, включает в себя не только граждан и тех, кто не имеет российского гражданства, но равным образом и государство. Иначе говоря, ст. 19 провозглашает равенство индивидов между собой, но таким же образом равенство между государством и индивидами. Это равенство не только виртуальное, оно порождает юридические последствия, которыми нельзя пренебречь: например, отсутствие административной юрисдикции, отсутствие настоящего российского административного права. И Гражданский кодекс применяется как к лицам частного права, так и по отношению к государству. Прежде всего, это равенство выражает реальный прогресс, поскольку заставляет государство уважать индивидов. Между тем, равенство это является результатом своеобразного отношения к государству. Небольшое пояснение: несмотря на установление демократической системы, государство выступает субъектом, который исходит не от народа. Оно идентифицируется с сувереном, неважно, как он называется, царь или президент. Мы замечаем в данном случае влияние идей славянофилов, которые отдали свои предпочтения самодержавию, поскольку оно «*сумело возложить все бремя власти и принуждения на плечи одного человека, освободив, таким образом, остальное общество от этого неподъемного груза*»⁴⁵. Государство – это Божий дар, обожаемая икона, Существо, с которым народ может самоидентифицироваться. Следовательно, патриотическое чувство, воплощенное государством, позволяет допускать любые дерзости и выражаться *contra legem*.

Объяснения юридических текстов: были промульжированы многочисленные законы, которые представляют собой настоящие демократические достижения. Вместе с тем, были и еще будут, без всякого сомнения, законы, которые отражают необычную концепцию Права и прав, поскольку они являются отражением патриотического чувства в славянофильском значении этого слова, глубоко укоренившегося в российской концепции права. Например: Закон РФ № 5318-1 от 2 июля 1993 г. о пенсиях, в котором говорится, в частности, что российские граждане, окончательно избравшие местом проживания зарубежную страну, лишаются права на получение пенсии, таким же образом, как они лишаются ее на период

⁴⁵ Riasanovsky N. Op. cit. P. 394.

своего проживания за границей. Этот закон был обжалован в Конституционном суде РФ, который 5 июня 1998 г., основываясь, в частности, на ст. 19 Конституции, вынес решение о неконституционности данных положений. Но Конституционному суду РФ пришлось снова разрешать подобный вопрос в Определении, вынесенном 4 декабря 2003 г., в котором он признал неконституционным параграф 1 ст. 1 Федерального закона от 4 марта 2002 г. (в ред. от 7 июля 2003 г.) о «дополнительной месячной пенсии российским гражданам за подвиги или особые заслуги перед Российской Федерацией». Данное положение закона, вызвавшее критику Конституционного суда, действительно лишало дополнительную пенсии тех из российских граждан, кто избрал местом проживания зарубежье. Эти законодательные положения вызывают интерес с точки зрения юридической антропологии⁴⁶. Они нам ясно показывают, что эти законы стремятся помешать отъезду российских граждан за рубеж; возводя, таким образом, другой железный занавес, конечно, более гибкий, нежели в советскую эпоху, но все же призванный служить оплотом против иностранного влияния. Следовательно, они призывают воспринимать всякого, кто уехал из России, как предателя Родины, которого следует покарать в той или иной форме.

Б. Свобода, понятие пока относительное

Ст. 2 Конституции 1993 г. гласит, что «*Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства*». Таким образом, приоритет отдается правам и свободам человека и гражданина. Если для нас, французов, этот приоритет очевиден, в России он не является чем-то самим собой разумеющимся. Действительно, в советское время приоритет отдавался государственным интересам, коллективным, а не индивидуальным. Так, посягательство на интересы государства каралось гораздо более сурово, чем то, что было направлено на интересы частных лиц. Например, присвоение или кража имущества в особо крупном размере, принадлежащего гражданам, карались лишением свободы на 7 лет, тогда как подобное преступление против государственного имущества подлежало наказанию в виде смертной казни.

Но свободы, так торжественно провозглашенные, остаются понятиями относительными, зависящими от оригинальной концепции права в России. Таков случай свободы передвижения, записанный в ст. 27 Российской Конституции. Чтобы разобраться в

⁴⁶ См.: de Béchillon D. La valeur anthropologique du Droit. RTDCiv. 1995. P. 835.

этом, достаточно обратиться к судебной практике Конституционного суда РФ. В решении, вынесенном в 1994 г., Конституционный суд постановил, что практика обязательной «прописки», т. е. требования регистрации лица в милиции с указанием места проживания, является неконституционной. Необходимо при этом уточнить, что «прописка» являлась условием законности пребывания лица на территории определенного населенного пункта. Она была также необходима, чтобы ее обладатель мог работать на территории этого населенного пункта. Речь идет о типичном для советской системы институте. Заявителю могли отказать в прописке. По сути, она представляла собой нечто вроде вида на жительство для внутреннего использования, что, разумеется, противоречит свободе передвижения, записанной в Российской Конституции 1993 г.

Несмотря на это решение Конституционного суда, возобновленное не один раз, Московская Дума приняла законодательные меры, предписывающие подачу заявления о регистрации. Таким же образом декрет федерального правительства 1995 г., отменив термин «прописка», коварно сохранил эту систему в п. 10, 12 и 21 под названием регистрации граждан, зависящей от наличия у них места проживания. Тогда снова Конституционным судом РФ было принято решение от 17 июня 1998 г. с целью дать оценку этим положениям как неконституционным. В конечном итоге в законодательство были внесены изменения с целью соответствия решению Конституционного суда РФ. Но федеральный закон, отменивший *прописку*, заменил ее правоудостоверяющей регистрацией, наказываемой в случае неисполнения штрафом⁴⁷. Так значит, уточнение слов ничего не изменило! Справедливости ради, надо сказать, что есть немного случаев, когда публичные власти обходятся так неуважительно с авторитетом судебного постановления, принятого на таком высоком уровне, как Конституционный суд, решения которого выступают такими же источниками права, как и конституционные нормы⁴⁸. Но, советская жестокость по отношению к правам человека оказалась живучей.

⁴⁷ См.: Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, ст. 19.15; федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ЛФ.

⁴⁸ Massias J.-P. Op. cit. № 304 et s.

§ 2. Состояние правовой дисциплины в России

Предисловие. Российская юридическая наука предлагает несколько категорий классификации правовых норм. Они могут делиться на нормы регулятивные или правоохранительные либо на нормы материальные или процессуальные. Но основное деление российского права проводится так же, как и во Франции, — на различные отрасли, базирующиеся на фундаментальном различии между публичным правом и правом частным⁴⁹. Одно только это различие является с точки зрения советского права настоящей революцией.

Действительно, Ленин в свое время утверждал в одном из своих писем, что ничто в хозяйственной области не является частным, все принадлежит государству⁵⁰. Таким образом, советское право не признавало разделения между публичным правом и правом частным. Сегодня частное право восстает из пепла, и это возрождение зафиксировано в Конституции 1993 г., но особенно в Гражданском кодексе Российской Федерации. Российская Конституция допускает в ст. 35 защиту права частной собственности. А ведь частная собственность не существовала в советском праве, разве что имел место суррогат, называемый личной собственностью, объект которого сводился к основному, жизненно необходимому⁵¹. Впрочем, российский Гражданский кодекс представляет собой основную фундамент российской частной права⁵².

Следовательно, современное российское право является, прежде всего, продуктом революции, которая еще не позволила на сегодняшний день освободить Россию от шлаков советской ментальности. И все-таки российская юридическая наука изменила парадигму. Это изменение имеет огромный размах, сопоставимый с открытием Коперника. И вот в наши дни российская наука столкнулась с новым представлением о реальности и мире, т. е. с Правом. Но из-за гигантского масштаба этой парадигматической перемены изменение ментальности неизбежно будет долгим и трудным. Та-

⁴⁹ См.: Тихомиров Ю., Талапина Е. Введение в российское право. 2003. С. 32 и далее; Чантурия Л. Введение в общую часть гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 38 и далее.

⁵⁰ См.: Алексеев С. Перспективы развития частного права в России. Основные положения. RIDC, 2001. С. 160 и далее.

⁵¹ Одежда, движимые вещи для использования в помещениях, квартира (одна единственная), площадь которой ограничивалась законом. Ни один из этих видов имущества не мог использоваться в коммерческих целях, см. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г., ст. 105–115.

⁵² См.: Code civil de la Fédération de Russie traduit et annoté par R. Legeais, D. Kitic, C. Krief-Semitko, «La lettre des lois», Juriscope 2005.

кие трудности, свойственные любым изменениям парадигмы, понижают как состояние российского законодательства, так и судебную практику. Последняя имеет образ позитивизма, являющегося симптомом слепого подчинения государству.

А. Состояние российского законодательства

Российская Федерация может гордиться тем, что начиная с 1993 г., т. е. менее чем за двадцать лет, внесла глубокие изменения в свое право, приняв новую Конституцию, в которой прямо с первой статьи утверждается, что «Российская Федерация является правовым государством»⁵³. В то же время было принято впечатляющее количество новых кодексов. Самый важный из них – Гражданский кодекс РФ – разрабатывался в несколько этапов. Первая часть, посвященная общим положениям, праву собственности и другим вещным правам, общей части обязательственного права, была промульгирована в 1994 г. Одним из его выдающихся редакторов является профессор Сергей Алексеев, который сыграл такую же роль в становлении гражданского права в России, как и Порталис в редактировании французского гражданского кодекса. Вторая часть, посвященная особым разновидностям обязательств, была промульгирована в 1996 г. Третья часть, посвященная праву наследования и частному международному праву, была принята в 2001 г. Что касается четвертой части, посвященной интеллектуальной собственности, то она была промульгирована 18 декабря 2006 г., но в силу вступила только 1 января 2008 г. Наконец, уточним, что всякое новое российское законодательство в большей или меньшей степени непосредственно вдохновляется правом зарубежных стран романо-германской семьи, исключая некоторые институты, возникшие скорее под влиянием права стран *common law*⁵⁴.

Несмотря на то, что законодательство обновлено, модифицировано и введено в различные кодексы и некодифицированные законы, в процессе исследований обнаруживается все еще действующий советский закон от 8 июля 1981 г. о судостроительстве⁵⁵. Этот закон никогда не отменялся, а неоднократно модифицировался федеральными законами в период между 1992-м и 2004-м гг., а также федеральными конституционными законами: от 31 декабря 1996 г. № 1 «О судебной системе Российской Федерации» и от 23 июня 1999 г. № 1 «О военных судах Российской Федерации». Несмотря

⁵³ По этому вопросу см.: Massias J.-P. Op. cit. P. 295 et s.

⁵⁴ По этому вопросу см.: Witz C. La fiducie française face aux expériences étrangères et la convention de La Haye relative au trust. D., 2007. P. 1369.

⁵⁵ Закон РСФСР, или Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, которая ныне не существует.

на различные поправки к советскому закону 1981 г., можно еще прочитать старые положения, которые могли бы быть отменены одним словом. Так, ст. 3 закона в своей последней редакции гласит, в частности, что всей своей деятельностью суд «воспитывает советских граждан в духе верности Родине и интересам коммунизма, в духе точного следования Конституции СССР, Конституции Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, с тем, чтобы они стояли на охране социалистической собственности...» Данное положение закона и другие подобные продолжают действовать и сейчас (начало 2011 года)!

Б. Позитивизм, симптом слепого подчинения государству

Мы рассмотрим только один пример, но его, на наш взгляд, достаточно для иллюстрации ультрапозитивистской концепции права в системе судебной власти. Этот ультрапозитивизм⁵⁶ вызывается слепым подчинением государству, которое воспринимается как монарх, безучастный к себе и превосходящий во всем. Предполагается, что законы исполняются буквально, и неважно, если дух закона изменился. Этот позитивизм, будучи продуктом патристического чувства и страха, внушаемого сувереном, приводит к пренебрежению иерархией норм.

Речь идет о Постановлении Конституционного суда РФ от 11 марта 1996 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности п. 3 ст. 1 Закона РФ от 20 мая 1993 года «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие аварии в 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча» в связи с жалобой гражданина В. С. Корнилова». Давайте изложим вначале факты: в 1957 г. на заводе в Челябинской области произошла техногенная катастрофа, повлекшая многочисленные жертвы. Придется ждать 20 мая 1993 г., чтобы законом было предусмотрено возмещение ущерба, причиненного жителям области. Эта норма гласила, в частности, что закон от 15 мая 1991 г. о социальной защите пострадавших от Чернобыльской катастрофы может быть применен к гражданам, эвакуированным за пределы радиационной зоны, и тем, кто добровольно выехал за пределы заселенных территорий, подвергнувшись радиоактивному заражению вследствие аварии и радиоактивных выбросов во время катастрофы 1957 года. Именно в таких обстоятельствах в момент событий в радиационной зоне и находился гражданин Корнилов, который после выхода указанного

⁵⁶ О юридическом позитивизме см., в частности: Villey M. La formation de la pensée juridique moderne. Présentation S. Rials, PUF, 2003. P. 559 et s.

закона обратился в Администрацию Челябинской области с целью получения компенсации за понесенный ущерб. Его заявление было отклонено на том основании, что этот закон не может быть к нему применен по той причине, что если он был эвакуирован, то это произошло *в пределах рассматриваемой зоны*, даже если речь идет об ее внутренней границе, а не *за пределами зоны*, как это указано в законе.

После нескольких обращений в суд, оставшихся неудовлетворенными по тем же основаниям, гражданин Корнилов решил подать жалобу в Конституционный суд РФ. Последний 11 марта 1996 г. вынес решение⁵⁷, в котором, с одной стороны, установил, что закон от 20 мая 1993 г. имел основной целью обеспечить возмещение ущерба, понесенного пострадавшими от радиации в рассматриваемой зоне, а с другой стороны, что п. 3 ст. 1 этого закона создает вопиющее неравенство между пострадавшими в зависимости от того, были ли они эвакуированы за пределы зоны или в границах ее. Конституционный суд РФ признал эти решения неконституционными на основании ст. 19⁵⁸ и 42⁵⁹ Российской Конституции. Это решение *a priori* является хорошим предзнаменованием для эволюции российского права с учетом того места, которое занимает Конституционный суд в российской судебной системе⁶⁰.

Действительно, в Конституционный суд РФ могут обратиться все, включая иностранцев, всякий раз, когда они полагают, что какой-то нормативный акт является неконституционным. Решение суда по поводу неконституционности нормы *«предполагает, что положения нормативного акта применяться более не могут юрисдикциями, другими властями и административными органами»*⁶¹. Следовательно, решения Конституционного суда представляют собой настоящий источник права, такой же значимости, что и конституционная норма⁶². Однако, по причине важности места, какое занимает Европейская Конвенция по правам человека⁶³

⁵⁷ Сборник законодательства Российской Федерации. 1996. № 14. Ст. 1550; Вестник Конституционного суда Российской Федерации. 1996. № 2; Российская газета. 1996. № 54 (21 марта).

⁵⁸ Относительно равенства всех перед законом и судами.

⁵⁹ Относительно права каждого на здоровую окружающую среду.

⁶⁰ По этому вопросу см.: Baudoin M.-E. Justice constitutionnelle et Etat post-soviétique, PU de la faculté de droit de Clermont-Ferrand, diffusion LGDJ 2005.

⁶¹ Massias J.-P. Op. cit. P. 313.

⁶² Ibid. P. 304 et s.

⁶³ Российская Федерация примкнула к Европейской Конвенции по правам человека в 1998 г. См.: Legeais R. La Convention européenne des droits de l'homme, un guide vers l'Etat de droit: l'exemple de la Russie // Mélanges offerts à Jean Pradel, Cujas 2006. P. 1097.

в решениях российского Конституционного суда⁶⁴, можно надеяться, что российское право эволюционирует к большей справедливости⁶⁵, но лишь при том условии, что *«будет развиваться корпус юристов, которые являются скорее техниками, нежели политиками»*⁶⁶. Это люди, которые в конечном итоге формируют живое право; если это происходит в ситуации всеобщего молчания, то будет еще лучше, если мы будем об этом говорить. Конечно, законы важны, но применяющие их люди еще важнее, ибо их роль *«состоит не только в том, чтобы знать норму права, но и чтобы ее применять. Миссия юриста является еще более высокой... творить норму права, создавать ее такой, чтобы она приближалась, насколько это возможно, к идеалу справедливости»*⁶⁷. Следовательно, основное – это российские юристы и то, как они создают право.

В заключение отметим прежде всего, что одна из основных миссий юриста состоит, по нашему мнению, в создании правовых норм. Также надо признать, что юридическая наука – это искусство, по крайней мере если допустить, что для *«построения» нормы необходимо опираться не только на констатацию фактов, на “данность”, но и на желание воплотить идеал справедливости»*⁶⁸. Миссия компаративиста заключается в том, чтобы способствовать открытию, или *«открывать институты, в рамках которых может быть реализовано наднациональное единство юридических норм, а также нации, способные влиться в это единство»*⁶⁹. Впрочем, в России воля воплотить идеал справедливости полна смысла, но скована трехмерным цивилизационным параметром, который создал культуру своеобразную, проникнутую духовностью и глубоким антиюридическим наследием. Исходя из этого, мы полагаем, что концепция права Иеринга является, вероятно, той концепцией, которая бы позволила россиянам лучше всего воплотить их идеал справедливости, создавая право, похожее на них самих. Действительно, «право в собственном смыс-

⁶⁴ См.: например, Московский федеральный арбитражный суд, aff. KG-A40/698-06-P, упомянутое J.-P. Ancel и M. Abassi, в докладе «Исполнение решений иностранных судов» на Международной конференции об исполнении решений иностранных судов, которая состоялась в Москве; опубликовано на русском языке в «Журнале русского права» (2006. № 8. С. 30).

⁶⁵ См.: Zenati-Castaing F. La motivation des décisions de justice et les sources du droit. D., 2007. P. 1553.

⁶⁶ Legeais R. Loc. cit.

⁶⁷ Mazeaud F. Op. cit., n° 17. P. 48.

⁶⁸ Mazeaud F. Loc. cit.

⁶⁹ Mazeaud F. Op. cit., n° 62. P. 110.

ле слова является достоянием культурным, а значит, духовным. Поэтому оно может быть лишь объектом нескончаемой борьбы, но такая борьба имеет смысл только в том случае, если мы, как и Иеринг, умеем испытывать к праву немного любви»⁷⁰. Так, русская странность со временем рассеется, но, как говорил Йосиюки Нода по поводу Японии, а можно сказать то же самое и по поводу России: российский дух «будет переживать длительную метаморфозу, но останется все же» российским духом⁷¹.

⁷⁰ Jouanjan O. Présentation. Jhering ou l'amour du droit. Préface à l'ouvrage de Jhering; La lutte pour le droit, Dalloz 2006. P. XXXIII.

⁷¹ Noda Y. Op. cit. P. 200.

В. О. Лобовиков*

Точное определение понятия «государство» в дискретной математической модели системы естественного права – «государство есть фильтр в алгебре хороших или плохих поступков»

Определение понятия «государство» в теории *позитивного* права можно найти в любом современном учебнике по теории государства и права. А вот *естественно-правовое* определение указанного понятия встретить в таких учебниках невозможно. И уж тем более, невозможно встретить в них *математически точное* определение *естественно-правового* понятия «государство». Такое исторически преходящее положение дел объясняется почти монопольным статусом юридического позитивизма в современной философии права. В принципе же, на качественно новом этапе развития доктрины естественного права вполне возможно формирование ее собственного (естественно-правового) понятия о государстве и точное определение этого понятия в терминах добра и зла. Одну из первых попыток определить государство в терминах добра и зла предпринял Августин Блаженный. Но его знаменитая попытка, осуществленная на уровне двусмысленного естественного языка, не была математически точной фиксацией необходимого статуса государства в естественно-правовой системе. В данной работе такого рода математически точная фиксация предлагается на уровне искусственного языка и собственно математических понятий «множество», «функция», «алгебра», «алгебраическая операция», «фильтр в алгебре», «дуальный фильтр (идеал)» и др.

Возможность математически точного определения естественно-правового понятия «государство» реализуется в данной работе на абстрактно-теоретическом уровне простейшей дискретной математической модели естественного права, а именно, в рамках

* **Владимир Олегович Лобовиков** – д-р филос. наук, профессор, главный научный сотрудник отдела права Ин-та философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург).

двузначной алгебры добра (хорошо) и зла (плохо). Эта алгебра строится на множестве поступков. По определению, *поступками называются такие и только такие действия, которые являются либо хорошими, либо плохими*. Подразумевается, что поступки либо хороши, либо плохи с точки зрения некоего оценщика Σ . Этот подразумеваемый субъект оценки (оценщик) Σ играет роль «системы отсчета» в предложенной и систематически развиваемой нами научной теории объективной *относительности* морально-правовых оценок поступков. Очевидно, что субъект оценки (оценщик) Σ есть *переменная* (изменяющийся субъект), но, тем не менее, в *релятивистской* теории морально-правовых оценок существуют *абсолютные законы* (морально-правовые формы, представляющие собой *морально-правовые ценностные функции-константы*), которые совершенно не зависят от изменений значения переменной Σ , т. е. *инвариантны относительно любых преобразований «системы отсчета»*¹.

Алгебраические операции, определенные на множестве поступков, представляют собой морально-правовые ценностные функции от некоторого числа ценностных переменных. Морально-правовые ценностные переменные этих функций принимают значения из двухэлементного множества {g (хорошо), b (плохо)}. Это же самое множество является областью изменения значений морально-правовых ценностных функций. Символы g и b обозначают морально-правовые значения поступков «хорошо» и «плохо» соответственно. Выделенные курсивом символы *x, y, z* обозначают *морально-правовые формы (поступков), отвлеченные от их конкретного содержания*. Простые морально-правовые формы (поступков), т. е. морально-правовые формы простых поступков, – независимые морально-правовые ценностные *переменные*. Сложные морально-правовые формы (поступков), т. е. морально-правовые формы сложных поступков, – морально-правовые ценностные *функции* от этих переменных. В двузначной алгебре формальной этики существует 16 математически различных бинарных операций, точно определяющихся следующими таблицами 1, 2.

¹ Vladimir Lobovikov. A Universal Theory of Relativity of Moral-legal Evaluations and a Precise Definition of Universal Laws of This Theory // Abstracts of Special Workshops and Working Groups of IVR 24th World Congress Global Harmony and Rule of Law (September 15–20, 2009, Beijing, China). Vol. I. P. 331–333.

Таблица 1

Бинарные операции

x	y	Kxy	Sxy	Axy	Wxy	Uxy	Txy	Hxy	Dxy
g	g	g	b	g	b	b	g	b	g
g	b	b	g	g	b	g	b	b	g
b	g	b	g	g	b	g	b	g	b
b	b	b	g	b	g	b	g	b	g

Таблица 2

Бинарные операции

x	y	Sxy	Vxy	Lxy	Qxy	Fxy	Ixy	Gxy	Zxy
g	g	g	b	g	g	b	b	g	b
g	b	b	g	g	b	b	g	g	b
b	g	g	b	b	g	g	b	g	b
b	b	g	b	b	b	g	g	g	b

Глоссарий для приведенной выше таблицы 1. Символ *Kxy* обозначает морально-правовую операцию «*объединение* (соединение) поступков *x* и *y* (в *поведение* как целое)». *Sxy* – морально-правовую операцию «*разделение* (отделение, изоляция друг от друга) *x* и *y*». *Axy* – «*неисключающий выбор* и совершение наилучшего поступка из тех, которые могут быть образованы из *x* и *y*». *Wxy* – «*воздержание* от обоих: как от *x*, так и от *y*». *Uxy* – «*исключающий выбор* и совершение наилучшего из двух поступков: *x* и *y*». *Txy* – «*отождествление* (ценности) *x* и *y*». *Hxy* – «*наступление, нападение, атака* (чего, кого) *y* на (что, кого) *x*». *Dxy* – «*оборона, защита* (чего, кого) *x* от (чего, кого) *y*». Ценностно-функциональный смысл этих бинарных операций точно определяется ценностной таблицей 1, приведенной выше.

Глоссарий для приведенной выше таблицы 2. Символ *Sxy* обозначает морально-правовую операцию «*совершение* (поступка) *y* в ответ на совершение (поступка) *x*». *Vxy* – «*контр-наступление, контр-атака* (чего, кого) *x* на (что, кого) *y*». *Lxy* – «*независимость* (свобода) *x* от *y*». *Qxy* – «*независимость* (свобода) *y* от *x*». *Fxy* – «*независимость разрушения* (прекращения, исчезновения), небытия *x* от *y*». *Ixy* – «*независимость разрушения* (прекращения, исчезновения), небытия *y* от *x*». *Gxy* – *тождественно* (*постоянно, неизменно*) *хорошая* (или аналитически *хорошая*) морально-правовая форма. [Этот специфический вид морально-правовых форм деятельности представляет собой *неизменные универсальные законы морали и права естественно*, которые являются *необходимо общими положительными ценностями* для всех времен и народов и, более того, *необходимо общими положитель-*

ными ценностями для всех возможных живых существ, согласно некоторым видным представителям Римского Права]. *Zxu* – тождественно (постоянно, неизменно) плохая (или аналитически плохая) морально-правовая форма. [Этот специфический вид морально-правовых форм деятельности представляет собой *морально-правовые формы преступления универсальных законов морали и права естественного*. Преступления этого особого вида являются *необходимо общими отрицательными ценностями* для всех времен и народов и, более того, *необходимо общими отрицательными ценностями* для всех возможных живых существ, согласно некоторым видным представителям Римского Права]. Ценностно-функциональный смысл перечисленных бинарных операций точно определяется ценностной таблицей 2, приведенной выше.

На первый взгляд, в сказанном выше ничто не предвещает необходимость введения в теорию естественного права понятия «государство». Более того, кажется, что это понятие неразрывно связано только с человеческим обществом и только со вполне определенной исторической стадией его развития: до и после этой стадии говорить о государстве бессмысленно; применять понятие «государство» ко всему живому, включая любые в принципе возможные биохимические формы жизни, качественно отличные от нашей (формы), неуместно. Но, согласно Римскому Праву, *естественное право есть то, чему природа научила все живое*: люди – важный, но *частный* случай обладателей этого права. Поэтому, соответствующее Римскому Праву математически точное абстрактно-теоретическое определение естественного права понятия «государство» должно быть свободно от упоминания людей и любых других вполне определенных видов живого, а также от фиксации конечных исторических периодов, ибо естественное право универсально и неизменно, оно всегда было, есть и будет, согласно античным классикам естественного права мысли. Следовательно, согласно Ульпиану и Павлу (а также Августину Гиппонскому), понятие «государство» в доктрине естественного права может и должно быть определено в самом общем виде в абстрактно-теоретических формально-этических терминах «добро (хорошо)» и «зло (плохо)» *независимо от любых преобразований переменного субъекта оценки*.

В данной работе в качестве такого абстрактно-теоретического определения предлагается следующее суждение: универсальное и неизменное для всех времен, народов и форм жизни (естественное) *государство есть фильтр в алгебре поступков*.

Термин «поступок» уже был точно определен выше в настоящей работе. И в этом определении были использованы морально-

правовые ценностные понятия «добро (хорошо)» и «зло (плохо)» – центральные для естественно-правовой доктрины. Значение словосочетания «двузначная алгебра поступков» тоже уже было точно определено выше в настоящей работе. Собственно математическое (алгебраическое) понятие «фильтр», а также тесно связанное с ним понятие «дуальный фильтр (идеал)» точно определяется в любом учебнике по алгебре для студентов математических специальностей и уж тем более, в любом профессиональном словаре или энциклопедии для математиков. Согласно данному выше определению, двузначная алгебра поступков строится на множестве поступков, т. е. действий, являющихся либо хорошими, либо плохими (обозначим это множество буквой Π). Фильтром (в Π) является такое подмножество множества Π , которое состоит из хороших и только хороших поступков. Дуальный фильтр в Π – такое подмножество множества Π , которое состоит из плохих и только плохих поступков. Переводя с языка современной алгебры на естественный язык Августина Блаженного, можно сказать, что *государство есть империя добра*, а мир организованной преступности – *большая шайка разбойников*, представляющая собой структуру, *математически двойственную* государству, – империя зла.

Некто может спросить: допустим, что мы принимаем всю эту терминологию, требующую некоторых усилий для освоения, но зачем (тратить усилия); что это дает; существует ли острая необходимость введения в язык современной теории естественного права математически точно определенного выше понятия «(естественное) государство»? Вопрос вполне резонный, но на него может быть дан следующий ответ.

Если принять приведенные выше ценностные таблицы 1 и 2 алгебры поступков, но не ограничить сферу их *непосредственной* применимости *государством (естественным)* – *множеством, представляющим собой фильтр в алгебре поступков*, то возможны катастрофические последствия: как в чистой теории; так и в реальной жизни общества. Дело в том, что в алгебре поступков, используя данную выше табличную дефиницию алгебраической операции Sxu , можно обосновать любой плохой поступок ссылкой на то, что он совершен в ответ на *любой* плохой поступок, так как от содержания поступков и, следовательно, от связи их по содержанию алгебра поступков систематически абстрагируется. Но возможность таких катастрофических последствий парализует стремление к приложению алгебры поступков для анализа реальных морально-правовых структур человеческой деятельности. Что же делать, если не отказываться от алгебры естественного права и ее морально-правовых ценностных таблиц? Ответ – *необходимо* ввести жесткое ограничение на сферу допустимого применения

этих таблиц: областью их допустимого применения является государство, т. е. фильтр в алгебре поступков; за пределами государства непосредственное применение указанных таблиц недопустимо (ведет к катастрофе). Если же областью применения обсуждаемых таблиц является естественное государство – множество хороших и только хороших поступков, то упомянутая опасность, связанная с табличной дефиницией алгебраической операции *Сх*, исчезает: возможность катастрофы надежно блокируется. Естественное-правовое понятие «государство» тесно связано с соответствующим позитивно-правовым понятием, образует его глубинный смысл и ценность. Позитивное государство тоже есть в каком-то смысле фильтр (*формально определенный нормативный барьер*) между правомерными и преступными деяниями.

С. С. Моисеенко*

К вопросу о роли принципов права в формировании судебной системы

Принципы права, бесспорно, относятся к числу его основных механизмов, несущих конструкции. Принцип – это всегда исходное направляющее начало. Применительно к праву нужно иметь в виду, что в этой области, как и во всех других областях, принцип – это прежде всего идея. Но не только идея. Как само право не сводится к идеям, а охватывает и нормы, и социальные отношения, так и его принципы выходят за пределы только идей и обретают нормативное и правоприменительное содержание. Принципы права – это прежде всего идеи, но также нормы и отношения.

Принципы играют роль ориентиров в формировании права. Эволюция права идет от идей к нормам, затем через реализацию норм – к общественной практике. И вот начиная с появления идеи, а идея очень часто формируется в виде правового принципа, принцип определяет, направляет развитие права.

Понятие принципа может рассматриваться с разных точек зрения. Принцип как общенаучная категория означает: 1) основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения; 2) внутреннее убеждение человека, определяющее его отношение к действительности, нормы поведения и деятельности. Принцип права – это, прежде всего, атрибут правового мышления юриста.

Один из российских ученых, Ю. С. Гамбаров, который занимался вопросами правоведения, определяет принципы права как отражение в категориях правового сознания, образе правового мышления профессионального юриста моральных норм юридического сообщества, обобщающих правила, определяющие собой границу и формы перехода общественных отношений в правовые¹.

Общие принципы права, свойственные для правовых систем всех стран, являются неотъемлемой частью, которая формирует основные принципы функционирования судебной системы в России: принцип законности, обеспечение прав граждан на судебную за-

* *Сергей Сергеевич Моисеенко* – аспирант Гуманитарного ун-та, секретарь судебного заседания Верхнепышминского городского суда (г. Верхняя Пышма).

¹ Гамбаров Ю. С. Право в его основных моментах // Правоведение. 1995. № 4. С. 100.

щиту, осуществление правосудия только судом, участие граждан в отправлении правосудия, презумпция невиновности, равенство всех перед законом и судом и другие. Например, из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом вытекает общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями. Принципы права в рамках судебной системы РФ существуют в актах высших судебных инстанции: Конституционного суда, Высшего арбитражного суда, Верховного суда.

Можно выделить три группы межотраслевых принципов права². Каждая из групп характеризует определенную сторону права.

Первая группа принципов характеризует общее отношение к праву и закону. Сюда можно отнести (в качестве принципов) следующие положения:

- каждый гражданин в отдельности и общество в целом, подчиняясь законам, должны иметь возможность принудить к исполнению закона и самого властвующего;
- закон – это то, что народ приказывает и устанавливает;
- законы должны соблюдаться;
- свобода заключается в соблюдении законов, а не в их игнорировании;
- кто пользуется правом, тот не нарушает ничьих интересов;
- закон не имеет обратной силы.

Вторая группа принципов характеризует отношение к человеку как высшей ценности. Сюда можно отнести в качестве принципов следующие положения:

- человек не должен быть средством достижения цели, напротив, именно он есть цель;
- все люди рождаются свободными и равными в правах;
- человек имеет право на личную неприкосновенность;
- никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе, как по приговору суда и в соответствии с законом; до вынесения приговора обвиняемый считается невиновным (презумпция невиновности);
- осуществление гражданином своих прав не должно нарушать прав других граждан.

² Разработкой межотраслевых принципов права в российской науке занимались такие ученые как С. С. Алексеев, М. Ш. Байтия, В. В. Лазарев, М. Н. Марченко, Л. С. Явич.

Третья группа принципов связана с установлением истины при разрешении споров, с исследованием доказательств. Сюда могут быть отнесены такие положения:

- никто не может быть судьей в собственном деле;
- никто не может ссылаться в свое оправдание на незнание закона;
- да будет выслушана и вторая сторона;
- всякое сомнение – в пользу обвиняемого;
- ответственность наступает только за вину;
- обман уничтожает юридические последствия;
- отрицательные положения не доказываются.

Одним из исследуемых принципов является принцип справедливого правосудия «*nemo iudex in re sua*» – «никто не может быть судьей в своем собственном деле», появившийся в Древнем Риме. Этот принцип существует в законодательстве различных стран, он знаменует общечеловеческую сторону судопроизводства и имеет наднациональный характер, является одним из постулатов юридической науки и судебной практики, выражающим общечеловеческую мораль и справедливость³. В российском судопроизводстве этот принцип более полно реализован в арбитражном процессе, где вопрос об отводе судьи, рассматривающего дело единолично, разрешается председателем арбитражного суда, его заместителем или председателем судебного состава (ч. 2 ст. 25 АПК Российской Федерации). В гражданском процессе этот вопрос решается единолично судьей, которому заявлен отвод, что не в полной мере обеспечивает объективное судопроизводство. Таким образом, институт отвода, призванный служить обеспечению объективности суда, создан так, что реально не способен работать должным образом.

Принципы права в изложенном понимании не являются достоянием права какой-либо одной страны или даже права какого-то конкретного исторического периода. Они коренятся во всей истории права. Нетрудно заметить, что формулировки некоторых принципов восходят еще к римскому праву. На протяжении всей истории права эти принципы составляли его сущность и применялись в разных исторических условиях. И все же здесь можно проследить определенную закономерность. Приведенные принципы опираются не на любой порядок в обществе, а именно на правовой порядок с его демократической и гуманистической направленностью. При при-

³ Разработкой межотраслевых принципов права в области гражданского и арбитражного процесса занимались такие российские правоведы, как Р. Ф. Каллистратова, В. М. Семенов, М. К. Треушников, Д. А. Фурсов, В. В. Ярков.

менении законов и при восполнении пробелов в правовом регулировании и в судебной практике они служат векторами правоприменительной деятельности.

За 20 лет Российское государство прошло большой путь в развитии правовых институтов, и если рассмотреть развитие судебной системы, то видно, что наше государство сделало огромный шаг вперед. Это и создание мировых судов, Конституционного суда, системы Судебного департамента, четкое законодательное разделение между судами общей юрисдикции и системой арбитражных судов, развитие законодательства о судебной системе, а в последнее время еще и, усиление мер безопасности зданий судов, обеспечение безопасности судей и членов их семей и т. д.

Однако, несмотря на активное развитие правовой системы нашего общества, далеко не все проблемы близки к своему разрешению, и важную роль в преодолении трудностей правового развития и в формировании новой правовой системы должно сыграть применение принципов права в правовой деятельности в целом и в деятельности судебных органов в особенности.

В. А. Муравский*

Правовая система России в 1991–2011 гг.

Изучение последних 20 лет в истории российского права следует начать с установления системы координат, определяющих основные подходы и рамки исследования. Получить объемное и вместе с тем достаточно точное представление об изменениях в праве России возможно только при изучении развития ее правовой системы.

Существует несколько подходов к определению правовой системы общества. В частности, при использовании системного метода в качестве правовой системы выделяется «целостный комплекс правовых явлений, обусловленный объективными закономерностями развития общества, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (государством) и используемый ими для достижения своих целей»¹. При этом различаются пять уровней правовой системы: субъектно-сущностный; интеллектуально-психологический; нормативно-регулятивный; организационно-деятельностный; социально-результативный².

На субъектно-сущностном уровне в качестве элемента правовой системы выделяется человек (гражданин, иностранный гражданин, лицо без гражданства) и его объединения (общественные организации и движения, акционерные общества, другие коммерческие и некоммерческие организации и государство в целом), на интеллектуально-психологическом уровне – правопонимание конкретного человека и правосознание (индивидуальное и общественное), на нормативно-регулятивном – нормы-права, на организационно-деятельностном – все юридически оформленные связи и отношения, формы реализации права, различные виды правового поведения людей, правотворческая и правоприменительная деятельность государства и общества, на социально-результативном – с одной стороны, то, насколько человек как субъект права освоил правовую действительность, как он «живет» в ней, а с другой – то, как сформировались и насколько идентичны интересам индивида и общества различного рода режимы и состояния, позволяю-

* **Виктор Андреевич Муравский** – канд. юр. наук, доцент Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Теория государства и права: учебник / Под ред. В. Д. Перевалова. М., 2006. С. 290.

² Там же. С. 291.

щие представить себе определенные результаты действия юридических норм (правовая культура, законность, правопорядок)³.

Использовать данный подход не представляется возможным, так как он предполагает описание всех правовых явлений (правовой жизни) общества, а не правовой системы как определенного аспекта этой жизни. Ничего не могут изменить в данном случае те признаки, которые перечисляются при определении правовой системы – комплексный, соответствующий закономерностям развития общества, целевой характер правовых явлений, поскольку все они в равной мере присущи и правовой жизни. В частности, она осуществляется сознательно и не может отменять социальные закономерности, кроме того, для правовой жизни в силу системного характера общества характерна и системность.

Далее, не следует включать в правовую систему такие феномены, как субъекты права (индивиды и их объединения, в том числе и государство), поскольку это приводит к отождествлению государства и права, социальных и правовых явлений.

Правовая система есть продукт деятельности общества, но не сама эта деятельность, к правовой системе принадлежат не социальные связи и отношения и их субъекты, а особые, правовые «сгущения», которые представляют формализованные моменты жизнедеятельности общества.

Для характеристики правовой системы не применим и так называемый аутопойетический подход, поскольку он механически переносит на право методологию изучения социальной жизни, применимую к саморазвивающимся системам, которые автономно порождают как свои структуры, так и элементы⁴. Правовая система не может быть представлена в виде особой разновидности самостоятельных социальных систем, как подчеркивалось выше, она является продуктом функционирования общества, отражением его жизнедеятельности в пространственно-временном континуитете в виде формализованных конструктов.

Надо помнить, что термин «правовая система» был создан в рамках компаративистики и призван обозначить наиболее характерные свойства национального права. При этом в качестве наиболее общих признаков правовой системы выделяются особенности источников права и метода работы юристов, иногда – основные

³ Теория государства и права: учебник / Под ред. В. Д. Перевалова. М., 2006. С. 291–293.

⁴ См.: Гальперина П. Л. Понятие правовой системы в контексте теории правового аутопойезиса // Правоведение. 2005. № 6. С. 160–179.

принципы права и выраженные в праве интересы, иногда – структура права и концепции юристов⁵.

Главным при такой точке зрения является изучение в качестве правовой системы комплекса тех правовых явлений, которые обеспечивают право в его «натуральном» виде, «как есть», что предполагает выделение тех феноменов, которые порождают, оформляют, материализуют и обеспечивают норму права как актуальное, реальное явление.

Поэтому в качестве элементов правовой системы следует выделить:

1) *Позитивные источники права*, как те, что были созданы государством (официальные), так и те, что получили реальное воплощение (актуальные). Здесь важным является соотношение между позитивным официальным, актуальным и естественным правом. При этом огромное значение имеет изучение правосознания общества, которое определяет пропорции данного соотношения и вызывает возникновение источников актуального и естественного права.

С историковедческой точки зрения развитие в отмеченный период источников российского права носило неоднозначный, дуалистический характер. Как и при социализме, наряду с официальными источниками существовал и существует параллельный ряд актуальных источников, создание которых инспирировано властью и которые призваны защищать групповые интересы. Господствующим типом правопонимания, определяющим содержание и процесс возникновения источников актуального права, становится позитивизм, представление о праве как о законе, воплощающем волю государства.

2) Вышеуказанное обстоятельство приводит к полному искажению второго элемента правовой системы – *принципов и отраслей права*. Наблюдается игнорирование закона, естественного права и основных прав личности, приобретающих декларативный характер.

3) В качестве следующего элемента можно выделить *цели права*, которыми могут быть защита интересов общества, либо индивида, либо определенной социальной группы. Здесь также наблюдается раздвоение правовой системы – установленная законом антропоцентричность права на практике вытеснена его корпоративностью. Власть и сливающийся с ней бизнес создают социальные группы, обеспечивающие действие актуально-правовых норм, обеспечивающих их доминирование и процветание.

⁵ См.: Общая теория права и государства: академический курс. М., 2001. Т. 2. С. 146.

4) В качестве последнего элемента правовой системы следует упомянуть *эффективность закона* как соответствие между его целями и реальным их воплощением и *результативность права* в целом, обозначающую социальные последствия действия права. Вследствие корпоративности права российский закон полностью неэффективен, не обеспечиваются его основные положения, наблюдаются феномены избирательности закона, освобождение отдельных лиц от действия правовых обязательств (диспенсация права). Проведенная монетизация льгот свидетельствует и о существовании суспенсации права, массовом невыполнении (приостановлении действия) закона в отношении отдельных категорий населения. Поэтому реальное право ведет к возникновению социальной пропасти между различными слоями общества и к уничтожению его нравственных и психологических основ.

Рассмотрение с вышеприведенных позиций развития правовой системы России в отмеченный период дает возможность сделать вывод о том, что она претерпела столь существенные изменения, что можно говорить об эволюции постперестроечной системы, ориентированной на романо-германскую семью права, в направлении к этатистско-патриархальной системе, присущей для авторитарных развивающихся государств.

М. В. Мухин*

Реализация права: понятие, сущность

Когда я отправляюсь в какую-либо страну, я проверяю не то, хороши ли там законы, а то, как они осуществляются, ибо хорошие законы встречаются везде.

Ш. Монтескье

Право есть регулятор общественных отношений. Это регулятивное воздействие права достигается только тогда, когда нормы права непосредственно реализуются в поведении субъектов социальных связей. В таком случае право имеет ценность и пользу для общества и государства в целом.

В науке теории права существует более двадцати понятий реализации права, и все они в той или иной степени отражают суть этого процесса. В самом общем виде, реализация права представляет собой осуществление предписаний правовых норм в поведении людей и в общественных отношениях¹. Данная дефиниция не отражает особенностей этого процесса, а именно: что подразумевается под осуществлением права, каково должно быть поведение субъектов, чтобы произошла реализация, только лишь люди должны воплощать правовые предписания, в каких именно общественных отношениях возникает потребность воздействия права?

Некоторые авторы указывают, что под процессом реализации права надо понимать «деятельность, согласную с выраженной в законе волей»², или «осуществление нормативных предписаний, их воплощение в правомерное поведение людей»³. Также можно встретить следующие определения: реализация права – это «процесс фактического осуществления (претворения) в жизнь предпи-

* **Михаил Викторович Мухин** – аспирант Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Цыганов В. И. Теория государства и права: тезисы лекций. Н. Новгород, 2007. С. 97; Бережнов А. Г., Воротилин Е. А., Кененов А. А. и др. Теория государства и права: учебник для вузов / Под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало, 2004. С. 346.

² Теория государства и права: учебник / Под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. С. 447.

³ Теория государства и права: учебник / Г. А. Борисов. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 206.

саний юридических норм в правомерном поведении граждан, должностных лиц и иных субъектов права»⁴; «такое социальное поведение субъектов права, в котором воплощаются предписания правовых норм, как форма практической деятельности по осуществлению прав, выполнению обязанностей»⁵.

Таким образом, очевидно, что ученые затрагивают различные аспекты реализации права, поэтому их собственные выводы о правореализации представляются вполне обоснованными, так как адекватно раскрывают ее содержание с соответствующей точки зрения.

Исследование трудов различных авторов по вопросам реализации норм права показывает, что в отечественной юридической литературе еще не утвердилось комплексное, всеобъемлющее, согласованное, развернутое и хорошо отработанное понимание правореализации. Однако давно подмечено, что реализация права есть часть, более высокая ступень действия права⁶.

Также отсутствует единство взглядов по многим вопросам сущности и содержания правореализации. Раскрывая сущность правореализации, некоторые специалисты отмечают, что под реализацией права следует понимать претворение, воплощение предписаний юридических норм в жизнь путем правомерного поведения субъектов общественных отношений; государственных органов, должностных лиц, общественных организаций и граждан. Правореализация как осознанная, целенаправленная деятельность людей и их организаций по практическому осуществлению требований правовых норм является завершающим этапом регулирования общественных отношений, она имеет репродуктивный характер, направлена на получение таких социальных результатов, которые предусмотрены в нормах закона, иного нормативного акта, определяющих одновременно и средство достижения результатов⁷.

Для того чтобы выявить сущность и содержание правореализации, необходимо выявить соотношение и взаимосвязи данной категории с другими категориями права.

Реализацию права принято связывать преимущественно с поведением граждан. Между тем реализация права зависит в первую

⁴ Абдулаев М. И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М.: Финансовый контроль, 2004. С. 258.

⁵ Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. С. 261.

⁶ См.: Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права. Казань: Спектр, 2000. С. 268.

⁷ См.: Завадская Л. Н., Куманин Е. В., Леванский В. А. Осуществление нормативных установлений // Теория права: новые идеи. М., 1991. С. 80.

очередь от тех, кто творит право. Законодатель преследует в правотворчестве цель воздействовать на сознание людей и побудить их действовать определенным образом. Именно в процессе правотворчества законодателем в норму права закладываются те или иные интересы, позволяющие в дальнейшем определить ее принадлежность к публичному или частному праву.

Постановка вопроса о реализации права законодателем может покоиться как на позитивистском правопонимании, так и на естественно-правовом или ином представлении о праве.

В юридической науке, кроме того, широко исследуется тесная связь реализации норм права с механизмом правового регулирования. Этот механизм довольно часто понимается как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения⁸, специально юридическое воздействие объективного и субъективного права, всей системы юридических средств на общественные отношения в целях достижения определенных результатов⁹. Взятые в единстве и взаимодействии, эти средства составляют целостный механизм правового регулирования.

Некоторые авторы определяют механизм правового регулирования как совокупность непосредственно-социальных и юридических средств объективации и реализации норм естественного права, призванных обеспечить стабильность общественных отношений путем наиболее оптимального сочетания общественных и индивидуальных интересов членов социума в целях создания условий для прогрессивного развития каждой личности, а также реализации ее прав и свобод¹⁰.

Большинство специалистов склоняется к тому, что реализация норм права является завершающим этапом в механизме правового регулирования или результатом, итогом правового регулирования. В частности, А. В. Малько отмечает, что четвертая стадия процесса правового регулирования – реализация субъективных прав и юридических обязанностей, при которой правовое регулирование достигает своих целей, – позволяет интересу субъекта удовлетвориться. Акты реализации субъективных прав и обязанностей как основное средство, при помощи которого права и обязанности претворяются в жизнь, осуществляются в доведении до конкретных

⁸ См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М.: Юрид. лит., 1981. Т. 2. С. 9.

⁹ См.: Сапун В. А. Механизм реализации советского права // Известия вузов. Правоведение. 1988. № 1. С. 4.

¹⁰ См.: Корейский А. Д. Договор в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 1999. С. 21.

субъектов¹¹. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, реализация права – явление более широкое, чем просто завершающий этап процесса правового регулирования. Ведь она складывается из фактического поведения участников общественных отношений и, следовательно, то, что относится к реализации права, уже в какой-то мере выходит за пределы самого правового воздействия.

По-видимому, следует согласиться с мнением Ю. С. Решетова, что правовое регулирование и реализация норм права представляют собой отдельные, обладающие специфическими чертами грани функционирования права. Он же отмечает, что «функционирование права является тем общим, что объединяет правовое регулирование и реализацию правовых норм... Реализация норм права представляет собой фактический итог правового регулирования. Но реализация правовых норм – это результат и самостоятельного идеологического воздействия права»¹².

В социальной жизни для успешного функционирования права важно, чтобы предписания правовых норм получали реализацию в общественных отношениях. Если предписания правовых норм не воплощаются в реальных жизненных отношениях, то они мертвы и теряют свою роль социального регулятора. «Право ничто, – отмечает Л. С. Явич, – если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества»¹³. Мало иметь развитое законодательство, необходимо, чтобы его положения получали практическое осуществление в социальной жизни, чтобы каждый человек мог реализовать свои конституционные права и свободы, находясь под защитой государства¹⁴.

¹¹ Малько А. В. Механизм правового регулирования // Теория государства и права: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юрист, 2000. С. 730.

¹² Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: системный анализ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1989. С. 31.

¹³ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 201.

¹⁴ См.: Абдулаев М. И. Указ. соч. С. 255.

*И. С. Огоновская**

Правовое образование в системе общего образования России 1990–2000-х гг.: движение по наклонной

12 декабря 1993 г. на всенародном референдуме была принята Конституция России, провозглашавшейся в этом документе демократическим, федеративным, правовым, социальным и светским государством. Впервые в истории российской государственности в Основном законе страны появилась глава «Права и свободы человека и гражданина»¹. В дальнейшем вполне закономерно встал вопрос о формировании политико-правовой культуры у будущих участников общественно-политических процессов в стране, и в первую очередь, конечно, на уровне школы.

29 ноября 1994 г. Президент РФ Б. Н. Ельцин подписал Указ № 2131 «Об изучении в общеобразовательных учреждениях Конституции Российской Федерации». Именно этот документ, на наш взгляд, положил начало процессу формирования правовой культуры учащихся. Вслед за Указом президента появился приказ Министерства образования РФ «Об изучении Конституции Российской Федерации в общеобразовательных учреждениях» (№ 470 от 9 декабря 1994 г.), а затем письмо этого же министерства «О гражданском образовании и изучении Конституции Российской Федерации» (№ 151/11 от 6 февраля 1995 г.)². Целью гражданского образования в этих документах провозглашалась подготовка учащихся к ответственной и осмысленной жизни и деятельности в демократическом правовом государстве, гражданском обществе. 28 декабря 1994 г. на заседании коллегии МО РФ было принято решение № 24/1 «О стратегии развития исторического и обществоведческого образования в общеобразовательных учреждениях», в котором подчеркивалась необходимость организации целенаправленной работы по гражданскому образованию и воспитанию школьников, в частности, введения курсов «Право и политика»,

* *Изабелла Станиславовна Огоновская* – канд. ист. наук, доцент кафедры педагогики и социологии воспитания УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ Конституция РФ // Сборник законов РФ (с изм. и доп. на 1 сентября 2008 г.). М.: Эксмо, 2008. С. 4–6.

² Справочник преподавателя общественных дисциплин / Авт.-сост. Е. Е. Вяземский, Т. И. Тюляева. М.: ЦГО, 1998. С. 63.

«Граждановедение», «Человек и общество», «Основы правоведения». В рекомендованных к изучению документах были обозначены Всеобщая декларация прав человека, Конвенция о правах ребенка, Конституция РФ³.

С принятием новой Конституции и активизацией общественной жизни страны в первой половине 1990-х гг. одной из задач российского общества стало повышение правовой культуры избирателей. 25 февраля 1995 г. Указом Президента страны № 228 была утверждена Федеральная целевая программа повышения правовой культуры избирателей и организаторов выборов в Российской Федерации, одной из целей которой было обозначено создание единой системы качественного правового просвещения и образования⁴. Министерство образования РФ отреагировало на Указ президента письмом «О повышении правовой культуры и образования учащихся в сфере избирательного права и избирательного процесса» (№ 385/11 от 7 апреля 1995 г.)⁵. В качестве основных механизмов развития правовой культуры в данном письме определялись: создание системы правового образования в ОУ страны, введение в учебные планы правовых курсов, изучение зарубежного опыта правового воспитания, переход к активным формам обучения (ролевые и деловые игры, диспуты, самостоятельная работа, работа с политическими и правовыми документами), развитие системы правовой подготовки и переподготовки учителей, методическая оснащенность правового просвещения и образования.

Анализируя ситуацию и определяя дальнейшую стратегию развития гражданских и патриотических качеств личности, министерство образования поставило задачу создания системы гражданско-правового образования в ОУ, включающей курсы политико-правовой и нравственной проблематики с 1-го по 11-й класс, разработку целостной концепции гражданско-правового образования и воспитания в ОУ, подготовку стандартов, программ, учебников и учебно-методических комплектов по правовой тематике, подготовку и переподготовку учительских кадров, способных применять личностно-ориентированные педагогические технологии, включая моделирование реальных социальных процессов, ролевые и деловые игры. Данный подход был обозначен в письме МО РФ «О гражданско-правовом образовании учащихся в общеобразова-

³ Справочник преподавателя общественных дисциплин / Авт.-сост. Е. Е. Вяземский, Т. И. Тюляева. М.: ЦГО, 1998. С. 21–32.

⁴ См.: Пылин В. В. Избирательное и референдумное право Российской Федерации: учеб.-практ. пособие. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. С. 45.

⁵ Справочник преподавателя общественных дисциплин. С. 67–71.

тельных учреждениях Российской Федерации» (№ 391/11 от 19 марта 1996 г.)⁶.

Благодаря целенаправленной политике Президента страны и министерства образования РФ к 1996 г. в стране были достигнуты серьезные успехи в создании системы правового образования учащихся средних общеобразовательных учреждений. К числу достижений первых пяти лет существования новой России можно отнести широкое распространение правовых курсов в школах, появление первых учебников («Ваши права», «Приключения маленького человечка», «Право на каждый день» и др.), создание Ассоциации учителей России «За гражданское образование», начало выхода газеты «Граждановедение» (приложение к «Учительской газете» с февраля 1996 г.), первую всероссийскую олимпиаду по праву (май 1996 г.) и др.

В 1998 г. в образовательные учреждения было отправлено информационно-методическое письмо Департамента общего среднего образования МО РФ «Об изучении прав человека в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации в 1998/1999 уч. г.» (№ 916/11-12 от 7 июня 1998 г.)⁷.

Во второй половине 1990-х гг. был осуществлен серьезный прорыв в создании учебно-методических комплектов по праву: появились книги Российского фонда правовых реформ, учебные издания под редакцией Н. И. Элиасберг, Я. В. Соколова, А. Ф. Никитина, В. О. Мушинского, О. В. Кишенковой и др.⁸

В 1999 г. политическая и правовая компетентность учащихся российских школ стала предметом исследования в рамках международного проекта IEA (Civic Education Study). Участниками проекта наряду с россиянами стали школьники из 28 стран мира. В России исследование охватило 51 регион, 200 школ (сельских и городских), 400 учителей, 4596 учащихся (средний возраст – 15,1 лет).

По показателю граждановедческих знаний учащихся Российская Федерация вошла в число шести стран, чей средний балл сравним со средним международным баллом, российские школьники проявили гораздо больший интерес к политике по сравнению со своими сверстниками в других странах (соответственно 54 % и 39 %). В среднем 43 % учащихся указали на свое участие в деятельности школьных и классных советов (парламентов), что на 15 пунктов выше среднего международного значения. Эти данные свидетельствовали об определенных достижениях российских

⁶ Справочник преподавателя общественных дисциплин. С. 72–75.

⁷ Вестник образования России. 1998. № 9. С. 73–75.

⁸ Огоновская И. С. Учебно-методический комплект по праву (информационно-аналитические материалы). Екатеринбург: ИРРО, 2002. 34 с.

школьников и учителей в области гражданско-правового образования в 1990-е гг. Вместе с тем Россия попала в число одиннадцати стран, в которых средний балл гражданских умений и навыков был статистически значительно ниже среднего международного балла и, соответственно, ниже российского показателя граждановедческих знаний⁹.

Успехи в области правового образования можно проиллюстрировать на примере Свердловской области, многие образовательные учреждения которой в этот период выбрали в качестве приоритетного направления деятельности гражданско-правовое образование. В 1993 г. гимназия № 86 г. Нижнего Тагила стала первой ассоциированной школой ЮНЕСКО в Свердловской области, с 1999 г. на ее базе начал действовать Региональный координационный центр проекта «Ассоциированные школы ЮНЕСКО региона «Урал». В эти же годы началась реализация международных проектов в сфере правового образования. Инициатором проведения первых семинаров для педагогов Свердловской области стал координатор проектов ООН доктор философских наук Г. Е. Зборовский. С середины 1990-х гг. по инициативе педагогов Свердловской области начало складываться сотрудничество ОУ с Российским фондом правовых реформ, Московским центром прав человека, Санкт-Петербургским институтом права им. Принца П. Г. Ольденбургского, Институтом педагогической юриспруденции РГППУ, екатеринбургским отделением культурно-просветительного общества «Мемориал» и др.¹⁰ В 1995 г. в региональном компоненте общественных дисциплин появился учебный курс «Политика и право для каждого из нас», автором программы которого был кандидат юридических наук, доцент ИРРО А. И. Козулин.

В августе 1999 г. Правительством Свердловской области был утвержден национально-региональный компонент Государственного образовательного стандарта. В качестве одной из ключевых линий содержания образования регионального компонента ГОСа была выделена социально-правовая¹¹. Для ее учебно-методического обеспечения уральскими учеными С. С. Алексеевым и

⁹ См.: Рутковская Е. Л. Гражданско-правовая компетентность российских подростков (по материалам международного исследования CIVIS) // Основы государства и права. 2003. № 3.

¹⁰ См.: Огоновская И. С. Человек – право – гражданственность // Учитель: общественно-педагогическая газета Свердловской области. 2002. № 6 (июнь). С. 4.

¹¹ Государственный образовательный стандарт (национально-региональный компонент) образования в период детства, основного общего и среднего (полного) общего образования Свердловской области. Екатеринбург: Дом Учителя, 1999.

А. С. Шабуровым был разработан целый ряд учебных изданий, рекомендованных Министерством образования Свердловской области¹². В рамках Фестиваля «Юные интеллектуалы Среднего Урала» стала проходить ежегодная областная олимпиада по праву.

Исследования кафедры исторического и социально-гуманитарного образования ИРРО показали, что в начале 2000-х гг. около 40 % образовательных учреждений Свердловской области в рамках вариативной части Базисного учебного плана реализовывали правовые курсы «Политика и право», «Граждановедение», «Права человека в свободной стране», «Основы правовых знаний, «Право на каждый день», «Основы потребительских знаний», «Права человека» и др. Результатом совместной деятельности субъектов образовательного процесса стало создание органов школьного самоуправления и ученического самоуправления. Правовое пространство стало неотъемлемой частью жизни школ городов Каменск-Уральского (№ 1, 29, 30), Сухого Лога (№ 4, 10), Березовского (№ 1), Ревды (№ 10, 25), Режа (№ 3), Краснотурьинска (№ 23), Первоуральска (№ 10, 21), Артемовского (№ 12), практически всех ОУ г. Новоуральска¹³.

В 2000-е гг. учителя истории и обществознания, ведущие правовые курсы, вошли с определенным оптимизмом. В Концепции модернизации образования на период до 2010 года¹⁴ правовое образование было названо среди приоритетных направлений деятельности современной школы. Образовательные учреждения страны получили в этот период письмо МО РФ «О гражданском образовании учащихся общеобразовательных учреждений Российской Федерации» (№ 13-51-08/13 от 15 января 2003 г.), а в 2007 г. – письмо Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования МО РФ, содержащее «Методические рекомендации по обучению правам человека в образо-

¹² См.: Алексеев С. С. Право: Законы, правосудие, юриспруденция в жизни людей: учеб. пособие для учащихся 9-го класса общеобразовательных учреждений и средних профессиональных учебных заведений. Екатеринбург: ИД «Сократ», 1999. 160 с.; Он же. Государство: Основные понятия. Государство в нашем мире и в России. Для учащихся 10-х классов общеобразовательных учреждений и средних профессиональных учебных заведений. Екатеринбург: ИД «Сократ», 1999. 176 с.; Шабуров А. С. Право в нашей жизни: Основы действующего российского законодательства. Для учащихся 11-го класса общеобразовательных учреждений и средних профессиональных учебных заведений. Екатеринбург: ИД «Сократ», 1999. 160 с.

¹³ См.: Огоновская И. С. Человек – право – гражданственность. С. 4.

¹⁴ Концепция модернизации российского образования до 2010 года: Одобрена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 1756-р.

вательных учреждениях Российской Федерации» (от 15 марта 2007 г.). В 2004 г. были приняты Государственные образовательные стандарты по истории, обществознанию, включая право, в средней (полной) школе право введено как самостоятельный предмет на базовом и профильном уровне¹⁵. Осенью 2006 г., накануне встречи молодежи Европы в Санкт-Петербурге, министр образования и науки А. А. Фурсенко даже заявил о необходимости введения в школе самостоятельного и обязательного курса «Права человека», а в 2007 г. министерство образования РФ рекомендовало предмет «Права человека» на уровне профильного обучения. В этом же году вышел в свет учебно-методический комплект «Права человека» (10–11 кл.), подготовленный коллективом авторов из числа правоведов, философов, историков¹⁶.

На уровне Свердловской области в течение 2000–2010 гг. были приняты документы, в которых так или иначе рассматривалась задача развития правовой культуры свердловчан: Концепция «Сбережение населения Свердловской области на период до 2015 года» (постановление Правительства Свердловской области от 6 июня 2001 г. № 393-ПП), Постановление Правительства Свердловской области от 7 июня 2004 г. № 441-ПП «Об утверждении плана организационных мероприятий Правительства Свердловской области по правовой пропаганде, направленной на формирование правосознания граждан Свердловской области, на 2004–2005 годы», Программа «Основные направления политики Правительства Свердловской области в сфере образования и программа их реализации до 2007 года» (2004), Региональный (национально-региональный) компонент государственного образовательного стандарта дошколь-

¹⁵ Одобрены решением коллегии Министерства образования России и Президиума РАО от 23 декабря 2003 г. № 21/12, утверждены постановлением Министерства образования РФ «Об утверждении федерального компонента государственных стандартов начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования» от 5 марта 2004 г. № 1089 // Федеральный компонент Государственного стандарта общего образования. Федеральный базисный учебный план и примерные учебные программы: Сборник нормативных документов / Сост. Э. Д. Днепров, А. Г. Аркадьев. М.: Дрофа, 2004. С. 119–123, 286–297, 305–308.

¹⁶ См.: Болотина Т. В., Миков П. В., Певцова Е. А., Суслов А. Б. Права человека: Концепция курса для 10–11 классов общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2006; Болотина Т. В., Миков П. В. Права человека: Программа курса. 10–11 классы. М.: Русское слово, 2006; Болотина Т. В., Миков П. В. Права человека: Тематическое планирование. М.: Русское слово, 2006; Болотина Т. В., Певцова Е. А., Миков П. В., Суслов А. Б. Права человека. 10 класс: учебник для общеобразовательных учреждений. М.: Русское слово, 2007; и др.

ного, начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования Свердловской области (утвержден Постановлением Правительства Свердловской области № 15-ПП от 17 января 2006 г.), Межведомственная комплексная программа профилактики правонарушений в Свердловской области на 2007–2009 гг. и др.

В 2003–2005 г. Министерство образования Свердловской области, издательство «Сократ» и Центр «Учебная книга» успешно реализовали проект «Правовое образование в начальной школе», в результате чего появился комплект книг правовой направленности¹⁷.

В середине десятилетия значительно расширились организационные формы правового образования школьников, получивших возможность участия в областных конкурсах творческих работ, научно-практических конференциях, олимпиадах по праву, проводимых министерством образования Свердловской области, олимпиадах по правам человека, весенних и осенних юридических школах, конкурсах законопроектов, Сахаровских чтениях, организованных юридическим факультетом Гуманитарного университета. Учителя Свердловской области под руководством кафедры социально-гуманитарного образования ИРРО активизировали свое участие в программах повышения квалификации, областных конкурсах, проектах, конференциях, семинарах правовой направленности. В июне 2010 г. по инициативе кафедры прав человека Гуманитарного университета и Свердловской областной ассоциации «Правовое образование – XXI век» состоялась Первая юридическая школа для учителей.

Вместе с тем первое десятилетие нового века внесло определенные коррективы в систему правового образования России и Свердловской области в частности. Несмотря на все усилия общественности и педагогического сообщества на уровне страны не приняты неоднократно предлагаемые государственные целевые программы ««Гражданское образование населения Российской Федерации», «Образование в области прав человека» и другие, значительно ограничены права некоммерческих организаций, зани-

¹⁷ См.: Лаврова С. А. и др. Первоклассные истории о правах: учеб. пособие для 1 класса / Отв. ред. В. В. Нестеров. Екатеринбург: ИД «Сократ»: Центр «Учебная книга», 2003; Лаврова С. А., Кропанева Е. М., Романова И. Е. Увлекательные истории о правах: учеб. пособие для 2–3 классов / Отв. ред. В. В. Нестеров. Екатеринбург: ИД «Сократ»: Центр «Учебная книга», 2004; Лаврова С. А., Кропанева Е. М., Романова И. Е. Правдивые истории о правах и правилах: учеб. пособие для начальной школы: кн. 3. / Отв. ред. В. В. Нестеров. Екатеринбург: ИД «Сократ»: Центр «Учебная книга», 2005.

мающихся правовым просвещением населения, в получении иностранных грантов¹⁸.

Введение ГОСа по обществознанию (2004 г.), включающего блок «право» и отдельный предмет «Право» в старшей школе, стало аргументом для администрации образовательных учреждений при сокращении часов правовой направленности в региональном компоненте.

Существенно сузилось поле правового образования в связи с введением ЕГЭ, в результате чего часы регионального компонента администрация школ стала активно использовать для подготовки к обязательным экзаменам по русскому языку и математике. В ноябре 2007 г. Государственная Дума приняла во втором чтении поправки к закону «Об образовании», упраздняющие национально-региональный компонент содержания образования¹⁹, что еще более «развязало руки» руководителям ОУ.

В течение 2005–2010 гг. значительно сократилось количество рекомендованных Министерством образования учебников по обществознанию и праву (110 наименований в 2004/2005 уч. году, 48 – в 2008/2009 уч. году), что рассматривается некоторыми учеными и практиками как следствие усиливающегося административного контроля в сфере образования. В 2003–2004 гг. были подвергнуты резкой критике (фактически – запрещены) учебники «Граждановедение» Я. В. Соколова, одного из «пионеров» граждановедческого образования в стране²⁰.

Негативные тенденции проявились и в системе правового образования Свердловской области. Авторы новой редакции регионального компонента ГОСа (2006) укрупнили содержательную линию «социально-правовая культура», соединив в ней социально-экономическую и правовую культуру, что привело к «размыванию» содержания существующей ранее линии. Помимо этого из НРК ГОС были удалены конкретные предметы, за которыми стояло определенное содержание, в частности, и правовой направленности²¹. Это, как и в случае с отменой регионального компонента

¹⁸ Постановление Правительства РФ № 485 от 28 июня 2008 г.

¹⁹ См.: Известия. 2007. 15 ноября.

²⁰ См.: Образование в области прав человека в России, включая образование в области профилактики ВИЧ/СПИДа: аналитический отчет / Под ред. А. Я. Азарова. М.: Московская школа прав человека, 2008. С. 254, 261.

²¹ См.: Региональный (национально-региональный) компонент государственного образовательного стандарта дошкольного, начального общего, основного общего и среднего (полного) общего образования Свердловской области: Утвержден Постановлением Правительства Свердловской области от 17 января 2006 г. № 15-ПП. Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2005. С. 29–30, 40–42, 52–55.

ГОС, привело к значительному сокращению введенных ранее курсов «Политика и право», «Граждановедение», «Права человека в свободной стране» и др.

В последние годы на областном конкурсе защиты исследовательских проектов в рамках Фестиваля «Юные интеллектуалы Среднего Урала» не стало отдельной секции по праву, значительно сократился в объемах областной конкурс «Мы выбираем будущее», проводимый Избирательной комиссией Свердловской области, снизился уровень подготовки учащихся к олимпиадам регионального и всероссийского уровней, сократилось число участников различных конкурсов.

Одновременно с этим значительно снизился интерес педагогов к проводимым российским и региональным конкурсам правовой тематики, требующим достойной подготовки учащихся, многие образовательные учреждения отказались от накопленного опыта правового образования и просвещения, «отошли» от активной деятельности некоторые учителя, стоявшие у истоков правового образования в Свердловской области, практически не работает введенный институт заместителей директоров по правовому воспитанию, увеличилось количество конфликтных ситуаций между администрацией и учителями-правовиками.

Анализируя сложившуюся в последние годы ситуацию, можно выделить причины сужения поля правового образования. На наш взгляд, к ним можно отнести: желание политической элиты страны и регионов искусственно замедлить процесс развития политико-правовой культуры населения, стремление определенных сил сместить акценты гражданско-патриотического воспитания с гражданско-правовой доминанты на лозунговую патриотическую (военно-патриотическую, имперскую) и духовно-нравственную (прежде всего христианскую), сохранение авторитарных методов управления увеличением количества педагогов и учащихся, стремящихся отстаивать свои и общественные права и интересы, стремление администрации образовательных учреждений повысить показатели по формальным критериям (ЕГЭ, ГИА), разочарование субъектов образовательного процесса в эффективности органов самоуправления и самоуправления, играющих зачастую «маскарадную роль», значительное сокращение интересной для учащихся учебной литературы правовой направленности и монополия отдельных изданий и авторов на производство такой литературы, нехватка юридических знаний у педагогов-обществоведов, усталость учителей от бесконечного количества конкурсов, олимпиад, конференций социально-гуманитарной направленности и др.

В. В. Песнохоров*

Правовое регулирование отношений в сфере защиты прав потребителей: исторический экскурс и перспективы развития

Последние два десятилетия мы наблюдаем за правовым развитием России во всех отраслях, в том числе за законодательством в области защиты прав потребителей. Мне бы хотелось акцентировать внимание на изменениях в данной области, произошедших за указанный период времени, показать развитие законодательства и поразмышлять о его перспективах.

За исходную точку возьмем 1991 год, распад СССР, начало формирования СНГ. В данный период были проблемы, требующие решения, а именно новые условия рыночной экономики сформировали потребность в специальном законодательстве в сфере защиты прав потребителей.

С социально-экономической точки зрения необходимо было разрушить дискриминационное отношение к гражданам старого союзного законодательства, и особенно в сфере торговли и бытового обслуживания, которое не было рассчитано на регулирование вопросов, связанных с охраной прав граждан. Необходимо отметить, что в советской России все вопросы, связанные с регулированием потребительских отношений в обществе, регулировались не только кодифицированными актами гражданского законодательства. Советское законодательство изобиловало также множеством подзаконных актов (зачастую ведомственными актами), что давало возможность издавать их, не опираясь на нормы закона. Данные акты никогда не были рассчитаны на защиту прав потребителей, хотя необходимость создания специальной системы регулирования назрела давно.

22 мая 1991 г. в СССР принимается Закон «О защите прав потребителей»¹, преимуществом, которого явилось наличие механизмов реализации правовых норм. Закон не требовал принятия

* **Василий Викторович Песнохоров** – аспирант Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Основы гражданского законодательства СССР и республик от 31 мая 1991 г. № 2211-1.

подзаконных актов, более того, запрещал принятие ведомственных документов, затрагивающих интересы потребителей, что являлось определенным шагом к упорядочению отношений в сфере прав потребителей, так как закон стал преградой для всевозможных приказов, инструкций и прочих подобных актов. Закон СССР содержал много положений, которые не были разработаны в гражданском законодательстве, в частности закреплял право граждан на компенсацию за причиненный моральный вред. В связи с распадом Советского Союза этот закон так и не вступил в силу.

Как уже было сказано, назрела необходимость изменения законодательства в сфере защиты прав потребителей, а именно принятия специальных норм, регламентирующих правоотношения с потребителем. Так, 7 февраля 1992 г. в Российской Федерации был принят аналогичный Закон «О защите прав потребителей», ставший отражением международного права в национальном законодательстве. Данный закон решил множество проблем, касающихся защиты прав потребителей; были закреплены важнейшие международно признанные права потребителей, такие как право на безопасность, право на надлежащее качество, право на информацию, право на государственную и общественную защиту. Так- же очень важной нормой стала ст. 12 Закона «О защите прав потребителей», которая гарантировала возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью потребителя некачественным товаром или услугой, в полном объеме. Нельзя не сказать о предоставлении потребителю права выбора, к кому обратиться свои требования, возникшие вследствие недостатков товара, а именно к продавцу либо к изготовителю товара.

Таким образом, с принятием Закона «О защите прав потребителей» в России начало формироваться законодательство в сфере защиты прав потребителей. Кроме Гражданского кодекса и закона, отношения в области защиты прав потребителей регулируются иными федеральными законами и правовыми актами РФ, которые должны соответствовать Закону (п. 1 ст. 1 Закона). К таким законам можно отнести: Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»², Федеральный закон от 24 ноября 1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»³, Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов»⁴ и другие. Закон «О защите прав потребителей» действует уже на протяжении двух десятилетий, в него вно-

² Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

³ Собрание законодательства РФ. 1996. № 49. Ст. 5491.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

сились изменения, а также исключались недействующие нормы. Несмотря на критические высказывания в адрес данного закона, он является работающим и составляет фундамент потребительского законодательства постсоветской России.

Однако данный закон не решает всех проблем, возникших в процессе потребления, несмотря на имеющиеся действующие нормы и механизм их осуществления. Так, торговые корпорации всевозможными способами стремятся ввести в заблуждение потребителя, «лишить» его информации – т. е. напечатать информацию на упаковке таким мелким шрифтом, что без увеличительного стекла ее увидеть невозможно; а если информация присутствует, то изобилует специальными терминами (к примеру, терминами химической промышленности); то же можно сказать и о банковских продуктах, сведения о которых доводятся до потребителя сложными сленговыми выражениями, затрудняющими объективное восприятие условий заключения договора. Зачастую то же можно сказать о монополистах рынка, таких как поставщики электроэнергии, жилищно-коммунальных услуг – как правило, качество данных услуг оставляет желать лучшего, однако это никак не отражается в квитанциях на их оплату.

Принимая во внимание интенсивное развитие законодательства о защите прав потребителей, стоит задать вопрос: а готов ли потребитель к современным условиям положений на рынке и в законодательстве? Выработана ли культура потребления в нашей стране? Все-таки рыночные отношения в России существуют относительно недавно. Учитывая положительную практику применения Закона, можно в настоящее время говорить о становлении и развитии культуры потребления в современной России. Так, в настоящее время почти каждый потребитель того или иного товара, работы или услуги знает о том, что на страже его прав стоит Закон «О защите прав потребителей», а также государственные органы, способные повлиять на недобросовестного предпринимателя или организацию. Безусловно, потребительская культура в Российской Федерации находится в стадии развития, российский потребитель сталкивается со многими проблемами на пути урегулирования проблем с производителями (поставщиками, продавцами) на рынке товаров и услуг. Однако судебная практика свидетельствует о проявлении правовой грамотности потребителей.

Проведя данный анализ, рассмотрев небольшой временной промежуток из истории нашей страны, можно однозначно говорить о том факте, что правовое регулирование в области защиты прав потребителей развивается недостаточно интенсивно. Возникающие проблемы решаются по мере их поступления, что свидетельствует о слаборазвитости законодательства в данной сфере.

*Н. А. Радионова**

Тайна переписки (о правовых основах перлюстрации в России конца XX в. – начала XXI в.)

Почтовая связь является неотъемлемым элементом социальной инфраструктуры общества, содействует укреплению социально-политического единства страны, способствует реализации конституционных прав и свобод граждан.

Перлюстрация – это тайное вскрытие государственными или иными органами, лицами пересылаемой по почте корреспонденции [См.: 3. С. 871]. Принято считать, что перлюстрация – это своего рода особый вид цензуры (почтовая цензура), но при этом указанный вид не накладывает запреты на обнародование сведений определенного рода, а является формой политического контроля. В России следы перлюстрации прослеживаются со времен Петра I: с 1690 г. в Смоленске вскрывались все письма, идущие за границу. Практика эта отмечалась и в деле царевича Алексея, но системный характер она приобретает с середины XVIII века [См.: 1. С. 871]. При царствовании царицы Елизаветы Петровны учреждается специальная секретная служба перлюстрации, а вторую половину XVIII века, в период правления императрицы Екатерины II, по праву принято считать временем, когда перлюстрация стала делом не эпизодическим, а регулярным. Именно со времен Екатерины II в почтамтах стало производиться ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов, что послужило дополнительным источником информации. В то время основной целью перлюстрации была информация о готовящихся покушениях или заговорах. Формально датой организации российского черного кабинета¹ можно считать 18 апреля 1794 г. [2]. В этот день Екатерина II секретным указом определила организацию службы перлюстрации во всероссийском масштабе. Своего расцвета перлюстрация достигла в середине XIX века, когда в стране резко возросла переписка. В это время

* *Наталья Андреевна Радионова* – аспирант кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Черный кабинет – орган, занимающийся перлюстрацией и дешифрованием корреспонденции, и помещение, служащее для этих целей, обычно тайная комната в почтовом отделении.

или чуть позднее «черные кабинеты» стали действовать не только в столице, но и в иных городах России. Существовали они под эгидой тайной полиции, напрямую подчиняясь III отделению Собственной его Императорского Величества канцелярии, руководившей тайным сыском в Империи. По известным причинам подлинной информации об организации перлюстрации в России чрезвычайно мало. Тем ценнее опубликованные в 1918 г. воспоминания бывшего цензора С. Майского, работавшего в Санкт-Петербурге, которые дают представление о том, как была организована работа почтовой цензуры. По его описанию, «черный кабинет» находился в здании Петербургского почтамта вместе с «секретной экспедицией», просматривавшей периодику, но вход в него был замаскирован под шкаф в кабинете главного цензора. Был и другой вход – малоприметная дверь в Почтамтском переулке, за которой всегда находилась охрана. Попастись в «черный кабинет» могли только избранные чиновники, всего в его штате было 12 человек. Специальным механическим подъемником в «черный кабинет» несколько раз в день поднималась вся корреспонденция, поступившая на почтамт. Несколько человек занималось предварительной фильтрацией почты, по внешнему виду конвертов, почерку, адресатам и только им известным признакам отбирая письма, которые необходимо перлюстрировать. Таких писем набиралось до трех тысяч в день. Затем письма попадали к специалистам по вскрытию. Обычные конверты вскрывались практически мгновенно. «Если письмо было запечатано большой печатью, так что нельзя было подрезать края печати, не испортив ее самой, то до ее вскрытия приходилось изготовить печатку, чтобы ею, после прочтения и заделки, вновь запечатать письмо» [5. С. 2]. Таким представляется нам почтовый контроль в период, предшествующий XX веку.

Тайна переписки охранялась законом, что регламентировалось ст. 56 Конституции СССР 1977 г.; ст. 128 Конституции СССР 1936 г. В уголовных кодексах республик было сказано, что нарушение переписки подлежит уголовному преследованию. Советский Союз подписал Всеобщую декларацию прав человека, которая устанавливала строжайший запрет на перлюстрацию. Несмотря на данные нормативные акты в Советском Союзе перлюстрация не просто существовала, а достигла своего расцвета. В то время перлюстрация служила формой контроля государства за обществом, а также методом политического сыска. Чтение почты граждан было поставлено на поток, начиная с 1935 г. перлюстрация была поставлена на прочную организационную основу, действовала неукоснительно и планомерно, все время совершенствуя свои методы и техническое оснащение [См.: 7].

Что касается почтового контроля конца XX века необходимо учесть, что перлюстрация является эпизодом оперативно розыскной деятельности. В настоящее время небольшое количество работ посвящено рассмотрению перлюстрации корреспонденции XX–XXI вв., можно назвать одно из более подробных исследований – это работа А. С. Смыкалина «Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР», написанная со строго научной позиции. Мы живем в демократическом государстве, Конституцией которого провозглашено: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения» (п. 2 ст. 23 Конституции РФ). Вторым по значимости актом, регламентирующим тайну переписки, а также предусматривающим ответственность за ее нарушения, является ст. 138 УК РФ; подобная уголовная ответственность существовала и в советском законодательстве, в частности была прописана в ст. 135 УК РСФСР 1960 г. Нарушение тайны переписки с объективной стороны состава преступления заключается в ознакомлении с их содержанием без согласия лица, которому эта информация принадлежит, а также в отсутствие для такого ознакомления законных оснований [6. С. 233]. Во всех нормативно-правовых актах о связи регламентирована тайна связи (ст. 63 ФЗ «О связи», ст. 5 ФЗ «О почтовой связи»).

При этом существуют и нормативные акты, непосредственно регламентирующие и допускающие перлюстрацию в современный период. Ст. 6 ФЗ от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрены такие оперативно-розыскные мероприятия при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, как контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений. Предполагается, что на сегодняшний день могут существовать акты под грифом «для служебного пользования»², этот вывод можно сделать из Указа Президента РФ от 01 сентября 1995 г. № 891 «Об упорядочении организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств», где в п. 1 предусмотрено: «Установить, что контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений в интересах органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, возлагается на органы федеральной службы безопасности». Гриф ДСП с этого указа был снят лишь в мае 1999 г. в соответствии с поручением Президента РФ [6. С. 235]. Осмотр почтовых отправлений лицами, не являющимися уполномоченными работниками оператора связи, вскрытие почтовых отправлений, осмотр вложе-

² Для служебного пользования – далее ДСП.

ний, ознакомление с информацией и документальной корреспонденцией, передаваемыми по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, осуществляются только на основании решения суда, за исключением случаев, установленных федеральными законами (ст. 63 ФЗ «О связи» от 07 июля 2003 г. № 126-ФЗ). На операторов связи возложена обязанность предоставлять уполномоченным государственным органам любую информацию об услугах связи, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач (ст. 64 ФЗ «О связи»).

Согласно Приказу Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 19 мая 2009 г. № 65 «Об утверждении требований к сетям и средствам почтовой связи для проведения оперативно-розыскных мероприятий», оператор почтовой связи создает условия, необходимые для проведения оперативно-розыскных мероприятий. В силу данного приказа допускается перлюстрация любой корреспонденции в рамках ОРМ. Несмотря на то, что в самом приказе нет ссылки на совершения перлюстрации по решению суда, законодатели, давая разъяснения, указали, что без решения суда такие ОРМ проводиться не могут. В приказе указаны услуги, предоставляемые операторами связи, среди которых особенно привлекает внимание обязанность почтовиков предоставлять ведущим розыск чиновникам особые помещения. Что напоминает нам при анализе методов перлюстрации работу «черных кабинетов».

Исключением из правил является ст. 91 УИК РФ, которая разрешает цензуру корреспонденции заключенных, при этом в статье есть оговорки, когда такой цензуры допускаться не может. При этом данная мера, введенная государством, является своего рода мерой административного контроля за перепиской осужденных [См.: 4. С. 348]. Правилами оказания услуг почтовой связи устанавливаются случаи задержания корреспонденции в рамках ст. 22 ФЗ «О почтовой связи», а также предусматриваются меры, принимаемые в данных случаях сотрудниками МВД и ФСБ.

В обобщенном смысле на современном этапе развития контроль предусматривает перлюстрацию корреспонденции и отслеживание ее перемещения. Государство стоит на защите тайны переписки. При этом перлюстрация как форма государственного контроля существовать не перестала, и на сегодняшний день изменилась только ее цель. Сегодня перлюстрация применяется с целью защиты государственной, военной, экономической и экологической безопасности России. Прежде всего, имеются в виду такие тяжкие преступления, как терроризм, пособничество в нем, разглашение государственной тайны, преступления против личности. Предполагается, что перлюстрация необходима для защиты государственной безопасности, но должна совершаться в строгом со-

ответствии с законом и положениями Конституции РФ, не нарушая прав и интересов физических и юридических лиц. С соблюдением уголовного законодательства об ответственности за незаконную перлюстрацию.

Литература

1. Измозик В. С. Тайное и явное: Черный кабинет // Родина. 2000. № 10.
2. Измозик В. С. Черные кабинеты в России (Политический сыск в России XV–XX вв.). СПб., 2002.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990.
4. Оперативно розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. / Под. ред. К. К. Горяиновой, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумитова. М.: Инфра-М, 2004.
5. Рогоза В. Перлюстрация в России: почему власть всегда скрывала существование «черных кабинетов». М., 2009.
6. Смыкалин А. С. Перлюстрация корреспонденции и почтовая военная цензура в России и СССР. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008.
7. Штейнберг М. Черный кабинет // Русский базар. 2006. № 37 (543).

Репродукция человека: проблемы договорного регулирования

Анализ законодательства показывает, что подавляющее большинство отношений, требующих нормативного регулирования, нашли свое отражение в действующих правовых актах. Однако вывод о достижении необходимого уровня регламентации на сегодняшний день является преждевременным, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, стремительное развитие науки с неизбежностью приводит к переоценке ранее, казалось бы, бесспорных утверждений и появлению новых проблемных зон. Во-вторых, ряд наиболее спорных проблем так и не нашел своего нормативного разрешения. В-третьих, законодатель постепенно уходит от императивной модели регулирования, предоставляя участникам отношений право самостоятельно устанавливать правила.

Одной из сфер жизни, которая требует детального изучения, является репродуктивная деятельность человека. Научные достижения обеспечили возможность не только влияния, но и искусственного инициирования процессов репродукции. В свою очередь, законодательство в данной сфере развивается не достаточно активно, порождая возникновение теневого сектора. Таким образом, необходим специальный нормативный акт в ранге закона, а также внесение изменений в уже действующие источники, в частности, Семейный кодекс РФ, Основы законодательства «Об охране здоровья граждан» и др.

Представляется, что для достижения наилучшего результата регулирование складывающихся отношений должно носить преимущественно дозволительный характер, устанавливая лишь рамки деятельности, в которых субъекты будут исходить из конкретной ситуации и собственных интересов. Кроме того, необходимо принять во внимание, что круг участников отношений, складывающихся по поводу репродуктивной деятельности, широк и включает в себя не только донора, потенциальных родителей (*далее родителей*) и женщину, давшую согласие на вынашивание и рождение ребенка (суррогатную мать), но и медицинское учреждение, где будут проведены соответствующие манипуляции, а также посред-

* Елена Сергеевна Резник – канд. юр. наук, ст. преподаватель кафедры частного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

ников, которые нередко привлекаются в целях оказания услуг. Соответственно, договоры целесообразно классифицировать и по области репродуктивной деятельности, и по субъектному составу.

1. Договоры в сфере искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона.

В данном случае могут быть заключены договоры: между донором и медицинским учреждением, родителями (родителем) и медицинским учреждением, родителями (родителем) и донором.

2. Договоры в сфере суррогатного материнства: между родителями и медицинским учреждением, родителями (родителем) и суррогатной матерью.

3. Договоры с посредником, участие которого, тем не менее, не является обязательным.

Наиболее сложной в сфере репродуктивной функции человека является группа отношений «суррогатного материнства», которые следует оформить несколькими договорами:

1. *Договор между родителями и посредником.* Родителями следует «признать» не только лиц, состоящих в браке, но и одиноких лиц (и женщин, и мужчин).

В качестве посредника должна выступать специализированная организация, правоспособность которой следует ограничить данной сферой деятельности и необходимостью получения разрешения (лицензии). Указанная организация может быть как коммерческой, так и некоммерческой.

К обязанностям посредника должны быть отнесены: поиск и оформление отношений с суррогатной матерью, поиск и оформление отношений с медицинским учреждением, в котором будут проведены медицинские исследования генетических родителей, потенциальной суррогатной матери, а также будут непосредственно осуществлены медицинские манипуляции по имплантации эмбриона, дальнейшее наблюдение в период беременности, а также родовспоможение.

Поскольку посредник с экономической точки зрения заинтересован в заключении большого количества договоров и минимизации собственных расходов и ответственности, следует также предусмотреть нотариальное удостоверение подобных договоров (либо вместо нотариального удостоверения возможно введение системы регистрации таких договоров в соответствующем контролирующем органе).

2. *Договор между родителями и суррогатной матерью.*

В качестве суррогатной матери, согласно действующему законодательству, может выступать только женщина в возрасте от 20 до 35 лет, имеющая минимально одного здорового ребенка, а также

являющаяся психически и соматически здоровой*. Однако более правильным критерием представляется не возраст, а состояние здоровья женщины, обеспечивающее возможность имплантации и вынашивания ребенка, а также безопасность самой суррогатной матери. Смещение акцента с факта достижения определенной возрастной границы на состояние здоровья связано с анализом, в том числе, ситуаций, когда в качестве суррогатной матери привлекается женщина, которая достигнет 35 лет в период вынашивания ребенка, или она уже достигла данного возраста за 2–3 месяца до заключения соглашения с родителями о вынашивании ребенка. Тем не менее, следует оставить возрастную границу в 35 лет, поскольку именно в указанном периоде беременность будет наиболее безопасна. При этом должно быть предусмотрено, что в исключительных случаях, с учетом конкретных обстоятельств и в интересах всех заинтересованных лиц, при наличии заключения медицинской комиссии о допустимости проведения соответствующих манипуляций и безопасности как для суррогатной матери, так и для будущего ребенка, возможно участие женщины старше указанного выше возраста.

В договоре целесообразно закрепить положения, касающиеся проверки состояния здоровья будущей суррогатной матери; условий проведения соответствующих манипуляций по имплантации эмбриона (в том числе, название медицинского учреждения); места проживания суррогатной матери в период беременности; обязанностей суррогатной матери и родителей в период беременности и родов; порядка передачи ребенка; размера и порядка оплаты услуг суррогатной матери, обязательного страхования и др.

Наиболее спорным на сегодняшний день является положение ч. 2 п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ, согласно которому лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка *только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)*.

Применение вышеуказанной нормы в том виде, в котором она на сегодняшний день существует, приводит, прежде всего, к возникновению вопроса о сроках дачи согласия на передачу ребенка суррогатной материю. В литературе можно встретить предположение, что согласие может быть выражено как до рождения ребенка, так и после его рождения. Однако буквальное толкование п. 4 ст. 51 Семейного кодекса РФ не позволяет сделать подобный вывод, поскольку законодатель использует словосочетание «со-

гласие женщины, *родившей* ребенка (суррогатной матери)». Следовательно, согласие должно быть получено после рождения.

Безусловно, соглашаясь с тем обстоятельством, что между суррогатной матерью и ребенком возникает определенная психофизическая связь, следует признать, что биологическая связь между суррогатной матерью и ребенком несоизмеримо менее крепкая, чем родственная генетическая связь родителей и ребенка. Более того, следует сказать о том, что связь с суррогатной матерью прекращается в момент рождения, а генетическая существует до прекращения жизни ребенка и (или) родителей.

Также, решая вопрос о реформировании законодательства в данной сфере, необходимо принять во внимание, что женщина, принимая на себя обязательство по вынашиванию ребенка для других людей, должна сознавать, какими будут правовые последствия ее действий (получение родительских прав родителями).

В этой связи нельзя не отметить, что свобода сторон в решении вопроса об участии в договоре и определении условий договора при взаимодействии и ограничивает свободу каждого из участников. Следовательно, заключение договора ограничивает возможность дальнейшего выбора, «создавая» для суррогатной матери обязанность передать ребенка.

Думается, необходимо нормативно закрепить ряд мер по защите интересов. В частности, следует установить правило, согласно которому согласие на передачу ребенка может быть дано как после рождения ребенка, так и до момента имплантации эмбриона и в дальнейшем, по общему правилу, не может быть отменено. Исключение может составлять случай, когда все заинтересованные стороны после рождения ребенка добровольно придут к договоренности о том, что в качестве матери ребенка будет зарегистрирована суррогатная мать.

При изложенном варианте становится оправданным положение законодательства о том, что все риски, в том числе рождения больного ребенка, ложатся на родителей. Соответственно, родители не вправе отказаться, по каким бы то ни было причинам, а суррогатная мать обязана его передать.

В договоре с суррогатной матерью целесообразно отразить согласие ее супруга, поскольку необходимо знать о состоянии его здоровья, например, наличии венерических заболеваний. Если же супруги не живут вместе, его согласие все равно необходимо – для избежания в дальнейшем возможных сложностей с передачей ребенка. По аналогии с усыновлением следует закрепить, что согласия супруга не требуется, если супруги прекратили семейные отношения, не проживают совместно более года и место жительства другого супруга неизвестно.

* Разд. 7. Приказа Минздрава РФ от 26 февраля 2003 г. № 67.

Рассматриваемый договор должен быть совершен в письменной форме и подлежать нотариальному удостоверению.

Что касается оплаты услуг суррогатной матери, то должно быть официально признано, что договор предполагается возмездным. Более того, размер вознаграждения суррогатной матери должен рассматриваться в качестве существенного условия договора, если стороны прямо не предусмотрели безвозмездность.

3. *Договор между родителями и медицинским учреждением (при необходимости с несколькими).* Оказание помощи родителям или непосредственное оформление договора от имени последних должно входить в обязанности посредника как профессионального участника данных отношений.

По своей правовой природе все перечисленные договоры следует отнести к категории договоров возмездного оказания услуг. Безусловно, все указанные договоры могут быть сведены к одному многостороннему соглашению.

Также договорные отношения могут быть построены по другой схеме. В частности, для обеспечения тайны родители заключают договор с посредником, который выступает от имени родителей во взаимоотношениях с суррогатной матерью, которая, в свою очередь, не получает информацию о родителях ребенка. Подобный вариант снижает возможность в дальнейшем «шантажа» со стороны суррогатной матери. В рамках заключаемого договора должны быть урегулированы вопросы, касающиеся поведения суррогатной матери в период беременности, обеспечения ее всем необходимым (размер содержания и порядок предоставления). Также в договоре следует зафиксировать согласие суррогатной матери после рождения передать ребенка посреднику (медицинскому учреждению) для дальнейшей передачи родителям и не предпринимать никаких действий к его поиску.

В пределах одной статьи невозможно рассмотреть все спорные аспекты. Тем не менее, проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости предоставить участникам отношений по репродукции свободу выбирать тот или иной вариант поведения. Условием реализации этой свободы должно стать соблюдение базовых требований, предъявляемых к деятельности заинтересованных лиц и организаций.

И. С. Сенник*

Понятие юридического лица: необходимость общеправового подхода

Понятие юридического лица в настоящее время активно используется почти всеми отраслями права, однако оно традиционно формировалось в рамках гражданско-правовой доктрины, в контексте регулирования имущественного оборота и до сих пор не претерпело теоретической переработки. Нормативная конструкция юридического лица закреплена в Гражданском кодексе РФ, она создавалась соответственно для целей гражданско-правового оборота. Часть первая Гражданского Кодекса РФ введена в действие 30 ноября 1994 года, и с этого времени понятие юридического лица, содержащееся в ст. 48, оставалось неизменно. На наш взгляд, данная нормативная конструкция уже требует теоретической переработки и дополненности. В ст. 48 Гражданского кодекса РФ под юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде. Из данного определения традиционно выделяется четыре квалифицирующих признака юридического лица: а) организационное единство (организация, согласно этому критерию, должна составлять единое целое); б) имущественная обособленность (означает наличие у организации имущества на праве собственности, либо на праве хозяйственного ведения, либо на праве оперативного управления); в) самостоятельная имущественная ответственность (учредители, участники, а равно иные лица по общему правилу не отвечают по долгам юридического лица); г) выступление в гражданском обороте от своего имени (организация имеет возможность от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде).

В какой степени приведенные в ГК РФ признаки и само определение юридического лица являются корректными, выражают

* *Инна Сергеевна Сенник* – аспирант Гуманитарного ун-та, юрисконсульт ООО Коммерческий банк «КОЛЬЦО УРАЛА» (г. Екатеринбург).

сущность, правовую природу юридического лица? Действительно ли сформулированные законодателем признаки юридического лица охватывают с внешней (формальной) стороны все разновидности тех субъектов права, которые относятся им к данной группе субъектов права, а также с точки зрения содержания (с внутренней стороны) являются важными, существенными?

1) Организационное единство юридического лица – это правовая конструкция, которая определяет систему внутренних организационных связей, обеспечиваемых с формальной стороны наличием учредительных документов, во внешнем гражданском обороте посредством воли и волеизъявления органов юридического лица, а также комплексом индивидуализирующих его элементов. С позиции понимания организации как коллективного образования значительную группу субъектов права («компании одного лица») нельзя относить к юридическим лицам, так как они не являются организациями в собственном смысле слова (именно в том смысле, который имеет в виду сам законодатель). Почему человек может выступать в качестве индивидуального предпринимателя (без образования юридического лица), быть органом юридического лица, государства, муниципального образования и при этом не может пользоваться теми возможностями, которые дает форма юридического лица? Законодатель мог бы создать принципиально иную нормативную конструкцию юридического лица, более приближенную к человеку, его правовым интересам.

2) Второй квалифицирующий признак юридического лица, выводимый из легального определения, – наличие у организации обособленного имущества на праве собственности, на праве хозяйственного ведения либо на праве оперативного управления – также вызывает принципиальные возражения. Проблема в том, что конструкция юридического лица уже давно используется как в рамках гражданского права, так и в других отраслях права. Иные отрасли права, не имея соответствующей общеправовой конструкции, вынуждены приспособлять ее под себя. Но и для самого гражданского права возникает множество проблем, связанных с использованием данной конструкции. Во-первых, государство, муниципальные образования не совсем вписываются в эту конструкцию, и законодатель вынужден искать пути разрешения возникающих в этой связи противоречий. Во-вторых, изменяется сам предмет гражданско-правового регулирования, гражданское право регулирует не только имущественные, но и значительную сферу неимущественных отношений (гражданско-правовая сфера все более дематериализуется). В-третьих, субъектами гражданского права являются не только коммерческие организации, для которых вышеназванный «имущественный» критерий вовсе не является зна-

чимым. Все это приводит к тому, что гражданское право, пытаясь достраивать на старом теоретическом фундаменте конструкцию юридического лица, создает угрозу разрушения все этой конструкции ввиду слабости, зыбкости ее оснований. Некоторые возражения по поводу критерия принадлежности организации – юридическому лицу имущества на праве собственности, на праве хозяйственного ведения либо на праве оперативного управления уже звучат среди представителей гражданско-правовой науки. Так, в комментарии к Гражданскому кодексу РФ (ч. 1) под редакцией О. Н. Садикова отмечается то обстоятельство, что некоторые юридические лица (инвестиционные институты и другие) не имеют имущества на правах собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления; все их имущество может состоять в средствах на счетах в банках, а помещения и оборудование они арендуют.

3) Третий признак юридического лица (самостоятельная имущественная ответственность) тесно связан с предыдущим, является производным от него.

Согласно этому признаку участники (учредители) юридического лица не отвечают по его обязательствам, а юридическое лицо не отвечает по их обязательствам, если иное не предусмотрено в законе. Это самое «иное», кстати, предусмотрено самим кодексом. Так, в силу п. 5 ст. 115 ГК по обязательствам федерального казенного предприятия при недостаточности его имущества дополнительную (субсидиарную) ответственность несет Российская Федерация; в силу п. 2 ст. 107 ГК члены производственного кооператива, а в силу п. 4 ст. 116 при определенных условиях и члены потребительского кооператива также несут субсидиарную ответственность по обязательствам соответствующего кооператива. В соответствии с п. 1 ст. 69 и п. 1 ст. 82 ГК полные товарищи хозяйственного товарищества несут ответственность всем принадлежащим им имуществом. Несмотря на столь широкий круг исключений, вышеназванное правило остается общей нормой, поскольку ответственность иных субъектов права по долгам юридического лица является лишь субсидиарной (т. е. дополнительной к ответственности самого юридического лица). Как представляется, применительно к юридическим лицам законодателю следует говорить не об их имущественной ответственности, а об их самостоятельной юридической ответственности вообще, имея в виду все меры гражданско-правовой ответственности – административной, финансовой, налоговой (поскольку она определена Налоговым кодексом РФ) и т. д.

4) Четвертый признак юридического лица (выступление его в гражданском обороте от своего имени, что означает наличие у

него возможности от своего имени приобретать и осуществлять права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде) собственнно и выражает (в единстве с самостоятельной юридической ответственностью) во внешних отношениях сам факт существования юридического лица как самостоятельной правовой персоны. Использование юридическим лицом собственного наименования позволяет отличить его от всех иных организаций и поэтому является необходимой предпосылкой гражданской правосубъектности юридического лица.

С этой точки зрения рассматриваемая нормативная конструкция юридического лица как раз является такой непрозрачной, непростой, сложно обозримой, вызывающей множество вопросов. Ответы на них можно получить, лишь определив сущность юридического лица, установив, что есть юридическое лицо не только в гражданско-правовом смысле, но и в общеправовом, познав его значение, место и роль в правовой системе.

На мой взгляд, необходимо выработать более обобщенное расширенное понятие юридического лица, которое охватывало бы их различные виды, также необходимо разделить юридические лица частного права и публичного права и выработать понятия юридического лица частного права и юридического лица публичного права. По существу речь идет о необходимости пересмотра подходов к одной из фундаментальных теорий правовой науки – концепции юридического лица, а следовательно и о существенном изменении структуры российского законодательства.

Н. Ю. Старикова*

Развитие представлений о смертной казни в правовой культуре Византийской Империи XII века: концепция Феодора Вальсамона

Введение смертной казни на заре человеческой цивилизации в систему уголовного права в качестве одного из главных ее институтов имело поистине эпохальное значение. Ведь тем самым упраздняясь архаический обычай кровной мести с непрерывной цепью убийств и взаимоистребления родов. Отныне государство брало на себя эту роковую обязанность – давать самое полное удовлетворение чувству возмездия, в то же самое время «ставя точку» в эскалации убийств: так как искупительная казнь стала теперь делом государства, а не частным делом родственника-обвинителя, то и месь за нее не могла быть обращена против последнего; смерть осужденного убийцы не призвала к жизни новой мстительной Эринии, она была не продолжением, а завершением.

Однако государство слишком быстро оценило это крайнее средство уголовной репрессии, распространив его на весьма обширный круг правонарушений, порой весьма незначительных и даже не имевших никакой связи с кровной мезтью, а также проявив необычайную изобретательность в отыскании все новых, поражающих воображение своей жестокостью способов приведения этой казни в исполнение. Классическим образцом государственного фазиса в развитии идеи возмездия, сопряженной с идеей устрашения, было римское уголовное право, для которого *poena capitis* (высшая мера наказания) означала прежде всего смертную казнь во всем ее разнообразии, о котором нам повествуется, например, в сентенциях римского юриста Павла. Даже в тех случаях, когда *poena capitis* заменялась какими-то альтернативными видами наказаний, связанными с утратой свободы и гражданских прав, она трактовалась как условная, «политическая» смертная казнь.

Ситуация не изменилась существенно и с наступлением христианства, так как церковь, отпавляясь от учения апостола Павла,

* **Наталья Юрьевна Старикова** – ст. преподаватель кафедры социально-политических наук УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

который утверждал, что власть «не просто так носит меч» (Послание к римлянам. 13.4), отнюдь не оспаривала законности смертной казни. Воздерживаясь сама по себе от осуществления этой меры наказания, так как это право противоречит ее природе и ее целям, церковь, тем не менее, считала, что государство имеет право на лишение жизни, так как осуществляет свою власть в соответствии с теократической идеей в качестве *minister Dei* (слуги господина). От св. Киприана до св. Августина сохранилась целая серия текстов, подкрепленных соборными постановлениями, для авторов которых нет сомнения, что светская власть не только может, но и должна пользоваться правом карать смертью, хотя нет недостатка и в советах соблюдать умеренность в осуществлении «власти меча» [См.: 2].

Византийское уголовное законодательство унаследовало систему наказаний, в том числе и смертную казнь, от Рима и Греции. Так, в греческих государствах одним из самых распространенных способов казни свobodнорожденных являлось сбрасывание в камеломню или со скалы, а позже в Спарте – удушение, или в Афинах – непубличное отравление ядом. Для несвободнорожденных применялось, как правило, забивание камнями или утопление – в Македонии, а в Массалии – обезглавливание и распятие [См.: 3].

Гражданскому праву Рима, в частности и Законам XII таблиц, были известны публичные деликты (*delictum publicum*), т. е. преступления, которые наказывались от имени римского народа, а взыскания по ним шли не частным лицам, а государству. Круг таких преступлений, однако, не был еще широк. Прежде всего, к ним относились преступления против республики. Так, например, предавались смертной казни лица, которые подстрекали «врага римского народа к нападению на Римское государство» или же «предавали врагу римского гражданина».

Хотя в самих Законах XII таблиц (по мнению римских юристов) утверждается, что смертная казнь применялась «за небольшое число преступных деяний», она все же упоминалась во многих статьях. В зависимости от характера преступления смертная казнь приводилась в исполнение различными способами: распятием, утоплением, отсечением головы, сбрасыванием с Тарпейской скалы и т. д. Постепенно смертная казнь начинает выходить из употребления, и для римских граждан заменяется изгнанием с утратой гражданства («лишением огня и воды»).

Византийское уголовное законодательство унаследовало от Рима всю «обойму» уголовных кар, запечатлев их в Дигестах и в юстиниановом кодексе. В условиях становления христианства, в период борьбы различных его направлений применение смертной

казни стало особенно распространенным как мера наказания еретиков и язычников за преступления против веры и церкви.

Так, Закон 319 г. императора Константина велит сжигать всех участвующих в гарусипциях (гаданиях на внутренностях жертвенных животных).

Закон 346 г. (другие датировки – 352, 354, 356) императоров Констанция и Константа наказывает смертной казнью всех, совершающих языческие обряды.

Закон 357 г. императора Констанция повелевает казнить через обезглавливание всех, кто участвует в прорицаниях.

Закон 357 г. императора Констанция и кесаря Юлиана повелевает отдавать на съедение зверям того, кто возмущает стихии и убивает врагов с помощью демонов.

Законом 372 г., при императоре Валентиниане, был подтвержден старый закон Диоклетиана о казни манихеев. Там только не уточнялась казнь через сожжение (а говорилось просто о смертной казни), в чем исследователи видят некоторое смягчение закона.

Закон 382 г. императоров Грациана, Валентиниана и Феодосия повелевает подвергать смертной казни всех энкратитов, идропарастов и саккофоров.

Закон 385 г. императоров Феодосия, Грациана и Валентиниана наказывает смертью через распятие тех, кто пытается с помощью прорицаний узнать будущее.

Закон 407 г. императоров Аркадия, Гонория и Феодосия говорит о казни всех манихеев, фригов и донатистов и присциллиан.

Закон 439 г. императоров Феодосия и Валентиниана наказывает смертью иудея, обратившего в свою веру христианина.

Закон 457 г. императоров Валентиниана и Маркиана наказывает смертью того, кто посмеет обучать кого-нибудь апполинаристской и евтихианской ересям. В Эклоге манихеи и монтанисты также караются смертью [См.: 4].

Таким образом, смертная казнь в различных ее формах (через сожжение, распятие, съедение зверями, обезглавливание и просто убийство мечем) была законодательно закреплена в Византии и видимо активно применялась к вероотступникам, еретикам и язычникам (о чем говорит такое многообразие законов).

В отношении «гражданских» преступлений византийское уголовное законодательство также предусматривало смертную казнь в качестве меры наказания. Впрочем, уже вскоре законодатель стал адаптировать эту карательную меру в духе большего ограничения и смягчения или, как сказано в Эклоге, «в духе большего человеколюбия» или «милосердия» (*epidiorqvsiz eiz to jilanqrqvpoteron*) [См.: 2]. Конечно, немного странно звучат слова «человеколюбие» и «милосердие» по отношению к «пенальному» титулу Эклоги, ха-

рактрная черта которого – широта масштабов телесных и членовредительных наказаний (скорее всего, в уголовном праве отразилось обычное народное право, согласно которому преступник должен был наказываться потерей той части тела, при помощи которой он совершил преступление). Но, несмотря на всю свою варварскую жестокость, подобные наказания вполне могли рассматриваться законодателями в духе «большого человеколюбия»: ведь они, как правило, были заменой смертной казни, и даже в тех случаях, когда за те или иные правонарушения в Эклоге сохраняется смертная казнь (например, за инцест между близкими родственниками, умышленный поджог, отравление с летальным исходом, волшебство, убийство, разбой), мы наблюдаем тенденцию к отказу от особо жестоких способов казни (повешения, сожжения и т. д.).

Этот новый дух уголовного права продолжал сохраняться и приносить свои плоды. Так, византийское законодательство стало запрещать пытку как противоречащий «филантропии» институт [См.: 1], частично были элиминированы наказания смертью и в законодательстве императоров македонской династии, например в Василиках Льва VI.

Смягчение наказаний получило свое обоснование в трудах знаменитого византийского канониста XII в. Феодора Вальсамона по достоинству оцененного уже своими современниками как (по словам Никиты Хониата) «совершенного законоискусника». В связи с рассматриваемой нами темой интерес представляет толкование им уголовного наказания, которое, в свою очередь, знаменует качественный сдвиг в вопросе о применимости смертной казни.

Дело в том, что осуществленная императорами Македонской династии грандиозная программа «очищения древних законов», заключавшаяся в пересмотре и классификации всего писаного правового наследия, прежде всего содержащегося в *Corpus Iuris Civilis*, с точки зрения его применимости в новых исторических условиях, отмены устаревших законов и адаптации законов, остающихся в силе, «эллинизации» юстиниановых законов, т. е. их перевода в греческую языковую систему, и окончательного упразднения всех остатков латинской юридической терминологии, осталась незавершенной. Она осталась незавершенной прежде всего потому, что вне внимания юристов, практически осуществлявших реформу, оказался один из основных правовых сборников – Номоканон в XIV титулов, известный в науке под названием «Номоканон Фотия», в каждой главе которого, помимо церковных правил, содержались соответствующие им гражданские постановления – извлечения из Юстинианова законодательства (Кодекса, Дигест, Институций и Новелл). И хотя возможно, что Фотием была сделана какая-то попытка адаптировать эти законы в духе реформы, в целом эти

изменения контрастировали своим анахронизмом на фоне все более входившего в силу, а к XII в. ставшего единственно действующим нового свода законов – Василик. Это все и заставило пересмотреть гражданскую часть Номоканона и исправить ее согласно действующему законодательству – задача, которая была поручена Вальсамону императором Мануилом Комнинским и патриархом Михаилом Анхиалом и с блеском им выполнена [См.: 2].

Теперь об интересующем нас отрывке из комментария Вальсамона. Речь идет о главе 25 Номоканона – «О клириках-отступниках, жрецах, волшебниках, астрологах, числогадателях, прорицаниях, отравках и амулетах». После указания относящихся к этому церковных канонов Номоканон содержит «текст», в котором приводится подборка цитат из древних римских законов, заимствованных автором Номоканона преимущественно из девятой книги 18-го титула кодекса Юстиниана и трактующих вопросы разрешенных и неразрешенных видов магии, а также санкций за последние, среди которых фигурируют сожжение, конфискация имущества, ссылка, обезглавливание. Наткнувшись на этот «пакет законов» и сличив их с соответствующими статьями Василик, Вальсамон выявляет расхождения в тексте двух памятников, обращая особое внимание на те изменения, которые можно было бы, с его точки зрения, трактовать в духе «большого человеколюбия». Так, даже замену сожжения нарушителей запрета прорицать посредством жертвоприношений наказанием «мечом» и более сурового вида ссылки для подстрекателей к этому менее суровым Вальсамон склонен трактовать в том смысле, что «древние законы изменились в более человеколюбивую форму и уже не в такой силе изложены в ревизии (имеются в виду Василики), как прежде». И хотя такого рода «прогресс» с современной точки зрения выглядит весьма сомнительным, именно он дал повод Вальсамону выступить с собственной концепцией уголовного наказания и с собственной позицией в вопросе о смертной казни. Приводим текст этого отрывка целиком (в переводе В. Нарбекова): «Заметь на основании помещенных в толковании настоящей главы постановлений, что если по Дигестам и Кодексам, имевшим силу до реформы по очищению, под уголовное наказание подводилось и сожжение, и обезглавливание, и повешение, то автор очищения царских законов и составитель Василик не принял этого и в изложенных в Василиках постановлениях Кодекса не поместил этих трех наказаний. Так что не обращай внимания на содержащиеся в I титуле VII книги законы, которые суть Дигесты и говорят, что уголовное наказание есть и сожжение, и обезглавливание, и повешение. Так что обращай внимание на позднейшие законы, а не на Дигесты, как более древние и утратившие свое значение.

Заметить также на основании настоящей главы, что как не принял император того, чтобы кто-нибудь подвергался сожжению, как мы сказали в толковании настоящей главы, так не принял он усекновения и обезглавления магов, а вместо этого положено наказание содержанием в оковах. Итак, приняв во внимание как многое другое, так равным образом и то, что обезглавление, сожжение, отравление ядом, побивание камнями, низвержение в пропасть есть *не уголовное наказание, а бесчеловечное убийство*, уголовное же наказание – это изгнание, ослепление, отсечение руки и прочее, что дает наказываемому время для раскаяния (в результате) удаления виновного и по причине продолжительности наказания, скажи, что если какие законы из содержащихся в Василиках противны настоящему учению, так это Дигесты, и они не должны иметь силы. Узаконено ведь, что постановления (Василик) предпочтительнее Дигест, когда они узаконивают что-либо относительно одного и того же предмета, и что по законам и всем новеллам мы должны толковать законы в духе большего человеколюбия и сообразно с этим выносить приговоры» [2].

Итак, несмотря на всю краткость приведенного здесь текста, можно констатировать, что мы имеем перед собой достаточно развитую систему представлений об основных принципах уголовного права.

Во-первых, налицо принципиальный отказ от отождествления уголовного наказания, и в частности высшей меры уголовного наказания, со смертной казнью, замена последней целой шкалой альтернативных видов наказания. Тем самым удовлетворялось требование, которое выдвигалось новейшей криминалистикой: высшую ступень в «лестнице наказаний» не должны занимать излишне жестокие наказания, так как в этом случае невозможно сохранить соразмерность между преступлениями и наказаниями (если будет совершенно особо «вредное и ужасное преступление», а высшая ступень наказаний уже использована для менее тяжких преступлений).

Во-вторых, налицо фактический отказ от смертной казни вообще как вида уголовной кары, как не отвечающей ни религиозным, ни теоретическим, ни практическим целям наказания. Вальсамон, конечно, отдает необходимую историческую дань той позиции, которую, как мы видели, занимала церковь в данном вопросе: он за передачу преступников для наказания светским властям в соответствии с «гражданским законом». Но ведь сам этот «гражданский закон» отождествлялся им с Василиками, в которых, как было уже отмечено, предписанные законодательством прежних веков наказания смертью были частично (а Вальсамон, по-видимому, считал, явно выдавая желаемое за действительное, что полностью) элиминированы. Во всяком случае Вальсамон явно не связывает с

уступкой церковь еретика государству для наказания никакого права церкви требовать совершенно определенного вида наказания, как на это претендовали западные церковные инквизиционные суды. И уж тем более он не мог под этим «определенным видом наказания» иметь в виду смертную казнь, ибо, назвав ее «бесчеловечным убийством, а не уголовным наказанием», он тем самым определил и свою позицию по отношению к той проблеме, которую ныне известная правозащитная организация «Международная амнистия» определяет словами: «Когда убивает государство».

Конечно, в арсенале аргументов Вальсамона против смертной казни преобладают традиционные, и прежде всего ссылка на то, что церковное каноническое право не знает телесных наказаний. Традиционна и мысль о невозможности для казненного раскаяться, чреватая уже идеей необратимости смертной казни, хотя представления о судебной ошибке и невозможности ее исправить в случае казни (один из основных аргументов нынешних сторонников отмены смертной казни) у Вальсамона, по-видимому, еще не сложилось. Вместе с тем, безусловно прогрессивной представляется мысль о преимуществах «длительности наказания», о чем ратуют и современные аболиционисты, полагая, что в этом случае обеспечивается достаточная и повторяющаяся наглядность наказания.

Таким образом, можно сделать вывод, что в византийской правовой мысли мы уже видим определенным образом оформленный подход к пониманию смертной казни как виду наказания. Трактовка этой кары Вальсамоном как бесчеловечного убийства, а также сохранение в законодательстве лишь простого вида смертной казни (обезглавливание) и замена многих иных видов смертной казни членовредительскими наказаниями дает основание некоторым исследователям (например, В. Г. Василевскому) считать, что византийские императоры имели основание говорить в заглавии Эклоги о большем человеколюбии своего законодательства [1].

Однако доктринальное осуждение смертной казни не привело к дальнейшей гуманизации системы уголовных наказаний. Действительно, смертная казнь за многие преступления была заменена членовредительством как более мягкой формой искупления: отсечение языка (за клятвопреступление и лжесвидетельство); отсечение руки (за кражу); отсечение носа (за половые преступления) и т. п. Но именно в воззрении на членовредительские наказания как на наказания сравнительно мягкие заключается главный недостаток этой системы. Членовредительские наказания заменили собой не одну только смертную казнь; они заступили место и других, действительно мягких наказаний (денежных штрафов), а частое публичное применение их неизбежно приводило к ожесточению нравов. Тем не менее, Эклога, по мнению многих исследователей, представляет собою первый законодательный памятник, пенитен-

циарная система которого ясно и недвусмысленно предусматривала обе основные цели наказания – служить средством справедливого наказания за причиненный вред (искупление вины) и средством устраниения (превентивная функция наказания).

Итак, оценка смертной казни, высказанная одним из ярких представителей византийской юриспруденции Феодором Вальсамоном, была, безусловно, прогрессивной. Направленность реформирования системы наказаний в сторону более мягких видов также можно считать передовой для своего времени, однако реальная практика уголовного правоприменения оказалась гораздо сложнее и противоречивее теории.

Можно высказать лишь сожаление, что Феодор Вальсамон не развил полнее своих взглядов по этим вопросам, хотя общая направленность его мысли просматривается достаточно четко. Она характеризует его как предшественника такой знаковой фигуры новейшего аболиционизма, как итальянский юрист XVIII в. Чезаре Беккария, своей книгой «О преступлении и наказаниях» (1764 г.) совершивший переворот во взглядах цивилизованного человечества на проблему смертной казни: и смертная казнь, и жестокие устраниительные наказания признаны должны быть безусловно исключенными из уголовных кодексов всего мира. И когда говорят, что в 28-й главе трактата Беккарии («О смертной казни») «впервые разум и чувство сошлись в безусловном осуждении смертной казни», то допускают неточность: это уже было, и было в Византии. Жаль, что и сам Беккария ничего не знал о Вальсамоне, а отмечал лишь те заполненные предписаниями смертной казни «обрывки законов древнего народа-завоевателя, собранные повелением государя, царствовавшего в Константинополе двенадцать веков назад (имеется в виду, конечно, Юстиниан и его *Corpus Iuris Civilis*), перемешанные впоследствии с обычаями лангобардов и скрытые в груде фолиантов, наполненных запутанными толкованиями частных лиц», которые «составляют собрание преданий, в значительной части Европы именуемых, однако, законами» [2].

Литература

1. Василевский В. Г. Лекции по истории Византии. Изд-во «Даръ», 2010. Кн. 1, 2.
2. Медведев И. П. Смертная казнь в толковании византийских юристов // Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Михлин А. С. Способы применения смертной казни: история и современность // Государство и право. 1997. № 1.
4. Смертная казнь язычников и еретиков в Византии [Электронный ресурс]. URL: <http://logothet.com/75342.html>

В. М. Танаев*

20 лет новой России: некоторые правовые итоги

В 1991 году Россия, уже второй раз в XX веке, находилась в точке бифуркации, выбирая путь своего развития. И второй раз личностный фактор сыграл важнейшую роль в этом выборе: Борис Ельцин стал вторым Владимиром Лениным, а Владимиру Путину пришлось стать ЛЕГКИМ аналогом Иосифа Сталина. Какковы ВКРАТЦЕ правовые итоги этого двадцатилетнего пути?

1. Государство и право

1.1. Продолжая движение к персонцентризму¹ (от своеобразной «теократии» царской России через идеологизированное советское государство), в России сформировалось корпоративное государство в его бюрократической форме. Причем с явными корпоративными «родимыми пятнами» в виде социального «феодализма» и идеологического «фашизма». А рациональная форма легитимации выразилась в идеологии прагматизма, наиболее соответствующей самой сути бюрократического развития, направленного на непрерывное расширение и «переваривание» (в т. ч. и коррупционное) любых доступных денежных средств.

1.2. Роль права как способа государственного управления в этих условиях становится основополагающей. Правовое оформление (*postfactum*) прагматических решений бюрократической корпорации составляет его суть.

1.3. В этих условиях четко проявляются две черты бюрократического права: реальное разрушение правосудия как выражения независимой судебной власти (В. В. Путин, процесс Ходорковского и Лебедева) и правовой идеализм (правовые инициативы Д. А. Медведева) как попытка решения всех проблем.

2. Общество и право

2.1. В настоящее время Россия переживает этногенетическую фазу надлома в виде резкого снижения уровня пассионарного напряжения после акматической фазы, сопровождающейся расколом этнического поля.

* *Владимир Михайлович Танаев* – магистр частного права, ст. преподаватель юридического ф-та Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: Семитко А. П. Концептуальное введение // Права человека: энциклопедический словарь. М., 2009. С. 25–41.

Первая мировая война, «иконоборчество» большевиков, Гражданская война и Большой террор разрушили традиционную правовую культуру общества. Одержав «пиррову» победу в Великой Отечественной войне, страна проиграла в экономических сражениях «холодной войны» и подошла к точке бифуркации 90-х гг. со стойким ощущением правового нигилизма.

2.2. Этому способствует подчиненное положение права в сознании народа: этнопсихологическая диада русского суперэтноса (ESTP, Маршал-INFP, Лирик) с требованием «справедливости» психологически выше психологической структуры дедуктивного континентального права (N), внедренного в Россию с началом Петровских реформ.

2.3. Потребности экономики, вернувшейся к рыночной основе (пусть даже в государственной монополистической форме), возрождают правовой потенциал общества, находя свое выражение в переходе от стремления преодолеть правовые барьеры (ESTP, Маршал: Сталин) к потребности действовать в правовом поле (ISTP, Мастер: Путин В. В.; ISFJ, Хранитель: Медведев Д. А.) (пусть даже в форме бюрократического права).

3. Типология российского права

3.1. Основной чертой современного российского права является его переходный характер (пусть даже формально) от социоцентризма (F) к персонцентризму (T) при сохранении его традиционной дедуктивной (N) формы.

В то же время, практический отход от идеологической «жесткости» (J) в сторону бюрократической «гибкости» и прагматизма (P) делает право более адекватным к экономическим и политическим реалиям.

3.2. Таким образом формируется особый, переходный (от социоцентризма к персонцентризму) тип права с большим преобладанием персонцентризма (T) – в странах Прибалтики и Восточной Европы или же социоцентризма (F) – в России и бывших республиках СССР.

Наличие экономического и политического механизма, постоянно поддерживающего существование этого типа права в виде корпоративного бюрократического государства, позволяет говорить о существовании и постоянном воспроизводстве этого переходного типа права.

3.3. Типологически современное российское право может быть охарактеризовано как континентальное дедуктивное (N) право по форме, социоцентристское (F) по своей идеологической бюрократической сути, в то же время «квазиперсонцентристское» (T) по форме выражения и «гибкое» (P), прагматичное в своей практической реализации. Таким образом, типологическая формула российского права – NF(T)P.

4. Российская правовая наука

4.1. К настоящему времени сложилось понимание типов научной рациональности как результата своеобразного эволюционного развития – от классической науки, с четким разделением объекта и субъекта (XVI в. – середина XIX в.); к неклассической (середина XIX в. – 70-е гг. XX в.), с понятием субъекта как части объекта, влияющей на него в процессе его изучения; и постнеклассической (с 70-х гг. XX в.), когда субъект и объект соединены неразрывно в рамках сложной, синергетической системы, имеющей свою историю.

4.2. Применительно к правовой науке можно говорить не об отдельных типах правопонимания (этицистском, естественно-правовом и социологическом), а об эволюционном развитии правовой научной рациональности – от классической этицистской (с четким разделением объекта – законов государства и субъекта, изучающего его) к неклассической научной рациональности юснатурализма (когда правовое и неправовое разделяются через правовую позицию субъекта) и постнеклассическому социологическому подходу (при котором право предстает в виде сложной синергетической системы, в рамках которой протекает историческое развитие неразрывно связанных объекта и субъекта в форме «человеческой деятельности»).

4.3. Применительно к российской правовой науке можно говорить о тяжелом процессе преодоления классического типа правовой научной рациональности (связанного с марксистской идеологией и теорией познания), кризисе постнеклассического юснатурализма, столкнувшегося с жесткими реалиями корпоративного бюрократического государства, и тяжелом процессе зарождения постнеклассического подхода (хотя бы в виде процесса «первичного накопления» данных передовой западной философии, психологии, социологии и права).

Впереди российское общество ждут непростые процессы самопознания и преобразования на фоне грозных мировых событий в виде глобализации и столкновения цивилизаций. И от адекватного ответа на эти «вызовы» зависит судьба всей православной цивилизации.

Кризисные явления в экономике и ее криминальная монополизация

Кризисные явления в экономике предопределили наращивание в обществе криминогенного потенциала. Поляризация уровня жизни, исчезновение моральных норм, казавшихся незыблемыми, возникновение новых, порой диаметрально противоположных нравственных ценностей и жизненных ориентиров – все это породило исключительную сложность криминальной ситуации в России.

В условиях реформирования современного российского общества особое значение приобретают вопросы, связанные с укреплением всей системы национальной безопасности, и в первую очередь безопасности экономической, ориентированной на обеспечение стабильного развития общества и государства, их защищенности от экономических угроз.

Кризисные явления в экономике способствовали и ее криминальной монополизации, в том числе в результате распространения рейдерства. Согласно рыночным законам экономика должна развиваться на базе предпринимательской инициативы миллионов людей и конкуренции между десятками тысяч малых, средних и крупных компаний. Однако в России в реальности концентрация капитала в наиболее прибыльных отраслях (степень монополизации экономики) все последние 20 лет только росла. В 2005 г. 80 % ВВП создавались усилиями 1200 компаний, а сейчас их осталось только 500. В мире нет ни одной развитой страны, где доля малого бизнеса в ВВП составляла бы менее 40 %, а в России этот показатель равен 12 %. Сегодня развитие нашей экономики фактически определяется небольшим числом (около 20) крупнейших компаний, часть которых связаны узлами собственности отношений с государством, а часть – с ведущими иностранными ФПП.

Из-за высокой степени монополизации экономики капитализм в России не имеет широкой социальной базы, оставаясь по-прежнему «капитализмом меньшинства». Отставание темпов развития рынка замедляет формирование среднего класса, что, в свою оче-

* *Алексей Юрьевич Федоров* – канд. юр. наук, майор милиции, начальник кафедры совершенствования деятельности ОВД УрЮИ МВД РФ (г. Екатеринбург).

редь, ведет к неэффективности демократических институтов гражданского общества. Таким образом, вопрос о том, что делать с продолжающей расти монополизацией ключевых отраслей хозяйства, сегодня является одним из самых важных и в экономическом, и в социально-политическом отношениях.

Когда речь заходит о наиболее монополизированных отраслях нашей экономики, на первый план традиционно выходят отрасли ТЭК. В частности, на долю Газпрома приходится 90 % российской добычи газа и более 8 % ВВП. Почти 90 % всей добычи нефти сконцентрировано в руках нескольких крупнейших компаний: Роснефти, Лукойла, Газпромнефти, Сургутнефтегаза, ТНК-ВР. Транспортировка газа и нефти также фактически монополизирована Газпромом и Транснефтью. Что касается металлургии, то примерно 5–6 компаний контролируют 90 % российской черной металлургии, а в каждой подотрасли цветной металлургии есть свой лидер, чья доля на рынке также колеблется в пределах 90 %.

Но стремление к монополизации характерно не только для упомянутых капиталоемких, системообразующих отраслей российской экономики. В частности, по данным ФАС, российскую лесную отрасль контролируют 23 крупнейшие группы. Особенно сильно монополистические тенденции в этой отрасли, как и во многих других, ей подобных, проявляются на региональном уровне: в большинстве регионов 3–4 фирмы контролируют 95 % продаж каждого вида. Есть и более удручающие сведения. Так, по информации, размещенной на интернет-сайте «Mergers.ru», в России лесную отрасль контролируют всего пять крупнейших лесопромышленных компаний.

Наибольшей монополизации подверглись энергосырьевые, торговые, строительные, спиртовые и фармацевтические сегменты экономики. Они приняли в стране «невероятный размах», получая норму прибыли в 500–1000 %, и от этих прибылей не намерены отказываться.

Безусловно, причиной столь стремительного роста монополизации ключевых отраслей хозяйства является не только рейдерство, но полагаем, что последнее сыграло существенную негативную роль в данном процессе.

Ситуацию со степенью монополизации экономики и результирующим внутренним ценообразованием на ключевые промышленные товары нельзя не признать опасной и в контексте предполагаемого вступления России в ВТО. Речь идет об осознании наиболее реальных на сегодняшний день конкурентных преимуществ нашей страны на мировой арене. Ясно, что важнейшее из них – это обеспеченность природными полезными ископаемыми, которая традиционно гарантировала нам меньший средний уровень производ-

ственных затрат и позволяла нашей, пусть и менее качественной, готовой продукции, например сельскохозяйственной технике, эффективно конкурировать на мировом рынке по соотношению «цена/качество» с аналогами из развитых стран.

Сейчас это преимущество активно нивелируется в угоду интересам крупнейших российских экспортеров сырья и конкурентов из развитых стран, требующих повышения наших внутренних цен на ключевые промышленные и энергетические товары до мирового уровня. При этом качество других конкурентных преимуществ, которыми страна располагала ранее, за годы реформ снизилось настолько, что наши традиционно сильные позиции на соответствующих сегментах мирового рынка сегодня стали заметно слабее и уже не позволяют говорить о том, что конкретно Россия могла бы противопоставить конкурентному давлению из-за рубежа, если бы все преграды для него были сняты.

Таким образом, проблема высокой степени монополизации экономики имеет гораздо больше проявлений и потенциально негативных последствий, чем традиционно упоминаемые в связи с этим сверхприбыли, завышенные цены и инфляция. Речь идет не только о долгосрочных перспективах внутреннего роста отечественной экономики, но и о ее способности противостоять внешним угрозам, которые в глобальном мире принимают прямую и явную форму.

Логика развития российской экономики следует за логикой развития мирового хозяйства в целом. И поскольку основу современного отечественного хозяйства составляют капиталоемкие добывающие и перерабатывающие производства, ориентированные на экспорт, то рост концентрации капитала в этих отраслях, укрупнение хозяйствующих субъектов за счет поглощения мелких и средних конкурентов можно признать объективным явлением, диктуемым условиями жесткой международной конкуренции. Главное, чтобы естественное стремление крупного бизнеса к монополизации рынка оставалось под эффективным контролем государства.

Для достижения этой цели на федеральном уровне (с учетом характерной для последних лет тенденции к вертикальной интеграции ведущих отечественных компаний) эффективным способом борьбы с монопольным давлением на рынок со стороны крупнейших корпораций представляется не их принудительное дробление по примеру РАО «ЕЭС». Это дробление проводилось для имитации свободной конкуренции за счет возросшего числа операторов в отрасли и на самом деле было чревато только дальнейшим ростом цен из-за возросшего числа посредников при сохранении прежнего качества предоставляемых услуг. Поэтому способом борьбы за рынок должно стать тесное сотрудничество и партнерство государства и частного бизнеса в вопросе, касающемся выработки

совместной стратегии долгосрочного развития, которая включает в себя, в том числе, и механизмы добровольного ограничения роста цен со стороны компаний (в обмен на содействие развитию бизнеса со стороны государства) с учетом общих целей повышения международной конкурентоспособности национальной экономики.

Крайне необходимо уделить особое внимание развитию антимонопольного контроля в регионах, расширить круг эффективных полномочий антимонопольных органов в целях сокращения документооборота и ускорения процесса принятия решений (вплоть до судебных), а также повышения меры ответственности (в том числе и материальной) за нарушения правил конкуренции и ценообразования (в том числе за нарушения, нанесшие ущерб интересам конечных потребителей, физических лиц). Соответственно, назрела необходимость упростить процедуру подачи претензий в органы антимонопольного контроля от граждан, пострадавших в результате произвола местных монополистов.

Самым действенным способом борьбы с монополизацией и проистекающими от нее бедами, безусловно, является постепенное снижение значения соответствующих отраслей как в экономике в целом, так и в себестоимости производимой в стране продукции, тем более что такую необходимость диктуют и прогнозы обеспеченности России некоторыми видами полезных ископаемых. Решать эту задачу необходимо за счет структурной перестройки экономики и перехода от архаичной модели, построенной на экспорте сырья, к современной инновационной экономике и экспорту наукоемкой готовой продукции с высокой степенью обработки.

Наши крупнейшие компании вряд ли будут сами заинтересованы в таком переходе. Высокие технологии для многих из них – весьма существенные и совсем не обязательные расходы. Основной доход эти компании получают от экспорта, за рубежом же сейчас спросом пользуются наше сырье и продукты первого передела, а не наукоемкая продукция, которую западные партнеры предпочитают производить сами. Да и нашему государству привлечь бизнес к участию в своих модернизационных программах будет сложно, пока в добывающих отраслях норма рентабельности втрое выше, чем в обрабатывающих.

Стратегическое значение имеет реальное, а не декларативное обеспечение финансовой, административной и иной поддержки малого и среднего бизнеса. Актуальность такой поддержки приобрела особое значение в условиях мирового финансового экономического кризиса. Однако, к сожалению, на практике большинство реализуемых мер по поддержке среднего и тем более малого бизнеса оказались неэффективными и в основном именно декларативными.

В условиях финансового кризиса необходимо серьезно подойти к обсуждению вопросов о мерах защиты экономики и перспективах ее развития. Без диверсификации экономики в инновационные сферы деятельности и развития частной предпринимательской инициативы малого и среднего бизнеса невозможно добиться структурных преобразований, которые продекларированы в программе развития страны до 2020 года, и к проведению которых призывает турбулентное состояние мировой экономики. Россия, вовлеченная в мировой финансовый кризис, имеет возможность на его гребне не просто снизить высокий уровень монополизации и сырьевой направленности своей экономики, но и начать ее диверсификацию.

*Г. С. Хайрова**

Курильский вопрос и международное право

Территорией государства называется подвластная этому государству часть земного шара, включая сушу, воду, воздух. Территория – материальная база государства, без обладания которой оно нормально существовать не может. Юридическая природа территории вызывала и вызывает много споров среди представителей международного и государственного права. Территорию рассматривают: а) как предмет особого вещного права, верховной собственности государства (Галлер, Сперанский) или же нации (якобинцы во Франции); б) как пространство или «предел» распространения власти государства (Фрикер, Дюги); в) как основание и предел компетенции государства (Шалланд, Шенборн). Таким образом, территория есть либо объект права (теория предмета), либо юридический факт, обуславливающий возникновение властеотношений или осуществление правомочий (теория пространства и компетенции)¹.

Но какой теории ни придерживайся, нельзя отрицать того факта, что территория является очень важным признаком государства. И каждое государство стремится к расширению своих территориальных пределов.

Пределы территории государства определяются государственными границами. Государственная граница – это линия и проходящая по ней вертикальная поверхность, определяющая пределы государственного суверенитета². На сегодняшний день вся территория земного шара поделена между государствами. Изменение существующих государственных границ возможно только при обоюдном согласии сопредельных государств. Но возникает вопрос: а все ли существующие границы являются законными и соответствуют требованиям международного права? Как показывает

* *Галина Сергеевна Хайрова* – канд. юр. наук, доцент кафедры публичного права Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ См.: *Международное право* / Под ред. В. Н. Дурденевского, С. Б. Крылова. М., 1947. С. 203.

² См.: *Международное право: учебник для вузов* / Отв. ред. проф. Г. В. Игнатенко и проф. О. И. Тиунов. М.: Изд. группа НОРМА–ИНФРА-М, 2006. С. 470.

реальность, территориальные споры существуют и некоторые из них не утратили своей актуальности, а можно сказать даже больше – приобретают все большую остроту. Территориальный спор – это спор между государствами по поводу государственной принадлежности определенной территории. Субъектами территориального спора могут быть только государства.

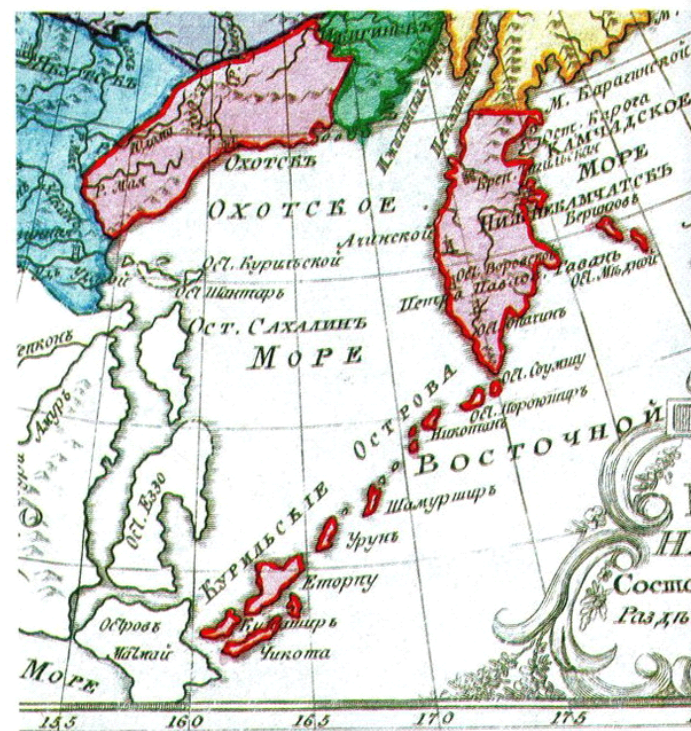
Государства обязаны «воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных споров и вопросов, касающихся государственных границ»³. Аналогичное требование содержится и в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. (раздел «Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях»). Важная взаимосвязь принципов отмечена в Декларации 1970 г.: «Каждый принцип должен рассматриваться в контексте всех других принципов». Но, как показывает практика, некоторые государства не придерживаются данных принципов при решении территориальных споров. Рассмотрим в качестве примера так называемый «курильский вопрос».

Русские мореплаватели капитан Шпанберг и лейтенант Вальтон в 1739 году первыми из европейцев открыли путь к восточным берегам Японии, побывали на японских островах Хондо (Хонсю) и Матсмае (Хоккайдо), описали Курильскую гряду и нанесли на карту все Курильские острова и восточный берег Сахалина. Экспедиция установила, что под властью японского хана находится только один остров Хоккайдо, остальные острова ему неподвластны. С 60-х гг. заметно возрастает интерес к Курилам, все чаще к их берегам пристают русские промысловые суда, и вскоре местное население (айны) на островах Уруп и Итуруп было приведено в русское подданство. Купцу Д. Шебалину канцелярией Охотского порта был дан наказ «обратить в подданство России жителей южных островов и завозить с ними торг». Приведя айнов в русское подданство, русские основали на островах зимовья, стоянки, научили айнов пользоваться огнестрельным оружием, разводить скот и выращивать некоторые овощи. Многие из айнов приняли православие и обучились грамоте. По велению Екатерины II в 1779 году все поборы, не установленные указами из Санкт-Петербурга, отменя-

³ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 г. (Цит. по: Международное публичное право: сб. документов. М.: Изд-во БЕК, 1996. Т. 1. С. 2).

лись. Таким образом, факт открытия и освоения русскими Курильских островов неоспорим⁴.

Фрагмент из документа № 5
«Карта Иркутского Наместничества состоящая из
4 областей, разделенных на 17 уездов».
1796 г.

Источник : Атлас Российской Империи, состоящий из 52 карт, изданный во граде Св. Петра в лето 1796-е в царствования Екатерины II. XXXV-е. СПб, 1796 – главное официальное издание того времени.

Рис 1. (На карте хорошо видно, что все Курильские острова являются частью российской территории, Камчатского уезда)

⁴ См.: Россия – Япония: Курильские острова [Электронный ресурс]. URL: <http://karty.narod.ru/claim/kuril/kuril.html>

Рис. 2. Карта Японии эпохи Сехо 1644 г.

Со временем промыслы на Курилах истощались, становясь все менее прибыльными, нежели у берегов Америки, а потому к концу XVIII века интерес русских купцов к Курилам ослаб. У Японии к концу того же века интерес к Курилам и Сахалину только-только пробуждается, ведь до этого Курилы были практически неизвестны японцам. Остров Хоккайдо – по свидетельству самих же японских ученых – считался иноземной территорией и только незначительная часть его была заселена и освоена. В конце 70-х гг. русские купцы доходили до Хоккайдо и пытались завести торговлю с местными жителями. Россия была заинтересована в приобретении продовольствия в Японии для русских промысловых экспедиций и поселений на Аляске и островах Тихого океана, но завязать тор-

говлю так и не удавалось, так как запрещал закон об изоляции Японии 1639 г., который гласил: «На будущее время, доколе солнце освещает мир, никто не имеет права приставать к берегам Японии, хотя бы он даже и был посланником, и этот закон никогда не может быть никем отменен под страхом смерти». И в 1788 году Екатерина II шлет строгий наказ русским промышленникам на Курилах, чтобы они «не касались островов, под ведением других держав находящихся», а за год до того ею был издан указ о снаряжении кругосветной экспедиции для точного описания и нанесения на карту островов от Масмая до камчатской Лопатки, чтобы их «все причислить формально к владению Российского государства». Было предписано не допускать иностранных промышленников к «торговле и промыслам в принадлежащих России местах и с местными жителями обходиться мирно». Но экспедиция не состоялась из-за начавшейся русско-турецкой войны (1787–1791 гг.).

Воспользовавшись ослаблением русских позиций в южной части Курил, японские рыбопромышленники сначала в 1799 году появляются на Кунашире, на следующий год уже на Итурупе, где уничтожают русские кресты и незаконно ставят столб с обозначением, указывающим на принадлежность островов Японии. Японские рыбаки часто стали прибывать к берегам Южного Сахалина, вели промысел, обирали айнов, что являлось причиной частых стычек между ними. В 1805 году русскими моряками с фрегата «Юнона» и тендера «Авось» на берегу залива Анива был поставлен столб с российским флагом, а японская стоянка на Итурупе была разорена. Русские радушно были встречены айнами.

В 1854 году с целью установления с Японией торговых и дипломатических отношений правительство Николая I направляет вице-адмирала Е. Путятина. В его миссию также входило разграничение русских и японских владений. Россия требовала признания своих прав на остров Сахалин и Курилы, издавна принадлежавшие ей. Зная прекрасно, в каком тяжелом положении оказалась Россия, ведя одновременно войну с тремя державами в Крыму, Япония выдвинула необоснованные претензии на южную часть Сахалина. В начале 1855 года в г. Симода Путятин подписал первый Русско-японский договор о мире и дружбе, в соответствии с которым Сахалин объявлялся неразделенным между Россией и Японией, граница устанавливалась между островами Итуруп и Уруп, а для русских судов были открыты порты Симода, Хакодаге и Нагасаки. Симодский трактат 1855 г. в ст. 2 определяет: впредь границу между Японским государством и Россией установить между островом Итуруп и островом Уруп. Весь остров Итуруп принадлежит Японии, весь остров Уруп и Курильские острова к северу от него принад-

лежат России. Что касается острова Карафуто (Сахалин), то границей между Японией и Россией он не разделен по-прежнему»⁵.

Рис. 3. Государственная граница, проведена в 1855 г.

Правительство Александра II главным направлением своей политики сделало Ближний Восток и Среднюю Азию и, опасаясь оставлять неопределенными свои отношения с Японией на случай нового обострения отношений с Англией, пошло на подписание так называемого Петербургского трактата 1875 г., согласно которому

⁵ История взаимоотношений России и Японии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=33569>

все Курильские острова в обмен на признание Сахалина русской территорией переходили к Японии. Александр II, который до этого в 1867 году продал Аляску за символическую и по тем временам сумму – 11 миллионов рублей, и на этот раз совершил крупную ошибку, недооценив стратегическое значение Курил, которые в дальнейшем были использованы Японией для агрессии против России. Царь наивно полагал, что Япония станет миролюбивым и спокойным соседом России, и когда японцы, обосновывая свои претензии, ссылаются на договор 1875 г., то почему-то забывают о его первой статье: «...и впредь будет установлен вечный мир и дружба между Российской и Японской империей».

Потом был 1904 год, когда Япония вероломно напала на Россию. При заключении мирного договора в Портсмуте в 1905 году японская сторона потребовала от России в порядке контрибуции остров Сахалин. Русская сторона заявила тогда, что это противоречит договору 1875 г. Аргумент японцев заключался в следующем: война перечеркивает все договоры, вы потерпели поражение, и давайте исходить из сложившейся на сегодняшний день обстановки. Только благодаря искусным дипломатическим маневрам России удалось сохранить северную часть Сахалина за собой, а Южный Сахалин отошел к Японии.

На Ялтинской конференции глав держав, стран – участниц антигитлеровской коалиции, состоявшейся в феврале 1945 года, было решено после окончания Второй мировой войны Южный Сахалин и все Курильские острова передать Советскому Союзу, и это явилось условием вступления СССР в войну с Японией – через три месяца после окончания войны в Европе.

8 сентября 1951 года в Сан-Франциско 49 государств подписали мирный договор с Японией. Проект договора был подготовлен в период «холодной войны» без участия СССР и в нарушение принципов Потсдамской декларации. Советская сторона предложила провести демилитаризацию и обеспечить демократизацию страны. Представители США и Великобритании заявили нашей делегации, что они приехали сюда не для того, чтобы обсуждать, а подписать договор и поэтому ни одной строчки менять не станут. СССР, а вместе с ним Польша и Чехословакия поставить свои подписи под договором отказались. И что интересно, статья 2 этого договора гласит, что Япония отказывается от всех прав и оснований на остров Сахалин и Курильские острова. Таким образом, Япония сама отказалась от территориальных притязаний к нашей стране, подкрепив это своей подписью.

В настоящее время японская сторона утверждает, что острова Итуруп, Шикотан, Кунашир и гряда Хабомаи, всегда являвшиеся японской территорией, в состав Курильских островов, от которых

отказалась Япония, не входят. Правительство США по поводу сферы понятия «Курильские острова» в Сан-Францисском мирном договоре заявило в официальном документе: «(Они) не включают и не имелось никакого намерения включить (в состав Курил) гряды Хабомаи и Шикотан, или Кунашир и Итуруп, которые прежде всегда были частью собственно Японии и, следовательно, должны быть справедливо признаны как находящиеся под японским суверенитетом».

1956 год, советско-японские переговоры о нормализации отношений между двумя странами. Советская сторона согласна уступить два острова, Шикотан и Хабомаи, Японии и предлагает подписать мирный договор. Японская сторона склоняется к принятию советского предложения, но в сентябре 1956 года Соединенные Штаты направляют Японии ноту, в которой говорится, что, если Япония откажется от своих претензий на Кунашир и Итуруп и удовлетворится только двумя островами, то в этом случае США не отдадут острова Рюкю, где главным островом является Окинава. Американское вмешательство сыграло свою роль, и японцы отказались подписать мирный договор на наших условиях. Заключенный впоследствии (1960 г.) договор о безопасности между США и Японией сделал невозможным передачу Японии Шикотана и Хабомаи. Отдавать острова под американские базы наша страна, понятно, не могла, как и связывать себя какими-то обязательствами перед Японией в вопросе о Курилах.

В данном случае возникает вопрос о том, какой из договоров необходимо принимать во внимание для урегулирования Курильского вопроса. С одной стороны, последним двусторонним договором о разграничении территории является договор 1875 г. Договор 1905 г. не был заключен Россией добровольно, а стал результатом поражения в Русско-японской войне. С другой стороны, можно ли считать современную Японию государством – преемником Японии, которая существовала до Второй мировой войны. Дело в том, что Япония объявила о безоговорочной капитуляции.

Полная и безоговорочная капитуляция означает прекращение существования субъекта международных отношений, демонтаж прежнего государства как политического института, потерю им суверенитета и всех властных полномочий, которые переходят к державам-победительницам. Именно эти державы и определяют условия мира и послевоенного устройства и урегулирования. На месте прежнего государства возникает новый субъект международного права, но это – разные субъекты международного права.

Таким образом, последним документом о разделении Курильских островов является Сан-Францисский договор 1951 г., по которому Япония сама отказывается от всех прав на Сахалин и Курильские острова. Ст. 2:

Япония «отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские острова и ту часть Сахалина и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 года»⁶.

Следует отметить, что ни в одной из ситуаций спорящие стороны не учитывали мнение населения, проживающего на этих территориях.

При решении территориальных споров помимо множества исторических и юридических аспектов важным был бы учет мнения населения, проживающего на спорных территориях. Еще Эразм Роттердамский указывал на недопустимость, с правовой точки зрения, передачи населенных территорий от одного государства другому без учета желаний населения.

В целях такого учета воли населения международная практика и право выдвинули с конца XIX в. плебисцит, т. е. народное голосование по вопросу о передаче территории, проводимое в передаваемой территории или присоединяемой стране. В современной теории международного права существуют как сторонники, так и противники плебисцита. Но несмотря на это, плебисцит в ряде случаев может сыграть положительную роль в урегулировании территориальных конфликтов.

⁶ Сан-Францисский договор 1951 г. См. на сайте: www.un.org.ru

Коммерческое обозначение: краткая история становления термина

Период распада СССР характеризуется обновлением законодательства, связанным на первом этапе с необходимостью регулирования процессов либерализации и демократизации социалистического общества, государства и экономики, а в последующем – с созданием правовой базы перехода к многоукладной экономике, рынку на основе частной собственности, свободе предпринимательства и приватизации. Это последнее законодательство опирается на изменения Конституции 1990–1991 гг. в части экономической и политической системы государства и первоначально представлено отдельными актами.

Гражданское право развивается на основе тех же закономерностей, что и другие отрасли права. Первый период (до 1989 г.) характеризуется изменениями, не порывающими с социалистическими принципами. В это время принимаются нормы, обеспечивающие расширение хозяйственной инициативы предприятий и граждан.

Последующее развитие происходит под воздействием начавшегося перехода от планово-распределительной экономики к рыночной и от государственного монополизма к многоукладности, что необходимо было обеспечить соответствующими изменениями в гражданском праве. Этот период характеризуется внесением изменений принципиального характера.

Принятие 12 декабря 1993 г. на всеобщем референдуме новой Конституции РФ повлияло на развитие России в дальнейшем, поскольку новая Конституция сочетала в себе признаки Основного закона, свойственного государству с высокоцентрализованной системой управления экономической и другими сферами жизни общества, с признаками основного конституционного акта, свойственного государству с рыночной экономикой. Особенно ярко это проявилось в положениях, касающихся различных форм собственности. Конституция 1993 г. отражает переходный характер экономики от государственно-планируемой и управляемой к рыночной

* *Дмитрий Сергеевич Шистеров* – соискатель научной степени при аспирантуре Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

экономике, закрепляет одинаковый правовой статус различных форм собственности¹.

22 декабря 1995 г. принимается, а с 1 марта 1996 г. вводится в действие часть вторая Гражданского кодекса РФ. Одной из новелл данного нормативного акта было указание термина «коммерческое обозначение» в статьях, касающихся договора коммерческой концессии (ст. 1027, 1032, 1037, 1039, 1040). Однако законодатель ограничился лишь указанием словосочетания «коммерческое обозначение», не раскрыв его правовой природы, не указав СОДЕРЖАНИЯ данного термина. Данный пробел не мог остаться невосполненным. Многие ученые и авторы заинтересовались природой коммерческого обозначения. Было предпринято множество попыток толкования данного термина и определения сферы его действия.

Необходимо отметить, что данный термин не упоминался в российском законодательстве, однако в международных правовых актах имелись упоминания о нем еще до введения в действие части второй ГК РФ.

По мнению Е. А. Суханова, содержание термина «коммерческое обозначение» можно вывести из ст. 6.bis Парижской конвенции по охране промышленной собственности². Коммерческое обозначение – это незарегистрированное, но общеизвестное наименование, используемое в деятельности предпринимателя. В дополнение можно привести мнение А. А. Иванова, что коммерческое обозначение – это такое название бизнеса, которое не совпадает с фирменным наименованием юридического лица или именем индивидуального предпринимателя, этот бизнес ведущего³.

При этом М. И. Брагинский и В. В. Витрянский ограничительно толкуют положения ст. 6.bis Парижской конвенции, считая, что в настоящее время в России в качестве правообладателя коммерческого обозначения как общеизвестного знака определенного лица может выступать лишь иностранный предприниматель, находящийся в стране – участнице Парижской конвенции. Данный вывод основывается на том, что, по мнению указанных авторов, в названной статье речь идет о знаках, общеизвестных в качестве знака определенного лица, защита которых приравнивается к защите зарегистри-

¹ См.: Основы права: учебник / Под ред. М. Н. Марченко, Е. М. Дерябиной. М.: Проспект, 2009. С. 117.

² Парижская конвенция по охране промышленной собственности. Публикация № 201(R). Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 1990.

³ Гражданское право: учебник / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: Проспект, 1997. Ч. 2. С. 630.

стрированного товарного знака, а правовой защите в Российской Федерации подлежат лишь те незарегистрированные общеизвестные знаки, которые принадлежат иностранным субъектам и охраняются в силу принятых Россией международных обязательств⁴.

Существуют и более радикальные позиции по этому вопросу. Например, И. Рыкова предлагает «исключить из текста статьи (вероятно, ст. 1027 ГК РФ и, как следствие, из всей гл. 54 ГК РФ. – *Д. Ш.*) коммерческое обозначение, так как оно не определено терминологически и в соответствии с существующим законодательством не подлежит защите, в противном случае велика вероятность умышленного или неумышленного введения в заблуждение пользователей (франчайзи)»⁵.

На наш взгляд, интересный подход к пониманию природы коммерческого обозначения отражен в работе С. А. Бобкова, который пишет: «с целью определения смыслового содержания термина “коммерческое обозначение” попробуем провести его лексический анализ. Обозначение – это знак, которым что-нибудь обозначено. В свою очередь знак (в одном из значений) – это пометка, изображение, предмет, которыми отмечается, обозначается что-нибудь. Представляется, что в качестве знака (отличительного признака) могут выступать как словесные, так и графические, а также комбинированные обозначения. Действительно, вполне можно предположить, что определенный субъект предпринимательской деятельности (предприниматель без образования юридического лица либо коммерческая организация) использует в своей деятельности некое обозначение, не являющееся его фирменным наименованием (его частью) либо зарегистрированным товарным знаком: например, размещает его на вывеске своего предприятия, иными словами, вводит его в хозяйственный оборот. Такая ситуация тем более возможна, если данное обозначение не является фирменным наименованием либо товарным знаком третьих лиц и, как следствие, не является нарушением их законных прав и интересов»⁶.

В своей статье В. Ю. Бузанов пишет: «Если попытаться определить место коммерческого обозначения среди родственных ему объектов исключительных прав, то его наиболее близкими соседями окажутся фирменные наименования и товарные знаки», –

⁴ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. М.: Статут, 2002. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. С. 975–976.

⁵ Рыкова И. Коммерческая концессия – франчайзинг? // Оборудование, рынок, предложение, цены (приложение к журналу «Эксперт»). 2001. № 2. С. 37.

⁶ Бобков С. А. Коммерческое обозначение как объект исключительных прав // Журнал российского права. 2004. № 1.

и приводит следующую классификацию коммерческих обозначений: 1) названия предприятий розничной торговли, бытового обслуживания и сферы услуг (в том числе магазинов, ресторанов, гостиниц и т. д.); 2) эмблемы и другие символы фирменного стиля коммерческой организации, не подпадающие под правовой режим фирменных наименований и товарных знаков (фирменный лозунг, особое сочетание цветов и т. д.); к этому же классу можно отнести правовой режим незарегистрированных товарных знаков; 3) наименования транспортных средств (в частности, морских и воздушных судов)⁷.

Можно сделать вывод, что мнения указанных авторов, писавших о коммерческом обозначении, по сути своей схожи.

Продолжая тему 20-летнего правового развития России, необходимо отметить введение в силу с 1 января 2008 г. части четвертой Гражданского кодекса РФ. Ее нормами регулируются отношения по поводу ранее уже известных объектов, таких как производство науки, литературы, искусства, товарные знаки, а также социальные связи, складывающиеся по поводу средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. В числе указанных средств индивидуализации появился новый для российского законодательства объект – коммерческое обозначение. Данному объекту посвящен параграф 4 гл. 76 ГК РФ.

Однако стоит упомянуть, что данному шагу предшествовал не один год напряженной работы, было написано множество статей, посвященных этой проблеме, высказывались мнения как в защиту данной реформы, так и против кодификации норм.

Например, д. ю. н. А. П. Сергеев писал: «данная попытка (из предпринятых за последние 10 лет) ввести нормы об интеллектуальной собственности в состав Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) считается третьей. Первый вариант, подготовленный Исследовательским центром частного права при Президенте РФ в 1994–2001 гг., предусматривал включение в ГК РФ не только общих положений об интеллектуальной собственности, но и развернутых правил, посвященных каждому из конкретных его объектов при сохранении действия специальных Законов (авторского, патентного и др.). Данный вариант был отвергнут большинством специалистов и международных экспертов и в итоге не получил поддержки соответствующих органов исполнительной власти. Второй проект, подготовленный в 2002 г. рабочей группой при Министерстве экономического развития и торговли, включал лишь общие положения об интеллектуальной собствен-

⁷ Бузанов В. Ю. Правовой режим коммерческих обозначений // Законодательство. 2002. № 8. С. 37.

ности и отводил основную регулирующую роль в этой сфере специальным законам. В 2003 г. под эгидой Министерства печати РФ был разработан усовершенствованный вариант данного проекта, отличительной чертой которого было рассредоточение общих норм об интеллектуальной собственности по разным разделам ГК РФ. Он был поддержан Исследовательским центром частного права и одобрен (в декабре 2003 г.) Советом по кодификации гражданского законодательства при Президенте РФ, однако по неизвестным причинам дальнейшего продвижения он не получил. Третий вариант подготовлен Исследовательским центром частного права. В нем предлагается отменить существующие ныне специальные законы об интеллектуальной собственности, а содержащиеся в них нормы включить в ГК РФ. Данное решение представляется крайне спорным как в теоретическом, так и в практическом отношениях, а также чреватым серьезными негативными последствиями⁸. Во-первых, кодификация поставит Россию в особое положение, поскольку во всем мире законодательство об интеллектуальной собственности представлено специальными законами и отдельными международными соглашениями. Во-вторых, отмена специальных законов надолго дезорганизует судебную и административную практику, которая будет отброшена на несколько лет назад. В-третьих, включение в ГК РФ большого числа норм административного характера во многом подорвет его значение как основополагающего акта гражданско-правового характера. В-четвертых, данное решение затруднит оперативное внесение изменений в регулирование отношений интеллектуальной собственности, которые развиваются достаточно динамично⁹.

У данной реформы есть и положительные перспективы:

- полное сосредоточение в ГК РФ всего гражданского законодательства об интеллектуальной собственности;
- приведение федерального законодательства об интеллектуальной собственности в единую систему. Это позволит сформулировать некоторые единые для законодательства об интеллектуальной собственности принципиальные положения;
- проведение сложной кодификационной работы юридико-технического характера – устранение расхождений и противоречий между действующими нормами разных законов, структурирование текста, значительное улучшение языка, редакции закона.

⁸ Сергеев А. П. Ч. 4 ГК РФ: за и против // Корпоративный юрист. 2006. № 6. С. 1.

⁹ Там же. С. 3.

*Н. М. Юрова**

Эффективность действия закона и правовое развитие России: теоретические подходы

В российской традиции слово «эффективность» понимается более широко, примерно так, как в Европе понимают оценку законов. В европейской традиции эффективность – один из элементов оценки. В российской научной традиции, наоборот, понятие «эффективность» используется как наиболее широкая категория, которая охватывает разные аспекты эффективности. Поэтому, следуя российской традиции, будем использовать термин «эффективность», а не термин «оценка законов», более понятный европейским юристам.

Любую сложную проблему можно проиллюстрировать на каком-то понятном, легко обозримом примере. Вот и проблему эффективности законов, прежде чем идти вглубь этого вопроса, хотелось бы проиллюстрировать на примере, на первый взгляд, не имеющем отношения к юриспруденции, – на примере из области медицины.

Есть много общего между проблемой эффективности закона и проблемой эффективности лекарства. Ведь, прежде чем запустить какое-то лекарство в производство, тем более выложить его на прилавки в аптеках, фирма-производитель очень серьезно изучает препарат, проводятся теоретические исследования, моделируется, как это лекарство может повлиять на состояние человека, проводятся эксперименты на животных, затем на группах добровольцев. После этого лекарство выпускается в производство, разрешается к использованию. Но очень тщательно анализируется клиническая практика, т. е. оценивается, в каких случаях достигнут результат, который ожидали врачи, в каких случаях он не достигнут, какие побочные последствия породило то или иное лекарство.

Этот пример позволяет увидеть, что к изучению эффективности законов, к сожалению, отношение совершенно иное. Во многих случаях очень серьезное, сильнодействующее социальное лекарство запускается в социальный организм без всякой проверки, при

* *Наталья Михайловна Юрова* – аспирант Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

этом не отслеживаются последствия, которые породило данное решение, а ведь эти последствия могут быть очень серьезными. Какие-то правовые решения, которые принимаются сегодня, наложат свой отпечаток даже на будущие поколения. И конечно, эти последствия надо отслеживать и каким-то образом учитывать их в законодательной практике.

Следует отметить, что изучение эффективности закона не должно замыкаться в рамках оценки соответствия, то есть чисто формального анализа, что чему соответствует. В нашей практике это соответствие, например, законодательства субъектов Российской Федерации федеральному законодательству. Необходимо ставить вопрос: а какое же реальное влияние оказало законодательство на жизнь? И если бы вопрос ставили таким образом, то во многих случаях обнаружилось бы, что править надо не законодательство субъектов Российской Федерации, а федеральное законодательство приводить в соответствие с более прогрессивными решениями, принятыми на региональном уровне.

Также чрезвычайно важно разделять эффективность закона, эффективность законотворчества, т. е. процесса принятия этого закона, и эффективность правовой политики – правильности тех социальных целей, которых пытаются достичь путем принятия этого закона.

Может возникнуть парадоксальная ситуация, когда законодательная деятельность эффективна, а закон в результате появляется никчемный, и последствия его никчемны. То есть эффективен политический шум вокруг вопроса, а результат, в общем-то, не соответствует общественным ожиданиям. Но это говорит о том, что эффективность самой нормы нельзя путать с эффективностью законодательного процесса – там свои критерии и своя оценка.

У этой проблемы есть и другая сторона. Когда мы видим недостаточную эффективность закона или даже его негативный результат, в этом нельзя винить только чиновников. Следует понимать, что позитивный или негативный результат реализации закона – это слагаемое многих составляющих, что после принятия закона включается правительство, которое либо финансирует, либо не финансирует реализацию его норм, включаются органы исполнительной власти, правоохранительные органы, прокуратура, суд, общественные организации, СМИ – словом, множество участников действует в процессе реализации закона. Если какое-либо из этих звеньев не работает – мы не достигнем результата. Поэтому недостатки реализации нормы несправедливо валить на того, кто создал норму. Нужно понимать, что норма – это лишь один из элементов очень

сложного механизма, посредством которого либо достигается, либо не достигается конечный результат¹.

Специфика обсуждаемой проблемы заключается именно в том, что методологически очень сложно выделить, что зависит от нормы, а что – от других элементов механизма реализации закона. Мало кто согласится признать, что именно из-за его бездействия результат не достигнут, но все готовы присоединиться к победе, если цель достигнута и получен положительный результат.

Очень важный аспект проблемы – это разграничение эффективности закона и эффективности законодательной политики. Профессор Мадер говорит об этом так: «Формально ее объект (имеется в виду объект оценки законов. – Н. Ю.) отличается от объекта анализа политики. Однако, по крайней мере в отношении правопорядка, уважающего верховенство законов, на практике нет никаких фундаментальных различий между оценкой законодательства и оценкой государственной политики»². Другими словами, профессор Мадер делает фундаментальное предположение, что, оценивая закон, мы оцениваем и государственную политику.

Необходимо обратить внимание на то, что правовая политика сегодня вышла на какой-то совершенно новый уровень, который качественно отличается от того, что было раньше. В начале девяностых годов и до середины, может быть даже до конца девяностых, до 1997–1998 года, страну «лечили» простыми, грубыми правовыми средствами, т. е. государство предлагало прямолинейные, простые, явные, открытые решения, которые и оформлялись законами. Если приватизация, так непременно чековая, лобовая, ураганная и т. д.

Сейчас реформы перешли в совершенно новую стадию. Период грубых реформ прошел. Государство предлагает очень тонкие решения. То, что мы сейчас читаем в виде законов, – это иногда очень многослойное, очень сложное решение, последствия которого наступят не сразу, и мы не всегда понимаем даже, какие последствия закладываются в эти законы. К сожалению, сегодняшнее поколение политиков, сегодняшнее поколение депутатов в целом не обладает необходимыми знаниями. Эти люди голосуют за непродуманные решения.

К оценке эффективности нельзя подходить как раньше. Сегодня надо изучать эффективность закона «послойно»: эффектив-

¹ См.: Карпен У. Необходимость оценки роли законодательства в обеспечении фундаментальных прав человека // Оценка законодательства. М., 2002. С. 7.

² См.: Mader L. L'évaluation législative Pour une analyse empirique des effets de la législation. 1985.

ность юридическую, социальную, психологическую, экономическую, на макроуровне, на микроуровне. В проблеме эффективности есть много слоев, и эффективность в одном слое может означать резкую неэффективность в другом.

Эффективность надо изучать на достаточно большом временном промежутке, отслеживать прямые и косвенные последствия, которые тоже могут быть очень разными у разных законов. То есть сама проблема оценки законов, оценки их эффективности сегодня стала чрезвычайно сложной в силу изменения самой общественной жизни и тех правовых инструментов, которые используются для регулирования и упорядочения общественной жизни.

Надо отметить, что в изучении эффективности законов используются два основных подхода. Наиболее распространенный и популярный подход к эффективности – это сравнение цели и результата закона. Закон ставил такую-то цель, допустим снизить преступность. И если преступность снижена – ура! – закон эффективен, цель его достигнута. На самом деле такой подход не учитывает целого ряда очень важных моментов.

Он не учитывает, прежде всего, какой ценой достигнут результат, он не учитывает побочных последствий, которые могут перечеркнуть и дискредитировать достигнутую цель, он не учитывает того, что сама цель изначально бывает определена неверно. Сторонники этого подхода, наиболее последовательные, говорят, что если цель достигнута, даже объективно вредная, даже причинившая ущерб обществу, закон должен быть признан эффективным. Нас не интересует, какие там побочные последствия, отдаленные результаты, если цель достигнута – всё, закон эффективен! Более осторожные и гибкие представители этого направления говорят: «Нет, что вы, конечно, надо учитывать весь комплекс последствий».

Второй подход – его развивала ленинградская школа, под руководством профессора А. С. Пашкова – заключается в том, что должен измеряться реальный «сдвиг», который произошел в общественной жизни. Например, до принятия нормы был один уровень преступности, после ее принятия стал другой – произошел сдвиг, который надо измерить.

Однако при таком подходе очень трудно понять – а в чем, собственно, роль нормы? Может быть, это вовсе не норма, а другие средства обеспечили достижение результата: ведь после того не означает по причине того.

Поэтому более правильно рассматривать проблему эффективности или оценки законов как комплексную научную задачу, где должны использоваться разные средства и методы, поскольку только сумма этих методов может дать какую-то более или менее достоверную картину эффективности нормы. Ведь нет «золотого

ключика», которым можно эту проблему открыть, но есть множество разных ключей, которые необходимо использовать, чтобы реально понять, эффективна норма или нет и в чем именно заключается ее эффективность.

Следует четко осознать, что создание и оценка законов – это особая специальность, причем не только юридическая. Сейчас уже существует система подготовки людей, которые профессионально занимаются вопросами законоотворчества. Причем, действительно, законоотворчество – это не прерогатива юристов. Никакой законопроект о транспортном комплексе невозможно написать, если не понимать, как реально работает транспорт, как действует эта система. Поэтому специалистов по законоотворчеству (легистов) надо готовить с учетом отраслей общественной и экономической деятельности, в которых им предстоит работать, а для этого в преподавании изначально должны быть соединены юридические, экономические, политические и прочие знания.

Раздел четвертый

Образование в постсоветской России: трудный путь модернизации

С. Р. Аминов*

Роль молодежных объединений и СМИ в организации досуга молодежи

Одним из важнейших элементов социализации являются молодежные организации, которые в настоящее время переживают всплеск своей активности. Они являются механизмом реализации молодежных инициатив, выражения мнения и проведения досуга. В годы Советской власти комсомольская организация, охватывающая подавляющее число молодых людей, оказывала весьма эффективное воспитательное воздействие на всю данную возрастную группу. В настоящее же время, несмотря на расширившийся диапазон, молодежные организации не обладают подобным воспитательным потенциалом. Причины их малой эффективности во многом объясняются низким уровнем популярности, а также неспособностью найти адекватные методы вовлечения молодежи в социально активную деятельность.

К примеру, И. Л. Пивень выделяет следующие причины неспособности молодежных организаций к социализации молодежи [2. С. 34].

1. Многообразие форм деятельности молодежных организаций (участие в демонстрациях, организация фестивалей, формирование учебных центров) расплывает заявленные цели.

2. Недостаточная организованность в проведении мероприятий, нехватка умений, низкий уровень методико-психологического обеспечения.

3. Необязательность членства, отсутствие конкретных выгод и результатов деятельности, отсутствие механизма взыскания ответственности снижают мотивацию конкретного члена организации.

Таким образом, традиционные институты социализации молодежи – семья, школа, молодежные организации – сегодня во многом утратили свои позиции. В связи с этим в социализации молодежи все большее значение приобретает так называемая массовая культура. Современные средства массовой коммуникации, приобретающая глобальный характер, создают новый тип культуры, трансформируют структуры повседневности человека, вносят изменения

в характер его деятельности и общения. Одним из необходимых условий воспитания молодежи является формирование *модели-образца* для подражания. В настоящее время самым действенным средством в пропаганде такого образца являются средства массовой информации, которые являются весомым фактором воспитания подрастающего поколения. Образы, транслируемые СМИ, обладают ярко выраженным эмоционально-психологическим воздействием, что является привлекательным для молодежи. Однако влияние СМИ на молодое поколение (как и на общество в целом) достаточно противоречиво. Многие исследователи высказываются весьма резко о том, что массовая культура, транслируемая посредством СМИ, представляет собой угрозу духовному миру российской молодежи, поскольку утрата культурных корней нарушает саму трансляцию культуры.

Не менее важную роль в социализации современной молодежи играет общение с группой сверстников. Как отмечает И. С. Кон, рост влияния сверстников с возрастом проявляется прежде всего в том, что увеличивается количество времени, проводимого среди ровесников, по сравнению со временем, проводимым с родителями. Нормы и образцы поведения, принятые в кругу сверстников, становятся более значимыми, чем те, которые существуют у старших. Кроме того, растет потребность в признании и одобрении со стороны сверстников [1. С. 91].

Интенсивное общение – характерный элемент молодежного образа жизни. Оно в этот период самоценно, поскольку группа сверстников представляет собой целый мир, общество в миниатюре, где молодые люди имеют возможность самореализоваться, «проигрывают» свои социальные роли, адаптируются к обществу. Значимость для молодежи группы сверстников зачастую обозначается термином «давление», что позволяет говорить о следующих функциях непосредственного окружения молодого человека: присвоение первичного статуса; помощь в освоении навыков социального поведения; психологическая поддержка при ослаблении связи с родителями; передача специфических для молодежи ценностных ориентаций; удовлетворение потребностей во взаимопонимании; сплочение на основе групповых признаков.

Несмотря на то, что тяга к самовыражению посредством группового общения на основе общих ценностей была свойственна молодежи во все времена, в современных условиях роль группы сверстников в социализации молодого поколения претерпевает существенные изменения.

Поскольку досуг значительной части молодежи остается практически неорганизованным, усиливаются процессы стихийной социализации со стороны сверстников. В отличие от семьи и школы

* Салават Рифгатович Аминов – канд. культурологии, ст. преподаватель Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

группы сверстников позволяют молодым людям ускользнуть из-под непосредственного надзора взрослых. Такие группы также позволяют обсудить интересы, которые взрослые, быть может, не разделяют (модная музыка) или не терпят (наркотики). В условиях современного российского общества общение в компании сверстников является одним из самых доступных способов досугового времяпрепровождения. Данная ситуация, однако, не всегда имеет положительные последствия. Результаты исследований свидетельствуют о том, что одной из причин распространения асоциальных форм поведения является влияние сверстников.

Подростково-молодежная преступность занимает особое место в ряду актуальных социальных проблем [См.: 3. С. 201]. Процесс омоложения преступности достиг в последние годы кульминации. Особую тревогу вызывает преступность несовершеннолетних, которая в России в последнем десятилетии росла в семь раз быстрее, чем общее число лиц в подростковом возрасте. При этом наиболее криминализованной оказалась сфера молодежного досуга, поскольку были «приватизированы» или сданы в аренду спортивные залы, подростковые клубы, кинотеатры и другие места отдыха и развлечения, оказавшиеся недоступными для бедных и малообеспеченных. Тем самым, социализация молодежи, осуществляемая в досуговом пространстве, зачастую оказывается под влиянием негативных факторов.

Таким образом, молодежь, как главная инновационная сила общества, имеет особую значимость для общественного развития. Условия модернизации требуют от молодежи качественно иного, чем в предыдущих поколениях, понимания целей развития и способов их достижения. Но не всякое новое в обыденном поведении и сознании молодежи свидетельствует о проявлениях ее инновационного потенциала. Всегда появляясь в форме единичного, все новое обретает смысл социальной инновации, когда выявляет свою связь с фундаментальными механизмами общества, повторяясь и воспроизводясь в социально одобряемых способах общественной деятельности. Как известно, это регулируется социальными институтами. Кризисные проявления традиционных институтов социализации в условиях реформ обусловили возрастание роли досуга для молодежи и, как следствие, увеличение влияния его составляющих в процессе социализации молодого поколения.

Влияние досуга на процесс социализации молодежи имеет, на наш взгляд, свои сильные и слабые стороны. К примеру, досуговая сфера жизнедеятельности, как наиболее гибкая и не ограничиваемая жесткими правилами поведения, способна реагировать на быстро изменяющиеся потребности молодежи. Однако идеологизированное и коммерциализированное досуговое пространство

современной российской молодежи в наименьшей степени поддается планированию и регулированию.

В молодежной среде существуют две противоположные тенденции социализации. Первая несет в себе позитивные жизненные ориентации – стремление продуктивно трудиться, интерес к знаниям, ценность бескорыстной дружбы и т. д. Вторая связана с потребительством и развлечениями. Последняя тенденция, на наш взгляд, во многом определяется теми ценностными ориентациями, которые формируются в условиях возрастающей роли досуговой сферы молодежи. Социализация связывает разные поколения, через нее осуществляется передача социального и культурного опыта. Центральное звено социализации – значимая деятельность. И если ее нет, энергия направляется па «диско-потребительское» времяпрепровождение, на утверждение себя лишь в сфере развлечений.

В молодежной среде происходит быстрая смена главных ценностных ориентаций: раньше это были ценности труда, в соотношении с которыми досуг – лишь компенсационный отдых и подготовка к новому труду; сегодня – это ценности досуга, труд же выступает средством его обеспечения. В этих условиях сама идентификация личности молодого человека складывается под влиянием досуговых предпочтений. Изучение особенностей молодежного досуга позволит определять проблемы и противоречия, характерные для образа жизни молодежи.

Таким образом, быстрая смена жизненных ценностей в молодежной среде под влиянием общемировой социокультурной ситуации позволяет рассматривать молодежь как субъект досуговой жизнедеятельности, что, в свою очередь, дает возможность увидеть реальную картину досугового поведения молодежи.

Литература

1. Кон И. С. Психология юношеского возраста. М.: Политиздат, 1979.
2. Пивень И. Л. Проблемы молодежной организации // Вестник Уральского гос. тех. ун-та. 2003. № 4.
3. Шеховцова Н. А. Девиантное поведение и социализация молодежи в современной России // Социология и общество: тез. 1-го Всерос. социол. конгресса. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000.

Культурное многообразие в стратегии развития университета

Глобализационные процессы в социокультурных пространствах современного общества свидетельствуют о наличии различных форм интеграции в политической, образовательной, духовной, культурной, экономической и других сферах.

Нередко высказываются опасения по поводу угрозы утраты многообразия культурных ценностей из-за процессов глобализации. Однако глобальная культура, которая формируется сегодня в мире, столь многообразна, что говорить об унификации культурного пространства – большое преувеличение.

В Российской Федерации на протяжении уже более 20 лет происходит трансформация социокультурного пространства через государственное строительство и реформирование. Университеты как сложные комплексы также играют в реформировании свою немаловажную роль, создавая научно-техническую базу любых изменений и испытывая данные изменения на себе.

Современная образовательная система России находится в состоянии модернизации и перехода к Болонскому процессу. Модернизация образования – это комплексное, всестороннее обновление всех звеньев образовательной системы и всех сфер образовательной деятельности в соответствии с требованиями современной жизни, при сохранении и умножении лучших традиций отечественного образования. Представляется важным выделить два центральных направления модернизации образования: кардинальное обновление содержания образования и экономики образования. Ее стержневые задачи – повышение доступности, качества и эффективности образования.

Участие России в Болонском процессе, даже после присоединения к нему на Берлинской встрече в 2003 году, носит фрагментарный характер. На практике это означает, что российская сис-

* *Галина Алексеевна Банных* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и управления общественными отношениями УрГЭУ (г. Екатеринбург).

** *Светлана Николаевна Костина* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и управления общественными отношениями УрГЭУ (г. Екатеринбург).

тема высшего образования пока несовместима с общеевропейской. Дипломы некоторых крупнейших вузов страны признаются за рубежом, но таких меньшинство. Несколько институтов в качестве эксперимента ввели у себя систему зачетных единиц трудоемкости (кредиты), облегчающую студентам перевод в европейские вузы, но массового распространения кредиты пока не получили. Дальше всего Россия продвинулась во внедрении двухступенчатой системы высшего образования (бакалавры и магистры у нас уже есть).

Современные университеты в РФ оказались перед лицом огромного множества структурных и процессуальных преобразований, успешно реализовать которые представляется возможным только в рамках стратегического менеджмента и его возможностей в сфере образования. Под стратегическим менеджментом понимается взаимосвязанный комплекс планирования стратегии организации и внедрения разработанных планов в жизнь.

Российские университеты все активнее вовлекаются в этот процесс. Многими университетами приняты миссии, разработаны стратегические планы развития. Все более осознанным становится в университетских кругах, что стратегическое управление является средством, помогающим университетам адекватно реагировать на динамичные изменения во внутренней и внешней среде.

Стратегическое планирование применительно к образовательному учреждению С. А. Беляков рассматривает как определение долгосрочной цели в виде конкретного состояния этого учреждения, учитывающее внутренние и внешние факторы, место и роль этого учреждения в определенной подсистеме, в качестве которой может рассматриваться экономика региона, региональная схема образования и т. п. Стратегическое планирование, таким образом, направлено на изменение положения образовательного учреждения в определенной системе¹.

Можно выделить несколько проблем стратегического планирования в российских вузах²:

1. Вузы обладают достаточно выраженной спецификой как управленческая система, вследствие чего возможность использования при анализе стандартных типов стратегий ограничена.

¹ Беляков С. А. Зарубежный опыт совершенствования управления образованием: основные модели // Университетское управление: теория и практика. 2009. № 1. С. 57.

² См.: Титова Н. Л. Стратегическое развитие вузов в условиях экономического роста страны // Университетское управление: теория и практика. 2008. № 1. С. 24.

2. Российские вузы находятся в настоящее время в достаточно сложном положении. Среди наиболее значимых проблем, с которыми столкнулись российские вузы в настоящее время, – «демографическая яма», высокая конкуренция на рынке образовательных услуг, неумение хозяйствовать в рыночных условиях, слабые академические программы и т. д. В результате вузы использовали так называемые эмерджентные (спонтанные) стратегии.

3. Выделены следующие проблемные зоны управления: неадаптированность структур управления вузом к изменившимся условиям, доминирование задач оперативного управления, отсутствие системы принятия управленческих решений на опережение, замедленная реакция на изменения во внешней среде, нечеткость управленческих процедур и т. д.

4. Основными факторами, определяющими результаты развития вузов, в порядке важности, являются: региональная принадлежность, собственная активность вузов, профиль деятельности вуза.

5. Используемые российскими вузами типы стратегического поведения постоянно меняются

Цель стратегии – достижение определенного состояния. Сейчас существует достаточно много «базовых» моделей университетов.

В настоящее время в РФ создано 7 федеральных университетов, 27 вузов получили статус национального исследовательского университета. Этот статус сохранится в течение 10 лет.

В 2011 году государственные вузы должны выбрать также и свой правовой статус: бюджетное учреждение или автономное учреждение. Вуз, который становится автономным учреждением (АУ), будет финансироваться не жестко по смете, а субсидиями, которые учредитель – Федеральное агентство по образованию – будет выделять на выполнение госзаданий по трем основным направлениям: по образовательной деятельности, по науке и на финансирование особо ценного движимого и недвижимого имущества. Это только один источник финансирования автономного учреждения государством, остальные средства университет должен зарабатывать самостоятельно.

Таким образом, при определении стратегии своего развития вуз в настоящий период прежде всего сталкивается с выбором правовой формы своего существования: статуса университета, института, академии; автономного либо бюджетного учреждения; статуса национального исследовательского либо регионального, отраслевого вуза.

Можно говорить о других основаниях выделения моделей вузов. В мировой практике выделяются следующие основные модели:

- классический университет;
- предпринимательский – впервые идея была сформулирована в работах Б. Кларка. Ключевой характеристикой такого университета является всеобъемлющая предпринимательская организационная культура;
- университет-технополис – т. е. университет-предприятие, построенный по принципу самофинансирования по дополнительным источникам средств звеньев «факультет-кафедра»;
- инновационный – активно вовлеченный в коммерциализацию знаний, исследований и научных разработок;
- виртуальный – основным его продуктом является дистанционное обучение;
- сетевой – ассоциация организационных единиц с нежесткими организационными связями³.

На основании экспертных знаний о стратегическом развитии ряда российских университетов выделены следующие их основные типы: инновационные, предпринимательские, исследовательские и виртуальные⁴.

Так, Н. Л. Титова выделила следующие типы стратегического поведения вузов в зависимости от их соответствия инновационному курсу развития страны: лидеры – различные варианты стратегического поведения, «аккумуляторы ресурсов», «экспансеры», «дифференциаторы», «консерваторы», «аутсайдеры».

В настоящее время большинство российских государственных вузов имеют сформулированную миссию и стратегические цели либо цели развития. А. К. Ключев, Е. А. Князев⁵ в результате анализа стратегий российских вузов пришли к выводу, что их стратегические установки (миссия и цели) достаточно полно соответствуют современным требованиям по модернизации систем управления вузами и включают ориентиры по совершенствованию ключевых управленческих технологий.

С осени 2010 года большое распространение в стратегиях развития вузов получили следующие направления, сформулированные на основе содержания поручений Президента РФ от 31 августа

³ См.: Усиление неоднородности и организационное разнообразие форм высших учебных заведений // Университетское управление: теория и практика. 2007. № 4. С. 81–87.

⁴ См.: Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы / Рук. авт. колл. В. М. Филиппов. 2-е изд. М.: Логос, 2006.

⁵ Ключев А. К., Князев Е. А. Структурные преобразования в высшей школе России: проблемы и перспективы // Университетское управление: теория и практика. 2008. № 5. С. 9.

2010 года, касающихся модернизации системы образования в соответствии с требованиями экономики:

- повышение привлекательности образовательных программ вуза;
- повышение качества образования и его контроль;
- создание систем сетевого взаимодействия вузов;
- внедрение новых финансово-экономических механизмов деятельности вуза;
- повышение квалификации научно-педагогических кадров;
- создание системы мониторинга развития вуза.

То будущее, которое станет настоящим для университетов во втором десятилетии XXI века, должно закладываться уже сегодня. Поэтому необходимо говорить о стратегическом управлении развитием научной деятельности университета, о ее перспективном планировании. Выдвигая на первый план идею стратегического подхода к управлению научной деятельностью университета, мы исходим еще и из того предположения, что какими бы высокими ни были сегодняшние результаты развития науки в университетах, показатели такого уровня будут недостаточными в следующем десятилетии. Поэтому сегодня нужно планировать более высокие результаты и организовывать работу по их достижению.

С. В. Борисов*, О. А. Борисова**

Домашнее задание в школе: отработка навыков или уход от ответственности?

Еще в начале XX века Джон Дьюи, критикуя традиционную систему образования, отмечал, что, во-первых, такое образование предназначено для стабильного социального устройства, которого давно нет; во-вторых, ребенку навязываются стандарты, предметное содержание и методы работы взрослых, которые абсолютно чужды учащимся, находятся далеко за пределами их жизненного опыта. «Нынешнее образование часто оказывается несостоятельным именно потому, – пишет Дьюи, – что оно пренебрегает принципом, в силу которого школа должна представлять одну из форм общественной жизни. При нынешнем воспитании в школе видят место, где сообщаются некоторые познания, где выучиваются уроки и вырабатываются известные навыки. Ценность всех этих приобретений по большей части переносится в отдаленное будущее. Ребенок должен заниматься тем или другим в школе ради того, чтобы впоследствии заниматься чем-то иным; школьные же занятия только подготовка. В результате все приобретенное в школе не становится частью жизненного опыта ребенка и поэтому не образует его в истинном значении слова» [Дьюи Д. Моя педагогическая вера // Свободное воспитание. 1913–1914. № 1. С. 4–5].

В чем же дело? Почему так происходит и поныне? Причин довольно-таки много. Но самая главная заключается в том, что повсеместно в системе образования содержание и способы образования отчуждены от ученика и от учителя в том смысле и по той причине, что ни ученики, ни учителя не определяют их сами. Свобода распоряжаться временем, пространством, материалами, оборудованием, выбирать себе партнеров по коммуникации практически отсутствует. Почти все условия взаимодействия определены заранее, до и вне встречи учителя с учеником: свойства фи-

* *Сергей Валентинович Борисов* – д-р филос. наук, доцент, профессор кафедры философии Челябинского государственного педагогического ун-та (г. Челябинск).

** *Оксана Алексеевна Борисова* – канд. пед. наук, заместитель директора по научно-методической работе МОУ СОШ № 112 (г. Челябинск).

зического пространства взаимодействия – совокупностью аудиторий и расстановкой мебели в них; время взаимодействия – расписанием занятий; содержание образования, обычно понимаемое лишь как материал учебных предметов, – учебными планами, программами и рекомендованными (точнее, предписанными) учебными пособиями.

По мысли Пауло Фрейре, «образование страдает от тошноты повествования» [см.: As delineated in Paulo Freire's "Pedagogy of the Oppressed". URL: www.hermes-press.com/dialectic_freire.htm]. Задача учителя – «наполнить» учащихся содержанием своего повествования – содержанием, которое отделено от действительности, оторвано от всего того, что пробуждает учащихся и может иметь для них ценность.

Ученик – просто зритель, а не творец. В этом смысле ученик – это пустой «разум», пассивно открытый для принятия «вкладов» реальности из внешнего мира. Роль преподавателя – регулировать способ, каким мир «входит» в учеников. Его задача – организовать процесс, который уже происходит спонтанно, «заполнить» учеников, делая «вклады» информации, которые, как он считает, образуют истинное знание. А так как человек «получает» мир как пассивное бытие, образование делает и его самого пассивным.

Одним из неотъемлемых элементов традиционной системы образования является домашнее задание. Задуманное как самостоятельная деятельность учащихся по отработке практических навыков, полученных в школе, оно в реальности дает учителю возможность переложить часть ответственности за результаты образовательного процесса на ребенка и становится основной формой контроля знаний. Для выяснения отношения к домашнему заданию, понимания его сути и значения субъектами образования (учителями, родителями, учащимися), нами была разработана анкета и проведено пилотажное исследование. Анкета содержала 6 вопросов о формах, содержании и роли домашних заданий. Респондентам было предложено на выбор несколько вариантов ответов. В анкетировании приняли участие педагоги, ученики и их родители из МОУ СОШ № 112 г. Челябинска в количестве 300 человек.

Согласно полученным данным, педагоги считают, что учащиеся тратят на выполнение домашнего задания большее количество времени, чем на самом деле. Из предложенных вариантов (от «менее 30 мин.» до «более 2 часов») вариант «менее 30 мин.» выбрали только 8 % педагогов, в то время как родителей, которые так считают, уже больше (12 %). Однако именно столько времени тратит на выполнение домашнего задания четверть учеников – 25 %. Очевидно, что у учителей весьма завышены представления о расходе времени на выполнение домашнего задания.

В вопросе «Всегда ли выполняются домашние задания?» вариант ответа «выполняют домашние задания по многим предметам» и «не выполняют никогда» среди учеников выбрали равное количество респондентов – по 27 %, то есть практически треть опрошенных. Учителя же считают, что лишь 17 % учащихся никогда не выполняют домашнее задание. Снова мы видим, что представления учителей расходятся с реальностью. Представление о доле учеников, которые всегда выполняют задания, у педагогов также идеалистично: по их мнению – это 60 % (в реальности, судя по ответам учеников, – это 27 %). Расхождения в показателях более чем двукратное.

На вопрос «Выполняют ли ученики домашнее задание самостоятельно?» 94 % педагогов выбрали из предложенных вариантов ответ «с помощью родителей или других источников информации». Получается, что учитель уже изначально предполагает, что знаний, полученных учеником на школьном уроке, недостаточно для выполнения домашнего задания. Значит, домашнее задание заведомо самостоятельно невыполнимо для ученика. Видимо, педагог рассчитывает, что ребенку кто-то поможет, т. е., по сути, перекладывает свои обучающие функции на родителей. При этом 33 % родителей считают, что ребенок справится сам. Да и дети (38 %) думают также. Заметна разная установка на выполнение домашнего задания: учитель предполагает, что ребенку помогут, а значительная часть родителей не считают себя обязанными это делать. В итоге дети пытаются справляться сами, но результат зачастую не удовлетворяет учителя: часть заданий либо остается невыполненной, либо они выполняются неправильно. Такая установка оставляет «за бортом» школьного обучения тех детей, чьи родители (в силу различных причин – социальных, экономических, психологических) не уделяют ребенку внимания. Такой ребенок становится неуспешным уже в начальной школе и к основной ступени образования привыкает к своей неуспешности, не видя возможности выбраться из этого состояния самостоятельно.

Обсуждая наиболее эффективные формы домашнего задания, большинство респондентов высказывается за упражнения, направленные на отработку практических навыков. В этом вопросе единодушны и учителя (86 %), и родители (67 %), и дети (41 %). Задания, предполагающие работу с текстом учебника (учить наизусть, пересказывать), охотно выбирают только педагоги (71 %), менее охотно родители (37 %) и в самой меньшей степени ученики – 21 %. Можно предположить, что это обусловлено большей трудоемкостью таких заданий, их сложностью для самостоятельного выполнения ребенком. Похожая ситуация и с работой с контурными картами и тетрадями: учителя активно используют эти формы –

40 %, у родителей эти формы работы не приветствуются – 21 %. А среди детей этот вид домашнего задания самый непопулярный – 14 %. Творческие задания опять-таки более значимы для самих педагогов (63 %), в то время как детям они нравятся менее всего – 23 %, и совсем не нравятся родителям. За творческие задания высказались только 16 % родителей. Возможно, это результат того, что львиная доля усилий на выполнение подобных заданий, требующих поиска дополнительной информации, специального оформления, предпринимается самими родителями.

На вопрос «Для чего нужны домашние задания?» ответили: «Для отработки практических навыков» 97 % учителей, 100 % родителей и 79 % учеников. Интересно сравнить эти результаты с предыдущим вопросом. Почему же тогда при выборе форм домашнего задания педагоги не были так единодушны и не смогли ограничиться одним вариантом ответа: «Упражнения, направленные на отработку навыков»? Какой же цели тогда служат другие выбранные ими формы заданий? Возможно, педагоги несколько лукавят, поскольку вариант «чтобы получить оценку» в этом вопросе выбрало лишь 6 % из них, в то время как у детей данный вариант ответа оказался не таким уж редким – 14 %. Получается, что значительная часть учеников не связывает выполнение домашнего задания с теми целями, которые предполагаются учителем, они просто зарабатывают оценку.

Отвечая на вопрос «Возможно ли обучение без домашнего задания?», большинство респондентов осталось на традиционной точке зрения: если не будет домашних заданий, то «цели образовательного процесса не будут достигнуты». Однако следует обратить внимание, что за обучение без домашних заданий высказались 38 % учеников, 17 % педагогов и 5 % родителей.

Таким образом, назрела необходимость критически переосмыслить существующую систему трансляции знания. Раньше дидактика обеспечивала воспроизводство знания. Первой его предпосылкой являлось то, что получатель высказывания – учащийся – не знает того, что знает отправитель; собственно, поэтому ему есть чему поучиться. Вторая предпосылка заключалась в том, что он может выучиться и стать экспертом того же уровня компетенции, что и учитель. Это двойное требование предполагало третье: существуют высказывания, по поводу которых уже состоявшийся обмен аргументами и приведенными доказательствами считается достаточным, и поэтому они могут передаваться в процессе обучения в том виде, в каком есть, как не подлежащие более обсуждению истины. Тогда вполне понятна роль домашнего задания как способа репродуктивного освоения знания. В игре с неполной информацией преимущества получает тот, кто знает или может по-

лучить дополнительную информацию. Современность же требует иного подхода.

Современный мир знаний – это мир, управляемый игрой с исчерпывающей информацией, в том смысле, что она в принципе доступна для всех экспертов. При равном доступе к информации увеличение эффективности в производстве знания заключается не в его приобретении и воспроизводстве, что можно легко проконтролировать, а в жизненном опыте (компетенции), позволяющем либо выполнить новый «прием» организации данных, либо вообще изменить правила игры. Если преподавание должно обеспечивать не только воспроизводство компетенций, но и их прогресс, то соответственно необходимо, чтобы передача знания не ограничивалась передачей информации, а учила бы всем процедурам, способствующим увеличению способности сочленять поля, которые традиционная организация знания ревностно изолировала друг от друга. Такая «теория игр» полезна тем, что порождает идеи, заставляет думать, а это, в конечном итоге, – самое главное достижение образованного человека.

Образование как фактор формирования молодежных субкультур

Интерес к изучаемой нами проблеме обуславливается широким распространением молодежных субкультур в обществе. Феномен молодежной субкультуры вошел в нашу жизнь и занял прочное место в структуре социальной системы российского общества.

Молодежь как особая социально-демографическая группа является наиболее динамичной частью общества и характеризуется специфической ролью и местом в системе общественных отношений. Возрастные границы этой группы подвижны и несколько разнятся с точки зрения антропологического, психологического и социального подходов. Однако в целом можно говорить, что к данной группе относятся люди в возрасте от 14–15 до 30-ти лет. Структурно принято выделять в ней несколько подгрупп, так как молодежный возраст достаточно продолжителен, и существуют физиологические, психологические и социальные отличия в зависимости от того, относятся ли молодые люди к периоду юношества, или к старшим возрастным подгруппам молодежного возраста. Именно на этом этапе жизненного пути возникает интерес к различным субкультурам, так как молодежь является наиболее мобильной частью общества, быстро реагирующей на любые изменения.

В современных индустриальных обществах молодым людям очень трудно проявить себя, самоутвердиться. Поиски самого себя, своей индивидуальности и социального статуса осложняются обилием вариантов выбора. Сегодня молодой человек созревает гораздо раньше, «насыщаясь» знаниями. Но положение его в обществе характеризуется тем, что он не может выразить свое «Я» в связи с отсутствием весомого участия в институтах взрослых [См.: 4].

Попытки молодежи включиться в общественные структуры ставят ее перед необходимостью поиска альтернативных каналов интеграции и выбора между самореализацией в социально одобряемых формах (получение образования) и самоутверждением в

* *Ольга Владимировна Власова* – аспирант Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

рамках молодежной субкультуры [См.: 4]. Таким образом, мы можем выделить образование как фактор, определяющий выбор той или иной молодежной субкультуры.

В. А. Луков в работе «Особенности молодежных субкультур в России» рассматривает образование как один из факторов, определяющих специфику субкультур в молодежной среде. Автор рассматривает особенности социальной мобильности молодежи в российском обществе. По его мнению, каналы восходящей социальной мобильности в 1990-е годы претерпели коренные изменения, и молодежь получила возможность достигать престижного социального положения в очень короткие сроки. В начале 1990-х гг. это привело к оттоку молодежи из системы образования, особенно высшего и послевузовского. Низкий уровень жизни и трудности территориальной мобильности также повлияли на сокращение количества студентов. Для достижения быстрого успеха высокий уровень образования был скорее помехой, чем помощью. Но позже (в конце десятилетия) усилилась тяга к получению образования как гаранта личного жизненного успеха [См.: 2].

Н. В. Кофырин указывает на то, что сокращение программы гуманитарной социализации молодого поколения, подготовка узкоспециализированных профессиональных работников по западному образцу в немалой степени способствовали формированию специфической молодежной субкультуры в различных профессиональных группах российского молодого поколения [1].

Английский социолог Саймон Фрис предлагает рассматривать молодежь в пересечении двух векторов: движение от зависимости – к независимости и от безответственности – к ответственности. Он предлагает четыре основных ступени движения от зависимости к независимости: семья, точнее уход из семьи, образование (школа), работа и досуг (сфера свободного времени) [Излаг. по: 3].

Современная общеобразовательная школа как важнейший социальный институт социализации неизбежно сопровождает процесс перехода ребенка во взрослость и в этом смысле является вероятно интересным исследовательским полем для социологов. Е. Л. Омельченко считает, что в основе школьной иерархии, позволяющей учителям, родителям и самим школьникам занимать те или иные позиции по отношению к значимым статусам, лежат ценности успеха и пути его достижения. В зависимости от того, какие существуют критерии оценки успехов школьников, выстраиваются формальные социальные позиции учеников, формируется отношение к ним как к исполнителям этих заданных «ролей». Вокруг этих социальных конструктов формируется мощная система образования и воспитания учеников, основанная на различных методиках, техниках и приемах, включающая в себя разные системы оценки

того или иного уровня знания, поведения, темпов, качества продвижения и систему вознаграждений за результаты [3]. По мере того как школа начинает по-новому оценивать успешность и учебные достижения школьников, они по-новому отвечают на эти изменения. Особенно заметны эти процессы сегодня. Создается и разрушается постоянное «равновесие – дисбаланс» между формальными и неформальными школьными структурами и иерархиями [Там же].

«Нормальные» качели баланса и дисбаланса формальных-неформальных структур, школьные и «антишкольные» структуры, по мнению Е. Л. Омельченко, будут существовать всегда, так как проявляется объективная потребность человека в процессе индивидуального развития. Молодой человек начинает искать альтернативные способы и средства для выражения, проявлять себя, в результате чего происходит его индивидуализация, которая выражается в том, что те или иные социально значимые качества и свойства личности проявляются в индивидуальной, присущей именно этому человеку форме, что его социальное поведение при всей общей внешней схожести с поведением других людей приобретает черты неповторимости и уникальности [Там же]. В этом мы видим причину особого интереса к молодежным субкультурам.

Таким образом, одной из форм проявления уникальности современного молодого человека является его принадлежность к той или иной субкультуре. В этом случае субкультуры играют важную роль в жизни подростков, удовлетворяют их информационные, эмоциональные и социальные потребности, дают возможность узнать то, о чем не так просто поговорить с взрослыми, обеспечивают психологический комфорт, учат выполнению социальных ролей.

В качестве причин, определяющих участие подростков в субкультурах, можно назвать: стремление познать необычное, слабую успеваемость в школе, отчуждение от школьного коллектива, отсутствие интереса к чему-либо, бездеятельность, равнодушие к учебе, потребность в эмоциональных впечатлениях, невнимание к подросткам в семье, семейные проблемы, одиночество, заброшенность, внутреннюю свободу, желание выразить протест обществу и заявить о своей индивидуальности. Одной из главных причин вступления современного молодого человека в ту или иную субкультуру, по нашему мнению, является его стремление к самореализации и самоопределению. Самоопределение личности – важнейший этап социализации, ее необходимое условие. Оно не позволяет личности раствориться в социуме, потерять собственное «Я», но помогает обрести зрелость, найти собственное место в обществе.

Литература

1. Кофырин Н. В. Проблемы изучения неформальных групп молодежи // Социол. исслед. 1991. № 1.
2. Луков В. А. Особенности молодежных субкультур в России // Социол. исслед. 2002. № 10.
3. Омельченко Е. Л. Молодежные культуры и субкультуры М.: Институт социологии РАН, 2000.
4. Орлова В. В. Ценностные приоритеты молодежи в сибирском регионе // Социол. исслед. 2009. № 6.

Профессиональное образование как фактор успешной трудовой адаптации молодежи: реальность и проблемы

На протяжении последних лет отчетливо проявляется тенденция к прагматизации выбора профессии. Однако диспропорции между популярными профилями подготовки и реальной потребностью экономики в кадрах были очевидными как в начале эпохи реформ, когда избыточным было количество выпускников инженерных специальностей, так и в 1990-е годы, когда количество новоиспеченных юристов и экономистов явно превышало потребности. В текущем году наибольший конкурс был на специальности, связанные с государственным и муниципальным управлением, хотя на пике общественных потребностей сегодня инженерно-технические специальности.

Особенно остро проблемы выбора профессии, уровня и качества профессиональной подготовки стоят в промышленных городах, где востребованы рабочие и инженерно-технические специалисты высокой квалификации. В условиях конкуренции на рынке труда такой специалист востребован, конкурентоспособен, вправе рассчитывать на достойное вознаграждение труда. Однако реальность такова, что эти специальности популярны у абитуриентов менее, чем, к примеру, управленческие.

Надо учесть, что рынок образовательных услуг ориентирован на потребности не только экономики, но и личности. Профессиональные учебные заведения предлагают востребованные со стороны абитуриентов направления подготовки, даже если трудоустройство по ним затруднено. И не всегда обучение новым специальностям, особенно непрофильным для учебного заведения, является качественным. По разным оценкам, около половины молодых специалистов приступают к работе не по полученной специальности. Поэтому только от самого человека зависит, какую

* *Светлана Ивановна Железнякова* – канд. социол. наук, доцент кафедры философских наук Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (г. Н. Тагил).

профессию выбрать и почему. Что ставится во главу угла? Какие мотивы получения профессионального образования доминируют?

Далее представлены материалы прикладного социологического исследования «Молодежь уральского города – 2010: особенности социального портрета», проведенного автором в 2010 году в Нижнем Тагиле. Объем квотной репрезентативной выборки – 478 респондентов, среди которых работающая молодежь составила 228 единиц наблюдения; студенческая молодежь вузов, колледжей, профессионально-технических училищ – 155 единиц наблюдения; учащиеся 10-х классов общеобразовательных школ – 95 единиц наблюдения.

Прежде всего, обратимся к представлениям в сознании учащейся молодежи о тех профессиях, которые дают возможность успешной самореализации.

Вопрос «**По-Вашему, какие профессии сегодня наиболее выгодны (трудоустройство, заработная плата, стабильность)?**» позволил выявить обобщенные оценки конкурентоспособности различных профессий. На первом месте профессии сферы компьютерных технологий – 37 % (в опросе 2005 г. были выделены из категории инженерно-технических профессий), на втором – финансово-экономические профессии – 29 % (2005 г. – 50 %); на третьем – медицинские профессии – 26 % (2005 г. – 10 %); на четвертом – профессии из сферы юриспруденции – 24 % (2005 г. – 39 %); на пятом – инженерно-технические профессии – 22 % (2005 г. – 41 %, включали в себя профессии сферы компьютерных технологий); на шестом – предпринимательская деятельность – 19 % (2005 г. – 48 %); на седьмом – бизнес-искусство (дизайнер, специалист по рекламе, маркетолог, специалист по связям с общественностью) – 18 % (2005 г. – 50 %), рабочие профессии – 14 % (2005 г. – 10 %), профессии сферы МВД – 13 % (2005 г. – 8 %); профессии, связанные с управлением территориями, – 12 % (2005 г. – 29 %); военные профессии – 10 % (2005 г. – 8 %); профессии, связанные с управлением персоналом, – 7 % (2005 г. – 34 %); профессии сферы обслуживания, в том числе социальной сферы – 7 % (2005 г. – 11 %); педагогические профессии – 6 % (2005 г. – 5 %); профессии, связанные с наукой, – 5 % (в опросе 2005 года не фигурировали); профессии мира искусства и культуры, средств массовой информации – 3 % (2005 г. – 6 %).

Поскольку оценка респондентами таких параметров профессии, как престижность, востребованность, выгодность, детерминруется внешними факторами, такими как мода, имидж носителя профессии, материальная оценка обществом, значит, возможны технологии воздействия на установки сознания, определяющие профессиональный выбор. Непрестижность рабочих профессий связана

в первую очередь с недостатком информации о характере, содержании и материальном вознаграждении труда современного рабочего на производстве.

Сегодня проблема выглядит так: работодатель во многих случаях предпочитает рядового работника, имеющего высшее образование. В развитых индустриальных странах вообще тенденция такова, что доля работников с высшим образованием постепенно приближается к 100 %. Однако у нас работник, имеющий высшее образование, резонно претендует на более высокие статусные позиции на производстве.

Как сделать так, чтобы высокий уровень образования не «вымывал» из процесса производства рядовых работников? Эта проблема внутренне противоречива, поскольку здесь потребности производства вступают в противоречие с потребностями личности. На рынке труда – наибольший дефицит кадров с рабочими специальностями, для человека – более привлекательными выглядят другие профессии.

Нельзя не сказать и о следующем. Есть тенденция превращения высшего образования в «высшее общее». Признаки этого: доступность независимо от уровня исходной подготовленности; процесс его получения для немалого числа молодых людей фактически имеет значение откладывания момента самостоятельного вступления во взрослую жизнь. Мотивы получения образования здесь могут быть такими: «поступить в вуз, чтобы: не идти в армию; или: рано завести семью; или: выучиться на бакалавра, а потом поступить учиться той профессии, по которой реально буду работать», и т. д.

Очевидно, что граней проблемы множество. Необходимо современное *профессиональное ориентирование* молодежи. Оно требует новых форм этой деятельности, помимо традиционных воспитательных мероприятий в школе. Обозначим ряд принципов: системность и научность деятельности по профориентации в противовес плану воспитательных мероприятий; переход к индивидуальному консультированию; знакомство с профессиями с помощью реальных работодателей, а не только педагогов и психологов; формирование ценностного отношения к профессии как способу саморазвития.

Нельзя решить проблему без *социального партнерства* учреждений образования с производством на этапе обучения. В ходе социализации молодого работника на производстве необходимо стимулирование повышения квалификации, обеспечение (создание возможностей) *непрерывности профессионального образования*.

Успешность адаптации молодого работника на производстве закладывается еще в ходе обучения в учреждении профессиональ-

ного образования. Ответы на вопрос: «**Какие проблемы в учебе Вы считаете наиболее важными?**» дал возможность установить, что основные точки напряженности находятся в той же плоскости, что и 6 лет назад: это, во-первых, во многом устаревшее учебное пространство, а во-вторых, причина социального характера, не связанная прямо с учебой, т. е. оплата обучения, его финансовая доступность. Так, в 2004 году эти проблемы также лидировали (недостаточное техническое оснащение кабинетов отметили 36 % опрошенных, высокую оплату обучения – 24 %).

Также в качестве учебной проблемы указывалась нехватка учебной литературы (от 31 % у студентов профтехучилищ, 35 % у студентов техникумов до 47 % у студентов вузов). Сегодня, в связи с быстрой информатизацией учебного процесса, возможностями Интернета, которые активно используются студентами, проблема занимает только пятое место.

Зато проблемы с устройством на производственную практику стали более значимыми (от 10 % в 2004 г. до 17 % в 2010 г.). Прохождение производственной практики превратилось из части учебного процесса, иногда довольно формальной, в потенциальную возможность для последующего трудоустройства. Напомним, что, по данным нашего опроса, 11 % устроились на свое рабочее место с помощью учебного заведения, после прохождения производственной практики.

К сожалению, получает свое развитие проблема несвязанности обучения с требованиями будущей работы. Этот фактор, который отмечают 22 % опрошенных, негативно влияет на успешность трудовой социализации молодежи. Между тем, «рецепт» решения этой проблемы один – это расширение и интенсификация социального партнерства между учебными заведениями и работодателями.

В ходе исследования были выяснены мнения работающих респондентов о том, каких знаний, умений и навыков больше всего не хватало в начале работы. Наиболее уязвимый пункт – это практические профессиональные навыки, недостаточная связь полученных знаний с реалиями работы. Ответы на вопрос «**Каких знаний, умений, навыков Вам наиболее не хватало в начале Вашей работы?**» распределились следующим образом: практические навыки, методики, техники – 68 %; теоретические знания по профессии – 38 %; знания по смежным профессиям – 14 %; по правовым вопросам – 13 %; умение искать нужную информацию, находить недостающие знания – 12 %; компьютерные навыки – 11 %; навыки самоорганизации – 7 %; иностранный язык – 6 %; навыки общения в коллективе – 5 %; по менеджменту – 4 %.

Самооценки респондентов о наиболее необходимых им лично навыках и знаниях коррелируют с обобщенными требованиями ра-

ботодателей. По данным различных исследований последних лет, для работодателя наиболее важно, чтобы работник владел смежными профессиями; знал основы менеджмента; владел основами компьютерной грамотности. Налицо совпадение оценок обеих сторон.

Таким образом, изучение ориентиров молодежи в сфере профессионального образования позволяет выявить следующие особенности. Во-первых, представления молодых людей о наиболее востребованных профессиях подверглись определенной корректировке в сторону сближения с реальными потребностями рынка труда. Во-вторых, оценки респондентами качества профессионального образования достаточно высоки. В-третьих, респонденты достаточно адекватно представляют себе требования современного работодателя и ориентируются на них. В-четвертых, отсутствие эффективно действующих механизмов социального партнерства не только затрудняет прохождение производственной практики, но и не позволяет сделать процесс обучения адекватным реальным запросам работодателя. В-пятых, необходимо качественное изменение, осовременивание системы профессиональной ориентации, дополнение вербальных методов деятельностно-коммуникативными.

В. П. Засыпкин*

Трудности модернизации педагогического образования

Не подлежит сомнению тот факт, что образование как наиболее массовая социальная сфера, включенная в систему социальных отношений, не может стоять в стороне от процессов модернизации общества. С одной стороны, модернизация образования – это часть модернизации общества, но с другой – ее весьма специфический феномен. В этой связи возникает логичный вопрос: а «работает» ли модернизация общества на модернизацию образования? Естественно, чем лучше функционирует модернизированная экономика, тем больше имеется средств у государства для развития социальной сферы, в том числе и образования. В «докризисный» период наше государство продемонстрировало это, развернув крупномасштабный проект «Образование». Признаем, что он стал наиболее удачным механизмом модернизации. Тем не менее он способствовал усилению расслоения и неравенства внутри системы школ и социально-профессиональной группы педагогов, между получившими и не получившими соответствующие гранты этого проекта.

Кроме того, сложно однозначно ответить на вопрос о том, состоялось ли повышение социального статуса и профессионализма работников образования и усилилась ли их государственная и общественная поддержка. Например, введение новой системы оплаты труда в образовании, действительно, позволило поднять заработную плату учителям и преподавателям. Только выиграли здесь в первую очередь те педагоги, которые имеют большой стаж работы и высокую категорию. Молодые специалисты от такой модернизации системы оплаты труда только потеряли. Переход на подушевое финансирование образовательных учреждений (школ, вузов) создал такие условия, при которых выгоднее стало работать в крупных школах и вузах. В результате малокомплектные школы, в которых так нуждается сельская местность, небольшие вузы перестанут существовать, и это произойдет не обязательно потому, что такие школы и вузы плохо работают. Ясно, что подобные проявления модернизации приведут к вынужденной социальной мо-

* **Владислав Павлович Засыпкин** – канд. филол. наук, доцент, первый проректор Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

бильности высвободившихся работников, а в итоге в очередной раз к социальному расслоению и неравенству внутри системы образования. При этом очевидно, что такая модернизация образования станет для людей скорее «социальным колодецем», чем «социальным лифтом».

Понятно, что перечисленные проблемы накладывают заметную печать на вектор модернизации педагогического образования. Как показывает модернизационная практика последних лет, основные усилия были брошены на сведение модернизации педагогического образования к изменениям его внешнего облика. В появлении этой ситуации, в числе прочих причин, сыграли свою роль обвинения в адрес педагогических вузов в том, что они, будучи весьма слабым звеном отечественной высшей школы, оказались крайне неэффективными как в профессиональном отношении, так и с точки зрения использования бюджетных государственных средств. Вместе с тем, согласно официальным данным, в 2010 году в Российской Федерации насчитывалось 300 образовательных учреждений, ведущих подготовку по педагогическим специальностям. Собственно педагогических вузов – всего 67, а с учетом филиалов они составляют только одну треть от общего количества вузов, ведущих педагогическую подготовку [1]. Все это происходит на фоне сокращения государственного задания на подготовку педагогов, при этом задание получают и непрофильные вузы. В результате подготовка педагогических кадров на $\frac{2}{3}$ своего потенциала вот уже в течение 10 лет осуществляется без участия педагогических вузов, а вина за качество подготовки таких кадров возлагается именно на них.

Возникает два вопроса: в чем суть такой модернизации педагогического образования и какой могла бы быть профессиональная подготовка инженеров, военных, медиков и других, если бы при определенном лоббировании интересов этих специалистов стали готовить в педагогических вузах? Решат ли такие меры проблему качества подготовки специалистов? Вряд ли.

В качестве иллюстрации приведем кратко некоторые результаты авторских социологических опросов. Для определения целей и приоритетов развития региональной системы педагогического образования был проведен опрос 65 экспертов из департаментов и комитетов по образованию Тюменской области (16 %), ХМАО-Югры (31 %), управленцев вузов ХМАО-Югры (53 %). Аналитическая работа экспертов была осуществлена на основе предложенной им анкеты, включающей открытые вопросы.

Оценивая потенциал современной системы педагогического образования, 63 экспертов из 65 не согласились с утверждением о том, что педагогические вузы исчерпали свой потенциал. В част-

ности, аргументируя свои ответы, они отмечали, что *полноценного учителя можно и нужно готовить в педагогическом вузе*, так как классический университет дает только *общее представление о педагогической деятельности*, а педвуз *обучает ее специфике на требуемом уровне*. Говоря о передаче функций педагогических вузов классическим университетам, эксперты отметили, что *разрушение системы педагогического образования отрицательно скажется на всей системе образования*. Что касается предложения им утверждения о неспособности педагогических вузов готовить полноценного педагога, то абсолютно все эксперты заметили, что данное высказывание *«не подкреплено практическими результатами»*, *«легче ломать, чем строить»*. Эксперты были единодушны в том, что при подготовке педагогических кадров следует сделать существенный акцент на развитии ключевых профессиональных компетенций педагога, работать на *«опережение потребностей педагогической практики»*. Эксперты высказали свое мнение в отношении способов подготовки будущих учителей. В частности, обучение в вузе, по их мнению, должно быть приближено к практической работе в школе, необходимо *усилить психологическую подготовку студентов к работе с большими группами людей*.

Несмотря на имеющийся потенциал, сегодня педагогическое образование – это система, которая ретранслирует стереотипы и «учит учить» тому же, что имело место на протяжении многих десятилетий. В результате педагогическая практика (деятельность) оказалась оторванной от реальной жизни.

Данный тезис не лишен основания, так как сегодня вполне нормальна ситуация, когда, например, воспитанники лучше владеют информационными технологиями, чем их учителя. Визуальные эффекты средств массовой культуры затмевают архаические способы работы учителей с аудиовизуальными средствами обучения.

Ситуация сегодня сложилась таким образом, что школа как социальный институт, более привязанный к жизненным реалиям, стала развиваться опережающими темпами по сравнению с педагогическим образованием и в итоге перегнала его. Но ведь педагогическое образование должно готовить педагога, отвечающего потребностям времени. Тем не менее учебные заведения педагогического профиля продолжают выпускать кадры, способные работать только по образцам давно ушедшей эпохи. В школах же повсеместно внедряются дистанционные и активные формы образования школьников. В педагогических вузах к использованию этих форм обучения студентов специально не готовят, а курсы с таким содержанием, ориентированные на будущих педагогов, – большая редкость.

Другой проблемой является то, что в педагогических вузах студентов не учат тому, как научить детей методам самообразования, саморазвития и самоопределения. В результате сами же педагогические вузы получают абитуриентов, не готовых к самостоятельному учению. Такой «порочный круг» современной системы педагогического образования не позволяет провести ее полноценную модернизацию.

Очень точно и красноречиво охарактеризовал обозначенные проблемы учительства А. М. Осипов. В своей «Социологии образования» он пишет: «Значительной части учительства свойственна эрозия целеполагания и моделей профессиональной деятельности... Эрозия целей выражается в том, что внутри этой группы и даже отдельных коллективов крайне редко складывается единство общих и специальных целей деятельности... В связи с этим встает вопрос об инновационном потенциале учительства, о его способности к выполнению какого бы то ни было нового общественного заказа» [2. С. 424].

Традиционное восприятие обществом педагога как носителя знаний и, порой, единственного источника специального знания сформировало устойчивые стереотипы в профессиональной деятельности самих педагогических работников. Устаревшие стереотипы поведения педагога вступают в противоречие с новым знанием и часто мешают перейти от традиционных образовательных технологий «навязывания истин» к технологиям, способствующим усилению мотивации обучающихся к познавательной деятельности. Чрезмерная привязанность педагогов к традиционным формам и методам работы, игнорирование очевидных инноваций тормозят процессы модернизации самого педагогического образования.

В связи с этим не менее актуальной является еще одна трудность модернизации педагогического образования. Новая «конкурсно-грантовая» реальность современной школы подталкивает большинство педагогов к повышению квалификации. Вместе с тем, учреждения подготовки и переподготовки учительских кадров также не в состоянии сегодня предложить в полном объеме актуальные для современного учительства программы повышения квалификации. Более того, стандарты третьего поколения как допрофессионального, так и высшего профессионального образования, построенные на основе компетентностного подхода, предъявили требования, к которым профессиональное педагогическое образование и система переподготовки педагогических кадров оказались также не готовы.

Сегодняшний выпускник педагогического вуза, окончив его, должен уметь организовать занятие, используя различные технологии: традиционную, деятельностьную, проблемную и т. д. Он дол-

жен одинаково хорошо владеть соответствующими методами. В современных условиях это уже не инновации, а реальная потребность педагогической практики, изменения в которой давно стали основой для модернизации такого вида образования, как педагогическое.

Примечания

1. О педагогических кадрах общеобразовательных учреждений в Российской Федерации: справочные материалы к заседанию Общественного Совета при Министерстве образования и науки Российской Федерации 16 февраля 2010 г. 15.30 [Электронный ресурс]. URL: <http://mon.gov.ru/files/materials/6715/10.02.16-os-spr.pdf>

2. Осипов А. М. Социология образования: очерки теории. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 504 с.

Г. Е. Зборовский*

Образование в постсоветской России: трудный путь модернизации

Двадцатилетний период жизни постсоветской России был отмечен, среди многих значимых процессов, волнообразным развитием образования, в котором серьезные достижения чередовались, точнее говоря, сочетались с не менее серьезными неудачами и даже провалами. Представляется возможным выделить две основные волны, в каждой из которых, в свою очередь, можно обнаружить переплетение позитивных и негативных сторон в развитии образования. Эти волны делят рассматриваемый двадцатилетний период на две примерно равные части, охватывающие десятилетия девяностых и нулевых годов. Основное и принципиальное различие между ними, по нашему мнению, состоит в том, что первое из названных десятилетий характеризовалось преимущественно позитивным вектором процессов, происходящих в образовании, тогда как во втором десятилетии преобладали изменения противоположной направленности. С этой точки зрения мы назвали бы первое десятилетие временем надежд, второе – периодом их крушения, или, если сказать мягче, – разочарования.

Нельзя не отметить предпосылок, заложенных в годы перестройки, в конце 1980-х – начале 1990-х гг., и обусловивших глубокие позитивные трансформации в образовании. Их лозунгами были демократизация и либерализация процессов в системе образования. Специально хотелось бы отметить значительную роль в этих процессах возглавлявшего в те годы Министерство высшего и среднего специального образования СССР В. А. Ягодина. Реформы в образовании, проводившиеся в первой половине 1990-х гг., испытали на себе значительное влияние этих лозунгов. Дыхание свободы, возникшие возможности выбора путей развития учебных заведений, декларированный отказ от авторитарной педагогики и провозглашение в качестве основного принципа реформ педагогики сотрудничества, появление негосударственного образования, издание большого количества учебников (благодаря активной работе фонда Дж. Сороса, получившего название «Культурная инициатива»), фор-

* *Гарольд Ефимович Зборовский* – д-р филос. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, декан социологического ф-та, завкафедрой социологии Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

мирование международных связей, участие в различных грантовых программах, возникновение новых специальностей и специализаций, стандартизация образования и многое другое – определили глубоко позитивный вектор его развития.

Конечно, не следует идеализировать все названное, тем более что реализация реформ проходила с многочисленными нарушениями и отклонениями. Заявленные реформы имели мало шансов быть осуществленными по меньшей мере по двум причинам. Первая – явный дефицит финансирования. Так, на протяжении целого ряда лет (почти до конца 1990-х) вузы финансировались лишь на 30 % (зарплата преподавателям, причем очень низкая, и не менее низкие стипендии студентам, выплачиваемые вдобавок с длительными задержками). Вторая – чехарда управленческих кадров, особенно на уровне министров и их заместителей. Не успевал заявить о своих намерениях (не говоря уже о том, чтобы воплотить их в жизнь) один министр, как тут же не успевал это сделать другой. Все же мы оцениваем общее направление реформ в образовании и его развитие в 1990-е гг. как имеющее позитивную доминанту. Значительную роль в этом сыграла ситуация в политической системе, не демонстрировавшей вектора к усилению авторитарных тенденций. Это вовсе не значит, что в самой системе все было в порядке. Жесткое противоборство различных сил в ней имело место, но оно пока не сказывалось на ситуации в образовании.

Сказанное выше свидетельствует о том, что характеристика нынешним руководством страны 1990-х гг. как «лихих девяностых» ни в коей мере не может быть применена к образованию. Более того, по нашему мнению, она вообще является принципиально ошибочной. Но доказательство этой ошибочной позиции выходит за пределы данной работы и требует специального анализа.

Постепенный переход к авторитарному режиму в первое десятилетие XXI века не мог не сказаться на положении дел в системе образования. В угоду изменившимся политическим ориентациям были приняты крайне непопулярные в обществе, среди самых различных его групп и слоев решения относительно системы образования. Два из них должны быть названы специально, поскольку вокруг них и по сей день не смолкают дискуссии. Это решения, которые были продавлены буквально силой, поскольку в их целесообразности не удалось убедить подавляющее большинство работников образования. Речь идет о перестройке системы образования в соответствии с требованиями Болонского процесса и о всеобщем внедрении (именно внедрении, а не введении) ЕГЭ.

Десятилетие нулевых годов в развитии образования, а мы бы его назвали не столько для словесной краткости, сколько по существу «нулевым десятилетием», прошло под знаком неудавшейся-

ся, более точно, провалившейся модернизации российского образования. Сейчас можно с полной уверенностью констатировать: «Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года», провозглашенная в 2002 г., «приказала долго жить» во всех отношениях – и во временном, и в содержательном, и в плане ее восприятия в обществе. Срок действия «Концепции» истек, а многие продекларированные положения так и не удалось реализовать. Объявленная цель модернизации – создание механизма устойчивого развития системы образования, а следовательно, и всего российского общества в целом, – оказалась недостигнутой, равно как оказались нерешенными и многие задачи, направленные на ее достижение. Среди нерешенных задач – обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного образования; достижение нового современного качества дошкольного, общего и профессионального образования; повышение социального статуса и профессионализма работников образования, усиление их государственной и общественной поддержки; развитие образования как открытой государственно-общественной системы на основе распределения ответственности между субъектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса – обучающегося, педагога, родителя, образовательного учреждения.

Оказалось, что модернизация образования в реальности была направлена не на изменение содержания образования и деятельности основных его субъектов – учащихся и педагогов. Она означала, прежде всего, модернизацию управления образованием и его финансирования. Спустя 10 лет после провозглашения задач модернизации образование по-прежнему не соответствует требованиям информационного общества, не готовит должным образом ни выпускников школ, ни получивших профессиональное образование выпускников средних и высших учебных заведений к практической жизни.

Что и почему не получилось? Какие уроки из неудавшейся модернизации образования могут быть извлечены? Какие выводы нужно сделать?

1. Решение задачи обеспечения государственных гарантий доступности и равных возможностей получения полноценного, качественного образования оказалось не более чем декларацией. По-прежнему значительная часть молодежи такими возможностями не располагает. Как известно, одним из основных механизмов, направленных на решение этой задачи, был провозглашен ЕГЭ. Однако, считают участники образовательного процесса, он не достиг своей цели. В среднем по стране, как об этом свидетельствуют данные общероссийского репрезентативного исследования (выпол-

ненного под руководством М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги), только четвертая часть опрошенных родителей считает, что доступность образования в вузах повысилась, в селах же и поселках таковых лишь 16,1 % (а они изначально рассматривались как наиболее заинтересованная группа введения ЕГЭ). Авторы исследования отмечают, что «ЕГЭ не облегчил выпускникам районных и сельских школ доступ к высшему образованию. В качестве основной причины подобной неэффективности ЕГЭ они (родители. – Г. З.) называют недостаточный уровень подготовки выпускников сельских школ, особенно по сравнению с выпускниками городских школ». Такой же точки зрения о недостаточной доступности высшего образования придерживаются и 40 % руководителей вузов, а еще 6,5 % их отмечают ее понижение [Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2010. С. 353, 351].

2. Не удалось достичь нового современного качества образования, прежде всего общего и профессионального, что стало следствием значительного падения, с одной стороны, уровня мотивации учащейся молодежи на учебу, с другой – снижения социального статуса и профессионализма работников образования, ослабления их государственной и общественной поддержки. В этом плане ключевой проблемой, гравитационным полем модернизации образования нам представляется мотивация учащейся молодежи на учебу.

Сравнение двух волн развития образования в постсоветской России убеждает в том, что по мере роста массовости высшего образования (с 1990-х гг.), которая достигла своего пика в середине и второй половине «нулевого десятилетия», резко снижалась мотивация учащихся как в средней, так и в высшей школе на получение знаний, падал интерес к самому процессу образования и лишь сохранялась ориентация на получение диплома. В результате, по общему мнению всех специалистов в области образования и его исследователей, мотивация учащейся молодежи на учебу никогда не была столь низкой, как сейчас. Это подтверждается и объективными результатами успеваемости (как школьников, так и студентов), и данными социологических исследований.

Способствует снижению мотивации на учебу в нашем обществе реальное отсутствие спроса на работников высокой квалификации, на качественный производительный труд с адекватной системой его оплаты. Последняя значительно опережает эффективность индивидуального труда, чего в принципе не должно быть. Но такое положение дел давно уже стало нормой в стране и является одной из причин низкой производительности труда и значительного отставания в развитии производства.

Одним из следствий описанной ситуации является слабый интерес подавляющего большинства студентов к росту собственного потенциала. Они не видят прямой связи и зависимости профессиональной карьеры, особенно в ее начале, от качества образования и мотивации на учебную деятельность в вузе. Сильный интерес проявляется только к зарплате, причем без понимания реального соотношения выполняемой работы и материального вознаграждения за нее.

3. Говорить о повышении социального статуса и профессионализма работников образования, усилении их государственной и общественной поддержки вряд ли приходится в свете тех решений и действий, которые предприняты властью в последние годы. Можно ли считать, к примеру, государственной поддержкой работников образования сокращение общего количества школ за последние годы на 13 тысяч единиц, причем в основном в сельской местности? При этом не только ликвидируются школы, но и остаются без работы учителя, в них работавшие, поскольку на селе возможности их трудоустройства в соответствии со специальностью и образованием отсутствуют.

О такой же государственной «поддержке» учительства свидетельствует недавно принятое решение о сокращении этой социально-профессиональной группы на 200 тысяч человек и доведении ее до общего количества в 1 млн школьных педагогов – в соответствии с расчетами Министерства образования и науки РФ (по нашему мнению, недостаточно обоснованными) о соотношении учащихся и учителей в пропорции 13:1 (на 13 млн школьников в стране должно быть не более 1 млн учителей). Правда, в этих расчетах и рекомендациях есть одно «маленькое» лукавство: по данным Росстата, сегодня учителей в стране не 1 млн 200 тыс., а 1 млн 350 тыс. [Российский статистический ежегодник. М., 2009. С. 225]. Так что сокращать придется еще 150 тыс. человек, чтобы довести пропорцию до требуемых кондиций, причем при практически сохраняющейся оплате их труда, несмотря на обещания ее роста и изменение самих принципов оплаты.

В этой связи вряд ли может свидетельствовать о повышении статуса работников образования их нищенская зарплата. Это только московские учителя получают, по усредненным данным, 36 тысяч рублей в месяц. Зарплата учителей в иных городах и всях намного меньше; что же касается небольших поселений, то ее величина в 4–5 тысяч рублей считается скорее нормой, чем исключением. Оплата труда работников высшей школы, даже самых высококвалифицированных (в соответствии с учеными степенями и научными званиями), вызывает ничуть не меньше нареканий.

4. Общее и профессиональное (в первую очередь, вузовское) образование, вместо того чтобы стать сферами преодоления глубоких социальных разрывов, демонстрируют усиление социального неравенства. Оно проявляется в углубляющейся дифференциации возможностей получения качественного среднего и высшего образования, продолжающейся поляризации образовательных учреждений разных уровней и правовых форм, появившейся неприязни педагогов различных учебных заведений друг к другу в условиях осуществления национального проекта «Образование» и др. Один из основных видов социального неравенства между субъектами, получающими образование (прежде всего, среднее), связан с невозможностью преодолеть целый ряд барьеров (территориального, экономического, социокультурного и иного характера).

Модернизация образования, вместо того, чтобы ослаблять существующее социальное неравенство в реальном положении социальных слоев в этой сфере, приводит к его усилению, что приводит к эскалации неопределенности их социального положения. Как тут не вспомнить Н. Лумана, согласно которому, «если мы вообще описываем общество как стратифицированную систему, т. е. как систему распределения неравенства, то модернизацию можно понимать лишь как уменьшение этих неравенств...» [Луман Н. Самоописания. М.: Логос, 2009. С. 235–236].

Усиливается «образовательное» неравенство между центром и регионами, между городами и сельской местностью, между различными видами образовательных учреждений, между государственным и негосударственным образованием. Реально это означает, что модернизация образования в центре осуществляется за счет регионов, в крупных городах – за счет сельской местности и небольших городов, в вузах национального и федерального значения – за счет всех остальных, прежде всего, средних и мелких, в государственном образовании – за счет негосударственного.

5. По данным многочисленных социологических исследований как общероссийского, так и регионального и локального характера, отношение различных субъектов образования и многих групп населения к модернизации образования в целом, к внедряемым и насаждаемым властью ЕГЭ и требованиям Болонского процесса продолжает оставаться преимущественно негативным. Ожидания власти (и ее обещания), связанные со снижением коррупции в результате внедрения ЕГЭ, не оправдались.

6. Одним из крайне негативных результатов ЕГЭ стало поступление в вузы значительной части студентов, не владеющих элементарно необходимыми знаниями для обучения на первом курсе. Особенно страдают в этой ситуации технические вузы, где на млад-

ших курсах фактически приходится повторно проходить школьные программы по математике, физике, химии.

В результате вместо того, чтобы поднимать школу до уровня вуза, происходит движение в обратном направлении – вуз опускается до уровня слабо успевавших ее выпускников, теперь уже своих студентов. Это приводит и к возникновению существенных диспропорций и заметных противоречий в академических группах – между сильными и слабо успевающими студентами, снижает мотивацию первых на получение качественного образования. Естественно, есть исключения из этого – они характерны для сравнительно небольшой группы элитарных вузов. В них уровень «качественных» студентов значительно выше, он превышает, иногда значительно, «критическую массу» троечников. В большинстве же вузов типичным является описанное выше противоречие.

Завершая рассмотрение поставленных вопросов, следует отметить, что сами по себе идеи, заложенные в программу модернизации образования, являются вполне приемлемыми в определенной своей части. Так, вряд ли имеет смысл спорить с необходимостью включения российского, в первую очередь высшего, образования в европейское образовательное пространство (так называемый Болонский процесс). Точно так же нельзя возражать против идеи борьбы с коррупцией в образовании, которая приняла гигантские размеры (впрочем, как и во всех иных сферах жизни общества).

Вполне привлекательно выглядит стремление создать такие условия поступления в вуз (по системе ЕГЭ), которые открыли бы дорогу в него всем без исключения способным выпускникам школы. А чем плох национальный проект «Образование» (про который, правда, в последнее время вспоминают все реже и реже)? Есть и другие хорошие идеи, например, декларированное стремление создать такие условия для студентов и выпускников вузов, чтобы им не хотелось уезжать из страны; для этого сформировать сеть национальных и федеральных университетов со значительными преференциями относительно иных вузов и т. д. Однако пока названные выше идеи могут претендовать лишь на чисто формальное воплощение в жизнь.

Все перечисленные и многие из неназванных (в силу ограниченности пространства публикации) уроков модернизации образования, имевшей место в первое десятилетие XXI в., будучи проанализированными в их целостности, позволяют прийти к некоторым выводам обескураживающего характера. Один из них заключается в том, что навязываемая сверху модернизация, не пользующаяся поддержкой основных субъектов образования и тесно связанных с ними групп людей, всегда будет обречена на провал. Второй вы-

вод состоит в том, что она была задумана в интересах не всего общества, а его отдельных групп и слоев, заинтересованных не столько в позитивном изменении общей ситуации в стране, сколько в получении дополнительных возможностей для улучшения собственных – экономических, политических, социальных – позиций (за счет ухудшения положения всех остальных). Третий вывод свидетельствует о том, что очередная попытка сэкономить государственные средства на образовании приведет лишь к дальнейшему усугублению ситуации в нем и росту недовольства в обществе. Четвертый вывод означает понимание того непреложного обстоятельства, что успешная модернизация образования, предполагающая учет реальных потребностей его субъектов – социальных общностей учащихся и педагогов, возможна только в случае радикальной реформы политической системы в сторону ее демократизации и ухода от авторитаризма.

Некоторые тенденции развития дополнительного профессионального образования (на материалах исследования в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре)

Проблема развития дополнительного профессионального образования в современной России напрямую связана с проблемой экономического роста страны, состояния и статуса кадрового потенциала в различных отраслях экономики.

Известно, что в большинстве экономически развитых стран мира сложилась гибкая практика переподготовки и повышения квалификации специалистов разных возрастных уровней в зависимости от запросов рынка или работодателя. И это закономерно: требования столь быстро изменяющегося мира таковы, что для полноценного выполнения тех или иных видов деятельности однажды полученного образования не хватает.

В переходные периоды развития общества эта закономерность проявляется значительно острее, так как возникает необходимость модернизации и развития отдельных отраслей экономики, направлений деятельности. В это время повышается, или серьезно усложняется, уровень требований к деятельности специалистов разного профиля, как следствие, возрастает потребность в повышении уровня их компетентности или в прохождении ими профессиональной переподготовки.

Другими словами, актуальность получения дополнительного профессионального образования заключается в необходимости адаптации человека к новым социально-экономическим условиям. В результате непрерывное повышение уровня образования людей приводит к развитию всех сфер деятельности и, в конечном итоге, к экономическому росту государства и процветанию общества.

Система дополнительного профессионального образования является одним из важнейших институционализированных видов образования, которое ориентировано, в первую очередь, на взрослых

* *Дмитрий Александрович Кормин* – аспирант Сургутского государственного педагогического ун-та (г. Сургут).

учащихся. Помимо учебных заведений, где учредителями являются государственные структуры, существует множество негосударственных образовательных организаций или независимых некоммерческих организаций, основной уставной деятельностью которых является оказание образовательных услуг взрослому населению [См.: 1].

Кроме того, программы дополнительного образования осуществляют высшие и средние учебные заведения в качестве второй специальности, а также департаменты управления и развития персонала крупных предприятий, корпораций и ведомств без государственного лицензирования.

В общей сложности в 2009 г., по данным общероссийских опросов, в России дополнительным профессиональным образованием охвачено более 5 млн чел. С экономической точки зрения, это наиболее активная часть трудоспособного населения страны.

Вместе с тем, учитывая сказанное, отечественную систему дополнительного профессионального образования нельзя считать окончательно сформировавшейся и эффективной по ряду причин:

во-первых, рынок дополнительного профессионального образования в России еще не сложился и находится в процессе развития;

во-вторых, дополнительное профессиональное образование имеет недостаточную нормативно-правовую базу по сравнению с другими сегментами образования;

в-третьих, система дополнительного профессионального образования в основном ориентирована на уже взрослых людей;

в-четвертых, внедряемый в систему дополнительного профессионального образования опыт международной образовательной практики, в структуре которого есть и модели корпоративного обучения, пока еще не дает возможности объективно оценить его результативность в решении соответствующих задач.

Перечисленные причины пока не позволяют полноценно и системно реализовывать программы дополнительного профессионального образования разного уровня, что, в свою очередь, затрудняет реализацию задач экономического развития как страны в целом, так и отдельных ее регионов.

Так, процессы развития отдельных отраслей экономической деятельности Ханты-Мансийского округа – Югры непосредственно замкнуты на проблеме повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов, что наглядно отражено в целевых программах социально-экономического развития этого субъекта РФ.

В девяти из двадцати семи региональных целевых программ социально-экономического развития ХМАО-Югры на период с 2011 до 2015 года, среди которых «Информационное общество – Югра» на

2011–2013 годы, «Развитие малого и среднего предпринимательства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2011–2013 годы и на период до 2015 года», «Новая школа Югры на 2010–2013 годы», «Содействие занятости населения на 2011–2013 годы», «Профилактика правонарушений в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2011–2013 годы», «Современная социальная служба Югры на 2011–2013 годы», «Культура Югры до 2015 года», «Молодежь Югры 2011–2013», «Развитие физической культуры и спорта в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2011–2013 годы», заложен ряд программных мероприятий по развитию дополнительного профессионального образования [См.: 2].

Уровень финансирования различных форм и направлений дополнительного профессионального образования в различных отраслях адекватен существующей в округе проблеме кадрового потенциала. В общей сложности на реализацию дополнительного профессионального образования в форме повышения квалификации и переподготовки выделено свыше 300 млн рублей.

Тем не менее, имеется определенная угроза успешной реализации разработанных округом целевых программ развития в части осуществления повышения квалификации и переподготовки специалистов округа по различным направлениям деятельности. Она заключается в том, что каждая из целевых программ имеет различную ведомственную принадлежность, и, следовательно, дополнительное профессиональное образование будет развиваться разрозненно с учетом исключительно ведомственных интересов. Кроме того, имеются другие проблемы, среди которых: низкая эффективность региональной системы дополнительного профессионального образования в целом; слабый контроль со стороны региональных властей над качеством реализации дополнительных образовательных программ, предоставляемых, в том числе, негосударственными образовательными учреждениями, иногда не имеющими лицензии на соответствующий вид образовательной деятельности; отсутствие согласованности интересов и скоординированности действий по реализации задач повышения квалификации и переподготовки специалистов в рамках реализации целевых программ как следствие ведомственной разобщенности.

Таким образом, можно констатировать, что процесс формирования системы дополнительного профессионального образования как в России, так и в ее субъектах не завершен и имеет ряд негативных тенденций.

Однако важнейшей проблемой развития дополнительного профессионального образования в отдельно взятом регионе России можно считать выбор такого подхода к реализации образовательной практики в этой сфере, при котором будет сформирована це-

лостная эффективно управляемая региональная система дополнительного профессионального образования.

Литература

1. Шереги Ф. Э. Анализ состояния и прогнозирование развития вторичного образования. М.: Центр социального прогнозирования, 2008.
2. Целевые программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [Электронный ресурс]. URL: http://www.admhmao.ru/economic/c_program/frame.htm

Школа. Гражданское общество. Патриотизм. Трудности сближения

Среди других, достойных времени, воспитательных ориентиров Проекта ФГОС для старшей школы (2010–2011), призванных перевести систему среднего образования на пути «опережающего развития с учетом вызовов, стоящих перед Россией и всем человечеством»¹, нашли свое место такие понятия, как гражданское общество и патриотизм. Образовавшийся таким образом ценностный кластер «гражданское общество – патриотизм – социальное развитие» требует осмысления в непростоом контексте социодинамики этих символов в российском обществе. Ведь «переводить» социальные явления из одной формы в другую приходится не с нулевой точки отсчета, а из какого-то предыдущего состояния. Следовательно, надо понять, какого именно.

Формировать у новых поколений общества патриотические ценности в период социальных трансформаций – особо трудная, но и потенциально верная стратегия, потому что идея служения Родине способна взять на себя миссию консолидации общества, столь необходимую в условиях высокого напряжения сил. Однако уверенность, что желаемые цели будут достигнуты, нет, потому что от того патриотизма, который мы знаем по советскому времени, практически ничего не осталось, а тот, который является в облике почти неотличимом от ксенофобии и национализма, будем надеяться, не имеется в виду. Реальность современной России не такова, чтобы здание патриотического воспитания могло строиться естественным образом. Это значит, что его формирование в школе должно будет иметь иллюзорную, мифологическую основу, чего нынешние политики и разработчики стандартов даже не скрывают, говоря о необходимости сознательной идеализации России и российского народа в школьных учебниках². Но управление мировоззрением с

* *Ольга Константиновна Крокинская* – д-р социол. наук, профессор кафедры прикладной социологии РГПУ им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург).

¹ Федеральный государственный образовательный стандарт общего образования. Проект. URL: http://www.resobr.ru/rassilka/Projekt_FGOS.pdf

² Новые стандарты воспитания патриотов [Электронный ресурс]. URL: http://cheldiplom.ru/new_sline/353785.html; см. также <http://top.rbc.ru/society/16/12/2010/516024.shtml?print>

помощью даже полезных и «необходимых иллюзий» (Н. Хомски) сегодня невозможно, ибо в современном мире и в современном человеке многое изменилось. В частности, изменилось содержание концепта «патриотизм» в массовом сознании.

Социальное чувство патриотизма как онтологическая основа, соотносимая с коллективными представлениями о нем, в постсоветские годы отнюдь не исчезло, однако его осознаваемое содержание заметно трансформировалось. В нем разделились значения Родины и государства, возобладали смыслы, сопряженные с частным бытием человека: переживание аутентичности месту рождения (чувство «малой родины»), связи с природой, историей, культурой. Оно стало значительно точнее соответствовать понятию «любовь к Родине», но одновременно перестало быть общим символом, призванным скреплять отношения человека и государства, знаменовать единство нации (НИИКСИ СПбГУ, 1996–1997 гг.).

Характерный для 1990-х годов процесс «разгосударствления» касался не только экономики, но и связей человека с социальным целым, которое с государством практически отождествлялось. Волна индивидуализации человеческой жизни носила вполне позитивный характер, но в какой-то момент ее рост достиг предела, за которым стала ощущаться опасность социального и государственного распада, что породило обратную волну настроений и привело к идейной консолидации большей части общества с глубинно холистическими, социоцентрическими установками мировосприятия. Ясно выраженная социальная воля носителей этих взглядов стала концентрироваться на полноте значений, пограничных между патриотизмом и национализмом, с сильной тенденцией скатывания к последнему. Она дополнительно усиливалась в оппозиции так называемой «мизопатрии» – совокупности резко негативных и уничижительных коннотаций и эмоций, рисующих сниженный образ России. Почти не изученная, но постоянно присутствующая и хорошо знакомая массовому сознанию, мизопатрия является сильным игроком на сцене формирования национального самосознания страны³.

К началу 2000-х годов мы застаем патриотизм в состоянии деконструкции, с неясными перспективами достижения новой полноценной формы. В репрезентативных городских исследованиях этого времени абсолютное большинство опрошенных (около 92 %) относили себя к патриотам России. Однако уровень патриотических ориентаций, выявленный в составе шкалы кросс-культурных ценностей, лишь у трети опрошенных (32 %) вошел в число позиций 1-й степени значимости, еще у трети – 2-й степени значимости, для

³ См., например, публикацию «Русский пейзаж». URL: <http://blog.kp.ru/users/3712842/post125071125/>.

остальных он оказался малосущественным и несущественным. Между тем в период между 1994-м и 2000-м годами рейтинг патриотизма в массовом сознании существенно рос, что, видимо, и было ответом на потребность в воссоздании символов социального целого (НИИКСИ СПбГУ, 1999–2001 гг.) И в то же время при оценке соотношения личного и общественного в системе ценностей в нескольких выборочных совокупностях, в том числе среди старшеклассников и учителей, позиция «патриотизм» показала удручающий результат: 13–14-е места из 15 возможных, значительно уступив общечеловеческим ценностям здоровья, семьи, любви, материального благосостояния. Понятно, что в этих обстоятельствах ожидать успешного формирования ценностей патриотизма в школе не представлялось возможным. Но это по-прежнему предписывалось.

В исследовании 2003 года (проект СПб АППО) опрошенные старшеклассники и учителя посчитали патриотическими различные установки социального поведения, среди которых ясно выраженными оказались только познавательные и экологические (табл. 1). Патриотические смыслы других аспектов поведения осознаются в это время слабо, в том числе в контексте воинского долга, что, видимо, отражает отношение не столько к Родине, сколько к состоянию армии, в те годы остро негативное. Вместе с тем подростки высказывают приверженность патриотическому воинскому долгу более явно, чем их учителя. Обращает на себя внимание заметная доля молодых людей, сторонников националистических организаций – скинхедов и партии «Русское национальное единство», тогда еще не запрещенной.

Таблица 1

**Установки патриотического поведения
старшеклассников и учителей в 2003 г.,
% от числа опрошенных:**

**учащиеся 9–11-х классов (1867 чел.), учителя (918 чел.),
22 школы города**

	Учащиеся	Учителя
Познавательное поведение		
Учить детей любить Родину	56	75
Изучать историю и культуру России, родной язык	53	84
Экологическое поведение		
Беречь природу	47	70
Экономическое поведение		
Исправно платить налоги	16	11
Покупать преимущественно отечественные товары	10	5
Отказаться от иностранных капиталовложений	7	3

Окончание табл. см. на след. стр.

Окончание таблицы

Воинский долг		
Защищать границы России с оружием в руках	29	19
Воевать в "горячих точках", отстаивая политические интересы России	16	3
Если потребуется, пожертвовать жизнью	23	11
Международные отношения		
Участвовать в организациях скинхедов, РНЕ и др.	6	Нет данных

Конечно, в период общественных трансформаций большинство социальных установок теряют свою силу и традиционные воспитательные практики оказываются бессильными перед этим фактом. Становление личности в подобных условиях сопряжено с огромными духовными трудностями, потому что происходит в референции с кризисным обществом и ослабевшим государством. Они не отвечают на потребность молодых людей принадлежать яркому, успешному, сильному целому. Несоответствие этим ожиданиям – та почва, на которой у многих снижается ценность патриотизма, развиваются националистические и шовинистические взгляды. Тяготение к ним объяснимо: пусть в извращенной форме, но они культивируют образы мощного и прекрасного Российского государства, предлагают пути его построения, а их идеологи, в отличие от школы и других институтов общества, готовы с подростками об этом говорить.

Картину острого ценностного и когнитивного конфликта демонстрирует позиция учителей в этих вопросах. При понятном преобладании установок учебного характера («учить детей любить Родину»), в большинстве остальных случаев, особенно в аспектах воинского долга, экономики и международных отношений, она полна напряжений. Собственные, человеческие представления учителей, прежде всего неприятие реальности, в которой они живут, лишает их моральной готовности действовать педагогически. Некоторые дополнительные свидетельства этого факта приведены в нижеследующей таблице.

Таблица 2

**Самооценка учителями готовности к участию
в воспитательной работе
(918 чел., % от числа опрошенных)**

Задачи воспитательной работы в школе	Учителя	
	Считают наиболее важными	Готовы решать
Освоение учениками основных социальных норм (учения, поведения, общения)	68	46
Формирование адекватных представлений о мире социальных отношений	37	25
Воспитание патриотизма, любви к Родине	56	29
Формирование чувства "местного патриотизма" - привязанности и ответственности за свой дом, улицу	36	25
Воспитание коллективизма, "командного духа"	21	21
Принятие учениками социальной ценности демократического устройства и развития общества	19	19

Налицо высокий уровень растерянности школы в том, что касается воспитательной работы и социализации. Вряд ли с тех пор что-то сильно изменилось.

В наши дни школе, семье и обществу в целом, кажется, предстоит сконструировать какой-то новый патриотизм. Это трудная работа, потому что научить патриотизму нельзя (ибо знание не есть убеждение и не есть чувство, в которых он реально выражается), а его воспитание в мифологических категориях при высоком уровне информированности общества и осознания им отрыва мифов от реальности – проблематично. И в то же время возрождать, возвращать это чувство в обществе надо. Возможно, для этого придется «расклеить» архаическую синкретику смыслов и, подхватив уже существующую тенденцию, дифференцировать отношение к трем ипостасям ранее целостного образа «Родина – страна – государство». И тогда, наверное, удастся более точно и чувствовать, и учить, что *Родину* – можно любить, не выдвигая условий, несмотря ни на что, *страну* – развивать и обустраивать, *государство* – ответственно формировать, сотрудничать с ним, контролировать и договариваться. Освоение людьми таких представлений (а оно уже в значительной степени есть) было бы признаком эволюции – и понятия «патриотизм», и общества. Эволюции на пути развития гражданского общества в нашей стране и его отношений с государством.

То обстоятельство, что школа получает государственный заказ на работу по соединению таких ранее не соединявшихся, но эпыхальных потребностей страны, как гражданское общество и патриотическая идея, выглядит символически. Теперь вопрос в том, как она сможет это сделать.

P.S. Накануне отправки тезисов на конференцию выяснилось, что принятие ФГОС для старшей школы откладывается на неопределенное время в результате общественного протеста в адрес предложенных там сомнительных приоритетов учебного плана. Это отрядный факт реального явления гражданского общества в нашей стране. Но значит ли это, что на неопределенное время откладывается гражданское и патриотическое воспитание юношества в школе, – неясно.

Факторы социальных напряжений в студенческой среде: тенденции, динамика

В условиях радикальных социальных изменений в постсоветской России актуализируется проблема влияния этих процессов на возникновение и усиление социальных напряжений, представляющих собой угрозу социальной безопасности современного российского общества. Особую остроту эта проблема приобретает в молодежной среде, в которой радикальное изменение объективных условий жизнедеятельности ведет к существенному усложнению процессов социального самоопределения.

По мере радикализации социальных изменений происходит деформация, а нередко и утрата социокультурных образцов, обеспечивающих ориентацию различных групп молодежи в социальном пространстве. Кроме того, радикализация социальных изменений способствует «разочарованию» молодых людей в возможностях малых социальных групп, которые их устраивали еще вчера, и усиливает стремление к идентификации с «большими» социальными группами, способными не только выдвинуть определенный социальный проект, но и реализовать его. Во многом, именно эти факторы ведут к росту националистических настроений среди молодежи крупных городов. Возникающие при этом риски для учащейся молодежи связаны, прежде всего, с тем, что ее представления, как правило, включают сравнительно большое количество абстрактных, умозрительных моделей, по определению не вполне адекватных реальной ситуации.

Необходимо отметить, что за прошедшие десять лет не произошло существенных изменений уровня удовлетворенности нижегородских студентов основными сторонами своей жизни. Проведенный в ходе нашего исследования¹ сравнительный анализ по-

* Павел Иванович Куконков – канд. социол. наук, старший научный сотрудник Нижегородского филиала ИС РАН (г. Нижний Новгород).

¹ Исследование нижегородского студенчества по единой методике проводилось Нижегородским отделом ИС РАН и ННГУ в 1999–2009 гг. при участии автора.

казателей неудовлетворенности студентов наиболее важными для них сторонами жизни представлен в динамических таблицах 1–3.

Таблица 1
Динамика показателей социального недовольства
студенческой молодежи Н-Новгорода
(% от числа опрошенных)

	Не удовлетворены...	1999 г.	2009 г.
1	...материальным положением	45	37
2	...способом проведения свободного времени	9	11
3	...состоянием здоровья	4	3
4	...учебой	7	13

Обращает на себя внимание то, что несколько уменьшилась доля студентов, неудовлетворенных материальным положением. Вместе с тем доля студентов, заявивших о неудовлетворенности учебой – главным делом студента, увеличилась практически в два раза. Разумеется, причины этого явления следует искать, прежде всего, в вузе. Большинство нижегородских студентов (более 60 %) не вполне уверены в том, что вуз для них свой, родной, т. е. в той или иной мере воспринимают его как чужую, некомфортную для них среду, которую желательно покинуть при первом удобном случае. Именно эта оценка, во многом определяющая удовлетворенность студентов учебой, предполагает более пристальное внимание к основному составляющим этого процесса (табл. 2).

Таблица 2
Степень удовлетворенности студентов основными
характеристиками процесса обучения в динамике
(1999 и 2009 гг.) (% от числа опрошенных)

Удовлетворены ли Вы	Да		Частично		Нет	
	1999	2009	1999	2009	1999	2009
содержанием учебы	55	55	32	32	6	6
качеством обучения	40	49	49	41	8	5
организацией учебного процесса	30	40	52	42	18	13

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что за 10 последних лет доля студентов, не вполне удовлетворенных или совсем не удовлетворенных содержанием и характером учебного процесса в вузе, несколько уменьшилась: стало меньше тех, кто однозначно заявляет о неудовлетворенности методами обучения и организацией учебного процесса. Наблюдается заметная положительная динамика в организации учебного процесса, в качественной стороне

обучения. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в 2009 году, как и десять лет назад, больше половины студентов (55 %) заявили о неудовлетворенности организацией учебного процесса в вузе, практически каждый второй (46 %) не вполне удовлетворен его качеством, более трети опрошенных (38 %) не довольны его содержанием.

Как мы и предполагали, недовольство студентов не сфокусировано на какой-либо одной стороне учебного процесса. Оно обращено, по существу, ко всем его организаторам: преподавателям, работникам деканатов, кафедр, структурам, ответственным за формирование учебных программ и учебных планов.

Поскольку главным делом студента является учеба, для него весьма важна оценка результатов учебного труда. Мы исходили из того, что мнение студента об адекватности оценки его труда субъективно. Поэтому в ходе исследования 2009 года мы попросили студентов высказать мнение о характере оценки знаний студентов группы, в которой они учатся. Этот прием, на наш взгляд, позволил снизить уровень эмоциональной «нагруженности» подобной оценки. Полученные данные свидетельствуют о том, что более трети опрошенных (38 %) не уверены в адекватности оценки знаний студентов их группы со стороны преподавателей. Представляется, что сложившееся мнение значительной части студентов о неадекватной оценке результатов их учебного труда не только является одним из факторов существующих напряжений между студентами и преподавателями, но и непосредственно сказывается на состоянии здоровья студентов. Необходимо отметить, что каждый четвертый студент (25 %) заявил об ухудшении своего здоровья за время учебы в вузе, и только каждый десятый (9 %) отметил улучшение здоровья.

Представленность в студенческой среде различных, нередко противоположных подходов к оценке «своего положения» в вузе предполагает внимательное отношение к ним со стороны профессорско-преподавательского состава, администрации. Тщательный учет всего разнообразия этих позиций должен лежать в основе решений руководства вузов, непосредственно затрагивающих интересы студентов. Разумеется, такой учет возможен только тогда, когда студенты при необходимости имеют возможность не только донести свою точку зрения до руководства, но и в определенной мере повлиять на его решения.

Таблица 3

**Динамика оценок влияния
студенческих организаций
на ситуацию в вузе (% от числа ответивших)**

Могут ли студенты (студенческие организации) влиять на администрацию вуза с целью улучшения учебного процесса, учета своих интересов, защиты своих прав?	1999 г.	2009 г.
Могут	43	55
Не могут	22	21
Не знаю	35	24

Современные студенты несколько более оптимистично оценивают возможности влияния студенческих организаций на администрацию вуза. Хотя почти каждый второй из них (45 %) сомневается в наличии таких возможностей или, напротив, уверен в обратном. Следует отметить, что оптимизм, связанный с возможностями влияния студентов на администрацию вуза, заметно уменьшается по мере приобретения студенческого опыта: по мере перехода с курса на курс оценка влияния студенческих организаций неуклонно снижается. Видимо, исчезают иллюзии, характерные, прежде всего, для первокурсников.

Неудовлетворенность студентов «своим положением» в вузе, отсутствие или ограниченность возможностей влияния на процессы, непосредственно затрагивающие их интересы, «накладываются» на широкий спектр моделей восприятия сложившейся ситуации, продуцирующих разные интерпретации, усиление социально-дифференцирующего начала, как в студенческой среде, так и во внутривузовском пространстве в целом.

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что в студенческой среде становятся более распространенными модели поведения, не вполне адекватные традиционным практикам.

Таблица 4

**Динамика распространенности в студенческой среде
различных конфликтных практик
(% от числа опрошенных)**

Стиль конфликтного поведения	1999 г.	2009 г.
Конфронтация	14	23
Сотрудничество	46	47
Приспособление	23	19
Уклонение	10	8
Избегание	4	4

Наше исследование показало, что за последние десять лет поведение студентов в напряженных ситуациях стало более жестким, конфронтационным, они стали меньше ориентироваться на интересы других людей, стали менее разборчивы в выборе средств защиты своих интересов. Следует отметить, что ориентация на конфронтационный стиль поведения заметно усиливается по мере повышения социального статуса семьи студента.

Усиление жесткости, конфронтационности, стремление любыми способами отстоять свой интерес представляется новым и достаточно симптоматичным явлением в студенческой среде, в определенной мере репрезентирующим социальные процессы, протекающие в России в последние годы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что эти процессы оставили заметный след в сознании подрастающего поколения. В этом факте легко усматривается серьезный источник будущих социальных напряжений.

Таким образом, высшая школа, с трудом успевающая за изменениями структуры отношений в обществе, рискует утратить важную функцию сохранения преемственности, затрудняя процесс идентификации молодежи не только с общностями «здесь» и «теперь», но также «там»: в прошлом или в обозримом будущем.

А. И. Матвеева*

Проблемы социальной адаптации выпускников педагогических вузов в условиях современной России

Теоретико-методологический анализ проблем социальной адаптации выпускников педагогических вузов в условиях трансформации российского общества является не только своевременным, но и крайне необходимым.

Сегодня очевидно, что исследование проблем социальной адаптации выпускников педагогических вузов в отечественной науке приобретает качественно новые характеристики. Это обусловлено изменившимися объективными и субъективными факторами, из которых наиболее существенным объективным обстоятельством является, прежде всего, переходное состояние российского общества.

Необходимо прежде всего отметить, что под переходным обществом, или обществом переходного периода, мы понимаем такое его состояние, при котором достаточно радикально изменяются его основные задачи и функции, что влечет, в свою очередь, качественное изменение социальных институтов на основе трансформирующейся иерархии социальных ценностей.

Известно, что степень социальной адаптации личности показывает, как выпускники педагогических вузов в системе образования реагируют на те условия, в которых находятся в разные периоды времени, какую активность в приспособительном процессе проявляют. Социальная адаптация выпускников педагогических вузов в системе образования жестко зависит от экономических и политических условий, например, от экономической политики государства. Еще одна структурная особенность социальной адаптации выпускников педагогических вузов – тесная связь с духовной жизнью человечества.

Перемены в социальной адаптации выпускников педагогических вузов в системе образования, происходившие с 1990-х годов и по настоящее время, – показатель перемен и трансформации российского общества в целом.

* *Алла Ивановна Матвеева* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии Ин-та социологии и права РГПУ (г. Екатеринбург).

Процесс социальной адаптации в системе образования выпускников педагогических вузов специфичен. С одной стороны, он весьма устойчив, т. е. сохраняет свою «историческую» структуру при всех переменах в стране. Переживает общество либерализацию или усиливается государственное регулирование, происходят ли чрезвычайные события (войны, смена политической системы, господствующей в стране идеологии) – молодые педагоги вынуждены не только сами адаптироваться к новым условиям (вырабатывать новые адаптационные стратегии), но и помогать обучающимся. С другой стороны, образ жизни начинающего свой трудовой путь педагога в современном обществе весьма динамичен, поскольку впитывает в себя все перемены, которые происходят в макросистеме, в политической системе страны, в ее экономике и идеологии, имеющие свои положительные и отрицательные стороны. Именно в процессе социальной адаптации кристаллизуется драма «традиции – инновации»: унаследованные стандарты адаптационных стратегий, девальвирующиеся под влиянием изменяющихся условий жизни российского общества, вытесняются новыми, которые рождаются под влиянием этих условий. Соединение старых и новых моделей стратегий социальной адаптации далеко не всегда оказывается гармоничным. Напротив, оно носит конфликтный характер.

К настоящему времени процесс социальной адаптации выпускников педагогических вузов в системе образования еще не приобрел черты устойчивой, целостной системы адаптационного поведения. Напротив, в нем представлены модели, стандарты и стили адаптационного поведения, которые унаследованы и (или) заимствованы из разных историко-педагогических систем, а поэтому они слабо совместимы между собой. Это позволяет считать стратегии адаптации, используемые молодыми педагогами, «переходными».

Будущие педагоги весьма успешно интегрируются в западный образ жизни – начиная с массовой компьютеризации и кончая моделями преподавания, трудовыми притязаниями, моделями общения с обучающимися, родителями, администрацией. Старшему поколению педагогов приходилось и приходится испытывать наибольшие трудности в социальной адаптации в современном обществе. Трудности первичной адаптации стимулировали поиск «новых» приспособительных механизмов. Далеко не все из них были легитимными, но большинство новых моделей поведения разрушали традиционный морально-правовой порядок. Они явились реакцией педагогической общественности на резкое ухудшение условий жизни, утрату привычных ценностей, резкую дезадаптацию. Сегодня ситуация изменилась. Период кризисной перестройки миновал. Россия вступила или вступает в стационарный режим. Социальные проблемы не исчезли, но молодые педагоги адаптировались к ним. Поэтому сегодня можно говорить о том, что в России начал оформ-

ляться новый образ жизни. Наиболее яркая его черта – «саморегуляция поведения». Как уже было сказано, советскому образу жизни педагогов была присуща внешняя детерминация, т. е. привязная зависимость поведения от внешней среды: приказов администрации, постановлений органов власти, традиций, которые годами не изменялись в организациях. Общество, привыкшее подчиняться властям, превратилось в фактор социального и политического давления на отдельных индивидов, принуждающий их к покорности. Личность молодого специалиста общество заранее готовило к определенным адаптационным стратегиям, зависящим от специфики его педагогической работы. Опыт передавался от поколения к поколению учителей практически неизменным. Наставничество окружало молодого специалиста в течение всего адаптационного периода, да и продолжалось в дальнейшем, пока сам молодой специалист не перенимал функцию «обучающего». Источниками главного информационного воздействия служили телевидение, радио, журналы, книги с четко дозированной информацией. Всемирная компьютеризация, свободный доступ к любой информации изменил не только само общество, но и законы, царящие в нем. Теперь педагоги могут сами решать, работать им в государственных или коммерческих образовательных учреждениях, на скольких работах одновременно. Это значит, что их образ жизни стал в меньшей степени детерминироваться государством. В свою очередь, уменьшение детерминации означает увеличение сферы саморегуляции. Социальная адаптация молодого специалиста в системе образования в целом приобрела другой смысл.

В условиях современной России проблема адаптации выпускников педагогических вузов в системе образования приобретает особое значение в рамках общего процесса социализации. Поэтому в современной России молодому педагогу необходимо в процессе адаптации не только в активной форме понять и освоить нормы и ценности социальной среды, а также выразить свое индивидуальное отношение к ним в пассивной форме – «молчаливо» принять эти нормы и ценности и, безусловно, подчиниться им, но еще и уметь предвидеть изменения адаптирующейся среды. Именно тогда, действия молодого педагога будут направляться на ускорение темпов процесса социальной адаптации. В итоге признаки адаптированности будут нарастать, а социализация – благополучно осуществляться.

Социальная адаптация в России предполагает высокую степень внутренней активности личности, необходимость ее саморегуляции. Чем успешнее осуществляется адаптация выпускников педагогических вузов в системе образования, тем надежнее социальные перемены, происходящие в стране, хотя вполне очевидна и обратная зависимость. Кстати, именно она является наиболее фун-

даментальной. Что же касается эффективности процесса адаптации молодых педагогов в системе образования в современном российском обществе, то уровень ее выступает здесь как главный показатель результативности текущих перемен. Построение концепций социальной адаптации позволяет решать вопросы, связанные с диагностикой ее проблем, прогнозом, коррекцией этого процесса, направлением профессионального развития педагога.

Осознание выпускниками педагогических вузов характера своей профессии во многом проявляется и коррелирует с их пониманием основных целей образования в современном обществе. В ходе исследования, проведенного в 2009–2010 учебном году с целью выявления проблем социальной адаптации выпускников педагогических вузов в системе образования современного российского общества, было опрошено 300 человек. Выпускникам педагогических вузов Свердловской области было предложено определить, каковы основные цели современного образования. 56 % респондентов ответили – создать предпосылки для дальнейшего профессионального роста, 53 % – помочь учащимся раскрыть свои способности и склонности, 52 % – воспитать самостоятельных, критически мыслящих инициативных людей, 45 % – развить информационную культуру, умение работать с информацией, 43 % – сформировать коммуникативные качества, умение общаться, 30 % – развить качества делового человека, 29 % – подготовить к обучению в профильном вузе, 29 % – воспитать здоровых людей, умеющих вести здоровый образ жизни, 26 % – дать минимум профессиональных знаний, 25 % – развить гражданские и нравственные качества, чувство патриотизма, 15 % – воспитать способность воспринимать ценности культуры, искусства, 13 % – сформировать бережное отношение к окружающей среде, 5 % – развить гражданские нравственные качества, чувство патриотизма, 4 % – подготовить людей, знающих и уважающих законы.

Для выпускников педагогических вузов начала XXI века характерны приоритеты, связанные с профессиональным развитием учащихся, формированием их самостоятельности, коммуникативности (именно тех качеств, которых, по результатам исследования, не хватает самим молодым специалистам). Особенность нашего времени – это возрастающее значение развития у учащихся информационной культуры. Стереотип начала 1990-х гг., что система образования должна не воспитывать, а учить, постепенно теряет свою силу. Развитие гражданских и нравственных качеств для молодых специалистов имеет малое значение. Это очень серьезная проблема нашего времени. Исследование показывает, что большинство молодых специалистов определяют цели образования как лично ориентированные.

*Л. Р. Низамова**

Институционализация рынка учебных и квалификационных студенческих работ: рутинизация девиации

Система высшего профессионального образования России в последние годы претерпела существенные изменения – организационные, нормативно-правовые, информационно-технологические, социокультурные. В условиях разгосударствления и формирования рыночной экономики одним из выраженных векторов постсоветских реформ стала коммерциализация системы образования, поощрявшая утверждение новых рыночно-предпринимательских стратегий у его организаторов, профессорско-преподавательского состава и студенчества. Наряду с законными и оправданными видами коммерческой деятельности вузов широкое распространение получили разнообразные теневые формы образовательной и псевдообразовательной деятельности, в большей или меньшей степени расходящиеся с буквой закона: появление коммерческих вузов и филиалов, не имеющих необходимого материально-технического и образовательного потенциала, работающих без надлежащей лицензии, квалифицированного штата преподавателей и учебных программ; частное репетиторство; введение в ряде вузов неправомερных платных услуг и сборов и др. Коррупция в сфере образования была осознана как опасное социальное явление, фактор ухудшения качества подготовки выпускников и снижения рейтинга отечественных вузов.

В связи с тем, что образование из общественной ценности и значимого средства саморазвития человека превращалось в товар и услугу, подверженные экономической валоризации, все субъекты образовательной деятельности более или менее активно включились в новую образовательную экономику. Сегодня она имеет ряд сегментов: 1) «прозрачный» центральный; 2) «серый», находящийся частично «в тени» (в том числе «рефератно-дипломный рынок» учебного товара, частное репетиторство и т. п.); 3) «черный» – сфера незаконных практик (коррупционные сделки, торговля офи-

* *Ли́лия Рави́льевна Низамова* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии ф-та журналистики и социологии Казанского (Приволжского) федерального ун-та (г. Казань).

циальными документами об образовании и их приобретение и др.). Именно срединный («серый») сегмент, включающий налаженную торговлю учебными студенческими работами и их приобретение, оказался вне поля публичного зрения, хотя за последнее десятилетие этот «бизнес» достиг высокого уровня организации и институционализации. Работы, выполненные на заказ, практически невозможно установить; проверка антиплагиатом в этом случае чаще всего бессильна.

В феврале–марте 2010 года социологи Казанского федерального университета предприняли пилотное исследование этого феномена с использованием маркетингового метода «тайный покупатель» (сделано 48 интервью с операторами 24 контактных телефонов, с предложением приобрести учебные работы). Исследование показало, что речь идет не об отдельных нелицеприятных фактах, а о сложившейся и по-прежнему растущей индустрии, которая стала неотъемлемой частью российского образовательного процесса. Ничего подобного (такого размаха и такой степени безнаказанности) нет в ведущих странах Европы и США. Участники этого бизнеса в России подчеркивают, что работают на рынке от 6 до 10 лет. Ими используются разнообразные формы продвижения учебного товара на рынке: реклама на транспорте (наружная и на билетах), в прессе в разделах рекламных объявлений, раздаточная с помощью промоутеров, наружная возле вузов и общежитий и т. п. Из 20 обследованных вузов г. Казани только один – Казанская духовная семинария – оказался свободным от назойливых листовок с предложением приобрести рефераты, курсовые и дипломные работы. Остальные вузы с большим или меньшим успехом препятствуют расклеиванию рекламных предложений на стенах учебных корпусов и зданий. Это, тем не менее, не решает проблемы, так как объявления размещаются в непосредственной близости от них: на заборах, столбах, урнах и остановочных павильонах. Предложение готовых учебных работ не только вездесуще, но и отличается огромным разнообразием и возможностью широкого выбора: типа работы, ее направления, предмета, темы, сроков исполнения, цены, способа оформления заказа и оплаты. Незаконный участник образовательного процесса искушает студента доступными ценами, исполнением любых условий заказчика и требований научного руководителя, гарантиями авторского текста и проверки на антиплагиат, скидками и бонусными картами. Так, одна из них обещает 20-процентную скидку первокурсникам, «подсаживая на иглу» лени, лжи и непрофессионализма с первого года учебы в вузе. На сегодняшний день более всего рынком учебных студенческих работ охвачены экономические, юридические и социогуманитарные специальности, но он уверенно расширяется и уже

предлагает свой товар по математике, информатике, физике, химии, геологии и другим «точным наукам».

Социологическое исследование показало, что есть немало достаточно случайных продавцов (подрабатывающие аспиранты, беспринципные преподаватели-одиночки, преподаватели в декрете и т. п. [6]), однако центральное положение на рынке заняли так называемые «образовательные центры» («учебные центры», «центры помощи студентам»), работающие в условиях серьезной конкуренции. Они носят названия, ассоциирующиеся с такими социальными ценностями, как компетентность, грамотный совет, ученость и серьезная наука, хотя, фактически, поощряют в своих клиентах противоположное – лень, беспомощность и цинизм. Было выявлено 10 подобных центров, активно продвигающих себя на рынке г. Казани. Часто за многообещающей вывеской кроется бизнес индивидуального предпринимателя, не имеющего лицензии на ведение образовательной деятельности, хотя наибольший размах имеет торговля, налаженная юридическими лицами, зарегистрированными в Москве и Санкт-Петербурге. Они имеют офисы продаж, штат сотрудников и авторов, сайт в Интернете, банки готовых работ и широкое предложение разнообразных услуг. Псевдообразовательные центры не ограничиваются оказанием консультационных, переводческих или юридических услуг; клиентам предлагаются готовые учебные работы, в том числе в распечатанном и сброшюрованном виде. О хорошей самоорганизации и профессионализации данного рынка свидетельствуют блестяще сделанные сайты лидеров, которые обслуживают не только студенчество г. Казани, но и других крупных городов страны – Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Уфы, Екатеринбурга, Тольятти, Новосибирска.

Существуя формально за рамками российской системы образования, «учебные центры» и торговцы образовательным товаром на рефератно-дипломном рынке действуют прямо и непосредственно как контрагенты лицензированных вузов России: учебный товар (рефераты, контрольные и курсовые работы, отчеты по практике, чертежи, графики, тесты, рисунки, бизнес-планы, а также конкурсные, бакалаврские, дипломные работы и диссертации) «штампуются» на заказ с учетом нормативных требований и по учебно-методическим материалам конкретных вузов, корректируется и выверяется в соответствии с ожиданиями научных руководителей и преподавателей. Коммерческий рынок учебных студенческих работ стал в нашей стране серьезным препятствием на пути качественного профессионального образования.

В отечественной науке не существует общеупотребительного названия рассматриваемого явления. Такие определения, как «теневые экономические отношения в вузе» [5], [8], «незаконное пред-

принимательство» [7], «обман в учебном процессе», «читинг» (от англоязычного cheating – обман, мошенничество) [4], «коррупция» и другие, не раскрывают во всей полноте содержание и многомерное значение этого феномена, хотя и имеют к нему прямое отношение. Упускается из внимания большое число как активно действующих, так и пассивных участников рынка учебного товара. Среди агентов «рефератно-дипломного рынка» можно назвать: 1) студентов (и даже отдельных родителей) как покупателей учебного товара, формирующих спрос; 2) продавцов в лице зарегистрированных индивидуальных предпринимателей и реже юридических лиц, а также преподавателей, аспирантов и студентов, занимающихся незаконным предпринимательством, в совокупности формирующих предложение на данном рынке; 3) администрацию и профессорско-преподавательский состав вузов, с разной степенью активности и доступными средствами (часто малоэффективными) реагирующих на явление или закрывающих на него глаза (чаще второе); 4) руководителей системы образования на федеральном и региональном уровнях, считающих, что вопрос выходит за пределы их компетенции [2] и что «торговля рефератами, курсовыми и дипломными работами не является нарушением законодательства, в случае оформления торгующего лица в виде индивидуального предпринимателя или юридического лица и уплаты предусмотренных законодательством налогов» [3]; 5) правоохранительные органы, не способные справиться с высокой криминализацией общества и игнорирующие данный вопрос; 6) российское общество в целом, характеризующееся высокой вовлеченностью в теневые экономические отношения, правовым нигилизмом, коллективизацией девиаций и терпимостью к ним. Безусловно, с точки зрения закона противоправными являются, прежде всего, действия нерадивых студентов, приобретающих учебный товар и выдающих его за авторские и самостоятельно выполненные работы, однако это становится возможным при всеобщем попустительстве, формализме и равнодушии. Произошла «нормализация» и рутинизация данной девиации. Нельзя не согласиться с мнением, что такие распространенные в стенах вузов девиации, как списывание и использование шпаргалок, плагиат [1] и, тем более, совершение студентами подлога с применением купленных работ, можно рассматривать как выражение «скрытого учебного плана» и общедоступную «школу теневой экономики» [4], в которой массово обучаются тому, как обходить установленные формальные правила и использовать обман в достижении социальных целей. Это, несомненно, отдаляет Россию от идеала правового государства и гражданского общества, способного выстоять в международной конкуренции.

Литература

1. Голунов С. В. Плагиат как ржавчина системы российского высшего образования // Троицкий вариант. 2009. № 17 (36) 1 сентября. URL: <http://www.scientific.ru/trv/36N.pdf>
2. Из официального ответа на запрос заместителя начальника Управления Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки РФ от 01.03.2010 г. № НИ-464/05-02.
3. Из официального ответа на запрос Первого заместителя министра Министерства образования и науки Республики Татарстан от 18.12.2009 г. № И-1786/9-1.
4. Латова Н. В., Латов Ю. В. Обман в учебном процессе (Опыт шпаргалкологии) // Обществ. науки и современность. 2007. № 1.
5. Леонтьева Э. О. Образование с изнанки: опыт пилотажного исследования «теневых» отношений в вузе // Социол. исслед. 2004. № 12.
6. Раевская М. Кто пишет за деньги рефераты и курсовые // Вечерняя Москва. 2010. 18 января.
7. Тасаков С. В. Формы незаконного предпринимательства в сфере высшего и послевузовского профессионального образования // Российская юстиция. 2007. № 7.
8. Шевченко И. О., Гаврилов А. А. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социол. исслед. 2005. № 7.

С. В. Овчаренко*

Гендерная асимметрия системы образования России

В последнее время в системе образования уделяется повышенное внимание к гендерным проблемам, поскольку достижение гендерного равенства в этой сфере рассматривается как одна из основных предпосылок установления реальных прав для мужчин и женщин во всех сферах жизнедеятельности. Часть этих проблем существует давно, и сегодня они еще более обостряются. Среди них – феминизация преподавательского состава, высокий уровень сегрегации студенчества при получении профессионального образования, выпуск учебников, способствующих закреплению в обществе патриархатных стереотипов и др. Некоторые из ряда проблем возникли недавно как следствие социально-экономических изменений вообще и функционирования самой системы образования [См.: 1].

Анализируя гендерную структуру такого социального института, как образование, следует отметить, что субъектами, участвующими в процессе конструирования этой структуры, являются государство, различные институты, представляющие систему образования (дошкольные, школьные, начальные и средние специальные образовательные учреждения, высшая школа), и наконец сами индивиды (педагоги, школьники, студенты). Однако деятельность социальных институтов и отдельных индивидов в этом процессе тесно переплетается и затрагивает ряд проблем, связанных с гендерной асимметрией на всех уровнях образования [См.: 3].

Следует подчеркнуть, что сама отрасль образования не является гендерно нейтральной. Сегодня она выступает в основном сферой приложения женского труда. Во всяком случае, система дошкольного и начального школьного образования и воспитания находится в ведении женщин. По мере продвижения от младшего и среднего звена школы к старшим классам, с появлением точных наук, в преподавательском составе появляются педагоги-мужчины. В результате преобладание женщин в составе учителей оказывает

* **Светлана Викторовна Овчаренко** – методист филологического факультета, ассистент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации (ЛингвОМКК) Сургутского государственного педагогического университета (г. Сургут).

существенное влияние на характер функционирования и развития системы образования, а следовательно, и на все дальнейшее развитие общества и государства.

Гендерная асимметрия проявляется на уровне не только педагогического состава школ, но и учебного процесса. Как писал Р. Коннелл, «в каждой школе существует гендерная политика. Гендерные практики в школах конструируют различные виды феминности и маскулинности как среди учащихся, так и среди преподавателей: спорт, танцы, выбор предметов для изучения, дисциплина в классе, управление и др. Некоторые гендерные паттерны оказываются доминирующими, остальные могут носить подчиненный характер» [5].

Е. Р. Ярская-Смирнова, специалист в области изучения практических механизмов воспроизводства и поддержания гендерного порядка на уровне образовательного учреждения, пишет о существовании скрытого учебного плана. Он включает в себя несколько компонентов, через которые осуществляется социальный контроль и поддерживается гендерное неравенство. Первый из них – это стратификация учительской профессии, организация образовательного учреждения, отношения в педагогическом коллективе. Второй компонент – это содержание учебных занятий (учебники, программы, дифференциация педагогических практик по отношению к мальчикам и девочкам). По мнению автора, скрытый и явный сексизм пронизывает весь учебный план, содержится во всех пособиях, от букваря до учебников для старших классов [8].

Если провести гендерный анализ руководящего состава школ, то мы увидим, что директора начальных школ – в основном женщины, общеобразовательных – в основном мужчины, хотя педагогический состав школ представлен в большинстве своем женщинами. Женщины преобладают на уровне завучей, где требуется постоянная, рутинная работа. Похожую тенденцию можно также увидеть и в распределении профессорско-преподавательского персонала вузов, где начиная с должности доцента доля мужчин становится выше, значительно возрастая на каждой ступени [См.: 3].

Очевидно, что существующая в России высокая отраслевая и профессиональная сегрегация в сфере занятости (являющаяся, в частности, основой для гендерных различий оплаты труда) формируется еще в сфере образования, при распределении учащихся по учебным заведениям (а точнее, зависит от отраслевой принадлежности этих учебных заведений) и по специальностям. Именно поэтому важно понять динамику распределения учащихся как по учебным заведениям, так и по специальностям обучения. В этом контексте значимым нам представляется исследование существующих различий в профессиональной подготовке мужчин и женщин (табл.).

**Динамика распределения обучающихся
по полу и по видам обучения
на начало 1999/2000–2003/2004 учебных годов, %***

Вид обучения	Учебный год					
	1999/2000		2001/2002		2003/2004	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Всего	51	49	51	49	51	49
Общеобразовательные учреждения	50	50	50	50	50	50
Учреждения начального профессионального образования	39	61	38	62	38	62
Средние специальные учебные заведения	55	45	55	45	52	48
Высшие учебные заведения	56	44	57	43	57	43
Аспирантура	43	57	45	55	45	55
Докторантура	36	64	41	59	44	56

* Составлено по: Женщины и мужчины России: крат. стат. сб. / Госкомстат России. М., 2000. С. 44; 2002. С. 69; 2004. С. 75.

Из таблицы видно, что студенты начальных профессиональных учебных заведений – преимущественно мужчины. Их подготовка ведется по более широкому набору профессий, так как для женщин часть рабочих профессий запрещена (в советское время список профессий, по которому существовал запрет занятости женщин, был гораздо больше).

Среднее специальное образование – наиболее феминизированный уровень. Следует отметить, что здесь девушки составляют большинство студентов на протяжении нескольких десятилетий, при этом большей популярностью пользуются учебные заведения, готовящие специалистов в области здравоохранения, образования, экономики и права. Меньше всего девушек в ссузах, готовящих специалистов для транспорта и связи. Однако в последние годы интерес женской половины будущих студентов переместился в сторону получения высшего образования.

Данные государственной статистики показывают, что студенты высших учебных заведений в основном представлены женщинами, и год от года их количество растет. Сегодня можно говорить о начале феминизации высшего образования, поскольку юноши составляют только 43 %. Гендерная асимметрия среди студентов может увеличиться еще больше при переводе армии на контрактные принципы комплектования, когда у части юношей призывного возраста не будет необходимости использовать систему профессионального образования для получения отсрочки от службы [См.: 1].

Несмотря на превалирование среди студентов вузов женщин, шансов получения ученой степени больше у мужчин: при переходе к стадии аспирантуры их доля начинает увеличиваться. Безусловно, это сказывается на карьере мужчин и женщин в такой, казалось бы, гендерно нейтральной профессиональной сфере, как преподавание в высшей школе [См.: 3].

Таким образом, рассмотрев структуру образования в России, можно констатировать тот факт, что она практически полностью воспроизводит гендерную структуру на уровне общества в целом. Сфера образования относится к наиболее феминизированным отраслям экономики, где гендерный состав занятости наименее сбалансирован. Кроме того, в отрасли существует ярко выраженная вертикальная и горизонтальная гендерная сегрегация среди преподавателей и высокий уровень сегрегации студенчества при получении профессионального образования. Также важно понимать, что несбалансированные в гендерном отношении учебные планы могут ограничивать социальное и культурное развитие как мальчиков, так и девочек.

Если признать неадекватность функционирования системы образования в гендерном отношении, то можно ли изменить эту ситуацию в дальнейшем развитии системы? По этому поводу ученые высказывают разные мнения.

Часть исследователей полагает, что равенство мужчин и женщин будет возможно, если «изменится разделение труда в домашнем хозяйстве и семье, условия самого труда в направлении повышения его роли в социальной идентификации и его смысловое значение» [4].

С другой точки зрения, «социальное неравенство мужчин и женщин встроено в основную схему индустриального общества, в соотношении производства и воспроизводства труда внутри семьи и труда с целью заработка... Равноправия нельзя достичь в рамках этих институциональных структур, изначально ориентированных на неравноправие. Добиться качественного равноправия за пределом мужской и женской роли возможно, лишь продуманно изменяя совокупную институциональную систему развитого индустриального общества» [2].

Таким образом, изменение гендерной структуры образования – очень сложный процесс, поскольку она является частью нашей повседневности, к которой многие люди привыкли и которую даже не всегда осознают.

1. Баскакова М. И. Мужчины и женщины в системе образования // Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики / Отв. ред. и сост. д. э. н. М. Е. Баскакова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.
3. Дадаева Т. М. Гендерная структура образования в российском обществе // Интеграция образования. 2006. № 2.
4. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе. М., 1997.
5. Коннел Р. Гендер и власть. Общество, личность и политика по отношению к полу [Электронный ресурс]. URL: // [http://www/ethnic.to.kg](http://www.ethnic.to.kg).
6. Собкин В. С., Писарский П. С., Коломиец Ю. О. Учительство как социально-профессиональная группа / Под ред. В. С. Собкина. М.: ЦСОРАО, 1996.
7. Терентьев А. А. Российская школа: становление, развитие, перспективы. Социально-философские проблемы. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской Академии гос. службы, 1997.
8. Ярская-Смирнова Е. Р. Гендерная социализация в системе образования: скрытый учебный план // Одежда для Адама и Евы: очерки гендерных исследований. М., 2001.

Влияние реформ образования на профессиональное самоопределение современных старшеклассников¹

Профессиональное самоопределение современных старшеклассников происходит в поле влияния нескольких факторов. Это и СМИ, и семья, и сверстники, и рынок труда, и, конечно, система образования. Проведенное нами исследование 2009 года показывает некую инертность профессионального выбора современных старшеклассников. До сих пор наиболее популярными у старшеклассников остаются профессии экономиста и юриста, хотя перенасыщенность рынка труда подобными специалистами была зафиксирована исследователями еще несколько лет назад.

Одна из причин такой ситуации кроется в мотивах выбора старшеклассниками профессии. Больше половины из них называют причиной выбора своей будущей профессии ее высокооплачиваемость, престижность. Отсюда возникает противоречие, связанное с тем, что на достойно оплачиваемые, но не соответствующие современным представлениям о престижности специальности молодые люди идут учиться неохотно. Поражает тот факт, что в промышленном регионе, таком, как Урал, Свердловская область, в частности в г. Екатеринбурге, как показало наше исследование, не нашлось ни одного старшеклассника, который бы связывал свой будущий профессиональный путь с металлургической промышленностью. Старшеклассники практически не имеют представления о реальной ситуации на рынке труда, так как в большинстве продолжают выбирать невостребованные профессии. Представления о будущем у старшеклассников часто размыты, как размыт и их профессиональный выбор. Многие молодые люди называли своей будущей профессией руководителя, менеджера, что обозначает лишь должностной функционал.

* *Анна Александровна Онипко* – аспирант, секретарь Ученого совета, ассистент кафедры прикладной социологии факультета политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

¹ На материалах исследования, проведенного на базе Лаборатории политологических и социологических исследований УрГУ в 2009 г. в г. Екатеринбурге, выборка – 645 учащихся 10–11-х классов.

В отсутствии адекватной информации о рынке труда у старшеклассников виноваты не только СМИ, но и школа, которая сегодня практически не заботится о профессиональном самоопределении учащихся. Среди причин выбора профессии рекомендации учителей назвали менее 1 % старшеклассников, которые выбрали свою будущую профессию. А профиль старших классов, который есть сегодня во многих школах (гуманитарный, физико-математический, технический, естественно-научный, социально-экономический, медицинский и т. д.), по мнению большинства старшеклассников, сводится в основном к углубленному преподаванию профильных предметов

Лишь четверть опрошенных старшеклассников считают, что профиль обучения в какой-то мере повлиял на выбор ими профессии, а больше половины ответили, что повлиял несущественно либо совсем не повлиял. Данный феномен объясняется рядом противоречий, связанных с организацией обучения по определенному профилю в старших классах. Главная проблема здесь – сведение смысла профильного обучения к углубленному изучению предметов и улучшение компонента профессиональной ориентации. Кроме того, по данным, полученным из интервью с педагогами школ Свердловской области, выявился тот факт, что учителя также сводят профессиональное самоопределение своих учеников прежде всего к углубленному изучению определенных школьных предметов и подготовке к поступлению в вузы на соответствующие специальности. Таким образом, современная школа считает, что ее главная задача – подготовка к поступлению в вузы.

Старшеклассники выбирают не профессию, а факультет, на который собираются поступать. Это также объясняет то, что мотивы профессионального выбора учащиеся не связывают с поиском работы в будущем. Профессиональное самоопределение происходит в том поле, в котором в данный момент своей жизни находится молодой человек, а именно в системе образования. Молодые люди готовятся окончить школу, поступить в вуз, а на более далекую перспективу их планы остаются неопределенными. Поступление в вуз, отношение к высшему образованию в данный период развития школьников и становятся основными индикаторами их профессионального самоопределения. Но анализ ответов старшеклассников на вопросы о причинах выбора ими конкретного вуза показывает, что получение образования и выбор профессии как будто идут параллельно. Такая ситуация была диагностирована исследователями еще в конце 1990-х г. [См.: 1]. Прошло более 10 лет, и, несмотря на проводимые в нашей стране образовательные реформы, ничего не изменилось.

Человеку сегодня доступно множество различных благ, услуг, продуктов, информации. Современное общество давно получило название общества потребления, но оно имеет и свою «обратную сторону», связанную с проблемами, касающимися сложности выбора, его рациональной основы. Молодые люди по-прежнему остаются один на один со своим профессиональным выбором, не чувствуя поддержки и помощи ни от семьи, ни от школы, ни от государства.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2008 году государственными и муниципальными высшими учебными заведениями в России было выпущено более 360 тыс. дипломированных специалистов в сфере экономики и управления, а в таких сферах, как металлургия, энергетика, – менее 30 тыс. [См.: 4].

Можно смело утверждать, что новые образовательные реформы никак не влияют на профессиональное самоопределение молодых людей.

Как известно, государство уже принимало ряд мер по регулированию взаимодействия системы образования и рынка труда: сокращался набор на бюджетные места по гуманитарным специальностям и увеличивался – по техническим. Но только административными реформами, как отмечают сами же чиновники, ситуацию не изменить [См.: 2]. Нельзя забывать о том, что самоопределение – это выбор, прежде всего, в соответствии со своими собственными способностями. Поэтому молодым людям нужно не только объяснять ту ситуацию, которая сегодня складывается в обществе относительно рынка труда, но и помогать им выбирать подходящую именно им профессию. Задача, конечно, непростая, но фрагментарно ее решать не удастся. С одной стороны, должна эффективно работать система профориентации в школе; с другой стороны, необходимо формировать у подрастающего поколения определенные культурные ценности, новое, а точнее хорошо забытое старое, ценностное отношение к профессии. «Все работы хороши, выбирай на вкус!» – писал В. Маяковский в прошлом веке. И это цель не только образования, семьи, но и государства.

Источники

1. Калачева Т. Г., Абросимова Л. В. Установки выпускников школ на получение высшего образования // СОЦИС. 2000. № 5. С. 98–103.
2. Костенкова О. (Finam.ru). Образование в России: все профессии важны, все профессии нужны! [Электронный ресурс]. URL: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts 0110E/ «01.09.2010»>

3. Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи: избранное (1965–2002). М.: Гардарики, 2003. 544 с.

4. Труд и занятость в России, 2009 г. / Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b09_36/IssWWW.exe/Stg/d1/07-02.htm

5. Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб.: Изд-во РХГИ, 2004. 504 с.

А. А. Онипко*

Изучение образовательных потребностей современных старшеклассников в рамках этнометодологического подхода

Основная сложность в изучении потребностей заключается в том, что они по своему содержанию являются имманентными, нематериальными сущностями. Их сложно точно диагностировать, сосчитать, измерить их силу, спрогнозировать их появление, их описание может быть только продуктом исследовательской интерпретации повседневного поведения людей. По сути, потребности не существуют безотносительно определенной деятельности, связанной с их удовлетворением. Они являются основным элементом системы детерминации человеческой деятельности. Потребности проявляются в повседневных практиках.

Вырабатывая рациональные объяснения своих действий, индивиды делают эти действия рациональными, превращая тем самым социальную жизнь в упорядоченную и понятную. Потребности кажутся рациональными, поскольку включены в общий для определенной деятельности контекст. Однако люди лишь делают вид, что им все ясно, когда окончательная ясность отсутствует. Согласованная социальная жизнь возможна лишь потому, что люди готовы переносить неопределенность и интерпретировать свои и чужие поступки в качестве осмысленных. Все люди в обществе не только вкладывают определенный смысл в свои действия, но и приписывают значения действиям других, претендуя на их понимание на основании этих смыслов. В соответствии с этой точкой зрения потребности можно определить как совокупность смыслов, вкладываемых субъектом в свои повседневные действия, соотносящиеся с подразумеваемыми смыслами действий окружающих субъектов. В данном контексте этнометодология выступает как поисковое исследование природы социальных действий и объяснений (как обыденных, так и профессио-нальных) социального процесса. Другими словами, потребности это и есть то фоновое знание, подразумеваемые смыслы, молчаливо принимаемые участниками взаимодействия и объединяющие их. Таким образом, потребности

* *Александр Александрович Онипко* – аспирант 1-го года обучения ф-та политологии и социологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

необходимо интерпретировать через повседневные человеческие действия и коммуникацию, тем более что коммуникация, согласно этнометодологии, всегда содержит сверхвербальную информацию, так как она поддерживается неявным фоновым знанием, предполагает подразумеваемые смыслы, объединяющие участников взаимодействия.

Выявить те или иные потребности поможет трактовка смысла поведения человека, вытекающая из контекста этого поведения, или процедура индексации. Анализ индексированных форм быденного языка и разговорной речи старшеклассников в учебном процессе позволяет раскрыть то, что содержится на заднем плане их повседневного поведения, связанного с получением образования, и не видного «невооруженному глазу». Здесь большая роль придается обычному повседневному языку, с помощью которого производится истолкование эмпирических ситуаций повседневной образовательной деятельности. На основании анализа описания и интерпретации учащимися своих действий, связанных с процессом получения ими образования, можно выдвинуть предположения о потребностях, побуждающих к их осуществлению. При этом предполагаемые детерминанты поведения, связанного с получением образования, в большинстве случаев не будут сильно различаться в рамках одного образовательного сообщества или единого пространственно-временного контекста, так как потребности, лежащие в основе повседневных действий и декларируемые индивидом, соотносятся с подразумеваемыми потребностями и ожиданиями окружающих его субъектов, знания о которых он получает в процессе межличностной коммуникации. Здесь в качестве примера можно привести результаты проведенного нами исследования, посвященного изучению факторов, влияющих на формирование образовательных потребностей у современных старшеклассников. При анализе транскриптов интервью (15 – общеобразовательные школы, 15 – гимназии, лицей) не обнаружилось практически никаких отличий у интервьюируемых, обучающихся в общеобразовательных школах, и интервьюируемых из гимназий и лицеев. Все старшеклассники в беседе рассказывали о своих будущих планах поступления в вуз, о том, какие предметы им нравятся, какие нет, что им удастся, как они относятся к школьному образованию, к образованию в целом, чем они занимаются в свободное время, что им интересно в учебе и в жизни и т. д. Большой тематический блок, который удалось выявить в процессе традиционного анализа текстов интервью, касался взаимосвязи образования и карьеры, высокооплачиваемой престижной работы. *«Я мечтаю купить BMW-X5, дам свой, поэтому нужно скорее идти работать...и в процессе получу диплом, я надеюсь...конечно, без высшего*

образования карьеру не сделаешь...» (Денис, 16 лет). «Тот, кто не имеет денег сейчас – тот в проигрыше...а про дипломы я такого не слышала, чтобы говорили» (Светлана, 15 лет). Как отмечалось выше, именно скрытый социальный контекст, чаще всего в виде ближайшего окружения (семья, сверстники), оказывает влияние на формирование представления о собственных потребностях у школьников. *«Я прислушиваюсь к мнению своих родителей... мои родители хотят, чтобы я много достигла в жизни, и этому может мне помочь хорошее образование» (Екатерина, 15 лет).*

Другими словами, по результатам нашего исследования получается, что потребность в образовании у современных старшеклассников сама по себе не является материальной потребностью как таковой, она является средством удовлетворения множества потребностей материального, точнее сказать, меркантильного характера. То есть удовлетворение потребности в образовании приводит к удовлетворению потребностей другого порядка, которые в свою очередь могут носить материальный характер. Для того чтобы получить хорошую высокооплачиваемую работу, диплом или определенный статус (например, ученую степень), необходимо иметь высшее образование, в этом плане потребность в высшем образовании будет материально обусловлена, т. е. определена меркантильно-прагматическими мотивами. «Если мы тщательно проанализируем наши повседневные потребности, то увидим, что они обычно являются желаниями средств, ведущих к целям...»¹. Так и для современных старшеклассников образование является лишь средством достижения цели, а целью их является как можно более благополучная жизнь, признание и уважение окружающих. Этот прагматический настрой молодых людей и их родителей по отношению к образованию можно объяснить тем, что в современном обществе карьера и деньги стали большими ценностями, чем образование, саморазвитие. А так как в соответствии с традиционным подходом к образованию «оно есть, прежде всего, средство, с помощью которого общество постоянно воспроизводит условия своего собственного существования»², «оно (образование) подражает обществу, его воспроизводит, но не создает его»³, то наметившаяся тенденция кажется вполне естественной. Эти выводы также подтверждают тот факт, что за повседневными действиями людей не всегда скрываются неизменные смыслы (потребности),

¹ Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 21.

² Дюркгейм Э. Педагогика и социология // Э. Дюркгейм. Социология. М., 1995. С. 254.

³ Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994. С. 369.

так как одна рациональность периодически сменяется другой, более адекватной существующему контексту. Так, изначально образование относилось преимущественно к духовной сфере жизни общества и служило для повышения интеллектуального уровня и уровня культуры его членов, т. е. для удовлетворения духовных потребностей человека, на современном же этапе развития общества образование может также являться средством удовлетворения материальных (меркантильных) прагматических потребностей человека.

Литература

1. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макарова, Е. Трифонова. СПб., 2007.
2. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? / Пер. с англ. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4.

Г. В. Панина*

Новые образовательные технологии в реализации программ модернизации образования

В быстро меняющемся обществе акцент при подготовке специалистов необходимо делать не на овладении конкретными знаниями, умениями, навыками (ЗУН), а на приобретении способностей учиться, реагировать на новации, находить решения в нестандартных ситуациях (*компетенции*).

Подготовку подобных качеств можно осуществить только с применением новых форм обучения и способов овладения знаниями. Специалист должен быть не просто сведущ в своей профессиональной области, но и соответствующим образом настроен на самореализацию в конкретных социально-политических условиях, понимать возможные варианты ее осуществления и быть готовым гибко реагировать на возможные флуктуации. Такая практическая ориентация специалиста возможна только в условиях комплексного, междисциплинарного характера обучения с применением активных практико-ориентированных обучающих методик. В современной образовательной практике можно выделить следующие типы новых образовательных методик, воспитывающих современные профессиональные качества:

1) *Проективное обучение*. Работая над учебными проектами, моделирующими различные реальные ситуации, студенты учатся отбирать знания, самостоятельно находить новую информацию, применять ее для решения прагматических задач, получать конкретный результат, отстаивать свою позицию, доказывать ее реальную состоятельность. В процессе совместной работы над учебными проектами студенты осваивают технологии командной работы, коммуникативные и управленческие компетенции, учатся разрешать конфликты и приходиться к консенсусу. Достоинством данного способа обучения является формирование проективного научного мышления, способствующего как самостоятельному овладению уже существующими знаниями, так и порождению новых, развитию творческих способностей учащихся. Проективные методики по-

* *Галина Владимировна Панина* – канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н. Э. Баумана (г. Москва).

зволяют выделять для обучения жизненно важные и актуальные проблемы изучаемой области, побуждают изучать существующие пути решения данных проблем, видеть недостатки, ограничения и риски имеющихся подходов, стимулируют к поиску новых решений.

II) *Игровые формы учебных занятий как полигон коммуникативных и управленческих инноваций.* Творческому подходу к решению нетривиальных задач способствует моделирование различных ситуаций в учебной аудитории и попытка путем метода воображения и реальной кооперации усилий участников семинара предложить решение проблемы, в режиме on-line найти выход из сложной ситуации. Игровые формы учебных занятий раскрепощают личностные силы участников, помогают почувствовать и реализовать партнерские отношения со всеми участниками семинара, включая преподавателя, научают действовать в ситуациях неопределенности, требуют проявления активности и заставляют искать выход из ситуации здесь и сейчас для решения конкретной проблемы. Поэтому в практике современной высшей школы игровые методики получают все большее распространение. Серьезным достижением игровых учебных занятий является не просто обучение действиям в стрессовых обстоятельствах, а освоение новых форм деятельности, связанных с мозаичным восприятием действительности, когда необходимо учитывать разные факторы, исходя из многообразия возможных решений. Игровые занятия учат важным поведенческим навыкам и социальным технологиям, используя коллективные формы обсуждения и командную соревновательность, оттачивая механизмы деятельности малых групп, в том числе ответные реакции на внешнее давление и неблагоприятные окружающие факторы. Это позволяет готовить студентов к будущей трудовой деятельности, где возможны непредвиденные и часто дискомфортные ситуации, формировать специфические навыки решительных действий в экстремальных обстоятельствах, нередко возникающих на работе.

III) *Новые информационные технологии в учебном процессе.* Среди инновационных образовательных технологий особое место занимают компьютерные технологии, позволяющие по-новому организовать работу с информацией, обеспечить распределенный доступ к удаленным источникам знания, проводить научные исследования и учебные занятия в режиме on-line с представителями других университетов и научных центров. Выделим основные направления использования компьютерных технологий для активизации и модернизации учебного процесса (Использованы «Материалы третьего Всероссийского социологического конгресса», электронная версия. М.: ИС РАН, 2008):

1) Создание электронных учебно-методических комплексов дисциплин (УМКД), включающих в себя электронные учебные и методические пособия, комплексы для промежуточной и окончательной проверки знаний, указания для самостоятельной работы и углубленного изучения предмета и т. п. Выстойженной в сети Интернет в разных режимах доступа, они могут использоваться студентами для реализации индивидуальных программ обучения, обеспечивая гибкие и многоуровневые образовательные траектории. Электронная система набора баллов за успешно выполненные учебные задания позволяет контролировать скорость и объемы усвоения учебного материала, дает возможность разнообразить набор заданий и упражнений для каждого направления профессиональной специализации и разного уровня подготовки студентов. Электронные версии учебных дисциплин дают возможность визуализации многих теоретических положений, что способствует их лучшему усвоению и пониманию возможных способов практического применения. Компьютерное моделирование процессов и явлений способствует развитию прагматической ориентированности обучения, дает возможность контролировать качество образования через реализацию практических проектов.

2) Активизация научного и учебного взаимодействия с помощью телеконференций и дистанционной передачи знаний. Используя соответствующее программное обеспечение BSCW (Basic Support for Cooperative Work), можно обеспечить коллективную работу через Интернет удаленных пользователей, проводить семинарские занятия с участием преподавателей других вузов, в том числе зарубежных, а также привлекать к обсуждению группы студентов разных учебных заведений. Новые ИТ позволяют использовать так называемое паритетное преподавание (Н. Е. Покровский), соединяющее в режиме on-line несколько удаленных студенческих аудиторий вместе с преподавателями с целью обмена информацией и организации дискуссии. Это позволяет улучшить качество учебного процесса, поскольку студент имеет возможность обсудить проблемы и решить их не только со своим непосредственным преподавателем, но и представителем другой кафедры, а может быть и научной школы. Подобные телеконференции способствуют обмену научными идеями и методическими преподавательскими приемами между представителями различных университетов и научных центров. В режиме телемоста ведется как обмен информацией по заранее обговоренным сценариям, так и живое обсуждение вновь возникших интересных проблем. Возможно как традиционное прослушивание лекций, так и дискуссия с элементами опроса, консультирования, экспертных оценок. Такие методы преподавания обладают следующим инновационным потенциалом: позволяют

объединять студенческие аудитории, находящиеся на большом расстоянии друг от друга, дают возможность привлекать к систематическому преподаванию профессоров других вузов без прямого командирования в данный университет, объединяют в режиме online несколько различных «учебных площадок», удешевляют затраты на поддержание учебного процесса при одновременном повышении его качества с точки зрения научной насыщенности и актуальности, способствуют созданию, наряду с традиционными, виртуальных учебных планов для активизации научной и учебной работы в масштабах кафедры, факультета, университета в целом.

Современные ИТ делают доступным подключение в режиме телемоста к пленарному или секционному заседанию любой конференции, позволяют объединить в системе единого виртуального учебного пространства различные вузы, лаборатории, научные центры. Инновационное применение компьютерных технологий открывает неограниченные возможности для креативного развития современного преподавания.

3) Создание качественно новой инфраструктуры образовательного пространства. Современные ИТ позволяют перейти к совершенно новым формам организации учебных занятий и проверки знаний и результатов обучения. Мультимедийные классы дают возможность использовать и самостоятельно создавать кино-, видео- и фотопродукцию в изучении социальных процессов, готовить презентации с виртуальным моделированием реальных явлений, овладеть различными видами социальных коммуникаций в ходе курсов, получивших название, например, визуальной социологии или визуальной антропологии.

Учебный процесс с применением ИТ нуждается в обеспечении качественно новыми учебными пособиями. Огромное внимание не случайно уделяется созданию электронных учебников, реализующих различные компьютерные технологии, позволяющие осуществить как новые формы доступа к получению и обработке информации (Интернет, мультимедиа, гипертекст и т. д.), так и инновационные методы педагогической поддержки обучения. Электронные учебники нового поколения не только обеспечивают равные возможности овладения учебным материалом студентам с различными уровнями здоровья, интеллектуального развития, но и учитывают психологические и даже гендерные особенности учащихся.

Многие преподаватели разрабатывают технологии использования Интернет непосредственно в ходе занятия для выполнения учебных заданий и решения изучаемых проблем. Выход в Интернет непосредственно в ходе занятия учит лавировать в море информации, находить нужные сведения быстро и точно, использовать знания для решения конкретных проблем.

Таким образом, использование ИТ трансформирует образовательное пространство в направлении преобладания электронных библиотек, информационных образовательных порталов как средств получения информации для обучения и решения актуальных задач в любой сфере, формирования компьютерных технологий тестирования и контроля знаний, создания электронных лабораторных практикумов, программ для моделирования реальных процессов, тренажерных комплексов для самостоятельной работы, медиатеки как средства разработки и тиражирования электронных учебных материалов, пособий для индивидуальной и коллективной работы и подготовки к занятиям, расширения форм и границ профессионального общения и образования.

Социальная активность преподавателей и студентов уральских вузов в контексте реформирования высшей школы: опыт эмпирического исследования

Реформа системы высшего образования, которая активно проводится сегодня во всех вузах страны, вызывает неоднозначные оценки у представителей образовательного сообщества. Представители администраций вузов, преподаватели и студенты во многих случаях отмечают неготовность отечественной высшей школы к происходящим изменениям, что, по мнению акторов преобразований, приведет к негативным последствиям как для качества профессионального образования, так и для соблюдения самобытных традиций высшего образования в нашей стране. Однако при скептическом отношении к модернизации представители образовательного сообщества ведут себя достаточно пассивно. В отличие от стран Центральной Европы (например, Франции или Германии), в нашей стране проводимые изменения практически не сопровождаются массовыми акциями протеста, митингами и другими подобными мерами. В этой связи определенный исследовательский интерес представляет выяснение готовности представителей образовательного сообщества активно отстаивать свою точку зрения, если она противоречит точке зрения реформаторов. Выяснение позиции преподавателей и студентов в этом отношении стало одной из целей проводимого автором методом анкетного опроса исследования. В общей сложности в результате исследования, проведенного в начале 2010 года, было опрошено 915 респондентов: 131 преподаватель и 784 студента семи вузов Екатеринбурга.

Результаты опроса показывают, что основные мероприятия проводимой модернизации преподавателями оцениваются либо негативно, либо неоднозначно, а преобладающих положительных оценок нет совсем (см. табл.).

* *Дмитрий Павлович Попов* – аспирант УрАГС (г. Екатеринбург).

Таблица
Оценка преподавателями ключевых мероприятий реформы высшего образования, % от числа опрошенных

Мероприятия реформы	Положительная оценка	Негативная оценка	Затруднились с ответом
Введение двухуровневых систем (бакалавриат - магистратура)	21,4	47,3	31,3
Внедрение балльно-рейтинговых систем	34,6	49,2	16,2
Введение ЕГЭ	15,3	68,7	16
Меры для повышения качества образования	20,6	43,5	35,9

Приведенные оценки мероприятий модернизации указывают на несогласие с политикой Министерства образования и науки РФ, однако остается неясным, готовы ли преподаватели активно выражать недовольство, или противодействие будет осуществляться в латентной форме. Для выяснения данного вопроса необходимо было оценить отношение преподавателей к организации учебного процесса в том вузе, где они работают, готовность участвовать в коллективных мероприятиях либо самостоятельно обращаться к администрации вуза с предложениями по совершенствованию учебного процесса, подтекстом чего является вопрос: готовы ли они выражать свои интересы и отстаивать их, хотя бы на уровне вуза? Результаты получились следующие: на вопрос «Считаете ли Вы эффективной организацию учебного процесса в том вузе, где сейчас преподаете» ответы распределились практически одинаково по всем трем вариантам: «да» – 33,3 %, «нет» – 31,8 %, «затрудняюсь ответить» – 34,9 %. Полученные данные можно интерпретировать следующим образом: в сообществе преподавателей существует определенная, достаточно многочисленная группа (одна треть), которая не считает эффективной организацию учебного процесса, следовательно, может при определенных условиях либо обращаться к администрации вуза, либо даже к представителям власти посредством акций протеста, коллективных обращений и т. п. В то же время есть группа, которая затруднилась с ответом, что может служить индикатором того, что данные респонденты, действительно, затрудняются ответить на данный вопрос, либо не ответили, так как не желают открыто выразить свою позицию по данному вопросу. Если верно последнее предположение, то можно говорить о том, что при определенных условиях представители данной группы могут присоединиться к преподавателям, не довольным организацией учебного процесса, и тогда противников у официальной власти (будь то на уровне вуза, города, региона или страны в целом) станет значительно больше.

Полученные данные при ответе на вопрос «Участвовали ли Вы (или собираетесь принять участие) в коллективных мероприятиях, организованных преподавателями по вопросу оптимизации учебного процесса или по вопросам введения отдельных мероприятий Болонского процесса (например, обращение к администрации вуза)?» подтвердили предложенные выше рассуждения: ответ «да» был дан 51,6 % преподавателей, «нет» – 46,8 %, «затрудняюсь ответить» – 1,6 %. Приведенные данные указывают на то, что существует активная часть преподавательского сообщества, которая готова выражать и отстаивать собственные интересы. При этом наибольшую активность проявляют (готовы проявлять) преподаватели в возрасте старше 45 лет (35,3 %), в то время как среди преподавателей в возрасте 25–35 лет число «активистов» значительно меньше – 23,5 %. Конечно, данное положение вещей может быть детерминировано различным статусом преподавателей разных возрастов. Однако это может также свидетельствовать о том, что молодых преподавателей положение дел в большей степени устраивает, чем вызывает недовольство.

Таким образом, ответы преподавателей позволяют сделать два вывода: во-первых, примерно треть респондентов не устраивает организация учебного процесса в том вузе, где они работают, что при определенных обстоятельствах может проявиться в массовых акциях протеста; во-вторых, половина опрошенных готова проявлять социальную активность для артикуляции собственных интересов в контексте реформирования, что также интерпретируется нами как индикатор для представителей власти, так как вышеописанное отношение к ключевым мероприятиям реформы в большей степени негативно, а значит, активная часть преподавателей будет либо в явной, либо в латентной форме отстаивать собственную позицию в контексте преобразований.

Для выявления социальной активности студентов было предложено несколько вопросов, связанных со следующими моментами: отношением к организации учебного процесса; взаимодействием с преподавателями; участием в общественной жизни вуза; готовностью обратиться к администрации вуза с предложениями, касающимися организации учебного процесса и внедряемых нововведений.

Анализ ответов студентов на вопрос об организации учебного процесса (количество лекций, семинаров, время обучения и т. п.) показывает, что студентов в большинстве (57,6 %) случаев существующий порядок вполне устраивает. В то же время почти $\frac{1}{5}$ (19%), напротив, – совсем не устраивает, и примерно четверть (23,4 %) респондентов указали, что их такой режим отчасти не устраивает. Однако в организацию учебного процесса входит также непосред-

ственное взаимодействие преподавателя и студентов, и в ряде случаев такое взаимодействие выходит за допустимые рамки, что естественным образом вызывает недовольство в студенческом сообществе. Поэтому респондентам был задан вопрос о том, сталкивались ли они (или были свидетелями) с непропорциональными действиями со стороны преподавателей (с произволом, например, при выставлении оценок и т. п.). Полученные ответы свидетельствуют о том, что большинство (63,5 %) студентов сталкивались с такими ситуациями и только треть (36,5 %) – нет.

Вопросы о том, состоят ли респонденты в студенческих организациях, то есть проявляют социальную активность, и готовы ли они выступить с обращениями, предложениями к администрации вуза, показали практически идентичные результаты мнению преподавателей: состоят в организациях 32 % респондентов, не состоят – 68 %, участвовали либо готовы принять участие – 28,3 %, не готовы – 71,7 %.

Таким образом, примерно половину студентов не устраивает организация учебного процесса (либо полностью, либо отчасти), а значит, мы снова видим ту же ситуацию, как и в случае с преподавателями: социальная группа разделена на две практически равные по численности части. Следовательно, мы можем говорить о существовании подгруппы «недовольных», включающих как преподавателей, так и студентов, которые при определенных условиях могут выступить с обращениями и акциями протеста к представителям администраций вузов или к представителям власти. Более того, мы можем говорить о существовании в среде студентов определенной наиболее активной части, которая при случае выступит против того, что ей не нравится.

В целом, проведенное исследование показывает, что проводимая представителями власти реформа высшей школы неоднозначно оценивается акторами преобразований. В сообществе преподавателей нет четкой позиции относительно мероприятий реформы, а потому нельзя однозначно говорить о ее поддержке либо отрицании. Однако преобладающие негативные оценки мероприятий заставляют задуматься о необходимости модернизации в такой форме, так как более половины преподавателей выразили готовность отстаивать собственные интересы. Студенчество по определению менее однородно, чем сообщество преподавателей, однако исследование показало, что существует примерно треть студентов, участвующих в жизни вуза, которые при определенных обстоятельствах способны отстаивать собственную позицию в форме коллективных мероприятий. Таким образом, идеологам реформы необходимо снизить социальную напряженность в образовательном сообществе, возможно, корректировкой курса преобразований, для предотвращения массовых акций протеста.

*И. В. Родина**

Расширение профессиональной компетенции социального работника

Современная стратегия повышения гибкости профессионального образования направлена на расширение возможности трудоустройства выпускников высшей школы, что определяет возрастающую роль междисциплинарно интегрированной направленности образовательного процесса.

Согласно требованию стандартов высшего профессионального образования третьего поколения, существенное значение в обозначенных компетенциях социального работника имеет практико-ориентированная подготовка бакалавров. Акцент в данном случае делается не только на формировании у студентов практических умений и навыков в деятельности социального реагирования, удовлетворяющей интересы клиента, но и на умении подвергать факты и явления научному анализу/интерпретации и разрабатывать вариативные рекомендации по различным направлениям обеспечения социального благополучия. Поэтому оптимизация аналитических, прогностических, проективных умений и навыков социального работника может подразумевать и углубленную социологическую подготовку.

Обусловленность взаимосвязи социальной работы и социологии отмечает и Питер Бергер, ученый с мировым именем – представитель социально-конструктивистского направления в социологии. Согласно его убеждениям, «дальнейшее развитие социологии принесет большую пользу социальной работе и избавит нас от необходимости погружаться в мифические глубины “бессознательного” для объяснения тех явлений, которые, как правило, вполне осознаваемы, более просты и социальны по своей природе» (Бергер П. Приглашение в социологию. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. С. 7).

На заре институционализации социальная работа была тесно связана с социологией. Долгое время представление о социологе было исключительно как о теоретике социальной работы. Это объясняется тем, что социально-экономические проблемы эпохи индустриализации стимулировали значительную часть социологических исследований.

* *Ирина Владимировна Родина* – д-р социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии социальной работы Российского государственного социального ун-та (г. Москва).

Но постепенно теория социальной работы в большей степени начинает опираться на психолого-ориентированные модели, раскрывающие видение социальных проблем и пути их решения в рамках социальной психологии и педагогики. Соотношение психолого-ориентированных и социолого-ориентированных теоретических моделей, используемых основной теорией и практикой социальной работы, явно не в пользу последних. Направление социальной работы как профессиональной деятельности социального реагирования, удовлетворяющей интересы клиента, развивается в нашей стране интенсивнее, чем ориентация на формирование структур социального развития и стабильности в условиях быстрых перемен, так как сущностными вопросами политики и экономики постперестроечной России стали вопросы элементарного выживания. Именно психолого-ориентированный подход, предлагающий рассматривать социальные проблемы клиентов как способ стимулирования их сил и конструктивной деятельности в социуме с целью изменения неблагоприятной ситуации, формирует функциональное содержание профессиональной компетенции социального работника.

Клиентурная деятельность определяет стержень профессиограммы современного специалиста по социальной работе. Не вызывает сомнения, что для выпускников средних специальных образовательных учреждений это оправдано. Что касается высшего профессионального образования, то социолого-ориентированный социальный работник, как специалист по социальному реагированию, может решать более широкий круг вопросов, а именно проводить комплексную оценку реализуемых социальных проектов и программ (мониторинг, оценку процесса, оценку «затраты-выгоды», оценку «затраты-эффективность», оценку воздействия и др.).

Среди вопросов, которые ставит перед собой социолог социальной работы, могут быть следующие. Как проект/программа влияет на бенефициариев? Наблюдаемые улучшения, если таковые есть, – результаты проекта, или они произошли бы в любом случае? Можно ли повысить эффективность программы, внося какие-либо изменения? Обоснованы ли затраты? Что содействует достижению заявленных целей проекта и обеспечивает возможность выявления, анализа и дальнейшего распространения новых эффективных социальных технологий?

Кто же, как не специально подготовленный социальный работник, способен в большей степени, чем любой другой специалист, проанализировать содержание и воздействие социальных программ по улучшению обеспечения и помощи детям, мигрантам, людям с ограниченными возможностями, получателям услуг долгосрочного ухода, людям, живущим в бедности, семьям с низким уровнем дохода, бездомным? Сегодня не только общественные некоммер-

ческие организации, но и государственные и муниципальные учреждения проводят мониторинги и оценку таких проектов.

В нашей стране развитие института социальных экспертов находится в стадии становления – общее число квалифицированных специалистов, которые могут проводить оценку реальных проектов по их результатам, не превышает сотни человек, т. е. нет достаточного числа нужных специалистов. Этот пробел необходимо и можно устранить, что приведет к повышению эффективности самих социальных проектов.

В 2010 году кафедра социологии социальной работы Российского государственного социального университета открывает новый профиль направления подготовки бакалавров социальной работы – «Социология социальной работы», базовым элементом учебной программы которого является актуализация развития и углубление поисковых, аналитических, исследовательских навыков социального работника.

Особую значимость новый профиль подготовки социолога социальной работы определяет и дальнейшее развитие рыночной экономики и возможности участия в ней, с учетом начала новой волны «большой» приватизации, декларированной нашим правительством. Речь идет, прежде всего, о социальном аудите. Участие социолога социальной работы в оценке социальных показателей компаний /организаций может стать не просто полезным, но и необходимым, если не забывать и о насущной потребности разработки отечественных методик социального обследования. Сегодня подготовка социальных отчетов проводится по зарубежным стандартам.

Социальная отчетность в общепринятом понимании касается всего спектра влияния компании/организации на общество: от контроля за качеством продукта до «социального пакета» для сотрудников. Социальный аудит оценивает поведение компании в сфере человеческих ресурсов: экологии, охраны здоровья и безопасности, отношений с местным сообществом и т.п., поэтому так необходимы и отечественные индикаторы ее измерения. Так, например, концепция российской модели социального аудита, разработанная Академией труда и социальных отношений, значительно отличается от ее зарубежных аналогов.

Предметом социального аудита является информация, поступающая через анализ существующей нормативно-правовой документации (законы, указы, соглашения, договоры, приказы, положения, инструкции), а также через полевые исследования, опросы, интервью, мониторинг, статистические данные.

Социальный аудит понимается как процедура диагностирования социоэкономических отношений, мониторинга состояния и хода реализации коллективных договоров и соглашений, планов и программ социального развития на предприятии.

Поскольку социальный аудит имеет комплексный и многосторонний характер, инициаторами и заказчиками его проведения могут выступать как представители предприятий и корпораций, представители профсоюзов и общественных организаций, так и представители властных структур всех уровней.

За рубежом социальный аудит преимущественно используется в оперативном и тактическом социальном менеджменте. В России же стратегический характер социального аудита во многом определяется возможностью его использования на более высоких уровнях (федеральном, региональном, отраслевом и др.), а также более длительным периодом формирования нравственных норм и деловой этики, правил взаимоотношения между бизнесом и обществом.

Одной из важных особенностей российской модели социального аудита следует считать ее строго добровольный характер, когда каждая из заинтересованных сторон сама, по своему усмотрению, решает, быть ей заказчиком или нет. Результаты, полученные в ходе проведения социального аудита, остаются у заказчика.

Заинтересованность органов государственной власти и местного самоуправления в применении системы социального аудита может быть выражена в том, что они имеют возможность:

- получить адекватную и объективную информацию об общественных отношениях в соответствующих сферах социоэкономической и экологической жизни общества на всех уровнях;
- вскрыть латентные формы социальной напряженности в национальной экономике и своевременно принять необходимые меры;
- более эффективно регулировать социоэкономические отношения через механизмы системы социального партнерства;
- постоянно проводить изучение, анализ и оценку эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации;
- выверить степень реализации национальных проектов социальной направленности и т. п.

Введение нового профиля «Социологии социальной работы» в направление подготовки бакалавра социальной работы дает возможность не только значительно расширить подготовку социальных работников, но и, несомненно, будет способствовать дальнейшему развитию института социальных экспертов, что может повлечь за собой повышение инвестиционной привлекательности России.

Современное социально-гуманитарное образование студентов и тип социализации

Повышение роли социально-гуманитарного образования в позитивных общественных изменениях и предъявление к нему новых требований является одной из важных проблем, выдвигаемых современным человечеством. Дальнейшая судьба человеческой цивилизации определяется интеллектуально-образовательным потенциалом как самого общества, так и будущих специалистов. Сегодня очевидно, что, наряду с наличием профессионализма, специалист должен быть подготовлен к выполнению мировоззренческих задач, нравственному, правовому, идеологическому выбору, социально-экономическим решениям. Коммуникабельность, эрудиция, знание законов функционирования общества и поведения человека, включенность в социальные связи, знание иностранных языков становятся важными социально значимыми характеристиками. Существует глубокая зависимость современной цивилизации от тех способностей и качеств личности, которые закладываются социально-гуманитарным образованием. Более того, для современного общества характерно расширение сферы услуг, подразумевающей занятость в ней специалистов именно с социально-гуманитарным образованием. Все большая часть населения стран с развитой экономикой ориентируется на профессиональное социально-гуманитарное образование.

Между тем, «сегодня налицо острые противоречия между социально-гуманитарным знанием, образованием и реальной действительностью, между знанием и политическими решениями, между знанием, образованием и массовыми действиями» [1. С. 26].

Долгое время в России существовал идеологический подход, составлялся перечень норм, правил, установок, которым должны были соответствовать люди будущего общества. Подобная социализация характеризуется как ценностная, преимущественно на-

* *Фаима Нажмиевна Садриева* – канд. филос. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин филиала Южно-Уральского государственного ун-та (г. Миасс).

правленная вовне, когда человек поступает в соответствии с ценностями и нормами, принятыми в обществе.

Принципиальное изменение современной социальной роли образования, в том числе и социально-гуманитарного, в общественном развитии заключается в том, что будущее общество конструируется не идеологическими установками, а социальной практикой людей. Поэтому меняется основная социальная функция социально-гуманитарного образования. Оно должно превратиться в систему развивающего образования для жизни людей в непрогнозируемом, неопределенном обществе. В таком обществе образование становится системой снижения рисков, неэффективных решений [См.: 3. С. 36]. Социализацию тоже можно назвать ценностной, но направленной внутрь человека, только через становление человеческих качеств, требующих усилий каждого человека, можно и нужно решать возникающие острейшие проблемы и риски будущего. В этом большая роль принадлежит гуманитарным наукам, так как именно они и формируют «образ» личности человека, т. е. являются человекоформирующими.

Пока в действительности преобладает инструментальная социализация, апофеозом которой стала ее направленность вовне без ценностной основы, признается успех превыше всего, успех любой ценой! Такая социализация в данный момент наблюдается в постсоветских странах. Многочисленные исследования свидетельствуют, что большинство студентов уверено в том, что изучение социально-гуманитарных дисциплин помогает им в жизни. Студенты чаще всего указывают, что социально-гуманитарные знания нужны для расширения образовательного горизонта «узкого» специалиста, для расширения социальных связей, для повышения конкурентоспособности на рынке труда, для налаживания деловых отношений, реализации возможности более гибкого поведения на рынке труда. Значительно меньше студентов связывают социально-гуманитарные дисциплины и формирование мировоззрения и гражданской позиции.

Выяснялось мнение экспертов (проректоры вузов, заведующие кафедрами, профессора, доценты вузов, созданных пятьдесят лет назад) о мотивах и потребностях студентов, изучающих социально-гуманитарные дисциплины, и то, как вузы способны удовлетворить эти потребности. Эксперты считают, что важными мотивами изучения социально-гуманитарных дисциплин у студентов являются такие, как «получение профессии», «повышение конкурентоспособности на рынке труда», «повышение престижа человека в его окружении», «формирование необходимых навыков социального и делового поведения». Эти потребности отличаются практической направленностью и отражают, с точки зрения экспертов, прагма-

тические установки студентов. Исследователи давно уже отмечают формирование у студентов элементов рыночного характера, об опасности культивирования которого предостерегал еще Э. Фромм.

Менее значимыми мотивами для студентов, по мнению экспертов, являются такие, как «повышение общей культуры», «возвышение потребностей», «развитие духовности», «повышение способности активно участвовать в жизни общества», «повышение адаптации к жизненным переменам», т. е. терминальные ценности.

Самыми незначимыми были мотивы, связанные с социальными, мировоззренческими, нравственными параметрами, такими как «воспитание интеллигентности», «формирование научного мировоззрения», «использование значимых ценностей в качестве ориентиров личной и социальной деятельности».

Таким образом, спрос на социально-гуманитарные дисциплины, с позиции экспертов, диктуется практическими интересами студентов, а социальные, мировоззренческие, нравственные мотивы не являются значимыми потребностями студентов.

Как удовлетворяют вузы эти потребности студентов? По мнению экспертов, с помощью социально-гуманитарного образования в наибольшей степени удовлетворяются уже перечисленные выше прагматические ценности.

Расхождения начинаются между «спросом» студентов и «предложением» со стороны вузов в реализации терминальных ценностей. «Повышение общей культуры», «возвышение потребностей», «развитие духовности» – эти ценности являются ведущими с позиции высших учебных заведений, но не находят отклика со стороны студенчества.

Но самое печальное, на что обращают эксперты внимание, – что «воспитание интеллигентности», «формирование научного мировоззрения», «использование значимых ценностей в качестве ориентиров личной и социальной деятельности» не востребованы студентами, и само социально-гуманитарное образование не способно удовлетворить такой спрос [1. С. 118].

Модель социально-гуманитарного образования, при всей необходимости и положительных качествах, стала малоэффективной. В стране ведутся поиски изменения характера социально-гуманитарного образования. Например, профессор А. В. Миронов считает, что современное образование предполагает, прежде всего, открытость будущему, а его дальнейшее развитие связано с преодолением закрытости и приданием процессу обучения открытого творческого характера. Новосибирские ученые предлагают целостную систему образования без дифференцирования на естественно-научное и социально-гуманитарное. Третья группа исследователей предлагают спиралеобразное построение изучаемого материала,

возвращаясь неоднократно к пройденному. Считается, что такое обучение расширяет общеобразовательную базу, значительно сокращает учебное время, укрепляет связи между предыдущим опытом и новым познанием. Другие исследователи обращают внимание на новое направление развития методов социогуманитарного знания. Монизм в сфере общественной теории не оправдал себя на практике, сегодня в социально-гуманитарных науках существует множественность парадигм. «Парадигмы социогуманитарного познания в целом формируют как бы книгу Бытия с бесконечным числом страниц, где даются научные объяснения разнородным свершившимся и будущим сюжетам совместной жизни множества людей» [2. С. 189]. Профессор Ф. И. Минюшев пишет, что в пору возврата России к капиталистическому ведению хозяйства и становления класса собственников «работает» марксистская парадигма. Объяснение событий в духовной жизни можем найти у М. Вебера, исторической эволюции культуры – у П. Сорокина, соотношение жизненного и системного миров людей достаточно точно изложено у Ю. Хабермаса.

Множественность парадигм позволяет рассматривать единую реальность с различных позиций. Актуализируется вопрос о принципе интеграции истин, добытых в процессе применения разных парадигм познания. Интегрирование социогуманитарных парадигм ныне возможно обеспечить за счет сознательного их объединения вокруг проблемы жизни человека в современном мире. И не только познания, но и мировидения, мироощущения, мировоззрения [См.: 2. С. 187].

Другая группа исследователей предлагает организационные меры, считая, что недостаточен объем преподаваемых социально-гуманитарных дисциплин. Предлагается наполнить учебно-воспитательный процесс прикладными дисциплинами, такими как этика делового общения, психология управления, социальный менеджмент и т. д. Думается, таких подходов со временем станет еще больше. Начинает превалировать мнение, что совершенствование социально-гуманитарной подготовки должно идти не столько по пути его расширения, сколько в направлении его модернизации и диверсификации. В деятельности студентов появляются новые стимулы, не связанные жестко с обучением, но напрямую определяющие успешность социализации. Одним из механизмов социализации молодежи становятся интегративные международные программы, направленные на расширение сотрудничества европейских государств, формирование новых информационных потоков и механизмов принятия совместных решений по наиболее важным вопросам организации системы высшего образования.

Литература

1. Константиновский Д. Л. и др. Социально-гуманитарное образование: ориентации, практики, ресурсы совершенствования. М.: ЦСП, 2006. 264 с.
2. Минюшев Ф. И. Парадигмы развития гуманитарного знания в условиях виртуализации общества. Личность. Культура. Общество. М., 2001. Т. 3. Вып. 3.
3. Миронов А. В. Социально-гуманитарное образование в России. М.: РИЦ «Альфа» МГОПУ, 2001. 331 с.

Н. Б. Титова*

К вопросу о кадровых проблемах в российском общем образовании

В условиях глобализации роль качественного общего образования становится особенно значимой, поскольку оно является источником важнейшего ресурса развития – будущих творческих, высококвалифицированных кадров. От способности к модернизации образования зависит конкурентоспособность общества. Но реформы в этой сфере невозможны, если не изменится позиция людей, от которых зависит их проведение. Поэтому во многих странах ставятся вопросы, связанные с повышением профессионализма педагогических кадров. Однако в случае с российским вариантом модернизации среднего общего образования (а реформы идут с 2001 года) заявления чиновников от образования носят не более чем декларативный характер.

Изучение проблемы показывает, что социальный статус педагогического работника практически не меняется. Положение можно было бы изменить путем обеспечения уровня доходов, сопоставимого если не с западными коллегами, то с работниками отечественной производственной сферы. Сами педагоги большие надежды возлагали на поддержанное многими законодательными собраниями регионов требование приравнять их по статусу к государственным служащим. Однако это требование не нашло отражения в законодательстве, а положение работников системы образования может оказаться весьма серьезным фактором торможения реформ в этой сфере [См.: 3].

Позитивных изменений можно было бы добиться через создание достойного уровня доходов учительства, совершенствование подготовки педагогов, обеспечение их доступа к новейшим средствам связи и методической литературе, возможности повышать квалификацию, создание надлежащей культурной и экономической среды в школе.

В 2010 году нами было проведено исследование методом экспертного интервью с учителями средних школ г. Екатеринбурга, опрашивались эксперты со стажем работы от 20 до 40 лет. Среди

* *Наталья Борисовна Титова* – канд. пед. наук, доцент кафедры социологии РГППУ (г. Екатеринбург).

них два представителя школьной администрации – директор и завуч начальной школы. Эксперты – преподаватели гуманитарных дисциплин: истории, обществознания, русского языка и литературы; один учитель начальных классов, образование у всех высшее.

Все опрошенные отметили, что педагогических кадров в школе катастрофически не хватает, молодежь не идет работать в школу, не удовлетворенная низкой оплатой труда, ощущая свою социальную незащищенность. Ситуацию не спасают даже социальные льготы (20 тысяч подъемных, присвоение первой категории сразу после окончания университета без предварительной аттестации). Как следствие – старение преподавательского состава, средний возраст которого не менее 45–50 лет. В перспективе – разрыв преемственности поколений в сфере образования. Существуют проблемы и с прохождением курсов по повышению квалификации. Поскольку бесплатных курсов сейчас практически нет, то повышение квалификации учителей оплачивается школой. Эксперты из гимназии отметили, что материальные возможности оплаты таких курсов у их учебного заведения есть, однако учителя настолько перегружены, что у них нет ни времени, ни сил для их прохождения. У обычных же средних школ нет материальной возможности оплачивать курсы.

Показателем качества жизни является наличие свободного времени, возможность качественного отдыха. Эксперты отметили, что в настоящее время на работу, связанную с профессией, в школе и вне ее в будний день у педагога уходит в среднем от 7–8 до 9–10 часов.

Что касается материального положения учительства, то оно несколько раз менялось с 2001 года: от повышения заработной платы до весьма противоречивой ситуации с оплатой в настоящее время. Введение подушевой системы оплаты труда приводит к сокращению количества часов и увеличению численности учащихся в классах. В тех школах, где количество учащихся в классах от 25 человек и больше, ситуация с оплатой не изменилась. Там, где меньше 25 учащихся, учителя стали получать меньше, поскольку в новой системе оплаты финансирование зависит от количества учащихся. Эксперты указывают на несправедливость такой системы оплаты, поскольку учитель при подготовке к уроку тратит время вне зависимости от того, сколько учеников в классе. При этом необходимо учитывать, что с января 2009 года были ликвидированы все дополнительные бюджетные ставки (кружки, факультативы, дополнительные занятия, группы продленного дня), что не могло не отразиться на материальном положении учителей [См.: 4].

Как считают специалисты ЦК Общероссийского профсоюза образования, в трети регионов России заработная плата учителя в

условиях демографического спада неоправданно поставлена в зависимость от количества учеников в классе, хотя от учителя ни демографическая ситуация, ни комплектование этих классов никоим образом не зависят. В некоторых субъектах Федерации оплата труда учителей ранжируется в зависимости от преподаваемого предмета. Различается зарплата и по регионам. Сегодня серьезно поставлен на повестку дня вопрос о стимулировании работы учителя, но нет четких общих критериев оценки его труда. Педагоги отмечают, что при новой системе оплаты труда усиливается зависимость педагогов от администрации школы.

С момента разграничения федеральных и региональных полномочий, с 2005 года, субъекты Российской Федерации были вынуждены само-стоятельно совершенствовать механизмы финансового обеспечения системы образования с применением нормативно-подушевого финансирования, эффективность которого была резко повышена в связи с введением новой системы оплаты труда. Тем не менее, в соответствии с тем экспериментом, который в 2009 году завершился в 31 субъекте РФ, региональная образовательная практика вошла в противоречие с трудовым законодательством. Успешное решение вопроса об установлении единой стоимости педагогической услуги сдерживается отсутствием утвержденного государственного образовательного стандарта в области общего образования. Базисный учебный план, на котором основано нормативное регулирование во всех субъектах, включает исключительно аудиторную занятость [См.: 2].

В Федеральной целевой программе на 2006–2010 гг. предусматривалось к 2010 г. выделить для расходов на образование 6 % от ВВП страны. В действительности расходы консолидированного бюджета на образование не превысили 3,5 % (так же как в 2004 году, и это в условиях растущей инфляции). Статистика показывает, что заработная плата в образовании немногим более 60 % средней в экономике и значительно ниже, чем в промышленности. Зарплата женщин-учителей (а их большинство в образовании) составляет $\frac{2}{3}$ от оплаты женщин в экономике, у мужчин-педагогов она в два раза меньше средней по стране.

Эти данные подтверждаются оценками экспертов ООН о заниженности зарплаты российских педагогов: более чем в 8 раз по сравнению с зарплатой учителей в странах Восточной Европы (Чехия, Венгрия), более чем в 15 раз, – в Тунисе, в 20 раз по сравнению с США, более чем в 30 раз, – в Южной Корее и Великобритании [См.: 1].

Подводя итог, отметим, что кадровая ситуация в современном общем образовании может оказаться весьма серьезным фактором,

тормозящим любые попытки реформ в этой сфере, способствуя дальнейшей деформации институтов науки и производства.

Литература

1. Зиятдинова Ф. Г. Социальное положение учителей: ожидания и реалии // Социол. исслед. 2010. № 10. С. 102–106.
2. Молодцова В. Не станет ли учитель беднее? [Электронный ресурс]. URL: <http://uchitel-gazeta.livejournal.com/1378.html>
3. Смолин О. Н., Горькая О. Е. Российская концепция модернизации образования в контексте европейского опыта / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. URL: http://www.smolin.ru/read/articles_edu/pdf/Smolin-Gorkavaya.
4. Титова Н. Б. Предварительные итоги реформы школьного образования: взгляд школьных учителей // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. 2010. № 3(71). С. 15–23.

В. В. Фурсова*

Социальное неравенство в российской системе образования и пути его преодоления

В современном российском обществе особенно остро стоит проблема социальной поляризации. Неудавшиеся экономические реформы 1990-х годов привели страну к ситуации не только экономического кризиса, но и резкого падения уровня жизни населения. За последние 30 лет в стране наблюдается постепенное падение качества жизни. Институт образования в российском обществе стал каналом социальной стратификации, разделяющим общество на богатых – состоятельных и огромное количество «новых бедных», не способных соответствовать изменившимся экономическим условиям. От ранее сравнительно демократической системы образования, доступной представителям многих социальных слоев населения, осуществляется переход к селективной, элитарной образовательной системе, закрытой для абсолютного большинства выходцев из низших слоев общества. Система образования стала в российском обществе одним из основных индикаторов социальной дифференциации. Придание ей разнообразных форм в виде различных типов учебных заведений на практике вылилось в механизм социальной селекции с помощью образования. Общество утратило относительно демократическую и доступную для всех социальных групп образовательную систему.

Возможность получения качественного высшего образования каждым членом российского общества является лишь теоретической, не подтверждающейся в реальности. К вершинам образовательной пирамиды, а значит, и социальной, допускаются лишь те, кто может заплатить за развитие своих способностей. В советском обществе социальный состав обучавшихся студентов постоянно контролировался государством. Как показывают исследования, в СССР, несмотря на официальную идеологию, существовала система неравенства при поступлении в вузы, основанная на классовых и политических принципах. Приоритет всегда существовал для представителей рабочего класса, крестьянства, партийных,

* *Валентина Владимировна Фурсова* – канд. социол. наук, доцент Казанского федерального ун-та (г. Казань).

атеистов, членов ВЛКСМ. Рабфаки, например, играли противоречивую роль. С одной стороны, они служили своеобразным инструментом социального равенства для рабочих и крестьян, которые по ряду причин не получили в свое время среднее образование. С другой стороны, с помощью рабфаков контролировался социальный состав советской научной элиты интеллигенции, пополнявшейся в основном из числа рабочих и крестьян. В то же время талантливые представители интеллигенции имели гораздо меньше шансов для поступления, так как вся советская система была построена на классовых принципах поступления в вузы [См.: 1]. Исследования 1960–1990-х годов демонстрируют, что при приеме в вуз большими преимуществами обладали выпускники средних школ, нежели других средних учебных заведений, жители столицы, нежели провинциалы, и выходцы из высокостатусных групп, нежели представители социально обделенных групп населения. Именно эти три критерия – тип среднего учебного заведения, в котором было получено среднее образование, социальное происхождение молодежи и уровень урбанизации поселения, где реализуется выбор, являются основой анализа шансов доступа в вуз разных групп молодежи [См.: 2].

В современной России наблюдается процесс еще большего углубления социального неравенства в системе образования. Это связано с социальным расслоением, низким уровнем жизни большей части населения, маргинализацией общества. Социальное неравенство проявляется в отсутствии возможности для большинства молодых людей в приобретении качественного профессионального образования, и, следовательно, оно становится основой для формирования новых экономических классов. Очевидно, что высокий уровень образования населения способствует повышению экономического потенциала всего общества и, соответственно, благосостояния людей. Но на практике неравный доступ к образованию подрывает экономику. С одной стороны, статистика показывает, что за последние десять лет численность студентов в России постоянно растет, что свидетельствует о якобы существующей доступности высшего образования. С другой стороны, этот прирост во многом является результатом инвестиций в образовательную сферу не столько государства, сколько самого населения, возрастает численность студентов, обучающихся на платной основе.

Развитие коммерческого образования, его жизнеспособность во многом определяются растущим уровнем доходов отдельных групп населения, которое происходит на общем фоне снижающегося материального достатка большинства граждан России. Очевидно, что такое образование повышает его доступность для обеспеченных, но снижает ее для бедных. Согласно исследованиям, поступ-

ление в вузы осуществляется по каналам неформальной поддержки тех абитуриентов, родители которых располагают социальными связями. Социальный капитал родителей включает в себя: капитал родственных связей, капитал корпоративных связей и капитал статусных связей. Становится понятно, насколько коррумпирована система образования и чьи дети могут поступать в наиболее престижные вузы. Стратегия Министерства образования и науки РФ на усиление коммерциализации всего российского образовательного пространства, очевидно, рассчитана на обеспечение качественного образования лишь той части общества, которая способна платить. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что 51,1 % опрошенных при поступлении в вузы используют деньги, связи и дополнительную подготовку, а 10 % – только деньги [См.: 3]. По результатам исследования вузов и школ г. Казани в 2010 г. ЕГЭ не сглаживает проблему социального неравенства, а, наоборот, ее усугубляет, так как родители абитуриентов в настоящее время покупают результаты ЕГЭ, и их дети с высокими баллами уже занимают места во многих вузах. Также исследование показало, что школа плохо готовит к ЕГЭ – на это указали 39 % респондентов. Анализ интервью учителей средних школ подтвердил, что они не хотят и не могут подготовить учеников к ЕГЭ, так как зарплата низкая, нет соответствующих пособий, сами тесты противоречивы, учебники устарели и т. д. Многие родители вынуждены нанимать своим детям репетиторов, что также сказывается на семейном бюджете, и позволить это себе могут, как правило, семьи со средним и высоким достатком – на это указали 42 % респондентов. Понятно, что могут платить за поступление своих детей наиболее богатые слои населения, а для большинства бедных слоев доступ к образованию оказывается закрытым. Это, несомненно, негативно влияет на экономику. Страна теряет потенциальных талантливых изобретателей, деятелей искусства и науки, снижается их конкурентоспособность на мировой арене. Снижение ассигнований на образование и науку приводит к утрате потенциальных талантов, не имевших возможность получить образование высокого уровня, а также «утечке мозгов» из страны.

В настоящее время, в условиях стабильного развития, на развитие образования по-прежнему отпускаются небольшие финансовые средства. Практически не учитываются ожидания учителей и преподавателей в отношении повышения престижа профессии и оплаты труда. Планируемый в бюджете 2011 г. рост оплаты труда работников системы образования и сферы науки не способен покрыть, так же как это было и ранее, издержки инфляции и не окажет никакого влияния на социальное положение, статус, качество жизни этого самого многочисленного отряда социально-гумани-

тарной интеллигенции. (Средняя заработная плата учителей и преподавателей вузов составляет 300–400 евро в месяц.)

В целом в системе образования на современном этапе преобладают следующие тенденции. Процесс коммерциализации происходит на всех уровнях образования, начиная со средней школы, при переходе из школы в вуз, в самом вузе и т. д. российское правительство планирует ввести новый закон о платности высших уровней среднего образования. Это приведет к еще большей социальной селекции в образовании и к еще большей недоступности высшего образования в России, так как уровень жизни в настоящее время у большинства российских граждан очень низкий (средняя зарплата составляет не более 10 тыс. рублей – 300 евро в месяц, несмотря на официальные данные). Понятно, что платить за образовательные услуги на уровне школы смогут только обеспеченные семьи, а представители основного, базового, бедного слоя этого себе позволить не смогут.

Очевиден процесс регионализации учебных заведений, связанный с появлением региональных центров, самовоспроизводством региональной элиты, приводящим к региональному неравенству. Развитие широкой сети платных образовательных услуг не может не иметь последствий социального характера. Система образования в современном российском обществе, вследствие ее коммерциализации, приобретает все более закрытый характер. Приоритетом при поступлении пользуются абитуриенты, относящиеся к более адаптированным к экономическим реалиям нашего общества социальным слоям. Социального неравенства в сфере образования полностью избежать невозможно, но его можно уменьшить с помощью соответствующих мер, которые будут способствовать повышению доступности высшего образования. Реализация этих мер предполагает целый ряд шагов, включающих:

- разработку и внедрение стандартов образования для всех уровней, начиная с дошкольного и заканчивая послевузовским образованием;
- укрепление материальной базы учебных заведений, совершенствование учебных программ и учебных планов;
- регулирование государственного бюджета с учетом интересов всех групп населения, и в частности финансирование образования не по остаточному принципу, а в соответствии с мировыми стандартами;
- стимулирование труда педагогических и управленческих работников образования с помощью постоянной финансовой поддержки, в частности, повышения зарплаты, премирования и т. д., что может в конечном итоге привести к уменьшению нелегальных сборов с абитуриентов и учащихся;

- повышение качества образования на уровне средней школы, преодоление противоречия «школа–вуз»;
- повышение престижа преподавательского труда с помощью соответствующей идеологии, СМИ;
- создание в рамках средней образовательной школы системы профориентации учащихся с целью более успешного выбора будущей профессии, с приоритетом тем профессиям, которые востребованы современной экономикой (прежде всего, инженерным и рабочим специальностям, а не юридическим и т. д.);
- совершенствование системы ЕГЭ или отмена ее как не оправдавшей себя на практике;
- учет потребностей учащихся, предоставление им качественного образования и обеспечение трудоустройства.

Литература

1. Фурсова В. В., Ханнанова Д. Х. Социальное неравенство в системе образования: отечественные и зарубежные теории и исследования. Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та, 2007. 225 с.
2. Чередниченко Г. А. Молодежь России: социальные ориентации и жизненные пути (Опыт социологического исследования). СПб., 2004. 409 с.
3. Доступность высшего образования в России / Отв. ред. С. В. Шишкин. М., 2004. 500 с.

Структурная модернизации системы отечественного высшего профессионального образования: сущность и основные направления

Трудно не согласиться с тем, что функционирование высшего профессионального образования в РФ, его качество затрагивает интересы спектра социальных агентов и акторов – работодателей, студентов, педагогических коллективов вузов, органов власти всех уровней. Отсутствие взаимодействия между ними, проявляющееся в несогласованности целей и действий, преобладании собственного интереса (имеющегося у каждого агента и актора) над согласованным интересом, в конечном итоге приводит к «недостижению» высшим образованием тех целей и задач, которые на него возлагаются всеми участниками и, прежде всего, государством. Задача по преодолению данного несоответствия и должна решить структурная модернизация системы высшего профессионального образования (далее система ВПО) в России, продолжающаяся уже более 20 лет.

Прежде чем раскрыть значение понятия «структурная модернизация системы ВПО», необходимо сформулировать два важных вывода, которые следуют из анализа истории развития теорий модернизации общества (М. Валлерстайн, П. Винер, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Теннис, Ч. Кули, Г. Зиммель, М. Вебер и др.), а именно:

1. Модернизация в системе ВПО является необходимым структурным элементом модернизации социальной системы.

2. Значимость структурной модернизации системы ВПО имеет тенденцию к возрастанию в исторической логике модернизации.

В осмыслении теорий российской модернизации и современных теорий (П. Штомпк, И. Прижиленская, А. Вишневский, Н. Ф. Наумова и др), анализирующих механизм модернизации через принцип единства системы, структуры и действий агентов модерниза-

* *Наталья Анатольевна Черных* – аспирант кафедры теории и социологии управления УрАГС, начальник отдела профессионального самоопределения студентов Нижнетагильского технологического ин-та (филиал) УрФУ им. Б. Н. Ельцина (г. Н. Тагил).

ции, мы пришли к следующему авторскому пониманию *структурной модернизации российской системы ВПО*. Это:

- процесс осовременивания структуры системы ВПО, реализуемый во взаимодействии ее институционально вовлеченных агентов в целях достижения способности системы к подготовке специалистов (профессионалов), компетенции которых соответствуют актуальным требованиям модернизации национальной экономики и достижению ее конкурентоспособности в глобальной системе хозяйства;

- процесс достижения способности российской системы ВПО к саморазвитию, обеспечивающему опережение сложившихся в национальной экономике структурных и качественных потребностей в специалистах.

Определяя структурную модернизацию российской системы ВПО с точки зрения вовлеченных в нее агентов и акторов: государства, субъекта РФ, населения, вузов и бизнеса, автор предлагает понимать под субъектом того, кто определяет цель модернизации, под агентом – того, кто конструирует возможности достижения цели, институционально обеспечивая ее реализацию, под актором – того, кто осуществляет превращение возможности в действительность посредством действия. При этом государство в качестве субъекта указывает цель модернизации, в качестве агента определяет границы модернизации как возможности, сложившейся в социальной системе на настоящем этапе ее развития, регулирует взаимодействие других социальных акторов в реализации данной возможности. Единство двух ролей государства – субъекта и социального агента – реализуется в государственной политике РФ по структурной модернизации системы ВПО, которая осуществлялась последовательно с 1990-х годов и по настоящее время в трех направлениях.

Первым мы представим направление, в котором наиболее четко обозначился переход от социалистической модели к постсоциалистической или современной. Речь пойдет о выборе модели функционирования системы ВПО (патерналистской, либеральной и ультралиберальной), в наибольшей мере соответствующей типу социетальной системы, сложившейся в России в результате перестройки и основанной на принципах рыночной экономики. Необходимость соответствия очевидна: высшее образование представляет собой подсистему, эффективность которой возможна тогда, когда ее устройство отвечает общим системным принципам. В сложившихся условиях выбор носит в известной мере условный характер.

В оценке эффективности каждой из моделей российские теории и практики модернизации системы высшего образования

изучили мировой опыт, исторический опыт России и современные условия, складывающиеся в социетальной трансформирующейся системе. Результатом анализа теории и практики стало постепенное внедрение либеральной модели, основанной на разделении ответственности агентов системы профессионального образования, началом которому положила норма Закона «Об образовании в РФ» о «дополнительной образовательной услуге». Отметим, что переход от патерналистской (социалистической) модели к либеральной осуществлялся в системе социетальных преобразований. Цель перехода состояла в увеличении доли ответственности и бизнеса, и каждого из учащихся в повышении качества системы ВПО в новой России. Финансовая ответственность должна была способствовать не только снижению бюджетной нагрузки, но и прямой заинтересованности потребителя в качестве получаемой за свой вклад продукции. Данная цель в полной мере соответствовала модернизации, так как повышение качества образования и эффективности функционирования всей системы могло обеспечить конкурентоспособность российской экономики на этапе глобализации.

Второе из значимых направлений структурной модернизации связано с переструктурированием системы подготовки специалистов – переходом на двухуровневую подготовку кадров, когда пятилетнюю систему подготовки сменяют два уровня: бакалавриат и магистратура. Этот переход, осуществляемый в течение последних 10 лет, был подготовлен и разработан в соответствии с общей концепцией модернизации. Низший уровень – бакалавры – получают подготовку в соответствии с текущими требованиями рынка труда, высший уровень подготовки – магистры – должен удовлетворять его перспективные запросы, тем самым обеспечивая конкурентоспособность национальной экономики. В осуществляемом переходе достигается, на наш взгляд, еще одна цель – интеграция российской системы высшего образования в мировую образовательную систему, что значительно расширяет возможности российских специалистов конкурировать на глобальном рынке труда. Таким образом, описываемое направление модернизации отвечает интересам всех агентов системы ВПО.

Третье направление модернизации системы ВПО мы связываем с активно проводимой в последние два года диверсификацией вузов.

Конструктивной представляется связь данного направления со вторым из описанных нами. Исходной посылкой диверсификации является признание неравного развития российских вузов. Различия вызваны многими факторами. Их анализ требует специального исследования. Сам же факт их существования фиксируется статистическими и рейтинговыми показателями. Однако диверсификация,

на наш взгляд, исходит и из другой, более конструктивной установки: различия должны быть признаны, но они должны быть взяты за основу диверсификации по критерию функциональной специфики вузов. Большинство вузов сохранит традиционность, сосредоточивая усилия на повышении качества образовательной подготовки, что и выступит критерием их развития. Между тем из состава вузов уже выделяются так называемые «Инновационные», чьей функцией становится качественное опережение текущих образовательных потребностей и апробация инноваций с целью возможности их дальнейшего распространения в системе, коррекции или отказа от них в силу недостаточной эффективности. И наконец, третий тип – так называемые «Федеральные университеты». Они становятся центрами интеграции науки, культуры, экономики и образования и обладают для этого адекватной кадровой, организационной и материально-технической базой. В единстве три типа вузов как раз и должны обеспечить реализацию концепции модернизации в подготовке специалистов.

На сегодняшний день Министерство образования и науки РФ предложило адекватную тактику, пытаясь ранжировать все вузы России по соответствующим статусам. Это, на наш взгляд, эффективный курс, который в дальнейшем будет способствовать выводу отечественной высшей школы на принципиально новый уровень развития. В конечном итоге вузов, финансируемых из федерального бюджета, должно остаться существенно меньше, а объем их финансирования должен возрасти в несколько раз. Причем, чем выше статус вуза, тем выше должен быть уровень его финансирования. Стремление повысить статус учебного заведения, возможно, в будущем будет служить мощным стимулом к его постоянному развитию, к наиболее активному привлечению работодателей – руководителей предприятий и представителей бизнеса – к участию в процессе подготовки специалистов. Партнерство с ними, возможно, повлияет на успешность и эффективность процесса модернизации образования в РФ. Справедливость нашей гипотезы может быть верифицирована лишь в практике функционирования создающейся структуры вузов.

Мы сочли возможным рассмотреть трех ведущих направлений структурной модернизации системы ВПО, так как склоняемся к убеждению о том, что все виды деятельности по структурной модернизации системы ВПО обеспечивают успешность осуществления выделенных нами направлений.

Роль информационной культуры в системе непрерывного профессионального образования

Актуальность развития профессионального образования сегодня определяется глубокими требованиями рынка труда к качеству труда, профессионализму специалиста, его социально-культурному статусу. Повышение качества профессионального образования в современных условиях возможно только на основе активизации инновационных процессов, обеспечения интеграции образовательной, научной и практической деятельности. Это снимет проблему замкнутости системы образования, откроет ее внешним воздействиям, приведет к постоянному обновлению содержанию образования и технологий обучения. Сегодня профессиональное образование не ограничивается рамками традиционных образовательных институтов. Постановка вопроса о непрерывном образовании требует практического воплощения идеи «образования через всю жизнь», т. е. предоставления каждому члену общества институциональной возможности формировать индивидуальную образовательную траекторию и получать ту профессиональную подготовку, которая требуется ему для дальнейшего профессионального, карьерного и личного роста.

Поставленные задачи будут во многом решены, если за период обучения в учебном заведении профессионального образования студент овладеет профессиональной компетентностью, под которой понимается интегральная характеристика личности специалиста, отражающая не только степень овладения знаниями, умениями и навыками в профессиональной деятельности, но и личностные качества, отражающие умение человека жить и эффективно действовать в обществе¹.

* *Лариса Николаевна Шмигирилова* – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Национального исследовательского ун-та «Белгородский государственный ун-т» (г. Белгород).

¹ См.: Ерахтина Т. А., Суколенов И. В. Формирование и развитие компетентности у специалиста в системе непрерывного профессионального образования. М., 2005. С. 7.

Целью и результатом не только общего, но в существенной степени и профессионального образования является формирование ключевых компетенций². По мнению И. Д. Чечеля, конкурентоспособность личности на рынке труда определяется базовыми умениями и навыками³.

На сегодня на вопрос о том, какие именно компетенции следует рассматривать как ключевые, каков их перечень, пока сложно дать однозначный ответ.

В контексте настоящей статьи наиболее интересной представляется компетенция, связанная с обществом информации, или информационная компетенция. Информационная компетентность означает способность выпускника учебного заведения интерпретировать, систематизировать, критически оценивать и анализировать полученную информацию с позиции решаемой им задачи, делать аргументированные выводы, использовать полученную информацию при планировании и реализации своей деятельности в той или иной ситуации, структурировать имеющуюся информацию, представлять ее в различных формах и на различных носителях, адекватных запросам потребителя информации.

Компетентностный подход в подготовке специалистов на современном этапе, в частности в рамках информационной компетентности, дает основание говорить о необходимости формирования и развития информационной культуры студенческой молодежи. Будущему специалисту следует не только быть широко образованным, творчески мыслящим, способным к разностороннему, целостному видению и анализу сложных проблемных ситуаций, но и формировать в себе культуру выбора информации.

На наш взгляд, формирование профессиональных и личностных качеств личности студента возможно при условии наличия у будущего специалиста информационной культуры. Информационная культура представляет собой способ информационного поведения, который проявляется в саморегуляции и самоанализе собственного информационного поля и информационного поведения, умений и навыков осуществления информационных операций, оперирования социальной информацией с целью построения комфортных и эффективных взаимоотношений с окружающей информационной средой.

² Ключевые компетенции – универсальные компетенции, применимые в различных типах ситуаций и необходимые каждому члену современного общества (например, коммуникативная, информационная, технологическая).

³ Чечель И. Д. Педагогические основы профессионального самоопределения учащихся инновационных учебных заведений: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1996. С. 160.

Информационная культура молодого специалиста, как часть его общей культуры, является целостной характеристикой его личности. Информационная культура как личностное свойство должно характеризоваться наличием у индивида социально ценных мотивов, которые побуждают его обращаться не только к СМИ, но и к другим источникам информации – театрам, музеям, выставкам, экскурсиям. На основе формирования и развития информационной культуры становится целесообразным успешное разрешение противоречия между растущим объемом информации и ее некритическим выбором молодыми людьми. Для того чтобы пользоваться множеством вещей, человек должен быть *способен* к пользованию ими, т. е. он должен быть в высокой степени культурным человеком. Информационное поведение не является исключением. Как показывают результаты проведенного социологического исследования, экспертные оценки, уровень информационной культурой не высок, и они нередко становятся объектами манипулирования.

Формирование и развитие составляющих информационной культуры, в частности, информационной активности студенческой молодежи задает определенный вектор самому процессу развития информационной культуры студентов. Это сложный, неравномерный процесс. При формировании и развитии информационной культуры важно определить место и роль социальных агентов – лиц, групп или организаций, деятельность которых направлена на социальные изменения в информационно-коммуникативной среде студенческой аудитории. Ведущая функция социальных агентов заключается не только в стимулировании информационной активности, автономности и субъектности, но и в формировании и обеспечении максимально эффективного воздействия на студентов информационного пространства. К наиболее значимым, на наш взгляд, социальным агентам отнесены: вуз, профессорско-преподавательский состав, совет кураторов, студенческий старостат, вузовские СМИ, социальный педагог, библиотека.

Надо признать, что в процессе формирования и развития информационной культуры будущего специалиста важную роль играют саморефлексия, самоанализ, самооценка, самоконтроль и самокоррекция. Отдельная личность студента – это самоорганизующаяся и самоуправляемая социальная система, характеризующаяся автономностью и определенной степенью независимости. Исходя из этого, социальные агенты формирования и развития информационных предпочтений должны, прежде всего, увязать свою деятельность с особенностями развития личности студента, его возможностями саморегулирования в сфере информационного поведения.

Именно саморегуляция, или внутренняя регуляция, способна перестроить индивида, его сознание и поведение в информационной сфере, преобразовать его социальные и духовные качества. Саморегуляция личности – это деятельность, направленная на собственное развитие информационной культуры и совершенствование в соответствии с сознательно поставленными целями и сложившимися установками. Будучи самоуправляемой деятельностью, внутренняя регуляция может содержать в себе все ее основные структурные элементы: мотивацию, познание, ориентацию, целеполагание, планирование, принятие решений, организацию, оценку, учет. Таким образом, структура саморегуляции может быть представлена как определенное единство самопознания, самонаблюдения, самоанализа, самоопределения, самооценки, которое заключается в способности индивида *автономно* регулировать свое информационное поведение, требовательно и осознанно относиться к информации, поступающей по каналам СМИ, в умении самокритично анализировать результаты своей деятельности в информационно-коммуникативной сфере. Саморегуляция информационного поведения во многом зависит от специальной подготовки индивида к этой деятельности, от знаний, умений и навыков, психологической готовности.

Эффективная саморегуляция личности возможна при определенных условиях. 1) Оптимальная информационная обеспеченность всех ее функциональных стадий (принятие цели деятельности; построение модели значимых условий деятельности; составление программы собственно исполнительских действий; выбор системы критериев успешности деятельности; контроль и оценка реальных наличных результатов; принятие решения о коррекции системы саморегуляции⁴); 2) Наличии у студента соответствующих волевых качеств, т. е. способности и готовности к преодолению внутренних или внешних препятствий. Степень самоуправляемости во многом зависит от «пропорций» различных элементов самосознания в его целостной системе. Самосознание не есть сумма частных характеристик личности, оно представляет собой целостный образ, единую, хотя и не лишенную внутренних противоречий, установку по отношению к самому себе⁵. Эта установка включает познавательный рациональный элемент (представления о своих качествах и сущности), эмоционально-эффективный элемент (самолюбие и т. п.) и оценочно-волевой элемент (определенная самооценка и соответствующее отношение к собственной личности); 3) Наличии сильных

⁴ См.: Дятченко Л. Я. Социальные технологии в управлении общественными процессами. Белгород, 1993. С. 117.

⁵ См.: Кон И. С. Социология личности. М., 1967.

и непосредственных мотивов деятельности, потребности в ее ближайших результатах либо отчетливом эмоциональном удовлетворении от самого процесса информационной активности. Именно система сознательных побуждений определяет активность молодого человека и избирательность его поведения в информационной сфере.

Очевидно, что в современном вузе должна существовать эффективно действующая система мотивации студентов, направленная на формирование информационной культуры, стимулирование информационной активности, усиление информационной субъектности и автономности. Решение проблемы создания положительных мотиваций осуществляется по двум направлениям. Прежде всего, это создание объективных и субъективных предпосылок, условий, побуждающих студента формировать у себя необходимые качества в процессе саморегуляции. Под непосредственным влиянием ближайшего окружения личности, микросреды формируются система ценностных ориентаций, жизненная позиция, которая выражается в деятельности, общении, повседневном поведении и в конечном итоге в социальной позиции человека. Второе направление решения проблемы создания положительных мотиваций связано со сферой сознания личности. Важно формировать идеал определенного культурного типа, к которому следует стремиться молодому человеку. Такой образ идеальной личности должен пропагандироваться ближайшим социальным окружением студента – референтной группой (семьей, профессорско-преподавательским корпусом, студенческими и молодежными организациями), средствами литературы, искусства, массовой информации.

*Е. А. Шуклина**

Проблемы модернизации школьного образования: приоритетный национальный проект «Образование» в оценках учительского сообщества

Анализ опросов общественного мнения, реализованных в РФ в последние годы рядом исследовательских центров (ВЦИОМ, Левада-Центр, ФОМ), показал, что население негативно относится к национальному проекту «Образование» и результатам его реализации. Опросы педагогов допрофессионального и профессионального образования выявили, что педагогическое сообщество в массе своей не видит серьезных изменений, произошедших в образовательной сфере под влиянием приоритетного национального проекта «Образование» (ПНПО). В целом национальный проект «Образование» реализовывался в условиях недоверия и негативных социальных прогнозов со стороны населения РФ и педагогического сообщества.

Особенностью нашего исследования¹ являлось то, что отношение к нацпроекту «Образование» мы смогли увидеть изнутри,

* *Елена Анатольевна Шуклина* – д-р социол. наук, профессор, директор Центра социологических и маркетинговых исследований Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

¹ Центром социологических и маркетинговых исследований Гуманитарного университета г. Екатеринбурга (ЦСМИ) в 2010 г. был осуществлен анализ эффективности реализации национального проекта «Образование» в сфере школьного образования. Социологическое исследование было проведено в школах г. Екатеринбурга методом множественного кейс-стади. В качестве кейса выступала отдельная школа, являющаяся победителем конкурса и выигравшая грант. Всего было обследовано 14 школ г. Екатеринбурга. Для анализа проблемы был использован комплекс качественных и количественных методов сбора информации. Были изучены документальные материалы, касающиеся национального проекта «Образование» (конкурсные заявки, программы инновационного развития школы, отчеты о реализации проекта). Также были использованы опросные методы: проведены экспертные интервью с крупнейшими учеными – социологами, педагогами, представителями администрации педвузов, глубинные интервью с директорами школ и их заместителями, курирующими проект, проведены фокус-группы с учащимися и педагогами. Кроме того, был осуществлен анкетный опрос учителей, посвященный изучению их отношения к национальному проекту «Образование». Объем выборки 459 чел.

получив информацию от школ грантодержателей, выявив мнения непосредственных участников, внедряющих инновационные проекты в рамках ПНПО. Ставя проблему социальной эффективности реализации ПНПО в образовательных учреждениях города, мы рассматривали следующие его направления: 1) выявление и поддержка «точек роста» (поощрение лучших учителей, образовательных учреждений и целых регионов, внедряющих инновационные программы и проекты); 2) выравнивание условий получения образования (обеспечение доступа населения к качественному образованию); 3) внедрение новых управленческих механизмов в массовую практику (создание в школах попечительских советов и привлечение общественных организаций к управлению), призванных повысить прозрачность и восприимчивость системы образования к общественным запросам.

За основу критериев оценки эффективности инновационной деятельности отдельных образовательных учреждений были взяты цели заявленных школами инновационных проектов (программ развития), реализуемых в рамках ПНПО. Поскольку каждый такой проект индивидуален, то и критерии оценки эффективности специфичны и применимы к конкретному образовательному учреждению. Сразу надо отметить тот факт, что среди исследованных нами образовательных учреждений нет таких, которые не получили бы определенного социального эффекта от реализации своих инновационных проектов. Это становится очевидным при сопоставлении данных, полученных из разных источников: документов (развернутых заявок на участие в конкурсе, программ развития ОУ, отчетов о реализации инновационных проектов и программ развития и др.), развернутых интервью с администрацией, анкетного опроса учителей и фокус-групп с учащимися.

Все образовательные учреждения до получения гранта ПНПО имели мощный инновационный ресурс, складывающийся, как правило, из инновационных идей, их разработок и практик внедрения, материальных ресурсов, человеческого капитала. Грант стал подтверждением значимости и оценкой инновационной деятельности педагогов и образовательного учреждения в целом.

Нами были выявлены представления учителей о наиболее актуальных задачах ПНПО. Полученные данные показали, что педагоги рассматривают данный проект, в первую очередь, не как фактор инновационного развития, а как средство решения наиболее актуальных материальных проблем образовательной сферы, находящейся в условиях хронического недофинансирования, таких как повышение зарплаты всем категориям учителей – 64 %, укрепление материально-технической базы образовательного учреждения – 59 %. С этим во многом связана низкая оценка эффектив-

ности реализации нацпроекта, когда возникает непонимание того, как можно развивать инновации, не создавая материальных условий для их реализации. Данные представления наших респондентов совпадают с результатами общероссийских исследований, где выявлены те же самые тенденции. Указанные тенденции в большей степени характерны для общеобразовательных школ, в меньшей – для школ повышенного статуса. Эти данные могут служить также косвенным свидетельством того, что механизмы стимулирования инновационной деятельности либо еще не заработали, либо малоэффективны.

Анализируя мнения учителей о направлениях проекта, в которых были достигнуты реальные результаты, нужно отметить такие, как укрепление материально-технической базы образовательного учреждения, информатизация, поддержка дистанционного образования, поощрение образовательных учреждений, активно внедряющих инновационные программы, поощрение лучших учителей.

Факт участия ОУ в конкурсе на получение гранта ПНПО явился для большинства ОУ (педагогов и представителей администрации) стимулом для рефлексии над собственной деятельностью, позволил осознать свои достижения, обозначить перспективы дальнейшего развития. Именно поэтому для ряда школ программа инновационного развития стала фактором оптимизации управленческой деятельности и сплочения педагогического коллектива. К наиболее выраженным позитивным эффектам получения гранта ПНПО, по мнению учителей, администрации школ, а также учащихся, можно отнести изменение статуса образовательного учреждения в общественном мнении, повышение престижа школы.

По мнению всех участников исследования, грант ПНПО стал средством развития образовательного учреждения. Для учителей, реализующих инновационные проекты, оказался значимым факт признания их деятельности, оценка ее результатов. Важным достижением проекта является то, что он стал средством стимулирования инновационной деятельности в школе, мотивирующим учителей на достижение более высоких результатов в профессиональной деятельности. По мнению учителей, проект стимулирует мотивацию к повышению квалификации педагога (64 %), в той или иной степени создавая условия для непрерывного педагогического образования (52 %).

Вместе с тем анализ учительских мнений выявил ряд противоречий между задачами нацпроекта и его реализацией, а именно:

- учителя считают, что проект поддерживает инновации (83 %), но и ограничивает инициативу сверху, как любая реформа (25 %);
- проект в той или иной мере материально обеспечивает инновационный процесс (51 %), но в то же время является ситуативной

разовой поддержкой, не имеющей системного, планомерного характера (50 %);

- проект не решает наиболее острых проблем образования (51 %), не ориентирован на стратегическое развитие, скорее «латает дыры» хронического недофинансирования образования (54 %);

- проект, позволяя развиваться наиболее передовым образовательным учреждениям (71 %), способен усугубить неравенство в образовании (57 %).

Основная проблема, с которой сталкивается образовательное учреждение, реализующее проект, – отсутствие доверия со стороны органов управления образованием, контроль и чрезмерное количество отчетности – традиционный механизм авторитарной системы управления. Другая проблема, также управленческого характера, – это проблема грамотно организованной внешней коммуникации ОУ с органами управления, социальными партнерами, спонсорами, различными социальными группами, общественное мнение которых значимо для школы. Третья проблема заключается в недостаточности средств гранта для реализации инновационных проектов, имеющих долгосрочную основу, а также ограничения, препятствующие оптимальному использованию полученных материальных средств. Инновации не могут быть реализованы только усилиями учителей. Образовательное учреждение – это не субъект экономической деятельности, поэтому развитие инноваций должно иметь специальную долгосрочную программу, включающую управленческое сопровождение, базирующееся на доверии к ОУ и реальной помощи в воплощении инновационных начинаний.

По мнению учителей, инновационная деятельность, реализуемая в рамках проекта, нуждается в управленческом сопровождении, помощи и поддержке органов управления образованием (86 %). Данная помощь может быть сосредоточена на решении следующих проблем: 1) организации курсов повышения квалификации; 2) трансляции инновационного опыта, курировании, поддержке работы экспериментальных площадок; 3) создании общегородского банка данных о различных видах инновационной деятельности педагогов, позволяющего им работать в открытом пространстве взаимообмена опытом профессиональной деятельности; 4) оптимизации деятельности экспериментальных площадок; 5) системной подготовки и повышения уровня квалификации руководителей методических объединений; 6) помощи в организации взаимодействия школы с социальными партнерами и спонсорами; 7) целевого финансирования специальных инновационных проектов; 8) создания условий для развития здоровьесберегающего направления; 9) обеспечения условий для культурного развития ребенка; 10) развития системы дополнительного образования; 11) привле-

чения общественности к решению проблем организации внеурочной деятельности.

В ходе исследования экспертами был выделен ряд проблем реализации ПНПО. Это проблемы конкурсного отбора и выбора критериев этого отбора; неготовности системы образования к работе в режиме стимулирования инновационной активности; ситуативности, кратковременности самого нацпроекта, приводящих к ограничению перспектив инновационного развития; формальной реализации проекта без серьезного структурного изменения в системе образования и создания комплекса условий для инновационного развития передовых школ; жесткого формального контроля, отсутствия доверия и того уровня свободы, который необходим образовательному учреждению для реализации инновационной деятельности, чрезмерной отчетности; реализации проекта на всех ее этапах без участия общественности, отсутствия выраженных социальных эффектов от внедрения инноваций и общественного резонанса по поводу его социальных последствий; социального расхождения и усиления социального неравенства между образовательными учреждениями разного статуса и между педагогами как негативный социальный эффект, вызванный реализацией нацпроекта.

Одной из существенных проблем реализации проекта, выделенных учителями, является инертность учащихся и родителей. Ее причины во многом коренятся в особенностях модернизации образования в нашей стране. Реформирование образования реализуется в отсутствие реального продуктивного диалога между населением (потребителем образовательных услуг) и властью, осуществляющей управленческое воздействие. В силу этого складывается ситуация, когда реформирование образования полностью зависит от властных структур, а население как реальный потребитель образовательных услуг принимает в нем пассивное участие. Положение дел таково, что к образованию в России применяется насильственная стратегия «догоняющей модернизации» (насколько это оправдано – это отдельный и дискуссионный вопрос), и ситуация еще усугубляется серьезными авторитарными традициями, сложившимися в управлении этой сферой.

Все эти и другие проблемы не позволяют проекту стать стратегией развития образования. Учет позитивных и негативных моментов национального проекта «Образование» позволит улучшить механизмы реализации аналогичных проектов и принять правильные управленческие решения.

Раздел пятый

Языковое и культурное пространство постсоветской России

И. Н. Борисова*

Стратегия самопрезентации в коммуникативном поведении участников реального шоу

1 Постановка проблемы. За последние четверть века в России произошли значительные изменения в экономической и политической системах, социальной структуре, идеологических и культурных ориентирах, на наших глазах формируется новая система ценностей, и это не может не вызвать перемен в языковом существовании, картине мира и коммуникативном поведении российских граждан. Носителями новой системы ценностей стали юноши и девушки – те, кто воспитывался в постперестроечный период, те, чье сознание является зеркалом актуальных социокультурных процессов. Городская молодежная культура в силу социальной активности ее представителей наиболее оперативно реагирует на экономические, политические, идеологические, психологические изменения в жизни общества, в то же время она наиболее свободна от влияния советских идеологических стереотипов и реалий, а следовательно, в более чистом виде отражает произошедшие в обществе перемены.

Цель исследования – выявление мировоззренческих и поведенческих установок говорящего и его типичных речеповеденческих реакций в коммуникативном поведении современного молодого горожанина в потенциально конфликтной ситуации общения.

Объект исследования – коммуникативное поведение участников реалити-шоу, в котором типичные и частотные дискурсивные практики (коммуникативные стратегии и тактики) репрезентируют отражение в сознании молодых российских горожан реалий современной жизни и типичные поведенческие реакции на них.

Материал исследования – текстовые расшифровки видеозаписей программы «Дом-2», «Большой брат», «За стеклом» объемом 20 часов. Исследование медиапродуктов такого типа приобретает особую актуальность: дискурс игроков реалити-шоу не только является отражением дискурса молодых россиян, но и продуцирует

* *Ирина Николаевна Борисова* – д-р филол. наук, профессор, завкафедрой русского и иностранных языков Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

новые сценарии коммуникативного поведения, навязывая их телезрителям как образцовые.

Проект рассматриваемых шоу основан на противоречащей моральным установкам социума идее – игнорировании этического табу «подглядывать нельзя». Шоу-подглядывание – это телевизионная программа, в основе которой находится принцип экранного бытовизма, воспроизводимого при помощи статичной съемки повседневной жизни участников шоу.

Важный момент в концепции «реального» формата заключается в идее референции, коммуникативно и когнитивно связанной со стратегиями самоидентификации и самопрезентации. Так, Дмитрий Троицкий, генеральный продюсер телеканала ТНТ, публично заявил: «Молодежи необходимо с кем-то себя ассоциировать, на кого-то быть похожим, с кого-то брать пример» – этой цели, по мнению руководства канала, и служат «реальные шоу». В них моделируются такие ситуации, в которых телезрители (в основном это молодые люди) часто оказываются в жизни; при этом коммуникативные задачи игрокам шоу необходимо решать в режиме реального времени и без подготовки, именно поэтому их речевое поведение можно считать спонтанным. Реалити-дискурс отражает актуальные модели коммуникации, существующие в естественной молодежной среде. Более того, некоторые исследователи считают, что «реалити-шоу выступают в роли визуальных обучающих программ. Они создают искусственную среду, похожую на настоящую <...> и выполняют функцию обучения, посвящения частного человека в необходимые ему правила жизни в семье, обществе» [Нелюбина 2006. С. 230].

2. Социолингвистический статус участников шоу. Участники реальных шоу – холостые молодые люди и незамужние девушки в возрасте от 19 до 28 лет; при этом около 90% участников представляют возрастную группу 20–25 лет. Большая часть игроков не имеет законченного высшего образования и минимального трудового стажа. Организаторы объединяют в шоу представителей населенных пунктов России и стран СНГ (Казахстана, Эстонии, Украины, Дальнего Востока, Средней России, Севера и т. д.) различного масштаба. Все они являются носителями *современной городской молодежной субкультуры*.

Возрастной, социальный и профессиональный состав участников разнообразен, все вместе они представляют собой срез значительной части молодежной субкультуры в рамках «третьей культуры», промежуточного типа, соответствующего просторечию (Н. И. Толстой). По типологии В. Е. Гольдина и О. Б. Сиротининой речевую культуру игроков шоу можно охарактеризовать как фамильярно-разговорную с включениями элементов просторечной.

3. Мотивационно-целевая ориентация коммуникантов связана с правилами игры, предполагающими соперничество в борьбе за «благо» (приз), что отражает реальные условия социального существования молодого поколения. Однако и в этой ситуации возможен выбор модели коммуникативного взаимодействия – конфликтной или неконфликтной конкуренции. Практически все участники шоу выбирают модель взаимодействия «Выигрыш/Проигрыш». Она описана в теории менеджмента [Корнелиус, Фэйр 1992 и др.], ее смысл сводится к формуле: «Я выиграл – ты проиграл».

Специфика любого коммуникативного события в ситуации реалити-шоу определяется двойной адресованностью – коммуникативному партнеру и телезрителям («аудитории молчащих наблюдателей», определяющей, кто должен выиграть). Публичность общения и борьба за «голоса» телезрителей обостряют агональность коммуникативного взаимодействия, формируя конфликтную установку поведения его участников. Тип коммуникативного взаимодействия оказывается фактором мотивационного психического состояния субъектов общения и источником соответствующего поведения. Таким образом, дискурс реалити-шоу можно рассматривать как коммуникативное, социальное и психологическое отражение в сознании носителей городской молодежной культуры реалити современной жизни, содержащее вербально выраженную концепцию «Я».

4. Стратегия самопрезентации является одной из доминирующих стратегий коммуникативного поведения игроков. Поскольку цель игры достигается средствами коммуникативного, преимущественно речевого, поведения, в нем актуальна коммуникативная задача активно формировать свой образ с целью привлечения на свою сторону телезрителей. Эта задача решается речевыми (шире – коммуникативными) поступками, в которых реализуется стратегия самопрезентации, понимаемая как стратегия формирования собственного имиджа, воздействия на аудиторию через образ «Я». Она формируется речевыми поступками с характерными тактиками трансляции и каузации позитивной оценки собственной личности. Они позволяют судить о том, какие качества, приписываемые себе, говорящий считает положительными и заслуживающими социального одобрения, т.е. способными расположить телезрителей в его пользу.

Субтекст самопрезентации объединяется категорией я-темы (термин Т. В. Матвеевой), или эготемы. По объему он может представлять собой развернутые монологические реплики диалога или самооценки как точечные включения в реплики с иным тактическим заданием. Самооценка может быть выражена эксплицитно, с помощью оценочной лексики или как импликатура (логически выводимый из высказывания смысл).

Эксплицитно выраженная позитивная самооценка содержится в реплике Ники (Н.) из диалога с Рустамом (Р.) в шоу «Дом-2»:

Р.: *Я спросил про рокировку [обмен одного из участников на нового игрока в результате голосования всех участников. – И. Б.] // почему ты так уверена что не будет? Почему ты так в себе уверена?*

Н.: *Потому что здесь таких как я нет// я умная/ я красивая // рокировки не будет// нет// я уверена//*

В качестве импликатуры приведем фрагмент реплики Н. Ермаковой в шоу «Дом-2»:

Я ей такая <Хим/ я не понимаю/ тебе нужен Саша? Ты мне скажи/ реально>// я ее еще тогда спросила// <Надя/ ну ты ревнуешь на каждом слове/ скажи/ если бы мы с ним/ ну и что/> ну/ насчет этой стриптизерши [САША, НЕ СООБЩИВ НАДЕ, ЕЗДИЛ В СТРИПТИЗ-КЛУБ, ЧТО СТАЛО ПРИЧИНОЙ КРУПНОЙ ССОРЫ ЕРМАКОВОЙ И ГОБОЗОВА]/ <если бы я с ним там где-нибудь пососалась за углом/ ты бы приревновала?> [ДАШКО ОКРУГЛЯЕТ ГЛАЗА И С ВОЗМУЩЕНИЕМ КАЧАЕТ ГОЛОВОЙ] Я такая [С ВОЗМУЩЕНИЕМ] <Ни хрена себе/ у нас бы с ним вообще отношений не было>//

Из реплики выводится импликатура этической самооценки: «Я честная и воспитанная девушка с твердыми представлениями о нравственности».

Дискурс участников шоу предоставляет богатый материал для наблюдения над ситуативным варьированием тактик самопрезентации. Самопредставление широко распространено в речевой практике, и этот тип текста функционально закреплен в ситуации знакомства. Самопредставление, по канонам русской культуры, предполагает необходимость соблюдать «нужную меру скромности и смелости, оригинальности и корректности» [Аннушкин 2007. С. 15]. Но в условиях реалити-шоу ситуация самопредставления при знакомстве обретает двойственную интерпретацию.

Различную манеру самопрезентации демонстрирует речевое поведение участников реалити-шоу «Большой Брат». Самопредставление участников осуществлялось в двух вариантах: а) подготовленный заранее и смонтированный видеоролик; б) знакомство с другими участниками. При сопоставлении подготовленного видеовыступления с самопредставлением при непосредственном контакте наблюдается отчетливый сдвиг в выборе тактик самопрезентации: рассказ о своих достоинствах (в видеоролике) сменяется перечислением автобиографических данных (в условиях личного знакомства). Проиллюстрируем сказанное одним примером.

Дмитрий Задорожный

Видеоролик:

Меня зовут Дмитрий Задорожный// Больше всего в жизни люблю/ когда мне хорошо/ больше всего не люблю/ когда мне плохо// Я нормальный человек// Жил-жил/ не тужил/ путешествовал по великой матушке-России / занимался коммерческой деятельностью/ в общем/ жил счастливо и получал удовольствие//

Хочу быть царем! Куплю себе остров/ свой дом/ свой театр/ свое телевидение/ радио! В общем/ царь! Все у нас в руках/ а руки у нас длинные!

При знакомстве:

Итак/ чтобы упростить общение/ это Дмитрий/ Дима [Донсков]/ а я Дмитрий/ Митя. Задорожный// 3 незаконченных театральные института/ 2 года/ по радиостанциям// На данный момент/ коммерческий директор организации/ никому не известной/ только мне и моему компаньону// Ну в общем/ жизнь полна всяческих неожиданностей и удовольствий/ поэтому/ я думаю/ мы все еще раз познакомимся и будет интересно!

Одна и та же информация в разных ситуациях приобретает различную имиджевую интерпретацию. Образ путешествующего жуира и беззаботного гедониста, амбициозного бизнесмена, зарабатывающего на коммерции (*Жил-жил/ не тужил/ путешествовал по великой матушке-России/ занимался коммерческой деятельностью/ в общем/ жил счастливо и получал удовольствие!*), уверенного в собственных силах и способностях, с высоким уровнем притязаний (*Хочу быть царем! Куплю себе остров/ свой дом/ свой театр/ свое телевидение/ радио... В общем/ царь! Все у нас в руках/ а руки у нас длинные!*) сменяется образом «своего», «рубахи-парня» с помощью иронического пояснения, имплицитно содержащего предьявление социально одобряемых качеств скромности, искренности, бесхитростности и общительности. Такое впечатление создается официальной номинацией должности и тактикой самоумаления, понижения собственного социального и личностного статуса (*На данный момент/ коммерческий директор организации/ никому не известной/ только мне и моему компаньону*). Удачливость и уверенность в себе, разрабатываемые в ключе позитивной самооценки в видеоролике, при знакомстве с игроками сменяются позитивной оценкой «я такой же, как все, как вы», демонстрируя тактики понижения собственного статуса и создания общности.

Тактики игроков в ситуации непосредственного знакомства этикетны: самопредставление предполагает налаживание эмоци-

онально положительного контакта с речевыми партнерами. Важным является создание доброжелательной атмосферы, построение кооперативного общения, основанного на мы-позиции. Именно поэтому эготема в высказываниях говорящих, несмотря на ее необходимость в тексте-самопредставлении, оказывается редуцированной, свернутой практически до минимума, в речевом поведении игроков разрабатывается образ обычного, ничем не выделяющегося, «простого человека»: «своего в доску», «рубахи-парня» или «скромницы». Внимание к аудитории, стремление наладить положительный эмоциональный контакт подтверждают тактики понижения собственного статуса – самоирония и шутовское замечание, например: *фамилия Иванова/ легко выговариваемая* (Г. Иванова); *На скрипке не играю* (В. Ли); *коммерческий директор организации, никому не известной/ только мне и моему компаньону* (Д. Задорожный).

Обладающие большей коммуникативной компетентностью участники – например, бывший сотрудник радиостанции Дмитрий Задорожный – компенсируют гипертрофию позитивной самооценки, нежелательную в контексте русской культуры, общими сентенциями (в *общем/ жизнь полна всяческих неожиданностей и удовольствий*), предложением сокращения коммуникативной дистанции, тактиками создания мы-общности (*мы все еще раз познакомимся*) и позитивной констатации (*будет интересно*), которые контрастируют с тактиками демонстрации личного превосходства – их манифестируют самоуверенные заявления, заканчивающиеся подготовленными участниками заранее видеоролики, например: *Я играю в шоу/ можете не сомневаться!*

Речевая манера самопрезентации реализуется и в тактиках повышения статуса коммуникативного партнера, зеркально связанных с тактиками понижения собственной значимости; нормой общения при этом является баланс речевых усилий, предпринимаемых обеими сторонами в этих направлениях. Повышение статуса партнера поддерживают тактики, суть которых отражает понятие «самоуничижительной вежливости», которая является традиционной для русской культуры (Н. И. Формановская). Это объясняет специфику кооперативного репертуара стратегии самопрезентации: в основном его составляют тактики, связанные с негативной самооценкой.

Исследуемый нами материал подтверждает, что наиболее частотными в кооперативном речевом поведении представителей городской молодежной культуры являются тактики, связанные с идеей самоумаления, самокритики, самоиронии, подшучивания над собой. В качестве положительных составляющих имиджа эксплицитно или имплицитно предьявляются социально одобряемые ка-

чества: скромность, общительность, «простота», чувство юмора, внимание к собеседнику, заинтересованность в контакте, умение посмеяться над собой, соответствующие максимам кооперативного общения и принципу вежливости (Г. П. Грайс, Р. Лакофф и Дж. Лич), русскому этикету (Н. И. Формановская) и русскому риторическому идеалу (А. К. Михальская). Вполне естественно, что эти качества находятся в зоне внимания говорящего и слушающего в монологической самопрезентации.

Таким образом, можно констатировать, что национально-культурная стратегия самопрезентации освоена представителями молодежной городской культуры и достаточно успешно реализуется в текстах-самопредставлениях при личном знакомстве.

Подготовленные тексты-представления в видеороликах выглядят стилистически обработанными, содержат более пространное развитие эготемы, содержат этическую провокацию, поскольку оперируют неоднозначно или отрицательно оцениваемыми в русской коммуникативной культуре и этике амбивалентными качествами (например, амбициозность, уверенность в себе, стремление руководить, распорядиться, склонность манипулировать другими). Тактики самопрезентации в этих выступлениях носят вызывающий характер, подчиняются требованиям формата реалити-шоу и закону саморекламы, который предписывает: хочешь быть успешным – заяви о себе в полный голос, выделись среди окружающих, транслируя импликацию «Да, я такой! Я особенный! Смотрите и восхищайтесь, завидуйте и т. п.!». Участники шоу демонстрируют в роликах агрессивную форму самоподачи, которая в ценностном пространстве русской культуры не приветствуется, расценивается русской аудиторией как самолюбование, эгоцентризм, эпатаж общественного мнения. Активная, агрессивная манера самоподачи личности, гипертрофия эготемы, открытая положительная самооценка является для отечественной культуры нежелательными, поэтому в текстах видеороликов отчетливо прослеживается деформация национально-культурных ценностей (скромность), норм и правил кооперативного поведения (доброжелательность).

Таким образом, коммуникативная практика участников шоу обнаруживают весьма ограниченный класс тактик самопрезентации: позитивная самооценка, имплицитная самохарактеризация через поступки и переживания (реплика «она [мать говорящей. – И. Б.] не может понять/ что мое счастье зависит только от того, счастлива ли она» содержит импликацию «я любящая и заботливая дочь»), понижение собственной значимости / статуса: игра в «простого человека», самоирония, подшучивание над собой, цитирование чужой позитивной оценки в адрес говорящего (*Я уверена/ что те люди/ которые меня знают/ они уверены/ что я бы*

не начала принимать участие в игре/ просто бы не начала). Их употребление в гармоничном коммуникативном взаимодействии зависит от умеренности и такта говорящего, ситуативной уместности их употребления, коммуникативного баланса эготемы и позитивно-оценочной ксенотемы.

Под давлением заимствованной на Западе идеи реалити-проектов наблюдается деформация культурного сценария самопредставления в сторону саморекламы и эпатажа национально-культурной традиции, расцениваемого образованными носителями русской культуры как иностранный поведенческий акцент и вызывающего у них интуитивный внутренний протест, осуждение, эмоциональное отторжение.

5. Место выводов. Безусловно, приведенные примеры носят демонстрационный характер. Не хотелось бы на основе конкретного материала делать тревожные сверхобобщения. Останемся в рамках исследованной речевой культуры (разговорно-фамильярной с просторечными и жаргонными включениями) и феномена городской молодежной культуры, носителями которой являются российские горожане в возрасте 18–28 лет со средним специальным или неоконченным высшим образованием.

Склонность молодых горожан к разрешению потенциально конфликтной ситуации через пик развития конфликта, приводящий к негативному коммуникативному и психологическому результату, статистически подтверждается имеющимся материалом: из 118 записанных на видео без выборки коммуникативных эпизодов 74 характеризуются развитием по конфликтному сценарию, 44 не развивается через пик конфликта, но может содержать дисгармонизирующие стратегии и тактики (как застолье в приведенном примере), что составляет 62/38 %.

Можно предположить, что такая тенденция определяется не только форматом реалити-шоу, не только тенденцией отбора для показа конфликтных фрагментов как наиболее интересных для зрителя, не только низким уровнем коммуникативной компетентности участников шоу, не только кризисом языковой способности носителей русского языка (Ю. Н. Караулов), но и собственным выбором участников коммуникации, их речеповеденческими и культурными установками, продуктивными моделями взаимодействия, среди которых доминирующее место занимают фронтационные.

С учетом перечисленных факторов можно утверждать, что в целом количественное преобладание конфликтных коммуникативных эпизодов над кооперативными свидетельствуют об общей фронтационной модели отношения «Я» к миру и индивидуалистических деформациях национально-культурной концепции «Я», русского риторического идеала (А. К. Михальская) и концептосферы

русского языка. Поэтому сам факт доминирования коммуникативной дисгармонии в развлекательной передаче диагностичен.

Нельзя утверждать, что носители городской молодежной культуры не знакомы с системой русских культурных и духовных ценностей, однако степень и коммуникативная продуктивность этого знакомства можно охарактеризовать скорее как осведомленность, но не усвоенность: декларируемые духовные и культурные ценности не выдерживают проверки коммуникативной практикой. Как показывает исследуемый материал, двойной стандарт в построении отношений (мне можно – тебе нельзя), асимметричное распределение оценки (я хороший – ты плохой) ведет к манипулятивности, свидетельствует об отсутствии толерантности и неадекватной самооценке, которые делают построение гармоничных партнерских отношений между коммуникантами и цивилизованное соперничество невозможными. Следствием этого становится искаженная самоидентификация: несанкционированное и необоснованное присвоение конфликтных ролей лидера, судьи и т. п.; ограниченность личностных коммуникативных проявлений выбранным субкультурным типажом (популярность культурного типажа «крутой парень», подпитываемого влиянием американской кинопродукции; тиражирование гендерного типажа «стерва» популярными телеведущими), выбор агрессивной манеры речевого поведения как наиболее эффективной.

Деформирующее влияние инокультурных стандартов: заимствованная идея телепроектов, поощрение устроителями агональных речевых взаимодействий (преимущественно такие выходят в эфир) – проявляется в разрушении русских культурных сценариев, расшатывании канонов этикетных жанров общения (застолье, разговор по душам), основанных на установке гармоничного взаимодействия; в тенденции сдвига концепции «Я» в зону эгоцентризма, а концепции «Другого» – в зону враждебного, чужого; в тиражировании типажей, характерных для маргинальных стратов национальной культуры.

Поведение игроков реалити-шоу является зеркалом, в котором отражается окружающая нас общественная конфликтная коммуникативная практика, тиражируемая в СМИ через скандальное освещение политических столкновений, военных конфликтов, дипломатических международных отношений конфронтационного типа, перетряхивание «грязного белья» публичных личностей – политиков, звезд, деятелей культуры и пр. Состояние общественной подавленности, усугубляемое экономическим кризисом, неизбежность профессиональной деятельности в условиях жесткой конкуренции, страх безработицы, неуверенность в завтрашнем дне, апокалипсическое истеричное кликушество в СМИ по поведению яко-

бы неизбежно приближающегося «конца света» – все это порождает у молодых горожан фрустрацию и повышенную агрессивность, стремление молодых людей к выигрышу за счет проигрыша «Другого», к получению жизненных благ как можно скорее и любыми способами. Агрессивное влияние инокультурных шаблонов, отсутствие опыта гармоничных отношений с миром порождают групповую предрасположенность к конфликтному коммуникативному поведению, а реалити-шоу предъявляют конфликтные модели поведения как эффективный сценарий и норму общения.

Литература

1. Аннушкин В. И. Риторика. М., 2007.
2. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие // Вопросы стилистики. Вып. 25: Проблемы культуры речи. Саратов, 1993.
3. Корнелиус Х., Фэйр Ш. Выиграть может каждый. М., 1992.
4. Нелюбина А. С. Реалити-шоу: медиапродукт индивидуализированного общества // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 45.
5. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М., 2007.

Профессиональная монологическая речь промоутера: прототипическая схема жанра

В культурном пространстве постсоветской России востребованы специальности из торговой сферы. Одна из таких специальностей – промоутер. Это человек, рекламирующий товар непосредственно в месте его продажи, предлагающий посетителям магазина принять участие в рекламной акции: попробовать товар, получить подарок за покупку. В последнее время производители все более становятся заинтересованными в трейд-маркетинге – системе, которая предназначена для того, чтобы повлиять на решение потребителя в месте встречи его с товаром, где он сможет его увидеть, попробовать. Речь промоутера, относящаяся к системе трейд-маркетинга, – это реклама, которая направлена непосредственно на конечного потребителя. Для подобного актуального вида рекламирования чрезвычайно важно установить коммуникативное взаимодействие с адресатом рекламного сообщения. Работа промоутера предполагает как произнесение готовых монологических текстов, так и вступление в диалогическое взаимодействие с потенциальным потребителем, что демонстрирует комплексность коммуникативных навыков рекламиста.

По нашим наблюдениям, речи промоутеров схожи, имеют общую схему построения. Такое подобие, очевидно, объясняется генезисом жанра и функциями элементов текста. Для определения прототипической схемы подготовленной монологической речи промоутера стоит обратиться к одному из самых первых жанров рекламы – выкрикам-заявкам. Исторически именно к этому виду рекламы восходит речь промоутера.

Выкрики-заявки относят к устной торговой рекламе XVIII–XIX веков. На праздничных ярмарках проявлялись две разновидности подобной рекламы: актуальными становились форма «вы-

криков» и форма «прибауток», развернутых приговоров [Некрылова 2004. С. 85]. К первым относят несложные короткие зазывы: «Картофель, картофель, картофель!», «Владимирская, крупная, отборная, самая холодная клюква!» Подобные выкрики выполняли прежде всего информативную функцию.

Рекламные «выкрики» второго типа – «прибаутки» – отличались большим размером, сложным строением. В них широко использовались различные художественные приемы, становящиеся основой привлечения внимания потребителей. На любой ярмарке и гулянье можно было услышать развернутые монологи продавца и мастеровых-балагуров: «Олады, оладушки / Для дедушки, для бабушки. / Для малых ребяток / На гривну десяток» [Некрылова 2004: 39], «*Всем необходимо / Проходящим мимо / Детская игрушка – / Веселый Петрушка! / Веселый бим-бом / Веселит весь дом!*» [Там же. С. 43].

Прототипическая схема представляет собой конечный набор структурных компонентов, лежащих в основе подготовленного текста промоутера, полученного им от заказчика рекламы. Основой для выделения типичных компонентов прототипического текста является их частотность.

Сопоставляя подготовленную речь промоутера с устной торговой рекламой прошлых веков, мы видим, что ключевые компоненты, использованные в «выкриках-заявках», подобны компонентам современного промотекста. Эти компоненты выполняют прежде всего информативную функцию. К ним можно отнести:

1. Наименование товара (*Вот так квас / В самый раз! / Баварский со льдом – / Даром денег не берем!* ср. *Покупайте новый чай «Nestea» / С клубничным вкусом!*).

2. Характеристика товара (*Ай да Петрушка! / Ноги дубовые, / Кудри шелковые, / Сам ходит, / Сам бродит, / Сам шевелится / И никого не боится!* ср. «Тортолинио» – *это торты, изготовленные по лучшим технологиям, / привлекающие своей стильной упаковкой и отличным вкусом*).

3. Прямое обращение к потребителю (*Купи-ка, мамаша, папаша, / Деточка-то ваша! И с этой игрушкой / Пусть он поиграет, повеселится, / Потешится, порезвится!* Ср. *Уважаемые покупатели! Приглашаем Вас принять участие в акции*).

Традиция непосредственного общения с потребителем сохраняется, однако, как показывает анализ, в современном промотексте с завидной регулярностью появляется упоминание о возможном выигрыше. Этот смысловой компонент присутствует практически в каждом монологе промоутера (*Добрый день, леди и джентльмены! / Сегодня при покупке напитка «Asti Martini» у Вас есть возможность выиграть поездку во Францию*).

* *Кристина Александровна Бурикова* – студентка 5-го курса филологического ф-та УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

** *Юлия Борисовна Пикулева* – канд. филол. наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Конечно, явное упоминание о выигрыше отсутствует, если проводимая акция характеризуется как дегустация и не подразумевает раздачу вещественных призов. Однако дегустация в этом случае является собой попытку подарить потенциальному покупателю вкусовое наслаждение, и поэтому расценивается нами как сигнал, указывающий на бесплатное получение некоего блага: (*Уважаемые покупатели / Сегодня компания «Калория» проводит дегустацию / Подходите и пробуйте **потрясающие** сыры «Кубань-Плезир» от фирмы «Калория»//*). Высокая оценка качества товара подтверждает его функцию субститута подарка.

Анализ собранного материала (а это запись живой звучащей речи, а также раздаточный материал, который участники рекламной кампании получают у заказчиков акции) показывает, что типичным подготовленным монологом промоутера будет называться тот текст, который включает речевку с обращением к аудитории, указанием названия товара и кратким описанием акции. Также в прототипическую схему войдет упоминание о потенциальном выигрыше/дегустации. Приведем несколько примеров, подтверждающих повторяемость данных смысловых блоков в промоутерской речи.

*Добрый день, уважаемые покупатели (**приветствие и обращение**) // Сегодня при покупке двух упаковок высококачественных кексов «Черемушки» весом 350 граммов (**наименование товара, условие акции**) вы получите в подарок стильный кухонный нож (**упоминание о возможном выигрыше**), / при покупке трех пачек быстрозамороженного теста производства комбината «Звездный» (**наименование товара, условие акции**) вы получите удобную варежку-прихватку для Вашей выпечки (**упоминание о возможном выигрыше**)//*

*Уважаемые покупатели (**обращение**), приглашаем Вас принять участие в акции «Парламент / водка с хорошим вкусом» (**наименование товара, условие акции**). / При покупке двух любых бутылок «Парламент» 250 миллилитров (**наименование товара**) или одной бутылки «Парламент Ориджинал» (**наименование товара**) Вы получаете подарок (**условие акции**), / это может быть футболка с фирменной надписью «Парламент», / рюкзак с фирменной надписью «Парламент», / а также вы можете выиграть супер-приз / автомобильный телевизор // (**упоминание о возможном выигрыше**). Более подробную информацию о продукции «Парламент» вы можете узнать у наших консультантов в торговом зале//*

Редукции могут подвергаться такие компоненты, как приветствие или обращение: *Покупайте майонез «Calve» Экстра Легкий и участвуйте в акции! При покупке пяти упаковок майонеза*

«Calve» Экстра Легкий Вы получаете в подарок набор столовых ложек с логотипом «Calve». Этот ход может быть оправдан коммуникативной ситуацией: промоутер имеет ограниченное время, для того чтобы привлечь внимание проходящего покупателя. Чаще всего подобные тексты произносятся на входе в торговый зал, чтобы покупатель, едва оказавшись в магазине, уже был введен в курс того, что в магазине проходит некая акция. Несмотря на то, что обращение и приветствие – яркие этикетные знаки, они не могут повлиять на потребителя сильнее, чем обещание подарка. Поэтому доводы «к обещанию» выдвигаются на первый план восприятия текста. Эти сведения становятся основным средством привлечения покупателей, так как являются завуалированным намеком на выгодность проводимой акции, что создает у адресата позитивный эмоциональный настрой и необходимые психологические установки для совершения покупки. Подобные тексты сокращаются до одного предложения: *Купив три бутылки чешского пива «Kozel», Вы можете выиграть призы.* Такой текст составляется с учетом условий вступления в одностороннее общение со слушателями: покупатели проходят мимо промоутеров достаточно быстро и более длинный текст, очевидно, просто не дослушают до конца.

Речевая характеристика изучаемого материала, которая может быть полезна при описании типичных схем построения подобных текстов, показывает, что монологическую речь промоутера, так же, как и выкрики-завывы, можно охарактеризовать как **комплексный речевой жанр**, т. е. тип текста, состоящий из компонентов, каждый из которых, в свою очередь, обладает относительной завершенностью и представляет собой текст определенного жанра [Федосюк 1997. С. 104]. С одной стороны, промоутеру необходимо заинтересовать товаром наибольшее количество покупателей, и поэтому рекламист должен использовать **информативные жанры** – предложение, сообщение информации. С другой стороны, текст промоутера также включает в себя **императивные** речевые жанры (приглашение, призыв), так как целью промоутера является еще и осознанная, целенаправленная попытка языкового воздействия на потенциального покупателя. С третьей стороны, в тексте промоутера есть черты **этикетных** речевых жанров, таких как приветствие, обращение. Благодаря им промоутер реализует контактоустанавливающую функцию. Таким образом, опираясь на классификацию Т. Ф. Шмелевой [Шмелева 2007], монологический текст промоутера можно описать как комбинацию **информативных, императивных и этикетных** речевых жанров: *Уважаемые покупатели (**обращение**), / Приглашаем Вас поучаствовать в акции от торговой марки «Принцесса» (**приглашение**) / Сегодня при покупке косметического набора для девочек от ком-*

пании «Принцесса» у Вас есть уникальная возможность выиграть гарантированные призы для своих детей (**предложение**) // Подходите и выигрывайте (**призыв**). Набор этих жанров в различных комбинациях всегда присутствует в рекламном монологе промоутера, что говорит об их частотности и повторяемости.

Таким образом, сравнив современный текст промоутера и текст «выкриков-завывов», мы увидели, что в основе их лежат общие элементы. Однако невозможно не признать, что промоутерский текст нашего времени значительно отличается от своего предшественника. В прототипическом промотексте гораздо больше компонентов, манипулирующих вниманием потребителей. Объективные качества предлагаемого товара отходят на второй план восприятия текста, промоутером выдвигаются на первый план бонусные выгоды, сулящие покупателю дополнительные блага.

Литература

1. Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII – начало XX века. СПб.: Азбука-классика, 2004.
2. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 81–90.
3. Федосюк М. Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

И. Т. Вепрева*

Активное обновление концептуального мира постсоветского человека: по данным метаязыковых высказываний

В фокусе нашего исследовательского внимания находятся смысловые доминанты постсоветской России. Радикальные экономические, политические и социальные преобразования в стране способствуют активному обновлению концептуального мира индивида. Обновление концептосферы постсоветского человека носит особый характер, так как протекает в условиях переходного периода, характеризующегося глубочайшей нестабильностью общества, под которой понимается не просто быстрота и радикальность изменений, но также их рассогласованность по темпу, направленности, степени радикальности в разных сферах общественной жизни, по мере вынужденного приспособления к изменившейся социальной среде. Концептуализация новых знаний соседствует с ломкой, трансформацией стереотипов национального мировидения на современном этапе.

Мы имеем возможность наблюдать обновление и перестройку концептуальной сферы постсоветского человека, которая, в частности, получает экспликацию в виде метаязыковых высказываний. Метавысказывания связаны с развитием массового общественного сознания российского человека, который реагирует на изменения в общественной жизни, например: *Сейчас слово «демократия» стало ругательством, а раньше в перестройку было гимном; Люди, страшась самого слова «идеология», предпочитают понятие национальной идеи; В русском языке есть хорошее слово. Такое русское слово, которое мы заменили не очень хорошим западным словом «креатив». А в русском есть «придумка»; Небогато живут врачи, учителя, работники культуры и другие, кого давно уже называют не интеллигенцией, а постыдным словом «бюджетники»; Я неодобрительно отношусь к слову «мигрант», будь то грузин, азербайджанец, казах, узбек и др.*

* Ирина Трофимовна Вепрева – д-р филол. наук, профессор, завкафедрой риторики и стилистики русского языка УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

Исследовательский материал, представленный в данной работе, дает возможность утверждать, что слово является главным средством доступа к концептуальному знанию, а метаязыковые высказывания, представляющие собой вербализованные следы мыслительной деятельности, позволяют выделить очаги концептуального напряжения, возникающие в когнитивной сфере индивида. Обратимся к характеристике одной из зон концептуального напряжения – зоне ликвидации лакунарности.

Лакунарность связана с проблемой именованности концепта в языке. «Под лексической лакуной понимается отсутствие какой-либо лексической единицы в языке при наличии концепта в концептосфере» [Попова, Стернин 2001. С. 39]. В когнитивной лингвистике считается, что лучший доступ к описанию концепта обеспечивается языком, который кодирует прежде всего самые важные концепты [См.: КСКТ. М., 1996. С. 90–91], сигналом сформированности концепта является наличие имени, собственной формой концепта является именно слово, а не высказывание, причем именование концепта носит неслучайный характер [Степанов 2001. С. 67–79].

Метаязыковому комментированию в современной речи подвергаются слова, называющие реалии, до настоящего времени существовавшие лишь в понятии. Отмеченное словом становится фактом сознания, а сама лексическая единица – окончательным свидетельством включения явления в мир, полностью сформированным концептом: *Свою школьную страсть к фотографии он тренировал повсюду – на репетициях студенческих отрывков, дружеских попойках, на халтурах в городах и весях. Наверное, потому, что никто не знал слова «папарацци», никто и не прятался от его объектива* (МК-Урал. 1999. Сент.); *Я с уверенностью говорил родным, что у меня будут водитель и домработница. Это был верх креатива в шестом классе. А уж о том, какие бывают квартиры и особняки, мечтать тогда было трудно. Воображения не хватало. Мечталось, говоря современным языком, о самореализации. Тогда, правда, таких слов не было* (Недвижимость и строительство Петербурга. 2007. Ноябрь); *По инициативе Зимовца в Волжском построен поселок Металлург: рабочим завода тогда выдавали ссуды в размере 25 тысяч полновесных советских рублей. В результате было возведено 600 добротных домов. Споров было немало, но горисполком поддержал частное строительство. Тогда никто не знал слова «ипотека», и Зимовец попросту опережал время* (Волгоградская правда (Волгоград). 2007. Авг.).

Опираясь на приведенные выше рефлексивы, можем констатировать факт необходимости вербализации тех компонентов кон-

цептосферы, которые обладают коммуникативной релевантностью в силу экстралингвистических причин. Языковое представление, отражение мира построено на принципе пиков: вербализируются те концепты, «которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее полно характеризующими мир» [Почепцов 1990. С. 111].

Слово должно заполнять те пустоты в словарном составе языка, которые обнаруживаются при концептуальном освоении мира. Рефлексивы фиксируют не только наличие лакуны, но и поиски номинации для новых концептов: лакуна заполняется «временными» средствами языка, например – свободными сочетаниями [Попова, Стернин 2001. С. 47]: *Митины сверстники же – стопроцентно военное поколение, вне зависимости от того, были ребята в Чечне или нет... Из его класса в живых осталось пять-шесть мальчишек! Все остальные погибли. Поумирали, сошли с ума, отравились наркотиками. И все это на престижном Юго-Западе столицы с дипломатическими домами. Прежние войны имели название – а эта еще названия не имеет. Это – война живого поколения за собственную жизнь* (МК-Урал. 2001. Июль); *Стены их дома стали прозрачными. Детство юных Никитиных превратилось в показуху. Было нечто, называемое «воспитанием детей в семье Никитиных». И была их собственная жизнь, полная проблем, о которых большинство и не подозревало* (МК-Урал. 2000. Март); *оказиональными номинациями: Надо видеть этих людей: с грудными детьми на руках и в колясках, приодетые, с радостными лицами – у них сегодня праздник, приехал, если можно так сказать, «человек-которого-показывают-по-телевизору».* Для них это событие на несколько лет (АИФ. 1999. Май). Метаязыковые высказывания вербально фиксируют ликвидацию лакунарности в языке. Они подтверждают существование концепта автономно от слова и являются одним из способов обнаружения невербализованных концептов.

Общемировой научно-технический прогресс, социальные, политические, экономические перемены в России стимулировали стремительное пополнение многих тематических участков русской концептосферы. В целом ряде работ авторы выделяют тематические зоны лексики, которые расширили свои границы, комментируют характер пополнения словарного состава языка, являющегося номинативной базой концептуального фонда. Это прежде всего сферы политики, государственного устройства, экономики, финансового дела, религии, медицины, армии, массовой культуры, молодежной субкультуры, спорта, одежды и т. д.

Метаязыковая вербализация концептуального освоения новых реалий «схватывает» те участки бессознательного речемысле-

действия, которые вызывают напряжение. Концептуальные рефлексивы позволяют уловить базовые моменты формирования нового концепта, когда в язык входит новая лексема, не насыщенная концептуальным смыслом.

Появление новой лексемы – сигнал к началу формирования нового концепта. Если концепт важен и актуален для общественной жизни страны, то формирование концепта происходит интенсивно. Так случилось, например, с появлением нового концепта для современной России – концептом *новые русские*. В сознании современного носителя языка сложился социальный стереотип *нового русского* – необразованного, неинтеллигентного нувориша, обогатившегося нечестным путем за счет отмывания грязных денег. Портрет нового русского имеет многоаспектный характер – от внешних атрибутов до характеристики отношений в семье, психологического состояния, уровня богатства, стиля жизни, ценностных ориентиров и т. д. Усвоенность стереотипного представления подтверждается наличием большого количества анекдотов про новых русских. Полному формированию концепта способствовало теоретическое осмысление нового понятия, к которому присоединились и лингвисты [См., например: Устимова 1996; Сафонова 1998 и др.].

Рефлексивную отмеченность получают все новые концепты постсоветской России. В докладе будут проанализированы такие актуальные для обыденного сознания понятия, как *гламури пиар*.

При переходе от одной исторической парадигмы к другой обыденное сознание проявляет себя как важнейшая составляющая языкового сознания, участвующая в ментально-вербальном процессе обновления культурной семантики. Когнитивной мотивировкой этого процесса является стремление объяснить наблюдаемые социальные и культурные явления экстралингвистической сферы. Обыденное освоение новых концептов опирается на житейский опыт и повседневную практику, поэтому не носит системного характера, не охватывает рефлексивно полно, исчерпывающе новые и актуализированные концептуальные смыслы. При этом для обыденного сознания характерна личностная пристрастность. Рефлексивы точечно, штрихами обозначают наиболее актуальные зоны концептуального напряжения, позволяют увидеть то, что важно для концептуального осмысления в ходе живого контакта с миром и что доступно обыденному сознанию, тем самым подтверждая подлинность и достоверность теоретического систематизированного сознания.

При этом сами рефлексивы являются суждениями, формирующими концепт. Обсуждая слово в различных аспектах, рефлексив добавляет новые знания либо закрепляет смысловые изменения, вербализует то, что усваивается другими невербализованно. Фор-

мируемый запас смыслов в ходе коллективной интеллектуальной деятельности субъектов и представляет совокупный социальный опыт людей в период перемен.

Литература

1. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац и др. М., 1996.
2. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
3. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
4. Сафонова Ю. А. Новые русские: заметки об одном новом фразеологизме // Русистика. 1998. № 1–2.
5. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
6. Устимова О. В. Пресса о «новых русских» и «новых бедных» в составе средних слоев // Вестн. МГУ. Сер. 10: Журналистика. 1996. № 1.

Организация интерактивного общения в радиозэфире

Опора на аудиторию, стремление сделать ее субъектом формирования диалога, источником информации считаются важными показателями профессионализма журналиста. В широком смысле интерактивность понимается как «общий модус настройки коммуникации на двусторонний обмен информацией», в узком смысле – как «особый режим настройки коммуникации на целостное восприятие ее и предмета обсуждения участниками, их рефлексии по поводу не только предшествующего комментария, но и совместного дискурса в целом» [Фомичева 2011: 27].

В российских СМИ интерактивность получила более широкое распространение на радио, чем на телевидении. Различные средства интерактивного общения – общение со слушателями в прямом эфире по телефону, чтение и комментирование сообщений, поступивших на пейджер и на форум сайта радиостанции, опрос по телефону путем голосования за то или иное мнение – стали привычными для многих радиожурналистов, работающих в прямом эфире.

Современные требования интерактивности в СМИ порождают новые профессиональные практики журналистов [Енина, Чепкина 2010]. Журналист может только воспроизвести вопрос слушателя, присланный на пейджер или форум программы, например: *Андрей из Москвы задает вопрос, – «Есть ли при вашем Фонде какое-либо подразделение, которое бы занималось деятельностью г-на Хаммера, который в свое время вывез очень много ценных вещей – если не бесплатно, то очень дешево, – существует ли возможность их возврата?»* (Эхо Москвы. Ищем выход. 27.08.08. Интервью О. Бычковой с Виктором Вексельбергом о деятельности Фонда «Связь времен», занимающегося возвратом исторических ценностей в Россию).

Также журналист обращается к интерактивному общению, чтобы представить в эфире целый спектр мнений аудитории, слушателей на заданную тему: *А может быть, наши слушатели видят другие пути? 788-107-0. Если вы видите другие пути,*

* **Лидия Владимировна Енина** – канд. филол. наук, доцент кафедры риторики и стилистики УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

куда нам идти, нежели как к американцам, то позвоните, скажите это в прямом эфире (РСН. Титаны общества. 08.07.09. Интервью Е. Родины и Ю. Будкина с Алексеем Митрофановым, членом партии «Справедливая Россия»). В рассмотренных случаях журналист, ведущий выполняет важную функцию посредника между аудиторией и гостем студии, но сам не является субъектом интерактивного общения.

Развернутый диалог журналиста со слушателями в прямом эфире также обеспечивает представление разнообразных мнений аудитории на заданную тему и всегда содержит элемент интриги, непредсказуемости развертывания общения с неизвестным, дозвонившимся в студию. Здесь востребованы практики организации диалога, позволяющие ввести его в жесткие временные рамки. Иногда ведущий даже объясняет слушателям правила ведения радиопрограмм, особенно часто такие комментарии встречались в первых эфирах программы «Подъем!»: *Почему я отключаю звонки? Я отключаю тогда, когда мне темпоритм рушат. Темпоритм – это главное в передаче. Кто танцевал, тот знает.* (16.09.2008); *Мы обсуждаем только одну тему. Здесь не клуб и не пивнушка. Я ведущий, здесь верстку определяю я.* (17.09.2008). На наш взгляд, развернутый метатекст о профессии в подобных случаях можно рассматривать как показатель компетентности и большого опыта журналиста.

Организация интерактивного общения активизирует экспертов из числа слушателей. Например, С. Доренко в программе «Подъем!» на РСН часто подчеркивает, что он хотел бы услышать мнение слушателей, компетентных в обсуждаемой теме, способных дать экспертную оценку: *Позвоните, если вы специалист и понимаете в этом деле* (26.01.2009); *Объясните нам, летуны, что такое истребитель пятого поколения?* (20.01.2010); *Товарищи ученые, скажите нам, где кроется в Академии наук мракобесие?* (28.01.2010); *Мы спрашиваем культурологов, антропологов, психиатров и все смежные профессии: с чем связано это явление? Объясните, с чем связано это культурное явление?* (о популярности Э. Хилля) (11.03.2010).

Выбор собеседника для обсуждения конкретной темы ведется не только по признаку компетентности, но и по возможности сообщить о живых деталях происходящего, выступить в роли очевидца важного, актуального события. Таков, например, смысл призыва С. Доренко в разговоре о столкновении автомобилей в Москве, в результате которого погибли две женщины: *Я прошу: никто не звоните кроме Площади Гагарина. Площадь Гагарина, если вы там или только что ее проехали, если вы там или только что ее проехали* (25.02.2010).

В некоторых случаях аудитория становится не только «свидетелем» события, но и участвует в «новом типе журналистского расследования» [Московкин 2011: 23], что подчеркивается в речи журналиста: *Мы говорили об этом в позапрошлый четверг. Мы призывали сюда очевидцев, нам пробили номер. Мы все это сделали прямо в эфире, в живую все это отработали. Мы сказали, кому принадлежит автомобиль, должен поблагодарить наших слушателей, отработали просто супер: пробили нам номер, скинули нам фотографию машины. Все сделали!* (РСН. Подъем! 08.03.2010. С. Доренко об освещении аварии на площади Гагарина).

Интерактивность открывает как для журналиста новые профессиональные возможности, так и для аудитории возможность участия в обсуждении общественно значимых проблем и гражданском контроле за соблюдением закона. Дискурсивные практики организации интерактивного общения требуют дальнейшего выявления и описания.

Литература

1. Енина Л. В., Чепкина Э. В. Самоидентификации журналиста в прямом эфире на радио // Известия УрГУ. Серия 1. Екатеринбург. 2010. С. 159–167.
2. Московкин Л. И. От публичности к интерактивности – тенденции нового времени // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2011. С. 23–24.
3. Фомичева И. Д. Интерактивность – вызов журналистам // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере: сборник материалов Международной научно-практической конференции. М., 2011. С. 27–28.

О. А. Михайлова*

Слово *ностальгия* в современном русском языке: к вопросу о семантической эволюции

Начало третьего тысячелетия в России отмечено общественным переосмыслением культурных ценностей и установок. Если для 1990-х гг. были характерны прямые идеологические, языковые и поведенческие конфронтации с советским опытом и поиск альтернативных моделей, то в 2000-х гг. обнаруживается более пристальное внимание к советским традициям со знаком плюс. Изменения в мировоззрении, мировосприятии не могут не отразиться в языке, в частности в лексико-семантической системе. Многие единицы основного фонда сегодня подвергаются актуализации, т. е. претерпевают семантические трансформации и/или стилистические модификации. Одним из таких примеров является слово *ностальгия*, которое в последние годы обнаруживает определенную семантическую эволюцию.

Слово *ностальгия* возникло как термин, который изобрел швейцарский врач Иоганн Хофер в 1688 году. Образовано оно от двух греческих корней: *nostos* – «возвращение домой» и *algos* – «страдание, боль». В русский язык слово пришло из немецкого языка.

Но термин медицины со временем вышел за пределы своей научной сферы. Так, в первой половине XX века ностальгией стали интересоваться философия, психология и социология. Медицинское влияние сохранялось в общенародном понимании слова, что отражено в словаре Даля и в Словаре иностранных слов 1894 г., составленном А. Н. Чудиновым, где дано такое толкование *ностальгии*: «Тоска по родине как душевная болезнь». Осознание ностальгии как болезненного состояния поддерживается в языке синтаксической конструкцией с родительным субъекта – *у него ностальгия* – по аналогии с моделью *у него грипп, у него ангина*.

В современном мире слово *ностальгия* стало социально значимым и востребованным, вошло в широкое речевое употребление (сейчас количество ссылок в Интернете исчисляется миллионами).

* *Ольга Алексеевна Михайлова* – д-р филол. наук, профессор кафедры риторики и стилистики русского языка УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

В потоке языковых инноваций оно оказалось вместе со своими недавно образовавшимися производными.

В Словообразовательном словаре русского языка А. Н. Тихонова зафиксировано лишь одно производное – прилагательное *ностальгический*. Но данные современной живой речи свидетельствуют, что это словообразовательное гнездо пополнилось весьма активным глаголом *ностальгировать* со всеми его формами, включая причастие *ностальгирующий* и деепричастие *ностальгируя*.

Активизация лексемы *ностальгия* имела своим последствием детерминологизацию, которая произошла путем метафорического переноса, сопровождаемого расширением лексического значения.

Чтобы проследить семантические изменения, произошедшие в лексеме *ностальгия*, обратимся сначала к современным толковым словарям.

В 4-томном словаре русского языка и в «Толковом словаре иноязычных слов» Л. П. Крысина лексема представлена как однокоренная в соответствии с этимологическим значением – это только «тоска по родине».

Но большинство современных словарей, в частности Современный словарь иностранных слов, Большой толковый словарь под ред. С. А. Кузнецова, Новый словарь Т. Ф. Ефремовой, фиксируют расширение семантической структуры слова и выделяют второе значение – «тоска о прошлом, о пережитом, об утраченном; тоска по минувшему». Иногда это значение отмечается как *разговорное*. Приведу один контекст, обобщающий это значение: *Что касается ностальгии, это не обязательно ностальгия по какому-то месту. Это чаще ностальгия по времени.*

Подобное размытие значения наблюдается и у глагола *ностальгировать*. Ср.: *Сейчас ностальгировать можно по ушедшей юности, по потерянным друзьям, по деревенской тишине, а в деревне по городскому шуму.*

Модификация значения сближает лексемы *ностальгия*, *ностальгировать* с исконно русскими единицами *тоска*, *тосковать*. И подтверждение этому мы находим в Словаре русских синонимов, в котором представлен новый синонимический ряд *ностальгировать*, *тосковать*. Однако лексема *ностальгия* отсутствует во всех словарях синонимов, и это свидетельствует, что в своем исходном значении слово не имеет эквивалентов. Тем не менее ближайшей к *ностальгии* является лексема *тоска*, которая во всех толкованиях выступает как идентификатор. Через интегральную лексему *тоска* прослеживаются связи и эквивалентные отношения *ностальгии* с другими членами данной парадигмы – *грусть*, *печаль*, *уныние*, *томление*. Ср. в контекстах: *Ностальгия – это легкая грусть по тому, чего в общем-то не было в прошлом. Нос-*

тальгия – это такое состояние души, когда вспоминаешь былое и тебе грустно. Ностальгия – это горечь по потерянной стране.

Однако единицы *ностальгия* и *тоска* нельзя рассматривать как абсолютные синонимы, поэтому и в Новом словаре синонимов под ред. Ю. Д. Апресяна слово *ностальгия* представлено в статье *тоска* только как аналог, но не собственно синоним. Значения слов *тоска* и *ностальгия* различаются, во-первых, наличием включенного объектного актанта «по родине/по прошлому» в семантике последнего. У лексемы *тоска* объектная валентность неопределенна, и потому отсутствуют синтагматические ограничения. Во-вторых, семантика *ностальгии* несколько сдвинута по отношению к семантике лексемы *тоска* – речь идет не столько о мучительном чувстве, сколько об отношении к объекту, о сильном желании его вернуть. Такой сдвиг обуславливает семантические связи *ностальгии* с единицами других парадигм. С одной стороны, это единицы *желание*, *мечта*. Ср. контексты: *ностальгия – это мечта о прошлом; ностальгия – это желание вернуть то, чего мы никогда не имели.* С другой стороны, это слова *воспоминание*, *память*. Ср.: *Ностальгия – это пламя, не зальют его года, это раненая память об ушедших навсегда.* Продолжением и развитием второй связи является лексема *рефлексия*, от латинского *reflexio* – «обращение назад». Е. В. Новиков, говоря об этическом смысле ностальгии, относит ее к типам моральной рефлексии [Новиков 2009].

В сознании современных носителей языка происходит дальнейшее расширение семантики лексемы *ностальгия*, ср. такие контексты: *ностальгия по настоящему* и даже *ностальгия по будущему*. Подобное употребление рождается на основе понимания ностальгии как состояния неудовлетворенности сегодняшней жизнью. В таком состоянии человек обращается не только к прошлому, но и к будущему, надеясь там получить лучшее, чем он имеет сегодня.

Многие наши современники не только в России, но и в других бывших социалистических странах вспоминают положительные стороны жизни при социализме и жалеют об ушедших временах. Из этих воспоминаний появились наряду с *ностальгией* лексемы *остальгия* и *югностальгия* с еще более специализированным значением – «ностальгия по ушедшему социалистическому прошлому» и «ностальгия по социалистической Югославии, в которой была мирная жизнь в отличие от современной национальной розни на Балканах».

Литература

Новиков Е. В. Нравственный смысл ностальгии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009.

Современные тенденции в области грамматического управления

Конец XX века, эпоха перестройки и постперестройки, по своим последствиям подобен революции. Переломные времена всегда вызывают сдвиги в языке, потому что язык приспособляется к переменам в жизни общества. Языковое существование в России последних лет лингвисты называют «праздником вербальной свободы» (Е. А. Земская). Расширение границ речевой свободы обусловлено рядом факторов:

- во-первых, отсутствием продуманной государственной языковой политики;
- во-вторых, отсутствием регламентации нормативности речи в СМИ;
- в-третьих, возможностью издания словарей и справочников по русскому языку, составленных неквалифицированными авторами.

Речевая свобода, безусловно, оздоровила язык: избавила его от идеологической лжи, способствовала процессу его демократизации, раскрепостила межличностное общение, но одновременно выявила достаточно низкий уровень речевой культуры наших современников.

Язык – живая, реально функционирующая система, которая находится в постоянном движении. Одним из наиболее неустойчивых участков русской языковой системы является словосочетание, особенно такое, компоненты которого соединены с помощью синтаксической связи управление. Синтаксис является доминирующим аспектом формирования разговорной специфики и в связи с этим наиболее подвержен изменениям. Поэтому синтаксические нормы в области управления весьма нестабильны и подвижны. Недостаточная регламентированность форм управления часто приводит к ненормативным употреблением. Наши наблюдения показали, что нарушения норм управления не являются случайными – напротив, они носят массовый характер.

В русском синтаксисе давно идут активные процессы на уровне словосочетания, которые стали объектом пристального внима-

* *Юлия Николаевна Михайлова* – канд. филол. наук, завкафедрой культурологии и речевой коммуникации Уральского ин-та экономики, управления и права (г. Екатеринбург).

ния лингвистов (Н. Ю. Шведова, М. Я. Гловинская, Н. С. Валгина, Г. А. Золотова, О. А. Лаптева и др.). Изучение живых процессов привело к выводу о существовании общей тенденции, заключающейся в расшатывании языковых норм в области управления. Внутри этой тенденции, в свою очередь, выделяются следующие процессы: ослабление падежных функций и, как следствие, рост предложных сочетаний на месте беспредложных; перемещения и замены внутри предложных конструкций.

Основными факторами, расшатывающими систему, являются, помимо прочего, свойства устной речи – неподготовленность и спонтанность, нехватка времени для выбора нужных языковых средств, обуславливающая противоборство стандарта и экспрессии, языковой экономии и избыточности. Значительное влияние на появление аномалий в управлении оказывают также процессы аналогии и контаминации.

Самыми многочисленными в нашем материале являются замены падежного управления предложным (об этом свидетельствует и количество используемых предлогов, и охват падежей, и частотность таких замен). Внутри данного явления протекают два противоположных процесса: семантическая дифференциация (замена общего падежного значения более дифференцированным предложным) и семантическое обобщение (развитие столь широкой многозначности у предлога, что он приобретает недифференцированную функцию, сходную с падежной). Как свидетельствуют лингвисты, данные процессы носят общеевропейский характер. Сама же тенденция ослабления падежных функций согласуется с более общей, универсальной для индоевропейских языков тенденцией к утрате падежных флексий, которая наблюдается уже на протяжении нескольких веков [Гловинская 1996. С. 301].

Падежные формы заменяются предложно-падежными и при существительных, и при глаголах: *Жители были разбужены от страшного грохота. Назначен новый начальник над телевидением. Но он потребовал, чтобы его повели к главному смотрителю над кухней. Выпуск продукции достиг до 48-и процентов. Выборы могут обернуться для российских налогоплательщиков в сотни миллионов рублей. Предлагаю обсуждение по повестке закончить. Что касается по льготе, то я хочу сказать, что...*

Наиболее неустойчивой, по нашим материалам, является позиция родительного падежа, который более всего подвержен заменам как в предложном, так и в беспредложном управлении, что представляется естественным, поскольку значение родительного падежа по сравнению с другими падежами обладает наименьшей семантической, оно достаточно абстрактно и общо [Гловинская

1996. С. 243]. Например: *А тираж – десять тысяч экземплярах. Прошли летние каникулы, вы все, я надеюсь, хорошо отдохнули, набрались силами, чтобы в новом учебном году потрапить их на учебу. Присущее большинству сельским труженикам. Кооператив по ремонту автотранспортом. Поэтому, чтобы достичь более быстрый и точный результат, мы применяем мезотерапию. Мы опросили за время урока три выступающих.*

Внутри беспредложного управления наблюдается активное взаимодействие родительного и предложного падежей, что обусловлено фонетической близостью их безударных флексий: *В тридцати километрах от границы; в семи километрах от границы. В дальнейшем, рассказывая о результатов, я буду... Вопрос о налогах отодвигается на задний план. Или пусто должно быть на прилавков, либо пусто в желудках. Никто не слышал о чеченцев;* а также родительного и винительного падежей, вызванное утратой различий по категории определенности/неопределенности: *Наверно, более надежных рук придумать сложно. Невиданного прежде накала приобретает. Таково разностороннего органа, как конференция по разоружению, можно было бы использовать по назначению.*

Смешение падежей в беспредложном управлении показывает, что данный вид управления постепенно сдает свои позиции, и на смену ему приходит аналитический способ выражения падежных значений. С одной стороны, предлоги помогают преодолевать многозначность отдельных падежей и дифференцировать значение. С другой стороны, предлоги выражают достаточно общее значение и являясь просто знаком синтаксического отношения между словами.

Частыми участниками замен падежного управления предложным выступают предлоги *по, от, над, на, за, с*: *Пришел сегодня искать разрешения от каких-то наболевших вопросов. Сейчас мы все активно заняты над подготовкой установок. Думаю, нам необходимо решить самые актуальные проблемы по здравоохранению уже в июле-августе. Концентрация вредных веществ, в частности, по угарному газу, значительно превышает норму. В приговоре от 11 февраля 2002 года приведены показания Рябова, не соответствующие с фактическими обстоятельствами дела. Надо объяснить людям, как распорядиться с ваучерами. За эти две расплывчатые вещи, собственно, и был знаменит. Мы поддерживаем за Юлю Савичеву. Я очень рада за успехи. А я вот прельстилась на «Сливу в шоколаде». Больше уделять внимания на искусство, на театр. Его приход к власти означал бы курс на реанимацию*

командной системы. Никаких нарушений на волеизъявление граждан выявлено не было. Однако на общем фоне победы предложных сочетаний особой активностью отличается предлог *о*. Он разрушает падежное управление при существительных и глаголах, вытесняет другие предлоги (даже такие «агрессивные», как *по* и *на*). Например, *Это была ставка о том, что есть некий авторитет, к которому надо тянуться. Сегодня в МИД СССР состоялся брифинг для советских и иностранных журналистов о подделке денег. Они указывали о двузначности этого термина. Глава российского государства высказал свою точку зрения о процессах, происходящих в стране. Жалобы учителя даже не о том, что ему плохо живется. Большая работа о ремонте техники...* Формула *о том + союз* с участием предлога *о*, используемая для ввода придаточных предложений, приобретает универсальный характер: *О том, что фестиваль состоится, ни у кого не было уверенности. Мы категорически не согласны с вами о том, что нарушения в части распределения жилья произошли по вине жилищного отдела. Вы совершенно правы о том, что равное количество мужчин и женщин...* Огромное количество замен с предлогом *о* позволяет говорить об его экспансии.

Таким образом, современные тенденции в области управления связаны с двумя противоположными явлениями. С одной стороны, нужное значение с помощью предлогов выражается более дифференцированно, чем посредством падежа. С другой стороны, развивая все новые и новые значения при замене падежных сочетаний, предлог расширяет свое значение, приобретая максимально обобщенный характер.

Литература

Гловинская М. Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык в конце XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М., 1996.

И. В. Шалина*

Уральское городское просторечие: взгляд «извне» и «изнутри»

Городское просторечие – это одна из подсистем русского национального языка и разновидность городской речи. Традиции изучения просторечия в русистике основаны на его противопоставлении литературному языку, а также диалектам. При изучении просторечия традиционным оказывается взгляд «извне». Он дает возможность осуществить анализ отдельных языковых единиц и устной некодифицированной речи горожан в целом.

Системно-языковой анализ позволяет выделить составляющие ядро общерусского просторечия неспецифические языковые единицы (*ихний, заместо, положъте, свитра, не спамии* и под.) и абсолютно/относительно специфические единицы, свойственные региональному варианту просторечия. Специфика уральского городского просторечия обусловлена тем, что своим источником оно имеет уральские говоры, характеризующиеся целым рядом специфических произносительных черт. Отклонения от литературной нормы сосредоточены в большей степени в области согласных, например: выпадение интервокального «йота» (*спрашиват, помогат, девка замечательна*); «щеканье» (*пощерк, рещка, щё*); утрата [б], [в] в положении между гласными (*баушка, деушка*); «чёканье» (*чё, ничё*) и др. [См.: СРГСУ, 1964. Т. I. С. 12–13].

Из современного поликультурного пространства России просторечие не вытеснено. Напротив, проявив черты определенной живучести, оно «помолодело» и «социально окрепло», чему в значительной мере способствовало расширение границ речевой свободы. Ныне просторечие уверенно отвоевывает традиционные сферы существования литературного языка – деловую, публицистическую. Специалисты различают носителей просторечия-1 («старое» просторечие) и просторечия-2 («молодое» просторечие). Первые являются монолингвами, не заботятся о чистоте и правильности речи, хотя могут осознавать необходимость кодовых переключений, обусловленных характером коммуникативной ситуации и образом адресата. Вторые являются билингвами, хотя здесь многое зави-

сит от языковой способности, психологических особенностей личности, любви к чтению и самообразованию, языковых контактов. Полиглотизм горожанина обуславливает кодовые переключения, которые осуществляются в границах оппозиции «свой-чужой» в процессе речевой деятельности и обнаруживают пересечение просторечия с литературным языком, диалектами, жаргонами.

Взгляд «извне» и взгляд «изнутри» – принципиально разные подходы к исследованию просторечия. Взгляд «извне» способствует выявлению языковых неправильностей, которые становятся яркими диагностическими пятнами речевого портрета, особенно в ситуации взаимодействия просторечия с литературным языком. Для внутрикультурной коммуникации, осуществляемой в рамках того или иного микроколлектива, структурно-ортологическая ущербность речи не играет роли.

Антропологическая парадигма научного лингвистического знания, поставившая в центр изучения не язык, но человека в языке, наметила перспективы описания городского просторечия «изнутри» – как лингвокультуры. Взгляд «изнутри» позволяет сосредоточиться на ценностных доминантах культуры, константах культуры, выйти на когнитивную базу лингвокультуры – совокупность знаний и представлений, которыми обладает подавляющее большинство членов лингвокультурного сообщества. Он направлен на поиск ментально значимых ценностных объектов, получающих вербализацию в речеповеденческих практиках носителей просторечия, на базовые культурные установки в отношении семьи, труда, отдыха, богатства, представителей власти, «своего круга», чужих и др.

Приведем конкретный пример. Дружба осознается как одна из главных ценностей русского мира. Однако, согласно лингвистическим наблюдениям, семантика «терминов дружбы» не является «общим достоянием для всех носителей языка», в их дифференциации «велика роль индивидуальных представлений разных носителей языка» [Шмелев 2005. С. 290–291]. Носительницы просторечия-1 используют женские «термины дружбы» *подруга, подружка, знакомая*. Высокой частотностью обладает номинация *подружка*, т. е. ‘девушка, девушка, женщина, состоящая в дружеских, близких отношениях с кем-н.’. Практически не употребляется лексема *приятельница*. Анализ синтагматических связей терминов дружбы позволяет выделить генетивные (*подружка детства; подружка юности; подружка (всей) жизни*) и атрибутивные формульные сочетания (*деревенская подружка; закадычная подружка*).

Глагол *дружить* может использоваться по отношению к лицу противоположного пола, получая следующие культурные коннотации: ‘испытывать чувство сердечной привязанности, симпатии’,

* *Ирина Владимировна Шалина* – канд. филол. наук, доцент кафедры риторики и стилистики русского языка УрГУ им А. М. Горького (г. Екатеринбург).

‘состоять в добрых отношениях’: *Мы с ним долго дружили* // Таким образом, понятие дружбы получает разные преломления.

Мужские термины дружбы *друг, знакомый, товарищ* активно употребляются в речи молодых мужчин, носителей просторечия-2. Так, согласно письменным высказываниям информантов (орфография и пунктуация сохранены), отбывающих наказание в колонии для несовершеннолетних, в мужском кругу практикуются разговоры о превратностях и тяготах военной службы, о мужской дружбе. Подобные разговоры составляют важную часть культурного сценария с условным названием «Под стаканчик «Русской»»: *Бывшие воины, солдаты* [участники русско-афганской военной кампании. – И. Ш.], *они мало любят говорить об этом, но все равно у них бывает пот стаканчик другой «Русской». В основном вспоминают своих погибших товарищей, и как они раненых на себе тоскали по горам, по ущельям; Еще будучи на воле, у меня был знакомый, который там побывал и пережил весь этот ужас.*

Фиксируется доминирующая установка на кооперативность коммуникации, эмоциональную отзывчивость и душевную чуткость, коммуникативную поддержку друзей:

Он [друг. – И. Ш.] так это рассказывал что его чувства, эмоции, страдания, страх, боль в душе передавались мне. И я не мог найти слов, чтобы посочувствовать ему. Мне токо оставалось кивать головой и больше не чего сделать не мог <...> Так я досех пор его вспоминаю и думаю что сним <...>; Конечно, кто не испытает на своем теле, не повидает своими глазами, тот не поймет, но можно их понять только чувствами внутренними.

В просторечной лингвокультуре дружба выступает как не подвластная времени культурная константа (показательная формула: *деревенские подружки детства/юности/и всей нашей жизни*). Дружеские связи формируются в молодые годы, поддерживаются в течение жизни, угасая или активизируясь в определенные отрезки времени. В номинации *подружка* актуализируется смысл давности дружеских связей. Атрибутив *закадычный* в речевой формуле *закадычная подружка* указывает на характер субъект-субъектных отношений, близость, постоянство, длительность контактов субъектов. В следующем диалогическом фрагменте наблюдаем когнитивное сближение на базе лексем *дружба* и *любовь*. Характеризуется чувство глубокой сердечной привязанности двух подруг:

Ф. Ю. (представляет гостей, собравшихся на юбилей матери) *Эта подружка / самая закадычная подружка / в честь которой меня назвали Фаей // А у Фаины Петровны есть дочка / ее зовут Наташей / как нашу маму //*

Ф. П. *Вот такая преданная любовь у нас была //*

Лексемы *подружка, подруга* также могут употребляться по отношению к лицам, осуществляющим постоянные/частые коммуникативные контакты. Так, в относительно устойчивом микроколлективе соседней выделяются соседки, связанные более глубокими отношениями – дружескими. Подруги встречаются дома, вместе гуляют во дворе, подолгу беседуют, ходят по магазинам:

А. Ф. *Подружка / ты унеси кошелек мой //*

М. И. *Я не пошла пока / Шура / подожди // Это у меня хлеб тут //*

А. Ф. *Ак оставь // Я пойду обратно / и это самое / зайду / поговорим //*

На дружеские отношения между соседками указывает апеллатив *подружка*. Коммуникантки демонстрируют взаимное доверие, оставляя другу другу деньги и продукты. Очевидно, что они практикуют такие формы проявления доверия постоянно. Следующая коммуникативная сценка, однако, демонстрирует возникновение очага коммуникативного напряжения, временный разлад и перебранку между подругами:

А. Ф. *Собрались подъезд делать // Тыщу отдам / и ай-зубарики //*

Ф. П. [Шутит] *С ты могут взять как с инвалидки // Без денег //*

А. Ф. [Указывает на подругу **М. И.**] *Слушай / кто из нас инвалидка? Она или я?*

Ф. П. *Ну вы обе инвалидки //*

А. Ф. *Ну с такой-то рожей //*

М. И. *А чё / я ить могу похудеть // В парилке //*

А. Ф. *Выйдет / как яблоко красное / а я как покойник / синяя //*

М. И. *Шура / у каждого своё // Ты давай меня не унижай // У каждого свои болезни //*

А. Ф. *Какими херами они выбрали ты? Пенсию за инвалидность?*

М. И. *Мне бы было хорошо / мне бы никто не дал //*

А. Ф. *Я считай / попала в аварию // А то уже до ста лет доработала // Я ин-ва-лид / я не могу // Дак старческа-то где болесь [болезнь]?*

М. И. *Она не идет к врачу-то // Дак кто придет? У меня своя синица в руке // С ногами еле-еле // <...>*

Далее разговор переходит на другую тему, однако через некоторое время **М. И.** возобновляет прерванную тему:

М. И. Я разозлилась на подругу // Тоже мне подруга называется // «Кака ты инвалидка?» У меня сосуды настоко тонкие //

А. Ф. У меня толстые //

М. И. У ней опухли ноги / она не идет // Кто виноват?

А. Ф. Я пошла и полетела // Или на машине ехать?<...>

Предметом ссоры становится состояние здоровья (мнимая /настоящая инвалидность). Нападки **А. Ф.** ставят под сомнение болезнь подруги. Вербальная агрессия **А. Ф.** эмоционально задевает **М. И.**, заставляет ее оправдываться. Вторжение в свое личное пространство она воспринимает как ущемление достоинства: *Ты давай меня не унижай //* Перебранка демонстрирует возможность временного разрушения баланса дружеских отношений. Речение *Тоже мне подруга называется //* в не прямой форме указывает на нарушение общекультурных конвенций: настоящие подруги поддерживают друг друга, искренне переживают и радуются друг за друга, а не завидуют.

Таким образом, дружба выступает как значимая ценность просторечной лингвокультуры. Выявление базовых констант просторечной лингвокультуры позволяет рассматривать ее как городской вариант культуры народной.

Литература

1. Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А. К. Матвеева; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького; Ин-т рус. культуры. Екатеринбург: УрГУ, 1996. 580 с.
2. Шалина И. В. Уральское городское просторечие: культурные сценарии. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. 444 с.

Е. А. Шишканова*

Иронические номинации персонажа «осужденные» в газетных текстах как средство выражения интолерантных смыслов

Исследовательский интерес с точки зрения лингвистики толерантности [Купина, Михайлова 2001; Купина 2003; Купина 2004 и др.] представляет собой персонаж «осужденные» в текстах современных печатных СМИ. Под толерантностью мы понимаем терпимое, лояльное отношение к другому, сознательно признающее право его существования; терпимое отношение к убеждениям, мнениям и верованиям другого [Михайлова 2004. С. 15]. Толерантности в этом смысле противостоит интолерантность, которая мотивируется, соответственно, неприятием другого, и речевая агрессия [Стернин, Шилихина 2006. С. 21; см. также Енина 1999 и др.).

Мы рассмотрим только те публикации, главным персонажем которых являются «осужденные женщины». В качестве материала послужили тексты печатных изданий за период с 2009 по 2010 гг., представленные в поисковой системе «Интегрум Техно», которые были рассмотрены нами с точки зрения лингвистических средств выражения толерантности/интолерантности. Предметом нашего подробного анализа являются номинации персонажа «осужденные женщины» как средство выражения толерантных/интолерантных смыслов.

В результате анализа мы выявили, что в газетных текстах доминируют нейтральные номинации персонажа «осужденные женщины». При этом обнаружилось приблизительно равное количество номинаций, способствующих формированию толерантного, сочувствующего отношения, и номинаций, способствующих распространению интолерантного отношения к данному персонажу. Хотя ирония в аспекте толерантности/интолерантности носит амбивалентный характер [см., например, Енина 1999; Ермакова 2006], к номинациям, выражающим интолерантные смыслы, по нашему мне-

* Елена Александровна Шишканова – студентка филологического ф-та УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

нию, можно отнести и номинации иронического характера. При этом ирония понимается нами как «вид языковой манипуляции, которая заключается в употреблении слова, выражения или целого высказывания (в том числе и текста большого объема) в смысле, противоречащем буквальному (чаще всего в противоположном) с целью насмешки» [Ермакова 2005. С. 7].

Иронические номинации исследуемого персонажа присутствуют, как правило, в публикациях прессы определенного типа, которую Э. В. Чепкина называет «таблоидной» [Чепкина 2006; Чепкина 2010], и занимают около 15 % от общего количества номинаций.

В большинстве случаев ирония возникает за счет употребления слова «дамы» в конфликтном стилистическом контексте: *дамы, отбывающие наказание в российских колониях; осужденные дамы; стриженные дамы*. (В словаре фиксируется значение слова «дама»: «женщина из интеллигентских, обычно обеспеченных городских кругов (устар.)» [Ожегов, Шведова 2005. С. 151]).

Мы отмечаем также наличие в публикациях номинаций, содержащих явную насмешку над персонажем: *представительницы слабого пола, осужденные за тяжкие преступления, в том числе убийство*.

Во многих публикациях ирония создается за счет использования книжных единиц (*невольницы*) или устаревших (*арестантки*).

Высокочастотной в текстах таблоидов является ироническая номинация, представляющая собой окказиональную единицу: *сиделица, сидельцы, женищина-сиделица*.

Наконец, особо мы выделяем номинацию «*обитательницы колонии*». Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой дает следующее толкование к слову «обитатель», имеющему книжную стилистическую принадлежность: «тот, кто живет, обитает где-нибудь». В качестве иллюстраций к словам «обитатель» и «обитать» приводятся следующие контексты: *Обитатели степей. Лесные обитатели (о животных)* [Ожегов, Шведова 2005. С. 428]. Эти контексты указывают на то, что глагол «обитать» и производное от него существительное «обитатель» чаще всего употребляются по отношению к животным. Употребление этой лексемы по отношению к людям содержит интолерантные смыслы в тексте.

По нашему мнению, иронические номинации персонажа «осужденные женщины», широко представленные в таблоидной прессе, являются средством выражения интолерантных смыслов, так как представляют собой насмешку и демонстрируют высокомерие авторов по отношению к персонажу публикации.

Литература

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / РАН Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «Изд-во ЭЛПИС», 2003. 944 с.
2. Енина Л. В. Катартический характер языковой агрессии в сверттексте лозунгов и источники ее смягчения // Вопросы стилистики. Вып. 28. Саратов, 1999. С. 222–231.
3. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005. 204 с.
4. Ермакова О. П. Ирония – язык вражды или язык согласия? // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: кол. моногр. / Отв. ред. И. Т. Вепрева, Н. А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 151–156.
5. Культурные практики толерантности в речевой коммуникации: кол. моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 595 с.
6. Купина Н. А., Михайлова О. А. Лингвокультурологические проблемы толерантности // Толерантность в современной цивилизации: Материалы междунар. конф. (14–19 мая 2001 г.). Екатеринбург, 2001.
7. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: кол. моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 550 с.
8. Чепкина Э. В. Дифференциация современной российской прессы: дискурсивно-стилистический аспект // Факс. 2006. № 1. С. 63–68.
9. Чепкина Э. В. Дискурсивно-стилистическая дифференциация современной российской прессы // Стилистика сегодня и завтра: Медиаатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах: тезисы Международной конференции. М.: Факультет журналистики МГУ, 2010. С. 103–105.

Inflows of foreign workers into Sverdlovsk Region

In the nearest future immigration in Sverdlovsk region will develop under the influence of depopulation and population ageing processes (See Chart. 1, Tabl.).

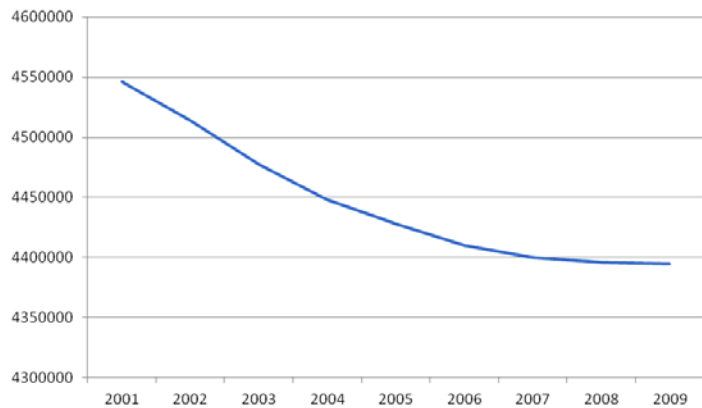

Chart. 1. Total Population of Sverdlovsk Region (number)

* **Наталья Павловна Неклюдова** – аспирант кафедры менеджмента и маркетинга, преподаватель кафедры иностранных языков Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

Age structure of the population (Observed and projected size of age cohorts in Sverdlovsk Region 2005–2030)*

Year	Number (thousands)				Number (thousands)			
	Total	Age cohorts			Total	Age cohorts		
		Under working-age	Working age	Over working age		Under working-age	Working age	Over working age
2005	4428,2	711,4	2811,4	905,4	100	16	63	20
2009	4394,6	686,2	2766,3	942,1	100	16	63	21
2015	4403,9	791,1	2549,0	1063,8	100	18	58	24
2020	4407,6	831,8	2453,8	1122,0	100	19	56	25
2025	4394,5	804,9	2445,1	1144,5	100	18	56	26
2030	4365,9	741,4	2451,9	1172,6	100	17	56	27

Till 2005, the process of depopulation didn't concern working age cohorts. On the contrary, against the descending tendency of general dynamics of the population, number of its working part grew. It was due to favorable parity of incoming and out-going working-age cohorts of last years. This growth ended in 2006. Since then the sharp decline of working-age population has begun. In sum the working-age population loss in Sverdlovsk region will reach more than 300 thousand till 2030. This fact causes necessity of essential increase in immigration as it is impossible to provide adequate growth of labor productivity in a short period of time. As for labor migration then 2/3 of its stream is made by working- age people (See Chart. 2).

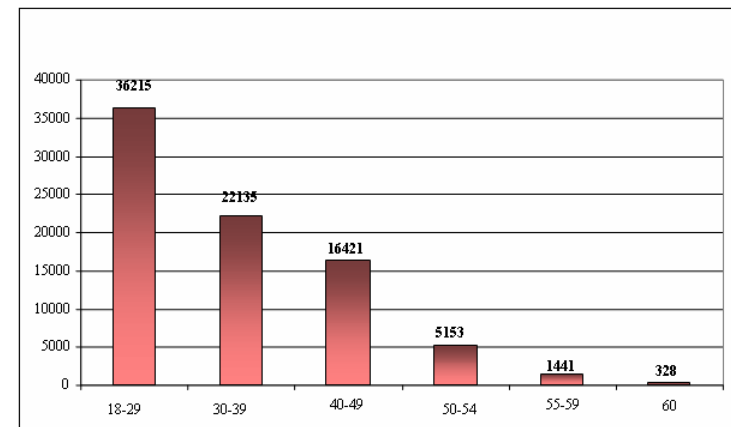

Chart. 2. Age structure of foreign workers in the first half-year of 2009 z.

* Source: Federal State Statistics Service.

In modern Russia the international migration became the significant factor of political, economic and demographic development of the country. Transformation of Russia into the center of forming Eurasian migratory system is *politically* important. Thus the migratory policy of the Russian Federation concerning labor migration influences political stability in a number of the CIS member-states.

The *economic* gain of Russia consists in acquisition of the additional labor mainly qualified, that can help to compensate economic losses from «brain drain» and natural decline in population. In turn, for a number of CIS member-states remittances of migrant-workers are a significant source of currency receipts.

Demographic advantages of immigration to Russia are connected with the fact that in the conditions of demographic crisis the international migration became a unique source of population decline compensation in Russia.

Sverdlovsk region is a large economically developed territory of Russia with high level of the business, cultural and public activity. Due to its geographical position migratory streams of foreign citizens, immigrants and labor migrants from the near abroad and South East Asia cross its territory in their way to Russia and the Western Europe.

Number of involved foreign workers in Sverdlovsk Region has grown from 52845 in 2006, to 111031 in 2009 that is more than doubled for last three years (See Chart. 2).

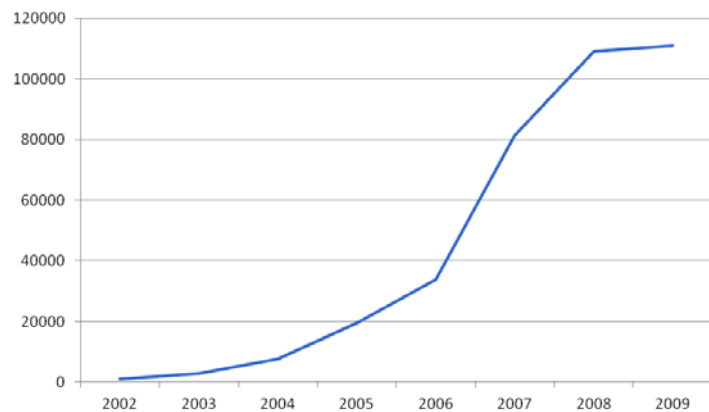

Chart. 3. Inflows of foreign workers into Sverdlovsk Region

The main spheres of foreign labor application in Sverdlovsk Region are construction, transport, customer service, extraction and building trades workers, elementary sales and services, housekeeping and restaurant.

Currently foreign workers from 61 countries including 9 CIS countries (which are the main exporters of foreign workers) work in the territory of Sverdlovsk region.

The share of foreign workers from visa-free countries accounts for 84 %. Among them Tajikistan with about 36, 2 % from the total number of involved workers leads. It is followed by:

Uzbekistan – 28 %,

Kyrgyzstan – 16 %,

China – 12 %,

Democratic People's Republic of Korea – 2 %.

Foreign-born workers work, basically, in large cities of the region such as Yekaterinburg, Nizhni Tagil, Pervouralsk, Kamensk-Uralsky, Berezhovskiy, Serov. The immigrant share of employment in these cities was nearly 9 % in 2009 (in Yekaterinburg it was more than 12 %), while the average share in the region was 5,35 % in the same year.

The problem, however, is that the migratory policy of Russia is guided today only by the migratory offer accessible to Russia and it doesn't develop its own priorities and selective programs of the qualified migration. As a result labor immigration in Sverdlovsk region in unskilled immigration, while the economy of the region also needs skilled labor.

Skilled migrants account for 1, 4 % of total foreign workers, while unskilled migrants – 54, 3 %.

This contradiction underlines an urgency of application of new approaches to the decision of problems of international labor migration and search of effective mechanisms of regulation of migratory streams in the country and subjects.

It is supposed that scientific research of the essence and the structure of labor immigration, studying of experience of foreign systems of immigration regulation can help to solve the contradiction between modern requirements to regulation of international migration and its condition in the Russian Federation.

Clipping as One of the Ways of Forming New Words in Modern Russian (Языковое и культурное пространство постсоветской России)

The history of the Russian language is a popular topic for research, with the result that there are numerous books and articles on the subject. This article focuses on the state of the Russian language at the recent period of its development, and, namely, on one of the ways of forming new words.

Since the collapse of the former Soviet Union, changes in the post-Soviet society and its language took place in front of our eyes. We got access to authentic foreign press, to Western books and original movies, and native English speakers came to teach English at our universities. The influence of English became obvious.

Of course, there were English words in Russian in the Soviet period. However, nowadays we see a completely different type of influence; it is very strong and new words from English are becoming ubiquitous. Many of them are connected with the field of computing. Some of them are used without changes, e. g. upgrade, browser, e-mail, mailbox, provider, hacker, chat, user, etc. Many new words in Russian come from the field of economics too, e. g. coupon, voucher, broker, etc. Post-Soviet countries opened their borders and became a part of a global economy.

Many words are produced in Russian slang every day; they have English roots and Russian affixes, e. g. *mastdait*, which means 'criticize', comes from English *must die* and *smailik* from *smile* (as in *smiley*, the sigh used in e-mails and text messages).

Sometimes we use a common Russian word with a new meaning. For example, *mylo* means 'soap' in Russian, but we say *mylo* in spoken Russian meaning 'e-mail', because *mylo* and e-mail sound similar. Young people's speech is full of English borrowings, including *Wow!*, *cool*, *dance* and others. It should be noted that the Russian language borrows not only words but tendencies as well.

* *Наталья Викторовна Плетнева* – ст. преподаватель кафедры германской филологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

At each stage of language development new tendencies prevail and it won't be an exaggeration to call the 21st century the "age of abbreviations". Recently abbreviations became one of the most productive ways of vocabulary replenishment of many languages. A number of shortened lexical units in the developed languages, according to the dictionaries of abbreviations, makes up tens of thousands of them.

Peculiarities of shortening-formation are in close connection with the structure of a certain language. But the basic peculiarities are deeply tied with the development of language as a social phenomenon. The most formal sign of shortening is their phonetically or graphically motivated relation with full form, because this connection serves an objective criteria of shortening identification.

The study of shortened lexical units has one important peculiarity. In many cases some phenomena, known by the analysis of full form development, reveal themselves in lexico-semantic development of shortenings. But if in full form this changes have been developing through centuries, in shortened forms they manifest in full measure before our very eyes - sometimes during several years or just a few months.

The linguistic analysis of shortened words is complicated by many reasons. On one hand, the problem of studying shortenings is connected with the peculiarities of psychology, stenography, etc. On the other hand, this problem is conditioned by a variety of shortened words.

Often the terminology itself used in connection with this problem is contradictory. It doesn't only hamper the discussion of many questions, but sometimes it is evidence of different approaches to the problem in general. New words in Russian are sometimes formed by dropping syllables or "clipping" older words: *комби* – *комбинезон*, *коне* – *консерватория*, *чел* – *человек*, *бад* – *бадминтон*, *диссер* – *диссертация*.

Clipping refers to the process by which a word of two or more syllables (usually a noun) is shortened without a change in its function taking place. But it would be erroneous to think that a new word is nothing but a shorter form with no linguistic value of its own. The difference between the short and the long word is obviously not one of logical content. The clipped part is not a morpheme in linguistic system (nor is the clipped result, for that matter), but an arbitrary part of the word form. The process of clipping, therefore, has not the grammatical status that compounding, affixation, and zero-derivation have, and is not relevant to the linguistic system itself but to speech.

Clipped forms are usually manufactured from nouns: *бух* – *бухгалтер*, *винт* – *винчестер*, *комп* – *компьютер*, *компра* – *компромат*, *крим* – *криминал*, *мобила* – *мобильник*, *мулт* – *мультифильм*, *опер* – *оперуполномоченный*, *сот* – *сотовый телефон*, *тату* – *татуировка*. Verbs are rarely shortened. Clipped adjectives are comparatively rare as well: *изыск* – *изысканный*, *ординар* – *ординарный*, *примитив* –

примитивный, серьез-серьезный, сумбур – сумбурный, флегма – флегматичный.

Observations of the modern Russian language show that clippings are widely used in the word - stock practically in all spheres of human life activity. But they are particularly frequent in the sphere of the Internet communication and in youth's slang.

In conclusion, it should be mentioned that the Russian language develops and enriches its vocabulary in its own way, but it also absorbs world mainstream tendencies.

*O. G. Sidorova**

Teaching English in Contemporary Russian School: Achievements and Challenges

Comparing the English-language proficiency of a Soviet high school graduate with that of an average post-Soviet contemporary high-school graduate, applying for a University, we can clearly see several points of difference. While some of them are really positive, the others are more dubious, and there are several losses, which should be taken into consideration. The observations and conclusions are primarily based on more than a decade administrating the entrance examinations campaign at the Ural State University, Yekaterinburg, as well as on the Unified State Examination (EGE) analyzing.

The most obvious **positive changes** are explained by the social and political changes in the post-Soviet society:

- Foreign language, and especially English learning motivation has become really high, both students and adult learners alike consider mastering a foreign language to be an important, if not the crucial point in their career and social status development;

- Contemporary Russian high school graduates, especially those living in cities, have good access to the authentic English language materials, which makes the practical aspects of learning English much easier;

- Due to the high availability of English language audio and video media, listening skills have generally improved;

- Communication and speaking skills have reached a higher level compared with that of the high school graduates of the late Soviet period.

The **drawbacks** of the contemporary secondary and high school English language teaching could be described as the negative side effects of its achievements, the following ones being the most widely spread:

- Reading and the full text understanding is not stressed, which results in a lack of comprehension of a complex text structure and meaning;

- The above observation is particularly true with regard to the texts of fiction, since every text of fiction is a special piece of discourse, where much depends on proper understanding not only of the informative

* *Ольга Григорьевна Сидорова* – д-р филол. наук, профессор, завкафедрой иностранных языков Гуманитарного ун-та, завкафедрой германской филологии УрГУ им. А. М. Горького (г. Екатеринбург).

text level, but first and foremost on the background knowledge and the author's subtle techniques, which tests the reader's ability to grasp the implicit message;

- The national cultural perspective (Russian, as this is the case) is totally excluded from English/American course books, and this can slow down foreign language acquisition, since the comparative (linguistic and cultural) elements often prove to be stimulating in language teaching and learning.

One more positive trend in the English language teaching of the early post-Soviet period was connected with high expectations for native speaking English language teachers, who travelled to Russia to teach English.

«ESL/EFL opportunities continue to exist in Russia, despite the economic problems», – the Website inviting foreign teachers to come to Russia declares. «Major language school chains such as International House and Linguarama are a significant presence. There are almost 200 language schools in Moscow alone. Many foreigners do voluntary work through organizations such as GAP Activity Projects, EEP and the Central Bureau. They usually teach in state schools and universities. Business English is a major market now in addition to the usual conversational English. Both children and adults are conscious of the importance of a good knowledge of English. Parents are even ready to pay for good teachers, good English courses, and young learners are ready to spend hours studying English. The knowledge of English may give them an opportunity to get a well-paid job or to enter a prestigious higher educational institution» [1].

Quite often, however, these expectations proved to be unfulfilled. In his profound research in the field, R. Milrood [2] names several reasons why native speakers of English fail as teachers in Russia, defining the chief reason as «their lack of knowledge about the Russian teaching culture» [Ibid].

According to R. Milrood's survey [Ibid], the teaching culture, which can be defined as a part of general national culture, comprises several important spheres, such as traditional organization of a lesson, Russian learners' expectations of teachers and their evaluation of his/her role and Russian teachers' professional beliefs. The lack of knowledge in any of these fields could result – and this is often the case – in a breakdown of class communication, and more importantly, in a poorly developed English skills.

The main problems for Russian foreign language teachers and students can be easily classified into two main groups.

The first group of problems arises from the instability of the existing programs and curricula. The general guidelines of the late 1980s were transformed several times during the following decades, and no clear

and generally approved solution has yet been found. After the presidential election of 2004, a new Minister of Education (A. Fursenko) was appointed. So far, several critical reassessments of the previous educational policy have been pronounced, but no official decisions have been made. According to the Minister's report [3], all Russian schoolchildren will be taught a foreign language course from the second grade, thus foreign language learning becomes one of the curriculum priorities. How this will be financed and implemented, however, is still not clear.

Further problems are embodied in the fact that the majority of schoolteachers «have little opportunities to develop and a limited access to modern Western literature on teaching English» [2]. Generally, since schools get practically very little funding from the state, there is a lack of even the basic necessary equipment (cassette-recorders, portable OHP, VTR sets and flip-charts). This equipment is available only in several privileged central schools sponsored by a number of private foundations and by the parents.

The most crucial point in this respect is the lack of professional and highly qualified teachers. Teacher salaries are ridiculously low, so «there is a mass exodus from the teaching profession of English language teachers in favour of careers in business» [Ibid]. As a result of this ever-growing tendency, «one may find oneself among the teachers without the necessary full professional background and not capable of using the language freely» [Ibid]. English teaching in contemporary Russian secondary and high school classrooms is in transition now.

Much has already been achieved to overcome the Soviet school graduates inability to be able to communicate in English – but there is still much to be done. Some language skills (e. g., close text reading and the interpretation approach) should not be neglected and should be clearly preserved.

It's obvious that without substantial and immediate governmental support (financial and organizational, first and foremost) teaching English in Russian schools will not be able to meet the contemporary requirements. Meeting the needs of Russian students to communicate in English can be thus solved by the integration of the native English teachers' approach with the Russian teachers cultural and professional experience.

Notes and References

1. Teaching in Russia. <http://www.corked.co.uk/russiasample.htm>
2. Millrood R. How Native English Speakers Can Be Better English Teachers in Russia. URL: [tpp://iteslj.org/Articles/Millrood-TeachersInRussia.html](http://iteslj.org/Articles/Millrood-TeachersInRussia.html)
3. Fursenko A. Znanyj mnogo ne byvayet. In: Rossiyskaya gazeta. 09.08.2004. P. 3.

The image of Russia in US press

In today's modern world, «image» is becoming more and more of an issue.

What does the word «image» mean? To put it quite simply, it is the general opinion that most people have on a subject, a concept or an individual. Nowadays everything has its own image, which is usually formed by mass media and advertising: for example, a person, an organization, a company, some product and so on.

Of course, countries and nations are not the exception.

Russia has always had a very specific image in the eyes of western world. Unfortunately in the twenty first century the situation has not changed. In the profile of G8, compiled by BBC journalists this international body is defined as «seven of the world's leading industrialized nations, **and Russia**». It is obvious from this definition that world's leading countries don't consider us as equal partners.

To some extent it's because of us having many faults, the main being our weak economy. Creating a stable positive image requires an economic approach, as economic growth will help improve the country's ability to compete on the international market. A political approach is also of great importance. Unfortunately, Russia is still seen as an aggressor.

It's well known that media are often acclaimed as the «fourth power» in a democracy. They are hailed as the «watch-dogs» of democracy, as an integral force of civil society. What media produce – is important for the public.

I started my research streaming to analyze the linguistic means the press uses to construct the image of Russia, especially in its relations with former Soviet republics. It was in 1991, when the Soviet Union disintegrated creating 15 newly independent states across the Eurasian land.

The analysis proves that most western people don't think any longer that Russia is a big tundra, which is a motherland of Lenin, Stalin, Yuri Gagarin, Matreshka, and Vodka, a country where big brown bears walk along the streets. Russia's image isn't that of clumsy and slow-witted

* Анна Сергеевна Соловьева – соискатель кафедры германской филологии УрГУ, учитель английского языка МОУ гимназия № 99 (г. Екатеринбург).

bear, but to our regret Russia is tied with wild animals, military power and a destroyer of democracy. At the same time many former Soviet republics such as Georgia, the Ukraine, and Baltic republics are viewed as post-authoritarian countries which are building democratic institutions.

That's why when writing about the relations between Russia and the countries mentioned above, Russia is presented as anti-democratic state opposite to new democracies. Let's take for example the military narrative devoted to the Russian-Georgian conflict of 2008. the US newspapers were overcrowded with military lexis, words with denotative and connotative meaning of destroying, pain and sufferings. Thus for example:

- «Besides the Bloody Shooting War Going Between Georgia and Russia, There's Another, Quieter Battle Going on in Cyberspace».
- «It is also criticized Russia for bombing Georgian territory later and allowing South Ossetian forces to loot ethnic Georgian villages for weeks».
- «... villages and civilians were hit...».
- «...scenes of total destruction, with houses pillaged, and many in ruins».
- «We were the last to live».
- «We left behind all the equipment in the hospital and 80 bodies in the morgue».
- «This is where we had to try to save people's lives».
- «...dried blood that splattered the walls behind».
- «empty beds, their sheets badly stained, filled the dark catacomb of rooms...».

Besides Russia was compared to a bear and a wolf:

- «A wounded, angry bear is loose north of here, and it has people terrified».
- «Now with Georgians mauled by the bear in the brief August war».
- «The wolf that ate Georgia».

The contrast of big Russia and small Georgia made people in America and the world think that Russia could start war against any small country:

- «...the brutal giant was flawed...».
- «Russia's New Nationalism».
- «...increasingly assertive Russian government...».
- «...evil empire...».
- «...re-assembled Empire...».
- «Russia wants to turn Georgia into the kind of vassal state».
- «Georgia is too weak».

- «Georgia – a victim of Russian aggression».
- «Big power, small power».
- «Saakashvili said Georgia was too small a country to prevail in a war with Russia».
- «Russia – belligerent power ruthlessly pressing at its border, implacably hostile to democratic neighbors».
- «Georgia is a big power from the Ossetian point of view: a big power that launched a sudden attack on its neighbors. That is where Russia, a really big power, came in and Georgia, suddenly, became a small power again».
- «Russia is a revisionist and aggressive power».
- «Russian hard power».
- «Russia's resurgence».
- «Russian strength».
- «Russia – totalitarian, aggressive and armed to the teeth».
- «...an oil-rich Moscow could not accept retreat from empire and was destined to impose its will on its weaker neighbours by recreating a mini-USSR».
- «It raced the conflict back to the early 90s and the fallout from the collapse of the Soviet Union and accused the Kremlin of abusing its status as a «great power» to coerce «a small and insubordinate neighbour».

The relations between Russia and the Ukraine are widely discussed in US press. The Orange Revolution is treated as one, which was supposed to serve as a post-Soviet model, moving toward a European-style democracy.

The victory of Mr. Yanukovich is described as a triumph for Moscow in its struggle for influence with the West in the former Soviet Union.

The choice of words, metaphors used to describe Russia's attitude to the events in the Ukraine proves Russia has its own aggressive aims and tires to achieve them by all means possible. The victory of president Yanukovich is depicted as a step backward as decline of democratic reforms in the country. Here are some examples from American press:

- «The Kremlin has been infuriated by Ukraine's bid to join NATO»,
- «... the kind of pressure tactics used by his allies in the Kremlin»,
- «Mr. Yanukovich was the loser in the pro-Western Orange Revolution, which erupted when protesters declared that his victory in the 2004 presidential election was tainted by fraud. A new election was organized and Mr. Yanukovich was defeated after his rivals portrayed him as a Kremlin lackey who would govern as an old-style Soviet boss»,
- «Ms. Timoshenko said Mr. Yanukovich was a buffoon who would be controlled by the Kremlin»,

- «Yanukovich personifies the Soviet times, the so-called Red-factory Boss».

US press speckles with articles saying that Yanukovich has more loyalty toward Moscow which proclaims the authoritarian model of life. US media react quickly enough on the changes in Russian-Belarus relations. On the one hand, Mr. Lukashenko's government is described as «the last dictatorship in the centre of Europe», Belarus secret service as the K. G. B. On the other hand, Belarus is presented as a weak, dependent and poor country, which wants to attract not only attention but aid. Russia's aid and Russia's tactics are characterized as «purchased love». The arguments between Russia and Belarus during the so-called 2009 «milk war», «Russia Cuts Deliveries» in 2010 «affectively force Belarussians to their knees», American newspapers run.

The main idea of quite a number of US publications is that Russia punishes its neighbors, former Soviet republics, which don't show obedience to Moscow and seek for their sovereignty. The initial ambition of Russia as seen from US newspapers is to dominate on post-Soviet space, and minds of people living on it.

Mass media are really the watch-dogs of democracy, but some media are definitely the pet-dogs of «the mighty and the wealthy, offering nothing but praise for their masters». On seldom occasions, the media act as fighting dogs. It is a danger for democracy. Analyzing given the image of Russia as it is in US press, I seem to come to the conclusion that both types of dogs exist.

Integrating a polemical discourse in the 21st century communicative language teaching

According to Zygmunt Bauman modern society has created a new and unprecedented setting for individual life pursuits, confronting individuals with a series of challenges never before encountered (see Zygmunt Bauman, *Liquid Modernity*). Studying a foreign language can help adult learners to adapt to an ever changing global economy and prepare them for the new 'literacies' of the 21st century. But for that some new competences should become an integral part of the modern foreign language curriculum.

Interpersonal communication is now more vital than academic usage. It is now important for the learner to be equipped with the command of a foreign language which allows him to express himself in speech or in writing in a much greater variety of contexts. So one of the key goals of language education is acquisition of *communicative competence*: the ability to use the language correctly and appropriately to accomplish communication goals.

Moreover, in knowledge-centered society consumers of text have to weigh and make decisions about trustworthiness of multi-faceted information and cultural or ideological underpinnings of a text. Mere decoding of the text is no longer sufficient. *Interpretative and critical thinking skills* are the new basics of the knowledge-based economy.

New competences call for new strategies in the teaching/learning situation.

In the view of the above-mentioned challenges exposing learners to free discussions (expressing themselves freely) and their involvement in a *polemical discourse* (planned or spontaneous) in a foreign language could be of great value.

Role-playing (simulating) *debates, public discussions, talk show interaction* students learn how to communicate effectively and how to respond to other people's communications, they learn to be flexible and

* Елена Юрьевна Старкова – аспирант по специальности «Теория языка», ст. преподаватель ф-та регионоведов-переводчиков Гуманитарного ун-та (г. Екатеринбург).

adaptable – to be constantly ready and willing to change tactics at short notice.

Furthermore, the study and analysis of a discourse in a foreign language especially an interaction where people attack or defend some doctrine or belief leads to the attainment of important *life skills*. Because students learn to deal with unfamiliar cultural ideas, they learn to effectively handle new situations. It also improves an adult learner's ability to understand and communicate with people from a variety of cultural backgrounds.

Finally, involvement in a polemical discourse in a foreign language plays an important part in *education towards cooperation and empathy* the importance of which can hardly be overestimated in 'a society of individuals' we live in.

Employing a polemical discourse as a part of communicative language teaching is challenging. Communicative competence is a complicated phenomenon; it is made up of four competence areas:

1. *linguistic*: words and rules
2. *sociolinguistic*: appropriateness
3. *discourse*: cohesion and coherence
4. *strategic*: appropriate use of communication strategies.

Thus providing the students with some appropriate language tools (e. g. expressions of agreement/disagreement) is only one of the aspects to it.

It is really important to expose the learners to some 'model' discourses (e. g. talk shows on TV) and *analyze* the communicative events in terms of their components (the genre, spontaneity of speech, the role of the host or the Speaker, time-limit and some other) and the communicative tactics employed.

References

1. Бауман З. Текущая современность / Пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008.
2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург: Из-во Урал. ун-та, 2001.
3. Седов К. Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004.
4. Savignon S. Communicative Language Teaching: Linguistic Theory and Classroom Practice. URL: <http://yalepress.yale.edu/yupbooks/pdf/o300091567.pdf>

Научное издание

**20 лет постсоветской России:
кризисные явления
и механизмы модернизации**

**Материалы XIV Всероссийской научно-практической
конференции Гуманитарного университета
19–20 апреля 2011 года**

Том первый

Редакторы:

А. В. Гоштейн, С. В. Фельдман

Компьютерная верстка:

Т. В. Архиповой, В. В. Курьянович

Подписано в печать 01.04.2011. Формат 60х90/16.
Бумага для множит. аппаратов. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 42,33. Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет

620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, 19

Лицензия № 8966 от 18.06.2007

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «ИРА УТК»
г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.